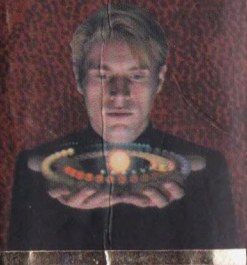

В
Ж

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
ЖЕЛАЗНЫ

ДВЕРИ
В ПЕСКЕ

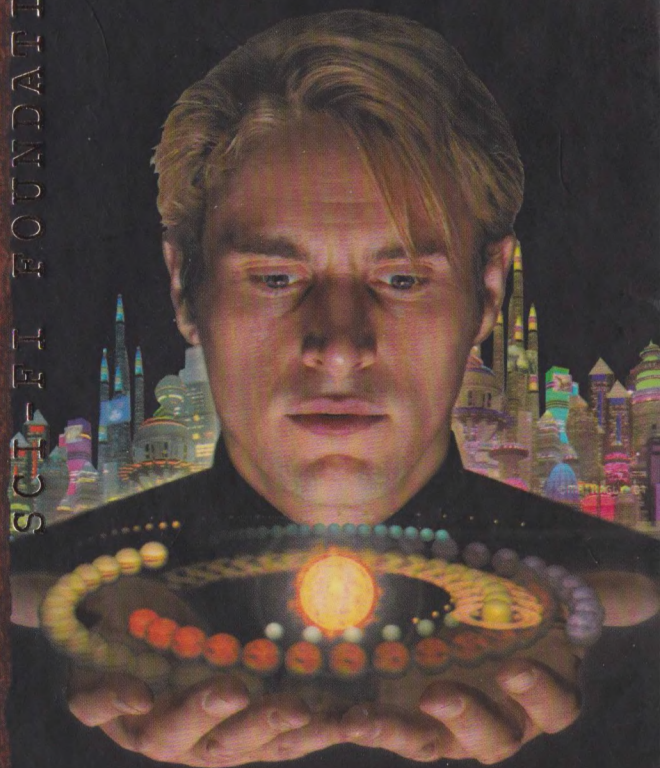

Весь

ЖЕЛАЗНЫ

ДВЕРИ В ПЕСКЕ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Весь
ЖЕЛАЗНЫ

Весь
ЖЕЛЯЗНЫ

**ДВЕРИ
В ПЕСКЕ**

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

ДВЕРИ
В ПЕСКЕ

Москва

2005

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Ж 50

Roger ZELAZNY

A NIGHT IN THE LONESOME OCTOBER

Copyright © 1993 by AvoNova Book William Morrow and Company, Inc

DOORWAYS IN THE SAND

Copyright © 1976 by Roger Zelazny

ROADMARKS

Copyright © 1979 by Roger Zelazny

A DARK TRAVELLING

Copyright © 1987 by Byron Preiss Visual Publications, Inc

Text copyright © by The Amber Corporation

THE DREAM MASTER

Copyright © 1966 by Roger Zelazny

Составитель *В. Секачев*

Оформление серии художника А. Саукова

Серия основана в 2003 году

Желязны Р.

Ж 50 Двери в песке: Фантастические произведения / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 832 с. (Отцы-основатели. Весь Желязны).

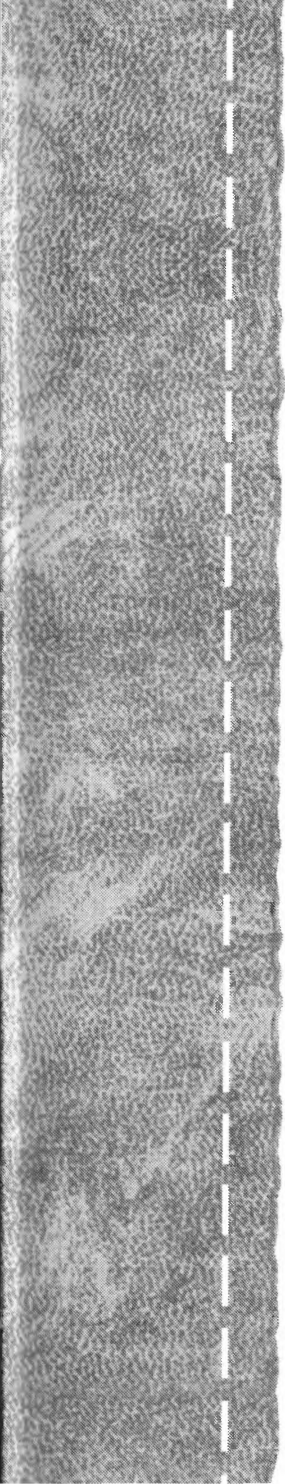
ISBN 5-699-04480-9

В этот том, которым открывается собрание сочинений знаменитого американского писателя-фантаста Роджера Желязны (1937—1995), вошли произведения, раскрывающие многогранность писательского дарования автора: классическая НФ, городское фэнтези, иронический «готический роман». Они относятся к различным поджанрам фантастической литературы, но написаны с исключительным мастерством и читаются с неизменным интересом.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Перевод. М. Воронежская, В. Гольдич, А. Жикаренцев,
В. Карташова, И. Оганесова, В. Симонов, 2003
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003

ISBN 5-699-04480-9

**НОЧЬ
В ОДИНОКОМ
ОКТЯБРЕ**

*Посвящается:
Мэри Шелли, Эдгару Аллану По,
Брэму Стокеру, сэру Артуру Конан Дойлу,
Говарду Филипсу Лавкрафту,
Рэю Бредбери, Роберту Блоху,
Альберту Пэйсону Терхьюну
и создателям добрых старых фильмов —
с искренней благодарностью*

Я — сторожевой пес. Зовут меня Снафф. Сейчас мы вместе с моим хозяином Джеком живем неподалеку от Лондона. Я просто обожаю ночной Сохо с его зловонными туманами и темными переулочками. В это время суток жизнь там затихает, и вот тогда появляемся мы. Давным-давно на Джека было наложено проклятие, и теперь большую часть своей работы он должен выполнять по ночам, чтобы не случилось нечто совсем ужасное. Пока он занимается своими делами, я стою на стреме. А если вдруг кого замечаю, начинаю выть.

Собственно говоря, мы — хранители даже нескольких проклятий, и наша работа очень и очень важна. Я, например, должен еще сторожить Тварь-в-Круге, Тварь-в-Гардеробе и Тварь-в-Паровом-Котле, не говоря уже о Тварях-в-Зеркале. Когда они пытаются вылезти, тут-то и вступаю в дело я — дом превращается в один из кругов Ада. Но они боятся меня. Не знаю, правда, что б я делал, реши они выбраться наружу одновременно. Но работенка не пыльная, хотя порывивать приходится частенько.

Время от времени я приношу Джеку разные вещи: волшебную палочку или большой нож с выгравированными на лезвии древними письменами — я всегда знаю, где и когда могут потребоваться ему все эти штуки, потому что основная моя работа заключается в том, чтобы внимательно наблюдать за ходом событий и все знать. Мне по душе быть сторожевым псом, это куда лучше моего прежнего обличья, которое я носил в те времена, когда Джек вызвал меня к себе и поставил на эту должность.

Вот так мы и идем — Джек и я, — и все остальные псы шарачаются от меня. Правда, иногда я и сам не прочь по-

болтать с кем-нибудь о сторожах да их хозяевах, но хорошенько припугнуть их — это только на пользу.

Однажды ночью, когда мы заглянули на кладбище, ко мне подковылял старый сторожевой пес, и мы разговорились.

— Привет. Я сторожевой пес.

— И я тоже.

— Я давно уже слежу за тобой.

— А я — за тобой.

— Зачем твой человек роет большую яму?

— Там, под землей, находятся кое-какие штучки, которые могут ему пригодиться.

— А... Только мне почему-то кажется, что этого делать не разрешается.

— Могу я увидеть твои зубы?

— Вот. Пожалуйста. А можно взглянуть на твои?

— Разумеется.

— Думаю, все будет в порядке. Как ты считаешь, можно будет устроить так, чтобы где-нибудь поблизости появилась вдруг косточка посочнее?

— По-моему, это без труда можно будет организовать.

— Вы — те самые, что забредали сюда в прошлом месяце?

— Нет, тогда были конкуренты. В то время мы затоварились в другом месте.

— У них сторожевого пса не было.

— Никуда не годится. А твои действия?

— Лаял, пока глотки хватало. Они перепугались и убежали.

— Недурно. Стало быть, весьма возможно, что мы все еще впереди.

— Давно со своим человеком?

— Целую вечность. А ты-то давно кладбищенский пес?

— Всю свою жизнь.

— Ну и как?

— Жить-то как-то надо, — ответил он.

Джеку для своей работы требуется масса ингредиентов, так как скоро намечается одно весьма значительное событие. Но все по порядку.

1 октября

Сделал пару кружков по дому. Тварь-в-Круге изменила свое обличье, превратившись наконец в весьма привлекательную и оч-чень соблазнительную собачку. Но я-то не дурак и в Круг кидаться не стал. Да и с запахами у Твари были пока явные нелады.

— Недурно вышло, — поведал я ей.

— Ты свое еще получишь, шенок, — огрызнулась Тварь.

Я проследовал мимо нескольких зеркал. Твари, заключенные в них, что-то бормотали и тихонько шебаршились.

Я продемонстрировал им клыки, и они тут же ушебаршили.

Тварь-в-Паровом-Котле гулко застучала по стенам, зашипела и расплевалась, стоило мне показаться поблизости.

Я сердито заворчал. Она в ответ что-то пшикнула. Я рывкнул. Она заткнулась.

Затем я поднялся на чердак, проведать Тварь-в-Гардеробе. Когда я вошел, она царапалась в стенки, но только я приблизился, как она мгновенно замолкла.

— Ну, как там, внутри? — осведомился я.

— Было бы куда лучше, если б кто-нибудь был любезен повернуть своими лапками ключик.

— Для тебя, может быть, и лучше.

— Я могла бы натаскать тебе целую кучу сахарных косточек — огромных, свежих, сочных, со здоровыми кусками мяса на них.

— Только что откушал, благодарствую.

— Так что ж тебе надо?

— От тебя — ничего такого.

— В общем, так: я хочу выйти отсюда. Подумай там, во что это мне обойдется, и давай обсудим условия.

— Вскоре твое желание исполнится.

— Не люблю ждать.

— Крутехонько.

— Да уж, псина, покруче некоторых.

— Ц-ц-ц.

Тварь, используя куда более грубую лексику, перешла на личности, поэтому я удалился.

Я спустился вниз, на первый этаж, пересек библиотеку,

вдыхая по пути запахи заплесневелых фолиантов, ладана, специй, трав и прочих крайне занимательных диковинок, и выбрался в гостиную. Там я улегся у окна и уставился на дневной свет. Сторожил, естественно. Такая у меня работа.

2 октября

Прошлой ночью мы отправились на прогулку и в дальнем поле откопали корень мандрагоры. Растут такие корни только в местах, где когда-то было совершено убийство, но к данному случаю мы были абсолютно не причастны. Хозяин завернул мандрагору в шелк и, не медля ни секунды, напрямик направился домой, где сразу удалился к себе. Чуть позже я услышал, как он добродушно пререкается с Тварью-в-Круге. У Джека длинный список ингредиентов, и все должно происходить в полном согласии с графиком.

Крадучись, мягко ступая на подушечки лапок, к дому подобралась кошка, Серая Дымка. Обычно я ничего не имею против котов, кошек ли. Ну, я хочу сказать: либо я трогаю их, либо оставляю в покое. Но Серая Дымка принадлежит Сумасшедшей Джилл, что живет на холме по пути к городу, и, естественно, вынюхивала Серая Дымка своей хозяйки ради. Я рыкнул, давая понять, что ее засекли.

— Раненько сторожим, о преданный Снафф, — прошипела в ответ она.

— Раненько шпионим, Дымка, — откликнулся я.

— У каждого своя работа.

— Именно.

— Значит, началось...

— Началось.

— Ну, и как все идет?

— Пока нормально. А у вас как дела?

— Все так же. Думаю, сейчас проще спрашивать вот так, напрямик.

— Но в кошках затаена подлость, — добавил я.

Она вскинула мордочку, подняла лапку и внимательно изучила ее.

— Таиться порой так приятно.

— Кошкам, — опять-таки подметил я.

— И, кроме того, немало полезного можно узнать.

— Например?..

— Я не первая из тех, кто заглянул сюда сегодня. Мой предшественник оставил следы. Известно ль тебе это, о верный страж?

— Нет, — ответил я. — И кто это был?

— Филин, Ночной Шорох, спутник Морриса и Мак-Каба. Я заметила его, когда он спасался бегством, завидев рассвет, и нашла перышко на заднем дворе. А перышко то было помечено прахом с мумии — специально, чтобы нагнать на тебя лихорадку.

— Почему ты все это мне рассказываешь?

— Вероятно, потому, что я кошка и мне доставляет удовольствие ходить самой по себе, кроме того, я оказываю тебе добрую услугу. Я заберу то перо с собой и оставлю у них под окном, в гуще кустарника.

— Прошлой ночью, после обычной прогулки, я побродил немного по окрестностям, — сказал я. — И побывал у твоего дома, за холмом. Там я видел Ползца, черного змея, что живет в брюхе у этого сбрендившего монаха Растова. Он терся о ваш дверной косяк, разбрасывая свои чешуйки.

— Ага! Ну, а ты почему говоришь мне это?

— Всегда глачу свои долги.

— Среди таких, как мы, не существует понятия долга.

— Это только между мной и тобой.

— Ты странный пес, Снафф.

— А ты странная кошка, Серая Дымка.

— Как и полагается, осмелюсь заметить.

И она растворилась в тенях. Как ей и полагалось.

3 октября

Прошлой ночью мы снова вышли на обычную прогулку — хозяин охотился. Перед выходом он запахнулся в свой плащ и сказал мне:

— Снафф, апорт!

По тому, как он произнес это, я сразу понял, что сегодня ему понадобится клинок. Я принес ему нож, и мы оку-

нулись в ночь. На этот раз удача изменила нам. Ну, не совсем: он все равно добыл все необходимые ингредиенты, ради которых, собственно, и был затеян весь нынешний поход, но только подняв приличный шум и по прошествии значительного времени. Когда уже все близилось к завершению, нас засекли. Я пролаял предупреждение, и нам пришлось спасаться бегством. Затем последовала долгая погоня, которая продолжалась до тех пор, пока я наконец не отстал немножко и не тяпнул одного из наших преследователей за ногу. Так нам удалось спастись, сохранив все ингредиенты. Уже потом, умываясь, Джек сказал мне, что я замечательный сторожевой пес. Я был очень горд.

А немного спустя он выпустил меня побродить по округе. Я проверил жилище Растова — в окнах темно. «Наверное, шастает где-нибудь», — подумал я. Лежа под кустом у дома Сумасшедшей Джилл, я слышал, как она что-то бормочет внутри, периодически обращаясь к Серой Дымке. Они уже вернулись со своей вылазки. Метла, оставленная у заднего крыльца, была еще теплой.

Особенно осторожно я подбирался к дому Морриса и Мак-Каба. Ночь — самое благоприятное время для Ночного Шороха, поэтому он может оказаться где угодно.

Я услышал тихое хихиканье с обнаженных ветвей ближней от меня вишни. Я втянул в себя воздух, но запаха Шороха, обычно очень сильного и сразу бьющего в нос, не почувствовал. Зато учуял кое-что другое.

До меня снова донесся тихий смешок — настолько тихий и на такой высокой ноте, что человеческое ухо даже не уловило бы его.

— Кто там? — спросил я.

На дереве развернулся комочек сухих листьев, обрушился вниз и заметался вокруг моей головы с умопомрачительной скоростью.

— Еще один, кому не спится в ночи, — прозвучал тоненький голосок.

— Похоже, народу все прибавляется и прибавляется, — заключил я. — Можешь звать меня Снафф. А тебя как зовут?

— Игл, — ответил он. — Кому ты служишь?

— Джеку, — откликнулся я. — А ты?

— Графу, — сказал он.

— Ты, случаем, не в курсе: Моррис и Мак-Каб добыли свои ингредиенты?

— Да, — просвистел он. — А ты не знаешь, та сумасшедшая нашла, что искала?

— Ничуть в этом не сомневаюсь.

— Значит, она на голову нас опережает. Хотя еще рано вато что-либо утверждать...

— Когда Граф присоединился к Игре?

— Две ночи назад, — ответил мой собеседник.

— И сколько теперь получается игроков?

— Уж не знаю, — свистнул он, затем взмыл ввысь и исчез.

Вот так, все запуталось еще больше, а я даже не имею ни малейшего понятия, открывающие они или закрывающие.

Возвращаясь домой, я вдруг почувствовал, что за мной наблюдают. Но кто бы это ни оказался, он был, безусловно, хорош, очень хорош. Я никак не мог засесть его и потому пошел самой длинной дорогой. Чуть позже он наконец отстал, последовав за кем-то другим. А я поспешил домой докладывать о случившемся за этот вечер.

4 октября

Дожливый день. И ветреный к тому же. Я накручиваю круги по дому.

— Здорово, Кабысдох.

— И вам того же.

— Привет, Твари.

Шури, шури.

— Как насчет того, чтобы выпустить меня?

— Ага, сейчас.

— Мой день еще придет.

— Но сегодня, увы, день не твой.

Все как обычно. Все вроде бы в порядке.

— Как насчет колли? Нравятся рыженькие?

— Ты так ничему и не научилась. Бывай.

— Сукин сын!

Я проверил все окна и двери изнутри, а затем выскользнул через черный ход — там у меня есть маленькая дверца — во двор. Мой хозяин, Джек, еще спал или отдыхал в полумраке своей комнаты. Я снова проверил все, только на этот раз снаружи. Никаких сюрпризов не обнаружил, по крайней мере сюрпризов того рода, которые мы намеренно обсуждали с Серой Дымкой. Зато наткнулся на кое-что другое — на отпечаток лапы, размером побольше моей, за деревом, что рядом с домом. Прилагающийся запах и остальные следы смыло дождем. Я забежал подальше в поле, выискивая какие-нибудь свидетельства пребывания непрошеного гостя, но так ничего и не нашел. Старик, живущий неподалеку от нас, вышел во двор и теперь маленьким блестящим серпом собирал омелу. На плече его устроилась молоденькая белка. Так, еще один новенький.

Просунувшись сквозь изгородь, я окликнул бельчонка:
— Вы тоже принимаете участие в Игре?

Тот прыгнул на другое плечо старика и уставился на меня.

— А кто спрашивает? — прострекотал он.

— Зови меня Снаффом, — ответил я.

— А я — Трескун. Да, думаю, да. Все вот-вот — быстрее, быстрее.

— Открывающие, закрывающие?

— Невежливо! Невежливый вопрос! Знаешь сам!

— Просто подумал, дай попробую. Вдруг вы новички?

— Не настолько глупы, чтобы что-то выдавать. И покончим с этим.

— Покончим так покончим.

— Погоди. А в Игре участвует такой черный змей?

— Теперь уже ты просишь меня выдать тебе информацию. Но да, участвует. Ползец. И остерегайся его. Его хозяин чокнутый.

— Как, впрочем, и все остальные.

Мы дружно хмыкнули, и я тихонько сгинул.

Тем вечером мы снова отправились по своим делам. Мы перешли через мост и долго-долго брели по городу. Суровый сыщик и его компаньон-толстячок шатались все время поблизости, последний до сих пор прихрамывал, поми-

ная, наверное, недобрым словом приключившееся прошлой ночью. Мы дважды миновали их в тумане. Но в ту ночь Джек прихватил с собой волшебную палочку. К полуночи мы пробрались в самый центр города, там Джек вытянул над собой палочку и стал ждать, когда часы на ратуше пробьют двенадцать: в ту самую секунду он должен был поймать какой-то определенный лучик звездного света в хрустальный пузырек. И вот жидкость в бутылочке замерцала красноватым оттенком, когда где-то вдалеке раздался вдруг громкий вой. Не из наших — точно. Я вообще сомневался, что пес способен так реветь. Но на языке моего народа прозвучало одно-единственное слово — долгое, протяжное «Пропа-а-ало-о!». Шерсть у меня на загривке мигом стала дыбом.

— Что ты рычишь, друг мой? — спросил Джек.

Я тряхнул головой. Я не был уверен в своих мыслях.

5 октября

Я позавтракал в потемках и прошел дозором по дому. Все было в полном порядке. Хозяин мой почивал, поэтому я вылез во двор и решил проведать соседей. Ночь царила на земле, и до появления солнца было еще далеко.

Я обошел холм, приблизившись к жилищу Сумасшедшей Джилл. Дом был погружен во тьму и покой. Тогда я повернул к ветхому домишке Раствова. Только я развернулся, как тут же почуял запах и сразу обнаружил его владелицу. На садовой стене недвижно лежал небольшой клубочек.

— Серая Дымка! — окликнул я. — Спишь?

— Никогда крепко не засыпаю, — донесся до меня ее голосок. — А вздремнуть даже полезно. А ты что бродишь, Снафф?

— Так, проверяю одну мыслишку, которая недавно у меня возникла. Правда, непосредственно ты или твоя хозяйка здесь ни при чем. А сейчас я направляюсь к Раствова.

Она бесшумно кинулась со стены. Мгновение — и вот она уже стоит рядом со мной. Я заметил, как в глазах ее сверкнула желтая искорка.

— Пожалуй, прогуляюсь вместе с тобой, если это не что-то такое сверхсекретное.

— Что ж, пойдем.

Мы пустились в путь. Спустя некоторое время я спросил:

— Как, все тихо?

— У нас — да, — ответила она. — Но я слышала, что давеча в городе случилось еще одно убийство. Ваша работа?

— Нет. Мы были в городе, но совсем по другому делу. А тебе откуда про это известно?

— Ночной Шорох пролетал. Мы поговорили чуть. Он летал через реку, в город. Человек был разодран на части, словно каким-то жутким псом. Я сразу подумала о тебе.

— Нет, с такими вопросами не ко мне, — возразил я.

— И это не первый и не последний случай, ибо и прочие выходят на охоту за своими ингредиентами. Люди начнут сторожиться, а улицы будут лучше патрулироваться, пока не произойдет то самое.

— Ты права. А жаль.

Мы добрались до дома Растова. Внутри горел крошечный огонек.

— Позднехонько работает.

— Или наоборот, спозаранку.

— Ага.

Мысленно я еще раз провел линию от моего дома к Растову, потом повернулся и через поля побежал к старой ферме, где обитали Моррис и Мак-Каб. Серая Дымка последовала за мной. Над головой полз обгрызанный диск луны. По небу скользили облака, сквозь них просвечивали огоньки звездочек. Глаза Серой Дымки вспыхнули.

Достигнув наконец пункта своего назначения, мы замерли посреди высокой травы. Окна светились изнутри.

— Еще работнички, — заметила Дымка.

— Кто? — раздался с крыши амбара голос Ночного Шороха.

— Ответить?

— А почему бы и нет? — сказал я.

Она представилась. Я буркнул свое имя. Ночной Шорох снялся с насеста, сделал над нами пару кругов и приземлился рядом.

— Вы знаете друг друга, — заметил он.

— Мы знакомы.

— Что вам здесь нужно?

— Мне хотелось бы задать тебе несколько вопросов касательно того убийства в городе, — ответил я. — Ты видел его?

— Только после того, как оно случилось и было обнаружено тело.

— Значит, никого из наших ты поблизости не заметил?

— Нет. Если это вообще было делом рук кого-то из нас.

— А сколько нас всего, Шорох? Ты можешь сказать мне?

— Не знаю, можно ли делиться подобными знаниями. Вполне возможно, что это нежелательно.

— Ну, может, тогда договоримся? Мы перечислим тебе всех, кого знаем. Если среди них найдется кто-нибудь, неизвестный тебе, тогда ты, в свою очередь, назовешь нам кого-нибудь, кого не знаем мы, — если, конечно, сможешь.

Он пару раз в раздумье завернул голову за спину, а затем произнес:

— Вроде все честно. Это сэкономит всем нам уйму времени. Договорились. Вам известно, кто мои хозяева, мне известны ваши. Стало быть, четверо.

— Затем идут Растов с Ползецом, — вступила в разговор Серая Дымка. — Уже пять.

— Их я знаю, — кивнул Шорох.

— Еще старик, тот, что живет прямо рядом со мной, у дороги, такой, с друидскими наклонностями, — сказал я. — Я видел его, когда он серпом жал омелу, и у него есть друг — бельчонок по имени Трескун.

— Да? — в раздумье молвил Ночной Шорох. — Вот об этом я еще не слыхивал.

— Старика зовут Оуэном, — подтвердила Дымка. — Я следила за ними. Теперь шесть.

— Вот уже три ночи подряд невысокий горбатый человечек объезжает кладбища. Я засек его, когда совершал облет. Две ночи назад в полную луну я проследил за ним. Он сvez добычу на большую ферму к югу отсюда — дом с

кучей громоотводов, над которым постоянно бушует буря. И передал все из рук в руки высокому статному мужчине, величая его не иначе, как «Дорогой Доктор». Таким образом, всего семь, а может, даже восемь.

— Ты можешь показать нам этот дом? — спросил я.

— Следуйте за мной.

Так мы и поступили. После долгой дороги мы прибыли к упомянутой ферме. В подвале светились огоньки, но окна были плотно зашторены, так что нам никак было не увидеть, чем там занимается Дорогой Доктор. Однако в воздухе витали запахи смерти.

— Благодарю тебя, Шорох, — сказал я. — Есть у тебя еще кто?

— Нет. А у вас?

— Нет.

— Тогда можно сказать, мы остались при своих.

Он раскинул крылья и поспешил в ночь.

Пока я ползал под окнами, принюхиваясь, я в уме провёл черту от Морриса и Мак-Каба к этому дому, потом от него к хижине Сумасшедшей Джилл, к моему дому, к Оуэну, от Оуэна ко всем остальным... Сложно было одновременно удержать в уме все эти перекрестья.

За окном сверкнула яркая вспышка и раздался треск, я приник к земле. Мгновение спустя до меня донеслись запах озона и раскаты дикого хохота.

— Да, к этому месту стоит приглядеться, — заметила Серая Дымка, вдруг ни с того ни с сего очутившись высоко на ветке ближайшего дерева. — Ну что, на сегодня хватит?

— Да.

Мы потрусили назад, я проводил ее до дома Джилл — знак вежливости. Она взобралась на стену и вновь погрузилась в свои кошачьи грезы. Когда же я вернулся домой, то обнаружил еще один отпечаток чьей-то лапы.

6 октября

Пережил несколько чрезвычайно волнующих мгновений. Сегодня утром услышал треск зеркала. Мигом я сорвался с места и, затормозив перед Тварями, поднял адс-

кий вой и лай, не давая шуршалам вырваться на свободу. Джек услышал шум, прихватил свою мирскую волшебную палочку и перевел всех Тварей в другое зеркало — ни дать ни взять сам Желтый Император собственной персоной. Это зеркало было поменьше прежнего, что могло бы преподать шуршалам хороший урок, да вряд ли. Мы так и не пришли к единому мнению, как они сумели выбраться. Скорее всего долго давили на какую-нибудь крошечную трещинку. Хорошо хоть, меня они боятся.

Джек снова удалился к себе, а я вышел на улицу. Сквозь серые и белые тучки ярко сияло солнце, и только в дуновении ветерка чувствовались бодрящие ароматы осени. Всю ночь я составлял в голове схему. То, что явилось адской работенкой для меня, не составило бы никакого труда для Ночного Шороха, Игла и даже, наверное, Трескуна. Крайне сложно прикованному к земле существу так четко и полно представить себе всю окружающую местность, как это пытался сделать я. Но все-таки я умудрился соединить линиями каждый из наших домов друг с другом. В результате получилась довольно-таки путаная диаграмма с единой внешней каймой и пересекающимися внутри лучами. И как только я получил эту фигуру, сразу же смог сделать для себя некоторые выводы, оставив, таким образом, всех остальных позади. Правда, картина была не совсем полной: я еще ничего не знал о месте обитания Графа, а также всех остальных игроков, которые пока ускользали от моего внимания, если, конечно, таковые вообще существовали.

Тем не менее можно было хорошо потешиться и с этим, попытаться хоть приблизительно оценить расклад.

Я рысцой тронулся в путь.

Проследовав через двор и поле, я свернул на узкую тропинку, по которой некоторое время бежал, никуда не сворачивая. Добравшись до приблизительного местонахождения искомого объекта, я остановился. Слева возвышались несколько огромных древних деревьев, справа шумела рощица. То самое место, которое я столь тщательно вычислял по составленной в уме карте, к сожалению, находилось прямо посреди дороги. Только представьте себе, посреди

самой дороги, даже не на каком-нибудь паршивом перекресточке!

Ближайшее строение выслось справа и в нескольких сотнях ярдов позади, в той стороне, откуда я пришел. Дом был обитаем, в этом я ничуть не сомневался, зная парочку его старых хозяев, которые частенько кормили пташек, работали в саду и каждый субботний вечер, когда старик, пошатываясь, возвращался из паба, проводили в ссорах и раздорах. Я и до нынешнего дня пару раз обследовал эту область и не заметил никаких подозрительных знаков, по которым можно было бы судить, вовлечены ли старики в Игру.

В общем, так или иначе, я все равно решил присмотреться к окрестностям. Но, рыская по сторонам дороги, вдруг услышал знакомый голос:

— Снафф!

— Шорох! Ты где?

— Прямо над тобой. В этом дереве есть дупло. Поддержался на рассвете. Вот и пришлось спрятаться сюда от дневного света. Такое впечатление, будто наши расчеты сошлись, я не ошибся?

— Да, похоже, мы провели одни и те же линии.

— Но это не может быть тем самым местом.

— Конечно, нет. Это просто центр того образа, который мы имеем на данный момент, однако как вариант он никуда не годится.

— Стало быть, наш образ неполон. Но нам это и так известно. Мы еще не знаем, где обитает Граф.

— И это только в случае, если, кроме него, никто к нам больше не присоединился. Все должно свершиться в центре того образа, который создадим мы сами.

— Верно. И что нам теперь делать?

— Ты не мог бы проследить Игла до прибежища Графа?

— Летучие мыши чертовски ловки.

— У меня-то вообще ничего не получится. Думаю, и Серая Дымка здесь бессильна.

— Ты абсолютно прав. И, кроме того, никогда не доверяй кошкам. Если они на что и годятся, так только на струны для теннисных ракеток.

— Так ты попробуешь выследить Игла или нет?

— Перво-наперво надо будет еще найти этого маленького ублюдка. Но да, я послежу за ним сегодня ночью.

— Дашь мне знать, если что найдешь?

— Подумаю над этим.

— Я могу тебе еще пригодиться: вдруг тебе что потребуется в дневное время суток?

— Опять ты прав. Ладно, договорились. Интересно, а почему игроки всегда располагаются неким образом вокруг центра мироздания?

— А черт его знает, — ответил я.

Я вернулся домой и, пройдя мимо сидевших в зеркале Тварей, — теперь их обиталище располагалось неподалеку от входной двери, — рыкнул на них, так, для профилактики, давая знать, что я все еще поблизости. Тварь-в-Паровом-Котле сегодня вела себя тихо. Твари-в-Гардеробе я приказал заткнуться. Она так колотилась в стены, что аж весь дом ходуном ходил. Мне даже пришлось несколько раз рывкнуть, чтобы немножко остудить ее пыл.

Внизу, в погребе, Тварь-в-Круге превратилась в пекинеса.

— Тебе нравятся маленькие девочки? — спросила она. — Давай, возьми меня, большой парень.

От нее до сих пор несло больше Тварью, нежели собакой.

— Да, с мозгами у тебя явно напряженка, — подметил я.

Пекинес показал мне в спину средний коготь — у меня бы так никогда не получилось.

7 октября

Прошлой ночью мы снова отправились на поиски некоторых ингредиентов для Великого Дела. Стоял густой туман, а улицы кишмя кишели патрульными. Это нас вовсе не остановило, хотя, безусловно, усложнило задачу. Но вот, подобно молнии, блеснуло лезвие моего хозяина, в ужасе закричала женщина, а в наших руках остался кусок ее одеяния. На бегу мы миновали Великого Сыщика, а я как бы между делом опять цапнул его напарника, чья хро-

мота теперь не позволяла ему с прежней грацией уворачиваться от шелкающих клыков.

Когда мы перебрались через мост, Джек развернул кусок ткани и внимательно изучил его.

— Просто замечательно. Он действительно зеленого цвета, — отметил он.

С чего вдруг в его перечень входил какой-то кусок зеленого плаща, надетого на рыжеволосой леди именно сегодня и именно в полночь, и почему отрезать его надо было, пока плащ тот был еще на своей хозяйке, я, говоря честь по чести, и сам точно не знал. Магические ритуалы порой изумляют меня ничуть не меньше, чем, допустим, предписания для облавы на сумасшедших мусорщиков. Между тем Джек был счастлив, и я вместе с ним.

Много позже, после долгих, окончившихся полной неудачей розысков Ночного Шороха, я наконец возвратился домой и уже устраивался подремать в гостиной, как вдруг услышал тихий царапающий звук где-то в дальней половине дома. Я наострил уши. Тихо. Я мигом стряхнул с себя сон и отправился на разведку.

В кухне было пусто, в кладовой тоже. Я завернул за угол.

У двери в переднюю я вдруг почуял чужой запах. Я замер на месте и огляделся по сторонам, прислушиваясь. И в этот миг краем глаза засек какое-то едва уловимое движение — у пола, впереди и немного справа.

Он сидел перед зеркалом, с восхищением разглядывая шуршал. Я затаил дыхание и потихоньку двинулся вперед. Приблизившись настолько, что мог поймать его одним коротким броском, я сказал:

— Надеюсь, последние мгновения твоей жизни были достаточно занимательными.

Он подскочил на месте, но я уже прижимал его к полу, надежно ухватив зубами за шкуру, — моим гостем оказался большой черный крыс.

— Погоди, погоди! Я все объясню! — проговорил он. — Снафф! Ты Снафф! Я здесь, чтобы повидаться с тобой!

Я спокойно ждал, не слишком сжимая зубы, но в то же время не отпуская хватки. Поворот моей головы — и звоночник крыса тут же был бы переломан.

— Мне Игл рассказывал о тебе, — продолжал он. — А Трескун подсказал, где найти тебя.

Я не мог ничего ответить, так как рот мой был занят. Поэтому я продолжал ждать.

— Трескун сказал, что ты достаточно рассудителен, и мне сразу захотелось поговорить с тобой. Во дворе никого не было, поэтому я позволил себе пробраться внутрь дома через маленькую дверцу у черного хода. Прости, ты не мог бы опустить меня на пол?

Я перенес крыса в угол и отпустил его там, сам же сел прямо перед ним.

— Значит, ты тоже участвуешь в Игре? — произнес я.

— Ну да.

— Тогда ты должен знать, что, вторгаясь без приглашения в дом другого игрока, ты таким образом вызываешь немедленные ответные действия.

— Да, но только так я мог связаться с тобой.

— И что же ты хотел мне рассказать?

— Я знаком с Ползцом, а Ползец знает Ночного Шороха...

— Ну и?..

— Ползец говорит, что Шорох как-то делился с ним, будто ты много знаешь об игроках и о том, где живет каждый из них. И что иногда ты обмениваешься информацией. У меня есть кое-что предложить в обмен.

— А почему ты в таком случае не пошел напрямиком к Ночному Шороху?

— Я с ним незнаком. Кроме того, совы и филины пугают меня. А еще я слышал, что обычно он держит клюв на замке. Предпочитает прибирать все к своим крыльям, а у самого даже перышка в линьку не допросишься.

Произнеся сию тираду, он довольно хихикнул. Я воздержался.

— Если ты хотел просто поговорить, что ж начал совать повсюду усы? — спросил я.

— Не смог сдержать любопытства при виде этих тварей в зеркале.

— Ты впервые здесь?

— Да!

— И с кем ты?

— С Дорогим Доктором.

— У меня есть одна знакомая по имени Серая Дымка, которой случилось родиться кошкой. Она частенько заглядывает ко мне. Так что если мне покажется, будто ты что-то там затеваешь, я попрошу ее наведываться регулярно.

— Проклятье, зачем мне лишние неприятности на свою голову?! Давай-ка лучше воздержимся от этих знакомств с кошками!

— Договорились. Ну, что ты можешь предложить и чего хочешь взамен?

— Расскажи мне все, что знаешь о тех, кто участвует в Игре, и их местах обитания.

— А моя выгода?

— Мне известно, где хоронится Граф.

— Ночной Шорох вроде бы собирался заняться этим вопросом.

— У него прыти не хватит, чтобы угнаться за Иглом в лесах. Совы не умеют выписывать такие петли, как летучие мыши.

— Может, ты и прав. Отведешь меня туда?

— Да. В обмен на имена остальных игроков.

— Хорошо, — ответил я. — Но это ты пришел ко мне, а не наоборот. Поэтому условия здесь выдвигаю я. Сначала покажешь мне место. А потом я расскажу тебе, кто играет.

— Согласен.

— И как мне тебя называть?

— Бубон, — представился крыс.

Я отошел в сторону.

— Тронулись.

Снаружи было холодно, ветрено и сыро. На западе, у самого горизонта, кучковалось несколько тучек. Звезды, казалось, светились совсем рядом.

— Куда? — спросил я.

Бубон показал на юго-восток и понесся в том направлении. Я последовал за ним.

Он пересек несколько полей и наконец вышел к месту, где уже начинались деревья.

— Это и есть тот лес, в котором Игл может оторваться от Ночного Шороха? — уточнил я.

— Да.

Он начал петлять меж стволами. В конце концов мы очутились на какой-то полянке, заваленной каменными глыбами. Бубон притормозил.

— Ну? — спросил я.

— Вот то самое место.

— И что это такое?

— Развалины старой церкви.

Я двинулся вперед, пригнувшись. Ничего подозрительного...

Тогда я взобрался на небольшой холмик, на котором отчетливо различались руины. Среди каменных плит виднелось отверстие. Приглядевшись, я увидел, что дыра уходит куда-то вниз.

— Такое впечатление, — задумчиво пробормотал я, — что земля здесь не всегда находилась на таком уровне, как сейчас. Останки церкви сплошь заросли травой, словно ушли вглубь... Похоже, на самом деле мы сейчас находимся над настоящими развалинами, ты как думаешь?

— Не знаю. Никогда не спускался внутрь, — ответил крыс. — Но он живет не здесь. Там, на кладбище, у холма. Сюда...

Он устремился в указанном направлении, я потрусил следом. По пути нам попало несколько упавших, полускрытых землей надгробий. «А вот это уже что-то», — понял я, когда разглядел очертания вросших в землю огромных камней, служивших ранее стенами какого-то склепа. Меж ними все поросло сорной травой. Бубон рванулся вперед и остановился прямо в гуще зарослей.

— Видишь, здесь дыра, — показал крыс. — Там он и обитает.

Я подошел поближе и заглянул внутрь, но там было слишком темно, чтобы различить что-либо. Я пожалел, что сейчас рядом нет ни Шороха, ни Серой Дымки.

— Придется поверить тебе на слово, — сказал я, — пока.

— Тогда, как ты и обещал, назови мне имена игроков и места их пребывания.

— Расскажу на обратном пути, когда уберемся отсюда подальше.

— Что, нервишки пошаливают?

— Сейчас не тот месяц, чтобы испытывать судьбу, — ответил я.

Бубон засмеялся.

— Очень смешно, — заметил он.

— А что, по-моему, действительно смешно, — отозвался я.

Тонкая луна взошла над деревьями, освещая нам путь.

Раздался бой часов: полночь, и ко мне вернулась способность говорить. Я встал и потянулся, ожидая, когда часы умолкнут. Джек, проснувшийся только ради этого, наблюдал за мной со смесью интереса и легкого веселья.

— Что, нелегкий выдался денек, Снафф? — спросил он.

— Пока ты спал, к нам заходил один посетитель. Крыс Бубон, — сказал я, — компаньон Дорогого Доктора.

— И?..

— Мы обменялись некоторой информацией. Список игроков в обмен на расположение могилы Графа. Он сказал, что та находится на кладбище у разрушенной церкви, к юго-востоку отсюда. Сводил меня туда.

— Хорошая работа, — ответил Джек. — И как это повлияло на твои расчеты?

— Трудно сказать. Я поразмыслю над этим, а потом придется немножко побродить по округе.

— Игра только-только началась, — сказал он. — Сам знаешь, как еще может измениться вся картина.

— Верно, — кивнул я. — Но теперь по крайней мере мы получше осведомлены, чем раньше. Конечно, надо будет проверить склеп днем, чтобы увериться окончательно. Думаю, я смогу убедить Серую Дымку помочь нам в этом.

— А почему ты не хочешь обратиться к Ползецу?

— Я больше доверяю кошкам. И если уж на то пошло, то лучше я поделюсь информацией с ней, чем с кем бы то ни было.

— Стало быть, тебе известно, на чьей она стороне?

Я покачал головой.

— Нет, просто руководствуюсь интуицией.

— Она что-нибудь рассказывала о своей хозяйке, Джилл?

— Да, но ничего конкретного.

— Сдается мне, эта леди куда моложе, чем старается выглядеть.

— Вполне возможно. Я просто не знаю. Я незнаком с ней.

— А я недавно познакомился. Дашь мне знать, если кошка вдруг заведет речь о том, кто на какой стороне.

— Конечно, только она никогда не заговорит об этом, если я сам не начну разговор, а я этого пока делать не собираюсь.

— Что ж, тебе виднее.

— Да. Прямо сейчас никто из нас ничего не выигрывает, добровольно выдавая информацию. И, кроме того, мы должны вести себя крайне осторожно, чтобы, сотрудничая с остальными, случайно не выдать чего-нибудь важного. Если только ты срочно не нуждаешься в информации, которая мне неизвестна. В таком случае...

— Понимаю. Нет. Пусть все остается как есть. Больше ни о ком ничего нового не узнал?

— Нет. Мы предпримем вылазку сегодня ночью?

— Нет. Пока с вылазками покончено. А что, у тебя какие-то планы?

— Немножко расчетов, а потом отдыхать, отдыхать...

— Звучит неплохо.

— А помнишь случай в Дижоне, когда той леди, нашей противнице, удалось охмурить тебя?

— Такое забыть трудно. А почему ты спрашиваешь?

— Так, ничего особенного. Просто вспомнилось. Спокойной ночи, Джек.

Я забрался в свой любимый угол и опустил голову на лапы.

— Спокойной ночи, Снафф.

Я прислушался к его удаляющимся шагам. Пора повидаться с Ворчуном, заново повторить некоторые упражнения из курса высшего подкрадывания. И вскоре мир потух...

8 октября

Прошлой ночью и утром я добавил еще несколько штрихов к образу, сложившемуся в голове, но, прежде чем успел завершить картину, у нашей двери объявился посетитель.

Дверной колокольчик звякнул, и я, как положено, гавкнул пару раз. Хозяин отправился открывать, я — рядом с ним.

На крыльце, улыбаясь, стоял высокий, крепко сбитый, темноволосый мужчина.

— Привет, — сказал он, — меня зовут Ларри Тальбот. Я ваш новый сосед и подумал, что неплохо было бы взглянуть, отдать дань уважения.

— Так, может, зайдете, выпьете со мной чашечку чаю? — спросил Джек.

— Благодарю вас.

Джек провел его в гостиную, усадил, извинился и прошел в кухню. Я остался в гостиной, наблюдая за незнакомцем. Тальбот пару раз взглянул на ладонь своей руки, после чего принялся изучать меня.

— Хороший мальчик, — сказал он.

Я открыл рот, вывалил наружу язык и тяжело задышал. Но подходить не стал. Было в нем что-то этакое... какой-то скрытый аромат дикого зверя, что, признаться, поставило меня в тупик.

Вернулся Джек с подносом, на котором стояли чайные чашки и было разложено печенье. Они некоторое время болтали, обсуждая соседей, погоду, участвовавшие ограбления могил, убийства. Я же внимательно следил за ними — два здоровенных мужика, в каждом сквозят повадки настоящего хищника, прихлебывают чай и мирно беседуют об экзотических цветах, что выращивает Тальбот, и о том, как сложно приходится этим привередливым растениям в нашем климате.

А потом с чердака вдруг донесся оглушительный треск.

Я стрелой выскочил из комнаты, пронесся вверх по лестнице, за угол, еще одна лестница...

Дверцы гардероба были распахнуты настежь. Рядом стояла Тварь.

— Свобода! — торжествующе объявила она, разминая конечности, сворачивая и разворачивая свои темные чешуйчатые крылья. — Свобода!

— Черта с два! — прорычал я, обнажив клыки, и с хода врезался в нее.

Я вцепился Твари прямо в туловище, сбил ее с ног, и вместе мы влетели обратно в гардероб. Дважды я полоснул ее — в правый бок, в левый бок, — пока она пыталась схватить меня. Затем отвалился и впился зубами в одну из ее ног. После чего победно взвыл и снова прыгнул на Тварь, метя ей в морду.

Распространяя тяжелый аромат мускуса, она попятилась к задней стенке своей тюрьмы. Плечом я захлопнул дверцы, встал на задние лапы и когтем попробовал закрыть защелку. Тут вбежал Джек и сделал это за меня. В правой руке он сжимал свой верный нож.

— Ты лучший образчик сторожевого пса, Снафф, — прокомментировал он.

А секунду спустя на чердаке объявился Ларри Тальбот.

— Что-то случилось? — спросил он. — Моя помощь не требуется?

Джек повернулся, нож, бывший у него в руке, сгинул без следа.

— Нет, покорнейше благодарю, — ответил он. — Все разъяснилось куда проще, чем могло показаться на первый взгляд. Вернемся к нашему чаю?

Они вышли.

Я проследовал за ними вниз по лестнице. Тальбот двигался так же бесшумно, как и мой хозяин. Непонятно откуда у меня возникло ощущение, будто и он тоже участвует в Игре, а все случившееся убедило его, что нас также можно причислить к игрокам. Перед уходом он обратился к нам со следующими словами:

— Я предвижу, что вскоре предстоят нелегкие деньки, ближе к исходу месяца. Если вам когда-нибудь понадобится помощь — какая бы то ни было, — можете на меня рассчитывать.

Несколько долгих мгновений Джек изучал его лицо, после чего ответил:

— И вы говорите это, даже не зная, на какой я стороне?

— Кажется, об этом я уже догадался, — ответил Тальбот.

— Откуда?

— Хороший пес у вас, однако, — произнес Тальбот. — Двери закрывать умеет.

С этими словами он удалился. Естественно, я проследил его до самого дома, чтобы убедиться, действительно ли он живет там, где описывал. И когда я удостоверился в этом, мне пришлось провести еще несколько линий в образе. Очень таких, знаете ли, интересных линий.

Хотя Тальбот, возвращаясь домой, ни разу не обернулся, я все равно понимал, что он знает о моем присутствии у него за спиной.

Немного позже я лежал во дворе и мирно проводил в уме свои линии. Это начинало превращаться в несколько утомительную забаву. Чьи-то шажки на дорожке затихли.

— Хорошая собачка, — прокаркал старческий голос. Это был Друид. Что-то перелетело через садовую стену и с громким чваком шлепнулось о землю. — Хорошая собачка.

Я поднялся и изучил это нечто, Друид же поковылял дальше. Нечто оказалось куском мяса. Только самая глупая из всех подзаборных шавок впилась бы зубами в этот кусок. От запаха всевозможных приправ и ядов буквально становилось дурно.

Я осторожно поднял его, перенес в укромное местечко меж корней дерева, где земля помягче, вырыл ямку, положил туда мясо и засыпал сверху.

— Bravo! — раздалось сверху чье-то шипение. — Впрочем, у меня не было никаких сомнений, что на такую элементарщину ты никогда не клюнешь.

Я поднял глаза. Вокруг ветки обвился Ползец.

— И давно ты там сидишь? — спросил я.

— С тех пор, как у вас появился первый гость — тот здоровяк. Я следил за ним. Он тоже в Игре?

— Не знаю. Вполне возможно, но пока сложно что-либо утверждать. Станный он какой-то. И вроде бы компаньона у него нет.

— Может, он сам себе лучший друг и товарищ? И, кстати, о товарищах...

— Что такое?

— Напарница сумасшедшей ведьмы сейчас, должно быть, переживает не лучшие мгновения в своей жизни.

— Что ты имеешь в виду?

— Тра-та-та, тра-та-та.

— Что-то не усекаю.

— Так, маленькое отступление. В колодец скинули кота.

— И кто толкнул ее туда?

— Мак-Каб, не испытывай стыда.

— Так где ж она?

— У отхожего места, полного говна. Это сразу за домом Сумасшедшей Джилл.

— А почему ты мне об этом сообщаем? Ты ж обычно предпочитаешь держаться в стороне.

— Я уже участвовал в Игре, — прошипел он. — Я-то знаю, еще слишком рано, чтобы начинать избавляться от нежелательных игроков. Надо ждать, пока луна полностью не спадет. А Мак-Каб и Моррис — неопытные новички.

Я сорвался с места и начал набирать скорость.

— Киска, киска, вся промокла... — распевал он, когда я уже несся по направлению к холму.

Я перевалил через холм и помчался вниз, к дому Сумасшедшей Джилл. Трава, мелькавшие мимо кусты превратились в одно сплошное расплывчатое пятно. Я продрался сквозь изгородь, быстренько сориентировался на месте и нашел глазами круглый домик-колодец с деревянной крышей и ведром на невысокой каменной стенке. Я подбежал к нему, оперся передними лапами на бортик и заглянул внутрь. Снизу до моего слуха донесся слабый плеск.

— Дымка! — позвал я.

Спустя мгновение раздалось далекое: «Здесь!»

— Отплыви в сторону! Я скину тебе ведро! — снова крикнул я.

Внизу энергично заплескались.

Я толкнул ведро с бортика и прислушался — оно с легким свистом унеслось вниз и гулко шлепнулось о воду.

— Влезай!

Если вам когда-нибудь доводилось вертеть ворот своими лапами, вы должны понимать, что работенка эта вовсе

не синекура. Прошло довольно много времени, прежде чем я поднял ведро достаточно высоко, чтобы Серая Дымка смогла перебраться из него на краешек колодца. Она насквозь промокла и тяжело дышала.

— Как ты узнал? — спросила она меня.

— Ползлец все видел, но счел, что время было выбрано не совсем верно, и рассказал мне.

Она встряхнулась и начала вылизывать свою шкурку.

— Джилл стянула собранные Моррисом и Мак-Кабом травы, — рассказывала она в перерывах. — Хотя в дом их не заходила. Они оставили все на крыльце. Ночной Шорох, должно быть, засек нас. Что-нибудь новенькое есть?

Я рассказал ей о вчерашнем визите Бубона и утреннем госте Тальботе.

— Пойду с тобой, — решила она. — Но чуть позже. Дай мне прийти в себя и пообсохнуть. Мы еще проверим склеп этого Графа.

Она снова встряхнулась и опять принялась лизать свой мех.

— А покамест, — продолжала она, — мне нужно подыскать себе теплое местечко и немножко вздремнуть.

— Что ж, тогда до встречи. А я тем временем обследую кое-что неподалеку от дома.

— Я скоро подойду.

И я оставил ее там, сушиться рядом с отхожим местом. Когда я пролезал сквозь изгородь, она кинула мне вслед:

— Кстати, спасибо.

— De nada¹, — ответил я, взбираясь по склону холма.

9 октября

Прошлой ночью мы добыли еще несколько ингредиентов, усиливающих чары хозяина. Когда же на углу одной из улочек Сохо мы замедлили шаг, из тумана вдруг вынырнули две фигуры: Великий Сыщик и его компаньон не спеша приблизились к нам.

— Добрый вечер, — произнес Сыщик.

¹ De nada — не стоит, пустяки, не за что (*исп.*).

— Вечер добрый, — ответил Джек.

— У вас случайно огонька не найдется?

Джек вытащил из кармана упаковку восковых спичек и протянул ему. Пока Великий Сыщик раскуривал свою трубку, оба мужчины не сводили друг с друга глаз.

— Что-то патрульных многовато.

— Да.

— Видно, что-то затевается.

— Возможно.

— Скорей всего это имеет отношение к тем убийствам.

— Да, думаю, вы правы.

Он вернул спички.

Этот человек обладал крайне странной манерой оценивать своего противника: всматривался в лицо, окидывал взглядом одежду, обувь... и выслушивал ответные реплики. Будучи сторожевым псом, я сразу заметил, с каким вниманием он относится к собеседнику. Обычно подобное нехарактерно для среднего человека. Создавалось впечатление, будто он весь мгновенно поджался, стремясь не пропустить даже самой незначительной частички информации, которую давала ему наша неожиданная встреча.

— А я уже не раз видел вас поблизости.

— Я вас тоже приметил.

— Вполне возможно, что мы еще встретимся.

— Может, вы и правы.

— Но вам следует быть поосторожнее. Времена наступили опасные.

— И вы также берегите себя.

— О, несомненно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я едва удержался, чтобы не рыкнуть что-нибудь этакое на прощание, для пушшего эффекта, — эта мыслишка сверлила мой мозг с самого начала разговора. Давным-давно они скрылись из виду, а я все прислушивался к удаляющемуся звуку их шагов.

— Снафф, — сказал Джек, — запомни этого человека.

Где-то посреди долгого-долгого пути домой над нами пролетел филин, на недвижных крыльях скользя среди дуновений прохладного ветерка. Я не мог утверждать, Ноч-

ной Шорох был это или нет. Под мостом кишели крысы, и, опять-таки, кто знает, может, и Бубон был среди них. В Темзе купались звезды, а воздух был напоен уличной вонью.

Джек мерил дорогу широкими шагами, я же бежал рядом, периодически отлучаясь, чтобы проверить очередную спящую фигурку, забившуюся в тесную щель меж домов. Временами у меня возникало ощущение, будто за нами следят, но никаких доказательств этого обнаружить мне так и не удалось. Очень может быть, что подобное беспокойство было вызвано нашим продвижением в глубь октября. Хотя, конечно, положение будет становиться все хуже и хуже, пока не исправится вновь, если вообще когда-нибудь исправится.

— А, Джек, — раздался слева от нас чей-то голос. — Добрый вечер.

Джек резко остановился и развернулся, рука его метнулась к тому месту, где он обычно прятал нож.

Из теней выступил Ларри Тальбот и коснулся рукой поля шляпы.

— Мистер Тальбот... — начал было Джек.

— Прошу вас, зовите меня просто Ларри.

— А, ну да, совсем забыл, вы же американец. Добрый вечер, Ларри. Что привело вас сюда в столь поздний час?

— Так, просто прогуливаюсь. Хорошая ночь для прогулок. Видите ли, частенько меня одолевает бессонница. А вы, должно быть, возвращаетесь из города?

— Да.

— Вот и я тоже. Повстречался там с самим Великим Сыщиком и его другом. Он попросил у меня огоньку.

— Да что вы?

Ларри взглянул на свою ладонь, казалось, убедился в чем-то и продолжил:

— У меня сложилось впечатление, что он тоже участвует в расследовании тех недавних убийств... и, кстати, насколько я понял, сегодня ночью случилось еще одно. Вы что-нибудь слышали об этом?

— Нет.

— Посоветовал мне быть поосторожнее. Хороший совет, между прочим.

— А как вы сами считаете, у него имеются какие-нибудь зацепки?

Ларри покачал головой.

— Сложно о нем судить. Хотя его партнер бормотал что-то по поводу собак.

— Интересно.

— Я провожу вас, если вы не возражаете.

— Буду рад.

— Еще восемь дней осталось до того, как луна полностью сойдет на нет, — заметил Джек спустя некоторое время. — Вы вообще присматриваетесь к луне, Ларри?

— Да, и частенько.

— Так я и думал.

На несколько минут вновь воцарилась тишина, Ларри вышагивал бок о бок с Джеком.

— Вы случайно незнакомы с неким джентльменом по имени Граф? — внезапно спросил Ларри.

Джек пару секунд молчал, после чего проговорил:

— Я много слышал о нем, но быть представленным ему не доводилось.

— Одним словом, он прибыл в наш город, — сказал Ларри. — Мы старые знакомые — он и я. Я всегда чувствую, когда он оказывается поблизости. По-моему, он открывающий.

Джек снова промолчал.

Я припомнил вчерашний день, когда мы с Серой Дымкой отправились к тому месту, которое указал мне Бубон. Пока я ждал снаружи, она проскользнула в склеп. Довольно долго оттуда не доносилось ни звука, потом она снова возникла рядом со мной.

— Все верно, — произнесла она, — крыс не соврал. Там, внизу, на двух подставках размещен весьма и весьма приличный гроб. Рядом с ним — открытый сундучок со смелой одежды и прочими предметами личного туалета.

— Зеркало присутствует?

— Никаких зеркал. А среди корней, прямо над головой, висит Игл собственной персоной.

— Таким образом, Бубон вел честную игру, — сказал я.

— Никогда не верь крысам, — посоветовала она. — Ты сказал, что он пролез в дом и повсюду совал усы. А вдруг именно ради этого он и заглянул, а информацией предложил обменяться, чтобы прикрыть себя, когда ты поймал его на месте преступления?

— Уже думал об этом, — сознался я. — Но я слышал, как он вошел, и сразу знал, где искать. Он только и успел увидеть, что Тварей-в-Зеркале.

— Тварей-в-Зеркале?

— Ну да. А разве у вас таких нет?

— Боюсь, что нет. И чем они занимаются?

— Шуршат.

— А.

— Пойдем. Я покажу тебе.

— Ты уверен, что не будет никаких осложнений?

— Уверен.

Она долго смотрела в зеркало, потом протянула лапку и притронулась к собственному отражению.

— Ты прав, — сказала она. — Они... шуршат.

— И еще меняют цвет, если их хорошенько взбудоражить.

— Где вы их взяли?

— В одной пустынной деревеньке в Индии. Там все либо перемерли от чумы, либо бежали со страху в джунгли.

— Но на что-то же они годятся...

— Да, они липнут.

— А.

Я проводил ее до дома Джилл.

— Боюсь, я не могу тебя пригласить внутрь, показать что-нибудь из наших штучек, — извиняющимся тоном сказала она.

— Нет проблем.

— Чем занимаешься сегодня ночью?

— Надо будет в город сходить.

— Удачи тогда.

— Спасибо.

На перекрестке мы расстались — Ларри направился к своему дому, а мы с Джеком повернули на запад, к себе. Стоило войти во двор, как я сразу почуял запах филина и

тут же увидел Ночного Шороха, усевшегося на той самой ветке, которую некоторое время назад занимал Ползец. Я рыкнул ему: «Вечер добрый», но он не ответил. Прежде всего я кинулся в дом, на тот случай, если он вдруг стоял на шухере, но там никого не было и ничем подозрительным не пахло. И все было, как и должно было быть. Значит, просто шпионит. Когда нам нечего делать, мы просто-напросто начинаем следить друг за дружкой.

Джек удалился к себе, чтобы поподробнее оглядеть сегодняшние приобретения. Я же вздремнул в гостиной.

10 октября

Небо затянуло тучами, и весь день накрапывал дождик, поэтому я особо из дома не высовывался. А если и высовывался, то так — оглядеться и мигом назад. В округе никого не было видно.

Дом я обошел раз пять, не меньше, — скорей от скуки, нежели от чего-то еще. И хорошо, что побеспокоился хоть об этом.

Войдя в подвал, я вдруг обнаружил, что Тварь-в-Круге как-то весьма странно притихла. И буквально через секунду понял, в чем дело. Нас медленно, но верно заливало. Вода просачивалась сквозь какую-то щель в стене, стекала по провисшей балке и капала вниз. Ручеек дождевой воды разливался по полу, и набралась уже целая лужа, которая все продолжала прибавлять в размерах. Одно свое «щупальце» лужа простерла в направлении Круга, еще каких-то десять дюймов — и Круг был бы разорван.

Я взвыл во всю глотку — таким долгим, мрачным воем, который приберегал специально для подобных okazji. Затем прыгнул в неспешно текущий ручеек и принялся кататься в нем, вбирая воду шкурой.

— Эй! — закричала Тварь. — Кончай там! Все нормально, так и должно быть!

— Ага, конечно, — отрубил я, развернулся, плюхнулся в лужу и барахтался там, пока не впитал максимум возможного.

После чего перебрался в сухой уголок, подальше от

Круга, и немного повалялся, избавляясь от влаги — здесь она могла испаряться сколько ее душе будет угодно.

— Псина чертова! — зарычала Тварь. — Еще несколько минут — и я была бы на свободе!

— Да, что-то не везет тебе сегодня, — ответил я.

На лестнице послышались шаги.

Увидев, что произошло, Джек сразу отправился за шваброй. В скором времени он уже собирал тряпкой остатки лужи, периодически выжимая воду в тазик, тогда как Тварь злобно пыхтела, меняя цвет то на розовый, то на синий, то в конце концов на ядовито-зеленый. Покончив с этим, Джек подставил под стекающую струйку ведро и наказал мне, если у нас обнаружится еще что-нибудь подобное, немедленно звать его.

Однако ничего такого я больше не обнаружил, хотя весь день только и делал, что обходил дом. Вскоре после наступления сумерек дождь прекратился, но даже тогда я выждал лишнюю пару часиков, чтобы окончательно увериться, прежде чем вышел на еженощную разведку.

Обогнув дом, я очутился на переднем дворе, где выкопал из-под дерева уже порядком попахивающий кусок отравленного мяса. Потом аккуратненько взял его в зубы и перенес к дому Оуэна, положив на видном месте прямо перед парадной дверью. Ни одно окно не светило. Трескуна и след простыл, поэтому я воспользовался представившейся возможностью и порядком пошастал вокруг дома.

Под растущим на заднем дворе гигантским древним дубом я наткнулся на восемь внушительного размера плетеных корзин, находящихся в различной стадии готовности, плюс еще семь поменьше. Поодаль валялись мотки толстой веревки.

Я решил осмотреть все повнимательнее. И почти сразу споткнулся о лестницу. Да тут целое кустарное производство, вот тебе и хлипкий старикашка...

Я пересек двор и потрусил напрямую через поле. Мне оставалось пробежать еще приличный кусок, когда вновь заморосил мелкий дождик. Густые тучи затянули клочок звездного неба, сгустив и без того непроглядную тьму. Ко-

роткая, бледная вспышка осветила окрестности, и гулко прокатился раскат грома. Наконец я вступил во владения Дорогого Доктора. Сейчас над моей головой находился самый центр сбившихся в кучу низких грозовых туч. И снова с неба, ярко полыхнув, сорвался трезубец, затанцевав меж железных прутьев на крыше старого здания. Гром последовал без промедления, а окна подвала вспыхнули неистовым светом.

Я затаился в траве, прислушиваясь, и вскоре до меня донесся мужской голос, кричащий что-то насчет лейденских банок. Но последовала очередная серия громов и молний, вновь огонь на крыше начал выделять свой адский танец, раздались крики, замелькали вспышки пламени за неплотно зашторенными окнами. Я подполз поближе.

Заглянув украдкой в шелку, я разглядел высокого мужчину в белом: он стоял спиной ко мне, нагнувшись над чем-то, лежащим на длинном столе. Плечами мужчина заслонял мне обзор. В дальнем углу скорчился какой-то маленький бесформенный человечек, постреливающий глазками по сторонам и нервно потирающий ручки. И снова всполох, и снова раскат. По машине, стоящей по правую руку от высокого мужчины, забегали искорки электрических разрядов. Еще несколько секунд после того, как они исчезли, у меня в глазах мелькали огоньки. Высокий громко крикнул и отодвинулся в сторону, коротышка вскочил на ноги и затанцевал вокруг. Так, стол, что-то на нем лежит, покрытое, теперь я это видел четко, простыней, периодически подергивается. Движения, должно быть, совершаются гигантской ногой спрятанной под простыней твари. Опять ослепляющая игра молний и оглушающий рев грома.

А комната на какое-то мгновение превратилась в самый что ни на есть ад. Сквозь бурю и тени я разглядел, как нечто крупное, размерами со здорового человека и скрытое развевающимися простынями, попыталось на секунду приподняться над столом.

Я попятился. Развернулся и бросился прочь, тогда как небеса продолжали яриться и поливать землю огнем. Свой долг я исполнил. Хорошего помаленьку, на сегодня с этим местом покончено.

Теперь мой маршрут лежал напрямиком от Дорогого Доктора к жилищу Ларри Тальбота. На полпути туда я выбрался из зоны дождя, остановился и хорошенько встряхнулся. Добравшись до дома Ларри, я обнаружил, что почти все окна освещены. Может, он и вправду страдает бессонницей?

Постепенно сужая круги, я приближался к цели. Лишь раз я притормозил, чтобы обследовать небольшую пристройку к задней части дома. Внутри на глаза мне попался большой отпечаток лапы, идеально сохранившийся на засохшей грязи и на первый взгляд абсолютно идентичный тому, что я обнаружил в наших владениях.

Подобравшись поближе, я поднялся на задние лапы, оперся передними на стену и обозрел комнату. Пусто. Третья по счету оказалась застекленной оранжереей, битком набитой всяческими растениями. Там же был и Ларри — он заглядывал внутрь чудовищно огромного цветка и чему-то улыбался. Губы его двигались, но, хотя до меня доносились отдельные звуки, я так и не понял, что он там бормочет. Гигантская чаша колебалась перед ним — то ли из-за движения воздуха, то ли по своей собственной воле, этого я тоже разобрать не смог. Он все нашептывал и нашептывал. Наконец я не выдержал и ушел. Я могу перечислить несколько дюжин людей, которые имеют привычку беседовать со своими растениями.

Завершив тут свои дела, я как можно точнее сориентировался на местности и по прямой направился от дома Ларри к склепу Графа. Сначала я вышел к разрушенной церквушке и там передохнул малость, пытаясь представить себе остальные части образа. И вдруг на востоке начало разгораться странное сияние.

Пока я ломал голову над этим явлением, с севера вынырнула здоровенная летучая мышь — размерами куда больше Игла — и скрылась за одним из стволов. И так там и осталась. Вскоре мне почудились бесшумные шаги, и фигура, закутанная в черный плащ, выступила из-за дерева.

Я в недоумении уставился на нее. Голова человека повернулась в моем направлении, и темноту пронзил его голос:

— Кто здесь?

Крайне затруднительное положеньеице. Выход был один, ничего больше мне на ум не пришло.

Издавая серию идиотских повизгиваний и яростно размахивая хвостом из стороны в сторону, я ломанулся вперед и брякнулся пред ним оземь, извиваясь, точно истосковавшийся по человеческому вниманию бродячий пес.

Его налитые кровью губы искривились в мимолетной улыбке. Он наклонился вперед и почесал меня за ухом.

— Хороший песик, — гортанно промолвил он.

После чего похлопал меня по голове, выпрямился и устремился в сторону склепа. Добравшись туда, он недвижно замер. Только сейчас он еще стоял там — и вот уже сгинул бесследно.

Я решил, что, пожалуй, мне тоже пора сматывать удочки. Его рука оказалась на диво холодной.

11 октября

Свежая утренняя прохладца. Совершив обязательный обход, я выбрался на улицу. Ничего подозрительного, и я затрусил в сторону мест обитания Дорогого Доктора. Неспешно ковыляя вдоль дороги, я вдруг услышал знакомый голос, доносящийся из небольшой рощицы, раскинувшейся справа от меня.

— Точно, сэр, тот самый пес, — произнес кто-то.

— Но откуда такая уверенность? — раздалось в ответ.

— Я запомнил следы, отпечатки его лап целиком и полностью совпадают с теми. Кроме того, он точно так же прихрамывает на левую переднюю лапу, и, видите, подранное правое ухо...

Старые боевые шрамы — результат стычки с одним безумцем в Западной Индии. Давно это было...

Естественно, собеседниками были Великий Сыщик и его компаньон.

— Вот хороший мальчик, — проговорил он. — Хорошая псинка. Славный пес.

Я припомнил свои действия предыдущим вечером, замахал хвостом и попытался напустить на себя дружелюбный вид.

— Хороший пес, — снова повторил он. — Покажи, где ты живешь. Ну-ка, домой, домой!

При этих словах он похлопал меня по голове, ладонь его была не в пример теплее руки того дружелюбно настроенного джентльмена, с которым мне довелось повстречаться прошлым вечером.

— Домой. Сейчас же домой.

Сразу вспомнив скинутую в колодец Серую Дымку, я привел их напрямик к Моррису и Мак-Кабу. Даже побыл вместе с ними на крыльце, пока не слышал звука приближающихся шагов, спешащих ответить на стук. Тогда я благополучно ретировался и направился по прямой до склепа Графа. Результаты оказались прелюбопытными, а после того как я пробежался от склепа до дома Дорогого Доктора, мой интерес лишь усилился.

Чуть погодя я совершил еще несколько подобных рейдов, подтверждая свои выводы.

12 октября

День выдался тягучим. Тварь-в-Круге прикинулась борзой, но меня никогда не прельщал вид тощих дамочек. Рыкнул пару раз на Тварь-с-Чердака. Понаблюдал за шуршалами. Посмотрел, как Джек впустую перекладывает свои атрибуты. Слишком рано, чтобы пробовать их в полную силу.

Серая Дымка поведала, что Ночной Шорох поймал Ползеца, отнес его подальше, вниз по течению Темзы, и там сбросил в воду. Лишь несколько часов спустя Ползеца волнами выкинуло на берег. Оттуда он довольно долго полз до дома. Даже не знаю, в чем заключался предмет спора.

Также узнал о нескольких случаях внезапной анемии в крайне острой форме среди местных жителей и поразился, что Граф не пользуется собак.

Этим вечером я принес Джеку шлепанцы и лежал у него в ногах перед пылающим камином, покуда он курил трубку, попивал шерри и пролистывал газеты. Он зачитывал вслух любую информацию касательно убийств, поджогов, увечий, ограблений могил, осквернений церковей и необычных преступлений. Как приятно иногда провести вечерок у домашнего очага!

13 октября

Сегодня Великий Сыщик вновь объявился в нашей местности. Я заметил его, когда кое-что припрятывал под оградой. Он меня не видел.

Чуть позже Серая Дымка сообщила мне, что он посетил жилище Оуэна. Ни хозяина, ни даже Трескуна дома не было, поэтому он просто прошелся по их владениям и, естественно, наткнулся на плетеные корзины. По словам Дымки, его помощник ушиб запястье — сыщик заставил его влезть по лестнице на дуб и проверить прочность некоторых веток, откуда толстяк не преминул свалиться. К счастью, он приземлился прямо на охапку омелы, иначе могло быть и хуже.

Тем вечером, в очередной раз обходя дом, я услышал какой-то царапающий звук, доносящийся из-за окошка на втором этаже. Я подошел и посмотрел наружу. Сначала я не увидел ничего, но потом глаза привыкли к темноте, и я разглядел крохотное тельце, бьющееся о стекло.

— Снафф! Пусти! Спаси! — раздавались вопли.

Это был Игл.

— Ну да, знаю я, ребята, как приглашать вас к себе домой, потом неприятностей не оберешься, — ответил я.

— Так это ж хозяин! А я всего лишь летучая мышь! Я даже томатный сок пить не могу! Прошу тебя!

— А что случилось?

Я услышал громкий «хлоп» с внешней стороны стены.

— Это викарий! — заорал Игл. — Он окончательно спятил! Пусти!

Я откинул защелку лапой и толкнул створку окна. Она на несколько дюймов приоткрылась, и Игл проскользнул внутрь. Тяжело дыша, он бессильно рухнул на пол. Снаружи донесся еще один «хлоп».

— Никогда этого не забуду, Снафф, — сказал он. — Сейчас, подожди минутку...

Я подождал целых две, и наконец он зашевелился.

— У вас здесь какие-нибудь жучки водятся? — спросил он. — У меня такой быстрый метаболизм, а сегодня силенок мне потребовалось немало.

— Их черта с два поймаешь, — ответил я. — Они весьма шустрые. Как насчет фруктов?

— Тоже сойдет...

— Там, на кухне, их целая ваза.

Он был чересчур вымотан, чтобы лететь, но в то же время мне не хотелось брать его в зубы — слишком слабенький, переломаяю еще что-нибудь. Так что я приказал ему вцепиться покрепче мне в шкуру.

Пока я спускался по лестнице вниз, он неустанно повторял:

— Спятил, точно, спятил...

— А теперь давай рассказывай, — велел я, после того как он достойно угостился сливой и двумя виноградинами.

— Викарий Робертс вбил себе в голову, будто по соседству вершится что-то крайне неестественное, — прочавкал он.

— Странно. И что привело его к подобным выводам?

— Трупы, в которых не осталось ни капли крови, и люди с анемией, которым в последнее время слишком часто начали сниться сны с участием летучих мышей. Ну, и так далее.

Во время своих прогулок я не раз встречался с викарием Робертсом. Это был низенького роста толстячок, вечно мрачный, в старомодных квадратных очках в золотой оправе. Поговаривали, что частенько из-за своей комплекции в самый разгар проповеди он багровеет и начинает брызгать во все стороны слюной и что иногда его вдруг начинают бить судороги, после чего он впадает в бессознательное состояние, выражая при этом странный восторг.

— Это и понятно, типичный истерик, — сказал я.

— Все верно. В общем, как бы то ни было, с недавних пор он взял моду бегать по приходу по ночам, таская с собой арбалет и колчан со стрелами. «Летающие кольца» — так он, кажется, их называет. Шаги у двери! Могу поспорить, это он! Спрячь меня!

— Нет нужды, — успокоил его я. — Мой хозяин не позволит какому-то безумцу с опасным оружием в руках врываться и обыскивать дом. Здесь царят мир и изысканность.

Дверь открылась, и до нас донеслись приглушенные звуки голосов. Затем голос викария поднялся. Джек, будучи

настоящим джентльменом, отвечал, как обычно, мягким, обходительным тоном. Викарий заорал что-то про Создания Ночи, Деяния Святотатственные, Богохульства во Плоти и все такое прочее.

— Вы предоставили ему убежище! — донесся его вопль. — И я следую за ним!

— Никуда вы не следуете, — отвечал Джек.

— Я располагаю полномочиями свыше, и, проклятье, я иду! — отвечивал викарий.

Затем раздались звуки какой-то возни.

— Прошу прощения, Игл, — извинился я.

— Да, Снафф, конечно.

Я выбежал в коридор, но Джек уже закрыл дверь и задвинул засов. При виде меня он улыбнулся. Из-за его спины раздался яростный стук.

— Все нормально, Снафф, — сказал он. — Не собак же спускать на беднягу. М-м... и все-таки где твой приятель?

Я поглядел в сторону кухни.

Он направился туда, я последовал за ним в нескольких шагах. Когда я вошел, он скармливал Иглу очередную виноградину.

— «Создание Ночи», — проговорил он. — «Богохульство во Плоти». Тебе здесь ничего не угрожает. Если хочешь, можешь даже персик съесть.

И, насвистывая, он удалился. Стук в дверь продолжался еще пару минут, после чего затих.

— Как ты думаешь, что нам теперь делать с этим человеком? — спросил Игл.

— Держаться от него подальше, вот и все.

— Легко сказать. Вчера он выпалил по Ночному Шороху, и Трескуну тоже чуть не досталось.

— А они-то тут при чем? Они же вроде к проклятым тварям не относятся.

— Верно, но он заявляет, будто явилось ему видение о сообществе неких святотатцев и их знакомых, ведущих приготовления к какому-то большому физическому событию, во время которого выступят они друг против друга, и над всем человечеством нависнет угроза. А вампиры якобы — это «знак», первое подтверждение его правоты.

— Интересно, кому там больше делать нечего, как посылать ему такие видения?

— Трудно сказать, — ответил Игл. — Но завтра он может пальнуть по тебе или по Джеку.

— Надеюсь, нашим прихожанам хватит ума отослать его на континент, подлечиться немножко у какого-нибудь целительного источника, — пожелал я. — И осталось-то каких-то две с половиной недели.

— Сомневаюсь, что прихожане так поступят. У меня такое впечатление, что он и их втравил в это дело с видением. Во всяком случае, сегодня ночью по округе с арбалетом шастал не он один.

— Значит, надо будет разнюхать, кто эти люди, разузнать, где они живут, и держаться от них подальше.

— Сам я пользуюсь эхолокацией, но я понял тебя.

— Ночной Шорох и Трескун, очевидно, уже в курсе дел. Я предупрежу Серую Дымку, а ты сообщи Ползецу и Бубону.

— А как насчет компаньона этого Тальбота?

— Насколько я понял, у Ларри Тальбота, кроме растений, нет помощников. А о себе, думаю, он сможет позаботиться и сам.

— Все понял.

— И нам надо договориться друг с другом, чтобы передавать по цепочке, где кто живет. Тем ребятам ведь все равно, открывающий ты или закрывающий.

— И с этим согласен.

Чуть погода я вышел на разведку, но в пределах видимости никаких силуэтов с арбалетами не маячило. Так что я снова распахнул окно и выпустил Игла. Прямо над окном, глубоко вонзившись в стену, торчали два тяжелых арбалетных болта.

14 октября

Когда я вошел во двор дома Сумасшедшей Джилл, Серая Дымка едва-едва закончила что-то там выкапывать и теперь тащила это что-то к дверям. Я посвятил ее во все события прошлой ночи, и она, хоть и предостерегла меня в

очередной раз от излишнего доверия к летучим мышам, тем не менее оценила серьезность угрозы, представляющей викарием и его командой. Как раз прошлой ночью, когда они с Джилл возвращались домой, кто-то выстрелил по ним с вершины холма, заставив их спасаться бегством и потом пережить несколько волнующих моментов у камина.

Завершив все дела, Серая Дымка сказала:

— Я тоже хотела переговорить с тобой кое о чем.

— Давай.

— Сначала то, что не терпит отлагательств. Впрочем, лучше я тебе покажу.

Мы вышли со двора.

— Вчера констеблю Теренсу нанес визит офицер полиции, прибывший сюда из самого Лондона, — продолжала она. — Мы с Ползцом видели его проезжающим на гнедой кобыле.

— Да?

— А сегодня Трескун заметил, что та самая кобыла бесцельно бродит по полю, и заинтересовался. Мы обыскали все окрестности, но седока нигде не обнаружили. Спустя некоторое время мы бросили это занятие и ушли.

— Вам следовало позвать меня. Я бы взял след.

— Я заходила за тобой. Но тебя не было видно.

— Да, точно, я выполнял кое-какую работу по дому... Ну и что там дальше?

— Немного погодя я прогуливалась в другом поле — там, куда мы сейчас направляемся, неподалеку от тебя. Пара ворон скакала в траве, и мне пришла в голову мысль, что неплохо было бы пообедать. Как позднее выяснилось, та же самая мысль посетила и их. Они выклевывали глаза констеблю. Тело его лежало укрытым в траве. Это как раз перед нами.

Мы приблизились. Ворон уже не было. Глаз тоже. Человек был одет в полицейскую форму. Кто-то перерезал ему горло.

Я сел и уставился на труп.

— Что-то не нравится мне все это, — наконец выговорил я.

— А я и не рассчитывала, что ты придешь в восторг.

— Слишком близко. Мы живем вон там, рукой подать.

— А мы — вон там.

— Ты еще кому-нибудь рассказывала об этом?

— Нет. Значит, это не ваших рук дело, если только ты не хороший актер.

Я потряс головой.

— В этом нет никакого смысла.

— Но, по идее, Джек должен обладать властью над неким ритуальным ножом.

— А у Оуэна имеется серп. И что с того? А Растов обладает удивительной иконой, написанной сумасшедшим арабом, отрекшимся от ислама. Но в то же время он мог воспользоваться и обыкновенным кухонным ножом. У Джилл — метла. Но, думаю, она без труда могла подыскать что-то такое, чем можно было бы перерезать глотку.

— Тебе известно об иконе?

— Конечно. Это ж моя работа — выслеживать атрибуты. Я сторожевой пес, не забывай. А у Графа, вероятно, в распоряжении перстень, у Дорогого Доктора — чаша. Мне кажется, это самое обыкновенное убийство. Но теперь на голову нам свалилось тело, прямо по соседству с нашими домами. И не какое-то там тело, а труп полицейского. Начнется расследование, а, признай, все мы крайне подозрительные типы и всем нам есть что скрывать. Мы планировали пробыть здесь всего несколько недель. Свои дела мы стараемся обделывать подальше отсюда — пока. Стараемся не вызвать в округе никаких подозрений. Но все мы здесь пришлые с весьма неясным прошлым. Этот случай может подпортить многое.

— Если найдут труп.

— Именно.

— А может, ты выкопаешь яму, столкнешь его туда, а потом зароешь? Это все равно что косточка, только размерами побольше.

— Они найдут могилу сразу, едва начнут прочесывать местность. Нет. Нам надо как-то иначе избавиться от тела.

— У тебя хватит сил утащить его отсюда. Можно оттащить к той разрушенной церквушке и скинуть в провал, как ты думаешь?

— Все равно слишком близко. И это испугнет Графа — он испугается, что поблизости начнут шляться всякие посторонние личности, и уберется оттуда.

— И что с того?

— Я предпочитаю знать, где он находится. Если он переселится, нам снова придется разыскивать его...

— Труп, — напомнила она, прерывая сложную цепь моих размышлений.

— Да, да, я думаю. До реки чертовски далеко, но я вот что подумал: может, мне все-таки удастся в несколько приемов перетащить его туда и столкнуть в воду? По дороге уйма укромных местечек, где можно припрятать на время труп.

— А лошадь?

— Ты не могла бы связаться с Ползцом? Расскажи ему, что произошло, изложи наши размышления. Лошади часто боятся змей. Может, он сумеет напугать ее и прогнать обратно в город?

— Во всяком случае, попробовать стоит. Ты все-таки проверь, сможешь ли в одиночку справиться с телом.

Я обошел труп, вцепился зубами в воротник, напряг лапы и потянул. По влажной траве тащить его не составляло труда. Да и на самом деле он был несколько легче, чем казалось на первый взгляд.

— Да, я управлюсь. Понимаю, что за один прием мне его не утащить, но по крайней мере отсюда я его убрать смогу.

— Хорошо, пойду разыщу Ползца. Он должен быть где-то поблизости.

Она растворилась в траве, а я взялся за транспортировку полисмена, изуродованное лицо которого было обращено к затянутому облаками небу. Весь день я только и делал, что тащил его, периодически останавливаясь передохнуть. Дважды мне приходилось прятать тело: один раз, когда поблизости объявились какие-то люди, и другой, когда пришло время вернуться домой и сделать очередной обход: Тварь-в-Паровом-Котле опять что-то чересчур возбудилась. В один прекрасный момент мимо меня по дороге проскакала лошадь.

Остановил меня спустившийся вечер. Оставив тело в подлеске, я вернулся домой подремать и перекусить. За сегодняшний день я не преодолел даже половины пути.

15 октября

Все та же серость и сырость. Я обежал дом и с утра пораньше выскочил наружу, чтобы посмотреть, что делается в округе. Несколько раз за прошедшую ночь я выходил поупражняться в перетаскивании тел. Утром у меня ныли все кости, а на восходе еще ввалился Игл.

— Он снова рыскал вместе со своей арбалетной шайкой, — отрапортовал он. — Я пока не могу сказать, сколько их всего, но могу показать, где живет один из них.

— Потом, — ответил я. — Сейчас я занят.

— Ладно, — пропищал он. — Вечером свожу тебя, если будешь свободен.

— Полиция не объявлялась?

— Полиция? А полиция-то тут при чем?

— Так, мелькнула одна мыслишка. Потом расскажу. Если не узнаешь от кого другого.

— Ну ладно, до вечера, — сказал он и исчез.

Я же направился к трупу и тащил его до тех пор, пока больше не мог ступить ни шагу. А затем поплелся домой: челюсти болят, лапы ноют, вновь начали давать о себе знать старые раны — последствия той стычки с зомби.

Когда я отдыхал под деревом, показалась Серая Дымка.

— Ну, как дела? — спросила она.

— Приемлемо, — ответил я. — Предстоит еще долгий путь, но тело уже на безопасном расстоянии отсюда. Мимо меня проскакала лошадь. Насколько я понял, это ты позаботилась.

— Да, Ползец с радостью согласился помочь нам. Видел бы ты его. На лошадь разыгранное им представление произвело неизгладимое впечатление.

— Хорошо. Появлялся кто-нибудь посторонний?

— Да. Я наблюдала за домом констебля. Так вот, туда приезжал инспектор из города. Там же присутствовали Великий Сыщик и его напарник, запястье толстяка было туго перемотано бинтом.

— Бедняга. Надолго они к нам?

— Инспектор уехал сразу. Но Сыщик остался, чтобы нанести визит викарию и прочим.

— О черт! Интересно, что викарий им наговорил?

— Мне никак было не подслушать. Но после этого разговора Сыщик облазил всю округу. Они даже побывали неподалеку от Дорогого Доктора.

— К Графу они не ходили, не знаешь?

— Нет, не ходили. Однако долго расспрашивали Оуэна о пчеловодстве. Предлог, разумеется. И я была поблизости, когда они заметили арбалетные болты, торчащие из стены вашего дома.

— Черт! — выругался я. — Совсем забыл. Надо будет что-то с ними сотворить.

— Я пойду покопаюсь у себя, — сказала она. — Свяжусь с тобой попозже.

— Да и у меня тоже дел хватает.

Я прошелся дозором по дому и снова отправился немножко позабавиться с констеблем. Если уж на то пошло, с трупами легче обращаться, когда они костенеют, чем наоборот, а этот снова разбух.

Вечер. Джеку опять понадобилось выйти на промысел. Когда Игра входит в эту стадию, всегда обнаруживается несколько предметов, которые срочно надо приобрести, пока не поздно. На этот раз патрульные были расставлены буквально на каждом углу, некоторые из них прогуливались парами. Мимо проскользнула Сумасшедшая Джилл, вызвав поворот нескольких голов; через открытую дверь пивной я увидел Растова, одиноко сидящего за столиком, на котором стояли початая бутылка водки и стакан (интересно, что поделывает Ползец, когда его хозяин погружается в себя?); проскочила крыса, очень напоминающая Бубона, зажав во рту чей-то палец; проковылял, пошатываясь и громко распевая что-то неудобоваримое по-валлийски, Оуэн в обнимку с какими-то парнями, чьи лица были вымазаны угольной пылью... Вскоре я заметил Морриса — в парике, в женском платье, нарумяненного и повисшего на руке Мак-Каба.

— Развлекаются кто как может, — подвел итог Джек, — прежде чем положение станет слишком серьезным.

Лохматый старик с повязкой на глазу, прихрамывающий и с иссохшей рукой на перевязи, продавал карандаши, торчавшие из жестяной кружки. Стоило ему только вынырнуть из тумана, как я сразу положил на него глаз, поняв по запаху, что это не кто иной, как заgrimированный Великий Сыщик. Джек взял у него карандаш и щедро расплатился.

Старик пробормотал: «Да хранит вас господь, мистер», — и укывлял обратно в туман.

На этот раз необычайные трудности подстерегали нас на пути, и должен сказать, хозяин превзошел самого себя. Когда же мы спасались от погони, а на хвосте у нас висело десятка два патрульных и заливались свистки, слева вдруг приоткрылась дверка, и знакомый голос произнес:

— Сюда!

Мы нырнули в укрытие, дверца мягко затворилась, и мгновение спустя за ней раздался топот пробежавших мимо полицейских.

— Благодарю, — прошептал Джек.

— Всегда рад помочь, — отозвался Ларри. — Кажется, сегодня ночью никому не сидится дома.

— То еще времечко наступает, — подтвердил Джек. Из свертка у него в руках тихонько закапало.

— У меня здесь имеется полотенце, которое я могу вам одолжить, — сказал Ларри.

— Еще раз спасибо. Но откуда вы узнали, что оно может понадобиться?

— Я многое предвижу, — ответил Ларри.

На этот раз провожать он нас не стал, я же, едва мы перешли через мост, отлучился и вернулся к трупю. Оказалось, кто-то до него уже добрался и несколько пообгрыз, но все равно тело еще находилось в довольно приличном состоянии.

Пока я бился там, мне показалось, будто откуда-то сверху меня окликнула Серая Дымка, но рот был занят, а оставившись, чтобы поглядеть навстречу, я не хотел.

16 октября

Всю прошлую ночь я спал как убитый, когда же проснулся, все тело болело. Я прошел по дому.

— Как насчет афганки? — спросила Тварь-в-Круге, перевоплотившись в изящную аристократку.

— Извиняйте, устал что-то сегодня, — пробурчал я.

Тварь выругалась, и я оставил ее.

Шуршалы, сгрудившись у края зеркала, собрались в один комок, отбрасывающий голубоватые отблески. Почему — не знаю. Одна из маленьких загадок этой жизни...

Снаружи я обнаружил мертвую летучую мышь, пришпиленную к дереву арбалетным болтом. Не Игл, просто какой-то местный. Нет, этого так оставлять нельзя...

Я вернулся к труп, который опять основательно пожевали и который уже порядком попахивал, и перетащил его к следующему укрытию. На большее я был не способен. Я развернулся и побрел домой — челюсти ноют, шея переламывается от боли, лапы начисто истерлись.

— Я хочу умереть. Я хочу умереть, — раздался тонкий голосок прямо у меня из-под ног.

— Ползец, в чем дело? — спросил я.

— Хозяину стало плохо, прямо здесь, — произнес он. — Я воспользовался этим и сбежал. Я хочу умереть.

— Будешь лежать здесь и дальше — любая проезжающая мимо телега непременно исполнит твое желание. Так что переберись-ка ты лучше поближе к обочине. Давай я помогу тебе.

Я перенес страдающую рептилию в травку.

— Что мне делать, Снафф? — спросил он.

— Полежи на солнышке, пропотей как следует, — посоветовал я ему. — Пей побольше.

— Не знаю, стоит ли...

— Тебе станет лучше. Можешь мне поверить.

И я оставил его стонать на вершине камня. Я добрался до дома, пролез внутрь и из последних сил, ползком, обследовал комнаты, проверяя, все ли в порядке. Хозяина дома не было. Я поспал в гостиной, проснулся, перекусил, снова вздремнул.

Чуть погодя я слышал Джека, приближающегося к па-

радной двери. Он был не один: судя по шагам, вместе с ним шел Ларри Тальбот. Они остановились у двери, продолжая дискуссию, начатую, по-видимому, по дороге сюда. Похоже, они только что вернулись из офиса констебля Теренса, куда были приглашены в числе нескольких других соседей для опроса, учиненного городским начальством и касающегося пропавшего констебля, того самого, которого я сейчас тащил через поля, через леса. И насколько я понял из их беседы, разобравшись с ними, сразу ввели следующую группу людей для дальнейшего опроса. Но я сейчас так себя чувствовал, что мне было все равно, найдут они полисмена или не найдут. Коли найдут, так пускай забирают все, что от него осталось.

— ...И викарий Робертс сидел там, глаз с нас не сводя, будто все мы в сговоре обтяпали это дельце, — говорил Ларри. — Да какое право имеет этот человек присутствовать на официальном дознании? Он же чокнутый.

— К счастью, — зазвучал в ответ голос Джека. — Иначе кому-нибудь могло прийти в голову обратить внимание на его намеки.

— Верно, — согласился Ларри. — Вот кого бы стоило прикончить, так это именно его.

— И опять же тогда обратили бы внимание на его видения.

— Да, конечно. — Последовал глубокий вздох. — Я просто срываю злость, ненавижу тех, кто осложняет и без того затруднительное положение. — Он снова вздохнул. — Я заметил, что на этот раз у него с собой не было арбалета, — добавил он.

— А вот этот факт заставит некоторых поломать головы. Они дружно усмехнулись.

— Ларри, — внезапно сказал Джек. — Признаюсь, я не совсем понимаю, какое участие принимаете во всем этом вы. То, что вы человек знающий, не подлежит ни малейшему сомнению; в том, что вы отдаете себе полный отчет в своих действиях, я абсолютно уверен; не могу отрицать и того, что вы были весьма полезны. И я благодарен вам за это. Но в то же время вы не собираете ингредиентов, необходимых для формирования силы, направленной в ту или

иную сторону. Признаю опять-таки, что, когда вы впервые появились у меня и назвались закрывающим, я счел ваше поведение несколько несуразным. Но сейчас я понимаю: в этом что-то есть. Однако, насколько я могу судить, вы не исполняете никаких сопутствующих действий, пренебрегаете какой-либо защитой перед днями, что ждут нас впереди. И если это действительно так, то вы, возвещая о своей позиции и одновременно продолжая пребывать в пределах Игры, навлекаете на себя верную гибель.

— Вы — единственный, с кем я поделился этим, Джек, — ответил Ларри.

— Но почему?

— Естественно, я встречался почти со всеми игроками. Но в вас крылось нечто такое — может, это связано с вашим псом, — что уверило меня: я буду в полной безопасности, открывшись вам. Я ведь уже говорил вам, что предчувствие — мой коронный номер.

— Но, сэр, ваша роль во всем происходящем? В чем она заключается?

— Я никогда и никому не рассказываю все до конца. Это может повлиять на ваши поступки и изменить порядок вещей, который я предвижу. Тогда мне придется начинать сызнова, и существует вероятность, что я могу опоздать.

— Признаюсь, вам почти удалось запутать меня, но я чувствую, что за вашими словами кроется истина. Когда придет время, расскажите мне все, что сможете.

— Всенепременно.

Я услышал, как они ударили по рукам, затем раздалися удаляющиеся шаги Ларри.

Некоторое время спустя я отправился потренироваться в перетаскивании тяжестей на длинные дистанции. Теперь я добрался до места, где земля превратилась в жидкую кашу — вот где начался настоящий ад. Труп цеплялся за кусты ежевики, путался в сухих сучьях и застревал меж кочек. Бьюсь об заклад, на этом участке полисмен оставил еще несколько частей своего тела, но я слишком устал, чтобы оглядываться назад. Наконец я бросил его и направился домой. Было уже около полудня, и все говорило о

том, что сегодня ночью мы снова отправимся на охоту: рождение новой луны и все такое прочее. А мне надо было отдохнуть.

На обратном пути я проверил, на камне ли еще Ползец, но нет, его уже нигде не было видно. Зато вдаль устремлялся крайне извилистый след.

Серая Дымка, пристроившись на столь часто посещаемой ветви дерева, ожидала моего возвращения. Я отметил, что пришипленное тельце летучей мыши куда-то подевалось, хотя арбалетный болт так и торчал из ствола.

— Ну что, Снафф, ты закончил, нет? — спросила она, спускаясь вниз.

— Лучше не спрашивай. Дельце оказалось не таким уж легким.

— Извини, — проговорила она, — но сегодня я была у констебля со своей хозяйкой, слышала все эти разговоры...

— И что там говорили?

— Будто знают, что он приехал сюда, и, уверены, назад он не вернулся, и они этого так не оставят, пока не найдут его или не выяснят, что с ним произошло. И так далее.

— А, ничего нового. А как прошло дознание?

— У нас все в порядке. Хозяйка свершила свое безумное действие: заявила, что его утащил для подмены маленький народец. Им пришлось убеждать ее сидеть спокойно. Растов внезапно стал понимать по-английски куда хуже обычного. Моррис и Мак-Каб вели себя очень вежливо: просто сказали, что ничего не знают. Джек продемонстрировал свои изысканные манеры, проявил массу сочувствия, но ничего добавить не смог. Дорогой Доктор негодовал, сетуя, что спокойствие, которого он искал, дабы завершить свои исследования, было нарушено тем же самым, от чего он так упорно бежал. Ларри Тальбот сказал, что никогда не видел этого человека. Оуэн сообщил, что они поговорили, но он не заметил, куда тот потом отправился. Хотя он скорее всего последний, кто видел полисмена, если верить списку, который перед своей гибелью полицейский обсудил с констеблем.

— А что викарий?

— Он просто заявил, что кто-то из нас лжет, дабы по-

крыть «диаволово деяние», и что он обязательно дознается — кто.

Я покатался в высохшей траве и стал выкусывать застрявшую в шерсти колючку.

— Далеко продвинулся? — спросила она.

— Ну, может, на две трети. Сейчас как раз самый мерзкий участок.

— Они, вероятно, обыщут все в округе, а потом двинутся дальше. У тебя есть еще немного времени.

— Это успокаивает. Вы идете сегодня ночью на промысел?

— Наверное.

— Завтра все заканчивается. Так что без обид, как бы все ни обернулось.

— Никаких обид.

— Неподалеку от реки я наткнулся на здоровенный куст кошачьей мяты. Если останемся живы, я угощаю.

— Спасибо.

Она потянулась. Я потянулся и зевнул. Мы кивнули друг другу и направились каждый своей дорогой.

17 октября

Скоро начнется. Сегодня новолуние. Теперь день ото дня сила будет нарастать вплоть до самого полнолуния, до тридцать первого числа, — комбинация, которая сводит нас воедино. И с возрастанием силы мы принимаемся за работу, которая разделит нас. Денечки предстоят крайне занимательные — определять по поступкам, кто открывающий, а кто закрывающий. Прошлая ночь могла являть собой последний образец сотрудничества.

Джек решил посетить кладбище, чтобы добыть парочку недостающих ингредиентов. Свой выбор он остановил на том кладбище, что подальше и в стороне от обжитой местности, куда мы раз уже ходили. Он устроился верхом на лошади, прихватив лопату и фонарь с увеличительным стеклом, я же потрусил рядом.

Хозяин привязал лошадь в небольшой рошице у самого кладбища, и дальше мы пошли пешком. Ночь была, есте-

ственно, очень темной. Но при помощи фонаря мы быстро подыскали себе подходящий уголок — укромное и к тому же недавнее захоронение. Джек немедля приступил к работе, а я настороженно ходил в сторонке.

Это была довольно мягкая, приятная октябрьская ночь — над головой порхали летучие мыши, ярко сияли звезды. На некотором расстоянии слышались чьи-то шаги, но поскольку прохожий направлялся не к нам, тревоги я решил не поднимать. С этакой ленцой я курсировал вокруг нашей могилки. Через полчаса что-то очень крупное просвистело над головой, стремительно снижаясь. Однако приземлилось оно вдалеке от нас, и никаких поползновений приблизиться с его стороны не наблюдалось. Еще некоторое время спустя над нами снова пролетело тело примерно такой же величины, опять снизилось, но несколько в стороне от первого летуна, однако приблизиться опять-таки не решилось. Я держал ухо востро, но голоса пока не подавал. Немного погодя до меня донесся перестук копыт лошадей, кто-то спешился, зашуршали шаги. Потом, за скрипев, остановилась телега. Одновременно с нескольких сторон слышалось невнятное, приглушенное перешептывание. При виде столь бурно развернувшейся деятельности я постепенно начал испытывать определенное неудобство и пробрался подальше к центру кладбища. Там, прислушавшись повнимательнее, я различил звон лопат, доносящийся буквально из всех уголков.

— А я помню тебя, — раздался чей-то знакомый голос. — Ты сторожевой пес, как и я, тот, с большими зубами.

Это оказался кладбищенский пес, совершающий свой обход.

— Вечер добрый, — отозвался я. — Да, да, я тоже помню. Что-то сюда вдруг набежало столько народу...

— Да уж, по-моему, это чересчур, — откликнулся он. — Я вот не знаю, поднимать тревогу или нет. Что-то не хочется, могут ведь и побить. Да и, кроме того, здесь все мертвы, кому какая разница? Пожаловаться они не смогут. Чем дальше старею, тем большим консерватором становлюсь. Теперь-то я все чаще сторонюсь всякой суеты, беспорядка. Единственное, чего бы я мог сейчас пожелать,

так это чтобы все, закончив свои дела, поаккуратнее засыпали, что раскопали. Может, передашь по кругу?

— Не знаю, — сказал я. — Даже понятия не имею, кто там может оказаться. Видишь ли, это тебе не профсоюз со всеми прилагающимися правилами и политикой. Обычно мы стараемся обтяпать дельце как можно качественнее да свалить побыстрее ко всем чертям.

— Что ж, было бы очень мило с вашей стороны, если б вы за собой прибрали. Мне забот меньше.

— Боюсь, я могу говорить только за своего хозяина, но он обычно весьма опрятен в подобных делах. Может, тебе самому стоит подойти к остальным?

— Да пускай все идет как идет, — пробормотал он. — А жаль.

Затем мы вместе немножко прогулялись. Чуть погодя откуда-то снизу донесся голос, очень похожий на голос Мак-Каба:

— Проклятье! Мне левая тазобедренная кость нужна, а у этого покойника ее почему-то нет!

— Левая тазобедренная кость, вы сказали? — прозвучал древний скрипучий голос, вполне возможно, принадлежащий Оуэну. — Есть такая, и совсем ни к чему мне. А печени у вас, случаем, не завалилось? Вот бы мне пригодилась...

— Найдется! — откликнулись в ответ. — Секундочку. Вот! Махнемся?

— Договорились! Ловите!

Что-то мелькнуло в ночи и покатилося вниз по склону, преследуемое торопливыми шагами.

— Все честно! А вот и ваша печень!

Чуть выше прозвучало «шлеп» и приглушенное:

— Есть!

— Эй! — раздался слева от нас женский голосок. — Раз уж об этом зашла речь, у вас черепа не найдется?

— Ну, разумеется! — отозвался второй мужчина. — А взамен что?

— А что надо?

— Суставы пальцев!

— Замечательно! Я перевяжу их веревочкой!

— Вот ваш череп!

— Поймала! Сейчас придут ваши пальчики!

— А ни у кого не завалился переломанный позвоночник висельника? — спросил глубокий мужской голос с венгерским акцентом, откуда-то издали справа.

На минуту воцарилась тишина. А затем:

— Какие-то переломанные позвонки здесь болтаются! Не знаю, подойдут ли!

— Возможно, подойдут! Вас не затруднит переслать их сюда?

Что-то белое, постукивая на лету, промелькнуло на фоне залитого звездным светом неба.

— Да. Вполне годятся. Что возьмете взамен?

— Забирайте даром! У меня все! Спокойной ночи!

Послышался звук торопливо удаляющихся шагов.

— Вот видишь? — заметил старый пес. — Он не зарыл за собой.

— Мне очень жаль.

— Теперь мне всю ночь возиться в грязи.

— Боюсь, ничем не могу тебе помочь. У меня своей работы хватает.

— Эй, кто-нибудь, нужны глаза! — позвали из ночи.

— Здесь есть, — произнес кто-то с русским акцентом. — Во всяком случае, один глаз точно есть.

— А у меня — второй, — добавил аристократический голос с противоположной стороны.

— Выбирайте, кому-то достанется парочка ребер, кому-то — пара почек!

— Здесь, сюда, меняюсь на почки! — присоединился еще один голос. — И мне неплохо бы пателлу!

— А это что такое?

— Коленная чашечка!

— Да? Нет проблем...

На обратном пути, неподалеку от ворот, мы наткнулись на щуплого мужичка с седой бородой, клюющего носом и опирающегося во сне на лопату. Обычный человек, бросив случайный взгляд, принял бы его за могильщика, вышедшего немножко проветриться, но на деле запах его принадлежал Великому Сыщику, да и не дремал он вовсе. Кто-то общался чересчур громко.

Джек закутался, и мы скользнули мимо — тени среди других теней.

Таким образом, наша работа была завершена быстро и ко всеобщему удовлетворению, если не принимать во внимание усталого кладбищенского пса. Такие мгновения случаются редко и пролетают быстро, но всегда ярко вспыхивают в цепочке воспоминаний, когда, проанализированные и осмысленные, во времена великих напастей вновь призываются на помощь из туманных глубин памяти.

Прошу прощения. Новолуние, как говорится, наводит на размышления. Время очередного обхода. А затем опять немножко потаскаем тяжести.

18 октября

За один прием мне не удалось вытащить труп из той грязи, где я его бросил. Я чертовски вымотался. Джек уединился со своими ингредиентами. Всюду шлялась полиция, прочесывая округу. И викарий был под боком, наставляя на путь истинный участвующих в поисках. Снова на землю пала ночь, а я вернулся обратно в грязь, отогнал парочку мелких трупоедов и в который раз взвалил на плечи ставшую уже привычной ношу.

Так я пахал чуть больше часа, периодически выкраивая минутку-другую перевести дыхание, когда вдруг понял, что не один. Он был куда больше меня и двигался столь беззвучно, что я даже позавидовал, — словно лоскут ночи отделился от пейзажа и бесшумно плыл среди окружающей тьмы. Он, казалось, мгновенно понял, что я заметил его, и направился ко мне длинными легкими прыжками. Это был один из самых громадных псов, каких я когда-либо видел за пределами Ирландии.

Поправка. Когда он приблизился, я понял, что на самом деле это вовсе не пес. На меня надвигался здоровенный серый волк. Пятясь задком от трупа, я быстренько прокрутил в уме все, что помнил, о благополучных исходах подобных встреч и обстоятельствах, которые этому способствовали.

— Можешь забрать, — сказал я. — Нисколько не возражаю. Правда, он не в лучшем состоянии.

Волк еще надвинулся. Чудовищные челюсти, дикие огромные глаза... Он сел.

— Значит, вот оно где, — заметил он.

— Что «оно»?

— Пропавшее тело. Снафф, ты забавляешься с вещественным доказательством.

— С равным успехом ты мог бы заметить, что я забавляюсь с тем, с чем кто-то другой уже успел вволю позабавиться. Да и кто ты такой?

— Ларри. Тальбот.

— Даже меня одурачил. Мне показалось, что ты — злой волчара... о!

— И это тоже.

— Так ты оборотень, да? И сейчас перекинулся. Но ведь луны-то почти не видно.

— Ну да.

— Ловко ты... Как это у тебя получилось?

— Я могу проделывать это, когда захочу, при помощи некоторых растительных веществ и сохранять подобающую форму — за исключением того времени, когда на небе светит полная луна. Тогда это происходит произвольно со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями.

— Понятно. Ну, как берсерк.

— Вульфсерк, — поправил он. — Да.

— А что ты делаешь здесь?

— Следил за тобой. Обычно это мое самое любимое время месяца, когда никакой лунный свет меня не тревожит. Но я предпочел воспользоваться этим, чтобы немножко разведать обстановку. Потом возникла необходимость переговорить с тобой. Я отправился на поиски. И все-таки, что ты делаешь с этим телом?

— Пытаюсь дотащить до реки и столкнуть в воду. Кто-то подбросил его прямо к нашему дому, и я побоялся, что на Джека может пасть подозрение.

— Могу протянуть тебе руку... в общем, могу помочь.

С этими словами он схватил труп за плечо и начал пя-

тяться. Никаких там взваливаний на себя, никаких подтягиваний, как делал я в свое время. Он просто пятился, быстро набирая скорость. Я даже не видел, чем я могу помочь. Ухватясь за что-нибудь, я бы только замедлил его ход. Поэтому я рысцой бежал рядом и сторожил.

Час спустя, может, чуть позже, мы уже стояли на берегу и наблюдали за тем, как течение уносит труп с глаз долой.

— Даже описать не могу, как сейчас счастлив, — сказал я.

— Ты только что это сделал, — возразил он. — Ладно, давай назад.

Мы вернулись, но, миновав мой дом, он, не снижая скорости, побежал дальше.

— Куда мы направляемся? — наконец не выдержал я, когда на втором перекрестке он свернул налево.

— Я же сказал, что искал тебя специально, чтобы переговорить. Но сначала я тебе кое-что покажу. Если я правильно ориентируюсь во времени, сейчас примерно около полуночи.

— Да, около того.

Мы приблизились к местной церквушке. Внутри светились тусклые огни.

— Передняя дверь скорее всего закрыта, — в раздумье промолвил он. — Да и не надо нам туда.

— А что, мы собираемся проникнуть внутрь?

— Таковы мои намерения.

— Ты бывал там раньше?

— Да. Я знаю один кружной путь. Мы войдем через задний вход, если никого там не будет, проскочим небольшой вестибюль, свернем налево, а через несколько шагов — направо и вверх по узенькому коридорчику. Если все чисто, мы очутимся в ризнице.

— И что потом?

— А потом, если правильно выберем место для наблюдения, то кое-что увидим.

— Что?

— Мне и самому интересно. Так что пойдем посмотрим.

Мы обежали здание, подкрались к заднему входу и прислушались. Установив, что с другой стороны двери никого нет, Ларри поднялся на задние лапы — выглядел он в этом

положении куда более грациозно и изящно, нежели смотрелся бы я. Но ведь у него и практики было побольше. Он ухватился за дверную ручку передними лапами, сжал, повернул и медленно потянул на себя.

Дверь отворилась, и мы вошли. Столь же тихо он прикрыл ее за нами. Мы проследовали дорогой, которую он описал ранее, и, войдя в ризницу, выбрали достаточно удобное место, чтобы во всех подробностях обозреть действие, на которое он намекал.

Вовсю шла служба.

На ней присутствовало весьма ограниченное число людей: одна женщина и несколько мужчин, все они занимали передние скамьи. Викарий стоял перед алтарем, который, как я заметил, был закутан в черную ткань, и что-то читал своей пастве. Периодически он прищуривался, поднося книгу к самым очкам, так как мерцающий свет вовсе не располагал к чтению — помещение освещалось всего парой-другой черных свечей. Ларри обратил мое внимание на то, что крест перевернут, но я и сам уже разглядел это.

— Тебе известно, что это означает? — тихо спросил он.

— Какой-то религиозный знак скорби?

— Прислушайся к тому, что он говорит.

И я прислушался.

— «...Ньярлатхотеп, — читал он, — грядет, опираясь на кручи, прыгая по долам. И схож видом своим он со многоногим козлом, и встает он позади стен наших, и заглядывает он в окна, объявляясь сквозь решетки, торжествующий козлорог. И Ньярлатхотеп молвит так: «Вздымайтесь, дети мои, создания тьмы, оставляйте сие. Ибо, зрите, зима недалеко, и холодом ливни струятся. Цветы погибли на лике земном, и птицы замолкли все до единой. И труп черепахи лежит. Смоковницы сохлились, и с ними лоза виноградная. Так поднимайтесь же, дети мои, создания тьмы, оставляйте сие...»

Со своего места, покачиваясь, поднялась женщина и начала разоблачаться.

— Что ж, ты доказал мне, — обратился я к Ларри, тщательно запоминая лица, — это те самые прихожане, кото-

рые, как я подозревал, составляли костяк шайки с арбалетами.

— Тогда, раз мы намек уловили, давай «оставим сие», — сказал он.

Я последовал за ним прочь из ризницы, и мы удалились тем же путем, что и пришли. Не спеша мы потрусили назад к перекрестку.

— Значит, и он включился в Игру, — пробормотал я спустя некоторое время.

— Вот как раз его статус я и хотел с тобой обсудить.

— Да?

— Я знаю, что в подобных делах задействованы некие геометрические законы, но мне так и не удалось целиком овладеть ими, — сказал он. — Однако я отдаю себе отчет, что немалую роль здесь играет место жительства каждого игрока.

— Верно. А, я понял, к чему ты ведешь.

— Да. Как его присутствие повлияет на образ? Снафф, если я не ошибаюсь, ты умеешь управляться с этими штучками?

— Умею. Я уже бегал по линиям некоторое время. А вообще, где он живет?

— Тот коттедж, сразу за церковью, и есть дом vicария.

— Понятно. Довольно-таки близко. Придется мне снова заняться расчетами.

— Снафф, мне нужно знать, где находится центр, место, где состоится проявление.

— Я понял тебя, Ларри, и скажу, как только все подсчитаю. А ты не поделишься со мной своими планами? У меня такое ощущение, ты здесь неспроста.

— Извини, но нет.

— Следовательно, начинают возникать некоторые проблемы.

— Как так?

— Ну, если я не знаю, что ты замышляешь, тогда непонятно, брать тебя в расчет как игрока или не брать, включать или нет твой дом в диаграмму.

— Ага.

Добежав до перекрестка, он остановился.

— А не мог бы ты просчитать и так, и так — со мной и без меня, — а потом сообщить результаты?

— И еще неизвестно, включать в расчеты викария или нет... Нет, это будет чертовски сложно: придется принимать во внимание сразу четыре варианта. Почему ты боишься раскрыться мне? Ты ведь уже намекал, что ты закрывающий. Хорошо. Я тоже закрывающий. Легче тебе от этого? Твоя тайна будет в целостности и сохранности. Мы на одной стороне.

— Да нет, Снафф, дело не в этом, — сказал он. — Я ничего не могу сказать тебе, потому что сам ничего не знаю. Я предвижу. Мне известно кое-что из того, что должно случиться в будущем, и я предвижу, что в ночь полнолуния окажусь в центре. И, да, я на вашей стороне. Но той ночью я буду, как бы тебе сказать, слегка не в себе. Я никак не могу разработать формулу, которая позволила бы мне оставаться самим собой в полнолуние. Не уверен, что меня можно отнести к игрокам. Но обратного тоже не могу утверждать. Я — самая настоящая темная лошадка.

Я запрокинул голову и громко завыл. Иногда это помогает.

Я пришел домой, обошел дозором Тварей, поломал голову над возникшими проблемами и лег спать. С утра пораньше, бегая по округе и делая подсчеты, я столкнулся с Серой Дымкой.

— Привет, кошка, — поздоровался я.

— Привет, пес. Как продвигаются работы по очистке окружающей среды?

— Закончено. Исполнено. Сделано. Все уплыло. Прошлой ночью.

— Замечательно. А то мне уже начало казаться, что они обнаружат его прежде, чем ты успеешь добраться до реки.

— Мне тоже.

— Теперь мы должны следить за своими словами.

— И за своими мыслями. Но мы оба не малыши и, конечно, весьма разумные существа. Кроме того, мы представляем себе положение вещей. Ну, как дела?

— Не лучшим образом.

— Трудности с математикой?

— Не могу говорить об этом.

— Ничего. Сейчас все мучаются этой проблемой.

— Точно знаешь? Или просто догадываешься?

— А иначе и быть не может, уж поверь мне.

Она пристально посмотрела на меня.

— А я действительно верю тебе. Одно мне хотелось бы знать — откуда у тебя такая уверенность?

— Вот этого, боюсь, я сказать тебе не могу.

— Понимаю, — ответила она. — Но давай не разрывать отношений только потому, что мы вошли во вторую фазу.

— Договорились. Я и сам считаю, что это было бы ошибкой.

— А как твои дела?

— Тоже не лучшим образом.

— Трудности с математикой или с кем-нибудь из игроков?

— Угадала. И то, и другое.

— Если ты разрешил проблему с Тальботом, я могла бы кое-чем махнуть в обмен на сведения, в Игре он или нет.

— Чем именно?

— Не хочу говорить. Но это может пригодиться, если станет совсем худо.

— Я бы, конечно, обменялся, но у меня самого пока нет точного ответа.

— Ну, даже неточный кое-что дает — немного, правда, но все-таки. У меня же отрицательный результат, но тоже результат: посреди дороги это произойти не может. Хозяйка провела некоторые исследования и нашла ряд весомых метафизических причин — почему не может.

— Я и сам пришел к такому заключению, хотя абсолютно незнаком с метафизикой. Ладно, таким образом, мы остались при своем.

— До скорой встречи.

— Да, до скорого.

Затем я направился к своему излюбленному месту для размышлений — невысокому холму на северо-востоке, откуда вся местность была видна как на ладони. Я называл это место Собачьим Гнездовищем. Я залез на верхушку

одного из огромных каменных блоков, раскиданных там, и наградой мне была открывшаяся панорама наших краев.

Игроки...

В случае, если ни Тальбот, ни викарий не участвуют в Игре в полном смысле слова, у меня на руках оказывался один очень любопытный вариант. Вариант этот сохранялся даже в том случае, если Ларри все-таки входил в число участников. Граф еще этот, надо будет его проверить. Да и викарий — темная лошадка. Если вместо Ларри в Игру входил он, то центром событий могло оказаться то самое место, которое я как раз недавно посетил. А если принять за игроков и викария, и Ларри, вероятно, уже третье месторасположение проявления, где-то к юго-востоку — я сам еще точно его не просчитал. Я по кругу обошел вершину холма, ставя метки на каждом камне — отчасти чтобы не забыть, что я уже сосчитал, а что нет, отчасти в расстройстве из-за того, что все мои планы рушатся.

Ага, вот, получилось, и я в уме отметил место. Если играют и тот, и другой, тогда третьим возможным местом действия становится здоровенный старый дом, о котором мне пока ничего не известно. Сердце радостно екнуло, как у щенка, во мне пробудилась надежда, хотя и наивная. Вариант казался очень и очень вероятным. Надо все тщательно проверить.

И тогда я понял, что мне потребуется помощь какой-нибудь кошки.

Я отправился на поиски Серой Дымки, но она словно испарилась. Всегда так, кошек никогда нет под рукой, когда в них возникает необходимость. Хотя время еще было.

19 октября

Ночью я отправился на разведку к тому древнему особняку. Приблизившись, я заметил, что совсем недавно здесь хорошо потрудились: в воздухе стояли запахи свежераспиленных бревен, краски, кровельных работ, — но заперт дом был покрепче какой-нибудь священной урны, и поэтому я так и не смог разобрать, есть там кто внутри или нет. Я повернул назад, все еще испытывая громадное об-

легчение, что с перетаскиванием трупа с места на место покончено. Среди ветвей свистел ветер, гоняя по земле сухие листья. Немного в стороне, над жилищем Дорогого Доктора, мелькали вспышки молний.

— Французский пудель? — завидев меня, спросила Тварь-в-Круге.

— Не сегодня.

— Что-нибудь еще? Я дам все, что твоей душе угодно! О, как бы я хотела выбраться отсюда, убивать, терзать! С каждым днем я становлюсь все сильнее и сильнее.

— Твое время придет, — сказал я.

Тварь-в-Паровом-Котле проковыряла в передней стенке бака небольшую дырочку. Сквозь нее на меня взирал громадный желтый глаз. Но сама Тварь вела себя тихо.

Из гардероба на чердаке доносился громкий храп.

Я постоял напротив зеркала в передней. Все Твари снова спутались в клубок и почти не шуршали. Внимательный осмотр показал, что они расположились напротив маленькой трещинки в стекле, которой я раньше не замечал. Или, может, они как-то научились создавать такие пространственные трещинки в оболочке своей тюрьмы? Но, все равно, эта лазейка была слишком маленькой, чтобы они смогли выбраться сквозь нее. Хотя на всякий случай я решил повнимательнее приглядывать за ними.

Проснулся я от скрипа колес, стука лошадиных копыт и шумных споров, доносящихся со стороны дороги. Кто-то пел на неизвестном языке. Потянувшись и задержавшись на пару секунд, чтобы хлебнуть водички, я вылез наружу — посмотреть, что происходит.

Стояло чудесное бодрящее утро с сиянием солнца и легкими порывами ветерка, листва похрустывала под лапами. По дороге тянулся целый караван: люди, подпоясанные кушаками, с яркими платками на головах, все без исключения цыгане, брели рядом со своими повозками или ехали на телегах. Насколько я понял, они направлялись к одно-

му из полей, раскинувшихся между нами и городом, неподалеку от дома Ларри Тальбота.

— Доброе утро, Снафф, — раздалось из придорожной травы чье-то шипение.

Я подошел поближе и осмотрел кустик.

— Доброе утро, Ползец, — ответил я, заметив меж травинок темный изгиб. — Как себя чувствуешь?

— Прекрасно, — сказал он. — Куда лучше, чем в тот раз. Спасибо за совет.

— Да не за что. Куда-нибудь спешишь?

— Вообще-то я следовал за цыганами. Но, по-моему, с меня хватит. Потом и так узнаем, где они станут лагерем.

— Считаешь, они собираются расположиться где-то поблизости?

— Вне всяческих сомнений. Мы их уже давно поджидаем.

— Да? А что такое?

— Ну, в общем, ни для кого не секрет, что неподалеку поселился Граф, поэтому ничего такого необычного я тебе не раскрою. Хозяин довольно долго жил в Восточной Европе, где кое-чему научился. Когда Граф отправляется в поездку, чаще всего в пути его сопровождает цыганский табор. Растов считает, что сюда он прибыл в спешке, сразу, как только понял, где будет происходить Игра, а уже потом послал за своим табором.

— И зачем они ему здесь понадобились?

— Теперь, когда мы вошли в фазу новой луны и сила начала прибывать, появились и всякие опасности. Вроде все знают, где обитает Граф, если только он не свил себе несколько других... гм-м, гнездышек. Поэтому кто-нибудь, выдрав из изгороди кол и решив, что Игра и без Графа пройдет прекрасно, вполне может положить конец его участию в ней. Вероятно, он хочет, чтобы цыгане охраняли его жилище в дневное время.

— Боги всемогущие! — воскликнул я.

— Что, в чем дело?

— Я даже не подумал о возможности того, что у игрока может оказаться не один дом, а несколько. Ты хоть понял, что тогда станет с образом?

— Проклятье! Ты прав! Вот это плохо, Снафф. Если у

него имеется про запас еще одна могилка, а то и две, все расчеты летят к черту! Хорошо, что ты подумал об этом, но что нам теперь делать?

— Сначала я хотел сохранить это в тайне, — сказал я. — Но потом понял, что здесь нам придется действовать сообща. Надо будет составить расписание и по очереди дежурить у могилы, следя за каждым его прилетом и отлетом. Если у него в запасе есть еще какое-нибудь укрытие или укрытия, мы должны найти их.

— Может, проще проткнуть этого парня колом?

— Это не решит проблемы, наоборот, только все усложнит: а вдруг он окажется твоим союзником — или моим? Ты принесешь в жертву того, кто может все изменить в ту или другую сторону.

— Верно, верно. Если б я только знал, на чьей ты стороне.

— Не думаю, что это такая уж замечательная идея — на данный момент, во всяком случае. Мы лучше сработаемся, не зная этого.

— «Сработаемся»... А, ты имеешь в виду те дежурства?

— Есть у меня один план, но не знаю... Ты располагаешь сейчас временем?

— А что за план?

— Мне придется посвятить тебя в некоторые расчеты, что я проделал вчера, но ничего, Растов наверняка пришел к тем же выводам.

— Так, значит, в вашей паре расчетами занимаешься ты?

— Вот именно. Сейчас я расскажу тебе кое-что, а потом мы вместе пойдем и проверим. Неважно, что мы там найдем, главное — мы узнаем несколько вещей, которые помогут нам сдвинуться с мертвой точки.

— Конечно, я с тобой.

— Хорошо. Мои расчеты показывают, что одним из возможных центров проявления является та разрушенная церквушка неподалеку от склепа Графа. Не знаю, случайность ли это или так и было задумано. Но, как бы то ни было, проверить это место мы можем только в дневное время суток. И лучше разобраться с ним прямо сейчас, иначе потом там выставят цыган.

— Что именно ты хочешь проверить?

— Хочу, чтобы ты прополз внутрь и посмотрел, пригодно ли оно для этой роли или там слишком мало места, чтобы вместить центр. Я слишком велик, мне не пролезть туда. Я останусь караулить наверху и, если кто-нибудь будет проходить, дам тебе знак.

— Все сделаю, — прошипел он. — Тронулись.

Мы отправились в путь.

— И тебе придется воспользоваться хотя бы долей воображения. На первый взгляд место может показаться никуда не годным, но если ты сочтешь, что несколько человек с кирками и лопатами без труда смогут его расчистить, скажи мне.

— Означает ли это, что Ларри Тальбот тоже играет?

— Неважно, — ответил я. — Считай это одним из возможных вариантов.

— А что насчет остальных?

— Ну, ну, не надо жадничать, — пожурил я.

Мы пробрались сквозь лес. Цыгане пока до полянки не добрались, не было поблизости и никого постороннего.

— Сначала проверь склеп, — сказал я. — Ты заставил меня засомневаться, там ли еще Граф.

Ползец скользнул в отверстие. Немного погодя он вернулся.

— Там, — отрапортовал он. — Вместе с Иглом. Оба спят.

— Отлично. Давай теперь в церковь.

Я сделал парочку кругов вокруг развалин, приюхиваясь к ветерку, вглядываясь в лесной полумрак. Никого и ничего.

Спустя некоторое время показался Ползец.

— Нет, — ответил он. — Полный завал — песок да камни. Ничего не осталось. Пришлось бы заново ее отстраивать.

Я приблизился к отверстию и всунулся туда как можно глубже. Оно быстро сужалось до едва заметной щелочки, сквозь которую Ползец и пробрался внутрь.

— И далеко ты забрался?

— Футов на десять, вероятно. Там есть два ответвления, но они сразу заканчиваются тупиками.

Исходя из того, что удалось мне разглядеть, я решил поверить ему.

— Ну, и что это означает? — спросил он.

— Что это не то место, — ответил я.

— Тогда которое *то*?

Я быстренько прокачал в уме все возможные варианты ответа. Не люблю выдавать информацию конкурентам. Но в нашем случае один достоверный, но неправильно истолкованный факт может увести далеко в сторону, тем более что змей все равно рано или поздно об этом узнает.

Я попятился от отверстия и повернулся к лесу.

— Викарий Робертс, — начал я, — очень умело прикидывается религиозным фанатиком.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он один из игроков.

— Ты шутишь?!

— Нет. Каждую полночь, прямо у себя в церкви, он служит мессу Древнейшим богам.

— Викарий?..

— Можешь проверить, — пожал я плечами.

— А что ж тогда образ?

— Судя по моим расчетам, если принять во внимание викария и отбросить Ларри Гальбота, прямо в центре оказываются дом викария и церковь. Конечно, это не окончательный результат, если учесть, что Граф перебирается с места на место, но на сегодняшний день расчеты выглядят именно так.

— Викарий, — медленно повторил он.

Мы погрузились в полумрак леса.

— Таким образом, — произнес он спустя немного времени, — если у Графа имеется еще один дом или даже два, нам надо разузнать, когда они были устроены — до или после «гибели» луны.

— Верно, — согласился я. Все упиралось именно в это. Смерть, переезд на другое место жительства, выход игрока из Игры — все эти факторы влияли на общее положение дел вплоть до самого новолуния. После же мы могли убивать друг друга, каждый день переезжать из дома в дом, делать все, что захотим, — мы уже не в состоянии были изменить основной геометрии. — Надо как-нибудь разговорить Игла, только так мы сможем что-либо выяснить.

Ползец только хмыкнул.

Пока мы пробирались меж стволами деревьев, мне пришло в голову, что с моей стороны могло быть ошибкой выдать Ползецу достоверную информацию. Но мне казалось, что сам факт присутствия здесь Ларри, обладающего даром предвидения, придавал ему слишком большой вес в Игре, чтобы так просто вычеркнуть его из рядов игроков, и не имеет значения, собирает ли он ингредиенты, творит ли боевые заклинания, защитные заговоры, открывающие или закрывающие заклатья — или вообще ничего такого не делает. Если считать вместе с ним, учитывая и викария, скорее всего местом действия станет тот старинный особняк, а не церковь. А этот то и дело реставрирующийся дом на вид достаточно стар, чтобы где-нибудь поблизости от него могла вдруг обнаружиться часовенка или что-то еще, бывшее некогда часовней.

Кроме того, не так уж я был и не прав, открыв истинную личину викария Ползецу. Стоит только слуху распространиться, как все сразу начнут совать священнику палки в колеса.

— Ну так что насчет Графа, дежурства будем устраивать? — спросил я.

— Давай немного повременим, Снафф, — прошипел Ползец. — Не стоит пока посвящать в наши планы кого-либо еще. Есть у меня одна идея, как разузнать о проделках Графа.

— А как же цыгане?

— А что цыгане?

— Что у тебя на уме?

— Позволь мне самому заняться этим. Через денек-другой, обещаю, я все тебе расскажу. По сути дела, это будет даже логичнее. Мне кажется, ты считаешь куда лучше Растова.

— Хорошо. Значит, повременим.

На окраине леса мы разделились: он уполз налево, я побежал направо.

Я вернулся домой, быстренько все обошел, все проверил, убедился, что ничего непоправимого за время моего отсутствия не случилось, и снова отправился по делам.

Проследить цыган было делом несложным, так как ехали они, никуда с дороги не сворачивая, пока не добрались до места назначения. А местом этим оказалось поле, что неподалеку от жилья Ларри. Я притаился и час или два наблюдал за тем, как они разбивают лагерь. Ничего такого особенного не узнал, но зрелище было весьма живописным.

Затем со стороны дороги до меня донеслись какие-то странные звуки, которые привлекли мое внимание. К нам приближался старомодный экипаж, запряженный двумя очень усталыми на вид лошадьми. Я, не шевелясь, следил за ним, пока он вдруг не замедлил ход и не повернул на подъездную дорожку, ведущую к дому Ларри Тальбота.

Тогда я покинул свое укрытие среди кустарника и направился туда — как раз вовремя, чтобы увидеть, как кучер помогает выйти из кареты какой-то пожилой даме. Я придвинулся поближе, зайдя с подветренной стороны и проскочив рядок древних деревьев, тогда как леди, опираясь на трость из черного дерева, ковыляла к парадной двери Ларри. Там она подняла дверной молоток и пару раз ударила в медный гонг.

Ларри отворил дверь, и они о чем-то заговорили. Ветер относил их слова в сторону, но вскоре Ларри посторонился, пропуская женщину внутрь.

Весьма странно. Я обогнул дом и начал по очереди заглядывать во все окна подряд. Их я обнаружил в гостиной, они опять о чем-то беседовали. Спустя немного времени Ларри поднялся, на несколько секунд отлучился и вернулся уже с подносом, на котором стояли графин и пара бокалов. Тальбот наполнил бокалы, и, попивая шерри, они продолжили дискуссию, которая продолжалась по меньшей мере около получаса.

Наконец оба поднялись и вышли из комнаты. Я снова побежал вокруг дома, то и дело заглядывая в окна.

В конце концов я обнаружил их в комнате-оранжерее, где Ларри держал свои растения. Они довольно энергично что-то обсуждали, делая время от времени жесты в сторону буйной флоры. Это затянулось на час, не меньше, после

чего они вернулись в гостиную, взяли свои бокалы, и вновь потекла долгая беседа.

По ее окончании Ларри позвал кучера, вручил ему пару горшочков из теплицы и проводил гостей до кареты, где сердечно распрощался с пожилой дамой.

Я разрывался на части — то ли последовать за каретой, то ли сразу переговорить с Ларри. Пока экипаж с грохотом удалялся прочь, я понял, что долгого ожидания мне не снести. Глупый поступок: ведь скорее всего с Джеком я смогу общаться только между двенадцатью и часом ночи. Я кинулся к Ларри.

— Кто эта леди? — спросил я.

Он улыбнулся.

— Привет, Снафф. Как дела?

Я повторил вопрос, надеясь, что его собачий дух возбуждает над временем и он поймет меня.

— Очень милая леди, — ответил он. — Зовут Линда Эндерби. Вдова индийского офицера, погибшего во времена Мятежа. Она и ее слуга недавно переехали в тот старинный дом неподалеку, она даже заново отстроила его. Город теперь мало влечет ее — чересчур суетлив. Она просто нанесла визит вежливости, хочет познакомиться со своими соседями. Кроме того, она разделяет мою страсть к ботанике. Мы довольно мило побеседовали о двудольных растениях.

— А... — протянул я, приводя в порядок мысли. — Я следил за цыганами, когда она прибыла сюда. Я теперь стараюсь следить за всем, что имеет какое-либо отношение к Игре.

— Что ж, думаю, они действительно каким-то образом связаны с Игрой, — ответил он. — Мы с цыганами старые дружки-приятели.

— Я слышал. Граф частенько обращается к ним за помощью.

— И это тоже верно, — кивнул он. — Вскоре все прояснится.

— Я беспокоился за тебя, — признался я.

— Ложная тревога, Снафф, — успокоил он. — Она очень интеллигентная и представительная леди. Может, все-

таки зайдешь в дом? У меня осталось немного тушеной говядины.

— Нет, благодарю, — ответил я. — У меня куча неотложных дел. Да, и еще раз спасибо за помощь, ну, ночью.

Он улыбнулся.

— Да не за что, в самом деле. Ладно, до встречи, — и он свернул к дому.

— До встречи.

Я медленно потрусил назад, обдумывая все происшедшее. Я почуял их запахи, пока лежал в засаде, и сразу понял, что Линда Эндерби и ее слуга на самом деле Великий Сыщик со своим верным спутником.

Мимо скользнули по воздуху несколько листочков. Я поймал один в зубы, потом выплюнул и ускорил шаг.

Когда я приблизился к дому, с поля через дорогу до меня донеслось тихое:

— Мяу!

— Дымка? — окликнул я.

— Она самая.

— Отлично. Я как раз хотел переговорить с тобой.

— Какое совпадение, — заметила она.

Я свернул и углубился в поле. Она стояла на том самом месте, где в свое время был обнаружен труп полицейского.

— Ну, в чем дело?

— Я не хочу играть с тобой в эти игры. «Тра-та-та, тра-та-та», как когда-то высказался Мак-Каб.

— А... Ну?

— Я подумала, тебе следует знать: когда викарий вместе с полицией отправился на поиски трупа, первым делом он привел их сюда.

— Да?

— Он, должно быть, знал, что тело здесь. Хотел, чтобы они нашли его, хотел, чтобы подозрение пало на Джека.

— Как интересно.

— А откуда еще было ему знать об этом, если он сам его здесь не оставил или по крайней мере сам в этом не участвовал? Снафф, за всем этим стоит викарий.

— Спасибо тебе.

— Всегда пожалуйста.

Я сообщил ей, где расположился цыганский табор. Она заметила их, когда они проезжали мимо. Также я рассказал ей, что у нас теперь новая соседка по имени Линда Эндерби, которая только что нанесла визит Ларри.

— Да, я уже познакомилась с ней, — ответила она. — Она и к моей хозяйке заезжала. Полностью очаровала ее. Они обе интересуются лечебными травами и обе гурманки.

— Джилл любит готовить?

— Да. Заходи как-нибудь, я познакомлю тебя с нашим меню.

— С удовольствием. По сути дела, я и сам хотел заглянуть к тебе сегодня. Мне потребуется твоя помощь, надо провести одно расследование.

— А что такое?

Так или иначе, но мне все равно пришлось бы выложить всю правду, чтобы заручиться ее помощью. Поэтому я поделился своими выводами, сделанными на вершине холма, там, посреди кольца из помеченных мною камней; рассказал о сегодняшних приключениях с Ползцом, о его размышлениях по поводу цыган, обо всем, что разузнал про викария, и о моих подсчетах, касающихся старого дома. Рассказал все, кроме того, что Великий Сыщик прибыл в наш городок и поселился в том самом особняке и что с Ларри Тальботом я могу разговаривать в любое удобное для меня время.

— Я обнаружил разбитое окно в подвале, когда бродил там прошлой ночью, — продолжал я. — Кошке проскользнуть сквозь него — нечего делать.

— И ты хочешь, чтобы я проникла туда и посмотрела, нет ли там внутри часовни?

— Да.

— Разумеется, я согласна. Мне и самой это не помешало бы узнать.

— Когда зайти за тобой?

— Сразу как только наступят сумерки.

Потом я еще немножко погулял по округе, приводя в порядок мысли. В своих скитаниях я забрел к церкви, с ее шпиля за мной неотрывно следила огромная ворона-альбинос, розовоглазая и абсолютно белая. Для полного ус-

покоения я разок обежал церковь и сразу за ней наткнулся на полненького кучера, кормящего лошадей. Линда Эндерби прибыла свести знакомство с викарием.

20 октября

Прошлой ночью я забежал за Серой Дымкой к ней домой, по ее личному приглашению, и ее хозяйка в самом деле специально для меня выставила на заднее крыльцо миску. Тогда я понял, что Джилл куда моложе, чем я полагал, особенно когда она не облачается в свои Сумасшедшие одеяния и распускает волосы, а не стягивает их и не прячет под платком. И она действительно отлично готовит. Не помню даже, когда я так отменно едал.

После ужина мы с Серой Дымкой направились в сторону старого поместья. Ночь выдалась исключительно ясной, все небо было усеяно звездами.

— Я только что вспомнил, ты же интересуешься птицами, — сказал я.

— Разумеется.

— Ты, случаем, не замечала в наших окрестностях вороны-альбиноса?

— Если уж на то пошло, то да, замечала. Она повсюду крутится, вот уже несколько недель. А что?

— Да я подумал, что, может, она спутница викария. Так, просто пришло на ум.

— Я пригляжусь к ней.

Кто-то с арбалетом прошел мимо нас, двигаясь в противоположном направлении. Мы замерли, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

— Это он? — спросила Дымка.

— Нет, просто один из членов полночной паствы, — ответил я. — Не Сам. Запах не его. Хотя этого человека я запомню.

На небе, высоко-высоко, проплыли залитые звездным светом облачка, порыв ветра взъерошил мою шерсть.

— Я охотилась на крыс и питалась из мусорных бачков, я оплакивала трупки моих котят и была подвешена за хвост, надо мной издевались злые мальчишки, — внезапно

произнесла Серая Дымка, — прежде чем хозяйка подобрала меня. Она была сиротой и жила на улице. Ей пришлось еще хуже, чем мне.

— Да, — промолвил я. — Мне и самому доводилось переживать нелегкие времена.

— Если путь откроется, изменится многое.

— В лучшую сторону?

— Может быть. Хотя как сказать: если он останется закрыт, все тоже может перемениться.

— К лучшему?

— Черт меня подери, Снафф, если я знаю. Да вообще, разве есть кому-нибудь дело до оголодавшей кошки, кроме нескольких ее друзей?

— Вполне возможно, что друзья — это все, чем мы располагаем, и неважно, на чью сторону склонятся весы.

— Но все же...

— Да?

— В трудные времена внутри тебя все переворачивается, как ты считаешь?

— Не сомневаюсь. Хотя иногда можно впасть в цинизм.

— Как ты, например?

— Да, где-то так. Чем больше все меняется...

— А вот и дом, — внезапно перебила она, остановившись, чтобы повнимательнее разглядеть огромное здание, возникшее перед нами. Несколько окон призрачно светились. — Никогда здесь не была.

— На вид вроде ничего необычного, — отметил я, — и никаких... э-э... собак поблизости. Давай спустимся и осмотрим все поближе.

Так мы и сделали, кругом обойдя дом и заглядывая во все окна. Вскоре мы обнаружили Великого Сыщика — надо отдать ему должное, он настолько вошел в роль, что даже сейчас оставался в женских одеждах. Он сидел в гостиной, прямо под портретом королевы, и читал. Единственной его ошибкой, если можно так выразиться, было то, что он периодически попыхивал громадной трубкой из тыквы-горлянки, время от времени откладывая ее на специальную подставку на столике справа. Его помощник суетился на кухне, готовя скромную трапезу. Большинство комнат в

доме было погружено в темноту. Сразу рядом с кухней мы заметили краешек лестницы, уходящей вниз.

— Значит, вот где я должна подняться, — задумчиво сказала Серая Дымка. — Когда заберусь туда, проберусь через кухню, если он к тому времени уйдет, и сначала обследую дальнюю часть дома. Если он так и будет возиться на кухне, я пройду по длинному коридору, тому, что ближе к нам, и осмотрю все затемненные комнаты.

— План вроде ничего, — прокомментировал я.

Мы спрыгнули на землю, обогнули угол и вышли к подвальному окошку.

— Удачи, — напутствовал я ее.

Я вернулся к окну и начал наблюдать за кухней. Мужчины не спешил уходить, он жевал что-то и терпеливо ждал, когда вода закипит. Потом вытащил из буфета фарфоровую тарелку с рисунком и бокал, опять кинул себе в рот кусочек чего-то, поискал в ящике столовые принадлежности, достал из другого буфета чашку с золотым ободком и золотым цветочком на боковинке — одну из таких, что имеются дома у всех и каждого, снова кинул в рот то ли кусочек хлеба, то ли еще чего-то. Наконец я разглядел крадущуюся по лестнице Серую Дымку. Сколько она там прождала, замерев, следя одними глазами, я не знал. Стоило ему развернуться к ней спиной, как она стрелой пронеслась в коридор. А так как та половина дома была недоступна для моего взора, я, чтобы потянуть время, отправился пробежаться по округе.

— Что, Снафф, проверяешь, как поживает наша новая соседка? — раздался вдруг чей-то голос с дерева к востоку от меня.

— Никогда не вредно проверить и перепроверить, — ответил я. — А ты, Ночной Шорох, какими здесь судьбами?

— Да такими же, как и ты. Но она в Игре не участвует. Мы почти уверены в этом.

— Да? Вы встречались с ней?

— Да. Она навещала вчера хозяев. Они сочли ее безвредной старушкой.

— Рад услышать, что хоть кто-то здесь безвреден.

— Не в пример викарию, а?

— Ты говорил с Ползцом?

— Да.

— А я думал, вы в ссоре. Слышал, ты сбросил его в реку.

— Маленькое несогласие по некоторым вопросам, — проухал он. — Но мы уже помирились.

— А что ты ему отдал в обмен на информацию о викарии?

— Показал, где по ночам питается Игл, — сказал он. — Может, Ползец собирается подкараулить его, напасть и съесть. — Ночной Шорох издал довольный звук — что-то среднее между уханьем и вздохом. — Вот будет забава.

— Только не для Игла.

Он снова довольно ухнул.

— Это верно. Я почти слышу его предсмертный вопль: «Это не смешно!» А затем — «чав!», и все мы дружно смеемся последними.

— Никогда не ел летучих мышей, — сказал я.

— Не так уж плохо на вкус. Правда, несколько солоноваты. Послушай, раз я все-таки наткнулся на тебя, может, поменяемся кое-чем? Так, ничего особенного, просто поговорим, а?

— Давай, — ответил я. — Что у тебя?

— После того, как я услышал о викарии, я сразу же полетел осматривать его дом. И встретил его помощницу.

— Белую ворону-альбиноса, — добавил я. — Видел ее.

— Гм. В общем, я решил не финтить, а поговорить с ней напрямую. Подлетел к ней и представился. Ее зовут Текила. Она, похоже, слегка поотстала от Игры и сейчас пытается нас нагнать. Особо меняться ей было нечем, но все, что ей требовалось, — это список игроков и их помощников. Я подумал: если она не получит его от меня, все равно узнает от кого-нибудь еще, а так я хоть раздобуду ту малость, что у нее имеется. Прежде всего, она действительно знала, что ты и твоя питающаяся птичками подружка входите в число игроков. Она сказала мне, что видела тебя несколько ночей назад — на пару с каким-то здоровенным псом вы тащили к реке чье-то тело. Это был тот самый пропавший полицейский, да?

— Не стану отрицать.

— Ты его убил или Джек?

— Нет. Но тело оказалось слишком близко к нашему дому, чтобы спокойно ходить мимо.

— И ты просто избавлялся от него?

— А тебе бы хотелось заполучить такую штуку себе во двор?

— Нет, конечно, нет. Но больше всего мне интересен твой друг. Текила, пролетая над вами, узнала тебя, но другого пса она никогда раньше не видела. Поэтому проследила за ним, когда вы расстались. Она сказала, что он направился к дому Ларри Тальбота.

— И что с того?

— Мы долго ломали себе головы, игрок этот Тальбот или нет. Но у него не было помощника. А теперь...

— А какого дьявола Текила шаталась той ночью в поле? — перебил его я.

— Вероятно, патрулировала окрестности, так, для информации — мы все это делаем.

— «Вероятно!» — передразнил я. — Да просто ее хозяин участвовал в убийстве этого человека, и она отправилась на поиски тела, которое я утащил. Она сидела в засаде у трупа, чтобы проследить, не вернется ли назад умыкнувший его.

Он мигом замолчал и начал чистить перышки.

— Вот это я и собирался отдать тебе в обмен на историю о помощнике Ларри, — сказал он. — А ты знаешь, как он умер? Она и это мне рассказала.

И тут я все понял. У меня в голове возникла картина: полицейский, опоенный, избитый, привязан к алтарю, а викарий заносит над ним острый нож.

— Ритуальное убийство, — сказал я, — на одной из полуночных месс викария. Хотя для подобных действий было рановато. Но так все и случилось. А затем, чтобы ввести полицию в заблуждение, он перетащил останки к нашему дому.

— Ему потребовалось это убийство, чтобы набрать силу — он слишком поздно вступил в Игру. Ну, ладно. За историю о Тальботе я расскажу тебе еще кое-что.

— Что именно?

— Несколько новостей о Дорогом Докторе.

— Договорились. Я уже давненько о нем ничего не слышал. Пес этот — бродячий, из города. Зовут Счастливым. Я покормил его — он шлялся поблизости, — а за это он помог мне. Также он частенько пасется у дома Тальбота, потому что тот отдает ему объедки. Он слишком здоровый, чтобы кто-то захотел оставить его у себя, — не прокормить, — вот потому у него и нет дома. Кстати, ты можешь на него наткнуться как-нибудь ночью, в лесах или в полях, он здесь кроликов гоняет.

— А, — сказал Ночной Шорох, разворачивая голову на девяносто градусов и оглядывая дом. — Значит, одна из новых теорий Морриса летит ко всем чертям. Насколько мне известно, расчетами в вашей паре занимаешься именно ты?

— О, Ползец, оказывается, любит потрепать языком.

— Просто к слову пришлось, — пояснил он. — Если принимать Тальбота за игрока — и еще этот викарий вошел в Игру, — что ж, очень интересным получается расклад, как ты считаешь?

— Да, — признался я.

— Значит, мы оба проверяем это место.

— Верно, — подтвердил я. — Но я не знаю, игрок Тальбот или нет. Если он и участвует в Игре, то Счастливчик точно не его помощник.

— Интересно. А ты или Счастливчик случайно не замечали никаких кандидатов на это место?

— Нет. Он, кажется, предпочитает животным растения.

— А может растение быть компаньоном?

— Не знаю. Они живые, но очень ограничены в действиях. Я не знаю. Может быть.

— Ладно, через несколько дней все утрясется, я уверен. И как раз останется время, чтобы исполнить нашу работу и... Не знаю, как лучше сказать: «освободить» или «уберечь» мир?

— Испытать наши силы — так будет вернее.

Он прикрыл левый глаз и снова открыл его.

— А что там Дорогой Доктор? — напомнил я.

— А, да, — отозвался он. — О нем Текила тоже знала.

Но я был порядком заинтригован, когда она начала настаивать, что в доме том живут трое, а не двое.

— Да?

— Так что я полетел на разведку — в одну из мерзких бурь, которые только и делают, что бушуют над тем местом. И она оказалась права. Вокруг дома шатался какой-то здоровяк — пьяный в дым. Самый здоровенный мужик, какого я когда-либо видел. На улице он пробыл недолго, только пока гроза бушевала. А затем улегся на ту странную кровать в подвале, а Дорогой Доктор закрыл его простыней — с головы до ног. И тот больше не шевелился.

— Странно. А что по этому поводу говорит Бубон?

— Ха! Тебе следовало бы послать на его поиски Дымку, если я не доберусь до него первым. Крысы не такие соленные, как летучие мыши. Хотя пожестче будут. От него бесполезно добиваться любой информации. Ни на что не хочет меняться. Либо он самоуверенный дурак, либо предпочитает держать рот на замке.

— Я не считаю, что он такой уж дурак.

— Тогда он просто не понимает, что для него выгоднее. Как бы то ни было, для нас он бесполезен.

— Надо будет как-нибудь подкараулить его на узенькой дорожке.

— Только хвост не ешь. Невкусно. — Он еще раз довольно гукнул. — Если выяснишь что насчет Тальбота или этого дома, можно будет снова поговорить. Растения, гм...

Он расправил крылья и, бесшумно взлетев, направился куда-то на юг. Я провожал его взглядом, пока он не скрылся в ночи. Внушительное зрелище.

Я снова обогнул дом, заглянул в несколько окон. Затем услышал, как скрипнула дверь черного хода. Я в это время находился как раз у парадной двери, так что рванулся назад и спрятался за деревом.

— Славная киска, — хорошо контролируемым фальцетом промолвил Великий Сыщик. — Приходи к нам еще.

Серую Дымку опустили на ступеньки, и дверь закрылась. Я прочистил глотку, но некоторое время Дымка спокойно сидела там, умываясь, а после лениво поднялась и побежа-

ла в противоположную сторону. Вдруг она очутилась прямо позади меня.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Все замечательно, — ответила она. — Давай пройдемся.

Я повернул в южном направлении.

— У нее хорошая память, у этой старушки, — наконец проговорила Дымка.

— В каком смысле?

— Ее слуга заметил меня, неожиданно вернувшись на кухню, а она услышала, как он меня позвал. Она тут же пришла и позвала меня уже по имени. Она была очень добра. Налила мне в блюдце молока, которое мне пришлось выпить, чтобы не обижать ее. Кто бы мог подумать: видела меня всего один раз — и не только узнала, но и назвала по имени!

— Может, она любит кошек. Наверняка так оно и есть, раз решила покормить тебя.

— В таком случае она должна держать кошку у себя дома. А ее там нет. Никаких кошачьих следов.

— Значит, просто острый глаз и хорошая память.

Мы, не снижая темпа, пересекли дорогу.

— Видимо, — согласилась Дымка. — Но я все-таки успела поосмотреться, прежде чем они меня заметили.

— И?..

— Там есть одна комнатка — без окон, с широкой дверью и внушительной нишей на противоположной стене, которая, кстати, целиком из камня. Этот старый дом пертерпел много перемен. В общем, та ниша вроде бы как раз подходящих размеров, чтобы в свое время там мог стоять алтарь. Я даже разглядела несколько крошечных крестиков, высеченных на камне, и какие-то латинские буквы — думаю, там действительно когда-то стоял алтарь.

— Хорошо, — сказал я, — с одной стороны.

— А с другой?

— Ночной Шорох прознал об этом месте. Он пролетал мимо, пока ты была внутри, и мы поговорили. Да, кстати, ту белую ворону зовут Текилой.

— О, он знаком с ней?

— И ты оказалась права насчет викария. Это было ритуальное убийство — он слишком поздно вошел в Игру.

— Такое впечатление, что вы имели довольно продолжительную беседу.

— Верно. Я все тебе расскажу.

— Почему мы бежим именно в эту сторону, есть какие-нибудь причины?

— Да. Это часть того, что рассказал мне Ночной Шорох.

Пока я делился с ней всем, что узнал, мы продолжали углубляться на юг, немножко забирая к западу. Воздух пропитался влагой, над местом, где правила бал небесная артиллерия, сгустилась огромная черная клякса.

— Значит, ты снова хочешь заглянуть в окошко к Дорожному Доктору?

— Что-то в этом роде.

— Кошки не любят мокнуть под дождем, — заметила она, после того как мы вошли в полосу мелкой мороси.

— Собаки тоже от этого не в восторге, — ответил я и добавил: — Кто бы из нас ни победил в этом споре, все равно последнее слово останется за дождем.

Она издала какой-то звук наподобие смешка — мурлыканье, ритмичное и музыкальное.

— Верно, — сказала она чуть погодя. — В этом я ничуть не сомневаюсь. Интересно, сколько раз в столетие полнолуние совпадает с Днем Всех Святых — раза тричетыре?

— Когда как, — ответил я. — Куда интереснее, на мой взгляд, сколько раз пользуются этим определенные люди, чтобы попытаться открыть или удержать закрытыми двери?

— Понятия не имею. Ты, естественно, в Игре участвуешь впервые?

— Нет, — коротко буркнул я, решив не развивать этой темы, учитывая, насколько важную информацию только что выдал.

Мы пробирались сквозь морось в сторону ярко освещенного дома, стараясь держаться поближе к дороге, так как там хоть не приходилось обтираться обо всякие промокшие насквозь ветви, траву и так далее.

Приблизившись, я заметил, что парадная дверь дома распахнута настежь и через ее прямоугольник наружу па-

дает яркий свет. И кто-то движется по дороге в нашем направлении. Очередная вспышка, вырвавшаяся из грозовых облаков, украсила здание шипастой короной мечущихся огней, и в этот краткий миг я увидел, что к нам неверным, но очень стремительным шагом приближался какой-то огромный человек. Он был облачен в одежды, явно ему маловатые, а его лицо, насколько я успел разглядеть, производило впечатление чего-то неправильного, будто все было скособочено. Прямо перед нами он резко остановился, раскачиваясь и вертя головой из стороны в сторону. Я, не в силах отвести взгляда, зачарованно уставился на него. Дождь смывал все запахи, но теперь я учуял его, что повергло меня в полную растерянность, ибо человек этот насквозь был пропитан тошнотворным, сладковатым ароматом смерти. Его движения не были агрессивными — скорее его поведение напоминало ребенка, тянущегося ко всему с искренним любопытством.

Внезапно в дверях дома возникла высокая фигура в хлопающем на ветру белом медицинском халате, пристально всматривающаяся в ночь.

Гигантский силуэт склонился и заглянул мне в глаза. Медленно, не делая никаких резких движений, он протянул правую руку и погладил меня по голове.

— Со-бач-ка, — выдавил он хриплым, скрипучим голосом. — Хо-ро-ший пе-сик.

И снова погладил меня.

Затем он обратил внимание на Серую Дымку. Сделав один молниеносный взмах рукой, что полностью опровергло мое убеждение в его медлительности, он подхватил Дымку с земли и прижал к груди.

— Кис-кис, — сказал он. — Кис-кис, кис-ка.

Он неловко вскинул другую руку, чтобы погладить ее, по его лицу бежали струйки дождя, с одежды капало.

— Кис-кис.

— Снафф! — завопила Серая Дымка. — Он делает мне больно! Он раздавит меня! Он слишком крепко меня сжимает!

Я поднял лай, надеясь, что сумею отвлечь его внимание и он немного ослабит хватку.

— Эй! — позвал мужчина, стоявший в дверях. — Ну-ка, домой! Сейчас же назад!

Я продолжал лаять, и мужчина выскочил под дождь, устремившись к нам.

— Он немножко отпустил, но вырваться я не смогу! — сообщила Дымка.

С явным смущением, проскальзывающим во всех жестах, здоровяк обернулся на приближающуюся фигуру, а затем снова развернулся ко мне. Как оказалось, к нам направлялся Дорогой Доктор. Я лаял не переставая, раз это, кажется, сработало.

Подбежав к гиганту, Дорогой Доктор взял его под руку.

— А, вижу, с некоторых пор кошки и собаки предпочитают мокнуть вместе, — заметил он.

Я перестал лаять, тогда как гигант повернул голову и непонимающе уставился на Доктора, видимо, окончательно утратив дар речи при виде такого остроумия.

— Собачка хочет, чтобы ты отпустил киску, — сказал ему Доктор. — Киска тоже хочет на землю. Отпусти ее — и пойдем назад. Плохая ночь для прогулок — весь этот дождь.

— Пло-хая ночь, — повторил здоровяк.

— Да. Так что отпуская киску и пойдем.

— Пло-хой дождь, — подтвердил он.

— Ну да. Кошку. Отпусти. Сейчас же. Идем. Сейчас же. Со мной.

— Кош-ку, кис-ку, от-пус-тить, — проговорил здоровяк, после чего наклонился и бережно опустил Серую Дымку на дорогу. Пока он поднимался, его глаза встретились с моими, и он добавил: — Хо-ро-ший пе-сик.

— Не сомневаюсь, — сказал Дорогой Доктор, хватая его теперь обеими руками и разворачивая в сторону дома.

— Давай-ка убираться отсюда, — сказала Серая Дымка.

Что мы и сделали.

21 октября

Твари постепенно набирали силу, но оковы их пока держали. Утром я забежал к Ларри, предупредить его, чтобы с этого момента он отзывался на прозвище Счастливчик,

если какой-нибудь лесной житель вдруг окликнет его. В связи с этим мне пришлось поделиться с ним кое-какими выводами насчет его положения в Игре. Он согласился, что теперь ему следует быть поосторожнее в ночных вылазках. Поскольку я считал нас партнерами, то выложил ему абсолютно все, что знал. Все, кроме информации об истинной личине Линды Эндерби. Мне не хотелось разрушать его иллюзии касательно этой добродушной старушки, чье общество доставило ему такое удовольствие. Что узнано, то узнано — мне показалось, с него и так хватит всяких неприятностей; он даже мне ничего о себе не рассказывает, так пускай и дальше с милой улыбкой вспоминает об этом визите как о совершенно ничего не значащем, когда не надо было ничего бояться, ни от кого скрываться. Я решил подождать несколько дней, прежде чем открыть ему всю правду.

— Узнал что-нибудь новенькое о полиции и их поисках? — спросил я.

— Они все еще ведут расследование, но вроде всех уже опросили и теперь начали прочесывать поля в округе.

Кажется, самая последняя версия состояла в том, что полицейского сбросили с лошади, он остался лежать, а она вернулась в конюшни.

— Насколько я понял, тело еще не выкинуло на берег. Надеюсь, его унесет в море.

— И такое может быть. Не сомневаюсь, они будут внимательно следить за всем, что выкидывает на берег река.

— Интересно, как их рысканье по кустам повлияет на Графа, когда они начнут подбираться к нему?

— Могу поспорить: если ты сегодня пойдешь и проверишь, то обнаружишь, что он уже съехал из своего склепа.

— Ты тоже считаешь, что он где-то устроил себе еще одно «место упокоения»?

— Ну конечно. Это в его стиле. И он абсолютно прав. У каждого должно быть место, куда в случае чего можно было бы отступить. Лишняя предосторожность никогда не помешает.

— Да ну?

Ларри улыбнулся.

— Я в тебе и не сомневался, — сказал он.

Никто не может точно сказать, когда я улыбаюсь.

Я отправился на поиски Серой Дымки, хотел попробовать убедить ее снова слазить для меня в склеп. Но ее нигде не было. Наконец я бросил это занятие и повернул к дому Растова.

Ползец еще не появлялся, и я принялся бродить вокруг да около и заглядывать в окна. Я заметил Растова — он, ссутулившись, сидел на стуле, зажав в одной руке бутылку водки, а другой прижав к груди деревянную пластинку, очень похожую на икону. На подоконнике что-то зашевелилось, и я понял, что это мой давешний напарник. Ползец приподнялся, уставился на меня, а затем мотнул головой в сторону соседней комнаты. После чего соскользнул с подоконника и исчез.

Я вернулся к соседнему окну — оно было слегка приоткрыто. Спустя пару мгновений из щели показался Ползец.

— Привет, — сказал я. — Как дела?

— Иногда мне так хочется вернуться обратно в поля! — ответил он. — Сейчас бы я уже готовился к долгому зимнему сну.

— Что, спал плохо?

— Я вовремя удрал. Он снова взялся за свое. Только и делает, что пьет да распевает грустные песни. Он еще втравит нас всех в неприятности — вот только переберет лишку. Ему б лучше протрезветь к великой ночи.

— Надеюсь, так он и поступит.

Мы отправились вокруг дома.

— Занят был? — спросил он меня.

— Можешь не сомневаться.

— Слушай, Снафф, босс мне всего не рассказывает, а Ночной Шорох сообщил день-два назад, что существует какое-то специальное гадание, из которого можно узнать, кто открывающий, а кто закрывающий. Это правда?

— Он прав, — ответил я. — Только, пока луна не спадет, на результаты гадания нельзя полагаться. И на пустом месте оно не делается.

— И сколько еще осталось?

— Несколько дней.

— Так, значит, в скором времени все игроки узнают, кто есть кто?

— Ну да. Они всегда узнают это. Вот почему очень важно закончить к этому дню любые совместные дела. Как только будут проведены все линии, твои бывшие друзья могут оказаться врагами.

— Не хотел бы я оказаться во врагах у тебя или у Ночного Шороха.

— Но это вовсе не означает, что перед самой Игрой мы вдруг должны перебить друг друга. По сути дела, я всегда расценивал такие поступки как признак слабости.

— Но пара-тройка убийств всегда имеет место.

— Я тоже так слышал. Пустая трата сил, подобные штучки лучше приберечь на потом.

— И половина из нас погибнет, когда другая победит.

— Открывающие и закрывающие редко распределяются поровну. Никогда нельзя предугадать, каким окажется расположение игроков и кто может объявиться в конце. Я слышал, как-то раз получилось, что игроки — все до одного — не раскрывали себя до самого последнего дня. Просто никто не показывался. Что тоже неверно. Ты только представь себе: любой из них,хвати ему смелости, мог повернуть все по-своему.

— Сколько еще ждать, пока не распространится слово, Снафф?

— Немного осталось. Думаю, кто-то работает над этим прямо сейчас.

— А ты знаешь?

— Нет. Но скоро узнаю. Я предпочитаю оставаться в неведении до самого последнего момента.

Он заполз на трухлявый пенек. Я уселся на землю рядом.

— Кроме того, это могло бы помешать мне. Я хочу попросить тебя сделать одно одолжение, прямо сейчас.

— Что за одолжение? — спросил он.

— Я хочу, чтобы ты прогулялся со мной к склепу и проверил его содержимое. Надо выяснить, там ли еще Граф.

Он помолчал, изворачиваясь под солнечными лучами и блестя своими чешуйками.

— Нет, — ответил он чуть погодя. — Можно уже не ходить туда.

— Почему?

— Я и так знаю, что там его нет.

— Но откуда?

— Я вышел на прогулку прошлой ночью, — сказал он, — взобрался на сливовое дерево и стал ждать. Я разузнал, где чаще всего кормится Игл. Когда он прилетел к сливе, я сказал:

«Добрый вечер, Игл».

«Это ты, Ползец?» — ответил он.

«Разумеется, кто же еще? — отозвался я. — Как поживаешь?»

«Хорошо, хорошо, — просвистел он. — А тебе как ползается?»

«О, капитально, — сказал я. — Насколько я понял, ты прилетел поужинать?»

«Да. В последнее время я частенько сюда залетаю, эти сливы — мои самые любимые, отличная закуска после жучков. Я предпочитаю самое вкусное оставлять напоследок».

«Само собой, — прошипел я. — Славное завершение ночных трудов. А скажи мне, — пожив с Растовым, я немного поднаторел во всех этих вопросах, — ты никогда не пробовал опавших слив, что уже полежали на земле, сморщились и покрылись трещинками, тех, что так неаппетитны на вид?»

«Нет, — ответил он, — ведь это глупо: на дереве осталось столько хороших слив!»

«А, — продолжал я, — но только внешность может быть обманчива, и «хороший» — понятие весьма относительное».

«Что ты имеешь в виду?»

«Я тоже обожаю всякие фрукты и разгадал кое-какие их секреты. Сливы, что лежат вон там, на земле, куда лучше тех, что до сих пор свисают с ветвей».

«Да как такое может быть?» — изумился он.

«Весь секрет заключается в том, что, пока они лежат там, навек лишены источника, ранее наполнявшего их

жизнью, они призывают на помощь все оставшиеся жизненные силы, чтобы войти в новую стадию созревания. Да, верно, процесс сей иссушает их, но таким образом они создают внутри себя новый, совершенно особый эликсир, стоящий несравнимо выше презренного сока, который ты сосешь из плодов, висящих на ветках».

«Они становятся вкуснее?»

«Нет. Даже наоборот. Но здесь суть не во вкусе. Здесь дело во внутренней напоенности».

«Думаю, стоит их попробовать».

«Ты не разочаруешься. Настоятельно рекомендую».

Он опустил на землю, выбрал одну из тех слив, на которые я указывал, и впился в нее.

«Тьфу! — вскричал он. — Экая гадость! Перезрелые и...»

«Погоди, погоди, — молвил я. — Откуси еще кусочек, проглоти, потом все заново. Немножко надо подождать».

И он попробовал — еще, и еще, и еще.

Спустя какое-то время он обратился ко мне:

«У меня словно голова начала кружиться. Но это не так уж и неприятно. По сути дела...»

И он снова приник к сливе, на этот раз с куда большим энтузиазмом. А потом взялся за другой плод.

«Ползец, ты был прав, — пробормотал он по прошествии некоторого времени. — В них есть что-то такое особое. Внутри теперь тепло-тепло».

«Да», — согласился я.

«И голова кружится, но это не совсем то, что обычное головокружение. Такое приятное чувство...»

«Попробуй еще. Не бойся, — посоветовал я. — Соси сколько душе будет угодно».

Вскоро речь его стала настолько бессвязной, что мне пришлось соскользнуть с дерева, чтобы не пропустить ни единого слова из его ответа на мой вопрос. Первым делом я спросил:

«Ты ведь был с Графом, когда он подыскивал себе новые могилы, да?...»

Так я узнал о расположении могил и о том, что прошлой ночью тот переехал на новое место жительства, — закончил рассказ Ползец.

— Ловко, — отозвался я. — Хорошая работа.

— Надеюсь, когда он проснулся, ему было не так худо, как мне пару дней тому назад. Я не стал задерживаться там, ибо, насколько я понимаю, проснуться в таком состоянии и еще увидеть прямо перед собой змею — самое гнусное дело. Во всяком случае, так утверждает Растов. Когда же мне в последний раз пришлось испытать то же самое, первое, что я увидел, проснувшись, — это цыганский табор. А потом, естественно, тебя.

— И сколько могил, помимо склепа?

— Две, — ответил он. — Одна — на юго-западе, а другая — на юго-востоке.

— Я хочу осмотреть их.

— Я отведу тебя. Та, к юго-западу, ближе. Пойдем сначала туда.

Мы пустились в путь по местам, которые раньше мне посещать не доводилось. Вскоре мы вышли к маленькому кладбищу, обнесенному ржавой железной изгородью. Калитка не охранялась, я толкнул ее плечом, и мы вошли.

— Сюда, — показал Ползец, и я последовал за ним.

Он провел меня к небольшому мавзолею под облетевшей ивой.

— Вот, — сказал он. — Первый склеп справа не заперт. Внутри стоит новый гроб.

— А Граф там?

— Вроде нет. Игл сказал, что сегодня он будет спать в другой могиле.

Тем не менее я вошел и подергал лапой защелку гроба. Наконец я понял, как он открывается. Крышка откинута. Гроб был совершенно пуст, если не считать горсточку грязи на дне.

— Выглядит весьма правдоподобно, — заметил я. — Отведи меня теперь в другое место.

Мы покинули кладбище и направились на восток. По пути я спросил:

— Игл не говорил, когда были устроены эти могилы?

— Несколько недель тому назад, — ответил он.

— Перед тем, как луна спала, или после?

— Перед. Он делал на этом особый упор.

— Следовательно, созданный мною образ снова рушится, — сказал я, — а казалось, все так идеально подходит друг к другу.

— Да, жаль.

— Ты уверен, что именно так он и сказал?

— Абсолютно.

— Проклятье!

Над нашими головами ярко светило солнце, по небу неспешно ползли небольшие облачка — как всегда, они сходились в единую грозовую пелену над домом Дорогого Доктора, дальше к югу. Веял прохладный северный ветерок. Нас со всех сторон окружали яркие осенние краски: коричневые, красные, желтые, — земля была сыровата, хотя не чавкала под ногами. Я вбирал в себя ароматы леса и земли. Над далекой каминной трубой курился витиеватый дымок, я вспомнил о Древнейших богах и подумал, насколько же изменится этот мир, если им откроют врата. Мир и без вмешательства свыше может быть весьма красив, а может быть мерзок до отвращения; мы сами научились справляться с существующим порядком вещей, разработали свои категории добра и зла. К некоторым богам лучше обращаться душой, нежели искать их во плоти. Что же касается Древнейших, я не видел никакого смысла пытаться иметь дело с кем-то, кто уже преступил все возможные границы. Я предпочитаю рассматривать такие вещи абстрактно — платоновские реальности и все прочее, — а не обременять себя их физическим присутствием... Я вдохнул едкий дым пылающих поленьев, запахи свежей земли и гниющих яблок, сорванных порывом ветра и, возможно, покрытых сейчас налетом инея под сенью деревьев чьего-то сада. Увидел в выси перекликающийся косяк птиц, направляющийся на юг. Услышал, как глубоко под землей копается крот.

— А что, Растов каждый день так напивается? — поинтересовался я.

— Нет. Это началось в канун новолуния.

— Линда Эндерби уже успела нанести вам визит?

— Да. Они долго говорили о поэзии и о каком-то Пушкине.

— Ты случайно не в курсе, она видела икону Альхазреда?

— Так ты знаешь, что она у нас? Нет, пьяный ли, трезвый, он никому ее не покажет, пока не наступит в том нужда.

— Когда я высматривал тебя, то заметил, как он прижился к груди что-то, очень похожее на икону. Она написана на куске дерева, примерно трех дюймов высотой и девяти длиной.

— Да, сегодня он действительно доставал ее из тайника. Когда на него находит депрессия, он говорит, что икона помогает ему взбодриться и «отправиться к берегам Хали, чтоб снова оценить деянья разрушенья», а затем в очередной раз обдумать возможное применение ее.

— Эти слова могут быть восприняты как девиз закрывающего, — сказал я.

— Иногда, Снафф, мне кажется, что ты закрывающий.

Наши глаза встретились, и я остановился. В какой-то момент все равно приходится идти на риск.

— А я и есть закрывающий, — сказал я.

— Черт возьми! Значит, мы не одни!

— Только давай потише, — успокоил его я. — И вообще, на время забудем об этом.

— Но ты хоть, по крайней мере, скажи, может, тебе еще кто-нибудь известен?

— Не известен, — ответил я.

Я затрусил дальше. Сделан первый шаг, одержана первая победа. Мы миновали нескольких коров — головы опущены, что-то шумно пережевывается. Со стороны дома Дорогого Доктора до нас донесся приглушенный раскат грома. Поглядев налево, я различил на горизонте холм, который именуется Собачьим Гнездовищем.

— Эта могила дальше к югу, чем предыдущая? — уточнил я, когда мы свернули на тропку, ведущую в том направлении.

— Да, — кивнул он.

Я попытался представить себе образ, который в результате всех этих новых поселений простерся еще в двух направлениях. Порой это очень раздражало — ищешь, ищешь, а потом оказывается, что все твои расчеты никуда не годятся. Такое впечатление, будто какая-то дьявольская сила

забавляется со мной. Сложней всего было отказываться от тех вариантов, которые, казалось, подходили ну по всем параметрам.

Наконец мы очутились на клочке земли, который в далеком прошлом, очевидно, принадлежал какой-то родовой семье. Только семьи этой уже давным-давно не было на свете. На вершине ближайшего холма виднелись развалины старого особняка. От него остался один фундамент, не больше. Но в то же самое время я заметил, что место упокоения членов семьи кем-то снова обжито. Ползец провел меня на поросшее травой кладбище — вся ограда его обвалилась, за исключением восточной решетки, которая хоть и скособочилась, но все-таки держалась.

Сквозь заросли высокой травы мы прошли к огромной каменной плите. По сторонам ее виднелись следы недавних раскопок, сам же камень был поднят и сдвинут немного в сторону, оставляя, таким образом, довольно широкую щель, сквозь которую мог бы пролезть даже я.

Я сунул внутрь нос и принюхался. Пыль.

— Если хочешь, я могу сползть вниз, — предложил Ползец.

— Давай спустимся вместе, — ответил я. — После такой прогулки мне и самому захотелось взглянуть на это.

Я пролез внутрь склепа и сделал несколько неуверенных шажков. На пути мне попала лужа, я переступил через нее. Впрочем, луж вокруг оказалось немало, и не мог же я обходить их все. Свет сюда почти не проникал, однако, немного попривыкнув к темноте, я наконец различил стоящий на возвышении гроб. Крышка его была откинута в сторону. Еще один гроб был отодвинут к стене, чтобы освободить место.

Я приблизился к нему и снова принюхался, хотя, что там можно учуять, и сам толком не знал. В ту ночь, когда мы впервые повстречались, от Графа вообще ничем не пахло — мое обоняние было введено в полное заблуждение. Но стоило приблизиться и присмотреться повнимательнее, как сразу пришла в голову мысль: с чего бы ему оставлять крышку откинутой? Сей факт абсолютно не соответствовал тому типу, что представлял собой Граф.

Поднявшись на задние лапы, я оперся на край гроба и заглянул внутрь.

Ползец, извивающийся поблизости, нетерпеливо спросил:

— Ну, что там?

Только тогда я осознал, что непроизвольно рыкнул.

— Игра становится все более и более серьезной, — ответил я.

Он забрался на бортик, оттуда перебрался на гроб, где и замер, напоминая причудливый головной убор какого-нибудь фараона.

— Вот это да! — промолвил он наконец.

Внутри гроба, на длинном черном плаще, лежал скелет. Он все еще был облачен в темные одеяния, которые, однако, теперь пришли в некоторый беспорядок. Меж ребрами, слегка под углом, был вбит огромный осиновый кол, чуть ли не насквозь пронзивший дно гроба и сместивший позвоночник немного влево. Все покрывал толстый слой пыли.

— Такое впечатление, что новая квартирка Графа оказалась не таким уж большим секретом, как он рассчитывал, — сказал я.

— Интересно, кем он был — открывающим или закрывающим? — задумчиво прошипел Ползец.

— По-моему, открывающим, — ответил я. — Хотя этого мы уже никогда не узнаем.

— Как ты думаешь, кто прибил его этим колом?

— Без понятия. — Я опустился на все четыре лапы и, отойдя от гроба, облазил сначала все уголки, а затем каждую щель. — Ты нигде не видишь Игла?

— Нет. Думаешь, они и до него добрались?

— Очень может быть. Хотя, если он объявится, ему придется ответить на несколько вопросов.

Я вскарабкался вверх по ступенькам и окунулся в дневной свет.

— Что же теперь делать? — спросил Ползец.

— Не знаю, как тебя, а меня ожидают кое-какие заботы по дому.

— Так что, будем вести себя так, будто ничего не случилось, ждать, пока это не произойдет снова?

— Нет. Теперь мы будем осторожнее.

И мы поползли и потрусили назад, к знакомым местам.

Джека дома не оказалось, поэтому я быстренько проверил, как там Твари, и отправился на поиски Серой Дымки, чтобы ввести ее в курс последних событий. Я был безмерно удивлен, когда обнаружил Джека мирно беседующим с Сумасшедшей Джилл на заднем крыльце ее дома. В руке он держал чашку с сахаром, который, видимо, только что одолжил у нее. Завидев меня, хозяин закончил разговор и пошел прочь. Серая Дымка отсутствовала. По пути домой Джек сообщил, что, вполне возможно, скоро мы отправимся в город, чтобы на этот раз приобрести себе кое-какие предметы мирского толка.

Спустя некоторое время, когда я вновь объявился на улице, оглядываясь по сторонам в поисках Серой Дымки, мимо прогрохотала карета Великого Сыщика, в которой сидел он сам, но все в том же обличье Линды Эндерби. Наши взгляды встретились. В течение нескольких долгих секунд мы внимательно рассматривали друг друга. Потом карета исчезла за поворотом.

Я вернулся в дом и хорошенько вздремнул.

Проснулся я перед самым закатом и снова обошел нашу обитель. Твари-в-Зеркале все еще переплетались в своем клубке, тихонько пульсируя. Трещинка вроде бы слегка увеличилась, хотя, может быть, это выделявало шутки мое воображение. Однако я отметил про себя, что надо будет обратить на нее внимание Джека.

Поев, попив и обойдя дом снаружи, я в очередной раз отправился за Серой Дымкой. Она, погрузившись в свои кошачьи грезы, мирно дремала у себя на крылечке.

— Привет. Давно ищущ тебя, — сказал я. — Уже соскучился.

Она зевнула и потянулась, потом принялась вылизывать грудку.

— Я отлучалась, ходила осматривать церковь и жильё викария.

— Удалось проникнуть внутрь?

— Нет. Хотя заглянула в каждую щелку, в какую только смогла.

— Узнала что-нибудь интересное?

— У викария в кабинете на столе стоит череп.

— *Memento mori*¹, — заметил я. — Церковники почти все помешаны на такого рода вещичках. А может, череп достался ему по наследству, от предшественника.

— Он покоится в чаше.

— В какой чаше?

— В той самой. В древней пятиугольной чаше, о которой тогда говорили.

— О! — Значит, я был не прав, полагая, будто этот атрибут находится у Дорогого Доктора. — Это меняет дело. — И хитро добавил: — Вот если бы ты еще сказала мне, где находятся две волшебные палочки...

Она как-то странно посмотрела на меня и стала прихорашиваться дальше.

— Мне даже довелось по стенкам ползить, — сообщила она.

— А зачем?

— Услышала, как наверху кто-то плачет. Поэтому влезла на стену и заглянула в окно, из которого, как мне показалось, доносился плач. Я увидела маленькую девочку на кровати. Она была одета в голубое платье, а с ноги свисала длинная цепь, другой конец которой был прикован к раме кровати.

— Кто она такая?

— Ну, в общем, потом я повстречалась с Текилой, — продолжала Дымка. — Не думаю, что она пришла в восторг от встречи с кошкой. Но все-таки мне удалось убедить ее поделиться со мной тем, что девочку зовут Линетт и она дочка последней жены викария Жанетт от предыдущего брака.

— А почему она прикована цепью?

¹ *Memento mori* — Помни о смерти (*лат.*). Таким приветствием обменивались при встрече члены основанного в 1664 г. в нормандском аббатстве Ла Трапп во Франции ордена траппистов, более всего известные тем, что принимали обет молчания. В обиходе выражение употребляется и как напоминание о неотвратимости смерти, скоротечности жизни, а также вообще обо всех и всяческих грядущих угрозах и неприятностях.

— По словам Текилы, это впредь послужит ей уроком, чтобы не убегала из дому.

— Очень подозрительно. Сколько ей лет?

— Тринадцать.

— Да. Все сходится. Готовятся к жертвоприношению.

— Именно.

— А что ты дала ей в обмен на эту информацию?

— Я рассказала ей о нашей вчерашней встрече со здоровяком и о том, что скорее всего цыгане имеют какое-то отношение к Графу.

— Давай-ка лучше я расскажу тебе кое-что новенькое о Графе, — перебил я и во всех подробностях описал наши с Ползцом приключения.

— Неважно, на чьей он там был стороне, но не могу сказать, чтобы я очень уж горевала о том, что он выбыл из Игры, — подвела итог Дымка. — Жутковатый тип.

— Ты встречалась с ним?

— Я увидела его как-то ночью, когда он вылезал из своего склепа, и спряталась на ветке дерева — посмотреть, что будет дальше. Он словно вытек из склепа, даже не шевельнувшись. Просто, струясь, оказался снаружи. Так Ползец умеет. Затем он недвижно постоял чуть — плащ развевался и хлопал на ветру, а он лишь поворачивал голову, оглядывая весь мир так, будто он безраздельно правит им и сейчас решает, в какую его часть отправиться поискать забав. А затем громко расхохотался. Никогда не забуду этого смеха. Он запрокинул голову назад и залаял — не так, как обычно лаешь ты, а так, словно ты вот-вот должен сожрать что-то, что вовсе не жаждет оказаться у тебя в желудке, и это радует тебя, прибавляет пикантности грядущей трапезе. Потом он двинулся вперед, и мне показалось, будто у меня что-то случилось с глазами. Он одновременно принимал самые разные обличья, то и дело меняя форму, находясь в одно и то же время в разных местах, и лишь плащ все хлопал на ветру — и вдруг он исчез, а в лунном свете вдаль уплывал черный лоскут. Не хотелось бы мне вновь пережить такое.

— Нет, подобного представления повидать мне так и не довелось, — сказал я. — Но как-то раз я столкнулся с ним

нос к носу, и, должен сказать, на меня это тоже произвело большое впечатление. — Я немножко помолчал. — А Текила, кроме той истории о Линетт, больше ничего тебе не рассказывала?

— Такое впечатление, словно все до единого одержимы идеей, будто центром станет тот старый особняк, — пожал плечами она. — Викарий как-то сказал Текиле, что в старые времена этот дом примыкал к огромной церкви, к югу отсюда, — к той, которую стер с лица земли последний Генрих, доказывая остальным, что вовсе не шутит.

— Таким образом, дом этот становится прекраснейшим кандидатом на центр. Если бы только не дурной вкус Графа, который свел все расчеты на нет!

— Ты уже рассчитал новый вариант?

— Нет. Но скоро сделаю.

— Дашь мне знать?

— Когда закончу, возьму тебя с собой, — пообещал я.

— И когда это будет?

— Скорее всего завтра. А сейчас я собираюсь пойти немножко понаблюдать за цыганами.

— Но зачем?

— Порой они очень колоритны. Хочешь, пойдём вместе.

— Хочу.

Мы вышли на дорогу и направились в сторону цыганского табора. Ночь опять выдалась очень ясной, небо усеивали мириады звезд. На подходе к дому Ларри до нашего слуха донеслись приглушенные звуки музыки. Далеко в поле пылали огни костров. По мере приближения я различил звуки скрипки, гитары, бубна и барабана. Мы подтянулись поближе, укрывшись под одной из множества повозок, откуда могли спокойно следить за происходящим. Я почуял запах собак, но, поскольку мы находились с подветренной стороны, никто нас не побеспокоил.

Сначала несколько цыганок просто танцевали, а потом откуда-то из толпы внезапно выступил певец, громко что-то завопивший. Музыка действовала на нервы, движения танцоров были традиционно предсказуемы: они смахивали на поступь длинноногих птиц, которых мне случалось встречать в более теплых странах. Вокруг горело множест-

во костров, от некоторых доносились запахи готовящейся пищи. Зрелище портили мечущиеся тени, но завывания певца мне понравились, особенно когда дело дошло до полаиваний и повизгиваний — в этом деле я знаток. Некоторое время мы, не шевелясь, наблюдали за развитием действия, зачарованные в равной степени как яркими красками одеяний танцоров и подыгрывающих им людей, так и их движениями и звуками, которые они издавали.

Они сыграли несколько мелодий, после чего скрипач обратился к толпе зрителей, протягивая свои инструменты и делая приглашающие жесты. Я услышал чей-то протестующий голос, но скрипач настаивал, и наконец в круг света выступила какая-то женщина. Прошло несколько мгновений, прежде чем я понял, что это Линда Эндерби собственной персоной. Очевидно, Великий Сыщик еще не отказался от идеи светских визитов. Позади него, в тени, я различил коренастую, крепко сбитую фигуру его помощника.

Немного попротестовав, он все-таки принял скрипку и смычок, коснулся струн, а затем привычным жестом вскинул инструмент к подбородку — так, словно был хорошо с ним знаком. Он поднял смычок, застыл — и заиграл.

Он был безусловно хорош. Это была не цыганская музыка, но одна из древних мелодий, которую я где-то уже слышал. Завершив ее, он, не останавливаясь, обратился к другой теме, в которую включил несколько вариаций. Он играл, играл, музыка становилась все быстрее, стремительнее...

И вдруг он резко оборвал игру и шагнул в сторону, словно просыпаясь от долгого сна. Потом поклонился и вернул инструмент владельцу, в движениях его в этот момент явно проскользнуло мужское начало. Я подумал о постоянной работе ума, о мастерском дедуктивном построении, которое привело его сюда, а затем эта секундная утрата вечного контроля над собой — и вот он снова возвращается к прежнему себе, улыбается, накидывает обличье женщины... Во всем этом я разглядел проявление некой чудовищной силы воли, и вдруг он стал для меня кем-то большим — не просто загадочным человеком, овладевшим искусством личин. Внезапно я осознал, что он еще много-

му должен научиться, как учимся различным аспектам мы, чтобы суметь охватить размах затеянного нами; я понял, что к концу он будет дышать нам в затылок и что он сам в чем-то игрок, скорее даже некая сила, участвующая в Игре. И я проникся к нему таким почтением, какое испытывал лишь к некоторым из тех, кого когда-либо знал.

Когда мы возвращались назад, Серая Дымка сказала:

— Как было здорово отвлечься на время ото всей этой суеты!

— Да, — кивнул я, — было действительно здорово.

И устремил взор к небу, где наливалась луна.

22 октября

— Чихуахуа? — предложила Тварь-в-Круге. — Так, для смеха?

— Не-а, — ответил я. — Языковой барьер.

— Да ладно тебе! — сказала она. — Я и так достаточно набралась сил, еще чуть-чуть — и сама смогу выбраться отсюда. Вот тогда тебе не поздоровится.

— Чуть-чуть — не считается, — возразил я.

Она зарычала. Я зарычал в ответ. Она стушевалась. Я все еще был у руля.

Тварь-в-Паровом-Котле также вела себя достаточно буйно, то и дело поглядывая на меня сквозь свою шелку. А на дверцы стоящего на чердаке гардероба нам пришлось поставить засов, так как сидящая в нем Тварь умудрилась сломать защелку. Но я тут же загнал ее обратно. Там я тоже пока пользовался уважением.

Затем я вышел наружу и обошел дом в поисках возможных источников беспокойств. Не найдя ничего подозрительного, я направился в гости к Ларри, намереваясь посвятить его во все происшедшее за последние дни и разузнать, нет ли у него каких новостей. Но, свернув на дорогу, ведущую к его дому, резко затормозил. Перед крыльцом стояла карета миссис Эндерби, а возле нее бродил слуга. Не слишком ли далеко это зашло? Что такого необычного нашел там Великий Сыщик, если решил нанести в этот дом еще один визит? Но сейчас я ничего не мог поделать.

И потому развернулся и потрусил назад.

Во дворе меня ждала Серая Дымка.

— Снафф, — спросила она, — ты уже сделал расчеты?

— Только в уме. Я подумал, что лучше проверить все со своего наблюдательного пункта.

— С какого такого пункта?

— С Собачьего Гнездовища, — объяснил я. — Если тебе интересно, то пойдем.

Она побежала рядом со мной. Воздух пах сыростью, небо было затянуто серыми облаками. С северо-востока дул пронизывающий ветер.

Мы миновали жилище Оуэна, и Трескун, сидевший на ветке, затрещал вслед:

— Странная парочка! Странная парочка! Открывающий и закрывающий! Открывающий и закрывающий!

Мы не ответили. Пускай себе предсказатели режутся.

— Какое-то странное на вас наложено проклятье, — наконец заметила Серая Дымка.

— Небольшая поправка. Мы — хранители проклятья.

И даже не одного. Когда живешь на свете достаточно долго, эти штуки имеют привычку собираться вокруг тебя. А откуда ты узнала об этом?

— Джек рассказывал моей хозяйке.

— Очень странно. Обычно мы предпочитаем о таких вещах не распространяться.

— Значит, была причина.

— Верно.

— Так ты не однажды присутствовал при этом? Скажи, сколько раз ты уже участвовал в Игре?

— Мне хватило.

— Как ты думаешь, может, он пытался убедить ее... ну, перейти на другую сторону?

— Да.

— Интересно, удастся ему это?

Мы пробежали мимо дома Радова, но задерживаться не стали. На дороге мы повстречали Мак-Каба, бредущего куда-то с палкой в руке. Он было замахнулся на нас, но я оскалил клыки. Он сразу опустил трость и пробормотал нам вслед проклятье. Я уже привык ко всяким прокля-

тьям, и никто не может точно определить, когда я улыбаюсь, а когда нет.

Мы все дальше углублялись в поля, пока наконец не очутились у моего холма. Тогда мы забрались на его вершину, войдя в круг из поваленных и торчавших в разные стороны каменных глыб. На юге, прямо над домом Дорогого Доктора, из темных туч били молнии.

На этой высоте ветер усилился, а к тому времени, как я обошел весь круг, закапал мелкий дождик. Серая Дымка скорчилась с подветренной стороны одной из глыб, наблюдая, как я сверяюсь со своими пометками.

Начал я с кладбища на юго-западе и от него провел линии ко всем остальным точкам, где находились дома игроков. Затем, обратившись к тому месту, где теперь лежали останки Графа, проделал все заново. Я тщательно запомнил получившийся узор. Теперь центр переместился от старого поместья вниз, на юг, минуя нас, и расположился немного впереди и чуть слева. Я встал как вкопанный, начисто позабыв про дождь, и снова проверил расчеты, линию за линией. Вот центр ползет, ползет, смещаясь вниз.

И опять прежний результат. Но там же абсолютно ничего нет, никаких отличительных знаков! Просто склон холма, несколько деревьев да валунов. И никаких строений, никаких объектов поблизости.

— Что-то не то, — пробормотал я.

— В чем дело? — спросила Серая Дымка.

— Не знаю. Происходит что-то очень странное. Все прошлые варианты хоть какой-то интерес представляли, вписывались в общую схему. А здесь обыкновенная пустышка. Просто кусок поля к югу отсюда и немного на запад.

— Но в то же время все предыдущие варианты оказались неверными, — сказала она, подойдя ко мне, — какими бы интересными они ни казались. — Она запрыгнула на ближайший камень. — Где это?

— Вон там, — кивком указал я. — Справа от той купы из пяти-шести деревьев, на склоне холма.

Дымка внимательно рассмотрела указанное место.

— Ты прав, — согласилась она. — Вид не очень-то

многообещающий. Ты уверен, что все правильно сосчитал?

— Два раза проверил, — обиделся я.

Дождь внезапно хлынул как из ведра, и она снова вернулась в свое убежище под камнем. Я присоединился к ней.

— Думаю, надо пробежаться туда, — сказала она немного погодя. — Разумеется, после того, как дождь немного поутихнет.

Она начала вылизывать себя. Но вдруг подняла голову.

— Мне только что пришло на ум, — сказала она. — Скелет Графа. У него на пальце был перстень?

— Нет, — ответил я. — Кто бы там его ни пришил, он же, без сомнения, и перстень забрал.

— Так, значит, теперь этот кто-то располагает уже двумя атрибутами.

— Значит, так.

— Что делает его сильнее.

— Только в некотором смысле — усиливает его отвагу. Но одновременно с тем и делает его куда более уязвимым.

— Ну, отвага — это уже кое-что.

— Пожалуй.

— Игра всегда на определенном этапе становится такой запутанной? Что, мысли игроков, их идеи, атрибуты постоянно так мешаются друг с другом?

— Постоянно. Особенно перед самым завершением, когда события не успевают сменять друг друга. Своим пребыванием здесь и некоторыми определенными поступками мы создаем вокруг всех нас что-то наподобие вихря. Твое собственное замешательство в один прекрасный момент может погубить тебя. И наоборот, ошибка твоего соперника может спасти тебе жизнь.

— Ты утверждаешь, что с каждым днем положение дел все больше и больше запутывается, но ведь должно же когда-то все встать на свои места?

— Да, более или менее. Но только к самому завершению.

Неподалеку от нас ударила молния, раздался приглушенный удар грома. Гроза, созданная Дорогим Доктором, начала распространяться на окрестности. Ветер вдруг переменялся, и нас с головы до ног окатило дождем.

Мы сразу кинулись прочь, под прикрытие камня покрупнее. И вот пока я сидел там, одолеваемый печальными думами, которые обычно лезут в голову, когда насквозь промокнешь, мой взгляд внезапно остановился на боковинке плиты. Под струйками дождя царапинки и шероховатости на ней начали складываться в единое целое.

— Что ж, надеюсь, эта шайка оценит то, что нам довелось пережить, — промолвила Серая Дымка. — Всякие там Ньярлатхотепы, Ктулху и прочие ребята с абсолютно непроизносимыми именами. Мне даже захотелось сейчас очутиться где-нибудь подальше отсюда, половить мышек для какой-нибудь фермерской женушки...

Точно, начали проявляться буквы какого-то неизвестного мне алфавита, давным-давно выбитые на камне, успевшие почти начисто стереться, но вдруг возникшие вновь, когда струящаяся вода оттенила серый цвет плиты. Они проступали буквально на глазах.

И тут я отшатнулся, ибо они засветились призрачным красноватым отблеском. И все разгорались и разгорались.

— Снафф, — окликнула меня Дымка, — что ты делаешь там, под дождем? — Она перевела взгляд на плиту, на которую уставился я, и добавила: — Ого! Думаешь, они услышали меня?

Теперь они уже пылали, эти буквы, а потом начали сменять друг друга, будто составляя какую-то надпись. Исходящий из камня свет образовал вокруг них четырехугольник.

— Да я ж пошутила, — тихо пробормотала Дымка.

Внутренности прямоугольника приняли молочный оттенок. Половина меня хотела развернуться и бежать отсюда со всех ног, но другую половину полностью поглотило вершащееся передо мной. К сожалению, возобладали та, другая половина. Дымка превратилась в серое изваяние, она тоже не в силах была отвести глаз.

Потом молочно-белый свет постепенно замутился, и я думаю, это можно назвать предчувствием, ибо вдруг моя первая половина вновь обрела власть над телом. Я метнулся вперед, схватил Серую Дымку зубами за шкурку и отпрыгнул вправо. Только я убрался, как из прямоугольника

вылетел пучок света, опаливший как раз тот клочок почвы, где секунду назад стояли мы. Пребывая в некотором шоке от увиденного, я даже споткнулся и упал, шерсть моя встала дыбом. Серая Дымка заурчала, а в воздухе запахло озоном.

— Кажется, они чересчур обидчивы, — заметил я, поднимаясь на ноги и снова падая.

И тут я почувствовал, как вокруг нас взвился ветер, усилившийся по меньшей мере раз в десять. Я вновь попытался встать на ноги и опять кубарем покатился по земле. Я оглянулся на камень и увидел, что к прямоугольнику вернулась былая прозрачность — значит, следующий удар молнии на время откладывается. Теперь над камнем возникли светящиеся контуры серебряного ключа. Я подполз поближе к Серой Дымке. Ветер неистово метался вокруг нас. Откуда-то раздался монотонный напев:

— Иэ! Шаб-Ниггурат! Черный Козел из Древа с Тысячью Дев!

— Что происходит? — взывала Дымка.

— Кто-то открыл врата — показать, что твое замечание пришлось несколько не по вкусу, — предположил я. — Вот это сейчас и происходит, и дверь еще не закрылась. Так мне кажется.

Она припала ко мне — спина выгнулась дугой, уши прижались, шерсть встала дыбом. Ветер, опять усилившийся, толкал нас к камню; противостоять ему мы уже были не в силах. Таща за собой Дымку, я начал скользить по земле в сторону врат.

— Кажется, они не успеют закрыться! — прокричала она. — Нас затягивает внутрь.

И тогда она повернулась и что было сил вцепилась всеми четырьмя лапами мне в грудь. А когти у нее были острые.

— Мы ни в коем случае не должны разделяться!

— Согласен! — прохрипел я, все быстрее и быстрее съезжая к дыре.

Пока мы катились, мне удалось мало-помалу подобрать под себя ноги. Уж лучше войти туда самому и с честью, — кроме того, это вообще может продлить жизнь, — нежели влететь, беспомощно кувыряясь в воздухе.

Чем ближе нас подтаскивало к плите, тем меньше казалась она прежней каменной стеной, ибо внутри ее открывались хмурые глубины без определенных очертаний. Изображение ключа померкло. Что нас ждало впереди, я не имел ни малейшего понятия, но по поводу того, что нас все равно туда утащит, не было никаких сомнений. В таком случае немножко достоинства не повредит.

Резко распрямив ноги, я прыгнул вперед. В брешь между мирами. В туман.

В тишь. Сразу, едва мы прошли сквозь врата, звуки ветра и колотящегося о камни дождя исчезли. Однако ни о какую твердую поверхность мы не ударились, то есть не приземлились вообще. Мы висели посреди жемчужно-серой дымки, а если и падали, то ощущения падения не было. Мои ноги все еще были напряжены — вытянуты так, словно я прыгал через изгородь. Вокруг нас закручивались туманные водовороты, резвились призрачные облачка, я не понимал, куда мы движемся. Каждый раз, стоило повернуть голову в какую-либо сторону, сразу возникало чувство, будто именно туда мы и плывем.

Я обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как прямоугольник позади потускнел, трава и камни, виднеющиеся сквозь него, побледнели и исчезли. Пространство рядом с тем местом, где он раньше находился, было усеяно висящими в воздухе капельками дождя, прямо напротив нас замерло несколько пожухлых листочков и пара травинок. Или мы все вместе падали вниз, или поднимались, это зависело от...

Серая Дымка тихонько заурчала и огляделась по сторонам. Я почувствовал, как она облегченно вздохнула.

— Главное, чтобы мы здесь не потеряли друг друга, — сказала она.

— Тебе известно, где мы находимся?

— Да. Я-то уверена, что приземлюсь на все четыре лапы, но вот не знаю, как ты. Давай-ка я переберусь тебе на спину. Так нам обоим будет удобнее.

Она полезла вверх по моей груди, зацепилась за шею и переправилась на плечи. Устроившись там, она в конце концов втянула коготки.

— Где мы очутились? — вновь повторил я.

— Теперь я поняла: какая-то сила пыталась помочь мне, когда нас затягивало вовнутрь, — ответила она. — Ничего общего с ударом молнии это не имеет. Но путь был свободен, и Он ухватился за эту возможность, чтобы спасти нас. А может, за этим кроется нечто большее, чем кажется.

— Боюсь, что не понимаю тебя.

— Сейчас мы находимся между нашим миром и Миром Грез, — пояснила она.

— Ты бывала здесь раньше?

— Да, правда, не в этих местах.

— Такое впечатление, будто мы можем плыть так целую вечность.

— Не сомневаюсь.

— А как нам тогда пробраться дальше или вернуться назад?

— Мои воспоминания по этой части очень отрывочны. Если нам приходится не по нраву то, где мы оказываемся, мы просто отступаем и пробуем снова. Сейчас попробую. Если начнет твориться что-то слишком уж необычное, окликни меня.

Произнеся это, она замолкла, и пока я ожидал, что же будет дальше, успел вновь прокрутить в памяти всю цепь событий, которые привели нас в этот мир. Внезапно мне показалось очень странным, что ее пренебрежительное замечание о Древнейших было не просто услышано — что бы там ни обиделось на нее, оно располагало достаточной властью, дабы как-то ответить. Все верно, наступило время, когда сила прибывает с каждым днем, но меня заинтриговала подобная расточительность: ведь такую мощь можно было бы использовать с куда большей выгодой, если только это не очередное проявление так называемой божественной непостижимости, которой, на мой взгляд, больше подходит определение «ребячество». И вдруг в голове мелькнула смутная догадка, весьма вероятное объяснение случившемуся, однако мне пришлось отложить его рассмотрение на потом, ибо окружающий мир начал изменяться.

Откуда-то сверху пролился свет — всего единственный маленький лучик, но меня поразила темнота, вдруг про-

стершаяся подо мной. Я ничего не сказал Серой Дымке, решив не отвлекать ее, если только не произойдет что-то совсем из ряда вон выходящее, пока она сама не заговорит. Но я внимательно изучил этот свет. Было в нем что-то очень знакомое — может, именно с него начинаются наши сны и под него мы пробуждаемся.

Затем я понял, что это просто очертания — как на карте — какого-то континента, или очень большого острова, или двух, а то и более. Ландшафт простерся прямо у меня над головой, далеко-далеко. Таким образом, у меня несколько поменялся взгляд на мир, и я решил хоть как-нибудь сориентироваться в пространстве относительно него. Я задвигал лапами и изогнулся, попытавшись развернуться так, чтобы смотреть на мир сверху вниз, а не наоборот.

Это не составило никакого труда, и я тут же перевернулся. Вид расчистился, земля приблизилась. По мере приближения сквозь голубые прозрачные вихри облачков, нависших над неровностями почвы, побережьями, начали проявляться топографические особенности местности. Меж двумя значительных размеров лоскутами земли проступила пара огромных островов, увенчанных острыми пиками, — ближе к западу, если считать, что север сверху. В принципе ничем это не доказывалось, но, если уж на то пошло, ничем и не отрицалось.

Серая Дымка забормотала безжизненным, тихим голоском:

— ...К западу от Южного моря возвышаются Базальтовые столбы, а прямо за ними раскинулся город Катурия. На востоке побережье покрыто зеленью, среди которой ютятся рыбацкие деревушки. На юге, за черными башнями Дилат-Лина, простирается земля белесых грибов, где строения все коричневого цвета и лишены окон; в водах тех мест в спокойные дни можно увидеть аллею хромых сфинксов, ведущую к огромному куполу ушедшего в глубь озера храма. А если взглянуть снова на север, то покажутся упокойные сады Зуры, града недостигнутых удовольствий, храмовые террасы Зака, два мыса, вытесанные из хрусталя и образующие залив Соны-Нил, шпилы Талариона...

Пока она это говорила, мы подплывали все ближе, и

мой взгляд скользил по морскому побережью, то и дело останавливаясь, ибо описываемые ею места странным образом увеличивались, становясь видными на большом расстоянии. Я очутился будто бы во сне и, надо признаться, был буквально ошеломлен этим необычным феноменом; лишь какая-то частица меня принимала все увиденное как нечто должное, давно забытое, а не только что познанное.

— ...Дилат-Лин, — как бы про себя вспоминала она, — куда стекаются алчноокие торговцы в странных тюрбанах в поисках рабов и наживы, прибывая на черных галерах, смрад которых способно затмить лишь благоухание дерева таг. И расплачиваются они рубинами, и отплывают на мощных ударах весел невидимых гребцов. Обратим взоры на юго-запад, к Трану, окруженному катящимися алебастровыми стенами, — возносящиеся к небу замки его сияют белизной и золотом, там, у реки Шай, а пристани сплошь из мрамора...

А вот, на берегах Церенейского моря, лежит гранитостенный город Хланит. Его пристани — из дуба, а крыши домов остроконечны...

Пред нами благоухающие джунгли Кледа, — продолжала она. — Там затерянные дворцы из слоновой кости — прежняя обитель монархов из забытого королевства — спят бестревожным сном.

...А вверх по течению реки Укранос, впадающей в Церенейское море, поднимаются яшмовые террасы Кирана, куда раз в год, в золотом паланкине, прибывает король Илек-Вада, чтоб вознести молитву речным божествам в семибашенном храме, сладко поющим, когда на храм падает лунный свет.

Мы медленно приближались, теперь уже проплывая над огромными землями — коричневыми, желтыми, зелеными...

— ...Бахарна, в одиннадцати днях пути по морю от Дилат-Лина, есть наиважнейший портовый город, занявший остров Ориаб, врата в залив охраняемы великими маяками Тонем и Талом, молы все из порфира. А вот канал к озеру Йат — все, что осталось от рухнувшего города. И несет он воды свои по туннелю, запертому гранитными вратами.

Люди, живущие на холмах, ездят на зебрах. К западу, среди пиков Трока, раскинулась долина Пнот. Там мерзкие дholes, переродившиеся из гулей¹ за многие века непрерывного пиршества, копошатся среди гор останков... Тот пик на юге есть Нгранек, всего за два дня можно доскакать до него от Бахарны на зебре, если найдется смельчак, не боящийся ночных мрачнецов. Тот же, кто осмелится взойти на склоны Нгранека, в конце концов очутится у огромного, вырезанного в скале лика с большими мочками и заостренными носом и подбородком. И нет счастья в очах его.

...И снова назад, в северные земли. Прекрасный Ултар расположился неподалеку от реки Шай, за огромным каменным мостом, в котором, когда строительство завершилось, целых тринадцать столетий назад, замуровали живьем человека. Это город аккуратных домишек и булыжных мостовых, где бродят коты и кошки, и несть им числа, ибо благословенные правители давным-давно издали закон в нашу защиту. Добрая, милая деревенька, где усталый путник может найти свой последний приют и возвращать и любить кошек, множа их число, как и быть должно.

...А вот приземистые купола Урга, промежуточного пункта на пути к Инкваноку, столь часто посещаемому искателями оникса...

...Сам же Инкванок — ужаснейшее место вблизи пустыни Ленг. Дома его подобны дворцам с остроконечными куполами, минаретами и пирамидами, златоиспещренные их стены, черные от летописной вязи, разбрасывают во все стороны буйные пляшущие блики. Улицы вымощены ониксом, и когда звонит колокол громадный, вторят ему рожки, виолы и чарующие голоса. Высоко-высоко, на средин-

¹ Здесь киска (вкупе с автором) шутит. *Дholes* (dholes, или по-латыни *Canis rutilus*) — свирелые дикие собаки, обитающие в Индии и охотящиеся стаями (за подробностями можно обратиться, например, к бессмертному «Маугли» Редьярда Киплинга). *Гули* же (на латинице *ghoules*) — в мусульманской мифологии джинны женского рода, особо враждебные людям; отличаются тем, что, меняя внешний облик, заманивают путников, а затем съедают. В английском языке это слово имеет и еще ряд значений: кладбищенский вор, садист, растленный тип, любитель отвратительного или страшного. По-английски *dholes* и *ghoules* фонетически близки, ну а джины-оборотни могут переродиться в кого угодно, хоть в индийских «красных собак» — на то они и джины...

ном холме, возведен во славу Древнейших огромный храм, окруженный семивратным садом с колоннами, фонтанами и прудами, в которых светящиеся рыбы гоняются друг за другом и где мерцают и резвятся отражения треног, что установлены на балконе храма. На самой верхушке плоского купола храма высится поднебесная башня, и когда в ней начинает звонить колокол, то жрецы в рясах с лицами, сокрытыми масками, проносят в ложи подземные дымящиеся кубки. На ближайшем холме вздымается дворец Сокрытого Правителя. Он проезжает сквозь бронзовые врата во влекомой яками колеснице. Стерегись прародителя шантакских птиц, обитающего под куполом храма того: удержи чуть свой взгляд — и он одолеет тебя кошмарами ночными. Избегай честного Инкванока. Ни одна кошка не может селиться в нем, ибо тени его несут яд нашему роду.

...А вот Саркоманд, сразу под плато Ленг. По покрытым солью ступеням путь лежит к его базальтовым стенам и докам, храмам и площадям, мимо бесконечных колонн улиц, к месту, где врата с летучими сфинксами открываются на центральную площадь и два окаменевших крылатых льва охраняют вершину лестницы, ведущей в Великую Бездну.

Мы спустились еще ниже, и я уже мог слышать звуки ветра, завывавшего меж мирами, а она все продолжала читать свой молебен географии Мира Грез:

— ...По пути в Кадаф мы должны пересечь ужасную пустыню Ленг, где в огромном монастыре без окон, окруженном монолитами, обитает Верховный жрец Мира Грез, чье лицо спрятано под желтой шелковой маской. Это здание древнее самой истории, и стены его расписаны фресками, повествующими о судьбе Ленга: там изображены танцы нечеловеческих существ среди давно сгинувших городов, война с пурпурными пауками, приземление черных галер, пришедших с луны...

...И вот мы входим в сам Кадаф — чудовищных размеров город, состоящий из льда и тайн, мы входим в столицу этой земли...

И наконец мы возле честного Целефаиса в землях Ут-Наргай на берегах Цернейского моря.

Теперь мы плыли совсем низко, минуя увенчанный снежной шапкой пик.

— ...Гора Аран, — молвила Дымка, и я разглядел на нижних склонах «чудные» деревья; а немного погодя на расстоянии проявились мраморные стены, минареты, бронзовые статуи. — Здесь в море впадает река Наракса. В некотором удалении возвышаются Танарийские пики. Бирюзовый храм, что вниз по улице Колонн, и есть то место, где великий жрец почитает Нат-Гортота. Вот так мы прибыли в место, куда меня призвали.

Мы медленно опустились на ярко горящий камень ониксовой мостовой. Снова нас окружили всевозможные звуки, шорохи, говор, создаваемые отнюдь не ветром, чье дуновение я ощущал. Серая Дымка соскочила с моей спины, легко приземлилась рядом, встряхнулась и огляделась по сторонам.

— Сюда ты приходишь в снах, пока дремлешь? — спросил я.

— Иногда, — ответила она. — А порой я оказываюсь в других местах. А ты?

— Мне кажется, что и я бывал здесь.

Покружившись на месте, она секунду помедлила и неторопливо тронулась вперед. Я последовал за ней.

Мы шли довольно долго, но никто из торговцев, восседающих на верблюдах, или облаченных в увитые орхидеями одеяния жрецов не тронул нас.

— Здесь нет понятия времени, — заметила она.

— Не сомневаюсь.

Мимо проследовали матросы, идущие из окутанного розовой дымкой порта; солнечный свет отражался от мостовой, играл на минаретах. Ни одной собаки я поблизости не заметил, даже не почуял.

Вдалеке показалось какое-то ослепительно сверкающее здание, к которому мы и направились.

— Дворец Семидесяти Наслаждений, вырезанный когда-то давным-давно из розового хрусталя, — пояснила она. — Отсюда Он и призвал меня.

Пока мы шли к дворцу, мне начало казаться, что часть меня, обычно бодрствующая, теперь погрузилась в сон, а

другая, которая обычно дремлет, наоборот, проснулась. С такой внутренней переменой я без труда воспринимал все окружающие чудеса и на время отрешился от дневных переживаний и забот, свалившихся за последние несколько недель.

Хрустальный дворец высился над нами, мерцая подобно огромной глыбе розового льда, так что я старался не смотреть на него прямо, а пользоваться лишь боковым зрением. По мере нашего приближения все меньше народу встречалось по пути, солнце мягко светило с небес.

Когда мы вошли в пределы дворца, я заметил единственное живое существо во всей округе — небольшую серую тень, купающуюся в солнечных лучах на террасе перед дворцом: голова поднята, глаза внимательно разглядывают нас. Серая Дымка направилась прямо на террасу.

Тень оказалась очень старым котом, возлежащим на плите из черного оникса.

Приблизившись и распростершись на земле, Дымка обратилась к нему:

— Приветствую тебя, Высочайший Мурлыкающий.

— Серая Дымка, дочь моя, — ответил он, — здравствуй.

Прошу тебя, поднимись.

Что она и сделала со словами:

— Мне показалось, будто я ощутила твое присутствие во время неистовства Древнейших. Благодарю тебя.

— Да. Я весь месяц за тобой наблюдаю, — подтвердил он. — И ты знаешь почему.

— Знаю.

Он повернул голову, его древние желтые глаза встретили мой взгляд. Я опустил морду — в знак уважения к его почтенному возрасту и еще потому, что Серая Дымка вела себя с ним как с персоной исключительной важности.

— Ты прибыла сюда в сопровождении пса.

— Снафф — мой друг, — ответила она. — Он вытащил меня из колодца, спас от молнии Древнейших.

— Да, я видел, он оттащил тебя в сторону, когда она ударила — как раз перед тем, как я решил вызвать тебя сюда. Он желанный гость здесь. Приветствую тебя, Снафф.

— Здравствуйте, сэр, — ответил я.

Не торопясь, старый кот поднялся на ноги, выгнул спину, потянулся и снова выпрямился.

— Времена наступают крайне сложные, — промолвил он. — Вы создали необычный узор. Пойдем, пройдемся со мной, дочь моя, я хочу поделиться с тобой некоторыми соображениями относительно последнего дня. Ибо иные вещи представляются слишком незначительными взору Великих, и даже кошка может знать то, что неизвестно Древнейшим богам.

Дымка взглянула на меня, а поскольку лишь немногие умеют определять, когда я улыбаюсь, я кивнул головой.

Они пошли вокруг храма, а я подумал, наблюдает ли сейчас за нами из своего убежища, расположенного высоко в горах, некий древний волк, постоянно пребывающий настороже, неизменно повторяющий одно и то же: «Всегда будь начеку, Снафф, всегда». Даже сейчас у меня в ушах раздавалось его вечное ворчание, исходящее откуда-то из подсознания.

Я побродил по округе, поджидая возвращения Серой Дымки. Сложно было сказать, сколько они уже отсутствуют — в месте, где нет времени. Но, следовательно, они не должны пропасть надолго. Однако я оказался не прав.

Когда я увидел их, вынырнувших из-за угла дворца, то снова подивился, какой такой странный каприз судьбы свел меня дружбой с открывающим. Который к тому же принадлежит к кошачьему племени.

Они приблизились, и я заметил, что Серая Дымка чем-то слегка озабочена, а если не озабочена, то уж озадачена точно. Это я понял по тому, как она подняла правую переднюю лапку и изучила коготки.

— Теперь сюда, — произнес старый кот, и по его взгляду я понял, что на сей раз приглашение относится и ко мне тоже.

Он провел нас по аллее, рядом с дворцом Семидесяти Наслаждений. По сторонам тянулись урны темно-коричневого, красно-коричневого и светло-синего цветов, инкрустированные искусно выполненными узорами из черненого серебра, ручки их были вырезаны из малахита, нефрита, порфира и хризоберилла. Здесь прятались забытые

тайны храма. Пурпурные крысы разбегались, заслышав звук наших шагов. Крышка одной из урн задрожала, издав резкий звон, эхом отразившийся от стен из розового хрустала.

— Сюда, — сказал кот, и мы прошли вслед за ним в затененную нишу, где обнаружилась дверь, ведущая внутрь храма. Рядом на хрустальной стене колыхалась несколько менее вещественная дверь: едва мы приблизились, как молочный свет внутри внезапно проявившегося на хрустале прямоугольника забурлил.

Когда мы остановились перед ней, кот повернулся ко мне.

— Поелику ты есть друг моего друга, — сказал он, — я подарю тебе знание. Спрашивай меня, что хочешь.

— Что день грядущий мне готовит?

Он мигнул.

— Кровь, — произнес он затем. — Моря и океаны ее вижу вокруг тебя. И ты потеряешь друга. А теперь проходите во врата.

Серая Дымка шагнула в прямоугольник и исчезла.

— Что ж, и на том спасибо, — сказал я.

— *Capre baculum!* — прокричал он мне вслед, каким-то образом поняв, что я еще не успел начисто позабыть латынь, и, вероятно, посмеявшись по-своему, по-кошачьи, приказав мне на классическом языке принести палку¹.

Постепенно привыкаешь к вечным подколкам со стороны кошек насчет собачьей жизни, хотя, думаю, их глава от подобных глупостей мог бы и воздержаться. Но он же все-таки кот и, по-видимому, очень давно не видел собаки, поэтому не смог удержаться.

— *Et cum spiritu tuo*², — ответил я и шагнул в дверь.

— *Benedicte*³, — донесся до меня далекий ответ.

Я снова повис в пространстве меж двух миров.

— Что там такое случилось? — окликнула меня Серая Дымка.

¹ У кого-то из них — у кота ли, у пса ли — с латынью, похоже, не все в порядке, потому что *capre baculum* переводится как «лови (хватай) палку». Впрочем...

² *Et cum spiritu tuo* — И с духом твоим (лат.).

³ *Benedicte* — Благословен [будь] (лат.). Эти две последние реплики представляют собой перефразированное окончание католической молитвы.

— Он на прощание посмеялся над моей Вахтой.

— С чего бы это?

— Будь я проклят, если знаю. По его морде ничего нельзя прочесть, ты что, забыла?

Тут она внезапно нырнула в еще один прямоугольник. Очень странное зрелище представляла она — колеблющаяся, плоская картинка кошки. Затем Дымка превратилась в горизонтальную линию, концы черточки сошлись друг с другом, и все исчезло. Когда наступила моя очередь, дело оказалось куда проще. Я очутился рядом с ней на вершине Собачьего Гнездовища прямо перед каменной плитой, которая снова стала серым камнем с несколькими царапинками на нем. Солнце зависло далеко на западе, гроза уже кончилась.

Я огляделся по сторонам. Никто вроде за нами не шпионил.

— До заката время еще есть, так что мы успеем проверить место, которое ты вычислил, — предложила Дымка.

— Нет, оставим это до завтра. Я и так подзадержался, мне надо дом обходить.

— Хорошо.

Мы побежали домой. Я вспомнил о даре старого кота, но завтра будет завтра.

— Моим снам недостает пышности Целефаиса, — заметил я.

— А какие они?

— Я возвращаюсь в первобытный лес, где обитает старый волк по имени Ворчун. Он учит меня всему.

— Если там водятся зуги, — сказала она, — значит, мы пролетали над твоим лесом. Он к западу от реки Шай. Сразу под Вратами Глубоких Дрем.

— Может быть, — пробормотал я, сразу подумав о маленьких коричневых существах, которые жили на дубах, питались древесными грибами и бесследно исчезали, едва завидев людей. Ворчун частенько насмеялся над ними, — впрочем, это его обычное расположение духа.

На западе багрятели облака, а наши лапы насквозь пропитались влагой, оставшейся на траве после грозы.

Кровь, моря и океаны крови. Возможно, стоит воспользоваться намеком.

Этой ночью мы с Ворчуном станем бесцельно бродить по лесам, пока не подеремся, и в очередной раз я буду бит.

23 октября

С утра я снова взялся за работу: проверил Тварей, а затем обследовал все снаружи. Прямо перед нашей парадной дверью лежало черное перышко. Оно могло принадлежать Ночному Шороху. А могло случиться, что открывающие подбросили его, снабдив каким-нибудь мерзким заклинанием. А может, оно случайно залетело. Я отнес находку за дорогу, в поле, и помочился на нее.

Серая Дымка опять куда-то исчезла, поэтому я направился к дому Ларри. Он впустил меня, и я рассказал ему обо всем, что случилось с тех пор, как мы в последний раз виделись.

— Надо будет проверить тот склон, — сказал он. — Может, там раньше стояла часовня.

— Верно. Сходим прямо сейчас?

— Давай.

Пока он искал пальто, я рассматривал его растения. Некоторые экземпляры выглядели довольно-таки экзотично. Я не стал рассказывать ему о Линде Эндерби, поскольку в нашем разговоре он вскользь упомянул, что они беседовали о ботанике, и только. Может, Великий Сыщик и вправду увлекается цветами?

Он вернулся уже в пальто, и мы пустились в дорогу. Когда мы очутились в открытом поле, небо заволокло облаками, задул сильный ветер. Спустя немного времени мы наткнулись на огромные бесформенные следы, уводящие к скрытой пеленой бури ферме Дорогого Доктора. Я принюхался — пахло Смертью.

— Здоровяк снова выходил, — заметил я.

— Я туда так и не дошел, а надо бы познакомиться, — ответил Ларри. — Я даже начинаю подумывать, не тот ли это весьма знаменитый ученый, с которым мне доводи-

лось встречаться? Может, это он продолжает свои исследования?

Дальше развивать мысль он не стал — мы вышли к дереву, в стволе которого глубоко увяз арбалетный болт.

— Что ты думаешь о викарии Робертсе? — спросил я тогда.

— Очень честолюбивый человек. Совсем не удивлюсь, если узнаю, что он поставил себе целью в одиночку добраться до конца и быть единственным, кто откроет Врата.

— А Линетт тут при чем? Ты же сам прекрасно знаешь, что принесение в жертву человека вовсе не так уж важно. Ну, может, что-то вроде смазки.

— Я думал о ней, — промолвил он. — По пути назад мы завернем к дому викария, покажешь мне ее комнату.

— Я и сам не знаю, где она. Но попрошу Серую Дымку сводить меня туда. А потом покажу тебе.

— Сделай это, пожалуйста.

Наконец мы подошли к склону невысокого холма, к месту, где, согласно моим расчетам, должен был располагаться центр.

— Ну что, это здесь? — уточнил он.

— Да, примерно. Плюс-минус. В отличие от остальных, я, как правило, работаю не по карте.

Мы прошлись вдоль холма.

— Склон как склон, — наконец подвел он итог. — Ничего необычного, если только те деревья не остатки священной рощи.

— Они совсем молоденькие. По-моему, они выросли здесь лишь недавно.

— Да. И мне тоже так кажется. Но меня не покидает ощущение, будто в своих подсчетах ты что-то упустил. В этот вариант я вхожу?

— Да.

— Мы это уже обсуждали. А что, если без меня? Куда тогда уйдет центр?

— На другую сторону холма и дальше на юго-восток. Ходьбы как от твоего дома до дороги перед хижинкой Оуэна.

— Давай посмотрим.

Мы взобрались на холм, спустились по противоположному склону и повернули на юго-восток.

В конце концов мы вышли к какому-то болоту, где я и остановился.

— Вон там, — сказал я. — Еще шагов пятьдесят—шестьдесят. Не думаю, что нам стоит лезть в эту грязь, если и отсюда все видно. Тот же самый вариант.

— Да. Малопривлекательное зрелище. — Он некоторое время обзревал округу. — Тогда, — наконец промолвил он, — ты, наверное, кого-то упустил.

— Таинственный игрок? — спросил я. — Ты считаешь, что кто-то все это время прячется от нас?

— Похоже. А что, раньше такого не бывало?

Я порылся в памяти, припоминая подробности Игр, в которых довелось участвовать.

— Случалось, — ответил я. — Но остальные обязательно вычисляли его.

— А откуда им было знать о его существовании?

— Оттуда, — сказал я. — Концы с концами не сходятся.

— Ну и?..

— Игра зашла слишком далеко. До сих пор никому не удавалось скрываться так долго. Обычно к этому времени уже все друг друга знают — осталась какая-то неделя.

— В случаях, когда кто-то прячется, каким образом вы раскрываете его?

— Как правило, все становится ясно к моменту «смерти» луны. Если же и после этого дня что-то не ладится, вывод один: существует еще какой-то игрок, тогда при помощи всякого рода гаданий вычисляют либо его самого, либо место, где он скрывается.

— Может, и сейчас стоит попробовать то же самое, как ты считаешь?

— Да. Ты прав. Конечно, у меня несколько иной профиль. Хотя о подобных процессах мне кое-что известно, я в первую очередь сторож и занимаюсь расчетами. Но могу попросить кого-нибудь.

— Кого именно?

— Пока не знаю. Сначала я должен выяснить, кто это умеет, а затем найти способ договориться с ним таким об-

разом, чтобы потом мне сообщили результат. После чего, естественно, поделюсь информацией с тобой.

— А если окажется, что этого человека ты терпеть не можешь?

— Не имеет значения. Даже когда направо и налево мрут люди, существуют определенные правила поведения. И если ты не будешь им следовать, то долго не протянешь. Кроме того, я могу располагать чем-то, что требуется этому человеку, — например, помимо расчета центра я умею делать и другие расчеты.

— И какие же?

— О, расчеты места, где находится тело. Где растет какая-то важная травка. Где можно раздобыть особый ингредиент.

— В самом деле? Никогда не слышал, что такое возможно. И как это, очень сложно?

— Когда сложно, когда не очень.

Мы развернулись и не спеша направились в обратную сторону.

— Ну, к примеру, трудно рассчитать, где лежит тело? — спросил он, пока мы поднимались на холм.

— На самом деле это довольно легко.

— Так, может быть, ты попробуешь вычислить, где сейчас тот полицейский, которого мы скинули в реку?

— Нет, как раз вот это будет весьма неблагодарным делом — слишком много переменных вовлечено. Если же ты просто потерял труп или знаешь, что кто-то умер, но не знаешь где, — это совсем несложно.

— Очень смахивает на обыкновенное предсказание, — сделал вывод Ларри.

— А когда ты говорил о «предчувствиях», мол, знаешь, что вот-вот должно что-то произойти, и где, и кто при этом будет присутствовать, — разве это не предсказание?

— Нет. Мне кажется, это скорее какое-то подсознательное умение обрабатывать статистические данные, берущее начало в знании человеческих поступков.

— Ну а я большей частью рассчитываю все в открытую, тогда как ты делаешь это подсознательно. Ты совершаешь те же самые расчеты, только интуитивно.

— А то, как ты находишь тела? Слишком уж это отдаёт ворожкой.

— Так кажется только тем, кто незнаком с этим делом. Кроме того, ты совсем недавно имел честь убедиться, что происходит с моими расчетами, если я вдруг упускаю какой-нибудь важный фактор. Вряд ли это можно назвать даром предвидения.

— Предположим, я сказал тебе, что все утро меня преследует ощущение, будто один из игроков умер.

— Нет, боюсь, это выше моих сил. Мне надо знать, кто и при каких обстоятельствах — хоть что-нибудь. Я имею дело с фактами и вероятностными факторами, а не гадаю на картах. Кстати, ты это серьезно насчет своего ощущения?

— Да, настоящее предчувствие.

— То же самое ты почувствовал, когда прикололи Графа?

— Нет, тогда я ничего не ощутил. Правда, скажем так, я несколько сомневаюсь в том, что его можно отнести к живым созданиям.

— Словами играем, — усмехнулся я, и он, уловив мою насмешку, улыбнулся в ответ. Что ж, начинаем узнавать друг друга.

— Не хочешь показать мне Собачье Гнездовище? Признаюсь, ты заинтриговал меня.

— Пойдем, — сказал я, и вскоре мы уже подходили к холму с нагромождениями плит.

Поднявшись на холм, мы немного покружили на вершине, и я продемонстрировал ему камень, через который нас с Дымкой утянуло в Мир Грез. Выбитые на камне письмены снова превратились в едва различимые царапинки. Он даже разглядеть их толком не смог.

— Хороший вид открывается отсюда, — заключил Ларри, поворачиваясь и окидывая взглядом раскинувшиеся перед нами просторы. — А, вон тот старый особняк. Интересно, прижились ли у миссис Эндерби саженцы, что я ей подарил?

Это был мой шанс. Думаю, я мог бы ухватиться за упоминание о ней и под этим предлогом выложить Ларри всю историю целиком, начиная с Сохо. Но по крайней мере

теперь я хоть понял, что удерживает меня. Он напомнил мне одного знакомого — Рокко. Рокко был огромным вислоухим псом, вечно радующимся чему-то, счастливым, постоянно пускающим слюни и ведущим себя так, будто жизнь вся пронизана исключительно высшими материями и все вокруг благородны и чисты. Некоторых эта его позиция очень раздражала. Слишком уж недалеким он был. Как-то раз на улице я окликнул его, и он кинулся ко мне через дорогу, не глядя по сторонам, одолеваемый своими щенячьими радостями. И угодил прямо под телегу. Я бросился к нему, и будь я проклят, если он по-прежнему не засветился от счастья, увидев меня в последние минуты жизни. Если б я держал пасть закрытой, то, может быть, он бы радовался жизни до сих пор. А получилось... В общем-то, Ларри не был так глуп, как Рокко, но грешил подобной же склонностью к «здоровому» энтузиазму. Он уже давно мучился проблемой постоянных обращений в волка и вот сейчас вроде бы нашел путь к ее разрешению, а Великий Сыщик в своем маскараде ободрил и вдохновил его. Ну, а так как Ларри умел держать рот на замке, то я вспомнил Рокко и подумал: да и черт с ним. Потом.

Мы спустились с холма. На обратном пути я дал ему волю и позволил беспрепятственно рассуждать о тропических растениях, растениях умеренной зоны и арктических областей, об их дневных и ночных циклах, о лечении травами, восходящем аж к заре времен. Когда мы приблизились к дому Растова, на глаза мне попала редкость подозрительная веревка, свешивающаяся с ветви дерева и раскачивающаяся на ветру. Присмотревшись, я понял, что это не кто иной, как Ползец, и он настойчиво подает мне какие-то сигналы.

Ускорив шаг, я подбежал к левой обочине.

— Снафф! Я искал тебя! — крикнул Ползец. — Он все-таки сделал это! Все-таки сделал!

— Сделал что?

— Покончил с собой. Я вышел поискать себе пропитания, а вернулся — он висит. Я знал, что он в депрессии. Я же говорил тебе!

— Когда ты его обнаружил?

— Час назад, — ответил он. — И сразу отправился искать тебя.

— Когда ты уполз из дома?

— На рассвете.

— С ним было все в порядке?

— Да. Он уже спал. А всю ночь перед этим пил.

— Ты уверен, что он действительно покончил с собой?

— На столе рядом стояла бутылка.

— Это еще ничего не значит, он пил беспробудно.

Заметив, что я разговорился с Ползцом, Ларри остановился, поджидая. Я извинился перед змеем и ввел Ларри в курс дела.

— Похоже, твои предчувствия оправдались. Но здесь мои расчеты оказались бы бессильны. — И тут у меня в голове мелькнула идея. — Икона, — сказал я. — Она на месте?

— Ее нигде не было видно, — ответил Ползец. — Впрочем, как всегда: он достает ее только по особым случаям.

— А ты проверил место, где он обычно хранит ее?

— Я не могу. Для этого нужны руки. Под его кроватью есть потайная доска, она плотно примыкает к остальным и ничем не отличается, но любой, у кого есть пальцы, может приподнять ее. Под ней пустое пространство. Он хранит икону там завернутой в красный шелковый платок.

— Я попрошу Ларри поднять доску, — сказал я. — Двери заперты?

— Не знаю. Попробуйте. Как правило, он запирается. Но даже если так, то есть еще щелочка в окне, сквозь которую я выбираюсь наружу. Вы можете приподнять раму и пролезть внутрь.

Мы повернули к дому. Ползец соскользнул с дерева и потек за нами следом.

Наружная дверь была чуть приоткрыта. Мы вошли и подождали змея.

— Куда теперь? — спросил я.

— Прямо, в дверь.

Мы очутились в комнате, которую я видел и раньше, в прошлый раз, когда заходил за Ползцом. А прямо посреди нее, на веревке, перекинутой через балку, висел Рас-тов — пряди нечесаных черных волос падали на бледное

лицо, торчала растрепанная борода, темные глаза вылезли из орбит, из левого уголка рта на бороду стекала полоска крови, теперь высохшая и своим видом напоминающая бурый страшный шрам. Лицо его побагровело и раздулось. Рядом лежал перевернутый стул.

Несколько мгновений мы изучали останки Растова, мне же вспомнились предсказания старого кота. Не эту ли кровь он имел в виду?

— Где спальня?

— В задней половине дома, — прошипел Ползец.

— Пойдем, Ларри, — сказал я. — Поможешь нам, поднимешь одну доску.

В спальне царил кавардак: на полу валялись пустые бутылки, кровать была разобрана, от простыней несло застарелым человеческим потом.

— Там, под кроватью, одна доска не прибита, — обратился я к Ларри. И повернулся к Полцецу: — Какая именно?

Змей скользнул под кровать и затормозил на третьей от стены доске.

— Эта.

— Та, на которую показывает Ползец, — объяснил я Ларри. — Пожалуйста, подними ее.

Ларри опустил на колени и подцепил край доски ногтями. Та легко поддалась, и он осторожно приподнял ее.

Ползец заглянул внутрь. Я заглянул внутрь. Ларри заглянул внутрь. Красный платок все еще лежал там, но никакой дощечки три на девять дюймов со странным рисунком на ней не было и в помине.

— Пусто, — прокомментировал Ползец. — Она, наверно, там, в комнате, где-нибудь возле него. Мы, должно быть, просмотрели ее.

Ларри опустил доску на место, и мы вернулись в комнату, где висел Растов. Все тщательно обыскали, но икона словно испарилась.

— Мне почему-то кажется, что он не покончил с собой, — поделился сомнениями я. — Кто-то помог ему, воспользовавшись тем, что он был пьян или с похмелья. А потом обставил дело так, будто Растов сам повесился.

— Он был довольно сильным человеком, — подтвердил

Ползец. — Но если сегодня утром первым делом он снова приложился к бутылке, то вряд ли был в состоянии защитить себя.

Я доложил о наших размышлениях Ларри, и тот согласно кивнул.

— А в доме такой беспорядок, что нельзя точно утверждать, была здесь борьба или не было, — добавил он. — Хотя, если уж на то пошло, убийца, сделав свое дело, мог расставить мебель по местам. Я должен сообщить об этом констеблю. Скажу, что просто проходил мимо, увидел открытую дверь и зашел. По крайней мере, я действительно несколько раз заглядывал к Растову. Нельзя сказать, что мы вообще не были знакомы. Да и откуда констеблю это знать?

— Да, думаю, это лучший выход из положения, — согласился я. А потом, снова оглядев труп, добавил: — И по одежде ничего нельзя определить. Похоже, он спал в ней, да и не раз.

Мы вернулись в переднюю.

— Что ты теперь будешь делать, Ползец? — спросил я. — Хочешь, переезжай к нам с Джеком. Так проще будет: как-никак, и ты, и мы — закрывающие.

— Нет, спасибо, — прошипел он в ответ. — Довольно с меня всяких Игр. Он был хорошим человеком. Он заботился обо мне. Ему были не безразличны человеческие судьбы, судьбы мира. Ну, как это называется у людей — сострадание! У него слишком сильно было развито чувство сострадания. Думаю, потому-то он столько и пил. Он внутри себя переживал страдания других людей. Нет, с Игрой покончено. Поползу-ка я обратно в леса. Мне известно несколько норок, в которых обитают мыши. А теперь, прошу вас, оставьте меня, я хочу побыть один. Надеюсь, еще увидимся, Снафф.

— Как скажешь, Ползец, — кивнул я. — Если зимой придется худо, ты знаешь, где найти нас.

— Да, спасибо. Прощайте.

— Удачи тебе.

Мы с Ларри зашагали обратно к дороге.

— Что ж, мне туда, — сказал он, поворачивая направо.

— А мне — сюда.

И я свернул налево.

— Продолжение следует, значит, до встречи, — сказал он.

— Да.

Я побежал домой. «И ты потеряешь друга», — добавил тогда старый кот. Эта фраза совсем вылетела у меня из головы.

Джека дома не было, и я быстренько пробежался по комнатам, убеждаясь, что за время моего отсутствия ничего не изменилось. Выйдя затем на улицу, я взял след Джека и проследил его до самого дома Сумасшедшей Джилл.

Со стены за мной наблюдала Серая Дымка.

— Привет, Снафф.

— Привет, Дымка. Джек у вас?

— Да, он сейчас обедает вместе с хозяйкой. У него кончилась провизия, и она решила покормить его перед отъездом.

— Отъездом? — удивился я. — И куда мы собрались?

— В город, за продуктами.

— Да, он и в самом деле что-то такое упоминал — у нас вроде вышли все запасы, и надо, мол, съездить на рынок.

— Именно. Он послал за каретой. Она прибудет за нами примерно через час. Жду не дождусь, уже соскучилась по городу.

— И ты едешь?

— Мы едем все вместе. Хозяйке тоже кое-что потребовалось.

— Может, нам лучше остаться, присмотреть за домами?

— У хозяйки есть отличный заградительный заговор, время действия — как раз один день. Она поделится с вами. А заодно с его помощью можно будет узнать, кто пытался проникнуть в дом во время вашего отсутствия. Насколько я поняла, отчасти мы едем в город, чтобы проверить, не попробует ли кто-нибудь воспользоваться представившейся возможностью. Проезжающую карету увидят все. А по возвращении мы узнаем, кто же наши самые заклятые враги.

— Если не ошибаюсь, решение было принято совсем недавно?

— Утром, тебя просто не было.

— Да, может, самое время, — задумчиво проговорил я, — до действия осталась какая-то неделя, а столько всего происходит...

— О! — Она поднялась, потянулась и спрыгнула со стены. — Что-нибудь новенькое?

— Пойдем пройдемся, — предложил я.

— Куда?

— Навестим викария. Ты сказала, что в нашем распоряжении есть час.

— Хорошо.

Мы выбежали со двора и направились на юг.

— Да, — кивнул я наконец. — Мы потеряли чокнутого монаха.

И я изложил все случившееся сегодня утром.

— Ты считаешь, это дело рук викария? — спросила она.

— Скорее всего. Он наиболее агрессивный из всех игроков. Но вовсе не поэтому я хочу навестить его. Надо выяснить, где находится комната, в которой он держит Линетт.

— Да, конечно, — согласилась она. — Если сейчас в его распоряжении находятся перстень Графа, икона Альхазреда да еще и пятигранная чаша, за эту неделю он может основательно подпортить нам настроение. Ты сказал, что они в каком-то смысле увеличивают его отвагу, и мне показалось, будто ты имел в виду саму церемонию, но он уже сейчас способен причинить немало вреда. Я спрашивала у хозяйки.

— В каком-то смысле да.

— Но ты ведешь себя так, словно это неважно.

— Я действительно считаю, что это не так уж и важно.

Он был бы просто дураком, если б решил воспользоваться атрибутами таким образом, — здесь ему придется полагаться только на собственные возможности и силы. Атрибуты имеют свойство давать отдачу, если их использовать в неположенный срок. Если только викарий не настоящий мастер, в чем я сильно сомневаюсь, он больше навредит себе, чем кому бы то ни было.

— С чего ты это взял? Может, он действительно мастер?

— Сомневаюсь, чтобы мастер, обладающий силой, стал бегать по округе с арбалетом, стрелять летучих мышей и замышлять человеческое жертвоприношение, когда это абсолютно не нужно — так, на всякий случай. Он не уверен в себе. Настоящий мастер старается не растрачиваться по мелочам и предпочитает не пользоваться искусственными методами наращивания сил.

— Ты меня убедил, Снафф. А что, если он чересчур сомневается в себе? Вдруг ему все равно вздумается опробовать на нас силу атрибутов — расчистить поле деятельности и заодно облегчить для себя заключительную стадию Игры?

— Если он настолько глуп, то и получит по голове.

— Но не забывай, ведь на кого-то он направит свой удар. И целью он может избрать вас.

— Я придерживаюсь принципа: тебе ничто не грозит, пока твоя душа чиста.

— Приму на заметку.

Когда мы достигли дома викария, Дымка обежала его и остановилась у задней стены здания.

— Вон там, — показала она, кивая на окно прямо у нас над головами. — Там комната Линетт.

— Мне не приходилось встречаться с ней, — сказал я.

— Как сказала Текила, девочка вот уже несколько недель сидит взаперти.

— Интересно, и надежны ее запоры?

— Насколько мне известно, сбежать ей не удалось. И я же рассказывала тебе: она прикована к кровати цепью.

— Толстой?

— Трудно сказать. Хочешь, чтобы я вскарабкалась туда и проверила еще раз?

— Да, наверное. Я вот думаю, викарий сейчас дома?

— Мы можем заглянуть в конюшню, посмотреть, там ли его лошадь.

— Давай.

Мы прокрались к небольшой конюшне и нырнули внутрь. Там было всего два стойла, и оба пустовали.

— Уехал по делам, — заключила Дымка.

— Что вам здесь нужно? — донесся чей-то голос с балок. Задрав голову, я смерил взглядом ворону-альбиноса.

— Привет, Текила, — сказала Серая Дымка. — Так, проходили мимо, дай, думаем, зайдем, проверим, слышала ли ты уже о Растове.

Последовало секундное молчание, а вслед за тем:

— И что же Растов?

— Он мертв, — сообщила Серая Дымка. — Повесился.

— А змей?

— Уполз обратно в леса.

— Чудесно. Никогда не любила змей. Они нападают на гнезда, воруют яйца.

— А у тебя какие новости?

— Знаю только, что здоровяк снова объявлялся. В доме разразился шумный спор, он на какое-то время ушел в сарай и сидел там, забившись в угол. За ним пришел Дорогой Доктор, и они опять заспорили. И тогда здоровяк убежал в ночь. Хотя потом снова вернулся.

— Интересно. О чем же они там спорили?

— Не знаю.

— Ну, ладно, мы пойдем. Пока.

— Ага.

Мы вышли из конюшни и снова остановились у дома викария. Серая Дымка обернулась.

— С той балки ей нас не видать, — сказала она. — Ну что, я полезла?

— Погоди, — остановил ее я. — Хочу попробовать один фокус, которому научился у Ларри.

Я приблизился к двери черного хода и оглянулся на конюшню. Белое пятно в поле зрения не объявлялось.

Поднявшись на задние лапы, сначала я оперся на дверь, чтобы сохранить равновесие, постоял так чуть, а затем, обхватив обеими передними лапами ручку двери, надавил на нее. И одновременно развернулся всем телом. Чтобы приноровиться, мне пришлось повторить то же самое трижды. На третий раз ручка подалась и повернулась достаточно, чтобы до слуха донесся едва слышный щелчок. Под моим весом дверь бесшумно провалилась внутрь. Я привел тело в нормальное положение и ступил в дом.

— Хороший фокус, — похвалила Дымка, идя шаг в шаг за мной. — Заклятий никаких не чувствуешь?

— Нет.

Плечом я прикрыл дверь, но не плотно. Так, чтобы потом ее можно было быстро открыть лапой, если придется отступать.

— Что теперь? — спросила она.

— Давай найдем лестницу. Хотелось бы выяснить, насколько прочны оковы девочки.

По пути мы остановились у кабинета, и Дымка показала мне чашу и череп в ней. Чаша, естественно, была самой что ни на есть настоящей. Я не раз созерцал ее в прошлом. Однако ни икона, ни перстень напоказ выставлены не были, а демонстрировать свои навыки взломщика на ящиках стола мне что-то не хотелось. Мы вернулись к поискам лестницы.

Лестницу мы обнаружили на западной стороне дома и поднялись по ней наверх. Серая Дымка провела меня к комнате Линетт. Дверь была закрыта, но это вовсе не означало, что она заперта на ключ, девочку-то держала цепь.

Я снова пустил в ход трюк с дверной ручкой, и на этот раз он сработал при первой же попытке. Надо будет еще чему-нибудь научиться у Ларри.

При виде нас глаза Линетт широко раскрылись.

— Ой, — только и смогла вымолвить она.

— Я пойду потрюсь об нее и дам приласкать себя, — сказала Серая Дымка. — Людям это очень нравится. А ты пока займись цепью.

Вообще-то меня больше интересовали замки. Но только я принялся за дело, как услышал далекий стук копыт. Судя по всему, лошадь гнали во весь опор.

— Ой-ой, — проговорила Дымка в паузах между довольным мурлыканьем, тогда как девочка гладила ее и распищывала ее достоинства. — Текила, должно быть, видела, как мы вошли, поэтому полетела и подняла тревогу.

Я быстренько закруглился с осмотром. Цепь оказалась достаточно надежной, чтобы делать свое дело, и к кровати она была прикована внушительным замком. Замок, качающийся на ножке Линетт, размером был поменьше, но все равно с налету его не взять.

— Все, я узнал, что нужно, — сказал я.

Звук копыт приблизился к дому, обогнул угол, и до меня донеслось тяжелое дыхание лошади.

— Сваливаем отсюда! — крикнула Серая Дымка, спрыгивая на пол и устремляясь к лестнице.

Всадник как раз спешилался, пока мы скатывались на первый этаж. Секунду-две спустя я услышал, как хлопнула дверь черного хода.

— Неудача, — констатировала Дымка. — Я займусь викарием.

— Да черт с ним! Я разобью окно в кабинете!

Я уже завернул за угол, когда с другой стороны коридора появился отвратительный маленький человечек с хлыстом в руке. Он надвигался прямо на меня. Мне пришлось притормозить, чтобы увильнуть в кабинет, но хлыст все-таки успел перепоясать мне спину. Однако, прежде чем викарий успел замахнуться во второй раз, прямо ему в лицо, выпустив когти, метнулась Серая Дымка.

Позади раздался истошный вопль, я пронесся через комнату и, закрыв глаза, сиганул в окно. Я вынес собой все, что было можно, дождь осколков сопровождал меня до самой земли. Приземлившись, я развернулся и искал глазами Дымку.

Ее нигде не было видно, но изнутри донесся отчаянный «мяв». Два прыжка — и я снова в кабинете. Викарий держал ее за задние лапы и всюю обрабатывал хлыстом. Когда плеть соприкоснулась с ее шкурой, Дымка снова заорала, но он уже выпустил ее, так как моего возвращения он явно не ожидал. Прикинув к полу, я медленно подкрадывался к нему, уши — прижаты, а в горле перекатывался угрожающий рык, точь-в-точь как в последний раз, когда мы боролись с Ворчуном.

Викарий взмахнул хлыстом, но я проскочил прямо под ним. Если Дымка погибла, жить ему оставалось считанные секунды. Но я услышал ее мяуканье сзади:

— Я ушла!

И всем телом врезался викарию в грудь, сбив его с ног.

Челюсти мои были наготове, и целился я в горло. Вовремя поняв, что она благополучно скрылась, я немного по-

вернул голову и впился ему зубами в правое ухо, хрящ громко треснул. Я соскочил с него, одним прыжком миновал кабинет и вслед за Дымкой очутился во дворе церквушки. Из дома неслись вопли викария.

— Хочешь, прыгай ко мне на спину! — крикнул я ей.

— Нет! Бежим!

И всю дорогу домой мы мчались, как проклятые.

Когда мы лежали перед ее домом, — я все никак не мог отдышаться, она же вылизывала шкурку, — я сказал:

— Прости, Дымка, что втравил тебя в эту авантюру.

— Я знала, на что иду, — ответила она. — Что ты там сотворил с ним, когда я убегала?

— Раскромсал его ухо в лохмотья.

— Зачем?

— Он ударил тебя.

— Мне и раньше доставалось, бывало и хуже.

— Это не оправдание.

— Ты обзавелся смертельным врагом.

— Дурак, он и есть дурак.

— Дурак может использовать против тебя атрибуты.

Или еще как-нибудь отомстить.

Я глубоко вздохнул. По нашим телам скользнула тень какой-то птицы. Посмотрев наверх, я вовсе не удивился, обнаружив, что над нами кружит Текила.

Я перекусил, быстро навел порядок дома, а к тому времени и карета уже подоспела. Мы загрузились и покатали в сторону города. Я примостился у окна. Серая Дымка свернулась клубочком на сиденье прямо передо мной. Хозяин с хозяйкой расположились у другого окна, друг напротив друга, и о чем-то болтали. Я заработал лишь пару царапин, порезавшись осколками стекла, у Дымки же по правому боку вздулся рубец от удара хлыстом. Не могу сказать, что душа моя была чиста, когда я думал о викарии.

Я наблюдал за небом. Не успели мы проехать и мили, как над нами снова мелькнула Текила. Она покружилась над каретой, а затем спустилась пониже, заглядывая в окошко. После чего исчезла. Я не стал будить Серую Дымку — все происшедшее было слишком незначительным.

Небо затянуло облаками, в бок кареты время от времени ударяли порывы ветра. Мы миновали цыганский табор — лишь изредка меж телегами мелькали люди, музыкой и не пахло. Я прислушался к стуку копыт, задумался о выбоинах на дороге и о том, что кучер умышленно налегает на кнут, чтобы побыстрее закончить долгий рабочий день. И от души порадовался, что я не лошадь.

Вскоре мы переехали через мост. Я проводил взглядом грязные воды реки и подумал, где сейчас носит тело нашего полисмена. Интересно, была ли у него семья?

Мы проследовали по Флит-стрит к Стрэнду, а затем свернули к Уайтхоллу. Над нами вновь замелькала белая ворона. По пути мы несколько раз останавливались, чтобы подкупить кое-чего. Когда мы в последний раз высадились у Вестминстера, где в полночь всегда полно гуляк, Джек обратился ко мне:

— Давайте встретимся здесь часа через полтора. Нам надо сделать несколько очень личных покупок.

Я не возражал, так как мне нравилось бродить по городским переулочкам. Серая Дымка повела меня к извозчичьему двору, показать, где ее когда-то подвесили за хвост.

Около часа мы бродили по улицам, принюхивались ко всевозможным запахам, наблюдали за прохожими. Но затем, когда мы свернули в один переулочек, чтобы срезать угол, я вдруг почувствовал, что творится неладное. А буквально за секунду до этого из дверного проема прямо перед нами выступила плотненькая фигурка викария, голова его была перемотана бинтами, на месте правого уха торчала бесформенная шишка. На плече восседала Текила, белый цвет ее перьев настолько сливался с бинтами, что создавалось впечатление, будто у викария внезапно отросла вторая голова. Ворона, должно быть, следила за нами и общала о наших передвижениях викарию. Я обнажил клыки и двинулся вперед. Позади раздался подозрительный топот. Двое мужчин с дубинками выпрыгнули из подворотни и быстро приближались, размахивая своими орудиями. Я попытался было развернуться и броситься на них, но поздно. До ушей донесся торжествующий хохот

викария, и мне на голову обрушился страшной силы удар. Последнее, что я успел увидеть, — это Серая Дымка, убегающая прочь по переулку.

Очнулся я в грязной клетке; ноздри, глотку, легкие наполняла тошнотворная вонь. Я понял, что меня усыпили хлороформом. Голова раскалывалась от боли, спина мучительно ныла. Я сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы немного прочистить дыхательный аппарат. Со всех сторон раздавались стоны, рычание, жалобное мяуканье и тихие, резкие, страдальческие всхлипы. Когда ко мне вновь вернулось обоняние, в нос ударили многочисленные запахи собак и кошек всех пород и мастей. Я поднял голову, осмотрелся и сразу пожалел об этом.

Клетки вокруг были забиты увечными животными: собаки и кошки без хвостов и с ампутированными лапами, слепой щенок со срезанными ушами, кошка, у которой отсутствовала почти половина шкуры, постоянно мяукающая, — когда онализывала раны, взгляду открывалась освежеванная плоть. Что это за сумасшедший дом? Я быстренько проверил, все ли на месте у меня.

Посреди комнаты был водружен операционный стол, рядом с которым лежал огромный поднос со всяческими инструментами. На крюках, сразу у двери, висели медицинские халаты, когда-то бывшие снежно-белыми, теперь же их украшали весьма подозрительные разводы.

Голова немного прояснилась, ко мне вернулась память, и тут я понял, что случилось. Викарий сдал меня вивисекторам. По крайней мере Дымка спаслась. Это уже кое-что.

Я изучил дверцу клетки. Задвижка была достаточно элементарной, но проволока, обтягивающая клетку, не давала добраться до нее. А саму проволоку не взять ни когтем, ни клыком — слишком толстая. Что бы в этом случае посоветовал Ворчун? В первобытных лесах все было куда проще.

Первое, что мне пришло на ум, — это прикинуться смертельно усталым, когда они придут за мной, а потом, когда дверца откроется, прыгнуть и вцепиться в горло. Но у меня было предчувствие, что я окажусь не первым, кто попытается проверить подобный трюк, и где сейчас мои

предшественники? Однако не могу же я просто лежать и ждать, когда мое тело послужит вящей славе медицины. В итоге я решил остановиться на этом плане, если только не придумаю что-нибудь поумнее.

Естественно, когда они пришли за мной, то были ко всему готовы. За свою жизнь они навидались немало клыков и научились избегать их. Их было трое, и у двоих на руках были натянуты толстые войлочные рукавицы длиной по локоть. Так что когда я вскочил на ноги и, разинув пасть, устремился на них, мне просто сунули в глотку войлочную рукавицу, одновременно схватили за ноги и держали, пока кто-то выворачивал мне ухо. Они действовали весьма умело, и меньше чем через минуту я был намертво прикручен к операционному столу. Лишь мелькнула запоздалая мысль: интересно, сколько времени я валялся без сознания, раз мои пленители успели столь основательно подготовиться?

Переговариваясь друг с другом, они начали приготовления к своему кровавому дельцу. Я прислушался.

— Странно, чего это ему выкладывать такие деньжищи за псину какую-то? — сказал тот, который выкручивал мне ухо.

— Да, довольно необычное требование, и здесь придется поработать, — кивнул мужчина, раскладывающий инструменты ровными блестящими рядами. — Принеси-ка чистые ведра для органов. Он особо настаивал, чтобы, пока мы будем резать пса, в те куски, которые пойдут на свечи, не попало никакой посторонней крови или других примесей.

— А почему ему знать, чего мы намешаем туда?

— Учитывая, сколько он нам заплатил, он может потребовать все, что угодно.

— Ведра чистить придется.

— Вот и займись.

Краткое затишье сменилось звуком плещущейся воды, что хоть немного заглушило стоны и взвизги животных, которые уже начали действовать мне на нервы.

— А где бочонок, куда положим голову?

— Там, в другой комнате.

— Пойди и принеси. Я хочу, чтобы все было под рукой. Хорошая собачка, — он потрепал меня по голове.

Намордник, что они натянули на меня, помешал мне достойно ответить на ласку.

— Очень странный человек, — задумчиво проговорил третий мужчина, до сих пор не проронивший ни слова, худой блондин с черными от гнили зубами. — Что такого особенного в свечках из собачатины?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил гладивший меня мужик, мясистый, мощный здоровяк с глубокими голубыми глазами, и вновь вернулся к своим инструментам. — Клиент платит, остальное нас не касается.

Возвратился последний из троицы — широкоплечий большерукий коротышка, уголок его рта сводил нервный тик. Под мышкой у него было зажато необычной формы ведро.

— Вот он, ваш бочонок, — проямлил он.

— Отлично. Тогда давайте начнем наш урок.

И тут моего слуха достиг — *вжик!* — тонкий, пронзительный звук, через каждые три секунды на какой-то миг переходящий в гулкую пульсацию. Он находился за пределами слышимости человеческого уха. Этот звук обычно сопровождается тяготеющее над нами вечное проклятье, разносясь поначалу на полторы сотни ярдов. *Вжик!*

— Сперва отрезаем левую заднюю ногу, — начал лекцию здоровяк, потянувшись за скальпелем.

Вжик!

Остальные подтянулись поближе и взяли инструменты на изготовку.

Вжик! Круг все сужается, ближе, ближе.

Дверь дома загрохотала под громовыми ударами.

— Дьявол! — выругался здоровяк.

— Посмотреть, кто там? — спросил коротышка.

— Нет. Мы оперируем. Если что-то важное, зайдут позже.

Вжик!

Снова дверь затряслась, похоже, на этот раз по ней лупили ногами.

— Деревенщина неотесанная!

— Хулиган!

— Негодяй!

Вжик!

Теперь дверь вообще ходуном ходила — кто-то разбежался и врезался в нее плечом, очевидно, пытаясь сорвать с петель.

— Каков наглец!

— Может, мне стоит сходить перемолвиться с ним?

— Да, сходи.

Только коротышка сделал шаг в сторону, как из передней донесся громкий треск, сопровождаемый грохотом рухнувшей двери.

Вжик!

Звук тяжелых шагов. Дверь напротив меня распахнулась и ударилась о стену. На пороге стоял Джек, внимательно изучая клетки, вивисекторов, меня, распростертого на столе. Из-за его ноги выглядывала Серая Дымка.

— Да кто вы такой? Как смеете вы врывать в частную лабораторию! — возопил здоровяк.

— И мешать научным исследованиям! — добавил длинный блондин.

— И ломать нашу дверь! — завершил широкоплечий коротышка.

Вжик!

Это было видно невооруженным глазом — Джека окутывал черный вихрь, устремляющийся внутрь. Если кружащаяся тьма полностью исчезнет внутри, это будет означать, что хозяин мой за свои поступки больше не отвечает.

— Я пришел за своим псом, — сказал Джек. — Вон он, на вашем столе.

Он двинулся вперед.

— Нет, нет, парень, не так быстро, — улыбнулся здоровяк. — Это заказ нашего особого клиента.

— Я забираю его и ухожу.

Здоровяк поднял скальпель и начал медленно обходить стол.

— Вот эта штучка такое способна вытворить с человеческим лицом, красавчик!

Остальные, следуя его примеру, также вооружились скальпелями.

— Видно, тебе никогда не приходилось встречаться с человеком, который действительно умеет потрошить, — продолжал здоровяк, приближаясь к Джеку.

Вжик!

Последний завиток вихря скрылся, и глаза Джека замерцали сумасшедшим огоньком. Рука его вынырнула из кармана, и на рунических письменах ножа заиграл пленный звездный свет.

— Надо же, какая приятная встреча, — сквозь зубы процедил Джек и с кривой ухмылкой направился к вивисекторам.

Лишь когда мы уходили, я понял, что моря и океаны старый кот предвидел верно. Вот только интересно, какие свечки получатся из *этих*?

24 октября

Когда вчера вечером заграждающие заговоры были сняты, общая картина показала, что на закате к нам навевался Ночной Шорох, пытался пролезть в дом. А до него — Трескун. И уже ближе к ночи — гигантское тощее волкоподобное существо. Твари по-прежнему сидели в своих темницах, хотя настойчиво пытались освободиться. Я чувствовал себя несколько хуже, чем обычно, но все-таки добавил в шаг немного бодрости и пробежался вокруг церкви. На ее шпиле дежурила Текила. Увидев меня, она зашевелилась и проводила внимательным взглядом, но не проронила ни слова. Когда же я немного отбежал от церкви и оглянулся, ее уже не было. Отлично. Я вернулся домой и заснул.

Утром от Ларри я узнал, что, как только по округе разнеслась весть о смерти Растова, миссис Эндерби срочно подалась в город. Чуть позже, этим же днем, объявился Великий Сыщик, чтобы осмотреть останки и поискать улики. Я рассказал Ларри обо всем случившемся с тех пор, как мы расстались, и он клятвенно заверил меня, что вчера к нам не заходил. Поделится и со мной планами на будущее:

Ларри намеревался спасти Линетт, но не сейчас, а потом, в настоящий момент она в безопасности. Если освободить ее слишком рано, на него начнется охота — как в физическом смысле, так и в астральном, а сила сейчас прибывает с каждым часом, — и, что более важно, у викария будет время подыскать другое невинное дитя на роль жертвы. Как сказал Ларри, главное — точно рассчитать время. По его мнению, в этом и заключалась его основная роль в происходящих событиях — ослабить влияние викария. Я пообещал помочь, чем смогу. После нашего разговора я опять передохнул и посетил Серую Дымку.

Ночью пошел мелкий дождь — зябкая морось. Джек заперся в лаборатории, перегоняя из пробирки в пробирку эссенции и всякое такое прочее. Прошлой ночью, между полночью и часом, мы, естественно, пообщались, и я посвятил его во все подробности своих приключений.

— Не выглядит ли твоя дружба с Джилл несколько неуместной на данном этапе Игры? — заметил я, когда минутная стрелка уже близилась к часу ночи.

— Строго профессиональные отношения, — ответил он. — Кроме того, она хорошо готовит. А что там у тебя с кошкой?

— Мы хорошо сработались, — объяснил я. — Есть какие-нибудь шансы убедить Джилл поменять позицию в расстановке сил?

— Не думаю, — задумчиво промолвил он.

— Надеюсь, тебя она не убедила перекинуться на другую сторону?

— Разумеется, нет!

— В таком случае да будет мне позволено высказаться прямо!

Но пробило час, и оказалось, нет, не будет.

Некоторое время я наблюдал, как черные квадраты наших окон заливают потоками воды, потом обошел дом и улегся спать.

Когда у нас в доме разверзаются глубины ада, то по крайней мере они разверзаются с шиком и блеском. Я проснулся от чудовищного громового раската, взорвавшегося

будто над самым ухом, а вспышка молнии ударила по глазам даже сквозь закрытые веки. Внезапно я очутился в передней — сам не знаю, как туда попал. Однако среди отголосков грома мне послышался звук разбившегося стекла.

Зеркало разлетелось на кусочки. Твари вышуршивались из него.

Я немедленно поднял лай.

Из комнаты, где работал Джек, до меня донеслось восклицание: что-то упало — то ли книга, то ли какой-то инструмент. Дверь распахнулась, и мне на помощь поспешил хозяин. Увидев шуршал, он крикнул:

— Снафф, ищи, куда их посадить!

Сам же бросился обратно в лабораторию и задвигал ящиками.

Я осмотрелся. Понесся в гостиную. Шуршалы, подобно приливной волне, неспешно катились за мной. Наверху отчаянно заколотилась в стены Тварь-в-Паровом-Котле. С каждым ударом до меня отчетливо доносился жуткий хруст. На чердаке поднялся грохот. Снова ударила молния, и на какой-то миг за окнами расцвел желтоватый день. Дом содрогнулся от последовавшего громового раската.

В гостиной ничего такого, что напоминало бы зеркало, не было, но на столе рядом с дверью стояла полупустая (или — полуполная?) бутылка рубинового портвейна. Припомнив, что этот вид Тварей может прижиться и в любой склянке, я встал на задние лапы и, тщательно прицелившись, сбил ее со столика. Бутылка покатила по коврику, благополучно миновав дощатый пол. Она не разбилась, и даже пробка осталась на месте. Снова вспышка, снова гром. Верхние Твари продолжали шумно резвиться; судя по звукам, на свободу вырвался по меньшей мере обитатель парового котла. Когда я взглянул в сторону передней, взгляду открылась картина неспешного, мерного исхода Тварей из зеркала. Я услышал приближающиеся шаги Джека. Гостиную и переднюю залило жуткое сверхъестественное мерцание, на обычные блики вечно раскаленных шуршал вроде бы не похожее.

Выкатив бутылку в переднюю, я заметил Джека, стоявшего в дальнем углу, в руке — волшебная палочка. Это

была мирская палочка, которой он обычно пользовался, если хотел перевести шуршал из зеркала в зеркало, а вовсе не могущественный атрибут Игры — закрывающая палочка, которая, впрочем, тоже находилась у него во владении. Вообще-то, он хозяин ножа (или *vice versa*¹), но суть в том, что нож не относится к составляющим Игры, хотя его использование допускается. Нож, помимо того, что он источник силы, — воплощение нашего проклятья.

Джек заметил меня и катящуюся бутылку в тот же миг, как я появился в передней.

Он поднял волшебную палочку, разделил пролегающую между нами текучую массу и двинулся ко мне — позади него поток шуршал вновь сливался в единую реку. Встав рядом, он поднял бутылку, взял ее в левую руку и зубами вытащил пробку. Снова по миру прокатился гром, и заливший дом мерцающий свет придал лицу Джека мертвенную бледность.

Откуда-то сверху послышались треск и скрип, и вниз по лестнице, раскачивая перила, загрохотала желтоглазая Тварь-из-Парового-Котла.

— Займись ею, Снафф! — крикнул Джек. — Я не могу!

С этими словами он развернулся к Тварям-из-Зеркала и, взмахнув палочкой, направил ближайших шуршал в бутылку.

Я подобрался и что было сил сиганул к лестнице. Пролетев над шуршащей стремниной, я опустился у самых нижних ступеней — клыки лязгают, шерсть на загривке встала дыбом. Тварь неспешно спускалась прямо ко мне в объятия. Жаль, шея у нее такая короткая. Я хорошо понимал, что придется перегрызть ей глотку. Все вокруг окутывало зеленое свечение, по крыше и стеклам, словно камешки, барабанили капли дождя. Тварь во все стороны раскинула лапищи, заканчивающиеся очень неприятными на вид когтями, и мне подумалось, что надо бы двигаться побыстрее — напрыгнуть-отпрыгнуть — и закончить все

¹ *Vice versa* (лат.) — в дословном переводе означает «обратной чередой» и употребляется в значениях «наоборот», «обратным порядком», «обратно». Вопрос, таким образом, сводится к проблеме, кто чей хозяин: нож — Джека или Джек — ножа.

одним броском, если хочу выбраться из этой переделки целым и невредимым. А целая шкура мне еще ой как пригодится: судя по звукам, доносящимся с чердачной лестницы, вскоре мне придется иметь дело еще с одним визитером. Блеснула молния. Прохрипев что-то под аккомпанемент грома, я ринулся на Тварь.

На обратном пути я неплохо врезался в стену. Мои челюсти мертвой хваткой сомкнулись на так называемой шее Твари, я дернулся и рванул, вот тогда-то она и съездила по мне своей клешней — слава богу, хоть когтями не достала. Потеряв на какую-то секунду сознание, я сполз на пол, весь рот был забит чем-то мерзопакостным. Наверху лестницы объявилась Тварь-с-Чердака и поперлась вниз.

Завидев Тварь-из-Парового-Котла, вертящуюся на одном месте и держащуюся за глотку, разбрызгивая во все стороны капли дымящейся крови, Тварь-с-Чердака замедлила движение. Оценив размах бойни, она решила присоединиться к веселью.

Я собрал свои кости и приготовился дать достойный отпор. Тварь, отшвырнув раненую конкурентку, приблизилась. Однако уже отдающая концы Тварь-из-Парового-Котла восприняла этот жест как начало очередной атаки, поэтому изогнулась и сграбастала противницу когтями. В ответ Тварь-с-Чердака обхватила ее и, рыча, впилась прямо в искаженную морду. Позади меня бродил Джек, загоня в бутыль расползшихся шуршал. Мгновение — перила затрещали, и сладкая парочка отправилась полетать.

Молния, молния, молния, гром грохочет беспрестанно, поддерживая грозовые сполохи: все небо испещрено зигзагами, бьющими в окна, в глазах мелькают резвые огоньки от все усиливающегося зеленого накала. Звуки дождя отдалились и стали неслышными за постоянным грохотом. Дом начал содрогаться и трещать. С камина на пол посыпались номера «Стрэнд Мэгэзин». Со стен обрушивались картины, с полок — собрания сочинений Диккенса и Сюрто; вазы, канделябры, бокалы, подносы летели со стола; с потолка падали снежно-белые хлопья штукатурки. На этот буран сквозь треснувшее стекло равнодушно взирал принц Альберт. Мартин Фарквахар Таппер пристроился

на Элизабет Барретт Браунинг, их облачения-обложки куда-то подевались.

Тварь-с-Чердака поднялась на ноги, встряхивая головой, выкатывая глаза и бросая по сторонам дикие взгляды. Другая Тварь осталась отдыхать на полу, из ее порванного горла сочился дымок, голова была свернута налево.

В ушах раздался наставительный голос Ворчуна, советуший еще раз примериться к горлу, и я, шелкая клыками, прыгнул в надежде заново провести ставшую привычной атаку.

И промахнулся — цель отшатнулась и, запоздало взмахнув лапами, попыталась заграбастать меня. Но в падении я все-таки сумел цапнуть ее за левое плечо.

Вскочив на ноги, я вгрызся в ее левую ногу, чуть выше лодыжки, надеясь переломить кость. Но отреагировала Тварь достаточно быстро, заехав мне второй конечностью. На секунду я снова отключился, после чего отцепился от ноги и пополз прочь, ожидая, что вот-вот схлопочу еще один пинок под зад. Мне и первого хватило — во всяком случае, я считал, что это вполне приемлемая цена за то, чтобы несколько ограничить дееспособность Твари. Но, к сожалению, чувствительность у меня не бульдожья, да и телосложение тоже.

Громы и молнии сменяли друг друга, гроза, казалось, охватила весь мир: гром обратился в несмолкаемый рев, над нашим домом, завывая гортанную песнь, бушевал торнадо, а комната то освещалась ярко-зеленым, бьющим по глазам светом, то погружалась во тьму, и крошечные искорки бегали по поверхности металлических предметов. Шерсть моя встала дыбом, и вовсе не в пылу битвы. Теперь стало очевидно, что это не просто гроза — кто-то пробовал на нас свои силы.

Я цапнул Тварь за другую лодыжку и промахнулся. Увернувшись от летящей на меня лапы, я клацнул челюстями ей вслед. Снова мимо, но и Тварь меня не достала.

Я попятился, рыча и огрызаясь, делая обманные движения. Она, приближаясь ко мне, ступила на большую ногу и, замахав лапами, потеряла равновесие. Тут же я очутился

у нее за спиной и вновь вцепился в лодыжку, только на этот раз сзади.

Тварь взревела, пытаясь дотянуться до меня, но я сжимал челюсти до тех пор, пока она не бросилась наземь, надеясь придавить меня своим весом. Я наконец отстал и уже отпрыгнул в сторону, когда ее лапища, словно молот, ударила меня по голове, сшибла на пол. В глазах начало двоиться.

Передо мной возникло сразу два Джека, вскрывающих двумя ножами глотки двух огромных монстров.

Но только я выбрался из-под обмякшей лапищи чердачной Твари, как подвальная дверь с громким треском сорвалась с петель и в несколько быстрых прыжков на меня навалилась Тварь-из-Круга.

— А теперь, псина, я сожру тебя! — заорала она.

Я затряс головой, так толком и не оклемавшись.

— Снафф! С дороги! — приказал Джек, преграждая Твари путь.

Вжик!

На лезвии зажатого в его руке ножа отразился яркий лучик звездного света. Упрашивать меня не пришлось. Я забился в дальний уголок очищенной от шуршал передней, споткнувшись по пути о плотно закупоренную бутылку с портвейном и компанией духов. По зазубренным осколкам зеркала проползло сразу несколько зеленоватых псов.

Вжик!

Джек был скор на расправу — я наблюдал за ним, готовый прийти на помощь, если таковая придется кстати, но, когда увидел, что мое участие уже не требуется, благодарно вздохнул.

Вокруг продолжали бушевать штукатурные вихри. Все, что могло упасть, валялось на полу. Я даже начал привыкать к этим молниям, грому и периодическим содроганиям дома — обычное дело. Думаю, если прожить некоторое время в такой обстановочке, в один прекрасный день вовсе перестанешь замечать постоянный грохот. Однако проверить эту гипотезу у меня никакого желания не возникло.

Мастерский выпад — и Тварь-из-Круга наконец рухнула на пол. Я же тем временем от всей души клял виновника грозы, явившегося непосредственной причиной того, что Твари вырвались на свободу. Совсем не весело — столько возиться с ними, а потом вдруг, ни с того ни с сего, потерять, прежде чем они выполнят свою задачу. По первоначальному плану они должны были прикрыть наше отступление — кто знает, что сулит завершающая ночь, может возникнуть и необходимость в спешном бегстве. После чего Твари обрели бы желанную свободу и возможность добавить в мировой фольклор еще несколько забавных историй о природе темных сущностей. Была задумка — нет задумки. Конечно, не то чтобы все упиралось в них одних, но они могли оказаться полезными, погонись за нами фурии.

Закончив разбираться с Тварью, Джек провел пальцем по пентаграммам на лезвии ножа, вызывая таким образом силы, которые должны были очистить дом. Раз — и померкло зеленое свечение, два — и дом перестал содрогаться, три — затих гром, исчезли молнии, четыре — прекратился дождь.

— Отлично поработали, Снафф, — проговорил он.

В заднюю дверь кто-то громко постучал. Мы неспешно направились к черному ходу, нож мигом испарился, Джек пригладил волосы и привел в порядок одежду.

Он открыл дверь. На пороге стояли Джилл и Серая Дымка.

— С вами все в порядке? — спросила Джилл.

Джек улыбнулся, кивнул и отступил в сторону.

— Может, вы зайдете? — предложил он.

Они вошли, я же выглянул на улицу и заметил, что там не упало ни дождевки.

— Я бы с удовольствием пригласил в гостиную, если только вас не затруднит переступить через кое-какие останки расчлененных великанов-людоедов, — извиняющимся голосом промолвил Джек.

— Никогда раньше не приходилось встречаться с великанами, — ответила леди, и он провел ее в дом.

То, что раньше стояло на полках, столах, на камине, те-

перь было разбросано по полу, покрытое белой пылью штукатурки. Джек стащил с дивана подушки, выколотил их, перевернул, водрузил на место и предложил Джилл присесть. Сквозь дверной проем виднелись разбитое зеркало и валяющиеся в передней трупы демонов.

Часы пробили без четверти двенадцать.

— Могу предложить вам рюмочку шерри, — сказал Джек. — С портвейном случилась одна досадная неприятность.

— Да, благодарю вас.

Он скрылся в кабинете и вернулся с двумя бокалами и бутылкой. Разлив напиток по бокалам, он поднял один из них и взглянул на Джилл.

— Что привело вас сюда? — спросил он.

— С момента, когда я в последний раз вас видела, прошел целый час, — ответила она, отхлебывая капельку шерри.

— Все верно, — ответил он, прикладываясь к своему бокалу. — Но мы довольно часто расстаемся. По сути дела, каждый день. И...

— Я имею в виду не только вас, но и ваш дом. Незадолго до этого по округе прокатился тихий звук — что-то наподобие позвякивания хрустального колокольчика, — и исходил он с вашей стороны. А когда я выглянула посмотреть, что происходит, ваш дом оказался поглощен непроницаемой тьмой.

— А, старая штучка, эффект хрустального колокола, — задумчиво произнес Джек. — Не сталкивался с таким со времен Александрии. Значит, никакого грома вы не слышали, и молнии не полыхали?

— Ничего похожего.

— Что ж, неплохая работа, должен признать, хотя не могу сказать, что я в восторге, — пробормотал он, делая еще глоток.

— Это викарий руки приложил?

— Думаю, да. Скорее всего он до сих пор жаждет отомстить Снаффу.

— Может, вам следует перемолвиться с ним?

— Я не верю, что существует какая-нибудь польза от

предупреждений. Я предоставляю своим врагам только две попытки. Если же они не понимают, что их поступки — чистой воды безумство, и нападают в третий раз, то я их убиваю. Вот и все.

— Это он наслал на вас этих тварей? — кивнула она в сторону передней.

— Нет, — ответил Джек. — Они принадлежали мне. Но вырвались на свободу во время нападения викария. Похоже, было задействовано очень сильное заклятие освобождения. Жаль. У меня были на них некоторые виды.

Джилл поставила бокал на столик, поднялась, вышла в переднюю и осмотрела дохлых Тварей. Вернулась она немного погодя.

— Впечатляет. И сам их вид, и то, что с ними случилось. — Она снова опустилась на диван. — Больше всего меня интересует, куда вы их теперь денете.

— Хм, — задумался Джек, вертя в пальцах бокал. — До реки далековато.

Я энергично закивал.

— Думаю, просто стащу в подвал и прикрою куском простыни или еще чем-нибудь.

— От них пойдут неприятные ароматы.

— От них уже идут неприятные ароматы.

— Верно. Но вы окажетесь в крайне неловком положении, если их останки обнаружат в вашем доме, а когда трупы начнут разлагаться, запах может навлечь визит официальных лиц.

— Согласен. Тогда, наверное, вырою яму поглубже и закопаю их.

— Но поблизости вы этого сделать не сможете, а они чересчур громоздки, чтобы тащить далеко от дома.

— И здесь вы правы. Может быть, у вас есть какие-нибудь соображения на сей счет?

— Нет, — просто ответила она, отпивая шерри.

Я гавкнул, и взгляды их обратились ко мне. Я кивнул на часы. Вот-вот должна была наступить полночь.

— Кажется, у Снаффа есть предложение, — заметила она.

Я кивнул.

— Ему придется подождать еще несколько минут.

— А я не хочу ждать, — внезапно повернулась ко мне Серая Дымка.

— Кошки, обычное дело, — ответил я.

— Что ты замыслил?

— Можно оттащить их к дому Оуэна и засунуть в его плетеные корзины. Потом закинем их на тот здоровый дуб, подожжем и сделаем ноги.

— Снафф, но это абсурд.

— Спасибо, что одобрила мою идею, — сказал я. — Сойдет за отличную хэлловинскую¹ шутку, правда, чуть-чуть рановато, но ничего.

Часы пробили двенадцать раз.

Люди купились на мое предложение, и мы отправились претворять его в жизнь. И, о враги, и, о друзья, огонь в ночи расцвел.

Тарам-парам-парам.

25 октября

Прошлой ночью, после проделанной работы, Джилл вернулась вместе с нами и помогла привести в порядок дом. Пока они распивали шерри, мы с Серой Дымкой потихоньку выскользнули на улицу и побежали к дому викария. Окна кабинета были ярко освещены, на крыше, рядом с каминной трубой, засунув голову под крыло, дремала Текила.

— Снафф, я пошла за этой проклятой птахой, — заявила Дымка.

— Не знаю, стоит ли. По-моему, время не самое подходящее.

— А мне плевать, — ответила она и исчезла.

Я остался один. Долгое время я оглядывался по сторонам, но ничего не происходило. Внезапно на крыше под-

¹ Хэлловин (хэллоуин, *англ.* Halloween) — канун Дня Всех Святых (*англ.* Hallowmas). День Всех Святых празднуется 1 ноября, а Хэлловин — вечером 31 октября. Поскольку традиционно считается, что в канун Дня Всех Святых на свободу выходит разномастная нечистая сила, хэлловин — праздник ряженых, розыгрышей и шутовства, но при этом обязательно страшного, пугающего.

нялась какая-то возня. Послышалось царапанье коготков, вверх взлетел шквал перьев, и Текила, ругаясь во все горло, умчалась в ночь.

Серая Дымка спустилась по водосточной трубе и подошла ко мне.

— Неплохая попытка, — одобрил я.

— Да ну. Я была неуклюжа. Она быстро отреагировала.

Черт!

Мы направились назад.

— Так или иначе, пара бессонных ночей ей теперь обеспечена.

— Будем надеяться, — ответила она.

Прибывающая луна. Сердитая кошка. Перо на ветру. Осень наступает. Трава пожухла.

Утро принесло новое развитие нашей вчерашней шутки. В дверь поскреблась Дымка и, когда я вышел, сказала:

— Пойдем-ка со мной.

Я послушался.

— А в чем дело?

— Вокруг дома Оуэна пасется констебль со своими помощниками, осматривают следы вчерашнего пожара.

— Спасибо, что зашла за мной. Пойдем полюбуемся. Заодно повеселимся.

— Кто знает, — загадочно произнесла она.

Когда мы добрались до места, я понял намек, заключавшийся в ее последней фразе. Констебль и его люди вышагивали вокруг дуба, что-то замеряя, обыскивая каждую травинку. Обугленные остатки корзин и того, что в них находилось, были свалены на лужайке. Однако всего было четыре корзины, а на дерево мы затаскивали только три, это я хорошо помнил.

— Ой-ой, — вырвалось у меня.

— Вот именно, — подтвердила Дымка.

На земле лежало три обгоревших монстроподобных тела, а вот четвертый труп был самый что ни на есть человеческий.

— И кто это? — поинтересовался я.

— Оуэн собственной персоной. Кто-то засунул его в корзину и подпалил.

— Замечательная идея, — заметил я, — хоть и заимствованная.

— Смейтесь, смейтесь, — раздался над нами чей-то голосок. — Не ваши ведь хозяева погибли.

— Прости, Трескун, — сказал я. — Ну не могу я испытывать симпатию к человеку, который когда-то пытался отравить меня.

— У него были свои тараканы, — признал бельчонок, — но его дуб был лучшим во всей округе. А сколько желудей погибло прошлой ночью!

— Ты не видел, кто это с ним так?

— Нет. Я тогда встречался с Ночным Шорохом.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Запасаться орехами. Зима будет долгой, а крыши над головой я лишился.

— Ты мог бы присоединиться к Мак-Кабу и Моррису, — предложила Серая Дымка.

— Нет уж, лучше я последую примеру Ползеца и выйду из Игры. Она зашла слишком далеко.

— Ты не в курсе, кто-нибудь, случаем, не прихватил оуэновский золотой серп? — спросил я.

— На улице я его не видал, — ответил он. — Хотя он может оказаться и в доме.

— Ты можешь пробраться в дом?

— Да.

— У Оуэна был какой-нибудь тайник, где он обычно хранил серп?

— Да.

— Может, ты проверишь, там ли он?

— С чего бы мне это делать?

— В один прекрасный день мы тоже можем тебе понадобиться — объедки, прогнать хищного зверя...

— Я бы предпочел в обмен кое-что другое, — заметил он.

— Что же?

Трескун спрыгнул с дерева, но вместо того, чтобы сразу приземлиться, он, казалось, завис в воздухе и медленно опустился на землю.

— Так ты, оказывается, из летяг, вот уж не знала, — удивилась Дымка.

— Да нет, — ответил он. — Хотя приемы те же.

— Не понимаю, — мотнула головой кошка.

— До того времени, как Оуэн отыскал меня, я был обыкновенным, немного придурковатым собирателем орехов, — начал Трескун. — Почти все белки таковы. Мы знаем, что от нас требуется, чтобы выжить, и больше нас ничто не волнует. В отличие ото всех вас. Он сделал меня умнее. Обучил некоторым приемам — вроде того парения. Но не бесплатно. А теперь я хочу получить назад то, что когда-то мне принадлежало, и вернуться к прежней жизни, снова стать беззаботным зверьком, которому плевать на всех открывающих и закрывающих, вместе взятых.

— И дальше что?

— В обмен на знания я отдал кое-что и теперь хочу вернуть это.

— Что именно?

— Посмотри на землю рядом со мной. Видишь что-нибудь?

— Ничего не замечаю, — пожала плечами Серая Дымка.

— Я не отбрасываю тени. Он забрал ее. И уже никогда не отдаст, потому что мертв.

— День сегодня пасмурный, — начала было Дымка. — Трудно что-либо утверждать.

— Поверьте мне. Уж я-то знаю.

— Я верю тебе, — сказал я. — Иначе с чего бы тебе так убиваться. Но что такого особенного в тени? Зачем она нужна? Какая тебе от нее польза? Ты все равно постоянно прыгаешь по веткам, тебе ее даже не видно.

— Здесь другое дело, — объяснил он. — Вместе с тенью ушло еще кое-что. Мои чувства притупились. Раньше какие-то основные вещи я просто знал: где растут лучшие орехи, какая погода будет завтра, где в положенное время соберутся наши дамы, как времена года перетекают одно в другое. А теперь мне приходится задумываться обо всем этом. Конечно, я могу вычислить подобные вещи логическим путем и научился строить какие-то планы — на такое я был раньше не способен. Но я лишился того, что и так

знал, не тратя времени на раздумья. И много думал об этом. Мне не хватает этих маленьких предчувствий. Уж лучше я превращусь в обычную белку, чем останусь таким, как сейчас. Вы смыслите в магии. Такое немногим под силу. Я поищу серп, если вы снимете с меня теневое заклятие, наложенное Оуэном.

Я взглянул на Серую Дымку.

— Никогда не слышала о таком, — покачала головой она.

— Понимаешь, Трескун, магические системы бывают разные, — сказал я. — Это лишь форма, в которую облечена сила. Мы не можем знать всех видов магии в мире. Я понятия не имею, что такое Оуэн сотворил с твоей тенью и, скажем так, интуицией, не считая остальных подсознательных штучек. И пока мы не выясним, где сейчас твоя тень и как ее вернуть, боюсь, мы ничем помочь тебе не сможем.

— Если вы как-нибудь проберетесь в дом, я покажу ее вам, — протрещал он.

— Да? — задумался я. — Дымка, ты как считаешь?

— Это любопытно, — кивнула она.

— Как нам попасть в дом? — спросил я. — Открытые окна? Двери?

— В мою шелку вам будет не пролезть. Это маленькая дырочка на чердаке. Задняя дверь обычно не запирается, но чтобы ее открыть, потребуется человеческая рука.

— Как знать, — усмехнулась Серая Дымка.

— Придется подождать, пока не уедет констебль, — сказал я.

— Конечно.

Мы затаились под деревом. На лужайке полисмены ломали головы над останками трех очень уж неестественных тел. Подъехал доктор, осмотрел все, покачал головой, сделал несколько заметок и, решив, что человеческое тело здесь только одно — Оуэна, пообещал к утру представить официальное заключение и отбыл. Прикатили миссис Эндерби и ее слуга и некоторое время болтали с констеблем, кидая взгляды то на останки, то в нашу с Дымкой сторону. Вскоре они тоже уехали. Трупы зашили в мешки, снабди-

ли ярлычками и вместе с обгорелыми кусками корзин, на каждом из которых также была прилеплена бирка, закинули в повозку.

Скрипя, телега тронулась прочь. Мы с Трескуном и Серой Дымкой переглянулись. Затем бельчонок забрался на верхушку дерева, перелетел с нее на ветку растущего рядом с домом дуба, а оттуда — на крышу.

— Впечатляет, неплохо было бы научиться так сигать, — заметила Серая Дымка.

— Да уж, — согласился я, и мы побежали к черному ходу.

Там я поднялся на задние лапы, покрепче ухватился за ручку и повернул. Еще чуть-чуть. Я повторил комплекс упражнений, и дверь открылась. Мы вошли. Плечом я прикрыл дверь, осторожно, чтобы не захлопнуть совсем.

Мы очутились на кухне, с чердака донеслось царапанье коготков. Вскоре в дверь заглянул и сам Трескун.

— Его мастерская внизу, — сказал он. — Пойдемте, я покажу.

Мы последовали за ним вниз по скрипучей лестнице и спустились в большую комнату, заполненную уличными запахами. Вдоль стен и на скамьях были набросаны свежесрезанные ветки омелы, стояли полные листвы и корней корзины. Столы были завалены звериными шкурами, несколько шкур лежало на стульях. На потолке и на полу были нарисованы голубые с зеленым диаграммы, дальнюю стену занимал рисунок, выполненный в красном цвете. Маленький книжный шкаф у двери был набит книгами на гаэльском и латыни.

— Серп, — напомнил я.

Трескун вспрыгнул на небольшой столик, разбросав лежащие там травы. Повернувшись, он свесился с него и, подцепив коготками краешек небольшого ящичка, потихоньку начал вытаскивать его.

— Не заперт, — объявил Трескун. — Давайте посмотрим.

Он выдвинул его совсем, так, чтобы я, встав на задние лапы, мог заглянуть внутрь. Ящик был устлан голубым

бархатом, на котором еще сохранились очертания серповидной вмятины.

— Как вы уже заметили, серпа нет, — сделал вывод Трескун.

— А может, где-нибудь в другом месте? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Раз здесь нет, значит, он брал его с собой. Другой альтернативы быть не может.

— Вроде ни у кого из полицейских я его не видала, — вступила в разговор Серая Дымка. — На земле и в той горелой куче тоже ничего не было.

— Тогда можно предположить, что кто-то забрал его, — сказал Трескун.

— Странно, — промолвил я. — Серп, конечно, обладает определенной силой, но в то же время он не является неотъемлемым атрибутом Игры, как, например, волшебные палочки, икона, чаша и, как правило, перстень.

— Значит, кто-то взял серп, чтобы овладеть его силой, — заключил Трескун. — Но мне кажется, они просто хотели вывести Оуэна из Игры.

— Не иначе. Я сейчас пытаюсь связать его гибель с недавней смертью Растова. Вряд ли это проделал один и тот же игрок, поскольку Оуэн был открывающим, а Растов — закрывающим.

— Гм. — Трескун спрыгнул вниз. — Не знаю. Может, да, а может, нет. Последнее время Растов и Оуэн часто беседовали. Я слышал некоторые их разговоры, и у меня сложилось впечатление, будто хозяин пытался уговорить Растова перейти на нашу сторону — либеральные настроения и русские сантименты могли подтолкнуть его на новый, революционный путь.

— Да? — удивилась Серая Дымка. — Раз кто-то устраняет открывающих, значит, и Джилл может быть в опасности. Кто еще мог подслушать их разговоры?

— Никто. Думаю, Растов даже Ползецу ничего не говорил, и я тоже старался ни о чем не распространяться, вплоть до настоящего момента.

— Где они обычно беседовали? — спросила Дымка.

— Наверху. На кухне или в гостиной.

— А в дом пролезть никто не мог?

— Только кто-то очень маленький и достаточно ловкий, чтобы добраться до беличьей щелки на чердаке.

Я медленно прошелся по комнате.

— Моррис и Мак-Каб — открывающие или закрывающие? — спросил я.

— Нисколько не сомневаюсь, что открывающие, — ответила Серая Дымка.

— Да, — кивнул Трескун. — Ты права.

— А что Дорогой Доктор?

— Никто не знает. Гадание насчет него не дает никаких результатов.

— Здесь замешан тайный игрок, — сказал я.

— Ты действительно считаешь, что кто-то до сих пор скрывается от нас? — уточнила Дымка.

— Ничего другого мне на ум не приходит. Почему мои расчеты никак не могут совпасть?

— Но как нам вычислить его? — задумалась она.

— Не знаю.

— А мне уже все равно, — вмешался Трескун. — Я хочу снова вернуться к простой жизни в лесах. Черт бы побрал все эти заговоры и подозрения! Не по собственной воле я вступил в Игру. Меня силой заставили это сделать. Верните мне мою тень.

— Где она?

— Вон там.

Он повернулся к огромному красному рисунку на дальней стене.

Я долго смотрел в ту сторону, но так и не смог понять, на что он указывает.

— Прости, — сказал я. — Я ничего...

— Да вон же, — снова кивнул он, — на рисунке, у пола, в правом углу.

И тут я увидел ее — тень казалась обыкновенной игрой света. Часть рисунка закрывали прозрачные очертания беличьей фигурки. По периметру тени торчали какие-то металлические штырьки.

— Эта? — уточнил я.

— Ага, — подтвердил он. — Она прибита серебряными гвоздиками.

— И как нам се теперь отцепить? — спросил я.

— Надо вытащить гвозди.

— А что будет с тем, кто это сделает?

— Не знаю. Он никогда не говорил мне об этом.

Я приблизился к стене и, подняв лапу, коснулся самого верхнего гвоздя. Тот закачался в своем отверстии, и ничего необычного со мной не произошло. Тогда я наклонился вперед, ухватил гвоздь зубами и, вытащив, выплюнул на пол.

Лапой опробовал остальные шесть. Два из них точно так же качались. По очереди я прикусил их и выдернул из стены. Теперь на полу мерцали уже три гвоздя, настоящее серебро. Серая Дымка внимательно изучила их.

— Ты что-нибудь почувствовал, вытаскивая их? — обратилась она ко мне.

— Ничего особенного, — отозвался я. — А ты что-нибудь чувствуешь?

— Нет. Думаю, основная сила кроется в этом рисунке. Так что следи за стеной, неприятностей можно ожидать только от нее.

Я дотронулся до оставшихся четырех шляпок. Эти сидели поглубже тех, с которыми я пару минут назад расправился. Тень пошла складками и немного сморщилась.

— Трескун, а ты ничего такого не ощутил, пока я здесь возился? — повернулся к нему я.

— Ощутил, — кивнул он. — Я почувствовал легкое покалывание в тех частях тела, которые, похоже, соответствуют местам в тени, откуда ты выдернул гвозди.

— Если что-то переменится, скажешь. — Я снова наклонился, взялся за следующий гвоздь и принялся расшатывать зубами.

С ним я управился за минуту. Положив его на пол, я еще раз попробовал один за другим три торчащих в стене гвоздя. Два сидели довольно глубоко, а один — примерно так же, как тот, который я только что вытащил. Им-то я и занялся в первую очередь и раскачивал до тех пор, пока он не вывалился. Тень отлипла от стены и заколыхалась, отдельные ее части начали пропадать.

— Покалывание не проходит, — сообщил Трескун. — Теперь оно распространилось на все тело.

— Ничего не болит?

— Нет.

Я ткнул лапой оставшиеся два гвоздя. Крепко сидят. Может, лучше пойти поискать Ларри и какие-нибудь клещи, а не ломать на них зубы? Но попытка не пытка, можно сначала попробовать. С минуту я дергал один из гвоздей, в конце концов он немножко поддался. Челюсти заболели, и я остановился передохнуть, еще раз пообещав себе, что, прежде чем отступлюсь, попытаюсь управиться своими силами.

Еще минуту я потратил на второй гвоздь, который был забит в десяти дюймах слева от первого. Но он даже не покачнулся, поэтому, когда я наконец отошел в сторону, положение оставалось прежним.

Нельзя сказать, чтобы вкус штукатурки и краски, которой был исполнен рисунок, привел меня в полный восторг. Я все гадал, что же так крепко держит гвозди. Во рту стоял привкус отсыревшего подвала, а на зубах хрустел песок, но рисунок и штукатурка большей частью не пострадали.

Я отступил. Частично рисунок был обслюнявлен, и я подумал, как собачья слюна может повлиять на его магические силы.

— Пожалуйста, только не бросайте меня, — взмолился Трескун. — Еще немного.

— Я просто перевожу дыхание, — пояснил я. — До сих пор я пользовался передними зубами — так было легче. Сейчас переключусь на коренные.

Я снова склонился над рисунком и ухватился задними правыми зубами за гвоздь, который в прошлый раз вроде бы откликнулся на мои потуги. И вот он закачался и вскоре полностью вылез из стены.

Я выплюнул его и прислушался. Серебро при падении издает очень нежный и приятный звук.

— Шесть, — объявил я. — Ну, как ты теперь себя чувствуешь?

— Покалывание все усиливается, — сказал Трескун. — Что-то вот-вот должно случиться.

— Еще не поздно оставить все как есть, — пробурчал я, пристраиваясь левыми задними зубами к последней шляпке.

— Давай тащи, — скомандовал Трескун.

Я вцепился в гвоздь и начал медленно расшатывать его, стараясь не дергать, а потихоньку усиливать давление — из прошлого сражения я сделал вывод, что такая тактика здесь наиболее предпочтительна. Я порядком побаивался за зубы, но пока ничего не хрустело и не крошилось. Насколько мне нравится звук серебра, настолько я не люблю его холодный железистый привкус.

Все это время передо мной парила тень, подобно быстрому облачку набегая на стену. Один раз она даже закутала мне всю морду, но сразу распуталась.

Я почувствовал, что гвоздь чуть поддался. Челюсти уже ломило от боли, и потому я ухватил его другим боком. Клыками я без проблем разгрызаю здоровенные кости, поэтому хорошо знаю силу, что таится в них. Но здесь требовалось нечто большее, чем просто взять и перекусить. В процесс были вовлечены не только зубы, но и мускулы шеи, что было немаловажно. Вперед, назад...

И гвоздь начал вылезать из стенки. Я остановился, чтобы передохнуть.

— А что мы будем делать с ней, когда отцепим от стены? — спросил я остальных. — Как она будет держаться? Надо придумать, как прикрепить ее на место.

— Я не знаю, как это сделать, — расстроено промолвил Трескун. — Никогда не задумывался над этим.

— А как Оуэн умудрился отделить ее от тебя? — поинтересовалась Дымка.

— Он зажег свет и поставил меня так, чтобы тень падала на стену, — ответил Трескун. — После чего прибил ее гвоздями и провел серпом рядом с телом, будто отрезая ее от меня. И когда я отпрыгнул в сторону, она осталась на стене. Я сразу почувствовал, как внутри что-то изменилось.

— Если ты правильно поведешь себя и кто-нибудь накинёт на тебя тень, она откликнется на зов твоей жизни, — проговорила Серая Дымка. — Но при этом надо будет от-

крыть те семь точек, на которых она раньше держалась — и она откликнется на зов гвоздей, которыми была прибита.

— Что ты имеешь в виду? — недоуменно спросил Трескун.

— Кровь, — продолжала Дымка. — Ты должен расцарапать по маленькой ранке на каждой лапе, одну — на голове, одну — на хвосте и одну — посреди спины. Это и есть те семь мест, на которых держится тень. Когда Снафф вытащит последний гвоздь, он должен будет не просто выдернуть его, а осторожно проволочить за собой тень и укрыть тебя ею. К этому времени ты должен стоять на гвоздях, которые держали лапы тени, хвост должен лежать на хвостовом гвозде, и ты должен будешь наклониться и прижаться головой к шестому.

— Но я уже не знаю, какой гвоздь откуда, — сказал Трескун.

— Зато я знаю, — успокоила его Дымка. — Я следила за Снаффом. Затем Снафф накинёт на тебя тень и опустит последний гвоздь на спину, на место седьмой ранки. Таким образом ты снова прикрепишь ее к себе.

— Дымка, — изумился я, — откуда тебе все это известно?

— Кое-кто недавно поделился со мной мудростью, — ответила она.

— Это тот Высочайший кот?

— Тс-с-с! — прошипела она. — Здесь не место заговаривать об этом. Потом.

— Прости.

Она пошла устанавливать гвозди, а Трескун принялся расцарапывать себя — лапки, голову и хвост. Мне в ноздри ударил запах свежей крови.

— Мне до спины никак не достать, — пожаловался он.

Серая Дымка резко выбросила вперед правую лапку. На спине Трескуна появилась кровавая полоса в дюйм длинной. Все произошло настолько быстро, что он даже глазом моргнуть не успел.

— Вот, — сказала она. — А теперь вставай на гвозди, как я говорила.

Он подошел и неподвижно распростерся на них.

Я же вернулся к последнему гвоздю, схватился и мед-

ленно потянул. Как только я почувствовал, что он начал выходить, я повел его по стене, а затем по полу к Трескуну. Я понятия не имел, последовала за ним тень или нет: я был не в самом удобном положении, чтобы интересоваться этим вопросом. Впрочем, если бы с тенью что-нибудь случилось, думаю, Дымка немедленно сообщила бы мне.

— Подведи тень к нему и набрось на спину, на место царапины, — руководила она.

Что я и сделал, тут же отступив.

— Ну как, держится? — спросил я у Трескуна.

— Не знаю, — ответил он.

— Чувствуешь что-нибудь?

— Вроде нет.

— Что теперь делать? — обратился я к Дымке. — Сколько надо ждать, пока она не прилепится?

— Подождем еще пару минут, — отозвалась она.

— Рисунок, — вдруг крикнул Трескун. — Он изменяется.

Я повернулся и взглянул на стену. Краешком глаза я уловил какое-то движение, но когда присмотрелся, все уже встало на свои места. Хотя рисунок и вправду словно уменьшился в размерах, не так далеко заходил на левый край стены и справа был иначе расположен. И цвет его будто стал ярче.

— Кажется, она уже встала на место, — сказал Трескун. — Я хочу подвигаться.

Он подпрыгнул и промчался по комнате, разбрасывая во все стороны гвозди. На середине лестницы он остановился и оглянулся на нас. Было слишком темно, чтобы увидеть, получилось у нас что-нибудь или нет.

— Пойдемте! — крикнул он. — Выйдем наружу!

Мы последовали за ним. Я лапой подцепил дверь черного хода и открыл ее. Трескун стрелой пролетел мимо нас.

На небе появилось солнце, и пока он бежал через двор, мы заметили, что за ним шаг в шаг несется тень. Он вспрыгнул на стену, поколебался и обернулся к нам:

— Спасибо!

— Ты куда сейчас? — спросил я.

— В лес, — откликнулся он. — Прощайте!

Он спрыгнул со стены и исчез.

26 октября

День тянулся медленно. Дом обходить теперь не надо. Лишь изредка я бросал испытующий взгляд на бутылку портвейна, которая постепенно начинала призрачно мерцать. Я вышел побродить по округе и перекинулся парой слов с Серой Дымкой. У нее тоже никаких новостей не было. Обошел вокруг дома Растова, но Ползеца нигде не увидел. Заглянул к Моррису и Мак-Кабу, но Ночной Шорох куда-то спрятался, очевидно, пережидая день. Зашел к Ларри, поделиться последними известиями, и обнаружил, что он куда-то уехал. Добежал до увенчанного шапкой молний дома Дорогого Доктора, но там тоже ничего интересного не происходило, по крайней мере видимого глазу. Наведался к месту жительства Великого Сыщика, однако в особняке было тихо. Я даже не смог определить, дома он или нет. Пару раз обследовал церковь и дом викария, во второй раз меня заметила Текила и тут же ретировалась. Вернулся домой, поел. Пospал.

Вечером мной овладело беспокойство, и я снова отправился на прогулку. Серой Дымки дома не было, а Ларри так и не вернулся. Я пересек поле и решил пробежаться по лесу, чтобы совсем не расслабляться. Вспугнул несколько кроликов. Наткнулся на лисий след и некоторое время шел по нему. Какая все-таки хитрая дамочка! Учужала меня, сделала двойную петлю и ушла по ручью. Неплохо вспомнить старые штучки.

Вдруг я решил воспользоваться примером лисицы и сам бросился в ручей. Если идти вверх по течению, то очутишься с подветренной стороны. Поэтому я направился в ту же сторону, в какую, вероятно, и лисица, раньше меня сообразив то, что лишь теперь понял я: нас кто-то преследует.

Мой преследователь был довольно неуклюж и неопытен, и не составило никакого труда обойти его, держась с подветренной стороны и укрываясь за кустами, а потом неожиданно поймать на берегу ручья.

Это был здоровый пес, куда больше меня, размерами с хорошего волка.

— Ларри? — окликнул я. — Я весь день ишу тебя.

— Да? — последовал ответ.

— Ты не Ларри, — осторожно заметил я.

— Нет.

— Почему ты шел за мной?

— Я появился в этих местах всего лишь пару дней назад и подумал, почему бы мне не зазимовать здесь. Хотя это очень странное место. Люди в округе творят какие-то необычные вещи — чаще всего друг с другом. Увидев тебя, я решил подойти и спросить, как здесь, безопасно или нет.

— Некоторые из этих людей готовятся к тому, что должно произойти в конце месяца, — сказал я. — Затаись где-нибудь и выжди, пока все не закончится, а тогда, если не будешь слишком наглеть с овцами и свиньями, то благополучно перезимуешь. Я подразумеваю, не стоит бросать кости у всех на виду.

— А что такое должно случиться в конце месяца?

— Кое-что необычное, — ответил я. — У людей слегка съедут мозги. Если увидишь той ночью какую-нибудь группку людей, лучше держись подальше.

— Почему?

Тусклый лунный свет пролился на нас сквозь ветки.

— Потому что тебя могут убить... или еще хуже.

— Не понимаю.

— А тебе и не надо ничего понимать, — ответил я, повернулся и был таков.

— Снафф! погоди! Не убегай! — кричал он мне вслед.

Но я не останавливался. Он бросился было вдогонку, но Ворчун научил меня кое-каким приемчикам, которые даже лисице сделали бы честь. Я без труда оторвался от него.

В лунном свете я признал в нем одного из посетителей, навещавших наш дом, когда мы уезжали в Лондон, и которых запечатлело экранирующее заклятье. Может, он действительно принюхивался, хотел что-то узнать. Но если учесть, что ему откуда-то стало известно мое имя, когда я ему не представлялся... что-то не нравится мне все это.

Надо мной, набирая силу, следовала постаревшая, помудревшая луна. Я был бы совсем не прочь послушать, как звенит ее серебро.

27 октября

Проснулся я оттого, что услышал, как кто-то скребется в заднюю дверь. Я подошел к своей заслонке и откинул ее. На крыльце сидела Серая Дымка. Мне вдруг пришло на ум, что я тоже не могу определить, когда она улыбается.

Я обвел глазами небо. В прорехи серых облаков просматривалась яркая голубизна.

— Доброе утро, — поприветствовал я.

— Доброе утро, Снафф. Не разбудила?

Я вышел на улицу и потянулся.

— Ничего, — ответил я. — Все равно пора вставать. Спасибо.

— Как твои боевые раны?

— Куда лучше. А твои?

— Все в порядке.

— Вчерашний денек выдался довольно спокойным, — зевнул я, — для разнообразия.

— Чего не скажешь о прошлой ночи, — подчеркнуто сказала она.

— Да? Что ты имеешь в виду?

— Значит, ты еще ничего не слышал о пожаре?

— Пожаре? Нет. Где? Что случилось?

— Сгорел дом Дорогого Доктора. Пепелище до сих пор дымится. Сегодня рано утром я вышла на прогулку и сразу учуяла запах дыма. Побежала туда, затаилась рядом и следила за происходящим. Когда рухнула крыша, его гроза наконец-то прекратилась.

— А с Доктором все в порядке? И что с остальными? Они успели выбраться из дома?

— Не знаю. Не уверена. Я, во всяком случае, их не видела.

— Думаю, мне стоит туда навеститься, — сказал я.

— Неплохая мысль.

Мы побежали к месту пожара.

Я почувствовал себя даже как-то неуютно, когда, приблизившись, не попал под дождь. Дом сгорел дотла, пожарамище курилось до сих пор, крыша и три стены обрушились, земля была запорошена пеплом, всюду валялись обуглившиеся доски, то и дело попадалась выгоревшая трава.

На западе, то есть справа от нас, возвышался — цел и невредим — сарай. Земля в округе настолько пропиталась влагой, что хлюпала под ногами — напоминание о грозе, непрерывно бушевавшей над фермой последние несколько недель.

Мы, не торопясь, обследовали пожарище, вглядываясь в переплетение рухнувших балок и остатков стен. В глубине я заметил части обгоревшего оборудования. Вонь от потухших угольев и сырость, поднимающаяся от земли, не давали мне учуять других запахов. Я пожаловался на свое бессилие Серой Дымке.

— Значит, и ты не можешь сказать, спасся Дорогой Доктор со своими ассистентами или нет?

— Боюсь, что так.

Мы отошли, чтобы осмотреть сарай. И стоило нам немного удалиться от дома и приблизиться к уцелевшему строению, как я тут же уловил свежий запах. Очень свежий. По сути дела, он должен быть где-то совсем рядом. Я помчался вперед.

— В чем дело? — крикнула вслед Серая Дымка.

Времени отвечать ей не было. Я заметил его, когда он заворачивал за угол здания, и кинулся следом. Он увидел меня, понял, что состязаться со мной в беге бесполезно, и нырнул в одну из разбросанных по лужайке корзин. Я неспешно приблизился и, оскалив клыки, сунул голову внутрь.

Бубон забился в самый дальний угол.

— Надеюсь, ты помнишь, что говорят о загнанных в угол крысах, — простучал зубами он. — Мы можем быть очень опасны.

— Не сомневаюсь, — кивнул я. — Но в чем, собственно, дело? Никто и не собирается причинять тебе никакого вреда.

— Ты гнался за мной.

— Я хотел поговорить.

— Ты привел с собой кошку.

— Если не хочешь разговаривать со мной, могу предоставить тебе возможность пообщаться с ней.

Я попятился.

— Нет! Подожди! Лучше уж с тобой!

— Замечательно, — буркнул я. — Я всего лишь хотел знать, что здесь произошло.

— Пожар.

— Это я и сам вижу. В чем его причина?

— Экспериментальный человек рассердился на Дорогого Доктора и начал крушить лабораторию. Посыпались искры, и дом загорелся.

— Экспериментальный человек?

— Ну, тот здоровяк, которого собрал Дорогой Доктор из частей, накопанных на кладбищах его помощником.

Я припомнил запах смерти и начал кое-что понимать.

— И что дальше?

— Экспериментальный человек убежал и спрятался здесь, в сарае, он всегда так поступал, когда ссорился с Доктором. Я тоже убежал. А дом сгорел.

— Дорогой Доктор и его помощник успели выбраться?

— Не знаю. Когда я вернулся, все уже рухнуло, ничего было не разглядеть.

— А что экспериментальный человек? Он так и сидит в сарае?

— Нет. Он потом скрылся. Я не знаю, где он сейчас.

Я подался назад.

— Одну минуточку, — извинился я и вытащил голову из корзины.

Немедленно туда всунулась Серая Дымка и спросила:

— Дорогой Доктор был открывающим или закрывающим?

— Прошу вас, — затрясся Бубон, — отпустите меня. Я обыкновенный подвальный крыс. Снафф! Помогите, не дай ей сожрать меня!

— Я недавно откушала, — успокоила его Дымка. — Кроме того, ты участник Игры, и я отношусь к тебе с уважением.

— Нет, нет, — продолжал верещать Бубон. — Все конечно. Кончено.

— Гибель твоего хозяина вовсе не означает, что мое отношение к тебе должно перемениться. Ты все еще игрок.

— Но ты же знаешь. Тебе наверняка все известно. Ты просто играешь со мной. Кошки всегда так. Не игрок я. И никогда им не был. А ты действительно недавно поела?

— Да.

— Совсем худо. Значит, ты будешь забавляться со мной в два раза дольше.

— Да заткнешься ты или нет?! — не выдержала Дымка.

— Вот так, да? Вот вам и уважение.

— Сиди тихо. Я начинаю сердиться. Что ты имел в виду, когда сказал, что никогда не был игроком?

— То и имел. Я увидел — происходит что-то интересное и решил немного поучаствовать.

— Объясняй подробнее.

— Я же сказал тебе, я обыкновенный подвальный крыс. Просто, шатаюсь здесь по своим делам, я начал прислушиваться к тому, что говорит народ — я имею в виду Ночного Шороха, Ползеца, Трескуна, тебя и Снаффа. Довольно быстро я смекнул, что началась какая-то странная Игра и все вы — ее участники. Вы довольно хорошо уживались и, несмотря на то, что каждый был сам по себе, частенько помогали друг другу. Поэтому я решил узнать об Игре как можно больше и начал думать, как сойти за одного из вас. До меня быстро дошло, что у каждого из вас имеются в высшей степени странные хозяева и хозяйки. И тогда я понял, что надо делать. Я все равно давно уже пасся у дома Дорогого Доктора, питаюсь отходами его работ. Я дал вам понять, что он участвует в Игре и я работаю на него. И, естественно, я тут же заслужил уважение и достойное обращение со стороны каждого из вас. Это значительно облегчило мое существование. И вот надо же случиться такой беде — пожар! Зимовать в амбаре — удовольствие не из приятных. Но крысы ко всему привыкают. Мы...

— Помолчи минутку, — приказала Дымка, и он немедленно повиновался. — Снафф, ты понимаешь, что это значит?!

— Да, — кивнул я. — Не существует никакого таинственного игрока. Просто в мои расчеты закрался лишний фактор. А Дорогой Доктор, должно быть, приехал сюда, просто ища уединения для своих научных экспериментов.

— И это объясняет, почему гадание ничего не показывало насчет него.

— Ну да. Мне придется заново переделать кое-какие расчеты. Спасибо, Бубон. Ты очень помог мне.

Серая Дымка вылезла из корзины, вслед за ней высунулся Бубон.

— Вы что, хотите сказать, что я могу идти? — недоуменно спросил он.

На меня накатила прилив благородства, я чувствовал себя необыкновенно счастливым, до разгадки было рукой подать. А он выглядел таким жалким.

— Ты можешь пойти с нами, если хочешь, — предложил я. — И тебе не придется жить в амбаре. Можешь поселиться у меня дома. Там тепло и много еды.

— Ты не шутишь?

— Конечно, нет. Ты нам очень помог.

— Да, ты, правда, живешь рядом с кошкой, но...

Серая Дымка по-кошачьи усмехнулась.

— Ты оказал нам профессиональную помощь, — объявила она. — Поэтому я не стану вычеркивать тебя из списка своих друзей.

— Ну, хорошо, тогда я с вами, — согласился он.

Бубон выпрыгнул наружу, и все вместе мы зашагали прочь от пепелища.

28 октября

Все расчеты сошлись, и теперь я должен был проверить их результат на местности. Я обежал дома, которые посетил вчера, гадая, кто еще, кроме меня, мог прийти к такому же выводу. Я заметил викария — и он тоже увидел меня, когда Текила карканьем предупредила его. Он перетаскивал с телеги к себе домой какую-то коробку и даже прервал работу, чтобы поглядеть мне вслед. Его левое ухо все еще скрывали бинты. Случилось так, что, когда я пробежал мимо, Великая Сыщица миссис Эндерби как раз сидела на дереве с огромным биноклем.

— Снафф, прошу тебя, подойди сюда! — окликнула она меня.

Я пробежал мимо, не останавливаясь.

Солнце время от времени выглядывало из кучкующихся

тучек. Ветерок гонял вихри опавшей листвы, ее становилось все больше и больше. Я направлялся на юг.

Бубон устроил себе гнездовище в подвале, хотя, когда нас не было, спокойно разгуливал по дому и питался на кухне вместе со мной.

— А что стало с теми Тварями-в-Зеркале? Или из Зеркала, если это имеет какое-то значение? — как-то спросил он.

В ответ я рассказал ему историю вражеского нашествия, последовавшего сразу за нашей поездкой в город. И заодно уж рассказал подробности самой поездки.

— Вот уж кому я этого никогда не прощу, — сказал Бубон. — Он столько раз палил по мне из своего арбалета, а ведь я ему ничего плохого не сделал, разве что пару раз по мусорным бачкам полазал. И что, стрелять теперь честную тварь? Надеюсь, он что-нибудь там перемудрит на последнем этапе и вы, ребята, оставите от него одно воспоминание.

— А в самом деле, что тебе известно об Игре? — поинтересовался я.

— Я много чего слышал. Много видел. Все говорили со мной не таясь, поскольку считали, что я ее участник. А спустя какое-то время мне и самому стало так казаться, — ударился в воспоминания крыс. — Я многое успел узнать.

И он начал рассказывать мне историю о том, как определенное число определенных людей собираются в определенном месте в определенный год в ночь в одиноком Октябре, когда в канун Дня Всех Святых сияет полная луна и когда может быть открыт путь для возвращения на Землю Древнейших богов, и как некоторые из этих людей помогают открытию Врат, тогда как другие прилагают все свои силы, чтобы не позволить этому случиться. Уже многие века подряд победу одерживают закрывающие — зачастую благодаря чистой случайности, — и существует множество легенд о темном человеке, полусумасшедшем убийце и скитальце, и его псе, которые всегда выступают на стороне закрывающих сил. Одни утверждают, будто это сам Каин, обреченный странствовать по нашей Земле, расплачиваясь за свой грех; другие говорят, что человек этот просто заключил договор с одним из Древнейших, кото-

рый втайне желает сорвать планы остальных богов, — но на деле никто точно не знает. И люди эти, обладающие определенными атрибутами и другими предметами, заключающими в себе Силу, встречаются в строго определенном месте и сходятся в битве, дабы исполнить свои намерения. Победители покидают поле боя невредимыми, проигравшие же расплачиваются за самонадеянность, сталкиваясь лицом к лицу с законами космоса, вовлеченными в процесс. Затем он перечислил игроков и их атрибуты, добавив в довершение всего некоторые результаты расчетов, гаданий, сведения о магических нападениях и защитах.

— Бубон, — воскликнул я, — я потрясен! И ты узнал все это, ни единым словом или жестом не выдав себя?

— У крыс отлично развит инстинкт самосохранения, — пояснил Бубон. — Чтобы выжить, мне надо было познакомиться с этим.

— А может, и не надо было, — заметил я. — Ты мог бы держаться в стороне и заниматься своими делами. Сам по себе обман куда опаснее, чем кажется на первый взгляд.

— Да ладно. Мне просто стало любопытно, со всех сторон сыпались какие-то таинственные намеки. Вот и навлек на свою голову. Но, думаю, я действительно наслаждался, делая вид, будто тоже играю. Никогда прежде я не делал ничего настолько важного, и мне понравилось это.

— Давай, — сказал я, — залезай ко мне на спину, я отвежу тебя посмотреть на цыган. Хорошая музыка и все такое прочее.

Мы оставались в таборе до позднего вечера. У меня не так много друзей, и вечер в самом деле выдался замечательным.

На пути к Собачьему Гнездовищу, уже у самого подножия холма, я снова наткнулся на гигантские бесформенные следы. Несколько следов я обнаружил и среди каменных плит. Я подумал: куда теперь пойдет экспериментальный человек, теперь, когда дом его уничтожен?

Я сделал пару кружков вокруг глыб, заново проводя линии, накладывая их на местность, начисто исключив из своих расчетов ферму, что на юго-западе. В результате центр переместился значительно севернее. Не забыл я и об обоих

запасных склепах Графа. Сосчитал целых два раза — принимая во внимание Ларри и без его участия. И в варианте, исключавшем присутствие Ларри, центр падал на место, уже тронутое Высшими Силами. Как раз там я и стоял. Именно здесь, в Собачьем Гнездовище, посреди разорванного круга гигантских глыб, и произойдет заключительная сцена Игры. Ларри же был просто одним из приспешников. Я запорокинул голову и завыл. Образ совпал.

На камне, с которым было связано одно из наших с Дымкой недавних приключений, ярко полыхнули письма, словно подтверждая мои выводы.

Громадными прыжками я понесся домой.

Полночь.

— Джек, я все подсчитал! — крикнул я и изложил ему повесть Бубона. — Таким образом, если исключить Дорогого Доктора, мы оказываемся прямо на вершине моего холма, — закончил я.

— Не сомневаюсь, что в следующие несколько дней все остальные придут к тому же выводу.

— И распространится Слово. Все верно. На моей памяти лишь один раз случилось так, что ни один из игроков не смог правильно вычислить центр.

— О, как давно это было...

— Да, и тогда мы просто отужинали все вместе, пошутили, посмеялись и отправились каждый своей дорогой.

— Такое редко бывает.

— Естественно.

— Снафф, у меня такое ощущение, что и на этот раз победа останется за закрывающими.

— Я тоже так думаю. Игра с самого начала пошла как-то странно. Очень может быть, что и конец будет не менее удивительным.

— Да?

— Так, догадки.

— Я доверяю твоим инстинктам. Мы должны быть готовы ко всему. Жаль, Джилл и Дымка не с нами.

— Я решил, что останусь им другом до самого конца, — сказал я.

Он пожал мое плечо.

— И правильно сделаешь.

— Это нам не Дижон, как ты думаешь? — спросил я.

— Ты прав. На этот раз произошло много необычного, — задумчиво промолвил он. — Ну-ка, подбери верхнюю губу, дружок.

— Вот именно так я и улыбаюсь, — отвечивал я.

29 октября

После того как мы все вместе пообедали у Джилл (даже Бубон был приглашен и наконец вынужден был признать, что Серая Дымка — особая кошка), я снова пробежался до развалин дома Дорогого Доктора. Обед получился довольно грустным; Джек напрямик спросил у Джилл, не хочет ли она встать на нашу сторону, в ответ на что та призналась, что и вправду ее воззрения претерпели некоторую перемену, но она твердо решила закончить Игру на той стороне, на которой начала. Странно все это — обедать с врагами, к которым ты равнодушен. Потому-то я и отправился на прогулку, больше чтобы занять себя, чем по какой-либо особой необходимости.

Я никуда не спешил. От пепелища до сих пор шел сильный запах, и, сколько я ни бродил вокруг угольев, мне так и не удалось разглядеть в золе костей или каких-нибудь других человеческих останков. Затем я добежал до сарая, подумав, что, может быть, экспериментальный человек вернулся в привычное укрытие.

Дверь была слегка приоткрыта, я пролез в щелку. Непонятный запах здоровья почти выветрился, хотя еще ощущался в воздухе. Но все же я не поленился заглянуть в каждое стойло, даже порылся в соломе. Я обследовал каждый уголок, каждую дырочку, каждый ларь. По лестнице поднялся на сеновал и посмотрел там.

Вот тогда-то я и заметил весьма необычную тень у задней стены сарая — силуэт летучей мыши, свисающей с балки. Несмотря на то что летучие мыши для меня все на одну морду, в особенности когда висят вверх ногами, этот

экземпляр очень уж напомнил мне Игла. Я приблизился и во весь голос окликнул его:

— Эй, Игл! Ты-то какого черта здесь делаешь?

Мышь шевельнулась, но глаз не открыла — похоже, просыпаться она вовсе не собиралась. Тогда я потрогал ее лапой.

— Давай, Игл, просыпайся. Я хочу поговорить с тобой.

Он развернул крылья и недоуменно уставился на меня.

— Снафф, а ты здесь что делаешь? — зевнул он.

— Знакомлюсь с последствиями пожара. А ты?

— То же самое, но дневной свет застал меня здесь, и я решил соснуть часок-другой.

— Экспериментальный человек все еще навевывается сюда?

— Не знаю. Сегодня его не было. Я даже понятия не имею, удалось выбраться Дорогому Доктору или нет. Как продвигается Игра?

— Теперь, когда я узнал, что Дорогой Доктор никогда в ней не участвовал, я наконец определил центр проявления — тот здоровый холм с разбросанными глыбами.

— Да? Вот это действительно интересно. Что еще новенького?

— Растов и Оуэн мертвы. Ползец и Трескун ушли в леса.

— Да, это я слышал.

— Кажется, кто-то избавляется от открывающих.

— Растов был закрывающим.

— Думаю, Оуэн все-таки уговорил его перейти на другую сторону.

— Нет, он пытался, но у него ничего не получилось.

— А ты откуда знаешь?

— Я несколько раз пробирался в дом Оуэна, через дырку Трескуна на чердаке, и слушал их разговоры. Был там и той ночью, когда убили Растова. Они пили и цитировали друг другу всяких великих людей, от Томаса Пэйна до Ницше, но Растов был непоколебим.

— Любопытно. Ты рассказываешь все так, словно еще участвуешь в Игре.

— О, я... Ложись! Быстрей! — внезапно крикнул он.

Снизу донесся какой-то шелест.

Я бросился вправо. Мимо просвистел арбалетный болт и затрепетал в стене прямо над моей головой. Я обернулся и увидел внизу, у дверей, викария Роберта. Он медленно опускал арбалет, на лице его играла отвратительная улыбочка.

Прыгни я не раздумывая — в одно мгновение очутился внизу. Но при этом я спокойно мог переломать себе все лапы, и вот тогда бы он меня точно прикончил. Кажется, теперь мне придется сползать по лестнице, пятясь задом, а из-за некоторых физиологических особенностей тела я всегда спускаюсь медленнее, чем поднимаюсь. Однако если я останусь стоять на месте, он снова зарядит свое оружие, поставит новый болт и полезет по лестнице наверх. И этот вариант никуда не годится. Хорошо хоть, он не прихватил с собой вооруженных сообщников.

Все эти мысли молнией промелькнули у меня в голове, одновременно я лихорадочно соображал, сколько потребуется времени, чтобы перезарядить арбалет. Но выбора не было и времени тоже — придется испытать судьбу.

Я кинулся к лестнице, развернулся и начал спуск. Викарий тем временем уже натягивал тетиву. Я старался шевелиться как можно быстрее, но каждый раз, нащупывая задней лапой очередную ступеньку, отчетливо понимал, что сейчас абсолютно беспомощен. И даже доберись я до пола целым и невредимым, все равно мое положение мало изменится. Я торопливо скользил по лестнице. Мимо меня пронесся какой-то черный комочек.

Я услышал громкий шелчок. Стрела скользнула на место. До пола было очень далеко. Я спустился еще на ступеньку. Вот он поднимает арбалет, не спеша прицеливается в беспомощную мишень... Я всей душой надеялся, что не ошибся насчет того черного комочка. Еще шагок...

И понял, что не зря понадеялся на Игла. Викарий громко выругался. Я очутился ступенькой ниже... И тогда решил, что рисковать больше не стоит. Я оттолкнулся от лестницы и полетел вниз, по пути припоминая, что рассказывала Серая Дымка насчет приземления на все четыре лапы, жалея, что не родился кошкой, пытаюсь проделать этот трюк хоть раз в жизни.

Я попробовал развернуться в воздухе: расслабив лапы, закрутился вокруг своей оси. Болт ушел далеко в сторону, судя по звуку, который издал он, впившись в дерево. Но викарий уже снова натягивал тетиву. Я хлопнулся оземь. И надо же, действительно приземлился на лапы, вот только они сразу куда-то делись из-под меня. Пока я ворочался, пытаюсь подняться, я увидел, что он почти закончил перезаряжать свое оружие; на темную тень, метавшуюся перед глазами, он уже не обращал ни малейшего внимания. Моя левая задняя лапа ужасно болела. Однако я перекатился на бок и все-таки встал. В руке викарий сжимал очередной болт, пристраивая его к тетиве. Я должен был кинуться на него, попытаться сбить с ног, прежде чем он успеет сделать еще один выстрел. И знал, что ждать осталось недолго.

Вдруг за спиной викария, в дверном проеме, возникла чья-то тень.

— О, викарий Робертс, что делаете вы здесь с этим древним оружием? — прозвучал превосходно сымитированный фальцет Великого Сыщика, представшего перед нами в облике Линды Эндерби.

Викарий секунду поколебался и развернулся к ней.

— Мадам, — произнес он, — я собирался оказать сильную помощь нашему обществу, стерев с лица земли сего злобного зверя, который даже сейчас готовится напасть на нас.

Я немедленно замахал во все стороны хвостом и напустил на морду как можно более идиотское выражение: язык вывалился наружу, потекли слюни — в общем, как полагаются.

— Вряд ли это настолько уж злобный зверь, — констатировал женским голосом Великий Сыщик и быстренько проскочил мимо викария, закрывая меня от выстрела. — Это же старина Снафф. Все знают Снаффа. Да вы посмотрите на него, какая душка. Хороший Снафф! Славный песик!

Затем последовали привычные ласковые поглаживания по голове. Я отвечал на эти ласки так, словно они, если не считать халявной жратвы, — величайшее изобретение человечества.

— Что заставило вас счесть его столь опасным для общества?

— Мадам, эта тварь чуть не оторвала мне ухо.

— Уверяю вас, сэръ, вы, должно быть, обознались. Представить себе не могу, чтобы это животное могло вдруг повести себя агрессивно, — разве что защищая свою жизнь.

Лицо викария побагровело, а плечи напряглись. На какой-то миг мне даже показалось, что он сейчас оттолкнет Великого Сыщика и выпалит в меня.

— Кроме того, я считаю, — продолжала мнимая Линда, — что если у вас имеются какие-либо жалобы касательно этого животного, то вам следовало бы обратиться к его хозяину, прежде чем приступать к столь решительным действиям, которые могут не только навлечь на вас гнев Общества защиты животных, но и вызвать недовольство ваших прихожан.

— Этот человек безбожник и святотатец... — начал было викарий, но тут же сник. — Возможно, вы правы, я действовал необдуманно. Как вы только что заметили, прихожане могут не одобрить моего поступка, не ведая мотивов, подвигнувших меня на него. Да, вы абсолютно правы. — Он опустил арбалет и разрядил его. — В течение следующих нескольких дней я постараюсь урегулировать этот вопрос. Пока же я последую вашему совету и не буду делать поспешных выводов. — Он убрал колчан в висевшую на плече сумку, следом сунул туда арбалет. — Итак, мадам, я хочу еще раз поблагодарить вас за то печенье, которым вы меня угостили. Оно было просто изумительным. А теперь позвольте откланяться.

— Надеюсь, вашей дочери оно тоже понравилось?

— О, конечно, она также передает вам огромное спасибо.

С этими словами викарий повернулся и вышел из сарая. Великий Сыщик на цыпочках подбежал к двери и высунулся наружу, чтобы убедиться, что он действительно уходит. Однако, когда я решил последовать примеру викария, дверь захлопнулась прямо перед моим носом.

Великий Сыщик окинул меня испытующим взглядом.

— Снафф, — обратился ко мне он, его женоподобный фальцет куда-то бесследно испарился, — тебе дьявольски

повезло, что у меня отличный бинокль и что в это время я как раз наблюдал за тобой. Ты очень и очень необычное создание, — продолжал он. — Впервые я столкнулся с тобой в Сохо, когда по просьбе друзей из Скотленд-Ярда расследовал серию весьма странных убийств. Чуть позже я обнаружил, что ты замешан во многих событиях — довольно причудливых и интригующих. Твое присутствие стало своего рода общим знаменателем всех недавних происшествий в этой округе. Слишком много совпадений, я уже перестал в это верить.

Я плюхнулся на землю и задней ногой принялся вычесывать левое ухо.

— Снафф, со мной такие штучки не пройдут, — улыбнулся он. — Я знаю, что ты не тупая псина, ты обладаешь человеческим разумом. Я многое узнал о событиях, происшедших за этот месяц в этом городке, я встречался с людьми, которые вовлечены в одно общее действие, которое, насколько я понимаю, вы именуете не иначе как «Игра».

Моя лапа застыла в воздухе. Я внимательно посмотрел на него.

— Как-то раз я прикинулся веселым заезжим коммерсантом и по пути из паба побеседовал и с алкоголиком-русским, и с не менее пьяным валлийцем. Я разговаривал с цыганами, с вашими соседями, со всеми участниками предстоящей метафизической битвы — я ничуть не сомневаюсь, что она вот-вот должна состояться. И я оказался свидетелем многого, что позволило прояснить основные контуры сей темной картины.

Я довольно грубо зевнул — так зевать умеют только собаки. Он снова улыбнулся.

— Бесплезно, Снафф, — сказал он. — Давай обойдемся без этой манерности. Я абсолютно уверен, что ты понимаешь каждое мое слово и сейчас, должно быть, гадаешь, насколько хорошо я осведомлен о церемонии, которая состоится здесь в канун Дня Всех Святых, и каковы же мои истинные намерения.

Он сделал многозначительную паузу, и некоторое время

мы молча разглядывали друг друга. Даже на обонятельном уровне от него не поступало ровно никакой информации.

— И мне кажется, наступило время, когда мы должны довериться друг другу, — наконец промолвил он. — Даже не принимая во внимание того факта, что я, возможно, несколько минут назад спас тебя от гибели, существует еще множество различных вещей, о которых мне хотелось бы тебе рассказать, а кое-что мне крайне необходимо узнать, и, на мой взгляд, это принесет пользу и тебе, и мне. Если ты будешь любезен дать знать, что понимаешь меня, то я продолжу.

Я отвел взгляд. Я предчувствовал подобный конец, едва только он заговорил со мной в доверительной манере. И не успел я еще решить, каков же будет мой ответ, как он уже закруглился и предложил показать, что я ему доверяю. Вот к чему все свелось: поверить в профессиональную честность этого человека, хотя он наверняка не одобрит происходящего здесь. А я не имел ни малейшего представления, что для него превыше — буква закона или справедливость. И понимает ли он, что поставлено на кон? Но мне очень уж хотелось разузнать, что он успел услышать и что намеревается предпринять, и я хорошо понимал: дай я ему сейчас ожидаемый знак — потом он все равно ничего доказать не сможет.

Поэтому я снова перевел на него взгляд, несколько долгих секунд смотрел ему в глаза, а затем коротко кивнул.

— Отлично, — обрадовался он. — Так вот, всеми без исключения лицами, вовлеченными в так называемую Игру, за последний месяц было совершено весьма значительное число всевозможных преступлений. Большинство из них в суде абсолютно недоказуемо, но у меня нет ни клиента, который бы мог потребовать от меня выполнения этой задачи, ни желания заниматься подобными вещами забавы ради. Говоря простым языком, я здесь присутствую как друг Скотленд-Ярда, расследуя убийство офицера полиции. К этому вопросу мы еще вернемся. Однако сразу по прибытии сюда я оказался вовлечен в вереницу крайне необычных происшествий, пока наконец не убедился, благодаря странным привычкам мистера Тальбота и другого

джентльмена, известного под именем Граф, что здесь и в самом деле происходит что-то очень и очень неестественное. Мне нелегко было прийти к подобному выводу, но недавний личный опыт подтвердил правоту этого предположения. И теперь, ровно через два дня, я намереваюсь вмешаться в вашу Игру.

Я медленно поводит головой из стороны в сторону.

— Снафф, этот мерзавец, что был здесь, намеревается в канун Дня Всех Святых прирезать свою приемную дочь!

Я кивнул.

— И ты одобряешь его?!

Я снова покачал головой, поднялся и прошел в угол сарая, где доски устилал толстый слой пыли. Лапой я провел четыре линии, сложившиеся в буквы ЛТ.

Он прошел вслед за мной и посмотрел на рисунок.

— Лоуренс Тальбот? — задумчиво проговорил он.

Я кивнул.

— Он намеревается предотвратить убийство?

Я кивнул еще раз.

— Снафф, мне известно о нем куда больше, чем ему кажется, и долгие годы я сам экспериментировал со многими видами наркотиков. Я понимаю, что в ночь церемониала он собирается спасти Линетт, но не верю, что ему удастся подобрать верную дозу, которая не дала бы ему впасть в ежемесячное безумство, вызываемое полной луной. Да и викарию Робертсу уже стало известно, что присутствует кто-то, обладающий способностями оборотня, и поэтому он принял кое-какие меры. Он расплавил слиток серебра и отлил из него пулю для пистолета, который возьмет с собой в ту последнюю ночь.

Он снова замолк и взглянул на меня. Я верил ему, но что делать — не знал.

— Если мистеру Тальботу не удастся исполнить задуманное, спасение девочки возьму на себя я. Но чтобы моя миссия увенчалась успехом, мне потребуется от тебя кое-какая дополнительная информация. Я должен знать, где состоится Игра. Ты знаешь это?

Я кивнул.

— Покажешь?

Я опять кивнул и посмотрел на дверь.

Рука его было дернулась к моей голове, чтобы погладить, но он тут же опустил ее и улыбнулся. После чего пошел к двери и распахнул ее. Мы вышли из сарая. Я повернулся в сторону Собачьего Гнездовища и гавкнул. И побежал к холму. Он направился следом.

30 октября

Сегодня особо делать было нечего. И завтра все будет как сегодня. Пока не наступит ночь. Оставшиеся в живых игроки в полночь соберутся на вершине холма. Каждый из нас захватит с собой вязанку дров, и все вместе мы сложим огромный костер. Он даст освещение, и в него будут брошены все кости, травы и прочие ингредиенты, которые мы собирали целый месяц, чтобы придать сил себе и смутить возможных противников. Может, поднимется страшная вонь. Возможно, он будет благоухать. Силы будут бороться в нем, играть вокруг, создавая над костром разноцветный нимб, и временами сквозь треск и шелканье поленьев будут слышаться мелодичное пение и разные причитания. Потом мы выстроимся полукругом напротив места, на которое указали наши гадания, перед Вратами — ими оказался тот самый камень с письменами. Открывающие и их сторонники встанут с одной стороны, с другой стороны выстроятся закрывающие. Все принесут с собой атрибуты, которыми потом не преминут воспользоваться. Некоторые из них по сути своей нейтральны, например, перстень или икона, и служат тому, в чьи руки попадут; две волшебные палочки, одна из которых открывает, а другая закрывает, служат, естественно, каждая своей стороне. Джилл обладает открывающей палочкой, мой хозяин — закрывающей. Силы нейтральных атрибутов будут поддерживать ту сторону, которая ими располагает, поэтому иногда создается впечатление, будто результат сражения можно просчитать обыкновенным математическим путем. Но все не так просто. Много значит личная мощь каждого индивидуума; этот фактор также влияет на общее расположение Силы. А затем дело за опытом. Теоретически все должно

происходить на метафизическом уровне, но такое бывает редко. Однако до какого бы рукоприкладства дело ни дошло, определенная известность Джека и его ножа, как правило, уберегает нас от мирского насилия.

В течение всего церемониала мы стараемся сохранить за собой наши места, и что только не происходит с игроками в процессе борьбы! Между нами возникает некая психическая связь. Но нельзя чрезмерно злоупотреблять ею, ибо это грозит нарушить нашу диспозицию, хотя несчастные случаи не исключаются. Затем следуют предварительные ритуалы — это личное дело каждого, но обычно состязаются по парам. Тем временем Сила будет прибывать и прибывать. Для поддержания ее иногда применяют психические атаки. Тогда возможны всякие неожиданности. Игрок может упасть как подрубленный, сойти с ума, воспламениться или превратиться во что-нибудь. Врата могут начать открываться в любой момент, а могут подождать сигнала открывающей палочки. Тут же вступают в действие контрмеры. В ход идут закрывающая палочка и поддерживающие ее Силы. Противостояние иногда продолжается считанные минуты, а порой длится до самого рассвета (в последнем случае закрывающие способны выиграть только благодаря тому, что открывающим не удалось выполнить своей задачи). И когда состязание заканчивается, наступает конец всей Игре. И горе, горе проигравшим.

Однако кое-что мне еще предстояло сделать. Я выбежал на дорогу. Надо было отыскать Ларри. Слишком долго я тянул, не выкладывая ему всей правды об истинной личности Линды Эндерби. Еще я должен был рассказать ему о коварных замыслах викария и той серебряной пуле, которая предназначалась Ларри на погибель. Это могло повлечь за собой полный пересмотр его планов.

Я несколько раз гавкнул, поцарапал дверь. Никто не ответил. Я обошел весь дом, заглядывая в окна, царапаясь и время от времени лая. Никого. Похоже, дом был пуст.

Но я не отступался от своего — снова обежал дом, принюхиваясь, инспектируя каждый запах. На его след я напал прямо у задней двери — судя по всему, Ларри ушел со-

всем недавно. Уткнувшись носом в землю, я последовал за ним. След привел к небольшой рошице, расположенной на самой границе его владений. Из-за деревьев доносился тихий, журчащий звук ручейка.

Пробравшись сквозь кусты, я обнаружил, что путь небольшому ручейку, бегущему через всю рощу, преграждала плотина, отчего тот разлился, образовав крошечную заводь. Через речушку по концам пруда были перекинуты два горбатых мостика. По обоим берегам земля была аккуратно расчищена и засыпана слоем песка. На импровизированном пляже были раскиданы довольно внушительные, поросшие мхом валуны. На первый взгляд это казалось делом рук самой природы, но, присмотревшись, я заметил, что здесь поработал человек. Песок был расчерчен странными округлыми линиями. Там и сям взгляд наткнулся на низкорослые растения, едва торчащие из песка.

Рядом с самым большим валуном, лицом на восток, в медитативной позе сидел Ларри — глаза полуприкрыты, дыхание едва различимо.

Мне страшно не хотелось мешать его медитации или нарушать покой этого места. Знай я, сколько он здесь так просидит, я бы просто подождал или ушел и вернулся немного погодя. Но я понятия не имел, на сколько это может затянуться, а так как новости мои касались его собственной безопасности, все-таки решил подойти к нему.

— Ларри, это я, Снафф. Прости, что беспокою тебя...

Но я вовсе его не побеспокоил. Он и виду не подал, что слышит меня.

Вглядываясь ему в лицо, прислушиваясь к его дыханию, я снова повторил свои слова. Он даже не шевельнулся.

Я осторожно потрогал его лапой. Никакой реакции.

Я громко залаял. Снова ничего не случилось. Где бы он сейчас ни странствовал, очевидно, это место было очень далеко отсюда.

Я запрокинул морду и завыл. Он даже не заметил меня, но теперь это не имело никакого значения. Хорошенько взвить — иногда помогает.

31 октября

И вот день настал, небо было затянуто облаками, с севера дул прохладный ветерок. Я еще раз сказал себе, что беспокоиться нечего, я в этом деле уже не новичок, поэтому о всяких там нервных срывах, внезапных беспокойствах и припадках страха и речи быть не могло. Но, обходя дом дозором, я, только спустившись в подвал, сообразил, что караулить больше некого. И вернулся в кабинет, чтобы в который раз осмотреть нашу коллекцию ингредиентов и атрибутов Силы.

Наконец я решил прогуляться и направился к Ларри. В роще его уже не было, но домой он так и не вернулся.

Я отправился на поиски Серой Дымки, и когда мы встретились, то некоторое время вместе бродили по округе.

Довольно долго мы бежали молча, пока в конце концов она не заметила:

— Кроме вас с Джеком, закрывающих больше нет.

— Похоже, что так.

— Прости.

— Да ничего.

— Мы с Джилл идем на собрание, которое устраивает викарий. Моррис и Мак-Каб там тоже будут.

— О? Тактика и стратегия?

— Думаю, да.

Мы забрались на Собачье Гнездовище и огляделись по сторонам. Перед покрытой письменами глыбой был сложен небольшой плоский холмик из валунов, видом напоминающий алтарь. Поперек него лежало несколько толстых досок. Рядом валялись поленья для будущего погребального костра.

— Вот здесь все и произойдет, — сказала она.

— Да.

— Мы будем возражать против жертвоприношения.

— Хорошо.

— Как ты думаешь, у Ларри что-нибудь получится?

— Не знаю.

Мы спустились вниз по другой стороне холма и у его

подножия обнаружили свежие громадные отпечатки чьих-то ног.

— Интересно, что стало с тем здоровяком? — проговорила она. — Жаль его. Той ночью, когда он сграбастал меня, он не хотел причинить мне никакого вреда, это было видно.

— Еще одна заблудшая душа, — пробормотал я. — Да, печально.

На некоторое время мы снова погрузились в молчание.

— Когда мы выстроимся полукругом, я хочу стоять рядом с тобой, — вдруг произнесла Дымка. — Викарий, по-видимому, будет замыкать арку слева, дальше встанут Моррис с Мак-Кабом, там же займут места Текила и Ночной Шорох, затем, по идее, должна стоять Джилл. Я буду находиться справа и в трех шагах впереди нее. Таким образом, вы с Джеком окажетесь в полукруге рядом с нами.

— О?

— Да, я сама разрабатывала этот план. Ты должен будешь встать справа от меня и немного сзади — то есть слева от Джека, соответственно.

— А зачем?

— Потому что, если ты встанешь справа от него, может случиться нечто непоправимое.

— Откуда тебе это известно?

— Так, кое-кто намекнул.

Я обдумал ее слова. Совершенно очевидно, что тот старый кот, из Мира Грез, на ее стороне, а она открывающая. Следовательно, он вполне мог меня подставить. Однако некоторые его замечания относительно Древнейших богов звучали несколько пренебрежительно, и вроде бы он был расположен ко мне. Здесь мой разум пасовал. Я понимал, что должен положиться на чувства.

— Хорошо, я так и сделаю.

Когда мы приблизились к нашим домам, я сказал:

— Пойду, добегу до Ларри, посмотрю, не вернулся ли он. Хочешь, пойдем со мной.

— Нет. Та встреча...

— Ну, ладно. Что ж, с тобой приятно было иметь дело.

— Да. Я никогда ни одного пса не знала так близко.

— У меня с кошками тоже были отношения не из лучших. В общем, еще увидимся.

— Да.

Она свернула к своему дому.

Я еще раз пробежался по владениям Ларри, но его нигде не было.

По пути домой я вдруг услышал, как из сорного куста у дороги кто-то прошипел мое имя:

— Снафф, старина, я так рад тебя видеть! Я как раз направлялся к тебе. До чего удачно, что мы встретились!

— Ползец, ты где пропадал?

— Сидел вон в том садике, жрал всякую опавшую дрянь, — ответил он. — Сейчас решил к тебе заскочить.

— А что такое?

— Кое-что узнал. Хотел поделиться.

— Чем именно? — спросил я.

— Похоже, я набрался у Растова дурных привычек. Ты только посмотри на меня. Меня так корежит, будто кожа того и гляди облезет.

— Да нет, вроде все нормально.

— Знаю. Но я действительно любил его. Когда мы расстались, я сразу пополз в тот сад и начал есть старые, перебродившие плоды. С ним было спокойно. Я чувствовал, что хоть кому-то нужен. А сейчас плоды кончились, и я возвращаюсь в леса. Со мной все в порядке. Но я буду скучать по нему. Он был хорошим человеком. Это викарий убрал его — мне Ночной Шорох сказал. Хотел избавиться от лишних игроков. Поэтому Граф устранил Оуэна, ответив, таким образом, викарию. Обещай мне, что распрaviшься с викарием.

— Ползец, похоже, ты слегка перебрал. Оуэна убили уже после того, как прикололи Графа.

— Умно, а? Вот это-то я и хотел тебе рассказать. Он обдурил нас. И все еще в Игре.

— Что? Как?

— Прошлой ночью, когда я принял обычную дозу, — начал свой рассказ Ползец, — то внезапно почувствовал себя ужасно одиноким. Я не хотел оставаться один, поэтому пополз поискать кого-нибудь; я бы довольствовался

чем угодно — светом, движением, звуком голосов. И направился к цыганскому табору, который идеально подходил моим настроениям. Я свернулся под одной из телег, намереваясь провести там всю ночь. Но тут до меня донеслись обрывки какого-то спора — я заинтересовался и, просочившись между досок, проник внутрь. Я наткнулся как раз на *ту самую* повозку, в ней дежурила пара стражей. Иногда они говорили на своем родном языке, порой по-английски — тот, что помоложе, хотел попрактиковаться. И вместо того, чтобы провести всю ночь под повозкой, я до самого утра просидел внутри. Но зато услышал всю историю — от начала и до конца. Я даже нашел щелку, чтобы видеть гроб.

— Так он у цыган?

— Да. Днем, когда он спит, они охраняют его, а по ночам, когда он улетает по своим делам, стерегут пустой гроб.

— Значит, он просто инсценировал собственную смерть, — сказал я. — Облачил обыкновенный скелет в свои одежды и сам же проткнул его колом.

— Да, полусгнивший скелет уже валялся в склепе.

— Потому-то на нем перстня и не было.

— Да, и таким образом он прикрыл себя. Всякий нашедший останки счел бы, что тот, кто вогнал кол в тело Графа, забрал и перстень.

По спине у меня вдруг пробежали мурашки.

— Ползец, надеюсь, новое место жительства было устроено после «смерти» луны?

— Да. На твои расчеты это не повлияет.

— Слава богу. Но вот чего я никак не могу понять... Граф убил Оуэна, потому что викарий убил Растова. Оуэн был открывающим. Это что, какой-то знак сочувствия со стороны Графа? Или он просто хотел показать викарию, что с насильем пора кончать?

— Не знаю. По этому поводу ничего сказано не было.

Я тихонько рыкнул.

— Дельце не из легких, — заметил я.

— Согласен. Теперь тебе известно все, что знаю я.

— Спасибо. Хочешь, пойдём ко мне жить?

— Нет. Я с Игрой завязал. Удачи тебе.

— И тебе, Ползец.

До меня донесся шорох травы — Ползец утек.

Под вечер прошел мелкий дождик, но незадолго до захода солнца прекратился. Я вышел взглянуть на луну, ко мне присоединился Бубон. Небо все еще было затянуто облаками, но на востоке поднимался огромный тусклый круг. Ветер принес легкий морозец.

— Ну вот, — сказал Бубон. — К утру все закончится.

— Да.

— Жаль, что я не участвовал в Игре с самого начала.

— Желание, высказанное при полной луне, — предупредил я, — может исполниться. Ты и так в некотором роде играл. Ты менялся информацией, наблюдал за развитием событий, делал то же самое, что и все мы.

— Да, но, в отличие от вас, я ничего такого серьезного не совершал.

— Основная картина вырисовывается из сложенных вместе маленьких кусочков, и не иначе.

— Да, думаю, ты прав, — согласился Бубон. — Во всяком случае, было весело. Как ты думаешь, можно будет мне пойти с вами? Я хотел бы собственными глазами увидеть, чем все кончится, независимо от результата.

— Прости, — ответил я. — Мы не можем брать на себя такой ответственности. Эта Игра будет не из легких.

— Понимаю, — кивнул он. — Я знал, что ты так ответишь, но спросить все-таки стоило.

Спустя некоторое время я ушел. Он все стоял и смотрел на небо. Луна по-прежнему пряталась за облаками.

Итак...

Мы вышли из дома незадолго до полуночи — Джек и я. На нем было теплое пальто, на плече висела сумка со всеми необходимыми вещами. Под мышкой он нес несколько поленьев для костра. Мы даже не побеспокоились запереть дверь.

Небо потихоньку начало проясняться, хотя луну по-прежнему закрывали легкие тучки. Однако даже этого тусклого света, пробивающегося сквозь туманную пелену,

было достаточно, чтобы осветить нам дорогу. В спину дул холодный, промозглый ветер.

Вскоре мы подошли к Собачьему Гнездовищу. Джек решил обогнуть холм и подняться по восточному склону.

Так мы и сделали. Оказавшись на вершине, мы увидели сверкнувший огонек — посреди круга, ближе к глыбе с письменами. Приблизившись, мы заметили там викария Робертса, Морриса и Мак-Каба — они суетились вокруг костра, который, видимо, только-только успел разгореться и сейчас набирал силу. Викарий наконец-то снял с уха бинты, и моему взгляду предстали два больших ошметка, оставшихся от этого органа слуха. Куча поленьев значительно увеличилась с того времени, как мы заходили сюда с Серой Дымкой.

Погребальный костер — неотъемлемая часть церемониала. Своими истоками эта традиция уходит далеко в прошлое, когда все только начиналось. В нем нуждаются обе стороны, поэтому он в некотором роде представляет собой нейтральную Силу. После полуночи он разом запылает во многих мирах, и мы добавим в него собственные ингредиенты, усиливающие нас и стороны, которым мы служим. Его свет влечет к себе не только созданий иных миров, желающих выступить на той или другой стороне, но и любых существ, которые, по сути своей, нейтральны, но были захвачены в плен вершащимся церемониалом. Из пламени костра могут вешать разные голоса, в нем могут сменяться диковинные картинки, но сам костер вторичен, он — поддержка двум противостоящим партиям. Согласно обычаю, всякий из нас приносит что-либо специально для него, и посредством ритуала костер взаимодействует с каждым отдельным игроком. Я, в частности, несколько дней назад помочился на одно из наших поленьев. Случалось, игроков вдруг охватывало пламя, а однажды я стал свидетелем сцены, когда костер защитил игрока, воздвигнув между ним и противниками пылающую стену. Еще в нем очень хорошо уничтожать вещественные доказательства, да и в холодные ночи он оказывается большим подспорьем.

— Добрый вечер, — подойдя поближе, поздоровался Джек и добавил свою лепту к общей куче дров.

— Вечер добрый, Джек, — отозвался викарий. Мак-Каб с Моррисом просто кивнули.

Линетт, распростершись, лежала на алтаре, голова ее была повернута к нам, глаза были закрыты, грудь тихо вздымалась. Опоена, несомненно. Она была облачена в длинные белые одеяния, темные волосы рассыпались по камню. Я отвел глаза. Очевидно, протест был подавлен на корню. Я принюхался. Джилл и Серая Дымка еще не появились.

Взвился огонь. Джек поставил на землю сумку и пошел помочь. Я решил быстренько осмотреть окрестности и пробежался вокруг холма. Ничего необычного. Я вернулся и уставился на глыбу с письменами. Как раз в этот момент из облаков показался краешек луны. Ее свет упал на камень. Снова на нем отчетливо проступили таинственные значки — темные впадины на залитой светом шероховатой поверхности плиты. Я отошел и уселся рядом с сумкой Джека.

На викарии был темный плащ, издававший при движении легкий шуршащий звук. Одежда не скрывала того факта, что он был полноватым коротышкой, не преувеличивала, но и не преуменьшала таящейся в нем опасности. Угроза была написана на его лице, лице еле сдерживающегося маньяка. Луна двоилась в его очках.

Совместными усилиями викария, Джека и остальных костер разросся до внушительных размеров. Викарий первым бросил в него свой ингредиент — маленький пакетик, отчего костер затрещал и плеснул голубым. Я втянул воздух. В состав входили травы, с которыми мне уже приходилось сталкиваться. Вслед за ним швырнул два пакетика Моррис — в одном были кости, в этом я ни капли не сомневался. Джек добавил небольшую бумажку, и костер полыхнул зеленым. Внес свою лепту и я, присовокупив полено, на которое помочился. Луна полностью выскользнула из липких объятий облаков.

Викарий подошел поближе к алтарю и взгляделся в проступившие на плите письмена. Свою приемную дочь он

даже взглядом не удостоил. Затем попятился назад, повернулся налево, сделал несколько маленьких шажков и остановился, снова развернувшись к камню. Сориентировавшись, немножко отступил в сторону и каблуком вырыл в земле неглубокую ямку.

— Я буду стоять здесь, — заявил он, вызывающе глядя на Джека.

— Не буду препятствовать, — ответил тот. — Насколько я понимаю, ваши помощники выстроятся справа от вас?

— Именно так я и задумал. Моррис будет стоять здесь, справа от него Мак-Каб, затем Джилл, — разъяснил викарий, тыча пальцем в землю.

Джек кивнул. На яркую поверхность луны набежала чья-то темная тень, и с неба свалился Ночной Шорох, изящно спланировав на вершину дровяной кучи.

— Привет, Снафф, — кивнул он мне. — К нам присоединиться не желаешь?

— Нет уж, благодарю. Может, ты — к нам?

Он совершил один из своих невообразимых разворотов головы.

— Нет, не думаю, тем более что мы превосходим вас во всех отношениях.

Немного погодя с громким «кар-р» в круг ворвалась Текила, приземлившись на левое плечо викария.

— Приветствую тебя, Ночной Шорох, — молвила она.

— Доброй Игры тебе, сестра.

Она посмотрела на меня и, не произнеся ни слова, отвернулась. Я также предпочел промолчать.

Каждый по очереди швырнул в огонь еще по паре поленьев и по пакету ингредиентов. Наконец в костер водрузили два довольно больших бревна. Многоцветные язычки заплясали вокруг них, вскоре бревна почернели, и пламя перекинулось на кору. В воздухе поплыли всяческие ароматы, в огонь полетели порошки, кости, травы, части трупов животных и людей. Туда же опустошили две большие чаши, всплыл клуб густого дыма, пламя на несколько мгновений оживилось. В потрескивании поленьев мне слышалось тихое перешептывание голосов.

Я услышал звук приближающихся с севера шагов задол-

го до того, как на вершине холма появилась Джилл. Она словно выступила из непроглядного сумрака ночи, ее длинное черное платье закрывал такой же черный плащ, капюшон был опущен. Она выглядела выше и стройнее, чем обычно. В руках она несла Серую Дымку, которую, достигнув круга, тут же опустила на землю.

— Добрый вечер, — приветствовала она сразу всех присутствующих.

Четверо мужчин вразнобой поздоровались.

— Привет, Снафф, — сказала Серая Дымка, подходя ко мне. — Какой у вас тут огонь!

— Да.

— Как видишь...

— Ваши доводы не сработали.

— Ты повидался с Ларри?

— Так и не нашел его.

— О!

— Есть один запасной вариант, — начал было я, но к нам подлетел Ночной Шорох, чтобы поприветствовать Дымку.

Я ощутил дикое желание поковылять на луну. Сегодня луна словно была создана для того, чтобы на нее всласть поковылять. Но я сдержался.

Моего нюха достиг запах благовоний. Джилл начала бросать свои пакетики в костер. Луна передвинулась поближе к середине неба.

— Как мы узнаем, когда надо начинать? — спросила у меня Серая Дымка.

— Мы сможем говорить с людьми.

— Ах, да.

— Как твоя спина?

— Уже все в порядке. Ты тоже в хорошей форме?

— Да, все отлично.

Некоторое время мы молча смотрели на костер. В него сунули еще бревно, подбросили несколько пакетиков. Ароматы смешались, образуя весьма соблазнительный, сладковатый букет. Языки пламени поднялись еще выше, то и дело меняя свой цвет, развеваясь на ветру. Откуда-то изнутри время от времени доносились пронзительные,

звонкие нотки; перешептывание то усиливалось, то совсем пропадало. Я отвел взгляд, но меня захватило новое зрелище: надпись на камне начала мерцать. Над головой луна достигла зенита.

— Джек, как слышно меня? — крикнул я.

— Отлично, Снафф. Лунный свет сделал свое дело. Что у тебя на уме?

— Просто проверяю время.

Все разом заговорили: Ночной Шорох — с Моррисом и Мак-Кабом, Текила — с викарием.

— Похоже, пришло время занять свои места, — заметила Серая Дымка.

— Ты, как всегда, права, — согласился я.

Она отошла к Джилл, которая в это время бросала в костер последний свой пакетик. Над разноцветными языками пламени возникло легкое искажение, будто костер сейчас горел во многих мирах одновременно, и в колеблющемся воздухе периодически мелькали картинки этих других миров. Откуда-то с севера до нас донесся волчий вой.

Викарий прошел вперед и встал на место, которое ранее указывал. Моррис и Мак-Каб заняли свои позиции по правую руку от него; Ночной Шорох примостился на валуне, как раз между ними. Затем вперед двинулась Джилл, встав рядом с Мак-Кабом; Серая Дымка двинулась следом и, зайдя чуть вперед — на три кошачьих шага, — остановилась. Я сел рядом с ней, Джек встал справа от меня. Образовалось некоторое подобие дуги, вершиной которой служила плита с письменами. На противоположных концах, друг напротив друга, стояли викарий и Джек. Линетт распростерлась на алтаре футах в десяти от меня.

Пошарив в своей рясе, викарий извлек пятигранную чашу и поставил на землю перед собой. Затем достал икону Альхазреда и установил на скале, повернув изображением к мерцающей плите. Ночной Шорох передвинулся поближе к чаше. Обычно начинают открывающие, тогда как основная забота закрывающих — воспрепятствовать им.

Сумка Джека, лежащая по правую руку от него, была уже открыта — мы доставали из нее ингредиенты для ко-

стра. Джек наклонился и поправил сумку, чтобы легче было добраться до наших атрибутов.

Мак-Каб встал на колени и расстелил перед собой белую скатерть. Так как было довольно ветрено, он прижал ее края небольшими камешками. Затем из покрытых орнаментом ножен он извлек длинный тонкий кинжал, смахивающий на нож для жертвоприношений, и возложил его посередине, острием нацелив на алтарь.

Луну закрыл чей-то силуэт. Мы задрали головы — к нам стремительно летела какая-то темная тень. Упав в круг, она пошла мелкой зыбью и изменила очертания — Моррис пронзительно вскрикнул. Луна снова засияла в полную силу, кусочек же полуночного неба, что приземлился рядом с Джеком, все продолжал и продолжал трансформацию, переливаясь из одной формы в другую: туда, сюда, изгиб, поворот, завихрение. Мгновение — и бок о бок с Джеком, зловеще улыбаясь, вырос Граф. Он положил правую руку хозяину на плечо — на пальце мрачно блеснул темный овал перстня.

Викарий Робертс испуганно уставился на него и судорожно облизнул губы.

— А мне казалось, что существо, придерживающееся ваших взглядов на мир, скорее займет нашу сторону в данном споре, — вопросительно произнес викарий.

— Мне нравится видеть этот мир таким, каков он есть, — отвечивал Граф. — Помолитесь и давайте же начнем.

Викарий кивнул.

— Мы будем стоять до самого конца, — сказал он, — пока Врата не распахнутся.

Граф швырнул в огонь какой-то прутик и небольшой пакетик. Пламя вновь оживилось, меняя цвета, заплясало, потрескивая и гудя, прожигая в ночи дыру, сквозь которую слышалось монотонное пение чуждых голосов. Тени закружились вокруг нас, забегали над алтарем, по поверхности плиты. Я снова услышал вой, теперь уже гораздо ближе.

Я перевел взгляд на викария и заметил, как тот поморщился. Но пришел в себя, выпрямился в полный рост и

сделал открывающий жест. Глубоким, степенным голосом он промолвил заклинание Силы. Оно повисло в воздухе и эхом прокатилось по холму.

Письмена на глыбе засветились чуть ярче, и сквозь серый цвет камня начали проступать призрачные очертания прямоугольника, точь-в-точь похожего на ту дверь, через которую нас с Дымкой засосало в Мир Грез.

Викарий повторил заклятие, и прямоугольник приобрел отчетливую форму.

В причитания, доносящиеся из костра, словно в ответ на слова викария, вплелись периодически повторяющиеся воззвания:

— Иэ! Шаб-Ниггурат!

Сидящая передо мной Серая Дымка приподнялась и напрыглась.

Но вместо того, чтобы перейти к следующей фазе, викарий развернулся и медленно двинулся к скатерти, на которой покоился нож для жертвоприношений. Я заметил, что стоящая чуть позади него икона Альхазреда тоже начала светиться. Викарий опустил на колени, осторожно взял обеими руками клинок, поднес к губам и поцеловал. Поднявшись на ноги, он повернулся к алтарю, Текила как приклеенная сидела у него на плече.

И тут справа от меня, из темноты, за спинами Джека и Графа, послышался легкий шорох. Мелькнул чей-то силуэт — кто-то еще спешил присоединиться к нам.

Викарий успел сделать лишь маленький шаг вперед, когда огромный серый волк влетел в круг и кинулся мимо него к алтарю. Это прибыл Ларри Тальбот. Очевидно, он все-таки сумел как-то совладать со своей напастью.

Он ухватился зубами за левое плечо девочки и стащил ее с алтаря. Быстро забросив хрупкое тельце на спину тем же способом, при помощи которого раньше так ловко управился с трупом полицейского, Ларри стремительно протаскил ее мимо нас, удаляясь на север — туда, откуда и пришел.

Раздался резкий звук выстрела, и Ларри покачнулся — над его левой лопаткой расплывалось темное пятно. В руке викария дымился пистолет, направленный в сторону обо-

ротня. Но Ларри довольно быстро оправился и побежал дальше, и тогда викарый выстрелил снова.

На этот раз пуля угодила прямо Ларри в голову, он застонал, челюсти разжались, и Линетт сползла на землю. Сам Ларри, сделав пару неверных шагов, упал на границе каменного круга; тени, отбрасываемые костром, затанцевали по телу. Пение, наложенное на неземную музыку, возобновилось:

— Иэ! Шаб-Ниггурат!

Викарий еще раз выпалил в ночь. Пистолет издал тихий щелчок, но выстрела не последовало. Робертс слегка опустил ствол и несколько раз судорожно дернул курок. Внезапно порох вспыхнул, пистолет бабахнул, и у южной оконечности алтаря взметнулся фонтанчик пыли. Викарий в ярости швырнул оружие в траву — вероятно, у него было всего три патрона. Вот что значит кустарно отлитые пули!

— Возложите ее обратно на алтарь! — приказал он. Моррис и Мак-Каб немедленно покинули свои места и побежали к недвижной девочке. Бока Ларри судорожно вздымались, но глаза были закрыты. Кровь заливала голову, шею, плечо.

— Остановитесь! — выкрикнул Граф. — Игрокам запрещается перемещать жертву, коли церемония уже началась!

Викарий в недоумении уставился на него. Моррис и Мак-Каб застыли на месте, оглянулись на Робертса, потом на Графа.

— Никогда не слышал о таком правиле, — возразил викарый.

— Тем не менее оно существует, — подтвердил Джек. — Жертве всегда даруется хоть и небольшой, но все же шанс избежать своей участи. Она может бежать, если хватит сил. Игроки вправе остановить ее. Но то место, где падает жертва, должно стать новым алтарем. Попробуйте нарушить этот закон — и вы уничтожите образ, созданный нами. Результаты могут оказаться губительными для всех.

Викарий было засомневался, но потом твердо вымолвил:

— Я не верю вам. Мы превосходим вас силами. Вы несе-

те чушь, хотите затруднить мне выполнение задачи. Моррис! Мак-Каб! Тащите ее сюда!

Стоило им тронуться с места, как Граф также выступил вперед.

— В таком случае, — проговорил он, — противоположной стороне разрешается воспрепятствовать нарушению правил Игры.

Я услышал тяжелые бухающие шаги, но, кто бы это ни был, он, похоже, следовал мимо холма, огибая его стороной.

Моррис и Мак-Каб еще секунду колебались, а потом снова двинулись к Линетт.

Граф заструился к ним. Не шевельнувшись, он вдруг оказался рядом с ними. Взметнулись складки плаща, он раскинул руки и скрыл обоих от наших взглядов. Какой-то миг Граф оставался недвижим, руки его были скрещены на груди. Из-под плаща донеслись чавкающие звуки.

Затем Граф вновь расправил накидку, и два омертвелых тела под странными углами рухнули на землю; из ушей их, носов и ртов фонтаном хлестала кровь. Глаза были широко раскрыты. Они не дышали.

— Как ты посмел?! — вскричал викарий. — Как ты посмел тронуть моих людей?!

Граф медленно обратил на него свой взгляд и развел руками.

— Вы слишком вольно обращаетесь ко мне, — угрожающе проговорил он.

И полетел к викарию, только уже помедленнее. Музыка звучала все громче и громче, голоса завывали, письма засияли. И пока он плыл над пожухлой травой, я уловил чей-то посторонний запах и краем глаза заметил темную тень, прячущуюся в полумраке справа от меня. Это был тот странный волк, с которым я столкнулся ночью в лесу при лунном свете. Он приблизился к нам совершенно бесшумно.

Рука викария внезапно вынырнула из рясы, швырнув что-то в Графа. Мгновенно его скольжение было остановлено, Граф замер. Тем временем, прячась за спиной Графа от бдительного ока священника, волк нырнул в освещен-

ный костром круг, ухватил Линетт за плечо и потащил в темноту, продолжая дело, начатое Ларри.

Внезапно Граф утратил всю свою грацию. Он закачался из стороны в сторону, сделал неверный шаг к викарию, тогда как тот вновь сунул руку под плащ и повторил предыдущий жест.

— Что это? — еле выговорил Граф, шаг за шагом приближаясь к викарию, который медленно пятился.

И тут Граф упал.

— Земля из одного из твоих гробов, — отвечал викарий, — смешанная с тертым камнем моего церковного алтаря, воздвигнутого еще до того, как в Англию пришли паписты. Плюс сустав святого Иллариона. Ты нуждаешься в освященной земле, чтобы продлевать свое существование, но излишнее количество освященной земли убивает мгновенно, различие подобно разнице между целебной и смертельной дозами стрихнина. Ты не согласен со мной?

Граф пробормотал что-то в ответ на незнакомом мне языке. Тем временем волк вместе с Линетт исчез в ночи. Только сейчас до меня дошло, что беседы с Ларри вкупе с опытом обращения с наркотиками плюс те растения, которые ему удалось раздобыть за эти дни, — все это помогло составить препарат, который и его превратил в волка: пред моими глазами предстал Великий Сыщик в наивеличайшем своем маскараде. Я провыл в ночь:

— Отличная работа!

Немного погодя в ответ послышалось:

— Удачи!

Надпись переливалась всеми цветами радуги. То ли смерть Морриса и Мак-Каба повлияла на нее, то ли еще что — трудно было сказать. Викарий поднял глаза и увидел, что Линетт исчезла. Он посмотрел на Джилл.

— Тебе следовало бы предупредить меня, — сказал он.

— Я сама только что заметила, — ответила та.

— Я тоже ничего не видел, — присоединился к ней Ночной Шорох.

Викарий поднял нож для жертвоприношений, который

минутой раньше уронил, вернулся на прежнее место и вонзил клинок в землю у своих ног.

Затем он выпрямился, повторил заклинание Силы и добавил к нему другое заклятие. Его лицо вдруг обратилось в клыкастую морду кабана, одно ухо было порвано. Эта маска держалась примерно минуту. Я перевел взгляд на Ларри: глаза его открылись, он повернул голову, заметил, что Линетт исчезла, кинул быстрый взгляд на алтарь, увидел, что и там ее тоже нет, попытался было подняться, но сразу упал. Я подумал, насколько серьезно он ранен. Конечно, крови было прилично, но с ранениями головы всегда так. Даже серебряная пуля — должна же она была куда-то да попасть. Ларри пополз вперед, продвинулся примерно на полфута, остановился и тяжело задышал.

Викарий произнес еще одно заклятие. Серая Дымка внезапно покрылась полосами тигровой масти. Однако это заклинание тоже держалось недолго. Текила медленно начала превращаться в грифа. Джилл вдруг стала древней ведьмой, согнутой до самой земли, горбатый нос ее почти доставал до выступающего далеко вперед подбородка, лицо закрывали седые лохмы волос. Я посмотрел на Джека и увидел, что он тоже переменял обличье: плечи украшала косматая голова огромного медведя, желтые глазки яростно поблескивали, из уголков рта бежала слюна. А посмотрев вниз, обнаружил, что моя шкура приобрела кроваво-красный, влажный цвет; на лбу у меня, кажется, появились ветвистые рожки. Понятия не имею, на кого я стал похож, но Серая Дымка прыгнула в сторону и зашипела.

Кабан вновь заговорил, и заклятие его разнеслось подобно звону колокола в морозную погоду. Граф обратился в полусгнивший скелет, завернутый в черные одежды. Что-то невидимое пронеслось у нас над головами, хохоча, словно полоумный ребенок. Из почвы выпрыгнули бледные грибы, от костра пахло серой. Какая-то зеленая жидкость плеснула из его пламени, побежала пузырящимися ручейками. Голоса нарастев тянули наши имена. Мак-Каб превратился в женщину, чье накрашенное лицо вдруг начало отваливаться большими кусками. Моррис принял об-

личье человекообразной обезьяны — длинные волосатые руки доставали до самой земли, он стоял, опираясь на костяшки пальцев; рот широко разинут, ужасные клыки скалились на нас. Ларри теперь стал истекающим кровью человеком, распростершимся в стороне от круга. Воздух перед нами замерцал и как бы застыл огромным зеркалом, отражая всех нас в полный рост. Затем головы наших зеркальных отражений разом отделились и медленно поплыли налево. Это было довольно странное переживание — вот так перекидываться частями тела; я вроде не двигался, но ощутил на своих плечах внушительный вес медвежьей головы, увидел, как голова ведьмы пристраивается на плечах у Джека. Серой Дымке досталось огромное рогатое демоническое рыло, а Джилл получила маленькую полосатую кошачью мордочку... и так далее. Затем начали перемещаться — уже вправо — наши тела. Я стал кошкой с медвежьей головой, тельце мое жалко раскинулось на земле, ноги не выдерживали такого веса. Сердце стучало, как паровая машина. Джек превратился в демона с кабаньей ряхой. И снова откуда-то сверху донесся дьявольский хохот. Если б не мое нынешнее тело и не моя нынешняя голова... Я валялся там, среди грибов и зловония, а надо мной плыл очередной монотонный распев. Но это все иллюзия, иначе быть не может — ведь не может? В прошлые разы я не сумел докопаться до истины, не смог этого сделать и сейчас.

Грибы почернели, свернулись и распались в пыль, когда кипящие зеленые ручейки достигли их. Наши отражения в зеркале заплескались, превратились в яркие пятна какого-то одного цвета и слились вместе. Я снова взглянул на свое тело, но все затянуло туманной дымкой, и я так ничего разобрать и не смог. Напев еще раз переменялся. Луна подернулась кровавой рябью и роняла на нас свою призрачную «кровь». Небосвод пересекла падающая звезда. Еще одна. И еще. Начался настоящий звездный дождь.

В этот миг зеркало треснуло, и мы с Джеком остались одни на нашей стороне, привычные формы вернулись к нам, сильный порыв ветра, прилетевший с севера, развеял дымку. Показались и остальные, все стало на места. Звезд-

ный дождь понемногу стихал. Луна отдала предпочтение розовому, затем снова вернулась к привычной мешанине масляно-желтого и светло-серого цветов. Я вздохнул и занял прежнее место, почувствовав, как Дымка внимательно оглядела меня с головы до пят. Зеленые щупальца, вылезшие из костра, начали, подобно лаве, застывать. В какой-то момент мне показалось, будто из пламени теперь доносятся странные голоса, принадлежащие животным: блеяние, тихое ржание, поскуливание, пронзительный лай, завывание на несколько голосов, кашель огромной кошки, карканье, жалобный мяв. Вся эта какофония сменилась полной тишиной, лишь огонь знай себе потрескивал и что-то бормотал.

Я услышал знакомый звон, разнесшийся над нами. Настало время попытаться открыть Врата. Я взглянул на Джека — он тоже услышал.

Ларри отполз еще на фут.

Я не сводил глаз с викария — тот зачитывал последнее заклятие. Рука Графа легонько дернулась. Но Робертс успел вовремя: он резко наклонился и схватил чашу. Что-то темное вылетело из перстня Графа, викарий поймал это в пятигранную чашу и отразил в ночь. Все равно уже поздно было кого-либо убивать: Врата начали открываться. Викарий склонился, поднял икону и поставил ее на грудь Графу. Перстень больше не реагировал. Явившись свидетелем того, как ловко он расправился с Ларри и Графом, я вынужден был отдать ему должное. Викарий Робертс оказался куда опытнее, чем казалось на первый взгляд.

— Джилл, — позвал он, — доставайте свою палочку.

Джилл сунула руку в карман накидки, извлекла волшебную палочку и подняла над головой. Странно, но прибывающий блеск плиты будто замер на пару секунд. Следом Джек достал свою палочку, поднял и нацелил на плиту. Я снова услышал тяжелые шаги, на этот раз звучавшие все ближе и ближе. Прямоугольник с новой силой засветился, внутри его, омываемая разноцветными волнами, открылась бесконечная бездна. Вопли из пламени костра раздались ясно и отчетливо:

— Изэ! Шаб-Ниггурат! Аве Черному Козлу!

Музыка зазвучала быстрее, луна, словно маяк, блистала в вышине. Ларри продвинулся еще на пару футов. Справа, из темноты, неожиданно возникла фигура экспериментального человека, направляющаяся к нам. Я глянул на Джека. На лбу его проступили капли пота. Было видно, что он вкладывает в силу палочки всю свою волю, весь свой дух, но тем не менее Врата продолжали расходиться.

Экспериментальный человек, раскачиваясь из стороны в сторону, приблизился к нам.

— Кис-кис, кис-ка, — выговорил он, остановившись прямо перед Джеком.

Кто-нибудь другой на его месте моментально скончался бы, но от здоровяка и без того несло смертью, поэтому ничего такого с ним не случилось.

Внезапно Врата замедлили движение, глубина их потускнела. Экспериментальный человек наклонился и резким движением сграбастал Серую Дымку.

— Отпусти меня сейчас же! — заорала Дымка. — Я не могу теперь отвлекаться!

Здоровяк присел на корточки перед огнем и принялся гладить ее.

Ларри снова двинулся вперед, он все полз и полз. Вновь внутри Врат открылась бездна. Мне показалось, будто в глубине зашевелилось какое-то щупальце. Что-то огромное, бесформенное устремилось к нам из Врат.

— Не получается, — услышал я тоненький голосок.

Я повернулся.

Из левого кармана пальто Джека вынырнула голова Бубона.

— Бубон, а ты что здесь делаешь? — спросил я.

— Должен же был я посмотреть на все, — заметил он, — чтобы удостовериться, что поступил правильно. Хотя сейчас я в этом не уверен.

Да, это определенно было щупальце, уже показавшееся из тьмы, бурлящая масса приближалась ко Вратам...

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался я.

— Я просто подвальный крыс. Но подумал, что противники превосходят вас и силой, и числом, а мне очень хоте-

лось, чтобы вы победили. Поэтому я поступил так, как мне казалось правильным.

— Что?! — зашипел я, начиная догадываться.

Темная масса была совсем близко, я почуял мускусный аромат надвигающейся рептилии. Экспериментальный человек отпустил Дымку и поднялся. Он снова подошел к нам. Ларри полз далеко слева. Из Врат вынырнуло щупальце, пошарило вокруг, наткнулось на правую ногу Морриса, обернулось вокруг нее и утащило тело внутрь. И почти сразу вернулось за Мак-Кабом. Последовала серия хлюпающих чавканий.

— Я устроил дело так, что, если им удастся устранить вас, они потом разгромят сами себя, — ответил Бубон.

— Каким образом?

Внутри возникло еще несколько громадных комков щупалец, все они наперегонки спешили ко Вратам.

— Прошлой ночью я провернул одно дельце, — проговорил Бубон. — Я поменял палочки местами.

У меня в ушах зазвучал странный смех старого кота. Практически невозможно определить, когда они улыбаются. Древний кот вовсе не приказывал мне сбегать за палочкой.

«Carpe baculum» — «Хватай палочку»¹.

Я взвился в воздух, схватил ее зубами и выдернул из руки Джека. Тот недоумевающе воззрился на меня.

В спины нам ударил ураганной силы порыв ветра.

— Нет! — раздался вопль викария.

Текила, захлопав крыльями, сорвалась с его плеча.

Повернувшись, я увидел, что Врата начали закрываться.

Тут по кругу прокатился рев, которым мог бы гордиться даже сам Ворчун, — Ларри навалился на викария. Они покатались по земле, перевалились через неподвижное тело Графа и сбили с его груди икону. Ветер подхватил их, понес к Вратам, и вместе они рухнули в бездонный провал. Джилл, ничего не понимая, продолжала размахивать закрывающей палочкой, волосы и плащ развевались на ветру. Джек, похоже, успел взять себя в руки. Он кинул-

¹ Вот и выяснилось, что с латынью и у кота, и у пса все в порядке. Суть же, как всегда, в проблеме непонимания.

ся к сумке, пошарил в ней, извлек оттуда бутылку с портвейном пополам с шуршалами и швырнул ее в сторону Врат.

— Глоток портвейна в бурю, — довольно ухмыльнулся он, поглядев на меня.

Я почувствовал, как ветер толкает меня вперед. Ночной Шорох попытался укрыться за одной из плит.

Из темноты снова вынырнул экспериментальный человек и остановился прямо перед нами — ветер заметно стих.

— Э-э... Граф? — спросил он.

Неужели Серая Дымка прислала его на помощь нашему союзнику?

— Тот человек на земле! — крикнул я. — Забирай его и уноси!

Он миновал нас, раскачиваясь, но каким-то образом все же сохраняя равновесие на этом жутком ветру. Наклонившись, он поднял неподвижное тело Графа и на руках понес прочь. Я взглянул на Врата. Они значительно потускнели. Огонь костра распался на отдельные язычки пламени, охватившие весь круг камней. На глазах у меня они становились меньше, меньше и угасали.

Джилл внимательно разглядывала зажатую в руке палочку; я понял: до нее наконец-то начало что-то доходить.

— Пошевеливайтесь там! — завопила из теней Серая Дымка. — Ноги в руки и смываемся отсюда!

Бубон нырнул обратно в спасительную тьму кармана Джека, и мы последовали совету Дымки.

Позади раздался мелодичный звон, словно разбился хрустальный бокал. Поверхность плиты потемнела, и она стала прежним камнем. Ветер разом затих. Причитания и распевы смолкли давным-давно.

Мы начали спускаться по северному склону холма. Над нами нависал чудовищно огромный, полный диск луны.

— Идем быстрее! — подгоняла Дымка. И была права. Теперь, вплоть до самого рассвета, лучше на холм не соваться — крайне опасное место.

Я обернулся и заметил громадную фигуру эксперимен-

тального человека, скрывающуюся на юге. На руках у него лежал Граф.

— Привет, кошка, — сказал я. — Помнишь, я обещал угостить тебя?

— Привет, пес, — отозвалась она. — Не стану возражать.

Джек и Джилл спускались по склону. Мы с Дымкой побежали следом.

**ДВЕРИ
В ПЕСКЕ**

Глава 1

Подложив под голову левую руку, я лежал на покато́й черепичной крыше. И вдруг, случайно взглянув на рваные клочки облаков, разбросанные тут и там в голубой небесной луже, заметил в тени фронтона у себя над головой и над университетом буквы:

«ТЫ УЧУЯЛ МЕНЯ, РЕД?»

Всего одна секунда, и надпись исчезла. А я пожал плечами. Затем, правда, решил прилечь к легкому ветерку, который несколько секунд назад промчался мимо.

— Извини, приятель, — пробормотал я, обращаясь к единственному любителю письменных сообщений, — что-то я ничего не чувствую, никаких особенных запахов.

Потом зевнул и потянулся. Наверное, задремав, я ухватил конец какого-то причудливого сна; пожалуй, мне повезло, что я не могу вспомнить, о чем он был. Бросил взгляд на часы и обнаружил, что опаздываю на назначенную мне встречу. Впрочем, часы вполне могли показывать и неправильное время. По правде говоря, это было их обычное состояние.

Я сел на корточки, упираясь ногами в карниз, который удерживал лед на крыше, а правой рукой ухватился за фронтон. С крыши пятиэтажного дома площадь внизу казалась мне изысканным пейзажем — бетон и зелень деревьев, замысловатое переплетение теней и солнечного света, люди, чьи движения напоминают актеров во время замедленной съемки в кино, фонтан, похожий на фаллос, конец которого получил изрядную дозу картечи. За фонтаном стоял Джефферсон-холл, где на третьем этаже располагался кабинет моего нового куратора Дениса Вексрота. Я похлопал себя по карману брюк — карточка с расписанием на месте. Отлично.

Спускаться вниз, идти через площадь, а потом снова

подниматься на третий этаж — пустая трата времени, я ведь все равно уже наверху. И хотя путешествовать по крышам до захода солнца не принято и считается нарушением установленных давным-давно традиций, да и в мои привычки тоже, как правило, не входит, добраться до нужного здания, — учитывая, что все они соединены друг с другом, — будет легко, да и вряд ли меня кто-нибудь заметит.

Я прошел по фронтому и оказался у его дальнего края. Оттуда спрыгнул на плоскую крышу библиотеки. Никаких проблем — всего шесть футов. И отправился дальше по крышам жилых домов, до церкви, словно Квазимодо, осторожно ступая, прошел по карнизу, спустился по водосточной трубе; еще один карниз, потом большой дуб, и еще карниз — вот тут пришлось призвать на помощь ловкость и умение. Великолепно! Наверняка сэкономил шесть или даже семь минут.

Когда я заглянул в окно, часы на стене показывали, что у меня еще в запасе целых три минуты, и я остался очень доволен собой.

Голова Дениса Вексрота, с выпученными глазами и широко открытым ртом, приподнялась от книги, медленно повернулась, на мгновение оказалась в тени, а потом, не совсем уверенно, потащила за собой все остальное тело. И вот уже мой куратор стоит на ногах возле стола и смотрит на меня.

Я бросил взгляд назад, через плечо, стараясь понять, что же его так ужасно разозлило, но в этот момент он поднял раму и сказал:

— Мистер Кассиди, что, черт подери, вы тут вытворяете?

Я снова повернулся к Денису Вексроту, который вцепился в раму так, словно я собирался ее у него отнять, а она представляла для него самую главную ценность в жизни.

— Ждал, когда подойдет время, на которое мы договорились с вами встретиться, потому что немного не рассчитал и пришел на три минуты раньше, — ответил я.

— Знаете что, спуститесь-ка вниз и поднимитесь сюда по лестнице, как полагается нормальным... — начал он. А потом вдруг выкрикнул: — Нет! Подождите! Так я могу

стать соучастником какой-нибудь гадости. Давайте, заходите!

Вексрот отступил в сторону, а я вошел в его контору. Он не захотел подать мне руку, несмотря на то, что я тщательно вытер свою о собственные брюки. Мой куратор отвернулся от меня и медленно сел за свой стол.

— Существует правило, запрещающее лазать по крышам зданий, — сообщил он мне.

— Да, — согласился я, — но это правило всего лишь формальность. Администрации было просто необходимо придумать что-то в этом духе. Никто не обращает ни малей...

— Ведь именно вы, — сказал Вексрот, качая головой, — именно из-за вас и было придумано это правило. Я здесь совсем недавно и все же успел самым тщательным образом изучить все, что вас касается.

— По правде говоря, — заявил я, — если я не очень лезу на рожон и веду себя скромно, никого особенно не беспокоит моя любовь к крышам...

— Акрофилия! — фыркнул Вексрот и хлопнул рукой по папке, которая лежала перед ним на столе. — Вы сумели найти и купить парочку беспринципных кретинов-врачей, чьи заключения помогли вам избежать ареста, вам даже стали сочувствовать, и вы превратились в своего рода местную знаменитость. Я только что прочитал эти бумаги. Куча навоза — и больше ничего. Лично меня они ни в чем не убедили. Я считаю, что это даже не смешно.

— Мне нравится лазать, — пожав плечами, сказал я. — Мне нравится забираться туда, где высоко. Я никогда не утверждал, что в этом есть что-то смешное, а доктор Марко вовсе не беспринципный кретин.

Вексрот издал какой-то неопределенный звук и принялся листать бумаги в папке. Я же почувствовал, что он мне не нравится. Коротко подстриженные, песочного цвета волосы, аккуратная бородка и такие же усы, скрывающие тонкие злые губы. Похоже, ему лет двадцать пять или около того. Грубит, держится высокомерно и важничает, даже сесть не предложил, хотя я, наверное, на парочку лет его старше, к тому же спешил, старался не опоздать на встречу.

Я уже видел его один раз — мельком, на какой-то вечеринке. Он тогда как следует надрался и вел себя куда дружелюбнее; вероятно, еще не видел папки с моими бумагами. Впрочем, это не должно было бы иметь принципиального значения. Он обязан вести себя со мной *de novo*¹, а вовсе не основываясь на всякого рода сплетнях.

Ладно, кураторы приходят и уходят — университетские, факультетские, специальные. Мне доводилось иметь дело с самыми лучшими и с самыми отвратительными. Сейчас я, пожалуй, и не смог бы с ходу сказать, кто из них мне нравился больше всего. Может быть, Мерими. Или Крофорд. Мерими помог мне, когда меня хотели упрятать за решетку. Очень приличный человек. Благодаря Крофорду я чуть было не закончил университет. Если бы ему удалось этого добиться, он бы получил специальный приз как Куратор Года. Хороший он был парень. Только вот слишком уж развита у него творческая жилка. Интересно, где они сейчас?

Я пододвинул к столу Дениса Вексрота стул и устроился на нем поудобнее, зажег сигарету и воспользовался корзиной для бумаг вместо пепельницы. Казалось, он ничего не замечает, только сидит и задумчиво просматривает бумаги в моей папке.

Так прошло несколько минут, а потом он сообщил:

— Что ж, теперь я готов к разговору с вами.

Посмотрев на меня снизу вверх, мой новый куратор победно улыбнулся.

— Мистер Кассиди, в этом семестре вы закончите обучение в нашем университете.

— В этот день, мистер Вексрот, в аду сильно похолодает, — не удержавшись от улыбки, ответил я.

— Я думаю, что подготовился к встрече с вами более тщательно, чем это делали мои предшественники, — заявил он. — Насколько я понимаю, вам известны все университетские правила?

— Я регулярно их изучаю.

¹ *De novo* (лат.) — с самого начала.

— Кроме того, уверен, вы знаете, какие курсы предлагает наш университет в этом семестре?

— Вы и тут не ошиблись.

Вексрот достал из кармана лиджака кисет и трубку и стал медленно набивать ее табаком, делая это с необычайной тщательностью и явно наслаждаясь процессом. Я уже давно понял, что он курит трубку. Вексрот прикусил мундштук, поднес к табаку спичку, сделал несколько пробных затяжек, вынул трубку изо рта и посмотрел на меня сквозь дым.

— В таком случае вы должны понимать, что получите диплом в принудительном порядке, в соответствии с одним из основных законов факультета.

— Вы же еще не видели карточку с моим предварительным выбором предметов.

— А она не имеет никакого значения. Я перебрал все варианты сочетания курсов, которые вы могли бы взять, чтобы сохранить свой нынешний статус, и обработал данные вместе с программистами. А потом сверил их с теми курсами, которые вы успели прослушать, и в каждом случае я придумал надежный способ от вас избавиться. Вне зависимости от того, что вы выберете, вам не избежать завершения какого-нибудь основного курса.

— Похоже, вы всерьез относитесь к своей работе.

— Вот именно.

— Может, скажете, почему вы так стремитесь от меня избавиться?

— Конечно, скажу, — заверил Вексрот. — Дело в том, что вы трутень.

— Трутень?

— Самый настоящий. Вы ничего не делаете, только зря здесь болтаетесь.

— А что же в этом плохого?

— Вы тяжким грузом давите на весь преподавательский состав университета, попусту тратите их эмоции и интеллект.

— Чепуха, — заметил я. — Я написал несколько отличных статей.

— Совершенно верно. Вы уже давно должны были бы

преподавать или заниматься самостоятельными исследованиями — получив не одну научную степень, — а не занимать место, которое предназначается какому-нибудь бедняге.

Я усилием воли заставил себя не думать о бедном отвергнутом претенденте на мое место — худой, с ввалившимися глазами, нос и кончики пальцев прижаты к стеклу, запотевшему от его дыхания, мучительно страдающий от того, что из-за меня он лишился возможности получить хорошее образование, — и сказал:

— Опять чепуха. Почему вам так хочется от меня избавиться?

Вексрот некоторое время задумчиво смотрел на свою трубку, а потом ответил:

— Если коротко — вы мне не нравитесь.

— Почему? Вы ведь меня совсем не знаете.

— Я знаю о вас — этого более чем достаточно. — Он постучал пальцем по папке с моим досье. — Здесь все написано. К таким людям, как вы, я не испытываю ни малейшего уважения.

— Вы не могли бы немного конкретизировать?

— Хорошо, — согласился Вексрот, раскрыв досье на одной из многочисленных закладок. — Судя по этим записям, вы провели в нашем университете — сейчас уточню — около тринадцати лет.

— Похоже на правду.

— Причем все это время вы продолжали учиться на дневном отделении, — добавил он.

— Да, я всегда посвящал свое время учебе.

— Вы поступили в университет в весьма юном возрасте. Способностей вам было не занимать. Ваши оценки постоянно оставались довольно высокими.

— Благодарю вас.

— В мои намерения не входит делать вам комплименты. Это всего лишь констатация факта. Однако для получения диплома вам каждый раз не хватало самой малости. На самом деле у вас накопилось столько самых разнообразных данных и материалов, что их хватило бы на несколько докторских диссертаций. Вам не раз предлагали объединить ваши работы...

— Объединенные работы не подпадают под действие правила о получении диплома.

— Да, мне это хорошо известно. Нам обоим это хорошо известно. За прошедшие годы стало очевидным, что вы намерены оставаться студентом дневного отделения как можно дольше и не собираетесь писать дипломную работу.

— Я этого никогда не утверждал.

— И не нужно, мистер Кассиди. Ваше личное дело говорит само за себя. Вы весьма хитроумно справлялись с главными требованиями, с легкостью избегали получения диплома, время от времени меняя один основной курс на другой и получая таким образом новый набор требований, выполнение которых необходимо для получения диплома. Впрочем, через некоторое время курсы начали перекрывать друг друга, и вам пришлось менять их каждый семестр. Закон о принудительной выдаче диплома после завершения одного из основных факультетских курсов, насколько я понимаю, был принят исключительно из-за вас. Вам очень ловко удавалось обходить все острые углы, только на этот раз вряд ли что-нибудь получится, потому что острых углов больше не осталось. Ваше время истекает, и часы обязательно пробьют. Для вас это последнее интервью подобного рода.

— Я очень на это рассчитываю. Я зашел к вам, чтобы подписать карточку.

— Вы же задали мне вопрос.

— Да, но теперь я вижу, что вы очень заняты, и решил отпустить вас на свободу.

— Все в порядке. Я здесь как раз для того и сижу, чтобы отвечать на ваши вопросы. Надо сказать, что, услышав о вас впервые, я, естественно, заинтересовался причинами вашего столь необычного поведения. А когда мне предложили стать вашим куратором, я постарался выяснить...

— Вам «предложили»? Вы хотите сказать, что делаете это добровольно?

— Совершенно. Я решил стать тем, кто поможет вам распрощаться с университетом и отправит вас в реальный мир.

— Не могли бы вы подписать мою карточку...

— Подождите еще чуть-чуть, мистер Кассиди. Вас интересовало, почему вы мне не нравитесь. Когда вы покинете этот кабинет — через дверь, а не через окно, — вы будете это знать. Во-первых, мне удалось добиться успеха там, где потерпели поражение мои предшественники. Я знаком с условиями завещания вашего дядюшки.

Я кивнул, поскольку уже раньше понял, куда он клонит.

— Мне кажется, вы несколько вышли за рамки своих обязанностей, мистер Вексрот. Это мое личное дело.

— Поскольку вопрос касается вашей деятельности здесь, он входит в круг моих профессиональных интересов и заставляет меня пораскинуть мозгами. Насколько я понимаю, ваш дядя оставил вам значительную сумму, из которой вам выдается приличное содержание, пока вы остаетесь студентом дневного отделения и работаете над завершением диплома. Как только вы получите хоть какую-нибудь степень, деньги перестанут поступать вам, а то, что останется, будет распределено между представителями Ирландской республиканской армии. Я правильно описал ситуацию?

— Думаю, да, если вообще можно правильно описать несправедливую ситуацию. Бедный старый дядюшка Альберт, он, наверное, совсем спятил, когда писал свое завещание. На самом деле это мне надо сочувствовать, а вовсе не ему.

— Складывается впечатление, что старик хотел обеспечить вас возможностью получить приличное образование — не более и не менее того, — а затем предоставить вас самому себе, чтобы вы самостоятельно искали место в жизни. Мне представляется, что это вполне разумное намерение.

— Я уже понял, как вы относитесь к данному вопросу.

— А вы со мной не согласны?

— Точно. Речь идет о двух абсолютно разных философских взглядах на образование.

— Мистер Кассиди, я совершенно уверен, что в данном случае скорее экономика, а не философия определяет ситуацию. Вам удавалось в течение тринадцати лет оставаться студентом дневного отделения университета и при этом не получить никакой степени и диплома — вы это делали

для того, чтобы продолжать получать стипендию, назначенную вашим дядей. Вы с наибольшей выгодой для себя воспользовались не совсем точной формулировкой завещания, потому что вы бездельник и дилетант и у вас нет ни малейшего желания работать и служить обществу, дабы возместить тот урон, который ему наносит сам факт вашего существования. Вы авантюрист. Безответственный тип. Вы трутень.

— Ну, хорошо. — Я кивнул. — Вы удовлетворили мое любопытство на предмет вашего образа мыслей. Спасибо.

Вексрот нахмурился и внимательно посмотрел на меня.

— Поскольку вам придется быть моим куратором в течение довольно длительного времени, — сказал я ему, — мне хотелось знать, как вы относитесь к некоторым проблемам. У меня нет к вам больше никаких вопросов.

— Вы блефуете, — хихикнул Вексрот.

— Как только вы подпишете мою карточку, — пожав плечами, проговорил я, — меня здесь не будет.

— Мне даже не нужно заглядывать в вашу карточку, — медленно начал мой наставник, — чтобы убедиться в том, что мне не придется быть вашим куратором в течение длительного времени. Пришел конец вашему безделью, Кассиди.

Я достал из кармана карточку и протянул ее Денису Вексроту. Не обращая на нее никакого внимания, он продолжал:

— Вы оказываете деморализующее влияние на многих в нашем университете... Мне ужасно любопытно, что сказал бы ваш дядя, если бы узнал, каким образом вы исполняете его волю. Он...

— Я спрошу его, когда он тут появится, — успокоил я Вексрота. — Впрочем, я навещал его в прошлом месяце, и у меня не сложилось впечатления, что он намерен сделать это в ближайшее время.

— Простите? Что-то я не...

— Дядя Альберт — один из тех счастливичков, что оказались замешанными в скандале Поживем-Еще-Капельку. Около года тому назад. Помните?

Вексрот задумчиво покачал головой:

— Боюсь, что нет. Я думал, ваш дядя умер. По правде говоря, он должен быть мертвым. Если завещание...

— Это деликатный философский вопрос, — начал я. — С точки зрения закона он, конечно же, умер. Только дядя Альберт велел заморозить себя и положить в Поживем-Еще-Капельку — один из центров криоконсервации. Однако владельцы центра оказались, мягко говоря, не совсем честными людьми, и дядю перевели в другое учреждение подобного рода вместе с еще несколькими счастливицами.

— Счастливицами?

— Мне кажется, это самое подходящее слово. В книгах Поживем-Еще-Капельку числилось более пятисот клиентов, а на самом деле заморозили только около пятидесяти. Они получили огромные барыши таким способом.

— Послушайте, мне кажется, я чего-то не понимаю. А что стало с остальными?

— Самые лучшие части их тел и органы оказались на рынке. Еще одно поле деятельности, которое принесло центру Поживем-Еще-Капельку приличные деньги.

— Теперь, по-моему, я что-то припоминаю. А как же... останки?

— Один из партнеров владел еще и похоронным бюро. Он помогал избавляться от тел.

— О! Да... Подождите минутку. А что они делали, если приходили посетители с требованием показать им своего замороженного друга или родственника?

— Меняли таблички с именами. Одно замороженное тело очень похоже на другое, если смотреть на него через покрытое инеем стекло — что-то вроде леденца в целлофановой обертке. Короче говоря, дядя Альберт оказался одним из тех, кого они держали для демонстрации. Ему всегда везло.

— А каким образом удалось вывести их на чистую воду?

— Уклонение от налогов. Их погубила жадность.

— Понятно. Значит, ваш дядя может спросить у вас отчета — когда-нибудь?

— Такая возможность существует. Если честно, успешных возрождений было совсем немного.

— Ваш дядя объявится в один прекрасный день и по-

просит у вас отчета о вашей деятельности, а вас это совершенно не беспокоит?

— Я всегда решаю проблемы по мере их возникновения. Насколько мне известно, дядя Альберт пока еще не возник.

— Учитывая волю университета и вашего дяди, я считаю своим долгом указать вам, что вы наносите вред еще в одной области.

Я внимательно изучил кабинет. Даже под стул заглянул.

— Сдаюсь, — признал я свое поражение.

— Вы наносите вред себе.

— Себе?

— Вот именно, себе. Согласившись на легкую в экономическом смысле жизнь, вы поддаетесь инерции. Собственными руками лишаете себя возможности занять достойное положение в обществе. И замыкаетесь в своем безделье.

— Безделье?

— Безделье. Вы же болтаетесь здесь без дела целые годы.

— Получается, что вы действуете в моих интересах, стараясь выкинуть меня из университета, так, что ли?

— Точно.

— Мне очень неприятно вам это говорить, но история знает множество людей, подобных вам. Их принято судить достаточно строго.

— История?

— Не факультет истории. История как наука.

Вексрот вздохнул и покачал головой. Потом взял мою карточку, откинулся на спинку стула, подымял немного трубкой и начал внимательно изучать то, что я написал.

«Интересно, он действительно считает, что делает мне добро, стараясь разрушить мою жизнь? — подумал я. — Вполне возможно».

— Минутку, — проговорил вдруг Вексрот. — Здесь ошибка.

— Там нет ошибок.

— Количество часов проставлено неверно.

— Нет, верно. Мне нужно двенадцать. Там стоит двенадцать.

— Я ничего не имею против этого, но...

— Шесть часов на мой собственный проект, соединяющий в себе несколько дисциплин, изучение предмета на месте, в моем случае речь идет об Австралии.

— Знаете что, на самом деле это должен быть курс антропологии. Один из основных курсов. Но я имел в виду не это...

— Далее, три часа сравнительной литературы вместе с курсом, посвященным изучению творчества трубадуров. Тут для меня все совершенно безопасно, к тому же я смогу воспользоваться видео — и еще один час на общественные науки, также по видео я буду следить за текущими событиями. Здесь тоже все в порядке. Получается уже десять часов. Еще два часа на продвинутый курс плетения корзин — итого двенадцать. Я свободен?

— Нет, сэр! Ни в коем случае! Последний курс предполагает три часа занятий — и, следовательно, считается основным!

— Похоже, вы еще не видели циркуляр номер пятьдесят семь, не так ли?

— Что?

— В него были внесены изменения.

— Я вам не верю.

Я посмотрел на его корзинку с корреспонденцией.

— Почитайте свою почту.

Вексрот схватил корзинку, перебрал то, что там лежало. Где-то в самой середине стопки бумаг нашел листок. На лице у него сначала появилось недоверие, потом ярость и озадаченность — и все это в течение всего пяти секунд. Я очень рассчитывал на отчаяние, но полного счастья не бывает.

Когда мой куратор снова повернулся ко мне, у него был очень расстроенный и удивленный вид.

— Как вам это удалось? — спросил он.

— А почему вам в голову лезут самые отвратительные подозрения?

— Потому что я читал ваше личное дело. Вы каким-то образом добрались до преподавателя, не так ли?

— И не стыдно делать такие предположения? Кроме

того, я был бы полнейшим кретином, если бы ответил на ваш вопрос, разве не так?

— Да, наверное. — Вексрот вздохнул.

Он достал ручку, с силой щелкнул кнопкой — непонятно зачем — и написал свое имя в самом низу карточки на строке «Утверждено».

Возвращая мне карточку, он заявил:

— Надеюсь, вы понимаете, что мне почти удалось вас поймать. Однако вы опять ускользнули. Что же дальше?

— Насколько я понимаю, в будущем году планируется ввести два новых основных курса. Я думаю, мне следует поговорить с каким-нибудь другим факультетским куратором, если я собираюсь поменять поле деятельности.

— Вам придется иметь дело со мной, — сказал Вексрот. — А уж я сам свяжусь с теми, кто будет отвечать за новые курсы.

— У каждого есть факультетский куратор.

— Вы являетесь особым случаем, требующим особого внимания. Вы должны сообщать мне о своих дальнейших намерениях.

— Хорошо, — согласился я, потом встал и положил карточку в карман брюк. — В таком случае, до встречи.

Когда я шел к двери, Вексрот бросил мне в спину:

— Я найду способ справиться с вами.

— Вы, — остановившись на пороге, нежным голосом заявил я, — вы и Летучий Голландец.

А потом я осторожно прикрыл за собой дверь.

Глава 2

Происшествия и фрагменты, время, разбитое на отдельные эпизоды.

Вот, например...

— Ты не шутишь?

— Боюсь, что нет.

— Меня бы больше устроило, если бы этот беспорядок был естественного происхождения, — сказала она. Глаза у нее были широко раскрыты, и она упорно отступала к двери, через которую мы только что вошли.

— Ну, то, что здесь произошло, уже произошло. Мы уберем все и...

Она открыла дверь. Ее длинные, великолепные волосы взметнулись, когда она отчаянно покачала головой.

— Знаешь, я хочу обдумать все это еще разок, — сказала она мне и вышла в коридор.

— Да брось ты, заходи, Джинни. Ничего страшного не случилось.

— Я сказала, что хочу подумать.

Она начала закрывать за собой дверь.

— Позвоню тебе попозже?

— Не стоит.

— Завтра?

— Знаешь, я сама тебе позвоню.

Клик.

Проклятие. Она могла бы с таким же успехом и хлопнуть дверью.

Первая фаза моих поисков соседа по квартире закончилась. Хал Сидмор, который жил со мной вместе в течение некоторого времени, женился несколько месяцев назад. Я скучал по нему — с ним было легко, он хорошо играл в шахматы, был известным в городе буяном и прекрасно умел разьяснять массу самых разнообразных вопросов. Впрочем, занявшись поисками нового соседа, я решил, что было бы неплохо найти кого-нибудь, кто не был бы похож на Хала.

Мне казалось, что я обнаружил необходимые качества в Джинни однажды ночью, когда взбирался по радиобашне, находившейся рядом с домом, на третьем этаже которого она жила. С этого момента события развивались стремительно. Я встретился с ней на первом этаже, и с тех пор мы много времени проводили вместе. Так прошло около месяца, мне как раз удалось убедить ее составить мне компанию на следующий семестр. И тут...

— Проклятие! — решил я, лягнув ящик письменного стола, который валялся на полу. Нет никакого смысла идти за ней прямо сейчас. Нужно сначала навести порядок. Дать Джинни возможность все обдумать. Повидать ее завтра.

Кто-то и в самом деле весьма старательно разворотил всю мою квартиру. Мебель была сдвинута со своих мест, покрывала сорваны с дивана и кресел. Я вздохнул, глядя на это разорение, — похлеще, чем после развеселой вечеринки. К тому же они выбрали самое неподходящее время. Конечно, это был не шибко respectable район, но, с другой стороны, и не худший. Ничего подобного со мной раньше не случилось. Теперь же я лишился замечательно, теплого и стройного компаньона. Можно было не сомневаться, что, ко всем прочим неприятностям, я чего-нибудь не досчитаюсь.

Я держал наличные деньги и кое-какие ценные вещи в верхнем ящике бюро, которое находилось в моей спальне. Еще несколько банкнот я прятал в старом башмаке, небрежно брошенном в углу у входа. Хотелось думать, что вандал удовольствовался деньгами из бюро — я как раз на это и рассчитывал, пряча большую часть наличных денег в башмак.

Я пошел проверить.

В спальне тоже пронесся небольшой ураган, но его ярость уже явно пошла на убыль. Простыни были сорваны, а матрас перевернут. Два ящика бюро остались открытыми, но их содержимое не было выброшено на пол. Я пересек комнату, открыл верхний ящик и заглянул в него.

Все оказалось на месте, даже деньги. Я вернулся в прихожую, чтобы проверить башмак. Банкноты были там, где я их оставил.

— Вот и молодец, а теперь брось это сюда. — Голос показался мне знакомым, но я никак не мог сообразить, кому он может принадлежать.

Повернувшись, я увидел Пола Байлера, профессора геологии, который только что выбрался из чулана. В руках у него ничего не было, однако он не нуждался ни в каком оружии, чтобы его угрозы звучали вполне серьезно. Хотя Байлер и был невысокого роста, он отличался мощным телосложением, а шрамы на костяшках его пальцев всегда производили на меня сильное впечатление. Австралиец по происхождению, Байлер начинал свою карьеру инженером на рудниках в довольно глухих местах, лишь много

позднее он занялся геологией и физикой, получил степень и начал преподавать.

Однако у меня всегда были с ним превосходные отношения, даже после того, как я не стал заканчивать основного курса по геологии. Мы были знакомы с ним вот уже несколько лет. Правда, последние пару недель мы совсем не встречались, поскольку он куда-то уезжал. Я думал, что его нет в городе.

— Пол, что здесь происходит? — спросил я. — Только не говори мне, что это твоих рук дело.

— Башмак, Фред. Дай мне башмак.

— Если тебе нужны деньги, я с удовольствием одолжу...

— Башмак!

Я подошел к нему и протянул башмак. А дальше мне оставалось только стоять и смотреть, как он засовывает руку внутрь и вытаскивает свернутые банкноты. Серdito фыркнув, профессор резко сунул мне обратно башмак и деньги. От неожиданности я уронил и то и другое.

Прежде чем я успел выругаться, Пол схватил меня за плечи, развернул и усадил в кресло, стоявшее возле открытого окна, где ветерок раздувал занавески.

— Мне не нужны твои деньги, Фред, — сказал он, свирепо глядя на меня сверху вниз. — Я хочу получить то, что мне принадлежит. Для тебя же будет лучше, если ты дашь мне совершенно честный ответ на следующий вопрос: знаешь ли ты, о чем я сейчас говорю?

— Не имею ни малейшего представления. У меня нет ничего, что могло бы тебе принадлежать. Позвонил бы и спросил по телефону. Не было никакой необходимости вламываться сюда и...

Он отвесил мне оплеуху. Не слишком сильную. Но достаточно увесистую, чтобы заставить меня замолчать.

— Фред, — сказал он, — заткнись. Заткнись и слушай. И отвечай на вопрос, когда я тебе его задам. Больше ничего. Комментарии оставь для другого случая. Я тороплюсь. Мне совершенно точно известно, что ты лжешь, потому что я видел твоего бывшего соседа по квартире, Хала. Он сказал, что это у тебя, потому что он оставил модель у тебя, когда переезжал. Я имею в виду одну из копий звездного

камня, которую он взял после партии в покер в моей лаборатории. Помнишь?

— Да, — ответил я. — Если бы ты просто позвонил мне и спросил...

Он отвесил мне новую оплеуху.

Я потряс головой, чтобы она побыстрее прояснилась, ну и, конечно, чтобы выиграть время.

— Я... я не знаю.

Он снова занес руку.

— Подожди! Я все объясню! Он держал ту штуку, которую ты ему дал, на письменном столе в качестве пресс-папье. Я уверен, что он взял ее с собой — вместе с остальными своими вещами, — когда выезжал отсюда.

— Что ж, значит, один из вас лжет, — заявил Пол. — В данный момент под рукой у меня ты.

Он замахнулся в третий раз, но на этот раз я его ждал. Уклонившись от удара, я лягнул своего незваного гостя в пах.

Зрелище получилось впечатляющим. Даже захотелось остаться и посмотреть — ведь до сих пор мне еще не приходилось никого бить ногой в пах. Самым разумным было сейчас врезать ему по шее, пока он стоял согнувшись, или дать от души локтем по его мясистому носу. Однако в тот момент мое состояние не слишком располагало к разумным, осмысленным поступкам. Если уж быть честным до конца: я боялся этого человека и мне совсем не хотелось подходить к нему близко. К тому же недостаточный опыт по нанесению ударов в пах не позволял мне даже предположить, через сколько времени он оклемается и снова на меня набросится.

Поэтому, вместо того чтобы стоять и смотреть на него, я решил заняться тем, что получалось у меня гораздо лучше.

В следующее мгновение, встав на ручку кресла, я выскользнул в открытое окно. Там был узкий карниз, пройдя по которому восемь футов направо, я ухватился за водосточную трубу.

Я мог бы продолжить движение и дальше, а потом без особых проблем спуститься вниз, но решил этого не делать. Здесь я чувствовал себя в полной безопасности.

Прошло совсем немного времени, и голова Пола оказалась в окне. Посмотрев на меня и на узкий карниз, он выругался. Я закурил и улыбнулся.

— Ну, чего ты ждешь? — спросил я, пока он переводил дух. — Залезай ко мне. Может быть, ты гораздо крепче, чем я, Пол, но если окажешься здесь, рядом со мной, только один из нас вернется обратно. Внизу асфальт. Давай. Болтать каждый может. Покажи мне.

Он глубоко вздохнул, и его пальцы вцепились в подоконник. На миг мне даже показалось, что он сделает попытку. Однако Пол посмотрел вниз, а потом перевел взгляд на меня.

— Ладно, Фред, — сказал он голосом, которым обычно читал лекции. — Я не дурак. Ты победил. Теперь послушай меня, пожалуйста. То, что я сказал, — правда. Мне необходимо получить эту штуку обратно. Я не стал бы так вести себя, если бы это не было для меня жизненно важно. Прошу тебя, пожалуйста, скажи, ты говорил правду?

В голове у меня еще звенело от его оплеух. И мне совсем не хотелось быть симпатичным парнем. С другой стороны, должно быть, эта модель и в самом деле очень много для него значила, если он так себя повел. К тому же я ничего не выигрывал, скрывая от него то, что знал. Поэтому:

— Это была правда, — сказал я.

— И ты не имеешь понятия, где может быть камень?

— Ни малейшего.

— А мог кто-нибудь взять его?

— Запросто.

— Кто?

— Да кто угодно. Ты же знаешь, какие вечеринки у нас бывали. По тридцать, сорок человек.

Пол кивнул и оскалил зубы.

— Ладно, — сказал он со вздохом, — я тебе верю. Попытайся все-таки вспомнить. Хоть что-нибудь, чтобы дать мне ниточку.

Я покачал головой:

— Мне очень жаль.

Пол вздохнул. Плечи его опустились. Он отвел глаза.

— Теперь я уйду. Полагаю, ты собираешься обратиться в полицию?

— Да.

— Ну, я не в том положении, чтобы просить одолжений или угрожать тебе — во всяком случае, сейчас. Однако расценивай мои слова как просьбу и предупреждение одновременно. Не звони им. У меня достаточно неприятностей и без полиции.

Он отвернулся.

— Подожди, — окликнул я.

— Что?

— Может быть, если ты скажешь, в чем заключается твоя проблема...

— Нет, ты не сумеешь мне помочь.

— Хорошо, а если эта штука подвернется мне под руку? Что с ней делать?

— Если это произойдет, спрячь ее в надежное место и ничего никому не говори. Я буду периодически тебе звонить.

— Почему она так важна для тебя?

Он что-то пробурчал и ушел.

У меня за спиной кто-то прошептал:

— ТЫ МЕНЯ ВИДИШЬ, РЕД?

Я быстро повернулся, но там никого не было, а в ушах все еще звенело от ласковых приветствий Пола. Я пришел к выводу, что день выдался неудачный и что мне просто необходимо залезть на крышу, чтобы немного подумать.

Позже мимо пролетал полицейский вертолет — их интересовало, нет ли у меня суицидных намерений. Я сказал им, что починая черепицу, и это их удовлетворило.

Происшествия и фрагменты воспоминаний продолжались...

— Я действительно пытался до тебя дозвониться. Три раза, — сказал он. — Никто не брал трубку.

— А тебе не приходило в голову, что можно просто зайти?

— Я как раз собирался. Прямо сейчас. Но тут ты и пришел.

— Ты звонил в полицию?

— Нет. Ведь я должен беспокоиться не только о себе: у меня теперь есть жена.

— Понимаю.

— А ты звонил им?

— Нет.

— Почему?

— Сам не знаю. Ну, наверное, хотел выяснить, что происходит, прежде чем сдавать его.

Хал кивнул, багровый этюд в синяках и пластыре.

— Думаешь, мне известно нечто такое, чего не знаешь ты?

— Совершенно верно.

— Ты ошибаешься, — заявил Хал, сделал глоток и, поморщившись, добавил сахару в свой чай со льдом. — Когда я открыл дверь в прошлый раз, на пороге стоял Пол. Я впустил его, и он начал расспрашивать меня об этом проклятом камне. Я рассказал ему все, что смог вспомнить, но его это не удовлетворило. Тогда-то он и начал давить на меня.

— А что потом?

— Я вспомнил еще кое-что.

— У-гу. Вроде того, что камень у меня — а это ложь, — с тем чтобы он оставил тебя в покое.

— Все было совсем не так! — возразил Хал. — Я сказал ему правду. Ведь камень действительно оставался у тебя, кода я уезжал. Я понятия не имею, что произошло с ним потом.

— Где ты его оставил?

— Последний раз я его видел на письменном столе.

— Почему ты не взял его с собой?

— Не знаю. Наверное, устал на него смотреть.

Хал встал и начал расхаживать по комнате, потом остановился у окна и выглянул на улицу. Мэри ушла в университет, она находилась на занятиях и когда приходил Пол, а потом мяч покатился по дорожке, которая привела ко мне.

— Хал, — сказал я, — ты говоришь мне всю правду, ничего не утаивая?

— Все, что существенно.

— Слушай, кончай темнить.

Он повернулся спиной к окну, посмотрел на меня, затем отвел глаза в сторону.

— Ну, — промолвил он, — Пол утверждал, что вещь, которая была у нас, принадлежит ему.

Я не стал обращать внимания на «мы».

— Так оно и было, — отозвался я, — раньше. Но я сам видел, как он отдавал тебе камень. Из рук в руки.

Однако Хал покачал головой:

— Все не так просто.

— Да?

Он сел и снова взял стакан с чаем. Постучал костяшками пальцев по столу, сделал быстрый глоток и снова посмотрел на меня.

— Да. Видишь ли, камень, который был у нас, действительно принадлежит ему. Помнишь тот вечер? Тогда мы допоздна играли в карты в его лаборатории. Шесть камней лежало на полке, над рабочим столом Пола. Мы сразу обратили на них внимание и спрашивали у него про них несколько раз. А Пол только улыбался и отвечал как-то таинственно или переводил разговор на другое. Позднее, прилично выпив, он сам начал рассказывать про камни.

— Вспомнил, — проговорил я. — Пол рассказал нам, что как раз на этой неделе его пригласили посмотреть на только что полученный от инопланетян звездный камень, который демонстрировался в Нью-Йорке. Он сделал сотни фотографий, используя всевозможные фильтры, исписал полную записную книжку заметками, собрал всевозможные сведения об этом камне, а потом занялся созданием дубликатов. Пол говорил, что хочет найти дешевый способ их производства, чтобы наладить выпуск сувениров. Полдюжины экземпляров на полке представляли его самые удачные достижения. Он гордился ими.

— Верно. Я заметил, что в мусорной корзине валяется несколько менее удачных образцов. Я поднял один из наиболее симпатичных и поднес его к свету. Камень мне понравился — на первый взгляд он ничем не отличался от тех, что стояли на полке. Пол обратил внимание, что я

держу в руках этот камень, улыбнулся и спросил: «Тебе он нравится?» Я сказал, что да. «Тогда можешь взять его», — разрешил он.

— И ты его взял. Именно так все и было.

— Да, но на этом дело не кончилось, — продолжал Хал. — Я взял камень с собой к столу и положил рядом с деньгами — так что всякий раз, когда делал новую ставку, смотрел на него. Через некоторое время я заметил в нем крошечный изъян у самого основания. Изъян был совсем незначительным, но, чем больше я смотрел на него, тем сильнее он меня раздражал. Поэтому, когда вы оба вышли из комнаты за новой порцией холодного пива и лимонада, я подменил его на один из тех, что стояли на полке.

— Теперь я начинаю понимать.

— Ладно, ладно! Наверное, мне не следовало этого делать. В тот момент мне казалось, что ничего страшного не произойдет. Всего лишь пробные сувениры — отличие можно было заметить, только если смотреть очень внимательно.

— Однако он заметил, когда выбрасывал неудачные экземпляры.

— Из чего следовало, что Пол считает оставшиеся превосходными и не станет их больше разглядывать. Да и какая тут вообще может быть разница? Даже если бы пропали все шесть, ответ представляется мне очевидным.

— Да, выглядит все именно так, как ты говоришь, надо отдать тебе должное. Но Пол *все-таки* проверил, а теперь получается, что камни имели куда более важное значение, чем он говорил в ту ночь. Почему?

— Я много думал об этом, — произнес Хал. — Первое, что приходит в голову: Пол придумал историю с сувенирами для того, чтобы просто похвастаться перед нами камнями. Предположим, что кто-то, представляющий ООН, обратился к нему с предложением сделать дубликат — или несколько дубликатов — для них? Оригинал бесценен, заменить его невозможно, и он выставлен перед публикой. Чтобы не допустить кражи или избежать неприятностей с каким-нибудь маньяком, вооружившимся молотком, они

вполне могли принять решение выставить на всеобщее обозрение дубликат. Пол — самый подходящий кандидат на выполнение этой работы. Стоит завести разговор о кристаллографии, как сразу всплывет его имя.

— Кое с чем я могу согласиться, — кивнул я, — но в целом твоя версия не выдерживает серьезной критики. Зачем беспокоиться о потерянном дубликате, если можно создать новый? Почему просто не забыть о потерявшемся камне?

— Нарушение режима секретности?

— Если дело в секретности, мы ее не нарушали. Это сделал он. Зачем было так нажимать на нас, когда мы уже практически забыли об этой истории? Нет, в твоей версии концы с концами не сходятся.

— Хорошо, что же тогда происходит?

Я пожал плечами.

— У нас недостаточно информации, — ответил я, вставая. — Если ты все же решишь обратиться в полицию, не забудь сказать им, что ты и в самом деле украл у него ту вещь, которую он так хочет вернуть.

— Ну, знаешь, Фред, это удар ниже пояса.

— Зато правда. Интересно, какова подлинная цена камня? Я забыл, где проходит граница между мелкой кражей и серьезным ограблением.

— Ладно, твой намек принят. А что собираешься делать ты?

Я пожал плечами:

— Ничего, наверное. Буду просто ожидать дальнейшего развития событий. Дай мне знать, если тебе придет в голову что-нибудь новенькое.

— Хорошо. Ты сделаешь то же самое?

— Да.

Я направился к дверям.

— Ты уверен, что не хочешь остаться на обед? — спросил Хал.

— Нет, спасибо. Мне надо бежать.

— Тогда до встречи.

— До встречи. Не принимай эту историю близко к сердцу.

Я иду мимо темной пекарни. На стеклах блики света и тени.

«ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ МОЙ ВКУС, ФРЕД?» — прочитал я. Поколебавшись, я остановился, оглянулся и увидел, что тени создали анаграмму из рекламной вывески. Фыркнув, я поспешил дальше.

Куски и обрывки...

Ближе к полночи, когда я испытывал новый маршрут, поднимаясь на собор, мне показалось, что я насчитал лишнюю горгулью¹.

Однако, подобравшись поближе, я увидел, что это профессор Добсон, который устроился на контрфорсе — опять выпил и считает звезды.

Добравшись до ближайшего карниза, я присел рядом отдохнуть.

— Добрый вечер, профессор.

— Привет, Фред. Да, ты совершенно прав. Прекрасная ночь. Я надеялся, что ты присоединишься ко мне. Выпей со мной.

— У меня низкая сопротивляемость, — ответил я. — Я редко пью.

— Сегодня особый случай.

— Ну, тогда совсем немного.

Я взял бутылку, которую он протягивал мне, и сделал глоток.

— Хорошая штука. Очень хорошая, — похвалил я, возвращая бутылку. — Что это такое? И какой сегодня случай?

— Старый замечательный коньяк, который я берег двадцать лет ради сегодняшнего вечера. Звезды наконец свершили свой огненный путь и встали на нужные места, посылая мне доброе предзнаменование.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я выхожу на покой, мне больше не придется участвовать в этих отвратительных крысиных бегах.

¹ Горгулья — рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры в готической архитектуре.

— О, примите мои поздравления. Я ничего не слышал.

— Так и было задумано. Мной. Терпеть не могу прощальных речей. Осталось завершить разные мелкие дела, и я смогу уехать. Наверное, на следующей неделе.

— Ну, надеюсь, вы получите удовольствие от своей отставки. Мне не так часто удается встретить людей, которые разделяют мои интересы. Мне будет вас не хватать.

Он сделал глоток из бутылки, кивнул, но ничего не сказал. Я закурил, посмотрел вниз на спящий город, а потом поднял взгляд на звезды. Ночь выдалась прохладной, ветер был влажным и освежающим. Снизу доносился негромкий шум моторов проезжающих мимо машин — казалось, стрекочут насекомые. Лишь изредка мелькали летучие мыши, на миг закрывая своими крыльями созвездия.

— Алькаид, Мицар, Алиот, — пробормотал я, — Мегрец, Фекда...

— Мерак и Дубхе, — добавил он, закончив перечисление звезд Большой Медведицы, чем изрядно удивил меня: и тем, что расслышал мои слова, и тем, что знал названия остальных звезд.

— Они по-прежнему сияют там, где я оставил их много лет тому назад, — продолжал профессор. — Сейчас у меня возникло очень странное чувство — его я и пытаюсь проанализировать сегодня ночью. Доводилось ли тебе вспоминать о каком-нибудь событии из прошлого, которое вдруг становилось таким ярким, что все случившееся с тех пор начинало походить на короткий сон, будто все это произошло с кем-то другим — один майский день, и не более того?

— Нет, — ответил я.

— Однажды, когда это с тобой произойдет, вспомни этот коньяк, — сказал он, сделал еще один глоток и передал мне бутылку.

Я последовал его примеру и вернул коньяк обратно.

— Однако в действительности многие тысячи дней едва ползут. Мелкие шажки, не более того, — продолжал профессор. — Умом я все понимаю, но что-то иное отрицает мое знание. Я отчетливо ощущаю разницу, потому что для меня столь велико отличие прошлого от настоящего. Из-

менения накапливались. Космические путешествия, подводные города, успехи медицины — даже наш первый контакт с инопланетянами, — эти события произошли в разное время, но ведь все остальное при этом не менялось. Мелкие шажки. Одинокие новшества. А потом, в другой раз, случается что-то еще. И еще. Не происходит множественных революционных изменений. Однако процесс постоянно нарастает. И приходит время отправляться на покой. Именно тогда у человека появляется время для размышлений. Он вспоминает свою юность в Кембридже и видит юношу, сидящего на крыше здания. Он смотрит на звезды. Он чувствует под руками черепицу крыши. Все, что произошло вслед за этим, — сплошное калейдоскопическое мелькание в монохроме. Только что он находился здесь, а теперь он уже там. Все остальное мираж. Два различных мира, Фред, два совершенно различных мира — и тот юноша в самом деле не видит, как все произошло, он не заметил момента, когда один мир превратился в другой...
Всю сегодняшнюю ночь меня преследует эта мысль.

— А это приятная мысль или нет? — спросил я.

— Сам не знаю. Я еще не успел обдумать эмоциональную сторону вопроса.

— Когда вы придете к какому-нибудь выводу, сообщите о нем мне, ладно? Вы меня заинтриговали.

Профессор рассмеялся. Я тоже.

— Забавно, что вы так и не бросили лазать на крыши, — сказал я.

Он немного помолчал, а потом ответил:

— Насчет крыш, тут все странно получилось... Конечно, когда я был студентом, была такая традиция, хотя мне это нравилось больше, чем другим. Я продолжал заниматься этим еще несколько лет после окончания университета, а потом стал подниматься на крыши зданий все реже и реже, по мере того, как переезжал с одного места на другое. И все же порой меня вдруг охватывало сильное желание куда-нибудь забраться. Тогда я брал отпуск и отправлялся туда, где была подходящая архитектура. Ночь за ночью я лазал по крышам зданий и забирался на высокие шпили.

— Акрофилия, — заметил я.

— Верно. Однако окрестить явление еще не значит понять его. Я никогда не мог объяснить, почему я это делал. По правде говоря, и сейчас не могу. Довольно долго я этим не занимался. Возможно, тут все дело в гормональных переменах — средний возраст и все такое. Кто знает? Потом я приехал преподавать сюда. Здесь я вскоре услышал о твоих развлечениях, и ко мне вернулось прежнее влечение, я вновь начал путешествовать по крышам зданий. С тех пор занимаюсь этим постоянно. Теперь я гораздо чаще размышляю о том, почему люди перестают лазать, чем о том, почему начинают.

— Это кажется таким естественным.

— Именно.

Профессор глотнул немного коньяка и предложил мне. Я бы с удовольствием выпил еще, но свою норму я хорошо знал, а, сидя здесь на карнизе, я не мог себе позволить перебрать спиртного. Тогда он отсалютовал бутылкой небу.

— Да здравствует дама, которая всегда улыбается! — воскликнул он и выпил двойную порцию — за себя и меня. — За скалы империи, — добавил он в следующий момент, указав на другой сектор звездного неба, после чего сделал новый глоток.

Сектором он, правда, ошибся, но это не имело значения. Профессор не хуже меня знал, что нужный участок еще находится за горизонтом.

Он откинулся назад, нашел сигару, зажег ее и задумчиво произнес:

— Интересно, сколько глаз у тех голов, что сейчас разглядывают «Мону Лизу»? Может быть, они фасетчатые? Неподвижные? Какого они цвета?

— Только два. Вы же знаете. Вроде как карие — такие они, во всяком случае, на фотографиях.

— Неужели тебе так хочется положить конец моей романтической риторике? Кроме того, Астабиган посещает множество представителей других рас, которые тоже будут рассматривать картину.

— Верно. Могу только добавить, что драгоценности,

принадлежащие британским монархам, сейчас находятся у народа с серповидными зрачками. А глаза у них цвета лаванды, если не ошибаюсь.

— Достаточно. Благодарю тебя.

Падающая звезда прочертила небосвод, а вслед за ней полетел окурок моей сигареты.

— Я иногда думаю, было ли это честным обменом? — проговорил профессор. — Мы не понимаем принципов работы машины Ренниуса, и даже инопланетяне не вполне уверены в том, что именно представляет из себя звездный камень.

— Ну, это ведь не обмен в чистом виде.

— Два сокровища Земли были отданы им, а мы получили два сокровища инопланетян. Как еще это можно назвать?

— Звено в цепи кула, — сказал я.

— Я не знаком с этим термином. Расскажи мне о нем.

— Когда я читал о деталях сделки, мне пришла в голову одна параллель. Кула — церемониальное путешествие, которое предпринималось в разные времена жителями Тробриандских островов и папуасами Меланезии к востоку от Новой Гвинеи. Нечто вроде двойной цепочки — движение в противоположных направлениях между островами. Цель церемонии состояла во взаимном обмене предметами, не обладающими очевидной функциональной ценностью, но представляющими культурное достояние каждого племени. Обычно это были украшения — ожерелья, браслеты, наделенные именами и красочными историями. Они медленно перемещались вдоль цепи островов, сопровождаемые рассказами, которые множились и расцветивались разнообразными подробностями, а потом ими обменивались. Сам обмен представлял из себя чрезвычайно торжественную церемонию, цель которой состояла в том, чтобы создать некое единение, наложить на племена взаимные обязательства и сказать о доверии. Теперь, полагаю, вам очевидно сходство этого обычая и нашего обмена с инопланетянами. Культурные реликвии являют собой символ взаимного доверия. В процессе движения от одного народа к другому они неизбежно вызывают некие общие чувст-

ва. Именно в этом и заключается истинная цель цепочки кула, как я ее понимаю. Поэтому мне не нравится слово «обмен».

— Очень интересно. В тех отчетах, которые попадались мне на глаза, я ни разу не видел подобных рассуждений, кроме того, я нигде раньше не встречал упоминаний о феномене кула. Скорее принято описывать этот процесс как плату за вступление в галактический клуб, цену, которая назначена за выгоды торговли и обмен новыми идеями. Нечто в этом роде.

— Подобные заявления были сделаны скорее с пропагандистскими целями, чтобы ослабить протесты общест-венности, возмущенной утратой земных сокровищ. Нам было обещано, что мы получим свои сокровища обратно. Я уверен: со временем мы приобретем и кое-что еще, но это не будет прямым следствием обмена. Нет. Наши пра-вительства решили воспользоваться старым, проверенным временем принципом: народу дается простое, понятное объяснение сложного процесса.

— Да, теперь мне многое стало ясно, — сказал профес-сор, потягиваясь и зевая. — По правде говоря, твое объяс-нение мне нравится куда больше официального.

Я зажег другую сигарету.

— Благодарю. Однако я просто обязан отметить, что меня всегда ужасно привлекали идеи, которые нравились мне с эстетической точки зрения. Космический взгляд на проблему — межзвездная цепочка кула, — подтверждаю-щий различия и в то же самое время подчеркивающий сходство всех разумных рас галактики, связывающий их вместе, создающий общие традиции... Эта мысль мне очень нравится.

— Естественно, — согласился он, а потом показал на верхнюю часть собора. — Послушай, ты собираешься се-годня забраться на самый верх?

— Наверное, немного погода. А вы хотите сделать это прямо сейчас?

— Нет, нет. Мне просто любопытно. Ведь обычно ты поднимаешься на самый верх, не так ли?

— Да. А вы?

— Не всегда. На самом деле последнее время я больше держался средних высот. А спросил потому, что у тебя сегодня, похоже, настроение пофилософствовать.

— Это заразно.

— Ладно. Тогда скажи мне, что ты чувствуешь, когда оказываешься на самом верху?

— Эмоциональный подъем. Ощущение, что я добился чего-то.

— Перед тобой открывается лучший вид. Ты можешь видеть дальше и больше деталей пейзажа. Значит, дело в этом? Лучшая перспектива?

— Может быть, частично дело в этом. Но когда я оказываюсь на самом верху, меня всегда преследует желание забраться еще выше, и я всегда чувствую, что могу это сделать, что вот сейчас у меня все получится.

— Да, правда, — согласился он.

— А почему вы спросили?

— Даже не знаю. Наверное, мне хотелось, чтобы ты мне напомнил. Юноша из Кембриджа сказал бы то же самое, но я почти забыл об этом. Изменился не только мир.

Он отпил еще коньяка.

— Интересно, на что это было похоже? Первая встреча с инопланетянами... Трудно поверить, что с тех пор прошло уже несколько лет. Правительства, конечно, дают нам конфетную версию того, что произошло; вряд ли нам когда-нибудь суждено узнать, что было сделано и сказано на самом деле. Случайная встреча: ни мы, ни они не были знакомы со звездной системой, где два корабля оказались одновременно. Проводили исследования. Для них это, конечно, было куда меньшим потрясением — ведь они знакомы с множеством других рас нашей галактики. И все же... Я помню неожиданное возвращение наших космонавтов. Миссия исполнена — на полвека раньше, чем предполагалось. Вместе с ними прилетело разведывательное судно с Астабигана.

Если объект достигает скорости света, он превращается в тыкву. Это известно каждому. Но инопланетяне нашли возможность обманывать пространство и лишать его урожая тыкв — они провели наш корабль через туннель, со-

зданный под пространством. А может быть, они построили мост через пространство? Или что-то в этом роде. Математикам будет где разгуляться. Странное чувство... Все произошло совсем не так, как я ожидал.

Знаешь, так бывает, когда взбираешься на шпиль или купол — дело действительно трудное, — и вот ты уже наверху и теперь уже совсем просто добраться до самого верха. Ты поднимаешь голову — и видишь, что кто-то там уже сидит.

Вот мы и вступили в галактическую цивилизацию — свободную конфедерацию народов, которая существует многие тысячелетия. Нам повезло — это вполне могло бы занять пару столетий. Или нет. Мои чувства были и остаются неоднозначными. Разве можно забраться еще выше после таких событий? Они научили нас строить корабли, которые защищены от эффекта тыквы. И еще нас предупредили о правах на небесную собственность. Они предоставили нам место в своей программе обмена, вряд ли нам удастся проявить в ней себя с самой лучшей стороны. В последующие годы изменения будут происходить все быстрее и быстрее. Мир может даже начать меняться так стремительно, что это станет заметно. Что тогда? Когда закончится продвижение вперед мелкими шажками, все могут оказаться в таком же недоумении, как старый, пьяный лазатель по соборам, который был удостоен возможности узреть миг, превративший юношу из Кембриджа в нынешнего профессора. Что тогда? Узреть пружину часового механизма и превратиться в тыкву? Уйти на покой?

Алькаид, Мицар, Алиот, Мегрец, Фекда, Мерак и Дубхе... Они были там. Они знают их. Возможно, в глубине души я хотел, чтобы мы были в космосе одни — чтобы могли заявить, что все принадлежит нам. Или чтобы инопланетяне, с которыми мы встретимся, были во всем хоть немного, но позади нас. Завистливый, гордый, самовлюбленный... Верно. Оказывается, мы всего-навсего провинциалы, да поможет нам бог!..

Осталось еще достаточно, чтобы выпить за наше здоровье. Отлично! Давай выпьем! Я плюю в лицо Времени, которое преобразило меня!

С ходу на это я ничего не смог сказать, поэтому просто промолчал. Я готов был согласиться с профессором кое в чем, но не более того. Тут я пожалел, что он допил весь свой коньяк.

Некоторое время спустя профессор сказал:

— Не думаю, что сегодняшней ночью я полезу дальше.

Я вынужден был признать, что это очень разумная мысль, поскольку и сам решил отказаться от дальнейших приключений, и мы стали спускаться вниз по спирали, пока не оказались внизу, а потом я проводил доброго профессора до дому.

Обрывки и кусочки. Кусочки...

Прежде чем улечься спать, я успел прослушать конец сводки новостей.

Удалось пролить свет на историю с Полом Байлером, профессором геологии, который ранее подвергся нападению вандалов в Центральном Парке, лишивших его не только денег, но и сердца, легких, печени и почек.

Глубокой ночью мой мозг выплеснул из темного аквариума образов переплетение ускользящих снов, балансирующих на блистающих в ночи прозрачных гранях сознания, мелькающих словно ослепительные лики, не говоря уже о кинестетических/синестетических «ТЫ МЕНЯ ЧУВСТВУЕШЬ, РЕД?», которые длились много дольше, чем все остальное, потому что позднее, много позднее, третья чашка утреннего кофе превратила их в грошовой извивы цвета.

Глава 3

Вспышка, всплеск. Мрак. Танец звезд.

Массивный золотой «Кадиллак» Фэзтона разбился, но никто этого не услышал. Загорелся, вспыхнул в последний раз и погас. Совсем, как я.

По крайней мере, когда я снова проснулся, была ночь, а я чувствовал себя премерзко.

Руки и ноги у меня были связаны прочными кожаными ремнями, песок и мелкие камешки служили подушкой, а

заодно и матрасом, рот, нос, глаза и уши забиты пылью — отличная добыча для всяческих микробов. Я хотел пить, был голоден, весь в синяках, и меня отчаянно трясло. Вспомнились слова одного из моих бывших кураторов, доктора Мерими: «Вы являетесь живым примером абсурдности всего сущего».

Из этих слов ясно, что Мерими специализировался на французской литературе середины двадцатого века. И все же, все же, может быть, его искаженные толстыми стеклами очков глаза как раз и заглянули в самую суть моего нынешнего положения. Несмотря на то, что он покинул университет уже довольно-таки давно, окутанный дымкой какой-то скандальной истории, в которой были замешаны девушка, карлик и осел — или как раз благодаря этому, — Мерими в последние годы стал чем-то вроде оракула в моем личном космосе, и его слова теперь часто возвращаются ко мне в обстоятельствах, не имеющих ничего общего с предварительной беседой, которую проводит куратор со студентом в начале семестра.

Обжигающий песок окатывал меня этими словами целый день, а потом холодный ночной ветер шептал их, словно надоевший припев песенки, мне в ухо, которое превратилось в подгоревшую телячью отбивную: «Вы являетесь живым примером абсурдности всего сущего».

Если задуматься над этими словами, их можно интерпретировать множеством самых разнообразных способов, а у меня была масса свободного времени — в данный момент. С одной стороны, можно подумать о сущем. С другой, о живом. Или, например, об абсурдности.

Ах да. Руки...

Я попытался пошевелить пальцами и не понял, слушаются они меня или нет. Вполне может быть, что их там и вовсе нет, а я стал жертвой фантомных болей. На случай, если пальцы все-таки на месте, я некоторое время размышлял о гангрене.

Проклятье. И еще раз — проклятье. Очень огорчительно все это.

Семестр начался, и я уехал. Договорившись о пересылке всей моей корреспонденции Ральфу, с которым мы вместе

владели антикварной лавкой, я направился на запад, задержался по дороге ненадолго в Сан-Франциско, Гонолулу и Токио. Прошло несколько недель. Тихо и спокойно. Потом я провел пару дней в Сиднее — ровно столько, сколько мне было нужно, чтобы получить причитающуюся мне дозу неприятностей. Они возникли в тот момент, когда я решил взобраться на напоминающий громадную рыбину оперный театр, выстроенный на мысе Бенелонг, совсем недалеко от гавани.

Я покинул город хромая и с дисциплинарным взысканием в кармане. Полетел в Алис-Спрингс. Забрал там воздушный скутер, который заказал заранее. Отправился в путь ранним утром, до того, как невыносимая дневная жара и свет разума вступили в свои законные права. Местность показалась мне подходящей для тренировочных занятий будущих святых, чтобы они заранее могли подготовиться к тому, что их ждет. Несколько часов ушло на поиски подходящего места и на устройство лагеря. Я не предполагал, что пробуду здесь долго.

В том районе найдены наскальные рисунки, довольно старые, занимающие площадь, равняющуюся примерно двум тысячам квадратных футов. Местные аборигены утверждают, что не имеют ни малейшего представления о том, откуда взялись эти рисунки и с какой целью были сделаны. Я видел фотографии, но мне хотелось взглянуть на них собственными глазами, сделать несколько своих снимков, скопировать парочку рисунков и потратить немного времени на раскопки.

Я вернулся в тень своего убежища, выпил лимонада и, попытавшись успокоиться, начал рассматривать высеченные на камне рисунки. Хотя сам я очень редко занимаюсь рисованием на стенах, я всегда сопереживал тем, кто считал необходимым именно таким способом осчастливить своих потомков.

Чем глубже ты погружаешься в прошлое, тем интереснее тебе становится. Возможно, правы те, кто утверждает, что наскальная живопись родилась во времена троглодитов, когда какой-нибудь новоиспеченный художник находился в месте, служившем сортиром, — что-то вроде изо-

бразительной сублимации самого примитивного с точки зрения эволюционного процесса способа разметки территории. Однако любому должно быть очевидно, что, когда люди начали штурмовать горы и карабкаться на стены для того, чтобы оставить там примеры своего искусства, из обычного времяпрепровождения этот вид деятельности превратился в одну из форм живописи.

Я не раз размышлял о том парне из времен мастодонтов, который первым остановился возле скалы или стены пещеры и начал с интересом ее разглядывать. «Интересно, — задавал я сам себе вопрос, — что заставило его вдруг полезть наверх, чтобы нацарапать на камне свои каракули?» Меня страшно занимало, что он чувствовал в тот момент. И как отнеслось к этому общественное мнение. Собратья вполне могли проделать в художнике достаточное количество дырок, чтобы вселившийся в него подозрительный дух мог спокойно покинуть брненное тело. А может, смелая инициатива была охотно подхвачена многими, потому что творческие способности наших далеких предков только и ждали подходящей возможности вырваться наружу и их необычное проявление считалось таким же естественным, как откручивание ушей. Невозможно ответить на все эти вопросы наверняка. И очень трудно оставаться равнодушным.

Как бы там ни было, днем я сделал собственные фотографии рисунков, а вечером и на следующее утро выкопал несколько ямок. Большую часть второго дня я посвятил копированию рисунков и фотографиям. Продолжал раскопки и нашел предмет, похожий на тупую каменную стамеску. На следующее утро мне не повезло: я не раскопал ничего интересного, хотя работал гораздо дольше, чем собирался.

Потом я вернулся в тень своей палатки, чтобы обработать ссадины и царапины и восстановить баланс жидкости в организме. Сделал заметки о том, чем занимался все утро, и записал несколько собственных, достаточно свежих мыслей на предмет всего этого предприятия. Около часа дня я перекусил, а потом снова вернулся к своим записям.

Почти сразу после трех над палаткой пронесся аэро-

биль, повернул и начал снижаться. У меня его поведение вызвало легкое беспокойство, поскольку я не имел никакого официального разрешения заниматься тем, чем занимался. Где-то на листке бумаги или на карточке, а может быть, на пленке — впрочем, возможно, на том, другом и третьем — я числился туристом. Мне не было известно, нужно ли иметь разрешение на то, что я тут делал, но я всерьез подозревал, что получение такого разрешения — процедура обязательная. Время значит для меня очень много, бумажная волокита отнимает его, а я всегда был уверен, что имею полное право делать то, что мне никто не может помешать делать. Иногда, правда, приходится прикладывать достаточные усилия для того, чтобы моя деятельность оставалась скрытой от посторонних глаз. Все это совсем не так плохо, как звучит, поскольку я приличный, цивилизованный и приятный во всех отношениях парень.

Итак, прикрыв глаза рукой от ослепительно ярко-синего сияния, я пытался придумать способ убедить в этом представителей власти. Пожалуй, лучше всего будет что-нибудь наврать.

Аэробиль приземлился, и из него вышли двое. На вид они совсем не были похожи на официальных лиц, но я всегда делал скидку на обстоятельства и местные обычаи, поэтому встал, чтобы поприветствовать их. Один из мужчин был примерно одного со мной роста — то есть немного меньше шести футов, довольно плотного телосложения, с небольшим животиком. Светлые волосы и глаза, легкий загар. И пот — ручьями. Его приятель, который был на несколько дюймов выше и на несколько тонов темнее, сердито откинул прядь непослушных черных волос со лба, когда пошел в мою сторону. Худой, в прекрасной спортивной форме. На ногах у обоих были городские башмаки, а не подходящие к данному случаю сапоги. Отсутствие головных уборов в такую жару показалось мне несколько странным.

— Фред Кассиди? — спросил первый мужчина, остановившись в нескольких шагах от меня и повернувшись,

чтобы рассмотреть стену с рисунками и траншею, которую я выкопал.

— Да, — ответил я. — Собственной персоной.

Он достал удививший меня своей изящностью тонкий носовой платок и вытер им лицо.

— Нашел то, что искал?

— А я ничего особенного не искал, — сообщил я ему.

— Такое впечатление, что ты тут неплохо потрудился, — хихикнув, заявил мне толстяк, — чтобы найти это «ничего».

— Это исследовательская траншея, — объяснил я.

— А что ты тут исследуешь?

— Может, скажете мне, кто вы такие и почему задаете вопросы? — поинтересовался я.

Ноль внимания.

Толстяк направился к моей траншее, прошел вдоль нее, несколько раз остановился, чтобы заглянуть внутрь. Пока он этим занимался, его приятель подошел к моей палатке, потянулся к рюкзаку, и я что-то крикнул ему, но он все равно открыл рюкзак и высыпал содержимое на землю.

Я добрался до него как раз в тот момент, когда он разглядывал мои бритвенные принадлежности. Он скинул мою руку, а когда я снова попытался схватить его, сильно толкнул меня. Я споткнулся. И, еще не успев упасть, сообщил, что они не полицейские.

Не поднимаясь на ноги, я сильно врезал ему по голени каблуком сапога. Результат получился не таким впечатляющим, как в тот раз, когда я ударил Пола Байлера в пах, но для моих целей этого было вполне достаточно.

Вскочив на ноги, я нанес парню прицельный удар в челюсть. Он упал и остался неподвижно лежать. Совсем неплохо для одного удара. Если бы я смог это сделать, не держа в руке камень, то представлял бы опасность для окружающих.

Мой триумф длился всего несколько секунд. А потом мне на спину обрушился целый мешок пушечных ядер — такое, во всяком случае, у меня возникло ощущение.

На меня напали сзади и швырнули на землю, что было совсем неспортивно. Толстяк оказался гораздо подвижнее, чем можно было судить по его внешности, и, когда он

ловко заломил мне руку за спину и схватил за волосы, я начал понимать, что большая часть его массы приходилась на тренированные мышцы. А то, что я принял за животик, было железобетонным брюшным прессом атлета.

— Ну, ладно, Фред. Кажется, пришло время поговорить, — сказал он.

Звездный танец...

Я лежал на земле и ничего не понимал: я был избит, оглушен, наполнен болью и думал о том, что профессор Мерими оказался очень близок к неподвижному, холодному центру всего сущего, где обитают определения. Абсурд — мертвец протягивает мне руку помощи.

Я лежал и беззвучно ругал себя, вспоминая свои действия, пока краем глаза не заметил, как по южной границе моего тела двигается маленькое темное пушистое существо. Оно остановилось, посмотрело на меня и снова устремилось вперед. Я ни секунды не сомневался, что это какой-то хищник. После отчаянных попыток унять дрожь мне удалось сделать вид, что я пожимаю плечами. Звать на помощь не было никакого смысла. Абсолютно никакого. Покинув этот мир таким способом, я смогу одержать верх над своими врагами. Некоторое утешение.

Так что я попытался развить в себе стоицизм, одновременно стараясь получше рассмотреть зверя. Он дотронулся до моей правой ноги, и я конвульсивно дернулся, хотя и не почувствовал никакой боли. Прошло некоторое время, и зверь перебрался к левому боку. Может, он съел мою онемевшую ногу? Интересно, понравилась она ему?

Спустя еще несколько секунд существо вновь повернулось и двинулось наверх, вдоль моего левого бока, а я, наконец, сумел его рассмотреть — это был маленький сумчатый зверек, довольно глупый на вид, в котором я узнал вомбата¹ — безобидного, любопытного и совершенно не собирающегося употреблять в пищу мои конечности.

Я вздохнул и немного расслабился. Он мог нюхать меня, сколько ему заблагорассудится. Когда вы собираетесь уми-

¹ Вомбат — сумчатое травоядное животное, обитающее в Австралии.

рать, даже вомбат покажется вам приятной компанией. Я вспомнил о повисшей у меня на спине тяжести и о том, как здоровенный подонок, не обращая внимания на своего лежащего на земле приятеля, заломил мне руку и, усевшись на меня верхом, сказал:

— Единственное, что мне от тебя нужно, это камень. Где он?

— Камень? — произнес я с вопросительной интонацией. Давление на мою руку усилилось.

— Камень Байлера. Ты знаешь, о чем я говорю.

— Да, знаю! — согласился я. — Только не надо так сильно давить на мою руку, ладно? Тут нет никакого секрета. Я все расскажу.

— Давай, — лениво отозвался здоровяк, чуть-чуть ослабив хватку.

Тогда я рассказал ему все, что мне было известно о нашем пресс-папье и о том, как оно к нам попало. Я выложил ему все, что знал об этой проклятой штуке.

Как я и опасался, он не поверил ни единому моему слову. Более того, его партнер оклемался, пока я говорил, тоже пришел к выводу, что я лгу, и с видимым удовольствием проголосовал за продолжение допроса.

Чем они и занялись незамедлительно и с большим энтузиазмом, а когда прошло несколько весьма запоминающихся красных, электрических минут и они остановились перевести дух и помассировать костяшки пальцев, высокий сказал тяжелому:

— Очень похоже на то, что нам рассказывал Байлер.

— Похоже на то, что Байлер говорил, что этот тип рассказывал ему, — поправил его другой.

— Если вы уже встречались с Полом, — вмешался я, — то вряд ли я смогу сообщить вам что-нибудь новое. Как мне показалось, Пол Байлер имел некоторое представление о том, что происходит, — чего не могу сказать о себе, — а я доложил ему все, что мне было известно о камне: то же самое я только что рассказал вам.

— О да, мы поговорили с Полом Байлером, — доверительно сообщил высокий, — а он с нами. Можно даже сказать, что он открылся нам... в буквальном смысле слова.

— Однако тогда мы не были уверены, являются ли его слова правдой, — со вздохом проворчал толстяк. — Теперь же я и вовсе сомневаюсь в том, что нам наплел твой дружок. Что ты сделал, как только Байлер отбросил копыта? Направился туда, где он провел не один год, и начал копать в земле. Вот как я все это понимаю: вы были с самого начала заодно и заранее договорились, что рассказывать. Я думаю, камень спрятан где-нибудь поблизости. У меня нет ни малейшего сомнения, что ты только и ждешь подходящего случая наложить на него руки. Так что ты нам все выложишь, приятель. Можешь сделать это сразу или после некоторых мучений. Выбирай.

— Я уже говорил вам...

— Как угодно, — заявил он.

Последовавший за этими словами промежуток времени не принес удовлетворения ни одной из заинтересованных сторон. Мои мучители не получили ничего из того, на что рассчитывали, — впрочем, я тоже. В тот момент я больше всего боялся какого-нибудь увечья. От любых побоев я со временем оправлюсь. А вот если кто-нибудь захочет отрезать мне пальцы или выколоть глаз, вопрос о жизни и смерти встанет куда более остро.

Но когда подобное дело начато, остановиться уже невозможно. До тех пор пока жертва продолжает сопротивляться, допрашивающий должен придумывать что-нибудь новенькое, и тогда, рано или поздно, наступает момент, когда смерть становится более привлекательной, чем жизнь. Когда допрос подходит к этой грани, между сторонами начинается соревнование: одна стремится к смерти, а другая пытается получить необходимую информацию.

Конечно, очень важным фактором здесь является уверенность в том, что допрашивающая сторона готова идти до конца. В данном случае я не сомневался, что они на это способны — ведь мне было известно о судьбе Байлера. Толстяка, совершенно очевидно, не устраивала история, рассказанная Байлером. Если я достигну той самой поворотной точки, а потом выиграю соревнование, он опять останется ни с чем. Так как толстяк не желал поверить в то, что я и в самом деле ничего не знаю, он, должно быть,

пришел к выводу, что у меня есть некий запас стойкости. Именно поэтому он и решил действовать осторожно, что, впрочем, никак не могло изменить окончательного результата.

Все это я сообщил ему в качестве преамбулы к его заявлению: «Давай-ка положим этого типа на солнце и понаблюдаем, как он превратится в большую сладкую изюмину». В предвкушении моей реакции он принялся тщательно вытирать лоб своим шелковым платочком. Однако их ждало очередное разочарование. Тогда они оставили меня на солнышке подсыхать, видимо дожидаясь, пока я нальюсь сахаром и потемнею, а сами решили наведаться в холодильник своего аэробила. Потом они удобно устроились в тени моей палатки, время от времени проводя для меня персональную рекламу холодного пива.

Так прошел день. Позднее они решили, что ночь на ветру под звездами среди песка просто необходима для моего быстреего обращения в изюм. Достав из аэробила спальные мешки, мои гости плотно поужинали и стали устраиваться на ночь. Если они думали, что от запаха пищи мне захочется есть, они ошибались. Меня от всего этого просто тошнило.

Я внимательно наблюдал за тем, как день перемещался на запад.

Не знаю, как долго я был без сознания. Со стороны лагеря не доносилось никаких звуков, там было совсем темно. Вомбат отполз вправо и издавал оттуда негромкие ритмичные звуки. Он слегка касался моей руки, и я чувствовал, как он двигается и дышит.

Мне до сих пор не были известны имена моих обидчиков, к тому же мне не удалось узнать ни одного нового факта, касающегося предмета их расследования — звездного камня. Правда, особого значения это не имело, разве что в академическом смысле. Во всяком случае, на данном этапе звездный камень меня не очень занимал. Я не сомневался, что жить мне осталось совсем недолго. Ночь оказалась холодной, зубы у меня стучали не переставая, а если со мной не покончит холод, это сделают мои мучители.

Из курса физиологической психологии я помнил, что восприятие зависит прежде всего не от того, в каком состоянии находятся органы чувств, а от скорости происходящих с ними изменений. Таким образом, если я смогу лежать совершенно неподвижно, то сумею соперничать с японцем, забравшимся в горячую ванну, тогда ощущение холода пройдет. Впрочем, в данном случае речь скорее шла о вопросах удобства, а не выживания. И хотя в данный момент я думал только об облегчении своих страданий, неожиданно я почувствовал в сознании какое-то постороннее присутствие. Однако я не очень расстроился по этому поводу, потому что методы, которыми действовал чужак, вроде бы приносили мне пользу — это, естественно, был еще один способ показать мне, насколько я слаб и нерешителен. А я и не собирался ни с кем спорить по этому поводу.

Занимаясь в классе йоги, я часто прибегал к дыхательным упражнениям, которые помогали согреться. Я начал упражнение, но дыхание с хрипом вырвалось из моей груди, и я закашлялся.

Вомбат повернулся и прыгнул мне на грудь. Я открыл рот, чтобы завопить, но зверек засунул мне лапу прямо в глотку. Левой рукой я схватил его за шею и изо всех сил сжал — только тут я сообразил, что моя левая рука свободна.

Зверек начал отбиваться от меня всеми четырьмя конечностями, потом приблизил мордочку прямо к моему лицу и хрипло прошептал:

— Вы опасно усложняете мою задачу, мистер Кассиди. Немедленно отпустите мою шею и не шевелитесь после этого.

Так, значит, у меня уже начался бред.

Впрочем, даже в бреду я, казалось, стремился к достижению определенных удобств, поэтому я отпустил вомбата и попытался кивнуть. Он тут же убрал лапу из моего рта.

— Отлично. Ваши ноги уже свободны. Мне нужно только развязать правую руку, и мы будем готовы уйти.

— Уйти? — спросил я.

— Ш-ш-ш! — прошептал вомбат и занялся ремнем. Самая потрясающая галлюцинация за довольно длинный

промежуток времени. Интересно, какой из моих неврозов вылился в такую странную форму?

Ничего определенного в голове мне не приходило. Впрочем, доктор Марко утверждает, что неврозы это такая хитрая, заковыристая штука, что нужно относиться к ним с уважением, особенно когда речь идет об их стремлении оставаться в тени или об их способности завладеть вами самыми необычными способами.

— Ну вот! — прошептал вомбат через несколько минут. — Ты свободен. Следуй за мной!

И начал отходить от меня.

— Подожди!

Он остановился, повернулся ко мне и спросил:

— В чем дело?

— Я не могу сдвинуться с места. Послушай, нужно чтобы восстановилось кровообращение. У меня онемели руки и ноги.

Зверек фыркнул и подошел к тому месту, где я лежал.

— Самое лучшее лекарство — это движение, — сообщил он и, схватив меня за руку, заставил сесть. Для галлюцинации он был на удивление силен.

Вомбат безостановочно тянул меня за руку, пока я не свалился вперед и не оказался на четвереньках. Я чувствовал слабость, но держался.

— Прекрасно, — похлопав по плечу, похвалил меня вомбат. — Пошли.

— Подожди! Я умираю от жажды.

— Прости. Я путешествую налегке. Впрочем, если ты последуешь за мной, могу обещать, что со временем дам тебе напиток.

— Когда?

— Никогда, — взорвался он, — если будешь продолжать сидеть здесь! Мне кажется, из лагеря доносятся какие-то звуки. Пошли!

Я пополз к нему. А зверек сказал:

— Пригнись.

Совершенно ненужный совет, поскольку я все равно не мог подняться на ноги.

Он начал двигаться в противоположную от лагеря сто-

рону, направляясь на восток, параллельно горному хребту, возле которого я работал. Я следовал за ним очень медленно, так что он время от времени останавливался, чтобы я мог его догнать.

Прошло несколько минут, и я почувствовал пульсирующую боль в конечностях. Падая, я произнес что-то очень непристойное. Вомбат бросился ко мне, но я успел прикусить язык до того, как он повторил свой фокус с засовыванием лапы мне в рот.

— Тебя очень трудно спасать, — укоризненно заявил вомбат. — Система кровообращения, манера поведения и самоконтроль находятся у тебя на самом примитивном уровне.

Мне в голову пришло еще одно непристойное ругательство, однако его я выговорил шепотом.

— Что ты и продолжаешь демонстрировать, — добавил зверек. — Ты должен делать только две вещи: идти за мной и молчать. У тебя плохо получается и то и другое. Так что можно подумать...

— Давай, двигай! — сказал я. — А я пойду за тобой! Что же касается твоих эмоций...

Я бросился к нему, но он ловко отскочил и направился дальше.

Не обращая ни на что внимания, кроме невыносимого желания придушить этого маленького нахала, я двинулся вслед за ним. Меня совершенно не беспокоило то, что вся ситуация была абсолютно абсурдной. Для подведения теоретической базы были Мерими и доктор Марко, которые составляли отличную пару кривых зеркал, между которыми я и находился. При этом я изо всех сил старался не отставать от вомбата, преследовал его, что-то бормотал, сжигал адреналин и плевал в пыль, которую поднимали его маленькие проворные лапки.

Горный хребет стал ниже, и я увидел проходы между скалами. Мы заходили в них, поднимались наверх, затем спускались вниз по скалистым коридорам в абсолютную тьму... Теперь у нас под ногами был только камень. Один раз я поскользнулся, и вомбат мгновенно оказался рядом.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я начал было смеяться, потом подавил смех.

— Ясное дело, я просто прекрасно себя чувствую.

Зверек постарался держаться вне пределов моей досягаемости.

— Нам осталось совсем немного, — попытался утешить меня он. — Потом ты сможешь отдохнуть. Я дам тебе возможность подкрепиться.

— Мне очень жаль, — сказал я, безуспешно пытаюсь подняться, — но это все. Если я могу отдохнуть там, то с тем же успехом лучше подожду здесь. У меня кончился бензин.

— Дорога, по которой мы шли, каменистая, — проговорил вомбат, — твои враги вряд ли сумеют тебя выследить. Однако я бы чувствовал себя гораздо лучше, если бы ты смог пройти еще немного. Видишь, вон там, немного подалее, есть углубление. Если ты дойдешь туда, они скорее всего пройдут мимо, даже если им удастся напасть на наш след. Ну, что скажешь?

— Я скажу, что это звучит весьма привлекательно, хотя вряд ли я сумею добраться до твоего углубления.

— Попытайся. Еще чуть-чуть.

— Ладно.

Я с трудом поднялся на ноги, покачнулся и сделал несколько неверных шагов вперед. «Если упаду, — решил я, — то больше вставать не буду. Будь что будет».

В голове у меня было пусто и легко, а тело вдруг налилось свинцовой тяжестью. Однако я продолжал идти. Еще сотня футов...

Вомбат завел меня в скрытый тупичок, находящийся в стороне от прохода, по которому мы продвигались. Я повалился на землю, и окружающий мир завертелся в бешеной пляске.

Мой спаситель вроде бы сказал:

— Я ухожу. Жди здесь.

— Ясное дело, — кажется, ответил я.

Меня снова охватил абсолютный мрак. Опаленная, хрупкая вещь (место) неопределенного размера (продолжительности). Я был в ней и, наоборот, — равномерно распределен, одновременно полностью содержался внутри и

снаружи системы кошмаров, мое сознание находилось в С в степени (-n), а еще — холоджаждажархолоджаждажар, словно период бесконечной десятичной дроби, повсюду (где угодно) на воображаемом уровне, который окружал...

Вспышки и образы...

— Ты меня слышишь, Фред? Ты меня слышишь, Фред?

Вода по капле стекает мне в рот. И снова мрак. Вспышка. Вода на лице, во рту. Тени. Стон...

Стон. Тени. Мрак — уже не такой чернильно-черный. Вспышка. Много вспышек. Свет, проникающий сквозь ресницы, тускло. Перемещающаяся подо мной земля. Стон — мой.

— Ты меня слышишь, Фред?

— Да, — сказал я, — да...

Движение прекратилось. Я услышал разговор на языке, который мне не удалось узнать. Потом земля поднялась мне навстречу.

— Ты в сознании? Ты меня слышишь?

— Да, да. Я уже сказал «да». Сколько раз...

— Похоже, он действительно пришел в себя. — Это поверхностное замечание было сделано голосом моего нового друга вомбата.

Однако я слышал еще один голос, хотя из того положения, в котором лежал, не мог рассмотреть говорившего. А повернуть голову было так трудно...

Я пошире открыл глаза и увидел, что лежу на плоской, порозовевшей от лучей восходящего солнца земле.

Все события предыдущего дня медленно предстали перед моим мысленным взором, выбравшись из того места, где живут воспоминания, когда мы ими не пользуемся. Мои воспоминания вместе с выводами, которые я сделал из них, в той же мере, как и состояние моих мышц, были причиной того, что мне так не хотелось поворачивать голову с тем, чтобы посмотреть на моих спутников. К тому же просто лежать было совсем не плохо. Если я подожду достаточно долго, может быть, в следующий раз я приду в себя в каком-нибудь другом месте.

— Послушайте, — проговорил незнакомый голос, — не желаете ли откусать бутерброд с ореховым маслом?

Осколки разбитых грез осыпали меня с ног до головы. Задыхаясь, я немного переместился и увидел длинные тени, упавшие на землю. Очертания были такими странными, что, когда мне наконец удалось поднять голову и рассмотреть кенгуру ростом более шести футов, стоящего рядом с вомбатом, я не слишком удивился.

Кенгуру наблюдал за мной сквозь темные очки, одновременно доставая коробку с бутербродами из своей сумки.

— Ореховое масло богато протеином, — наставительно сообщил он.

Глава 4

Находясь на высоте двадцати или тридцати тысяч миль, я вполне мог бы насладиться замечательным зрелищем: Калифорния отрывается от континента и исчезает под водами Тихого океана.

К сожалению, этого не произошло. Весь мир оторвался и куда-то исчез в то время, как корабль продолжал свой полет, а у меня за спиной шел спор. Тем не менее события развивались с такой скоростью, что мне казалось возможным: промашка Сан Андреаса еще даст мне несколько возможностей стать свидетелем столь желанного зрелища, обеспечив какого-нибудь писателя из далекого будущего материалом для книги, посвященной особенностям этого древнего мира и тому, с каким удивительным мастерством была предсказана его гибель. Когда тебе нечего делать, всегда можно предаться надеждам.

Поскольку сквозь иллюминатор, возле которого я сидел, отдыхая и вполуха прислушиваясь к горячему спору между Чарвом и Рагмой, я видел Землю и усыпанное звездами пространство вокруг нее — расстояние из расстояний, — меня охватило изумительное ощущение, рожденное, вне всякого сомнения, тем, что я пришел в себя после недавних страданий. Почти метафизическое удовлетворение акрофилических стремлений в сочетании с усталостью, которая медленно и легко охватывала все мое существо, словно изумительный снегопад из крупных снежинок.

Я еще никогда не был на такой высоте, не видел подоб-

ных гигантских пространств и был не в силах охватить их взглядом, меня переполняли мысли о космосе, космосе и снова космосе. Красота основ, как она есть и могла бы быть, протянула ко мне руки, и я вспомнил строчки, которые набросал давным-давно, сожалея, что мне приходится оставить занятия математикой, чтобы не получить диплома по этому предмету:

Лишь Лобачевский узрел наготу Красоты.
 Она изгибается здесь, и вон там она изгибается.
 Ее ягодицы мудры,
 А ее параллельные прямые
 Соблазнительно переплетаются;
 Ее треугольник — средоточие радости,
 Ведь он меньше ста восьмидесяти градусов.
 Двойная симметрия ее песнопений
 Не повергла великого Римана в волнение.
 Он любуется незатейливыми простушками,
 Смазливими тевтонскими толстушками!
 Но эллипс хорош далеко не всегда,
 Скинй, скромность, покровы свои,
 И да предстанет пред нами во всей наготе Красота!
 О, гипербола, о тебе я мечтаю в ночи.

Весь мир — извивы, мне говорят,
 А на прямой не ищи ничего.
 Перед смертью я бога молю об одном:
 Видеть мир глазами его.

Меня клонило в сон. Я периодически терял сознание, потом приходил в себя, не имея ни малейшего представления о течении времени. От часов, естественно, не было никакого проку. Я изо всех сил старался не впасть в забытье снова; во-первых, потому что хотел продлить эстетическое удовольствие, которое испытывал, а во-вторых, я считал, что неплохо было бы понять, что происходит вокруг.

У меня не было уверенности в том, понимают ли мои спасители, что я нахожусь в сознании, поскольку я лежал лицом к иллюминатору в гамаке, сплетенном из мягких паутинок. Впрочем, даже если они и догадывались об этом, тот факт, что они разговаривали на каком-то неземном языке, наверняка давал им ощущение изолированности.

Немного раньше я сделал открытие, которое сильно бы их удивило; во всяком случае, на меня самого оно произ-

вело невероятное впечатление. Я вдруг осознал, когда немного сосредоточился, что понимаю, о чем они говорят.

Попытаюсь объяснить это сложное явление: стоило мне начать напряженно вслушиваться в их слова, как они ускользали от меня, словно отдельные рыбки из многотысячной стаи. Если же я принимался просто смотреть на воду, то начинал различать направление ее движения, плеск волн, разноцветные вспышки. В целом я был в состоянии понять, о чем говорили Рагма и Чарв, и не имел ни малейшего представления, как у меня это получалось.

Так что я перестал следить за течением времени, поскольку диалог постоянно повторялся. Куда приятнее было наблюдать за укороченной циклоидой, очерченной вокруг вулкана Чимборазо¹, в тот момент, когда находишься над Южным полюсом и видишь эту часть поверхности Земли, вращающейся в противоположном направлении по отношению к телу, расположенному на орбите.

Мои мысли вдруг начали меня беспокоить. Откуда, например, могла взяться последняя? Мысль была красивой, но принадлежала ли она мне? Может, в подсознании открылась потайная дверь, выпустив на свободу поток моего либидо, который потащил за собой груды литературных отходов, накопившихся на его берегах, дабы доставить этот мусор на блистающие отложения ила, среди которого я привык проводить свой досуг? Или, может, все объяснялось телепатическим воздействием — я лежал здесь совершенно беспомощный, а вокруг на тысячи и тысячи миль не было никого, кроме чуждых разумов двух инопланетян? Вполне возможно, что один из них умеет передавать мысли на расстоянии.

Нет, не похоже. Мое восприятие чужого языка наверняка не было телепатическим. Их речь становилась все более и более понятной — теперь я уже различал отдельные фразы и даже слова, а не только общий смысл. Нет, это не было чтением мыслей.

Что же тогда?

Чувствуя, что совершаю святотатство, я заставил ощу-

¹ Чимборазо — вулкан в центральном Эквадоре.

щение мира и покоя немного подвинуться в сторону, а потом изо всех сил оттолкнул их от себя. «Думай, черт возьми, — приказал я мозгу. — Ты слишком долго отдыхал, кончай эти праздники духа! Думай!»

И тогда я снова испытал жажду, боль и утренний холод... Да, Австралия. Я находился там...

Вомбат сумел убедить кенгуру по имени, как я выяснил позднее, Чарв, что вода в тот момент была мне куда нужнее, чем бутерброд с ореховым маслом. Чарву пришлось признать, что вомбат лучше разбирается в вопросах человеческой физиологии, и разыскал фляжку с водой в своей сумке. Вомбат, которого звали Рагма, скинул свои лапы — или, скорее, рукавицы, напоминающие лапы, — обнажив крошечные шестипалые ручки с оттопыренным большим пальцем, и принялся потихоньку поить меня. Пока продолжалась эта приятная процедура, я сообразил, что они полицейские инопланетян, переодетые в гражданское и выдающие себя за представителей местной фауны. Правда, причины подобного поведения были мне не совсем понятны.

— Тебе очень повезло... — сказал Рагма.

Немного отдышавшись, я заявил:

— Теперь я, кажется, понимаю смысл выражения «чуждая точка зрения». Похоже, вы представители расы мазохистов.

— Некоторые существа склонны благодарить тех, кто спас им жизнь, — отозвался Рагма. — К тому же ты не дал мне закончить мысль. Тебе очень повезло, что мы оказались рядом.

— Пожалуй, верно, — согласился я. — Спасибо. Однако совпадения очень похожи на резину: если их слишком натягивать, они лопаются. Извините, но мне кажется, что наша встреча не была такой уж случайной.

— Мне очень жаль, если ты нас в чем-то подозреваешь, — ответил он, — ведь мы просто помогли тебе. Я начинаю думать, что степень присущего тебе цинизма даже больше, чем предполагалось.

— Кем предполагалось?

— Я не имею права об этом говорить, — сообщил вомбат.

Он не дал мне возможности ответить ему подобающим образом, залив мне в глотку новую порцию воды. Поперхнувшись, я успел немного подумать и решил смягчить очередную реплику.

— Это просто смешно!

— Согласен, — не стал спорить он, — но теперь, когда мы здесь, все скоро будет в порядке.

Я поднялся на ноги и потянулся, стараясь размять затекшие мышцы, а потом был вынужден присесть на ближайший камень, потому что у меня слегка закружилась голова.

— Ладно, — сказал я и потянулся за сигаретами. Оказалось, что все они сломаны. — Тогда сообщите мне то, о чем вы имеете право говорить.

Чарв достал пачку сигарет — те, что я обычно курил, — из своей сумки и протянул ее мне.

— Если ты не можешь без них обходиться, пожалуйста.

Я кивнул, достал сигарету и закурил.

— Благодарю, — сказал я, возвращая пачку.

— Оставь сигареты себе, — предложил он. — Я сам курю нечто вроде трубки. Должен тебя предупредить, что в данный момент ты гораздо больше нуждаешься в отдыхе и пище, чем в никотине. Я снимаю показания твоего пульса, кровяного давления и скорости базового метаболизма при помощи маленького устройства, которое...

— Не обращай внимания, — перебил его Рагма, который достал из пачки сигарету и каким-то непостижимым образом прикурил ее. — Чарв ипохондрик. Однако, я думаю, нам следует вернуться на наш корабль, там мы сможем спокойно поговорить. Тебе все еще грозит опасность.

— Корабль? Что он из себя представляет? И где находится?

— В четверти мили отсюда, — ответил Чарв. — Рагма совершенно прав. Будет лучше, если мы покинем эти места незамедлительно.

— Мне только остается поверить вам на слово, — пробормотал я. — Но ведь вы искали меня — именно меня, —

не так ли? Вы знаете мое имя. И обладаете информацией обо мне...

— Ты сам ответил на свой вопрос, — заявил Рагма. — У нас были основания предполагать, что тебе грозит опасность, и мы оказались правы.

— Как? Откуда вы это могли знать?

Они переглянулись.

— Извини, — ответил Рагма. — Это еще одна.

— Еще одна — что?

— Вещь, которую нам не разрешено говорить.

— А кто решает, что запрещено, а что нет?

— Это еще одна.

— Ладно, — вздохнул я. — Надеюсь, что смогу пройти это расстояние. Если нет, вы об этом очень скоро узнаете.

— Вот и хорошо, — сказал Чарв, когда я поднялся на ноги.

На сей раз я почувствовал себя несколько увереннее — наверное, это было заметно. Он кивнул, повернулся и направился вперед скачками, совсем не похожими на походку кенгуру. Я последовал за ним, а Рагма оставался рядом со мной. Теперь он передвигался на задних ногах.

Местность была довольно ровной, поэтому идти было нетрудно. Через несколько минут у меня даже появились радужные мысли о бутерброде с ореховым маслом.

Прежде чем я успел прокомментировать улучшение своего состояния, Рагма что-то закричал на инопланетном языке. Чарв ответил ему и резко ускорил шаг, едва не запутавшись в своих маскировочных одеяниях.

А Рагма повернулся ко мне.

— Он побежал вперед подготовить все заранее, чтобы мы могли сразу взлететь. Если ты можешь двигаться быстрее, то, пожалуйста, постарайся.

Я сделал все, что было в моих силах, и осведомился:

— А куда мы так торопимся?

— Я обладаю очень острым слухом, — ответил Рагма. — Мне удалось установить, что Зимейстер и Баклер поднялись в воздух. Это может означать две вещи: они либо решили улететь, либо принялись разыскивать тебя. Всегда следует рассчитывать на худшее.

— Насколько я понимаю, ты говоришь о моих непрошенных гостях, и тебе разрешено назвать их имена. Кого они представляют?

— Они динбаты.

— Динбаты?

— Антисоциальные элементы, сознательно нарушающие законы.

— А, бандиты. Ну, это я и сам сообразил. Что ты можешь рассказать мне о них?

— Мортон Зимейстер, — ответил Рагма, — давно занимается подобными делами. Это тот, что потяжелее, со светлым мехом. Обычно он старается держаться подальше от места действия, нанимая агентов для исполнения своих черных замыслов. Джеми Баклер — один из таких агентов. Он уже давно работает на Зимейстера и недавно получил повышение — теперь он стережет его тело.

Мое собственное тело начало отчаянно протестовать — мы шли слишком быстро, поэтому я не сразу сообразил, что это гудит у меня в ушах: шум пульсирующей крови или шелест крыльев какой-то странной птицы. Рагма избавил меня от сомнений.

— Они летят в нашу сторону, — пояснил он. — Довольно быстро. Ты в состоянии бежать?

— Могу попытаться, — ответил я, ускоряясь.

Земля провалилась вниз, потом метнулась вверх. В этот момент я разглядел то, что, вероятно, было их кораблем: сплюснутый колокол из тусклого металла, по бокам которого были разбросаны квадратные отверстия, открытый люк... Мои легкие работали, как гармошка на польской свадьбе, и я почувствовал, как первая волна черноты взметнулась со дна моего сознания. Я знал, что очень скоро эта или следующая волна накроет меня.

Затем возникло знакомое мерцание — реальность стала отступать. Я знал, что кровь отливает от головы вниз, и меня возмутило поведение гидравлики, которая вытворяла с моим телом все, что хотела. Сквозь усиливающийся рев я услышал выстрелы, словно донеслись звуки далекого шоу, но даже они не смогли вернуть меня в этот мир.

Когда вас предает собственный адреналин, кому остается верить?

Мне очень хотелось добежать до люка и забраться в него. Он был совсем уже близко. Однако я знал, что этого не будет.

Какая абсурдная смерть. Я почти сумел все понять, не успел совсем чуть-чуть...

— Я иду! — закричал я прыгающему рядом со мной силуэту, не зная, слетают ли слова с моих губ.

Шум стрельбы не стихал, но он был далеким и слабым, словно лопалась воздушная кукуруза. Оставалось менее сорока футов, если судить по расстояниям, которыми измеряются круги на ипподромах. Подняв руки, чтобы защитить лицо, я упал, не зная даже, попала ли в меня пуля, — потому что уже почти не был способен беспокоиться об этом, — в гладкую пустоту, которая разом отменила землю, шум, опасность и сам факт моего побега.

Так, так и так: пробуждение — это структуры и тени: приближение и удаление по шкале мягкого/темного, гладкого/сумеречного, скользкого/яркого — все остальное переходит в цвета и звуки, балансирующие на невидимой грани.

Переход к твердому и очень яркому. Потом обратно в мягкое и темное...

— Ты слышишь меня, Фред? — бархатный сумрак.

— Да... — мои мерцающие шкалы.

— Лучше, лучше, лучше...

— Что/кто?

Ближе, ближе, ни одним звуком не выдать...

— Там?

— Так лучше, беззвучно...

— Я не понимаю.

— Позже. Ты должен сказать только одно, скажи: «Статья 7224, Раздел С». Скажи эти слова.

— Статья 7224, Раздел С. Зачем?

— Если они захотят забрать тебя с собой, — а они обязательно захотят, — произнеси это. «Зачем» говорить не надо. Запомни.

— Да, но...

— Позже...

Что-то из теней и тканей: яркое, еще ярче, гладкое, мягкое. Жесткое. Ясное. Я лежу в гамаке.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Рагма.

— Усталость, слабость, все еще хочу пить.

— Понятно. Вот, выпей это.

— Спасибо. Расскажите мне, что случилось. Меня ранили?

— Да, в тебя попали два раза. Поверхностные ранения. Мы все починили. Через несколько часов выздоровление будет завершено.

— Часов? А сколько их уже прошло с тех пор, как мы стартовали?

— Примерно три. После того как ты упал, я затащил тебя на борт. Мы взлетели, оставив позади тех, кто атаковывал, континент Австралия и вашу планету. Сейчас мы находимся на орбите недалеко от вашего мира, но мы скоро ее покинем.

— Оказывается, ты гораздо сильнее, чем можно подумать на первый взгляд, раз ты смог меня нести.

— Оказывается.

— А куда вы собираетесь увезти меня?

— На другую планету — очень дружелюбную. Ее название ничего тебе не скажет.

— Зачем?

— Так нужно. Кроме того, речь идет о твоей безопасности. Ты оказался в положении человека, располагающего информацией, необходимой нам в расследовании, которое мы проводим. Мы хотим получить эту информацию, но есть и другие желающие. Из-за них твоя жизнь может подвергнуться опасности, если ты вернешься на свою планету. Поэтому, чтобы обеспечить твою безопасность и продвинуться вперед в расследовании, мы извлечем тебя отсюда. Это самое простое решение возникшей проблемы.

— Может быть, сначала меня спросите? Я не хочу сказать, что не испытываю благодарности за свое спасение, однако что вас интересует? Если вы охотитесь за тем же, чего добивались от меня Зимейстер и Баклер, боюсь, я вряд ли смогу вам чем-нибудь помочь.

— Мы действуем, учитывая это обстоятельство. По нашему мнению, нужная нам информация находится у тебя где-то на подсознательном уровне. Самым лучшим способом добыть ее является помощь хорошего телепата-аналитика. В том месте, куда мы направляемся, их много.

— И сколько мы там пробудем?

— Ты останешься на той планете до тех пор, пока мы не завершим наше расследование.

— И сколько на это понадобится времени?

Он вздохнул и покачал головой:

— В данный момент это неизвестно.

Я почувствовал, как меня снова окутал мрак, который почему-то походил на прикосновение кошачьего хвоста. Нет! Я не могу позволить им оторвать меня на неопределенный срок от всего, что я знаю.

Именно в этот момент я понял, что чувствует человек на смертном одре — недоделанные дела, мелочи, которые обязательно нужно завершить до окончательного ухода: написать письмо, оплатить счета, дочитать книгу, лежащую на тумбочке у кровати... Если я исчезну сейчас, в начале семестра, моя академическая карьера и финансовое положение отправятся псу под хвост — потому что никто не поверит моим объяснениям. Нет. Я должен помешать им забрать меня отсюда. Но мягкие тени снова принялись за свое. Надо спешить.

— Прошу прощения, — удалось кое-как выговорить мне, — только это невозможно. Я не могу отправиться с...

— Боюсь, тебе придется. Это абсолютно необходимо, — сказал Рагма.

— Нет, — возразил я, чувствуя, как меня охватывает паника, сражаясь с забытьем и понимая, что я должен обязательно сейчас решить эту проблему. — Нет, вы не имеете права.

— Насколько я понимаю, похожее понятие существует и в вашей юриспруденции. Вы называете это «помещение под защиту закона».

— А как насчет Статьи 7224, Раздел С? — пролепетал я, еле ворочая языком. Глаза у меня уже закрылись сами собой.

— Что ты сказал?

— Не притворяйся, слышал. — Я отлично помнил свои слова. — Семь... два... два... четыре. Раз... дел... С... Вот почему...

А потом опять пустота.

И снова повторяющиеся циклы вернули меня назад — в сознание или на расстояние плевка от него. Так происходило несколько раз, прежде чем я полностью пришел в себя и занялся созерцанием Калифорнии. Постепенно стали доноситься обрывки спора, которые я воспринимал равнодушно и отстраненно. Сейчас это представляло для меня чисто академический интерес. Рагма и Чарв были расстроены из-за каких-то сказанных мной ранее слов.

Ах да... Статья 7224, Раздел С.

Как я понял из их разговора, речь в этой статье шла об изъятии мыслящих существ с материнской планеты без их согласия. Галактический договор, под которым подписались представители миров моих спасителей, был для них чем-то вроде межзвездной конституции. Однако в ситуации со мной фигурировало много неопределенных моментов, которые можно было трактовать по-разному, кроме того, в ряде случаев моего согласия не требовалось — например, при карантине, военных действиях и тому подобных вещах. Вроде универсального понятия «межзвездная безопасность» — вокруг всех этих проблем и шла бесконечная дискуссия.

Судя по всему, я коснулся довольно деликатных вопросов, особенно в свете их последних контактов на Земле. Рагма продолжал настаивать, что, если они воспользуются одним из возможных исключений и заберут меня с Земли на этом основании, департамент поддержит принятые ими решения. Ну, а если дело дойдет до суда и им будет предъявлено обвинение, Рагма не сомневался, что ему и Чарву не станут грозить судебным преследованием, поскольку они все ж таки оперативники, а не обученные юристы. Чарв, со своей стороны, стоял на том, что ни одно из указанных исключений в данном случае невозможно применить, а посему им не избежать неприятностей. Будет лучше, решил он, если телепат-аналитик сумеет внушить мне жела-

ние сотрудничать с ними. Он был уверен, что им удастся найти такого телепата, который помог бы им решить возникшую проблему.

Однако предложение Чарва разозлило Рагму. В этом случае мои права будут нарушены в другом аспекте, а кроме того, как насчет сокрытия улики, поинтересовался он. Он никогда не согласится участвовать в подобном предприятии. Если уж они заберут меня отсюда, Рагма хочет иметь надежную защиту по закону и не собирается ничего скрывать.

Тогда они снова стали перебирать всевозможные исключения, осмысливая каждое слово, уточняя и перебивая друг друга, вспоминая прошлые случаи — они напомнили мне иезуитов, талмудистов, редакторов словарей, а еще апостолов Нового Критицизма. И все это время их корабль оставался на земной орбите.

Только значительно позднее Чарв вдруг задал вопрос, который уже давно меня беспокоил: «А откуда он вообще узнал о Статье 7224?»

Они подошли к гамаку, заслонив мне вид на мыс Гаттерас, где начала формироваться буря. Увидев, что глаза у меня открыты, они закивали и, как я понял, всем своим видом постарались продемонстрировать мне добрую волю и беспокойство о моем здоровье.

— Ты хорошо отдохнул? — поинтересовался Чарв.

— Вполне.

— Воды?

— Пожалуйста.

Я немного попил водички, а потом он спросил:

— Бутерброд?

— Да. Благодарю.

Он достал бутерброд, и я начал есть.

— Мы весьма обеспокоены твоим состоянием и тем, что нам следует с тобой сделать.

— Это очень благородно с вашей стороны.

— Нас озадачили слова, которые ты произнес некоторое время назад — это было связано с нашим предложением предоставить тебе убежище на период обычного расследования, которое мы должны провести на твоей планете.

Нам показалось, что как раз перед тем, как заснуть, ты процитировал один из разделов Галактического Кодекса. Впрочем, ты бормотал что-то мало разборчивое, и мы не совсем уверены, что правильно тебя поняли. Ну так что ты там говорил?

— То, что вы услышали.

— Понятно, — сказал он, поправляя солнечные очки. — Не мог бы ты рассказать нам, откуда тебе стало об этом известно?

— Подобные вещи очень быстро распространяются в академических кругах, — заявил я. Мне показалось, что ничего лучшего я не смогу предложить им в качестве ответа.

— Вполне возможно, — заметил Рагма, снова переходя на свой инопланетный язык. — Их ученые сейчас занимаются переводом. Они могли закончить эту работу и начать распространять ее среди университетов. Это не по моей части, так что наверняка я ничего сказать не могу.

— Если кто-нибудь успел создать курс галактического кодекса, то этот тип определенно его уже прослушал, — пробурчал Чарв. — К сожалению.

— Тогда ты должен знать, — продолжал Чарв, опять переходя на английский и обращаясь непосредственно ко мне, — что ваша планета еще не успела подписать соглашение.

— Конечно, — ответил я. — Но меня, как вы понимаете, беспокоят только ваши действия и их соответствие кодексу.

— Да, разумеется, — сказал он, со значением посмотрев на Рагму.

Рагма подошел поближе, и в его немигающих глазах во-мбата промелькнуло нечто, похожее на ярость.

— Мистер Кассиди, разрешите мне сформулировать свою мысль как можно проще. Мы представители закона — полицейские, если такой термин вам больше по душе, — и нам нужно довести дело до конца. Мне очень жаль, что мы не можем сообщить вам всех подробностей, тогда нам было бы гораздо легче убедить вас. Так или иначе, ваше присутствие на Земле создаст немалые затруднения, а ваше отсутствие, наоборот, все сильно упростит. Как мы уже говорили ранее, если вы останетесь на своей родной планете,

вам будет грозить некоторая опасность. Учитывая вышесказанное, мне кажется очевидным, что все стороны только выиграют, если вы согласитесь на небольшие каникулы.

— Мне очень жаль, — сказал я.

— Тогда, может быть, — продолжал он, — я могу апеллировать к вашему тщеславию, а также к вашей знаменитой любви к приключениям, столь характерной для приматов. Такого рода путешествие, если вы захотите совершить его по собственной инициативе, будет стоить целое состояние. Не говоря уже о том, что еще ни один представитель вашей планеты никогда не видел ничего подобного.

Надо признать, на этот раз он задел меня за живое. В любое другое время я бы ни секунды не колебался. Но на этот раз я успел как следует разобраться в своих чувствах. Вне всякого сомнения, в этой цепочке странных случайностей чего-то не хватало — а я был весьма существенной частью этих событий.

Впрочем, что-то случилось не только со всем миром. Нечто, чего я не понимал, произошло (или происходило) со мной. Постепенно я убедил себя: разобраться в событиях последнего времени и внести в них свои коррективы я смогу только в том случае, если останусь дома и проведу свое собственное расследование, поскольку сильно сомневался, что кто-нибудь сможет решить мои проблемы лучше, чем я сам.

— Мне очень жаль, — повторил я.

Рагма вздохнул, отвернулся, выглянул в иллюминатор и внимательно посмотрел на Землю. А потом заявил:

— Вы очень упрямая раса.

Когда я ничего не ответил, он добавил:

— Мы тоже. Нам придется вернуть тебя на Землю, если ты на этом настаиваешь. Однако я найду способ добиться необходимых результатов без твоей помощи.

— А это еще что значит? — поинтересовался я.

— Если тебе повезет, — ответил он, — ты останешься жив и пожалеешь о своем решении.

Глава 5

Продолжая висеть, напрягая и расслабляя мышцы, чтобы компенсировать движение длинной веревки, на которой через равные промежутки были завязаны узлы, я разглядывал монетку с повернутым влево профилем Линкольна. Он выглядел точно так, как если бы я смотрел на него в зеркало, все буквы оказались перевернутыми... Только вот монетка лежала у меня на ладони.

Рядом/подо мной, там, где я висел всего в нескольких футах над полом, урчала машина Ренниуса: три черные, как непроглядная ночь, секции, установленные в линию на круглой платформе, которая медленно вращалась против часовой стрелки. На тех секциях, что стояли по краям, было что-то вроде ручек — одна вертикальная, а другая горизонтальная, — по которым двигалась, похоже, лента Мебиуса примерно в метр шириной, одна ее часть проходила через отверстие в закругленном, бороздчатом центральном приборе, который чем-то напоминал широкую ладонь великана, собравшегося хорошенько почестаться.

Согнув колени и упираясь ступнями ног в один из узлов, я начал медленно раскачиваться и через несколько мгновений оказался над уходящим внутрь отверстием в центральной секции машины Ренниуса. Опустившись пониже, я протянул руку и бросил пенни на ленту, покачнулся и вернулся в первоначальное положение. Быстро вытянув руку, схватил пенни, как только монетка появилась на ленте с другой стороны прибора.

Совсем не этого я ожидал. Совсем не этого.

После того как монетка прошла через машину в первый раз, она подверглась зеркальному отображению. Так что я решил, что, если пропустить ее снова, она вернется в свое нормальное состояние. Вместо этого я держал в руке металлический диск, рисунок на котором был расположен правильно, зато не был рельефным, а был выгравирован словно внутри монетки. Это относилось к обеим сторонам диска, по ребру которого шли специальные углубления, как на ободе колеса поезда.

Страньше и страньше¹. Мне просто необходимо проделать это еще раз, чтобы посмотреть, что произойдет. Я выпрямился, посильнее сжал веревку коленями и начал корректировать свой качающийся маятник. На мгновение я посмотрел вверх, туда, где в сумраке пряталась потолочная балка с перекинутой через нее нитью, на которой я болтался, точно марионетка. Основную балку, расположенную слишком близко к потолку, чтобы на нее можно было сесть, я пересек в стиле африканского муравьеда — колени сомкнул наверху, предоставив пальцам делать основную работу. На мне были темный свитер и брюки, а на ногах замшевые башмаки на тонкой подошве. Через левое плечо я перекинул моток веревки и полз до тех пор, пока не оказался в точке, находящейся максимально близко к центру машины.

Я забрался внутрь здания через слуховое окно, которое мне пришлось выдавить после того, как я срезал решетку и обезвредил сразу три провода сигнализации таким виртуозным образом, что меня вдруг охватила ностальгия по заброшенному диплому инженера-электрика. В зале под мной царил полумрак, единственным источником света был ряд небольших прожекторов, находящихся на уровне пола и установленных вокруг площадки, на которую и были направлены их лучи. Саму машину огораживал невысокий барьерчик, а невидимые электрические глаза оберегали ее покой. Специальные сенсоры, вмонтированные в пол и на платформе, моментально поднимут тревогу, стоит только на них наступить.

К балке, на которой я висел, была прикреплена телевизионная камера. Поскольку я планировал подобраться к дисплею с северной стороны, там, где лента была совсем плоской и входила в центральную секцию, я очень медленно, совсем чуть-чуть, повернул камеру, чтобы она, оставаясь сфокусированной на дисплее, чуть отклонилась к югу — я сообразил, что так можно сделать благодаря просмотру множества телевизионных фильмов. В здании находились охранники, но они только что закончили свой

¹ Страньше и страньше — цитата из сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес».

обход, а я не планировал особенно здесь задерживаться. Впрочем, мне было хорошо известно, что случайности частенько вносят свои собственные коррективы даже в самые хитроумные планы, именно поэтому и богатеют компании по страхованию имущества.

Ночь была облачной, а ветер очень холодным. Мое дыхание взмахивало призрачными крыльями и улетало прочь. Единственным свидетелем моих упражнений на крыше, от которых немели пальцы, был усталый кот, сидевший на пожарной лестнице. Когда я прибыл в город вчера ночью, здесь уже сильно похолодало, а решение о моем нынешнем путешествии было принято на диване у Хала за день до этого.

После того как Чарв и Рагма высадили меня по моей просьбе примерно в пятидесяти милях от города поздно ночью, когда светила луна, я проголосовал несколько раз и благополучно добрался до своего района. Было далеко за полночь. Прекрасно.

Одна из боковых улочек упирается в ту, на которой живу я, а мой дом находится как раз на противоположной стороне. Если идти по этой боковой улочке, видны окна моей квартиры. Совершенно естественно, что сейчас, во мраке ночи, мои глаза сами обратились на эти окна. Темные, как и следовало ожидать. Пусто. Никого.

Неожиданно, примерно через полминуты, в тот момент, когда я как раз подходил к углу, появилась крошечная вспышка, которая длилась всего одно мгновение, а потом снова стало темно.

В любой другой момент я даже не обратил бы на нее внимания, а если бы и заметил, то не посчитал бы чем-то особенно интересным. Это вполне могло быть отражением или игрой моего воображения. И все же...

Да. Я только что выздоровел, в ушах у меня все еще звучали предостерегающие слова инопланетных полицейских — я был бы полнейшим кретином, если бы забыл сейчас об осторожности. Но поскольку я не был кретином и, как известно, изюмина из меня тоже получилась никакая, я включил внутреннюю систему, отвечающую за мою без-

опасность на полную катушку, повернул направо и пошел в противоположную от своего дома сторону.

Пройдя пару кварталов, я подобрался к дому сзади. Там был черный ход, однако туда я не пошел, а направился к тому месту, где смог забраться на водосточную трубу, с нее на подоконник, потом на карниз, а дальше на пожарную лестницу.

Уже через несколько минут я оказался на противоположной стороне крыши. После этого спустился по водосточной трубе туда, где стоял, когда разговаривал с Полом Байлером. Сделал несколько шагов вперед и заглянул в окно спальни. Слишком темно для абсолютной уверенности. Впрочем, огонек сигареты появился в другом окне.

Я положил руки на раму, нажал, а затем потянул наверх. Окно беззвучно открылось — награда за заботу о ближнем. Из-за того, что я никогда слишком серьезно не относился к своему сну и любил погулять по крышам, я обильно смазывал петли, чтобы не беспокоить своего соседа.

Оставив ботинки на подоконнике, я вошел и застыл на месте, — готовясь броситься наутек в любой момент.

Подождал минуту, едва дыша широко открытым ртом. Так получается тише. Еще одна минута...

Заскрипело мое жесткое мягкое кресло, оно всегда так делает, когда тот, кто в нем сидит, меняет позу. Значит, в передней комнате, справа от стола и рядом с окном, кто-то сидит.

— В этой штуке еще остался кофе? — негромко прозвучал грубый голос.

— Думаю, да, — послышался ответ.

— Ну так налей мне.

Открыли термос. Стали что-то наливать. Скрип и легкий стук. Кто-то шепотом сказал «спасибо». Еще один тип сидел возле самого стола.

Глоток. Вздох. Чиркнули спичкой. Снова тишина. А потом:

— Вот было бы смешно, если бы его убили.

Кто-то фыркнул.

— Угу. Только это не для него.

— А ты-то откуда знаешь?

— Да от него просто несет прухой или чем-то в этом роде. И вообще он какой-то странный.

— Вот с этим я согласен. Хорошо бы он поскорее вернулся домой.

— Знаешь, наши желания совпадают.

Тот, что сидел в кресле, поднялся на ноги и подошел к окну. Вскоре он тяжело вздохнул:

— О господи! Сколько еще ждать?

— Если мы его дождемся, игра будет стоить свеч.

— Не спорю. Но чем быстрее он попадет в наши руки, тем лучше.

— Конечно. Пью за это.

— Эй, послушай! Что это ты там нашел?

— Немного бренди.

— Сам пьет бренди, а я должен пить эту коричневую бурду?

— Ты же просил кофе. Кроме того, я нашел бренди совсем недавно.

— Передай-ка мне.

— Вот еще один стакан. Давай будем пить, как полагаются. Это хорошая штука.

— Наливай!

Я услышал, как из бутылки, которую я берег на Рождество, вынули пробку. Послышался легкий звон и звук шагов.

— Держи.

— Пахнет хорошо.

— Кто бы мог подумать!

— За королеву!

Звук шагов. Звон.

— Храни ее господь!

Мои гости снова уселись на свои места и затихли. Я стоял, не шевелясь, примерно четверть часа, но они по-прежнему молчали.

Так что я тихонько подобрался к своему тайнику, нашел там деньги, которые все так же лежали в башмаке, достал их, положил в карман и вернулся на подоконник. Потом осторожно закрыл раму, перебрался на крышу, прошел под самым носом черного кота, который выгнул спину и

плюнул мне вслед — похоже, он оказался суеверным, хотя, разумеется, каждый имеет право на заблуждения, — и поспешил прочь.

Внимательно оглядев дом, в котором жил Хал, и предполагая увидеть возле него парочку подозрительных личностей, я не заметил никого, кроме собственной персоны, поэтому решил позвонить своему бывшему соседу из телефона-автомата, стоявшего на углу.

— Да?

— Хал?

— Угу. Это кто?

— Твой старый дружок, тот, что любит повсюду лазать.

— Эй, приятель! Куда это ты вляпался?

— Если бы я сам знал, мне было бы несколько легче.

А тебе что-нибудь известно?

— Может быть, ничего существенного. Но есть кое-какие детали, которые...

— Послушай, я могу к тебе зайти?

— Конечно, почему бы нет.

— Я имею в виду сейчас. Мне не хотелось бы навязываться...

— Да никаких проблем. Давай поднимайся.

— А ты в порядке?

— По правде говоря, нет. Мы с Мэри малость разошлись во мнениях, и она решила провести конец недели у матери. Я наполовину набрался — из чего следует, что я наполовину трезв. Впрочем, этого достаточно. Ты расскажешь мне о своих проблемах, а я тебе — о своих.

— Договорились. Буду у тебя через полминуты.

— Отлично. До встречи.

Я обошел угол, позвонил, и дверь в парадную открылась. Через несколько мгновений я уже стучал в дверь Хала.

— Вот это точность, — заявил он, слегка раскачиваясь и отступая в сторону. — Входи, молись.

— В каком порядке?

— Ну, благословение этому дому — прежде всего. Ему оно не помешает.

— Благословляю, — провозгласил я, входя. — Мне очень жаль, что у тебя неприятности.

— Ничего, наладится. Все началось с подгоревшего обеда и опоздания в театр. Глупости, не более того. Когда зазвонил телефон, я подумал, что это она. Наверное, завтра мне придется принести свои извинения. Похмелье сделает мой голос особенно смиренным. Что ты будешь пить?

— Вообще-то я не собирался... А впрочем, какого черта! Что тут у тебя есть?

— Капля соды в море виски.

— Мне лучше сделай наоборот, — попросил я, садясь в большое мягкое кресло-качалку.

Очень скоро вернулся Хал и протянул мне высокий бокал, из которого я как следует отхлебнул. После этого мой приятель попробовал, что налил себе, и только потом спросил:

— Послушай, может быть, на днях ты совершил некий особенно чудовищный поступок?

Я покачал головой.

— Всегда жертва, победитель — никогда. До тебя дошли какие-то слухи?

— Ничего конкретного. Лишь намеки и предположения. В последнее время тобой многие интересуются, но никто толком ничего не говорит и не объясняет.

— Интересуются? Кто именно?

— Ну, например, твой куратор, Денис Вексрот...

— Чего он хотел?

— Получить информацию о твоём проекте в Австралии.

— А что конкретно он спрашивал?

— Где ты находишься. Он хотел знать, в каком месте ты собираешься производить раскопки.

— Что ты ему сказал?

— Что мне ничего не известно — это было почти правдой. С ним мы разговаривали по телефону. А потом он зашел проведать меня вместе с каким-то типом — мистером Надлером, который сунул мне под нос документ, где говорилось, что он работает на правительство. Мистер Надлер ужасно беспокоился по поводу того, что ты будто бы можешь забрать там какие-то культурные ценности, и тогда возникнет международный скандал.

Я сказал нечто вульгарное.

— М-да, мне это тоже пришло в голову, — согласился Хал. — Он стал приставать ко мне с расспросами о твоём местонахождении, и мне страшно захотелось «вспомнить», что ты в Тасмании. Однако я малость испугался. Не знал, чего от них ожидать. Поэтому продолжал утверждать, что ты ничего не сообщил мне о своих планах.

— Отлично. Когда они приходили?

— Ну, тебя ведь не было всю неделю. Потом я получил твою открытку из Токио.

— Понятно. Значит, на этом дело и кончилось.

— Нет, черт возьми. Только началось.

Я сделал еще один большой глоток.

— Надлер вернулся на следующий день и поинтересовался, не вспомнил ли я еще чего-нибудь. До того он дал мне номер телефона, по которому просил меня позвонить в случае, если ты со мной свяжешься. Я разозлился, сказал «нет» и выпроводил его. На следующее утро Надлер пришел снова и стал уговаривать меня, утверждая, что для твоей же пользы я должен сказать ему все, что мне известно. К тому моменту, как они пронюхали о твоём посещении здания оперного театра в Сиднее, ты уже скрылся в пустыне. Кстати, что там у тебя произошло?

— Потом, потом. Продолжай. Или это конец твоей истории?

— Нет, нет. Я опять рассердился и сказал, что мне нечего больше сообщить ему. Потом о тебе пытались узнать и другие. Какие-то люди звонили и утверждали, что им совершенно необходимо связаться с тобой, что это очень срочно. Однако никто из них не объяснил мне, почему возникла такая срочность. И не сказал ничего определенного о себе, так что я не мог выяснить, кто они такие.

— То есть? Ты пытался их выследить?

— Нет, этим занялся детектив.

— Детектив?

— Сейчас дойду. За последние три недели в мое отсутствие сюда трижды кто-то вламывался. Естественно, я обратился в полицию. Сам я никак не связал это с телефонными звонками, но после третьего раза детектив попросил

меня рассказать обо всех необычных случаях, которые произошли со мной за последнее время. Поэтому я упомянул о странных людях, которые все время звонят мне и спрашивают о приятеле, который уехал из города. Несколько человек оставили мне номера своих телефонов, и детектив решил, что их стоит проверить. Однако когда я вчера говорил с ним об этом, он сказал, что ему ничего не удалось узнать. Оказалось, что они оставляли мне телефоны кафе или ресторанов.

— Что-нибудь украли?

— Нет. Полиции это тоже не понравилось.

— Понятно, — молвил я, продолжая потихоньку потягивать виски. — А непосредственно к тебе кто-нибудь обращался с какими-нибудь необычными вопросами, не касающимися меня? В особенности насчет камня Байлера?

— Нет. Но тебя может заинтересовать тот факт, что, пока тебя не было, к нему в лабораторию кто-то влез. Никто с определенностью не может сказать, пропало ли что-нибудь. Что касается другого твоего вопроса: я не могу утверждать, что ко мне обращались с вопросами о камне, но какие-то люди все время крутились возле меня. Возможно, они хотели спокойно обыскать мою квартиру. Не знаю. Но мне показалось, что за мной следили в течение нескольких дней. Сначала я не слишком обращал на это внимание. По правде говоря, я даже и не думал об этом, пока не начали происходить разные странные события. Один и тот же человек, с не слишком приметной внешностью, постоянно находился неподалеку от меня. Однако он ни разу не подошел настолько близко, чтобы я смог его как следует рассмотреть. В первый момент я подумал, что у меня шалют нервы. Ну, а потом, естественно, я про него вспомнил. К сожалению, слишком поздно. После того как полиция стала мною заниматься и следить за этим домом, он исчез.

Хал допил виски, я тоже покончил со своей выпивкой.

— Ну вот, пожалуй, и все, — сказал Хал. — Давай-ка я налью нам еще, а ты расскажешь о том, что известно тебе.

— Валяй.

Я зажег сигарету и задумался. Во всем этом была какая-

то логика, и я не сомневался, что ключом к этой загадке является звездный камень. Мне нужно было рассмотреть множество отдельных событий, проанализировать их и внимательно изучить каждое. Впрочем, я чувствовал, что, если бы мне было известно про камень больше, события последних дней обязательно сложились бы в единую понятную картину. Так родился список приоритетных действий.

Хал вернулся с выпивкой, отдал мне мой стакан и снова уселся.

— Ну ладно, — сказал он, — последнее время здесь творятся такие странные вещи, что я готов поверить в любые небылицы.

И я поведал ему обо всем, что произошло со мной с тех пор, как я отбыл в Австралию.

— Не верю, — заявил Хал, когда я закончил.

— Я не могу поделиться с тобой своими воспоминаниями в каком-нибудь другом виде.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал он. — Все это звучит очень странно. Но ведь и ты совсем не прост. Не обижайся. Нужно еще немножко затуманить себе мозги, и тогда, возможно, мне будет легче поверить в то, что ты рассказал. Подожди.

Он ушел и вернулся с полным стаканом. Мне было уже все равно, я давно потерял счет выпитому.

— Ты что, все это говорил всерьез? — наконец поинтересовался Хал.

— Да.

— Значит, те парни, по всей вероятности, еще сидят в твоей квартире?

— Вполне возможно.

— А почему бы не вызвать полицию?

— Проклятье, они ведь сами могут оказаться полицейскими.

— И пить за королеву?

— Может быть, речь шла о какой-нибудь университетской королеве... Понимаешь, пока я как следует не обдумал все эти странные события, мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь знал о моем возвращении.

— Ладно. Я буду молчать. Тебе понадобится моя помощь?

— Думай. Всем известно, что тебе в голову время от времени приходят оригинальные мысли. Ну, самая пора выдать какую-нибудь стоящую мыслишку.

— Что ж, — сказал Хал. — Такое впечатление, что наши проблемы связаны с копией звездного камня. Что в нем такого особенного?

— Сдаюсь. Давай, говори.

— А я не знаю. Попробуем суммировать: что нам про него известно?

— Оригинал прибыл к нам, включенный в список предметов, предназначенных для культурного обмена. Про него писали, что это реликвия, объект неизвестного назначения — скорее всего его использовали для декоративных целей, — обнаруженный среди руин погибшей цивилизации. Ученые предполагают, что он искусственного происхождения. Если это так, звездный камень может оказаться самым древним в галактике предметом, созданным разумными существами.

— Значит, он бесценен.

— Естественно.

— Если он пропадет здесь или будет уничтожен, нас вышвырнут из программы обмена.

— Я полагаю, что это возможно...

— Он предполагает! Это совершенно точно. Я проверял. В нашей библиотеке есть полный текст перевода соглашения, а меня вся эта история так заинтересовала, что я его прочитал. Будет собран совет, и все его члены проголосуют по вопросу об исключении.

— Хорошо, что он не потерялся и не уничтожен.

— Ага. Просто прекрасно.

— А как Байлер добрался до него?

— Мне кажется, представитель ООН связался с ним и поручил изготовить дубликат, чтобы звездный камень можно было демонстрировать публике. Байлер выполнил заказ, а потом они все перепутали.

— Трудно поверить, что в таком серьезном деле могла возникнуть путаница.

— Предположим, путаница была намеренной.

— Это как?

— Ну, например, Байлеру дали камень, но вместо того, чтобы вернуть оригинал и копию, он вернул две копии. Меня бы несколько не удивило, если бы он захотел подольше подержать камень у себя, чтобы как следует его изучить. Байлер же мог вернуть его после окончания своих экспериментов, или, если бы его поймали — в данном случае не важно, что произошло бы раньше, — он бы просто заявил, что ошибся. Никто не стал бы поднимать шума, поскольку задание наверняка было секретным. Впрочем, не исключено, что у меня просто разыгралось воображение. Наш друг мог получить камень на совершенно законных основаниях и изучать его по просьбе правительства.

Как бы там ни было, давай предположим, что до недавнего времени оригинал находился в распоряжении Байлера.

— Ну хорошо, предположим.

— А потом исчез. Либо его перепутали и выбросили вместе с неудачными копиями, либо отдали нам — по ошибке...

— Тебе, тебе, — повторил я, — и совсем не по ошибке.

— Пол пришел к таким же выводам, — продолжал Хал, не обращая внимания на мои намеки. — Он запаниковал, стал искать камень и в процессе поисков немного нас потрепал.

— Почему он вообще забеспокоился?

— Кто-нибудь заметил подмену и потребовал вернуть настоящий оригинал. И тогда Пол обнаружил, что камень пропал.

— А Пола убили.

— Ты сказал, что двое мужчин, которые допрашивали тебя в Австралии, практически признались, что прикончили его в процессе допроса.

— Да. Зимейстер и Баклер.

— Твой подпольный агент — вомбат — сказал, что они бандиты.

— Динбаты. Давай, рассуждай дальше.

— ООН поставила в известность все входящие в нее нации — именно с этого момента государственный депар-

тамент и стал проявлять к нам интерес. Однако где-то произошла утечка, и Зимейстер решил сам найти камень, чтобы заломить большой выкуп. Ах, простите, награду.

— В этом есть некий сюрреалистический смысл. Продолжай.

— Камень мог остаться в нашем распоряжении, и все об этом знали. Нам не известно, где камень находится, но никто нам не верит.

— Кто «все»?

— Функционеры ООН, ребята из Фогги Боттом, динбаты и инопланетяне.

— Ну, если считать, что инопланетяне поставлены в известность и сами участвуют в расследовании, появление Чарва и Рагмы становится более понятным — со всеми разговорами о секретности и безопасности. Однако меня беспокоит кое-что еще. Они абсолютно уверены, что, сам того не подозревая, я знаю гораздо больше о местонахождении камня. И считают, что телепат-аналитик сможет найти в моем подсознании необходимые сведения. Интересно, откуда у них взялась такая идея?

— Тут я ничего не могу тебе сказать. Возможно, они проверили и отбросили все остальные варианты. И, между прочим, вдруг они правы? Камень действительно исчез совершенно необъяснимым образом. Интересно...

— Да?

— А что, если тебе известно что-нибудь и у твоего подсознания есть причины скрывать это? В таком случае хороший психоаналитик, даже не будучи телепатом, сумеет помочь нам. Гипноз, наркотики... Кто знает? Как насчет доктора Марко, к которому ты ходил?

— Неплохая мысль, вот только убедить доктора Марко в реальности всего происходящего будет достаточно трудно. Он даже может посчитать, что я малость сошел с катушек, и начнет меня лечить. Нет. От этого я, пожалуй, пока воздержусь.

— Что же остается?

— Напиться, — сказал я. — Чтобы мои церебральные центры совсем перестали следить за координацией движений.

— Хочешь кофе?

— Нет. Мое сознание проигрывает со счетом ноль — шесть, и я хочу достойно удалиться на покой. Ты не возражаешь, если я посплю у тебя на диване?

— Валяй. Сейчас принесу тебе одеяло и подушку.

— Спасибо.

— Может быть, утром у нас возникнут свежие мысли, — сказал Хал, вставая.

— Какими бы умными они ни были, думать их будет весьма непросто, — заявил я, подходя к дивану и скидывая туфли. — Пусть мыслям придет конец. Таким образом я отмечаю Декарта.

Я повалился на диван без единой cogito и перестав sum¹
Забве...

В одной из дальних комнат моего сознания стоял теле-тайп. Им никто никогда не пользовался. Внутри не-созидания, где не-я мирно не-существовал в интервале не-времени, он застучал, извергая что-то, и начал синтезироваться некий получатель, который походил на меня для того, чтобы докучать ему...

ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ФРЕД?

ДА, ХОРОШО

КТО ТЫ?

Я ЕСТЬ XXXXXX:

ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ФРЕД?

КТО ТЫ?

Я ЕСТЬ XXX IXXXXXX

СТАТЬЯ 7224 РАЗДЕЛ С

Я ПРИВЛЕК К НЕЙ ТВОЕ ВНИМАНИЕ

.....ХОРОШО.....К ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЮ?.....

НЕТ.....ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО.....ЧТО,
ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ТАКОЕ N-МЕРНЫЙ ПРЕОБРАЗОВА-
ТЕЛЬ?.....

ВРЕМЯ НАЗЫВАЕТ СООТВЕТСТВИЕ ЭТОГО МЕХАНИЗ-
МА С МАШИНОЙ РЕННИУСА..... Я ЗНАЮ, ГДЕ

¹ Cogito, ergo sum (лат.) — «Мыслю, значит, существую». Афоризм Декарта.

ОН НАХОДИТСЯ ДА..... ОТПРАВЛЯЙСЯ К МАШИНЕ РЕННИУСА, ПРОВЕРЬ ЕЕ ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ..... КАК?:

.....НАБЛЮДАЙ ЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ ОБЪЕКТА, ПРОХОДЯЩЕГО ЧЕРЕЗ МОБИЛЯТОР.....ЧТО ТАКОЕ МОБИЛЯТОР? ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ МАШИНЫ, ЧЕРЕЗ КОТОРУЮ ПРОХОДИТ ЛЕНТА..... К НЕЙ НЕВОЗМОЖНО ПОДОЙТИ ТАК БЛИЗКО. ОНА ОХРАНЯЕТСЯ ЖИЗНЕННО ВАЖНОПОЧЕМУ?..... ЧТОБЫ ПЕРЕДЕЛАТЬ, РЕФОРМИРОВАТЬ.....ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ФРЕД?

.....ДА.....ОТПРАВЛЯЙСЯ К МАШИНЕ РЕННИУСА И ПРОВЕРЬ ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ.....

ПРЕДПОЛОЖИМ, Я СМОГУ ЭТО СДЕЛАТЬ. ЧТО ПОТОМ?..... ПОТОМ ТЫ ПОЙДЕШЬ И НАПЬЕШЬСЯ ...:

ПОЖАЛУЙСТА, ПОВТОРИ :: ПРОВЕРЬ ПРОГРАММУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПОЙДИ.....ВЫПЕЙ ЧТО-НИБУДЬ ЕЩЕ?ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАВИСЯТ ОТ ...: НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ СОБЫТИЙ КТО ТЫ?

..... Я

XXXXXXXXXXXXXXXXСПЕЙКУСXXXXXXXXXXXXX
ПЕЙКУСXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXСПЕЙКУССПЕЙКУССПЕЙКУССПЕЙКУССПЕЙ
КУССПЕЙКУССПЕЙКУСXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXЗАПИСЬXXXXСПЕЙКУСXXXXXXXXXXXXX
XXXXЗАПИСЬXXXXСПЕЙКУСЗXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXЗАПИСЬX
XXXX.....

тяжкой, причем гораздо четче и яснее, чем все созданные моим подсознанием шоу с монстрами.

Еще накануне решив принимать необычное в надлежащем состоянии духа, я ограничил свои размышления позитивными реакциями. Все это имело ничуть не меньше смысла, чем то, что происходило со мной в последнее время, а я уже давно стремился сам начать действовать — мне изрядно надоело ждать, пока со мной еще что-нибудь случится без всякой на то инициативы с моей стороны.

Поэтому я аккуратно сложил одеяло, а сверху водрузил подушку. Покончив с первой чашкой кофе, налил себе вторую и поставил кофейник на медленный огонь. Среди ящичков письменного стола я нашел писчую бумагу и написал короткую записку:

Хал! Спасибо. У меня появились кое-какие дела. Ночью меня посетило озарение. Довольно-таки странное. Позвоню тебе в ближайший день-два и расскажу о том, что из всего этого вышло. Надеюсь, что к тому времени все благополучно закончится.

Фред.

P.S. Кофе стоит на огне.

Как мне показалось, я написал все, что требовалось. Записку я оставил на другом конце дивана.

Выйдя из дома, я направился к автобусной остановке. Впереди у меня была длинная поездка. Я приеду на место слишком поздно и смогу осмотреть машину Ренниуса лишь на следующий день во время обычных часов для посетителей. Обязательно нужно будет найти возможность нанести туда частный визит позднее.

Что я и сделал.

Voilà! Линкольн снова смотрел вправо, да и все остальное, как мне показалось, было на месте. Я сунул монетку в карман, постарался остановить раскачивание и начал подниматься вверх.

Неожиданно раздалось густое бронзовое гудение, нервы у меня напряглись, а руки перестали слушаться. Свободный конец веревки отчаянно раскачивался. Возможно, он

за что-нибудь зацепился или попал в поле зрения камеры. Теперь это уже не имело значения.

Несколько мгновений спустя я услышал крик:

— Руки вверх!

Видимо, подобные слова приходят на ум куда более естественно, чем, скажем: «Ну-ка перестань карабкаться вверх по этой дурацкой веревке и спускайся вниз, не до-трагиваясь до машины!»

Ну, я и стал поднимать руки, быстро и часто. К тому времени, когда голос объявил, что будет стрелять, я уже находился на потолочной балке и выглядывал в окно. Если подпрыгнуть, ухватиться за что-нибудь, подтянуться, перевернуться, пролезть через горизонтальное отверстие в восемнадцать дюймов, которое я предусмотрительно оставил для отступления, упасть на крышу и перекатиться — тогда у меня будет на выбор несколько вариантов бегства с места преступления. Может быть, удастся благополучно покинуть окрестности. Я напряг мышцы.

— Стой, буду стрелять! — повторил охранник, который находился почти непосредственно подо мной.

Я услышал выстрел, и под аккомпанемент бьющегося стекла подпрыгнул вверх.

Глава 6

Звук вырывающегося из древних труб пара протащил меня через границу в то место, где личность поражается сама себе. Я хотел затормозить и вернуться назад, но система отопления не пускала. Мое подсознание бездействовало, и я наслаждался отсутствием памяти. Однако вскоре понял, что хочу пить. А потом — что нечто жесткое упирается мне в бок.

Круг ощущений расширился, части головоломки встали на свои места. И я открыл глаза.

Да...

Я лежал на матрасе в углу комнаты, где совсем недавно явно была какая-то вечеринка. На полу валялись журналы, бутылки, окурки и отдельные предметы одежды; стены украшали яркие картины и афиши, которые были наляпаны

словно марки на заграничной посылке, криво и без всякого смысла. В дверном проеме справа от меня висели нанизанные на нитку бусины, отражавшие, по всей вероятности, утренний свет, который падал из огромного окна, расположенного на противоположной от меня стене. В его лучах плясали золотые пылинки, возникшие, как мне показалось, из-за того, что возле окна стоял осел и обедал какое-то растение в горшке. А на подоконнике сидел рыжий кот и подмигивал мне своими желтыми глазами; впрочем, ему это скоро надоело, и он решил поспать.

Откуда-то из-за окна доносился слабый шум уличного движения. Глядя на отражения в бусинах, я различал верхнюю часть кирпичного здания, которое, похоже, находилось на достаточно приличном расстоянии от нас. Впервые за это утро я попытался сглотнуть и понял, как сильно хочу пить. Воздух в комнате был сухим, его наполняли застоявшиеся запахи, в том числе и весьма экзотические.

Я слегка пошевелился, чтобы определить, не болит ли у меня что-нибудь. Совсем неплохо. Небольшая пульсация в лобной части головного мозга, ее вряд ли можно назвать головной болью. Я потянулся и почувствовал себя немного лучше.

Острый предмет, который упирался мне в бок, оказался пустой бутылкой. Вспомнив, как он попал на свое место, я поморщился. Вечеринка, да... Тут была вечеринка...

Я сел. Увидел свои ботинки. Надел их. Встал. Вода... Если пройти через бусины и зайти за угол, окажешься в ванной комнате. Да.

Прежде чем я успел двинуться в ту сторону, осел повернулся, посмотрел на меня и стал приближаться.

Надо сказать, что в единую долю секунды, еще до того, как все произошло, я понял, что меня ждет.

— Твое сознание все еще затуманено, — сказал осел или мне показалось, что сказал, слова как-то странно прозвучали у меня в голове, — так что пойдя, утоли жажду и вымой лицо. Но не вздумай воспользоваться окном, чтобы сбежать. Потому что это может привести к осложнениям. Когда покончишь со всеми делами, возвращайся в комнату, мне надо тебе кое-что сказать.

— Ладно, — нисколько не удивившись, согласился я, отправился в ванну и включил воду.

За окном не было ничего подозрительного: никаких странных личностей, да и вообще никого, кто мог бы мне помешать перебраться на соседнее здание, а потом вверх, на крышу, и прочь отсюда. В данный момент я не собирался этого делать, только подумал, что, вероятно, осел слишком густо краски.

Окно... Я снова вспомнил о вчерашней ночи, выстрелах, бьющемся стекле. Вылезая через слуховое окно, я порвал куртку, а падая, поцарапал плечо. Я покатился, вскочил на ноги и, пригнувшись, бросился бежать...

Через час я уже сидел в баре в Виллидж, выполняя вторую часть инструкций. Впрочем, я приступил к этому не сразу, потому что меня преследовало ощущение, что за мной кто-то гонится, и мне хотелось некоторое время побыть в одиночестве, чтобы прийти в себя. Поэтому я заказал пиво и пил его маленькими глотками.

Легкие порывы ветра несли по улице обрывки бумаги. Время от времени падали одинокие снежинки, которые, оказавшись на земле, превращались в мокрые кляксы. Потом средняя часть этой процедуры проскочила как-то незаметно, и холодный дождь сначала припустил из всей силы, затем с неба посыпались крупные капли, а вскоре дождь прекратился — на землю пал туман.

Ветер свистел и стучал в дверь, и даже в теплой куртке мне было холодно. Так что минут через десять или пятнадцать, когда я дрпил свое пиво, мне пришло в голову, что неплохо было бы поискать местечко потеплее. Так я объяснил себе свое поведение, хотя на самом деле мною двигало примитивное стремление бежать.

В течение следующего часа я зашел в три бара, выпивал в каждом по кружке пива и шел дальше. По дороге в каком-то магазине купил бутылку, поскольку было уже поздно, а мне не хотелось оказаться на людях вдребезги пьяным. Я стал подумывать о ночлеге. Ладно, решил я, надо взять такси и попросить шофера отвезти меня в какой-нибудь отель, где я смогу завершить процесс интоксикации. Размышлять о том, чем все это закончится, бес-

смысленно, впрочем, и спешить мне особенно некуда. В данный момент хотелось, чтобы рядом со мной были люди, мне нужны были их голоса и звуки музыки, которые отражаются от стен. Воспоминания об Австралии были весьма путаными и неясными, страх, испытанный во время бегства из выставочного зала с машиной Ренниуса, все еще меня не покинул: в ушах звучал выстрел и звенело стекло.

Пятый бар, в который я зашел, оказался настоящей находкой. Он располагался на три или четыре ступеньки ниже уровня улицы, там было тепло, царил приятный полумрак, в нем было достаточно народу, чтобы создать необходимый мне шумовой фон, однако не настолько много, чтобы я не смог занять удобный столик у стены. Сняв куртку, я закурил. Пожалуй, здесь можно немного посидеть.

Он нашел меня через полчаса или немного больше. Мне удалось немного расслабиться, кое-что забыть, почувствовать себя тепло и уютно, я перестал обращать внимание на вой ветра — именно в этот момент проходящий мимо меня человек остановился, повернулся и сел на стул напротив.

Я даже не поднял головы. Боковым зрением я видел, что это не полицейский, но у меня не было ни малейшего желания вступать в какие-либо контакты, особенно со странными типами вроде этого.

Так мы и сидели, не шевелясь, почти целую напряженную минуту. А потом что-то мелькнуло на столе, и я инстинктивно посмотрел в ту сторону.

Передо мной лежали три очень четкие фотографии: две брюнетки и блондинка.

— Как насчет того, чтобы погреться с девочками в такой холодный вечер? — услышал я голос, который вернул меня на несколько лет назад и заставил поднять глаза.

— Доктор Мерими! — воскликнул я.

— Ш-ш-ш! — прошипел он. — Сделай вид, что ты рассматриваешь фотографии!

Та же старая шинель, шелковый шарф и берет... Тот же длинный мундштук... Удивительные глаза за толстыми

стеклами, благодаря которым у меня складывалось впечатление, что я смотрю в аквариум. Сколько лет прошло?

— Какого черта вы тут делаете? — спросил я.

— Естественно, собираю материал для книги. Проклятье! Смотри на фотографии, Фред! Сделай вид, что ты их разглядываешь. На самом деле. Возникли проблемы. Думаю, что у тебя.

Я принялся изучать глянцевитых дамочек.

— Какие проблемы?

— Мне кажется, за тобой следит какой-то тип.

— А где он сейчас?

— На противоположной стороне улицы. Последний раз я видел его в парадной.

— Как он выглядит?

— Ну, не знаю. Одет, как полагается в такую погоду. Тяжелое пальто. На глаза натянута шляпа. Голова опущена. Среднего роста или немного ниже. Может оказаться сильным.

Я захихикал:

— Может оказаться кем угодно. А откуда вы знаете, что он следит за мной?

— Я заметил тебя около часа тому назад, несколько баров тому назад. В том баре было довольно много народу. Как раз в тот момент, когда я поднялся и направился в твою сторону, ты встал, чтобы уйти. Я позвал тебя, однако было шумно, и ты меня не услышал. К тому времени, как я заплатил и стал тебя догонять, ты был уже довольно далеко, и я поспешил за тобой. Тут-то я и увидел, как из двери вышел этот парень и последовал моему примеру. Сначала я не обратил на него никакого внимания, но ты довольно долго бродил по улицам, а этот тип все время поворачивал вслед за тобой. Потом ты нашел очередной бар; тогда он остановился и принялся пялиться на дверь. Затем забрался в подъезд, зажег сигарету, немного покашлял и стал ждать, не спуская глаз с входной двери. Поэтому я дошел до угла, где была телефонная будка, и начал следить за подозрительным типом, одновременно делая вид, что звоню. Ты пробыл в том баре не очень долго, и, когда отправился дальше, он пошел за тобой. Еще в двух барах я к тебе не

подходил, чтобы убедиться в том, что не ошибся. Теперь я в этом уверен. За тобой следят.

— Ладно. Я вам верю.

— То, что ты так спокойно отнесся к этому известию, заставляет меня думать, что оно не явилось для тебя полной неожиданностью.

— Точно.

— Может быть, я смогу тебе чем-нибудь помочь?

— Ну, что касается причин моей головной боли — вряд ли. А вот относительно непосредственных симптомов...

— Например, вывести тебя отсюда так, чтобы он этого не заметил?

— Именно это я и имел в виду.

Мерими взмахнул забинтованной рукой.

— Проще простого. Расслабься и пей спокойно. Не беспокойся. Считай, дело сделано. Притворись, что изучаешь фотографии.

— Зачем?

— А почему бы и нет?

— Что у вас с рукой?

— Что-то вроде несчастного случая с мясницким ножом. Тебе уже выдали диплом?

— Нет. Но они стараются изо всех сил.

Подошел официант, постелил перед Мерими салфетку, поставил на нее выпивку, взял деньги, бросил взгляд на фотографии, подмигнул мне и вернулся к стойке бара.

— Мне казалось, что я сумел загнать тебя в угол, когда ты изучал историю. Как раз тогда я и покинул университет, — сказал Мерими, поднял стакан, сделал глоток, поджал губы, выпил еще немного. — Что произошло?

— Я сбежал в археологию.

— Не надежно. У тебя было слишком много работ по антропологии и древней истории, чтобы ты сумел продержаться долго.

— Конечно. Но таким образом я получил передышку на второй семестр, что мне и требовалось. А осенью ввели новый курс геологии. Я занимался им полтора года. Потом появились другие возможности.

Мерими покачал головой.

— Исключительно абсурдно, — сказал он.

— Благодарю вас.

Я сделал большой глоток холодного пива.

Мерими кашлянул.

— Насколько серьезна ситуация, в которой ты оказался?

— Достаточно серьезна, хотя, мне кажется, мои неприятности явились следствием большой ошибки.

— Я имел в виду вот что: в твоей проблеме замешаны власти или частные лица?

— Похоже, как те, так и другие. А что? Вы передумали мне помогать?

— Конечно же, нет! Просто я хотел оценить, насколько серьезна ситуация.

— Извините, — проговорил я, — наверное, нужно поблагодарить вас за риск...

Мерими поднял руку, словно хотел остановить меня, но я продолжал:

— Я не имею ни малейшего представления о том, кто там караулит меня на улице. Хотя у меня сложилось впечатление, что в этом деле замешано несколько человек, которые могут оказаться по-настоящему опасными.

— Ладно, этого вполне достаточно, — буркнул Мерими. — Я всегда полностью отвечаю за свои поступки и сейчас собираюсь тебе помочь. Хватит разговоров!

Мы выпили еще понемногу. Мерими, улыбаясь, переложил фотографии.

— Я ведь и вправду смог бы обеспечить тебя на ночь одной из этих красоток, — сообщил он мне, — если бы ты захотел.

— Спасибо. Сегодняшний вечер я отвел на то, чтобы как следует надраться.

— Ну, эти занятия не являются взаимоисключающими.

— Сегодня являются.

— Ладно, — сказал он, пожав плечами, — я не собираюсь ничего тебе навязывать. Просто хотел быть с тобой гостеприимным. Успех способствует этому.

— Успех?

— Ты один из немногих знакомых мне людей, которым сопутствует удача.

— Мне? С чего вы взяли?

— Ты всегда знаешь, что делаешь, и делаешь это очень хорошо.

— Да я же ничего особенного не делаю.

— И конечно же, ни твоя собственная деятельность, ни отношение к ней других людей не имеют для тебя никакого значения. С моей точки зрения, именно это и делает тебя удачником.

— То, что мне на все наплевать? Но ведь это совсем не так.

— Нет, конечно, тебе не наплевать! Просто у тебя такая манера поведения, стиль, что ли. Ты понимаешь, как надо делать выбор...

— Ну, хорошо, — прервал я его, — мне понятно, что вы имеете в виду, и я готов с вами согласиться. А теперь...

— ...и это делает нас с тобой родственными душами, — продолжал Мерими. — Потому что я и сам точно такой же.

— Естественно, мне это было известно с самого начала. А теперь вернемся к тому, как вы собираетесь вытащить меня отсюда...

— Здесь есть кухня, из которой во двор ведет дверь, — сообщил мне Мерими. — Днем они готовят тут еду. Мы выйдем через эту дверь. Бармен — мой приятель, у нас не возникнет никаких проблем. А потом я отведу тебя к себе — кружным путем. Там сейчас вечеринка в самом разгаре. Можешь развлекаться сколько твоей душе будет угодно, а после ложись спать в каком-нибудь подходящем теплом уголке.

— Звучит соблазнительно, особенно в той части, где упоминается уголок. Спасибо.

Мы осушили свои стаканы, и Мерими спрятал дамочек в карман. Потом подошел к бармену, они о чем-то поговорили, бармен кивнул. А затем Мерими повернулся ко мне и глазами велел подойти к бару. Я встретил его у двери на кухню.

Он провел меня через кухню, и мы вышли через заднюю дверь в темную аллею.

Моросил мелкий дождь, и я поднял воротник куртки. Мерими повернул направо, я последовал за ним. На пере-

крестке нескольких аллей мы повернули налево, прошли между темными силуэтами мусорных баков, прошлепали прямо по громадной луже, так что я насквозь промочил ноги, и вышли на улицу где-то в самом центре следующего квартала.

Через три или четыре квартала и много минут мы поднимались по лестнице дома, в котором устроил свою штаб-квартиру Мерими. Из-за сырости на лестнице довольно противно пахло, а ступени у нас под ногами пронзительно скрипели. Уже снизу я услышал слабые звуки музыки, смешанной с голосами и смехом.

Мы пошли на эти звуки и вскоре оказались возле двери. Мерими представил меня некоторым из своих гостей. Я же довольно быстро нашел стакан, лед и какую-то выпивку, взял все это с собой и уселся в удобное кресло, чтобы поговорить и понаблюдать за происходящим, тайно надеясь, что веселье — вещь заразная и мне удастся допиться до такого состояния, что я окажусь в пустом темном месте, которое непременно где-то меня ждет.

Я, естественно, туда добрался, но только после того, как вечеринка докатилась до полного отпада. Поскольку все присутствующие усиленно стремились попасть туда же, куда и я, у меня не было ощущения, что я очень сильно от них отличаюсь. В дымке, винных парах и оглушительном шуме все казалось совершенно естественным, достойным и невероятно ярким, даже появление Мерими, одетого лишь в гирлянду из листьев и сидевшего на маленьком сером ослике, который, казалось, жил где-то в одной из задних комнат. За ними следовал ухмыляющийся карлик с парой цимбал.

Впрочем, на странную процессию никто не обратил внимания, кроме меня.

— Фред?

— Да?

— Пока не забыл... если ты проснешься утром, когда я уже уйду, запомни: бекон лежит в нижнем правом ящике холодильника, а хлеб — в шкафу слева. Яйца сам увидишь. Угошайся.

— Спасибо. Я запомню.

— И еще...

Он наклонился ко мне и тихо произнес:

— Я много думал.

— Да?

— О твоих неприятностях.

— И что?

— Не знаю, как лучше это сказать... Но... Как ты думаешь, тебя могут убить?

— Вполне возможно.

— Тогда — имей в виду, это только на случай крайней необходимости, — у меня есть знакомые определенного типа. Если... Если возникнет необходимость, ради твоей безопасности, чтобы какая-нибудь личность умерла раньше тебя, я бы хотел, чтобы ты запомнил номер моего телефона. Позвони, если возникнет нужда, назови имя и место, где этого человека можно найти. Попробую помочь. У меня есть парочка должников.

— Я... даже не знаю, что и сказать. Я вам благодарен. Надеюсь, мне не придется воспользоваться вашим предложением. Я не ожидал...

— Это самое малое, что я могу сделать, чтобы защитить капиталовложение твоего дяди Альберта.

— Вы знали о моем дяде Альберте? О его завещании? Вы никогда не упоминали...

— Знал о нем!.. Ал и я, мы учились вместе в Сорбонне. Летом мы продавали оружие в Африку и занимались всякими разными делами. Я профукал денежки, а он сберег свои и умножил их. Немного поэт, немного мерзавец. Такое впечатление, что это ваша семейная черта. Классические безумные ирландцы — все вы. О да, конечно, я знал Ала.

— А почему вы ничего мне не говорили тогда?

— Ты мог подумать, что таким образом я пытаюсь заставить тебя закончить университет. Это было бы нечестно, это означало бы вмешательство в право свободной личности на выбор. Однако теперь у тебя возникли такие проблемы, что я вынужден сказать тебе правду.

— Но...

— Достаточно! — воскликнул Мерими. — Да здравствует веселье!

Карлик изо всех сил ударил в цимбалы, а Мерими вытянул вперед руку. Кто-то протянул ему бутылку вина. Он откинул назад голову и сделал большой смачный глоток.

Ослик начал приплясывать.

Девушка с сонными глазами, сидевшая возле завешенной бусами двери, неожиданно вскочила на ноги, начала рвать на себе волосы, отдирать пуговицы от блузки, непрерывно выкрикивая при этом:

— Эвоэ! Эвоэ!

— Пока, Фред.

— Пока.

По крайней мере, я помню все именно так. Почти сразу после этого я погрузился в забвение, которое, как мне казалось, я мог потрогать руками.

Сон, который срывает с нас покровы забот, нашел меня позже в этом усыпанном пеплом и мусором месте, откуда все постепенно ушли. Я добрался до матраса в углу, устроился на нем поудобнее и пожелал потолку спокойной ночи.

А затем...

В раковину бежала вода, мыльная пена у меня на лице, в руке бритва Мерими и сам я в зеркале, туман медленно расходится, и появляется вулкан Фуджи.

И оттуда, расположившись в самой сердцевине недавней тьмы, возникло то, что я искал, освобожденное некой магической силой.

ТЫ
СЛЫШИШЬ
МЕНЯ,
ФРЕД?

ДА.

ХОРОШО.
МАШИНА
ЗАПРОГРАММИРОВАНА
ПРАВИЛЬНО.

НАШИ ЦЕЛИ
БУДУТ
РЕАЛИЗОВАНЫ.

ЕДИНСТВЕННОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ТЕПЕРЬ
БУДЕТ
ДОСТАТОЧНО.

ПРОХОЖДЕНИЕ
ЧЕРЕЗ
МОБИЛЯТОР
N-МЕРНОГО
ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ.

СЕБЯ САМОГО.

ДА!

ЖИЗНЕННО
ВАЖНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ.

ИНВЕРСИЯ,
ЕСТЕСТВЕННО.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ
НАШИ ЦЕЛИ?

КАКОГО РОДА
ТРАНСФОРМАЦИИ?

ТЫ
ИМЕЕШЬ В ВИДУ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ЭЛЕМЕНТ МАШИНЫ
РЕННИУСА?

ЧТО Я ДОЛЖЕН
ПРОПУСТИТЬ
ЧЕРЕЗ
НЕГО?

СЕБЯ?

ПОЧЕМУ?

КАКОГО ВИДА?

ЗАЧЕМ
ИНВЕРСИРОВАТЬСЯ?

НЕОБХОДИМО.
ВСЕ ТОГДА
ВЕРНЕТСЯ
К ПРАВИЛЬНОМУ
ПОРЯДКУ.

ИМЕННО ТАК.

НЕ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МНОГИЕ
ДРУГИЕ ВЕЩИ,
КОТОРЫЕ ТЫ ДЕЛАЕШЬ
КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Я — ХХХХ
ХХХХЯ —ХХ
ХХХХХХХХХХХХ
ХХХХХХХХХЯ —
ХХХСПЕЙКУСПЕЙКУС
СПЕЙКУСПЕЙКУС
ХХХХХХХХХХХХХ
ПЕЙКХХХУСПЕЙХХХХХ

ХХХХХХХХХХХХХХХХХ
ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ФРЕД?

ТЫ ЭТО СДЕЛАЕШЬ?

ПРАВИЛЬНО.

ИНВЕРСИРОВАВ МЕНЯ?

ЭТО МОЖЕТ
ПРЕДСТАВЛЯТЬ
ОПАСНОСТЬ
ДЛЯ МОЕГО
ЗДОРОВЬЯ?

КАКИЕ
У МЕНЯ ЕСТЬ
ГАРАНТИИ В ЭТОМ?

НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

ДА, Я ЗДЕСЬ.

ОДИН РАЗ
СКВОЗЬ ЭТУ ШТУКУ,
И ВСЕ?

ТОЛЬКО И ВСЕГО?

МНЕ
МЕШАЕТ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ
РЕШЕНИЯ
В ОБЩЕМ ВИДЕ
УРАВНЕНИЯ
ПЯТОЙ СТЕПЕНИ.

ЭТО БУДЕТ
ОПАСНО
ДЛЯ ТВОЕГО
ЗДОРОВЬЯ.

СМЕРТЕЛЬНО.

НЕОБХОДИМО.
ТОЛЬКО ПОСЛЕ
ЭТОГО
ВСЕ ПРИДЕТ
В НОРМУ.

ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?
А ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ,
ЕСЛИ Я ПРОДЕЛАЮ
ЭТО ДВАЖДЫ?

ДАВАЙ
КАК-НИБУДЬ
ПОПРОЩЕ.

НАСКОЛЬКО ОПАСНО?

Я
НЕ УВЕРЕН,
ЧТО МНЕ
НРАВИТСЯ
ЭТА ИДЕЯ.

А ТЫ УВЕРЕН, ЧТО
ПОСЛЕ ЭТОГО
ЧТО-НИБУДЬ
ПРОЯСНИТСЯ
И ПРИНЕСЕТ
ПОРЯДОК

В НАСТОЯЩЕЕ
И БЕЗ ТОГО
ЗАПУТАННОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ?

ТОГДА

ВСЕООООООООООООООООООООООООООООООООООО
ОООООООООООООООООООООООО

Вот так оно и было, во всей полноте. Мгновенное воспроизведение — только оно заняло куда меньше времени, чем требуется на то, чтобы поднять руку с бритвой к щеке и проделать дорожку посреди мыльной пены. Мой безымянный собеседник вновь связался со мной и на этот раз обещал мне вполне определенный результат. Я начал напевать себе под нос. Даже не слишком надежные обещания все-таки лучше, чем полная неясность.

Закончив бриться, я сразу направился на кухню. Там было довольно тесно, в мойке лежала гора невымытой посуды и сильно пахло карри. Я занялся приготовлением завтрака.

На нижней полке холодильника, поверх пачки с беконом, лежала записка: «Вспомни номер и то, когда по нему нужно звонить».

Поэтому я поджаривал себе яичницу и тосты, одновременно повторяя в уме цифры. Неожиданно, как раз в тот момент, когда я собрался позавтракать, на кухню вошел осел и уставился на меня.

— Кофе? — предложил я.

— Прекрати сейчас же!

— Что?

— Повторять цифры. Это ужасно раздражает.

— Какие еще цифры?

— Те, о которых ты думаешь. Они роятся, словно насекомые.

Я намазал джемом тост и откусил кусочек.

— Иди к дьяволу, — предложил я. — Моя терпимость к ослам-телепатам весьма ограничена, а то, о чем я думаю, касается только меня.

— Человеческий разум, мистер Кассиди, вообще малопривлекательное место. Могу тебя заверить, что я не вы-

зывался добровольно заниматься прослушиванием твоего разума. Теперь уже очевидно, что тебе незнакомы самые элементарные нормы вежливости. Так что мне только остается извиниться.

— Жду не дождусь.

— Иди к дьяволу.

Я посмотрел на яичницу с беконом. Прошла минута или даже две.

— Меня зовут Сибла, — представился осел.

Я решил, что меня это мало интересует, и продолжал есть.

— Я друг Рагмы и Чарва.

— Понятно, — отозвался я. — И они послали тебя, чтобы ты поковырялся в моем мозгу.

— Не совсем так. Мне было поручено охранять тебя до тех пор, пока ты не получишь сообщение и не начнешь действовать в соответствии с ним.

— И как ты собирался защищать меня?

— Ты должен оставаться незаметным и не привлекать ничьего внимания...

— Рядом с ослом, который следует за мной по пятам! Интересно, кто тебе давал задание?

— Мне известно, что в моем данном виде я привлекаю внимание. Я не успел объяснить: в мою задачу входит обеспечение твоего мысленного молчания. Как телепат, я в состоянии заглушить твои мысли. На самом деле в этом не было особой необходимости — алкоголь притупил их в достаточной степени. Однако я нахожусь здесь, чтобы ты не выдал себя другому телепату раньше времени.

— Какому еще другому телепату?

— Будучи более откровенным, чем того требует ситуация, скажу, что и сам не знаю. На более высоком уровне было решено, что в этом деле может участвовать некий телепат. Меня послали сюда, чтобы блокировать твои мысли и не дать возможности враждебному телепату войти с тобой в контакт. Кроме того, в мою задачу входит определить личность и местонахождение этого индивида.

— Ну? Что произошло?

— Ничего. Ты напился, и никто не пытался войти с тобой в контакт.

— Значит, предположение было неверным.

— Может быть. А может быть, и нет.

Я снова принялся за еду. Между глотками я спросил:

— А каков твой уровень, или звание, или как там у вас это называется? Такое же, как у Рагмы и Чарва? Или выше?

— Не то и не другое, — ответил осел. — Я работаю фининспектором, с полной оплатой издержек. Меня привлекли к работе как единственного телепата, способного выполнить данную роль.

— Тебе запрещено сообщать мне какую-нибудь информацию?

— Мне предоставлено самому решать этот вопрос, руководствуясь соображениями здравого смысла.

— Странно. Все в этом деле кажется мне каким-то иррациональным, начисто лишенным здравого смысла. Похоже, у них не было времени, чтобы полностью ввести тебя в курс дела.

— Верно. Была ужасная спешка. Приходилось учитывать, что потребуется время на путешествие и замену.

— Какую замену?

— Настоящего осла пришлось убирать.

— Угу.

— Я читаю твои мысли и не собираюсь отвечать на вопросы, на которые тебе не ответил Рагма.

— Ладно. Если твой здравый смысл и разум подсказывают тебе, что от меня следует скрыть информацию, жизненно важную для моей безопасности, тогда хотя бы прояви элементарную сообразительность, — я засунул последний кусок яичницы себе в рот. — Что это за поручение, о котором ты упоминал?

Осел отвел взгляд.

— Ты вроде бы упоминал о том, что собираешься сотрудничать со мной, не так ли?

— Да, но это было раньше, — ответил я.

— Однако ты отказался отправиться в другой мир, чтобы с тобой поработал телепат-аналитик.

— Ага.

— Мы подумали, что в таком случае ты можешь согласиться на подобную процедуру здесь.

Я отпил кофе.

— У тебя есть достаточная подготовка для подобных экспериментов?

— Практически любой телепат немного знает теорию, а кроме того, у меня колоссальный жизненный опыт по части телепатии...

— Но ты же фининспектор, — заметил я. — Не пытайся произвести впечатление на аборигенов — мы здесь не такие дураки, как ты думаешь.

— Ладно. У меня действительно нет необходимой подготовки. Однако мне кажется, что я все равно смогу справиться с поставленной передо мной задачей. Да и другие разделяют мое мнение, иначе они бы ко мне не обратились.

— Кто «другие»?

— Ну... А, черт с ним! Чарв и Рагма.

— У меня такое чувство, что они начали действовать не по инструкции. Правильно?

— Агенты при выполнении подобных заданий обладают большой долей самостоятельности. Иначе и быть не может.

Я вздохнул и закурил сигарету.

— Сколько лет уже существует организация, на которую ты работаешь? — спросил я. Заметив, что он колеблется, я добавил: — Ну какой может быть вред, если ты ответишь на этот вопрос?

— Пожалуй, никакого. Несколько тысяч... лет, по твоим меркам.

— Понятно. Другими словами, это одна из крупнейших и старейших бюрократических организаций.

— Я вижу, на что ты намекаешь, но...

— Все равно, дай мне закончить. В университете я изучал науку об управлении и знаю, что существует закон эволюции любых организаций — такой же обязательный и неизбежный, как и все остальное в жизни. Чем дольше существует такая организация, тем больше она рождает запрещений, которые замедляют ее нормальное функциони-

рование. Она достигает энтропии в состоянии полного нарциссизма. Только люди, непосредственно занимающиеся конкретной работой, могут довести что-нибудь до конца — и всякий раз, когда им это удастся, в процессе они нарушают с полдюжины дурацких правил.

— Не могу не согласиться с тем, что в твоей мысли есть много разумного, однако в нашем случае...

— Твое появление здесь нарушает некое правило. Я это знаю. И мне не требуется читать в твоём разуме, чтобы понять: ты чувствуешь себя весьма неуверенно из-за этого. Разве не так?

— Мне не разрешается обсуждать политику и внутренние законы нашей организации.

— Естественно, — сказал я, — но я не мог не обратиться на это твоего внимания. А теперь расскажи мне об аналитическом методе. Как он работает?

— Он напоминает простой ассоциативный словарный тест, с которым ты наверняка знаком. Разница заключается в том, что я это буду делать изнутри. Мне не потребуются гадать о твоих реакциях — я буду знать о них непосредственно.

— Из твоих слов следует, что ты не способен заглянуть прямо в мое подсознание.

— Это верно. Я не так хорош. Обычно я могу читать только поверхностные мысли. Однако, когда мне удастся что-нибудь воспринять таким образом, я в силах уцепиться за мысль и проследить ее до самых корней.

— Ясно. Значит, с моей стороны потребуются ответные усилия?

— О да. Только настоящий профессионал смог бы сделать это против твоей воли.

— Мне повезло, что таких профессионалов не оказалось в наличии.

— А вот я об этом жалею. Похоже, процедура не доставит мне никакого удовольствия.

Я допил свой кофе и налил новую чашку.

— Ты не возражаешь, если мы попробуем сделать это сегодня днем? — спросил Сибла.

— А почему не сейчас?

— Я бы хотел дождаться того момента, когда твоя нервная система придет в норму. Вторичные эффекты воздействия алкоголя еще сохранились — слишком много ты его поглотил вчера. Из-за этого сканирование в данный момент весьма затруднено.

— Алкоголь всегда оказывает такое воздействие?

— Как правило.

Я снова приложился к своей чашке с кофе.

— Опять ты этим занялся!

— Что такое?

— Цифры, снова и снова.

— Извини. Трудно от них избавиться.

— Нет, тут дело совсем в другом!

Я встал. Потянулся.

— Прошу меня извинить. Мне еще раз нужно воспользоваться туалетом.

Сибла попытался преградить мне дорогу, но я оказался проворнее.

— Ты ведь не собираешься сбежать? Именно эти мысли ты пытаешься замаскировать?

— Я этого не говорил.

— И не нужно. Я почувствовал. Если ты сбежишь от меня, то совершишь большую ошибку.

Я продолжал двигаться к двери, и Сибла быстро повернулся, чтобы последовать за мной.

— Я не позволю тебе уйти — в особенности после тех унижений, которые я претерпел, чтобы добраться до этого отвратительного сгустка нервных окончаний!

— Очень приятно слышать! — возмутился я. — Особенно если учесть, что ты хочешь получить от меня услугу.

Я выскочил в коридор и юркнул в туалет. Сибла, стуча копытами, последовал за мной.

— Одолжение тебе делаем мы! Только вот ты слишком глуп, чтобы это понять!

— Правильнее было бы сказать «недостаточно информирован» — а это уж твоя вина!

Я захлопнул за собой дверь и закрыл ее на задвижку.

— Подожди! Послушай! Если ты сейчас отсюда уйдешь, у тебя могут быть серьезные неприятности!

Я рассмеялся:

— Извини. Уж очень сильно ты ко мне приставал.

Повернувшись к окну, я широко распахнул его.

— Ну и убирайся, темная ты обезьяна! Ты теряешь свой последний шанс стать цивилизованным человеком!

— Это что значит?

Тишина.

Немного погодя:

— Ничего. Извини. Ты должен понимать, что это важно.

— А я понимаю. Сейчас меня интересует, почему.

— Я не могу тебе сказать.

— Тогда иди к дьяволу, — пожелал ему я.

— Я знал, что ты того не стоишь, — отозвался Сибла. —

Я уже достаточно долго наблюдаю за твоей расой и давно понял, что вы из себя представляете настоящую банду варваров и дегенератов.

Я забрался на подоконник и на мгновение остановился, прикидывая расстояние.

— Умников тоже никто не любит, — сказал я Сибле на прощание и прыгнул...

Глава 7

Денис Вексрот молчал. Иначе я убил бы его на месте. Он стоял, прижав ладони к стене у себя за спиной, а вокруг его правого глаза расплзлось пунцовое пятно — через некоторое время глаз распухнет и станет малиновым. Я вырвал телефон из розетки и зашвырнул его в мусорную корзину, и теперь трубка беспомощно выглядывала наружу.

В руке я держал довольно любопытный листок бумаги, который сообщал мне, что идиссаК мэгниннаК киредерФ получил молпиД ароткоД ииголопортНА.

Стараясь взять себя в руки, я засунул бумажку в конверт и приостановил рвущийся из самой глубины моей души поток непристойностей.

— Как? — вопил я. — Как вам удалось это сделать? Это... Это незаконно!

— Это совершенно законно, — тихо ответил Вексрот. —

Поверьте, все было сделано после консультации с адвокатом.

— Посмотрим, как будет выглядеть ваш адвокат в суде! — заявил я. — Я не начинал изучения ни одного основного курса, не написал ни одной дипломной работы, я не сдавал никаких устных экзаменов, а также экзаменов по языку и не получил никаких уведомлений. Ну-ка объясните мне, на каком основании я получил диплом.

— Во-первых, вас приняли в университет, — начал Вексрот. — А это означает, что вы можете получить диплом.

— Могу. Но не обязан. Тут есть разница.

— Верно, но администрация решает, кто должен получить диплом, а кто нет.

— Как вы это сделали? Собирали специальное заседание?

— По правде говоря, вы угадали. На том заседании было решено, что зачисление в университет в качестве студента дневного отделения включает в себя обязательность получения степени. Следовательно, если все остальные факторы налицо...

— Я не закончил ни одного основного курса, — напомнил я Вексроту.

— Когда речь идет о продвинутой степени, формальные требования становятся не такими жесткими.

— Но я ведь даже не получил звание бакалавра!

Вексрот улыбнулся, подумал немного и стер улыбку с лица.

— Прочтите правила внимательно. Там нигде не говорится, что для получения звания доктора необходимо иметь степень бакалавра. «Соответствующего эквивалента» достаточно, чтобы выявить «достойного кандидата». Это все, конечно, слова, Фред, но администрация интерпретирует их по собственному усмотрению.

— Даже если это и так, в правилах записано, что для получения диплома необходима дипломная работа. Я сам читал.

— Да. Но ведь существует «Священная Земля: изучение ритуальных территорий», книга, которую вы выпустили в

университете. Она вполне может быть засчитана за дипломную работу по антропологии.

— Я не представлял ее на факультет для оценки.

— Не представляли, однако редактор поинтересовался мнением доктора Лоренца. Среди прочего тот сказал, что ее вполне можно рассматривать в качестве дипломной работы.

— Когда вас вызовут в суд, мы с вами непременно обсудим этот вопрос, — пообещал я Вексроту. — Продолжайте. Вы меня заинтересовали. Ну-ка расскажите, как я сдал устные экзамены.

— Ну, — промолвил Вексрот, не глядя мне в глаза, — преподаватели, которые вошли в экзаменационную комиссию, единогласно решили, что в вашем случае можно обойтись без устных экзаменов. Вы пробыли в университете так долго, а они все знают вас так хорошо, что это была бы пустая формальность. Кроме того, двое из них учились вместе с вами и чувствовали бы себя несколько неловко.

— Вот уж это точно. Давайте-ка я закончу сам. Главы языковых факультетов решили, что я изучал достаточное количество самых разнообразных курсов, и это дало им возможность подтвердить тот факт, что я умею читать. Верно?

— Ну, в общих чертах.

— Легче было вручить мне диплом доктора, чем бакалавра?

— Легче.

Мне ужасно захотелось снова как следует ему врезать, но это вряд ли что-нибудь изменило бы. И тогда я несколько раз с силой ударил кулаком по своей ладони.

— Почему? Теперь мне известно, как вы это сделали, однако главным является вопрос «почему». — Я начал расхаживать по комнате. — Я платил этому университету деньги за образование в течение тринадцати лет — если все сложить, получится довольно кругленькая сумма — и ни разу не задержал платежей. У меня со всеми хорошие отношения: с преподавателями, администрацией, с другими студентами, ни разу не было никаких серьезных неприятностей, если не считать моей любви к крышам. Иными слова-

ми, я не поставил нашему университету ни одного синяка... Ой, извините. Я только хочу сказать, что был достойным покупателем вашего товара. И вдруг... Я на минутку открываюсь, уезжаю ненадолго из города, а вы в этот момент принимаете решение выдать мне диплом!.. Неужели я заслуживаю подобного обращения после стольких лет, проведенных в стенах этого заведения? Я считаю, что с вашей стороны это просто отвратительно, и требую объяснений. Ну, давайте мне объяснения. Немедленно! Вы что, и вправду так сильно меня ненавидите?

— Чувства тут ни при чем, — ответил Вексрот и медленно поднял руку, чтобы пощупать лицо. — Я говорил, что хочу убрать вас отсюда, потому что не одобряю вашего отношения к жизни и мне не нравится ваше поведение. Так оно и есть. Но в данном случае я тут ни при чем. Если по правде, я даже был против. Однако на нас... ну... оказали давление.

— Какого рода давление?

— Не думаю, что мне следует об этом говорить.

Вексрот отвернулся.

— Очень даже следует, — прорычал я. — Правда. Расскажите.

— Ну, университет получает приличные деньги от правительства. Стипендии, исследовательские контракты...

— Знаю. И что?

— Как правило, государственные органы не вмешиваются в наши дела.

— Так и должно быть.

— Тем не менее иногда они используют свой вес. Когда это происходит, мы обычно прислушиваемся к их совету.

— Вы что, хотите сказать, что я получил диплом по просьбе правительства?

— В некотором смысле, да.

— Не верю. Они просто не делают подобных вещей.

Вексрот пожал плечами, а потом повернулся и посмотрел на меня.

— Были времена, когда и я так бы сказал, — проговорил он, — теперь я знаю, что это не так.

— А зачем им это надо было?

— Не имею ни малейшего представления. Мне сказали, что просьба правительства имеет под собой секретные основания. Кроме того, мне сообщили, что дело очень срочное, нам несколько раз повторили слово «безопасность». Больше нам ничего не известно.

Я перестал ходить. Засунул руки в карманы. Вытащил их снова. Нашел сигарету и закурил, у нее был какой-то забавный вкус. Впрочем, последнее время такой вкус у всего.

— Человек по имени Надлер, — продолжал Вексрот, — Теодор Надлер. Он работает в государственном департаменте. Именно он связался с нами и предложил... устроить это дело.

— Понятно, — сказал я. — Это ему вы собирались звонить, когда я уничтожил предмет, по которому вы могли это сделать?

— Да.

Вексрот посмотрел на свой стол, подошел к нему, взял трубку и кисет.

— Да, — повторил он, набивая трубку табаком. — Надлер просил меня позвонить, если я вас увижу. Поскольку вы позаботились о том, что я не могу этого сделать прямо сейчас, я бы посоветовал вам связаться с ним, если вы хотите получить подробные разъяснения.

Он засунул трубку в рот, наклонился вперед и написал номер в блокноте. Вырвал листок и отдал его мне.

Я взял листок, посмотрел на перевернутые цифры и засунул бумажку в карман.

Вексрот поднес спичку к своей трубке.

— И вам не известно, чего ему от меня надо? — спросил я.

Вексрот поставил стул на место и уселся.

— Не имею ни малейшего понятия.

— Ладно, после того, как я врезал вам, мне немного полегчало. Увидимся в суде.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь когда-нибудь подавал в суд на университет за то, что ему выдали диплом, —

сказал Вексрот. — Любопытный будет процесс. А пока должен заметить: меня радует тот факт, что вашему безделью пришел конец.

— Поберегите свой восторг для другого случая, — сказал я. — Я еще с вами не закончил.

— Вы и Летучий Голландец, — пробормотал он как раз перед тем, как я захлопнул дверь.

Я спустился в аллею, прошел квартал и завернул за угол недалеко от дома Мерими. Несколько минут спустя я уже сидел в такси и направлялся в противоположную от центра города сторону. Вышел возле магазина одежды и купил себе пальто. Было холодно, а я оставил свою куртку у Мерими.

Я решил посетить выставочный зал. У меня было полно свободного времени, и я хотел проверить, следит за мной кто-нибудь или нет.

Я провел около часа в большой комнате, где находилась машина Ренниуса. Интересно, сообщалось ли о моем предыдущем визите в утренних новостях?.. Впрочем, какая разница. Я постарался запомнить, в каком направлении двигаются посетители, где находятся охранники — сегодня их было четверо, а раньше только двое. Прикинул расстояния до входов, короче говоря, мне кажется, я ничего не упустил. Не знаю, поставили ли они снова решетку с внешней стороны верхних окон, но, по правде говоря, это не имело существенного значения. Я не собирался повторять свой трюк. Теперь мне нужно было придумать что-то новенькое.

Размышляя, я направился на поиски бутерброда с пивом; последнее предназначалось для телепатов, если бы они появились по соседству. Разыскивая пиво, я все время смотрел по сторонам и решил, что в данный момент за мной никто не следит. Нашел подходящий бар, зашел туда, сделал заказ, уселся поудобнее и принялся за еду.

Идея пришла мне в голову одновременно с порывом холодного ветра, который впустил в бар очередной посетитель. Я немедленно отбросил ее и продолжал есть. Однако ничего лучшего мне в голову не приходило.

Поэтому я оживил ту идею, почистил немного и рассмотрел со всех сторон. Нельзя сказать, что это была такая уж находка, хотя не исключено, что что-нибудь и получится. Я еще раз все обдумал, а потом сообразил, что дело может сорваться из-за какого-нибудь побочного эффекта в самом процессе. С трудом справившись с охватившим меня раздражением, я вернулся к началу и стал все обдумывать снова. Моя идея балансировала на грани абсурда, приходилось думать о таких дурацких мелочах...

Я направился на автобусную станцию, купил билет до дома и спрятал его в кармане пальто. Потом приобрел журнал и жевательную резинку, попросил сложить их в сумку, выбросил журнал, резинку засунул в рот, а сумку оставил себе. Потом вошел в банк и разменял все свои деньги на однодолларовые купюры, которые запихнул в сумку — всего их получилось сто пятнадцать штук.

Добравшись до района, в котором располагался выставочный зал, я нашел ресторан, где пальто принимали в гардероб, оставил его там и снова выскользнул на улицу. Кусочком жевательной резинки приклеил номерок от пальто к внутренней стороне скамейки, на которой посидел некоторое время. Затем выкурил последнюю сигарету и направился в выставочный зал, держа в одной руке сумку с деньгами, а в другой одну купюру.

Оказавшись внутри зала, я замедлил шаги, дожидаясь момента, когда толпа достигнет подходящей плотности и распределится так, как мне было необходимо, припоминая, что я чувствовал, когда открывались и закрывались входные двери. Потом выбрал для себя место и стал пробиваться в нужную сторону. К этому времени я уже порвал сумку с одного бока и крепко держал ее в руках.

Прошло примерно минут пять, и я понял, что ситуация как нельзя лучше подходит для моих целей: толпа была достаточно большой, а охранники находились на приличном от меня расстоянии. Я прислушивался к обычным разговорам типа: «А что же она все-таки делает?» и «Никто не знает», иногда доносился голос: «Это что-то вроде преобразователя. Его сейчас изучают». Вдруг я почувствовал

сильный сквозняк, а рядом со мной возник громадный дедина.

Я пихнул его в бок локтем и немного подтолкнул вперед. Он же, в свою очередь, одарил меня несколькими примерами среднеанглийского диалекта — принято считать, что эти слова англосаксонского происхождения — и сильным пинком.

Я несколько преувеличил свою реакцию, отшатнулся, налетел еще на какого-то человека, приняв меры к тому, чтобы сумка взлетела у меня над головой. Она, естественно, разорвалась.

— Мои деньги! — завопил я, бросившись прямо к охранникам. — Мои деньги!

Я проигнорировал шум, крики и волнение, поднявшиеся у меня за спиной. Мне удалось запустить сигнализацию, но в тот момент это не имело никакого значения. Я уже был на платформе и мчался в ту сторону, где резиновая лента входила в центральный прибор. Я очень рассчитывал на то, что она выдержит мой вес.

Услышав вопли: «Спускайтесь оттуда!», я прокричал несколько раз: «Мои деньги!» — и бросился животом на ленту, старательно делая вид, что пытаюсь схватить купюру. Меня затянуло в мобиллятор.

По мере продвижения через прибор я почувствовал слабое покалывание по всему телу и на короткое время словно ослеп. Правда, это не помешало мне развернуть долларовую купюру, которую я держал в руке. Так что я появился с другой стороны прибора, высоко держа ее над головой, немедленно скатился с ленты и, несмотря на легкое головокружение, соскочил с платформы и метнулся к толпе, изображая при этом, что я пытаюсь догнать разбежавшиеся от меня в разные стороны деньги. Впрочем, никаких денег особенно видно не было.

— Мои деньги... — пробормотал я, перелез через ограждение и опустился на четвереньки.

— Вот, возьмите, — проговорил какой-то честный гражданин и сунул мне в лицо несколько скомканных купюр.

НИДО, еще *НИДО*, несколько бумажек вернулись ко мне. К счастью, обдумывая предприятие, я заранее подго-

товил себя к этому эффекту, так что мое измененное зеркально лицо не выказало никакого удивления, когда я поднялся на ноги и начал благодарить добропорядочных посетителей выставочного зала. Единственная купюра, которая казалась мне совершенно нормальной, была та, что составила мне компанию в машине Ренниуса.

— Вы прошли сквозь эту штуку? — спросил меня какой-то мужчина.

— Нет. Я обошел ее сзади.

— А мне показалось, что вы проехали прямо сквозь нее.

— Ничего подобного.

Принимая деньги и делая вид, что пытаюсь отыскать остальные, я внимательно осмотрел зал. Менее честные граждане с моими купюрами в карманах направлялись в сторону выхода, который теперь находился с противоположной стороны по сравнению с тем, где он был раньше. К этому я тоже постарался подготовить себя заранее — во всяком случае, интеллектуально. Однако теперь меня посетили сомнения. Было очень трудно сосредоточиться: весь зал развернуло наоборот. Тем, кто хотел уйти, никто не мешал, потому что все охранники были заняты: два застряли в толпе, а двое других собирали купюры. Возможно, мне следовало воспользоваться поднявшейся суматохой и сбежать отсюда?

Сначала я планировал проверить дело прямо на глазах у охраны и посетителей, решив, что лучше всего будет держаться с властями и любопытными зеваками как можно нахальнее, вопить что есть мочи про свои украденные деньги и продолжать настаивать на том, что на самом деле я обошел вокруг машины, а не влезал в нее. Я знал, что сумею настоять на своем — меня не должны были задерживать. В конце концов, я не совершил никаких криминальных действий, а кроме того, теперь никто не мог отнять назад мое превращение.

Впрочем, мне не пришлось особенно буйнить. Один из охранников выключил сигнал тревоги, а другой начал кричать, чтобы никто не уносил с собой деньги, найденные в зале. Потом двое снова вернулись к дверям, а тот, что над-

рывался насчет моих денег, отыскал меня глазами и прокричал:

— С вами все в порядке?

— Да, — ответил я, — со мной все в порядке. Но мои деньги...

— Мы их сейчас соберем! Сейчас соберем!

Он пробрался ко мне через толпу и положил руку мне на плечо. Я поспешно засунул в карман ту купюру, которая казалась нормальной.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Конечно. Но у меня не...

— Мы постараемся собрать все ваши деньги, — сказал он. — Вы прошли сквозь центральную часть машины?

— Нет, — заверил я охранника. — Мимо пролетала купюра, и я за ней погнался.

— А мне показалось, что вы прошли через центральный прибор.

— Он обошел вокруг машины, — сообщил тот человек, с которым я несколько секунд назад поделился этими сведениями. Он выручил, да благословит его бог, в самый нужный момент, словно все это время сидел у меня на колене с моноклем в одном глазу.

— Да, — сказал я.

— А, понятно. Вы не перенесли шока или чего-нибудь подобного?

— Нет, и я сумел поймать свой доллар.

— Хорошо, — охранник вздохнул. — Рад, что нам не придется составлять рапорт об этом инциденте. Что все-таки произошло?

— Меня толкнул какой-то парень, и моя сумка порвалась. Там была утренняя выручка. Мой босс вычтет ее у меня из зарплаты, если...

— Давайте посмотрим, сколько удалось собрать.

Так мы и сделали, и я получил обратно девяносто семь долларов — вполне достаточно, чтобы помянуть добрым словом своих сограждан и сказать «спасибо» судьбе, которая помогла мне провести свой корабль через опасные рифы. Оставив фальшивое имя и фальшивый адрес на случай, если кто-нибудь захочет вернуть мне деньги, я побла-

годарил всех несколько раз, извинился за причиненное беспокойство и был таков.

Движение, как я немедленно заметил, шло в противоположных направлениях. Что ж, это я как-нибудь переживу. Рекламные надписи на окнах были написаны задом наперед. Ничего, с этим я тоже справлюсь.

Я направился к скамейке, где был спрятан номерок от моего пальто. Пройдя с десятков шагов, я остановился как вкопанный.

Наверное, я пошел не туда, поскольку был уверен, что иду в нужном направлении.

Мне пришлось постоять некоторое время на месте, пытаясь представить себе весь город в зеркальном отражении. Это оказалось гораздо труднее, чем я думал. Мой бутерброд с мясом и пиво поменялись в животе местами и начали бурно протестовать — мне захотелось ухватиться за что-нибудь и просто постоять, не шевелясь. Я постарался расставить все по местам, точнее, так, как я считал правильным, и повернулся. Да. Стало немного лучше. Хитрость состояла в том, чтобы двигаться от одной приметной точки к другой, делая вид, что брешьшься. Представлять себе, что смотришь в зеркало. «Интересно, — подумал я, — дантист, оказавшись на моем месте, лучше бы справился с задачей, или его способности распространяются только на полость рта?» Ладно, не имеет значения. Я сообразил, где находилась скамейка.

Присел на скамейку, запаниковал было, когда не обнаружил номерка на месте, но потом вспомнил, что он должен находиться на противоположной стороне. Да. Все в порядке...

Конечно, я оставил номерок здесь для того, чтобы он не отобразился и у меня не возникло бы трудностей при получении пальто. А пальто я сдал для того, чтобы не отобразился билет в кармане.

Я мысленно наметил маршрут и направился к ресторану. К тому, что он находится на противоположной стороне улицы, я сумел подготовиться, но у дверей завозился в поисках ручки, которая, естественно, оказалась не с той стороны.

Девушка быстро принесла пальто, однако когда я собрался уходить, она заявила:

— Сегодня, кажется, не первое апреля.

— Что?

Она помахала у меня перед носом купюрой. Так как у меня не было мелочи, я решил оставить ей доллар на чай. И сообразил, что отдал ей тот единственный доллар, который мне казался нормальным — тот самый, что прошел вместе со мной через мобилиатор.

— Ой, — воскликнул я, улыбнувшись, — этот я приберегал для вечеринки! Вот, давайте поменяемся.

Я отдал ей купюру, на которой было написано «НИДО», и она решила, что ей тоже стоит улыбнуться.

— Он был так похож на настоящий. Я даже не сразу поняла, в чем тут дело.

— Да, отличная шутка.

Я остановился, чтобы купить пачку сигарет, а потом отправился на поиски автобусной остановки. Учítывая, что до отхода автобуса оставалось еще довольно много времени, я решил, что надо принять лекарство против телепатов, — зайдя в скромный бар, заказал себе кружку пива.

Вкус у него был какой-то странный. Не то чтобы плохой. Просто совсем другой. Я прочитал название марки справа налево и на всякий случай уточнил, что именно я пью, у бармена. Он подтвердил правильность моего обратного чтения. Тогда я пожал плечами и принялся пить. Постепенно мне начал нравиться этот новый вкус.

Когда немного позже я закурил сигарету, у нее тоже оказался незнакомый мне вкус. Сначала я отнес это к непривычному привкусу пива. Затем у меня появилась смутная догадка, и я, подозвав бармена, попросил налить мне виски.

У него оказался богатый, дымный вкус, не имеющий ничего общего с тем, что мне доводилось пробовать ранее из бутылок с такими же этикетками. Или с любыми другими, если быть до конца честным.

Потом у меня в голове вдруг возникли воспоминания о двухлетнем курсе органической химии. Все аминокислоты, за исключением глицина, были левосторонними, в со-

ответствии с направлением спиралей протеинов. То же самое и с нуклеидами — в соответствии с направлением витков спирали нуклеиновой кислоты. Но так было до моего превращения. Я принялся отчаянно размышлять о пространственных изомерах и питании. Кажется, организм иногда воспринимает некоторые вещества только левосторонними и отвергает те же вещества с противоположным направлением спирали. Однако в других случаях организм воспринимает и то и другое, хотя в одном случае пищеварение может занять больше времени, чем в другом. Я постарался вспомнить что-нибудь определенное. Мое пиво и виски содержали этиловый спирт... Ладно. Молекула симметрична, два атома водорода отходят от центрального атома углерода. Значит, отображенный или неотображенный, я все равно смогу напиться. Тогда почему так изменился вкус? Ответ: сложные несимметричные эфиры, которые по-разному воздействуют на вкусовые рецепторы. Мое обоняние, наверно, тоже играло в обратные игры с сигаретным дымом. Я решил, что, вернувшись домой, должен буду как можно быстрее разобраться во многих вещах. Поскольку я не знал, как долго мне суждено оставаться *Spiegelmensch*¹, следовало позаботиться о том, чтобы не помереть с голоду, если такая опасность существовала.

Я допил свое пиво. Во время длинной автобусной поездки у меня будет возможность более подробно поразмыслить над этим явлением. Пока же я посчитал, что разумно побродить немного по городу и проверить, не следят ли за мной какие-нибудь подозрительные личности.

Я вышел из бара и болтался по улицам минут пятнадцать или двадцать, но так и не сумел заметить никого, кто проявлял бы повышенный интерес к моей персоне. Тогда я направился на остановку, чтобы успеть на стереоизомерный автобус.

Когда мы медленно и сонно проезжали через пригородную зону, я позволил всем возникшим у меня неприятностям пройти торжественным маршем по улицам моего со-

¹ *Spiegelmensch* (нем.) — зеркальны

знания, пытаюсь вызволить мечущиеся в отчаянном танце мысли из-за прутьев бесконечных решеток и не слыша ничего, кроме громоподобного грохота клоунских барабанов у себя в висках. Я выполнил порученное мне дело. Порученное кем? Ну, он сказал, что является записью, однако, кроме того, он еще снабдил меня в самый нужный момент Статьей 7224, Раздел С — а всякий, кто приходит ко мне на помощь, автоматически оказывается на стороне ангелов до тех пор, пока ситуация не изменится.

Может, стоит выпить еще раз для получения дополнительных инструкций? Или он собирается войти со мной в контакт каким-нибудь иным способом? Такой способ обязательно должен существовать. Еще он сказал, что моя помощь в этой истории обязательно приведет к тому, что все исправится. Ладно, принимаю. Поверив ему, я согласился на зеркальное отображение. Все остальные хотели получить от меня то, чем я не располагал, и не предлагали ничего взамен.

Может быть, если я засну, он обратится ко мне с новым сообщением? Или у меня в крови содержится недостаточно алкоголя? Да и какая тут вообще связь с алкоголем? Если верить тому, что говорил Сибла, алкоголь действует скорее как демпфер, а не усилитель телепатической связи. Почему же тогда мой собеседник выходил на связь в те моменты, когда интоксикация моего организма алкоголем была наиболее высокой? Тут мне пришло в голову, что, если бы не очевидное влияние на все дальнейшие события Статьи 7224, Раздел С, я бы никогда не узнал наверняка, что наша связь с ним не обычные пьяные галлюцинации; возможно, я вообще посчитал бы все эти штучки изошренным стремлением к самоубийству. Нет, тут должно крыться какое-то другое объяснение. Даже Чарв и Рагма заподозрили, что у меня есть сообщник, обладающий телепатическими способностями.

Меня преследовало некое нетерпение, мне казалось, что нужно действовать как можно быстрее, пока инопланетяне не поняли, что происходит — в чем бы это ни заключалось. Я был уверен, что они не одобряют мои действия и скорее всего попытаются помешать.

Сколько же их всего — тех, кто преследует меня или просто за мной наблюдает? Где Зимейстер и Баклер? Что собираются делать Чарв и Рагма? Кто тот человек в темном пальто, которого заметил Мерими? Что хотел от меня представитель госдепа?

Так как ответов на все эти вопросы у меня не было, я посвятил свое время планированию дальнейших действий в расчете на то, что события будут развиваться наилучшим для меня образом. По очевидным причинам домой возвращаться не следует. К Халу идти тоже слишком рискованно, учитывая все, что он мне рассказывал. А вот Ральф Уарп вполне может приютить меня на время, сохранив это в секрете от всех. В конце концов, я владел половиной антикварного магазина «Вуф и Уарп» и не раз ночевал там в задней комнате. Да, именно туда я и отправлюсь.

Похожие на «Стейнвей», призрачные воспоминания рухнули с огромной высоты и погребли меня под своими обломками. Надеюсь вспомнить еще что-нибудь, я даже не сопротивлялся. Однако, когда я задремал на своем сиденье, награды в виде нового сообщения не последовало. Более того, мне привиделся кошмар.

Мне снилось, что я снова лежу под ослепительным солнцем, а мое вспотевшее обожженное тело мучительно болит, постепенно превращаясь в изюмину. Страдания достигли пика, а потом медленно отделились и исчезли. Теперь я сидел на айсберге, зубы выбивали дробь, конечности онемели. Потом и это тоже прошло, и мое тело от макушки до самых пяток начало конвульсивно дергаться. И тут я испугался. Затем разозлился. Почувствовал восторг. Раздражение. Отчаяние. Шлепая босыми ногами, мою душу посетили все виды ощущений, одетых в причудливые одежды, сути которых я не смог понять. Это был не сон...

— Мистер, с вами все в порядке?

Мне на плечо легла чья-то рука — она протянулась ко мне из реальности или из сна?

— С вами все в порядке?

Я вздрогнул. Провел рукой по лбу. Он был мокрым.

— Да, — ответил я. — Спасибо.

Посмотрел. Пожилой мужчина. Аккуратно одет. Наверное, едет навестить внуков.

— Я сидел от вас через проход, — объяснил он. — Мне показалось, что у вас был какой-то приступ.

Я протер глаза, пригладил волосы, дотронулся до подбородка и обнаружил, что он мокрый от слюны.

— Дурной сон, — сказал я. — Теперь все в порядке. Спасибо, что разбудили.

Мужчина смущенно улыбнулся, кивнул и вернулся на свое место.

Проклятье! Похоже, это какой-то побочный эффект преобразования.

Я закурил сигарету, у которой был странный вкус, и взглянул на часы. Посмотрев на зеркально отображенный циферблат и сообразив, какое время показывают стрелки, я вспомнил, что мои часы редко идут правильно — так что, по всей вероятности, я проспал примерно полчаса.

Я стал смотреть в окно, наблюдая за пролетающими мимо милями, и вдруг понял, что мне страшно. А что, если все это чья-то отвратительная шутка, результат ошибки? После того что произошло в автобусе, все мое существо наполнилось страхом из-за того, что, возможно, внутри у меня произошли такие изменения, сути которых я не в состоянии понять. Машина Ренниуса могла нанести мне незаметный, непоправимый вред. Впрочем, думать сейчас об этом, пожалуй, поздно.

Я с усилием прогнал сомнения в своем новом приятеле, который называл себя записью. Машина Ренниуса, несомненно, сможет все исправить, если возникнет необходимость. Нужно только найти кого-нибудь, кто знает, как она работает.

Я сидел довольно долго, надеясь получить ответы на все мучившие меня вопросы. Однако, так ничего и не дождав-шись, задремал. На этот раз я провалился в нечто большое, темное и мирное, как и полагается, без всяких там глупостей и angst¹; проспал до ночи и до самой своей остановки.

Почувствовав себя на удивление отдохнувшим, я ступил

¹ Angst (нем.) — волнение.

на знакомый тротуар и, перечертив карту окружающего меня мира, прошел мимо стоянки машин, по аллее, вдоль четырех кварталов закрытых магазинов. Убедившись в том, что за мной не следят, я вошел в открытое кафе и съел ужин, у которого был непривычный вкус. Это место напомнило давно не мытую, жирную ложку, а вот еда была просто восхитительной. Я проглотил два фирменных гамбургера и огромную порцию картошки фри — не задумываясь, сумеет ли мой организм усвоить эти продукты. Вялый листик салата и несколько долек перезрелого помидора завершили трапезу. Вкуснее я ничего в жизни не ел. Если не считать молочного коктейля, который пришлось оставить, — пить его было совершенно невозможно.

Я вышел из кафе и решил прогуляться. Идти было довольно далеко, но я не особенно спешил, успел отдохнуть, а моя задняя часть уже вполне насладилась средствами общественного транспорта. Почти целый час я добирался до магазина «Вуф и Уарп», слава богу, ночь прекрасно подходила для прогулок.

Магазин был, естественно, закрыт, однако наверху, в квартире Ральфа, горел свет. Я обошел здание сзади, влез наверх по водосточной трубе и заглянул в окно. Ральф сидел с книгой в руках, и до меня донеслись тихие звуки струнного квартета. Хорошо. То, что он один, я хочу сказать. Терпеть не могу мешать людям.

Я постучал в стекло.

Ральф поднял голову, посмотрел на меня, встал и подошел к окну.

Рама скользнула вверх.

— Привет, Фред. Заходи.

— Спасибо, Ральф. Как дела?

— Прекрасно. И в магазине все хорошо.

— Отлично.

Я забрался внутрь, закрыл окно, взял из его рук стакан с напитком, вкус которого узнать не удалось, хотя он походил на фруктовый сок — целый графин этого напитка стоял на столе. Мы сели, и, должен признаться, здесь у меня не возникло никаких странных ощущений. Ральф так часто делает перестановки в своей квартире, что я ни-

когда не могу запомнить, где у него что стоит. Мой компаньон — высокий, сухощавый человек с массой темных волос и плохой осанкой — прекрасно разбирается во всякого рода красивых вещах. Он даже преподает плетение корзин в университете.

— Ну, как тебе Австралия?

— Если не считать нескольких неприятных моментов, она могла бы мне понравиться.

— Каких неприятных моментов?

— Потом, все потом, — ответил я. — Может быть, в другой раз. Послушай, я не доставлю тебе слишком много хлопот, если попрошу устроить меня на ночь в задней комнате?

— Если только ты не поссорился с Вуфом.

— Мы договорились, — сказал я. — Он спит, засунув нос под хвост, а я получаю одеяло.

— Когда ты ночевал здесь в прошлый раз, все получилось как раз наоборот.

— Именно поэтому мы и заключили договор.

— Ладно, посмотрим... Ты только что вернулся в город?

— Ну... да и нет.

Ральф обхватил руками колени и улыбнулся.

— Меня восхищает непосредственность твоего отношения к жизни. Ты никогда не жулишь и не врешь.

— Меня часто неправильно понимают, — посетовал я. — Этот груз приходится нести честному человеку в мире мошенников. Да, я только что вернулся в город, но не из Австралии. Из Австралии я вернулся несколько дней назад, потом уехал, а теперь снова оказался здесь. Нет, я не вернулся только что из Австралии. Ты понял?

Ральф покачал головой.

— У тебя такой простой, почти классический стиль жизни... Ну, что стряслось на сей раз? Оскорбленный муж? Безумный террорист? Кредиторы?

— Ничего подобного, — ответил я.

— Хуже? Или лучше?

— Сложнее. А что слышал ты?

— Ничего. Мне звонил твой куратор.

— Когда?

— Около недели назад. И сегодня утром.

— Чего он хотел?

— Хотел узнать, где ты находишься и нет ли у меня каких-нибудь известий. Я дважды ответил отрицательно. Он сказал, что ко мне зайдет один человек, чтобы задать несколько вопросов. И что администрация университета была бы мне очень признательна за сотрудничество. С этого все началось. Тот человек и вправду объявился некоторое время спустя, задал мне те же вопросы и получил те же ответы.

— Его звали Надлер?

— Да. Из ФБР. Государственный департамент. По крайней мере, так было написано в его удостоверении личности. Он оставил мне номер телефона и велел позвонить, если ты объявишься.

— Не звони.

Ральф поморщился.

— Тебе не следовало это говорить.

— Извини.

Я немного послушал музыку.

— С тех пор он больше не появлялся, — добавил Ральф.

— А что хотел Вексрот сегодня утром?

— Его интересовали те же вопросы, а еще у него было сообщение.

— Для меня?

Он кивнул. Сделал глоток из своего бокала.

— В чем оно заключалось? — не утерпел я.

— Если ты свяжешься со мной, я должен сказать тебе, что ты закончил университет. Диплом можешь забрать у него в кабинете.

— Что?

Я вскочил на ноги, часть жидкости из бокала выплеснулась мне на рукав.

— Именно так он и сказал: «закончил»:

— Они не вправе так со мной поступить!

Ральф приподнял плечи, а потом медленно опустил их.

— Может быть, он шутил? Он не показался тебе пьяным? Объяснил, как и почему?

— «Нет» на все вопросы, — ответил Ральф. — Он казал-

ся трезвым и серьезным. И даже повторил свое сообщение.

— Проклятье! — Я начал вышагивать по комнате. — Что они о себе думают? Нельзя же вот так просто взять и навязать человеку степень!

— Некоторые люди стремятся к этим степеням.

— У них нет замороженных дядюшек. Проклятье! Что же все-таки произошло? Не понимаю, как они умудрились это сделать. Я не дал им ни единого шанса. Как, черт возьми, они сумели это сделать?

— Я не знаю. Тебе придется спросить у него.

— И спрошу! Можешь не сомневаться, спрошу! Утром я первым делом навешу его и так ему врежу!

— Ты думаешь, это что-нибудь решит?

— Нет, но месье хорошо согласуется с моим классическим образом жизни.

Я уселся на стул и осушил свой бокал. А музыка все продолжалась и продолжалась.

Позднее, напомним ирландскому сеттеру с озорными глазами, работающему ночным сторожем на первом этаже, о нашем договоре по поводу хвостов и одеял, я устроился в кровати в задней комнате. Там мне приснился удивительно сложный, полный символов сон.

Много лет назад я читал забавную маленькую книжечку «Сферляндия», написанную математиком по фамилии Бургер. Книжка была продолжением старого классического романа Эббота, который назывался «Флатляндия». В произведении Бургера рассказывалось о том, как в двумерный мир обитателей Флатляндии явились существа из космического пространства и начали производить с местными жителями отображения. Породистые собаки и дворняжки оказались зеркальными отображениями друг друга, они были симметричными, но не конгруэнтными. Породистые собачки были куда более редкими, и маленькой девочке ужасно хотелось иметь такую. Ее отец договорился, что она получит щенка от дворняжки и породистой собаки, он надеялся, что щенок понравится девочке. Однако, хотя щенков родилось много, все они оказались натуральными дворняжками. Позднее к ним на помощь поспешил при-

шелец из космоса и превратил всех дворняжек в породистых собак, перевернув их в третьем измерении.

На меня, однако, не произвела особого впечатления геометрическая мораль этой истории, хотя она и была придумана довольно мастерски. Я все время пытался понять, как могли вступить в совокупление две симметричные, но не конгруэнтные собаки в двумерной плоскости. Единственная процедура, которую я сумел придумать, представляла из себя нечто вроде *canis observa*¹ — и вся эта картинка вращалась в моем двумерном воображении. Позднее я использовал этот образ в качестве мандалы² во время медитации, когда начал заниматься йогой. Теперь он вернулся ко мне в залах сна, и я был окружен со всех сторон парами ужасно серьезных собак, возбужденно свивающихся друг с другом. Они вращались совершенно бесшумно, покусывая время от времени шею партнера. Потом подул ледяной ветер и собаки исчезли, а я остался один, замерзший и испуганный.

Проснувшись, я обнаружил, что Вуф спер одеяла и спит на них в углу возле печи для обжига глиняной посуды. Окалившись, я направился к нему и отнял одеяла. Этот сукин сын попытался сделать вид, что произошло недоразумение, но я знал, что он просто прикидывается. Когда я посмотрел на Вуфа через несколько минут, то увидел лишь его грустный хвост среди пыльных глиняных горшков.

Глава 8

Они поджидали меня, чтобы что-то сказать или что-то сделать. Но ни сказать, ни сделать ничего не могли. Мы умрем, и все тут.

Я выглянул в окно на пляж туда, где море выбрасывало на берег груды мусора, а потом затаскивало его обратно. Мне это напомнило о последних сутках, проведенных в Австралии. Только тогда появился Рагма и указал мне путь к спасению. В честных лабиринтах всегда есть выход. Но я

¹ *Canis observa* (лат.) — собачья позиция.

² Мандала — символ единения в философии Юнга.

не видел дверей в песке и, сколько ни старался, никак не мог убедить себя в том, что нахожусь в честном лабиринте.

— Ну, Фред? У тебя есть что-нибудь для нас? Или нам продолжать? Теперь все зависит от тебя.

Я бросил взгляд на Мэри, привязанную к стулу. Я старался не смотреть на ее испуганное лицо и глаза, но у меня ничего не вышло. Я вдруг понял, что больше не слышу тяжелого дыхания Хала, словно он приготовился к прыжку. Однако Джеми Баклер тоже это заметил и слегка повел дулом пистолета. Хал не стал прыгать.

— Мистер Зимейстер, — сказал я, — если бы у меня был камень, я бы повязал его красивой ленточкой с бантиком и вручил вам. Если бы я знал, где он находится, я бы нашел его для вас или рассказал, как его найти. Я не хочу смотреть, как будут умирать Мэри и Хал. И не хочу умирать сам. Попросите меня о чем-нибудь другом, и вы это получите.

— А мне не надо ничего другого, — сказал Зимейстер и взялся за плоскогубцы.

Если мы будем смиренно дожидаться своей очереди, то умрем — после пыток. Даже если бы нам был известен ответ на вопрос, который их так интересует, нас бы все равно убили. В любом случае...

Значит, мы не будем просто стоять и смотреть, а попытаемся напасть на этих подонков — и тогда Мэри, Хал и я окажемся среди проигравших.

«Где бы вы ни были, кем бы вы ни были, — с отчаянием подумал я, — если вы можете сделать что-нибудь, сделайте это сейчас!»

Зимейстер взял Мэри за запястье и с силой приподнял ее руку. Когда он потянулся к ее пальцу плоскогубцами, Рождественский Призрак или кто-то из его приятелей появился в комнате у него за спиной.

Выскочив из Джефферсон-холл и бормоча проклятья сквозь сжатые зубы, я решил, что следующим типом, которому я врежу в глаз, будет Теодор Надлер из государственного департамента. Однако, обходя вокруг фонтана и направляясь в сторону студенческого Союза, я вспомнил про

свое обещание позвонить Халу. И решил сначала поговорить с ним, прежде чем воспользоваться телефоном, который мне дал Вексрот.

Только сперва я выпил чашку кофе с пончиками. Именно сейчас, после тринадцати лет, проведенных здесь, я понял, что для того, чтобы сделать пищу, которую они подают в Союзе, удобоваримой, потребовалось реверсировать в ней каждую молекулу — или во мне. За столиком в углу я заметил Джинни, и все мои благие намерения тут же улетучились. Я остановился и начал поворачиваться в ее сторону. Тут кто-то сдвинулся в сторону, и я увидел, что она сидит с парнем, которого я знаю. Я решил поговорить с ней в другой раз и вышел в вестибюль. Однако все телефоны оказались занятыми, поэтому я начал расхаживать взад-вперед с чашкой кофе в руке. Шаг, еще шаг. Глоток, еще глоток.

У себя за спиной я услышал чей-то голос:

— Привет, Кассиди! Иди сюда, вот парень, о котором я тебе рассказывал!

Повернувшись, я увидел Рика Лидди, который имел ответы на все вопросы, кроме одного: что делать с дипломом, который он должен был получить в июне. С ним рядом была его более высокая копия, одетая в фирменную футболку Йельского университета.

— Фред, это мой брат Пол. Приехал навестить меня, — сказал он.

— Привет, Пол.

Я поставил чашку кофе на выступ в стене и начал протягивать ему левую руку. Вовремя опомнившись, я поменял ее на правую, чувствуя себя при этом полным идиотом.

— Он у нас вроде Вечного Жида, — продолжал рекламировать меня Рик, — или Дикого Охотника. Человек, который никогда не закончит университет. Персонаж бесчисленных баллад и куплетов: Фред Кассиди — Вечный Студент.

— Ты забыл упомянуть Летучего Голландца, — сказал я. — Увы, перед тобой — доктор Кассиди, черт побери!

Рик начал смеяться.

— Это правда, что вы любите лазать по ночам? — спросил Пол.

— Иногда, — ответил я, чувствуя, что между нами уже почти разверзлась громадная пропасть. Проклятая овечья шкура начинает взимать свою дань. — Да, это правда.

— Вот здорово! — воскликнул Пол. — В самом деле здорово. Я всегда хотел познакомиться с настоящим Фредом Кассиди — лазателем.

— Боюсь, что ваша мечта сбылась, — проворчал я.

Тут кто-то повесил трубку, и я бросился к телефону.

— Прошу меня извинить.

— Конечно. До встречи, Фред. О, пардон... док.

— Было приятно познакомиться.

Набирая номер телефона Хала в обратном порядке, я чувствовал, как меня охватывает странная депрессия. Короткие гудки. Тогда я позвонил Надлеру. Девушка на другом конце провода попросила меня оставить номер, по которому со мной можно связаться, предложила передать Надлеру мое сообщение. Я отказал ей по обоим пунктам. Потом снова набрал номер Хала. На этот раз я дозвонился, причем, как мне показалось, мой приятель схватил трубку еще до того, как отзвенел первый сигнал.

— Да? Алло?

— Ты что, бежал издалека? — поинтересовался я. — Отчего же ты запыхался?

— Фред! Черт возьми, наконец-то!

— Извини, что не позвонил раньше. Тут столько всего произошло...

— Я должен с тобой увидеться!

— Именно это я и собирался сделать.

— Где ты сейчас находишься?

— В студенческом Союзе.

— Там и оставайся. Нет! Подожди минутку.

Я ждал десять или пятнадцать секунд.

— Я пытаюсь придумать место, о котором ты помнишь, — сказал Хал. А потом добавил: — Послушай, если поймешь, о чем я говорю, не называй это место вслух. Около двух месяцев назад ты поспорил со студентом-ме-

диком по имени Кен. Такой худой парень, всегда ужасно серьезный. Помнишь, где это было?

— Нет, не помню, — ответил я.

— Уж не знаю точно, о чем вы спорили, но закончился ваш разговор так: ты заявил, что доктор Ричард Джордан Гэтлинг сделал больше для развития современной хирургии, чем Халстед. Он спросил у тебя, какую новую технику разработал доктор Гэтлинг, а ты ответил ему, что Гэтлинг изобрел пулемет. Он сказал, что это не смешно, и ушел. А ты обозвал его ослом, который верит, что получит Святой Грааль, когда закончит университет, а не диплом, дающий ему возможность помогать людям... Вспомнил, где все это происходило?

— Теперь да.

— Хорошо. Пожалуйста, отправляйся туда и подожди.

— Ладно. Все понял.

Хал повесил трубку, и я последовал его примеру. Странно. Разговор начал меня беспокоить. Хал сделал очевидную попытку скрыть место нашей встречи. Почему? От кого? И сколько их?

Я быстро ушел с территории Союза, потому что упомянул о нем в нашем разговоре. Через три квартала на север от студенческого городка я свернул в боковую улицу и прошел еще два квартала. Там был маленький книжный магазин, в который я любил заглядывать примерно раз в неделю, чтобы посмотреть на новые поступления. Мы часто ходили туда вместе с Халом.

Я провел в задней части магазина примерно полчаса, разглядывая перевернутые заголовки. Время от времени пытался прочитать страничку или две — просто для того, чтобы попрактиковаться в чтении новым для меня способом: а вдруг придется оставаться «перевернутым» еще достаточно долго. Первым предложением была одна из несеП ытчеМ анэмирреБ аножД, в которой я нашел странный личный намек:

*зарбо йыньлакрез йовс юяногод Я
уродирок оп ясийишвачмУ
лоп тьюалитсу икчосук иоМ*

Я раздумывал, купить ли эту книгу, как вдруг почувствовал, что кто-то положил мне на плечо руку.

— Фред, пошли.

— Привет, Хал. Я как раз размышлял...

— Поторопись, — сказал он. — Пожалуйста. Я припарковал машину во втором ряду.

— Ладно.

Поставив книгу на место, я последовал за Халом. Увидел его машину, подошел к ней и забрался внутрь. Хал уселся на место водителя, и мы поехали. Он просто вел машину и ничего не говорил, а так как мне было очевидно, что он чем-то обеспокоен, я решил подождать до тех пор, пока мой приятель сам будет готов рассказать, что с ним произошло.

Я закурил и посмотрел в окно.

Прошло несколько минут, прежде чем мы выехали из узкой, забитой транспортом улочки туда, где движение было более спокойным. Только после этого Хал прервал молчание:

— В той записке, которую ты мне оставил, говорилось, что у тебя возникла одна странная идея и ты хочешь ее проверить. Насколько я понимаю, это связано с камнем?

— И с теми безобразиями, что творятся вокруг нас, — ответил я. — Не сомневаюсь, что камень каким-то образом в этом тоже участвует. Я лишь не совсем понимаю, как.

— Может быть, тогда тебе стоит рассказать все с самого начала?

— А как насчет твоего срочного дела?

— Сначала я хочу услышать о твоих приключениях. Хорошо?

— Договорились. Только скажи мне, куда мы едем.

— Сейчас мы просто покатаемся. Пожалуйста, начни с того момента, как ты ушел от меня, — и до сегодняшнего дня.

Так я и сделал. Я говорил и говорил, здания пробегали мимо нас одно за другим, потом на обочине появилась трава, она становилась все выше, вслед за ней возник кустарник, редкие деревья, коровы, булыжники и даже зайцы.

Хал слушал, кивал, иногда задавал вопросы. И продолжал вести машину.

— Значит, в данный момент для тебя все выглядит так, как если бы я вел машину не с той стороны? — спросил он.

— Да.

— Потрясающе.

Тут я заметил, что мы приближаемся к океану, мимо многочисленных летних коттеджей, обычно пустующих в это время года. Меня так заворожил собственный рассказ, что только сейчас я заметил, что мы едем уже больше часа.

— Так ты теперь новоиспеченный доктор?

— Да, похоже на то.

— Очень странно.

— Хал, ты тянешь время. В чем дело? Что ты от меня скрываешь?

— Посмотри на заднем сиденье, — ответил он.

— Ладно. Там, как всегда, полно всякого барахла. Тебе следует наводить время от времени порядок...

— В углу валяется куртка. Загляни внутрь.

Я взял куртку, положил ее себе на колени и развернул.

— Камень! Значит, все это время он был у тебя!

— Нет, — сказал Хал.

— Тогда где ты его нашел? Где он был?

Хал свернул на проселочную дорогу. Мимо пролетела пара чаек.

— Посмотри, — предложил он мне. — Посмотри на него внимательно. Это ведь он, не так ли?

— Конечно, похож. Но я ведь его никогда не разглядывал.

— Он, он, — сказал Хал. — Можешь поверить, что я нашел его на самом дне багажника, который разобрал только сейчас? Придерживайся этой версии.

— Что это значит: «Придерживайся этой версии»?

— Я забрался в лабораторию Байлера сегодня ночью и взял камень с полки. Там их было несколько. Этот ничуть не хуже того, который Байлер нам дал. Ты ведь не можешь заметить разницы?

— Не могу, но я же не эксперт. Что происходит?

— Мэри похитили, — ответил Хал.

Я посмотрел на Хала. Его лицо ничего не выражало — я знал, что именно таким оно и должно было быть, если то, что он сказал, правда.

— Когда? Как?

— Мы с ней поссорились, и она отправилась к матери — как раз той ночью, когда ты ко мне заходил...

— Да, помню.

— Я собирался позвонить ей на следующий день и извиниться. Но чем больше я об этом думал, тем больше мне начинало казаться, что было бы намного лучше, если бы первой позвонила она. Я решил, что тогда я одержу над ней маленькую моральную победу. Поэтому стал ждать. Несколько раз я уже совсем было собрался набрать номер телефона ее матери, но в конце концов уговаривал себя подождать еще немного, надеясь, что позвонит она. Однако она так и не позвонила, и было уже довольно поздно. Слишком поздно на самом деле. Поэтому я решил подождать до утра. Так я и сделал. А утром позвонил ее матери. Выяснилось, что Мэри там нет, более того, ее там вообще не было. Она даже не разговаривала со своей матерью. Тогда я пришел к выводу, что Мэри решила проявить рассудительность. Наверное, ей не хотелось ничего рассказывать матери, она передумала туда ехать и переночевала у одной из своих подружек. Я начал их обзванивать. Ничего.

Потом, между этими звонками, — продолжал Хал, — кто-то позвонил мне. Некий мужчина спросил, знаю ли я, где находится моя жена. В первый момент я подумал, что произошел какой-нибудь несчастный случай, но он заявил, что с ней все в порядке, более того, что я смогу поговорить с ней через минуту. Ее задержали на целый день, чтобы я начал волноваться. А теперь они скажут мне, что я должен сделать, если хочу увидеть свою жену целой и невредимой.

— Отдать им камень, естественно.

— Да. Он не поверил, когда я заявил, что у меня камня нет. Он заявил, что они дают мне один день, за который я должен найти камень, а потом они свяжутся со мной еще раз и объяснят, что я должен буду сделать с камнем. После этого мне дали поговорить с Мэри. Она сказала, что с ней

все в порядке, но голос у нее был испуганным. Я обещал, что постараюсь найти камень. И стал искать. Я перевернул все у нас в доме. Потом отправился в твою квартиру. У меня еще оставался ключ.

— Там больше никто не провозглашал тостов за королеву?

— Нет, твои гости не оставили после себя никаких следов. Я самым тщательным образом обыскал квартиру. В конце концов я был вынужден сдаться. Камень просто исчез.

Хал замолчал. Мы продолжали ехать по узкой, извилистой дороге, иногда между деревьями мелькало далекое море.

— Ну? — спросил я. — Что было дальше?

— Он позвонил мне на следующий день и спросил, нашел ли я камень. Я ответил, что нет. Тогда он заявил, что они убьют Мэри. Я попытался договориться с ним, обещал сделать все...

— Подожди. Ты что, не звонил в полицию?

Хал покачал головой:

— Этот тип предупредил меня, чтобы я этого не делал — еще когда мы разговаривали в первый раз. Если я свяжусь с полицией, заявил он, то больше никогда не увижу Мэри. Сначала я думал о том, чтобы связаться с полицейскими, но потом испугался. Если бы я позвонил в полицию, а этот тип об этом узнал бы... Я просто не мог рисковать. А что бы сделал ты на моем месте?

— Не знаю, — ответил я. — Продолжай.

— Он спросил у меня, знаю ли я, где сейчас находишься ты, и предположил, что ты, вероятно, смог бы помочь мне найти камень...

— Ха!.. Извини. Давай дальше.

— И опять мне пришлось повторять, что я ничего не знаю, но я сказал, что ты должен мне скоро позвонить. Тогда он заявил, что они дают мне еще один день на поиски камня или хотя бы тебя. А потом повесил трубку. Позднее мне пришла мысль о камнях в лаборатории Пола, может быть, они все еще там? И если я смогу добыть один из них, почему бы не попытаться выдать его за настоящий? Камни были хорошими копиями. Человек, который их

сделал, однажды сам их перепутал. Ближе к вечеру я сумел вскрыть замок и забрался в лабораторию. Мной овладело такое отчаяние, что я был готов на все. На полке оставалось еще четыре штуки, и я взял тот, что ты сейчас держишь в руках. Привез его домой и стал ждать. Тот тип снова позвонил мне сегодня утром — как раз перед тобой, — и я поведал ему историю о том, что нашел камень на самом дне багажника своей машины. Мне показалось, что он остался доволен. Он даже разрешил мне еще раз поговорить с Мэри, а затем дал точные указания, куда отвезти камень, обещал, что мы встретимся и произведем обмен — им камень, а мне Мэри.

— Именно туда мы сейчас и направляемся?

— Да. Я не стал бы зря тебя в это втягивать, но у меня сложилось впечатление, что они считают тебя специалистом по камням, поэтому, когда ты позвонил, мне пришло в голову, что ты сможешь подтвердить мой рассказ и они не станут сомневаться в том, что я привез им именно оригинал. Я не хотел вовлекать тебя, поверь, просто это вопрос жизни и смерти.

— Угу. Убьют нас всех.

— А зачем? Они получают то, что им нужно. К чему причинять нам вред?

— Мы свидетели.

— Чего? Да кто нам поверит? Нигде нет никаких записей, никаких доказательств того, что Мэри была задержана, вообще ничего. Зачем портить себе жизнь и нарушать status quo, убивая людей и вовлекая в дело полицейских?

— От этой истории дурно пахнет. У нас нет достаточной информации, чтобы делать выводы о том, что ими движет.

— А что мне еще оставалось делать? Позвонить в полицию и рискнуть жизнью Мэри?

— Я уже говорил: не знаю. Но ты мог бы воздержаться от того, чтобы вовлекать в эту историю меня.

— Извини, я принимал решение на ходу и мог допустить ошибку. Но я же предупредил тебя об этом заранее. Я знаю, что должен был объясниться — именно это я сейчас и делаю. Мы еще не приехали на место. Я хотел предложить тебе выбор, когда закончу рассказывать. Теперь,

когда ты все знаешь, выбор за тобой. Только учти, мне нужно торопиться.

Он посмотрел на часы.

— Когда мы должны с ними встретиться? — спросил я.

— Примерно через полчаса.

— Где?

— В восьми милях отсюда, так мне кажется. Я еду, руководствуясь приметам, которые они мне дали. Потом мы должны будем припарковаться и ждать.

— Понятно. Ты, конечно, не узнал голос или что-нибудь в таком роде?

— Нет.

Я посмотрел на фальшивый камень, наполовину матовый или наполовину прозрачный, в зависимости от того, как на него посмотреть, очень гладкий, с тонкими молочными и красными прожилками внутри. Он чем-то напоминал ископаемую губку или кусок коралла, отполированный как стекло и сверкающий в узлах и гранях. Внутри были разбросаны крошечные черные и желтые точки. В длину камень составлял около семи дюймов, а в ширину дюйма три. И он оказался тяжелее, чем я думал.

— Красивая штука, — заметил я. — Ни за что не смог бы отличить один от другого. Да, я с тобой.

— Спасибо.

Мы проехали еще примерно восемь миль. Я смотрел по сторонам и пытался представить себе, что будет дальше.

Хал свернул на старую, заросшую травой колею — ее даже трудно было назвать дорогой — совсем недалеко от пляжа. Припарковал машину на границе с болотистой почвой так, что она оказалась со всех сторон закрыта деревьями. Потом мы вышли наружу, закурили и стали ждать.

С того места, где мы стояли, я слышал шум прибоя и чувствовал соленую влагу, которой был насыщен воздух. Почва была песчаной. Я поставил ногу на пенек и посмотрел на вонючие водоросли и тину, выброшенные прибоем на берег.

Несколько сигарет спустя Хал снова посмотрел на часы.

— Они опаздывают.

Я пожал плечами.

— Вероятно, осматривают окрестности, чтобы убедиться в том, что мы здесь одни. Во всяком случае, я бы поступил именно так. И еще поставил бы своего человека у дороги.

— Да, похоже на правду, — согласился он. — Я уже устал стоять. Пойду посижу немного в машине.

Я повернулся, чтобы последовать его примеру, и увидел Джеми Баклера, который стоял за нашей машиной и смотрел на нас. Он казался безоружным, хотя в данной ситуации оружия ему и не требовалось — он знал, что мы выполним все его требования.

— Это вы мне звонили? — спросил, подходя к нему, Хал.

— Да. Ты принес его с собой?

— С ней все в порядке?

— Да. Камень у тебя с собой?

Хал остановился и развернул камень. Положил его на свою куртку.

— Вот. Видишь?

— Угу. Ладно. Пошли.

— Куда?

— Недалеко. Повернись кругом и иди в том направлении. Там есть незаметная тропинка.

Мы пошли по указанной им дорожке, Джеми замыкал шествие. Извиваясь среди кустарника, тропа постепенно подводила нас к пляжу. Наконец показалось море, сегодня оно было серым с белыми барашками. Потом тропа повернула в другую сторону, и довольно скоро я увидел то место, куда мы направлялись. Низкий, островерхий, устроившийся на склоне холма, с сорванными ставнями пляжный домик, который видывал куда более спокойное море еще задолго до того, как я родился.

— В домик? — спросил Хал.

— В домик, — слышалось у нас из-за спины.

Мы стали подниматься по склону холма. Джеми обогнул нас по широкой дуге, подошел к двери и постучал — похоже, условным сигналом.

— Все в порядке. Это я. Он принес камень. И заодно привел с собой Кассиди, — сказал Джеми.

— Отлично, — донеслось изнутри, дверь открылась. Джеми повернулся к нам, кивком головы предложил нам войти и последовал за нами.

Я был не слишком удивлен, увидев Мортон Зимейстера за поцарапанным кухонным столом, на котором рядом с кофейной чашкой лежал пистолет. На противоположной стороне комнаты, за пределами территории кухни, в самом удобном кресле сидела Мэри, не очень туго к нему привязанная. Одна ее рука была свободна, а на столе рядом с ней стояла чашка кофе. В столовой со стороны кухни было два окна и еще два в гостиной. На задней стене располагались две двери: одна, наверное, вела в спальню, а другая — в туалет или кладовку, решил я. Потолка как такового не было, так что без труда можно было рассмотреть балки и много свободного пространства, там же наверху я увидел рыболовные снасти, сети, весла и прочее барахло. В комнате стояли старый диван, пара плетеных кресел, низкий столик и две лампы. И потухший камин, перед которым лежал выцветший ковер. В маленькой кухоньке была небольшая плита, холодильник, шкафы и черная кошка, которая сидела на дальнем от Зимейстера конце стола и тщательно вылизывала лапы.

Увидев нас, Зимейстер улыбнулся и, только когда Хал попытался подбежать к Мэри, поднял пистолет.

— Ну-ка вернись сюда, — сказал он. — Она в полном порядке.

— Это действительно так? — спросил у Мэри Хал.

— Да, — ответила она. — Они меня не трогали.

Мэри была миниатюрной, немного взбалмошной, со слишком заостренными, на мой вкус, чертами лица блондинкой. Я опасался, что к моменту нашего появления она будет в истерическом состоянии. Однако, если не считать вполне естественных следов усталости, Мэри, как мне показалось, сохраняла присутствие духа, чем меня изрядно удивила. Возможно, Хал сделал не такой уж неудачный выбор. Я искренне за него порадовался.

Хал вернулся к столу, за которым сидел Зимейстер. Услышав звук задвигаемого засова, я обернулся и увидел, что

Джеми стоит, привалившись спиной к запертой двери, и смотрит на нас.

Он расстегнул куртку; из-за пояса у него торчала рукоятка пистолета.

— Ну, давай сюда, — сказал Зимейстер.

Хал развернул куртку и протянул камень Зимейстеру. Тот отодвинул в сторону чашку с кофе и пистолет и внимательно посмотрел на камень. Потом несколько раз перевернул его. Кот поднялся, потянулся и соскочил со стола на пол.

Зимейстер откинулся на спинку стула, продолжая смотреть на камень.

— Вы, ребята, наверное, неплохо потрудились... — начал он.

— По правде говоря, — заявил Хал, — мы...

Зимейстер со всей силы ударил ладонью по столу. Фаянсовая посуда громко задребезжала.

— Это подделка! — рявкнул Зимейстер.

— Это тот камень, который был у нас с самого начала, — заговорил было я, но Хал вдруг отчаянно покраснел. Он всегда был паршивым игроком в покер.

— Я не понимаю, как вы можете говорить подобные вещи! — заорал Хал. — Я принес эту проклятую штуку! Она настоящая! Отпустите сейчас же Мэри!

Джеми отошел от двери и двинулся к Халу. В этот момент Зимейстер повернул голову и поднял глаза. Он слегка покачал головой, и Джеми сразу остановился.

— Я не такой дурак, — сказал Зимейстер, — вам не удастся всучить мне копию. Я знаю, что мне нужно, и вполне могу отличить настоящий камень от дубликата. Это, — он сделал небрежное движение в сторону камня, — не то, что мне нужно. И ты это знаешь не хуже меня. Хорошая попытка — вы достали просто отличную копию. Однако больше вам не удастся водить меня за нос. Где настоящий камень?

— Если это не он, — ответил Хал, — не знаю.

— А что скажешь ты, Фред?

— Это тот камень, который был у нас с самого начала, —

заявил я. — Если он подделка, значит, настоящий никогда не попадал нам в руки.

— Ладно. — Зимейстер не торопясь поднялся на ноги. — Перейдем в гостиную, — предложил он, беря в руки пистолет.

Джеми на это вытащил свой, и нам ничего не оставалось, как подчиниться.

— Я не знаю, сколько вы рассчитываете получить за него, — сказал Зимейстер, — или сколько вам за него предлагали. Может, вы уже успели его продать. В любом случае, вам придется рассказать мне, где камень находится сейчас и кто еще в это замешан. Однако прежде всего я хочу напомнить вам, что вряд ли вы сможете воспользоваться камнем после смерти.

— Вы делаете ошибку, — заявил Хал.

— Нет. Это вы сделали ошибку, и теперь пострадает невинный.

— То есть? — спросил Хал.

— Ну, разве не понятно, — ответил Зимейстер. — Встаньте-ка сюда. — А потом добавил, обращаясь к Джеми: — Пристрелишь их, если они вздумают хоть пальцем пошевелить.

Мы встали туда, куда он указал, — напротив Мэри у стены. Зимейстер подошел к Мэри и устроился справа от нее. Джеми остался стоять слева от нее и навел на нас свой пистолет.

— Ну а ты, Фред? — спросил Зимейстер. — Не вспомнил ничего новенького после Австралии? Может, ты не все рассказал бедняге Халу — спаси его жену от... Ну...

Он вытащил из кармана плоскогубцы и положил их на стол рядом с кофейной чашкой Мэри. Хал повернулся и посмотрел на меня. Они все ждали, что я скажу что-нибудь или сделаю. Я выглянул в окно и подумал о дверях в песке.

Видение бесшумно вошло в гостиную из комнаты, дверь в которую находилась за спиной Зимейстера и Джеми. Должно быть, их насторожило выражение лица Хала, потому что я себя контролировал. Впрочем, это не имело особого значения, потому что оно заговорило еще до того,

как голова Зимейстера начала поворачиваться в его сторону.

— Нет, — сказала видение. — Замрите! Брось пистолет, Джеми! Одно движение, Мортон, и ты превратишься в статую вроде Генри Мура! Не двигайтесь!

Это был Пол Байлер, на исхудавшем лице которого появились новые морщины. Однако его рука с пистолетом сорок пятого калибра не дрожала.

Зимейстер очень выразительно застыл в неподвижности. Джеми явно находился в сомнениях, ожидая какого-нибудь знака от босса.

Я почти облегченно вздохнул. Из честного лабиринта всегда есть выход. Похоже, мы играли именно в такую игру, если только...

Катастрофа!

Масса лесок, удочек, поплавков и сетей закрипела у нас над головами и свалилась прямо на Пола. Его рука чуть дернулась вниз — именно в этот момент Джеми решил не бросать свой пистолет. Он повернул его в сторону Пола.

Рефлексы, о которых я обычно забываю, когда нахожусь на земле, сами приняли решение, так что я тут оказался совершенно ни при чем. Однако, если бы мысль о том, чтобы броситься на человека с пистолетом, успела пройти дальше моего спинного мозга, я не думаю, что сделал бы это.

Тем не менее все должно кончиться хорошо, не так ли? В кино, во всяком случае, именно так и бывает.

Я прыгнул на Джеми, вытянув вперед руки.

Его рука на мгновение застыла в нерешительности, а потом он повернул пистолет в мою сторону и выстрелил практически в упор.

Моя грудь взорвалась, и мир исчез.

Вот вам и хороший конец!

Глава 9

Иногда бывает очень полезно остановиться и поразмышлять о тех преимуществах, которые можно извлечь из современной системы высшего образования.

Я полагаю, что их все можно сложить к ногам моего святого патрона, президента Гарварда Элиота. Именно он, еще в 1970 году, посчитал, что следует несколько ослабить строгость академических требований. Что и сделал, а уходя, забыл запереть за собой дверь. Почти тринадцать лет я каждый месяц возносил ему мою благодарность в тот наполненный приятными эмоциями момент, когда открывал конверт, в котором лежал чек. Элиот был тем человеком, который ввел систему свободного выбора курсов, пришедшую на смену жесткому набору обязательных предметов. И, как это часто бывает в таких случаях, результаты превзошли все ожидания. Нынешняя ситуация, в частности, позволяла мне спокойно оттачивать свой интеллект, не скучать и следовать за прихотливо мерцающими звездами ускользающего знания. Иными словами: если бы не он, у меня скорее всего не было бы ни времени, ни возможности изучить весьма любопытные и поучительные привычки *Ophrys speculum* и *Cryptostylos leptochila*, с которыми я познакомился на ботаническом семинаре.

Давайте посмотрим правде в глаза: я был обязан этому человеку многим — и тем, что мог вести столь замечательный образ жизни, и другими приятными моментами. И меня никак нельзя было назвать неблагодарным. Что же до того, что я не в силах отплатить ему добром за добро, ну что ж, тут я не в силах ничего изменить:

Кто такой *Ophrys*? Или это она? И почему все обожают ее? А *Cryptostylos*?

Я рад, что вы спросили. В Алжире живет насекомое, похожее на осу, известное под именем *Scolia cilata*. Оно спит всю зиму в своем гнезде, устроенном в песке, а в марте пробуждается. Самка этого насекомого, что не является таким уж редким явлением среди перепончатокрылых, продолжает спать еще месяц. Самец, естественно, начинает испытывать беспокойство и направляет свой близорукий взгляд в другие дали. И вдруг!.. Что расцветает как раз в это время здесь, неподалеку? Конечно же, грациозная орхидея *Ophrys speculum*, чьи цветы поразительно похожи на тело самки заинтересовавшего нас насекомого. Остальное совсем нетрудно предсказать. Именно таким образом про-

исходит опыление орхидеи — самец осы летает от цветка к цветку и дарит их своим вниманием. Оукс Эймс назвал этот процесс псевдокопуляцией, симбиотической связью двух совершенно разных репродуктивных систем. Орхидея *Cryptostylos leptochila* точно так же и с той же целью соблазняет самца осы наездника, правда, она при этом достигает невероятных высот в своей изощренности, поскольку испускает точно такой же запах, что и самка соблазняемого ею наездника. Коварная. Восхитительная. В строго философском смысле можно говорить о разнообразных сторонах морали. Именно для этого и нужно образование. Если бы не мой дорогой окаменевший дядюшка и если бы не президент Элиот, я, вполне возможно, никогда не получил бы возможности испытать те чудесные ощущения, что озаряют своим светом состояние моей души.

Вот, например, когда я лежал там, все еще не совсем понимая, где находится это «там», я вспомнил занятия, посвященные орхидеям, и одновременно меня коснулись совсем непонятные и необъяснимые звуки, тени и цвета. Я моментально пришел к следующему выводу: часто вещи не являются тем, чем кажутся, впрочем, иногда это не имеет никакого значения; человеческое существо можно обидеть множеством самых отвратительных способов, которые непосредственно задевают его спинной мозг.

К этому моменту я уже начал робко изучать среду, в которой оказался.

«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!» и снова «Ой-ой-ой!» — произносил я. Как долго это продолжалось, не мне судить. Неожиданно среда откликнулась на мои стенания, всунув термометр мне в рот и принявшись считать мой пульс.

— Пришли в себя, мистер Кассиди? — спросил голос, только вот я не понял, кому он принадлежал — женщине или какому-то бесполому существу.

— Блюм, — ответил я, силясь рассмотреть лицо медсестры и поспешно прикрыв глаза, как только мне это удалось сделать.

— Вам очень повезло, мистер Кассиди, — сказала она, вынимая термометр. — Я пойду позову доктора. Он с не-

терпением ждет возможности поговорить с вами. А вы по-лежите спокойно. Не напрягайтесь.

Поскольку я не испытывал особого желания соскочить с кровати и заняться отжиманиями, мне было совсем нетрудно выполнить ее распоряжение.

Я еще раз попробовал оглядеться по сторонам. На этот раз все выглядело совершенно нормально. Понятие «все» включало в себя больничную палату на одного человека и меня на кровати, которая стояла у стены возле окна. Я лежал на спине и довольно быстро сумел обнаружить, до какой степени моя грудь замотана в бинты и пластырь. Представив себе, что повязку когда-нибудь будут снимать, я невольно поморщился. Тем, кто не искалечен, не принадлежит монопольное право на предчувствия.

Несколько минут спустя мне показалось, что здоровенный молодой парень в белом халате, из кармана которого свисал стетоскоп, внес в палату улыбку и доставил ее прямо к моей постели. Переложив мою карточку из одной руки в другую, он потянулся ко мне. Я решил, что его заинтересовал мой пульс, но доктор схватил мою руку и начал ее изо всех сил трясти.

— Мистер Кассиди, я доктор Дрейд! Мы встречались с вами раньше, но вы этого не помните. Я вас оперировал. Рад, что вы можете пожать мне руку. Вы очень везучий человек.

Я откашлялся, и мне стало больно.

— Приятная новость, — сказал я.

Доктор взял мою карточку.

— Поскольку ваша рука находится в такой прекрасной форме, не могли бы вы поставить подпись вот на этих бумагах?

— Минутку, — заметил я. — Мне ведь даже неизвестно, что вы со мной делали. Так что я не собираюсь ничего подписывать.

— О, это вовсе не то, о чем вы подумали, — пояснил доктор. — Те бумаги вас попросят подписать, когда вы будете нас покидать. Я просто хотел получить разрешение воспользоваться своими заметками и фотографиями, ко-

торые мне посчастливилось сделать во время операции, для статьи, которую я хочу написать.

— Для какой такой статьи? — спросил я.

— Статьи, посвященной причине, которая позволила мне назвать вас очень везучим человеком. Вам ведь выстрелили в грудь, знаете ли.

— Ну, это я и сам понял.

— Любой другой человек на вашем месте был бы уже покойником. Только не старина Фред Кассиди. А знаете почему?

— Скажите мне.

— Сердце у вас не в том месте.

— Да?

— Вы что, до сих пор не знали об особенностях своей системы кровообращения?

— Не совсем, — сказал я. — Правда, до сих пор мне еще никто не стрелял в грудь.

— Так вот, ваше сердце является зеркальным отображением обычного сердца. *Vena cavae*¹ выполняет функцию аорты, а легочная артерия получает кровь из левого желудочка. Ваши легочные вены несут свежую кровь в ушко правого предсердия, а правое предсердие качает ее через дугу аорты, которая сдвинута вправо. Правые камеры вашего сердца, следовательно, имеют более плотные стенки, которые у обычных людей расположены слева. Если бы кому-нибудь выстрелили туда же, куда попали вам, было бы поражено левое предсердие или, возможно, аорта. В вашем же случае пуля прошла на безопасном расстоянии от *inferior vena cava*².

Я снова закашлялся.

— Ну, пуля, конечно, причинила вам вред, — продолжал доктор. — Дырка в груди у вас все-таки есть. Я ее довольно аккуратно заштопал. Скоро вы встанете на ноги.

— Отлично.

— Так вот, как насчет вашей подписи...

— А? Ладно. Все для науки и прогресса.

¹ *Vena cavae* (лат.) — полая вена.

² *Inferior vena cava* (лат.) — нижняя полая вена.

Подписывая бумаги и раздумывая о том, под каким углом летела пуля, я спросил доктора:

— А как я сюда попал?

— Вас привезла в приемный покой полиция, — ответил доктор Дрейд. — Они не проинформировали нас о причинах возникновения ситуации, которая привела к перестрелке.

— Перестрелке? И сколько же было выстрелов?

— Хм, всего семь. Знаете, я вообще-то не имею права обсуждать других больных.

Моя рука застыла над листком бумаги.

— Хал Сидмор мой лучший друг, — сказал я и, подняв ручку, выразительно посмотрел на бумаги, — а его жену зовут Мэри.

— Они не получили никаких серьезных ранений, — быстро проговорил доктор. — У мистера Сидмора сломана рука, а у его жены несколько царапин. И все. По правде говоря, ваш приятель хочет повидаться с вами.

— Я тоже хочу, — заявил я. — Потому что чувствую себя прекрасно.

— Немедленно пошлю его к вам.

— Очень хорошо.

Доктор поправил мою постель.

— Если вам не трудно дать мне стакан воды...

Доктор налил мне воды и подождал, пока я почти все выпил.

— Хорошо, — сказал он, — я навещу вас попозже. Вы не возражаете, если я приведу с собой практикантов, чтобы они могли послушать ваше сердце?

— При условии, что вы пообещаете прислать экземпляр вашей статьи.

— Ладно, — согласился доктор. — Пришлю. Не напрягайтесь.

— Я постараюсь.

Он аккуратно сложил свою улыбку и унес ее с собой, а я лежал и строил рожи надписи «ътирук еН».

Кажется, прошло совсем немного времени, когда ко мне вошел Хал. К этому моменту еще один слой пелены спал с моих глаз. На нем была обычная одежда, а его пра-

вая — минутку, прошу прощения, — левая рука была в гипсе. На лбу у Хала красовался небольшой синяк.

Я ухмыльнулся, чтобы продемонстрировать, что жизнь прекрасна, а поскольку уже знал ответ, то спросил:

— Как Мэри?

— Прекрасно, — ответил Хал. — Она действительно в порядке. Расстроена и поцарапана, но ничего серьезного. Ты-то как себя чувствуешь?

— Словно кто-то хорошенько лягнул меня в грудь. Правда, доктор говорит, что могло быть хуже.

— Да, по его словам, тебе очень повезло. Знаешь, он прямо-таки влюбился в твое сердце. Если бы я оказался на твоём месте, мне наверняка было бы немного не по себе — лежишь тут, совершенно беспомощный, а он пишет разные статьи...

— Спасибо. Я рад, что ты пришел подбодрить меня. Ты сам расскажешь мне о том, что произошло, или мне надо купить газету?

— Ну, я не знал, что ты так спешишь, — сказал Хал. — Буду краток: в нас всех стреляли.

— Понятно. А теперь постарайся быть не таким кратким.

— Хорошо. Ты прыгнул на типа с пистолетом...

— Джеми. Да. Продолжай.

— Он выстрелил в тебя. Ты упал. Можешь поставить возле своего имени крестик. Потом он выстрелил в Пола.

— Крестик.

— Но, пока Джеми смотрел на тебя, Полу почти удалось выбраться из той пакости, что свалилась на него. Он выстрелил в Джеми практически тогда же, когда тот выстрелил в него. И попал в Джеми.

— Итак, они попали друг в друга. Крестик.

— Я бросился на другого типа почти сразу же после того, как ты напал на Джеми.

— Это был Зимейстер. Да.

— Он успел схватить пистолет и несколько раз выстрелил. Первый выстрел в меня не попал, и мы стали драться. Между прочим, он довольно сильный.

— Это мне известно. Кого помечаем следующим крестиком?

— Тут я не совсем уверен. Мэри поцарапало голову пулей рикошетом, а второй или третий выстрел Зимейстера — не очень уверен, какой, — попал мне в руку.

— Значит, надо поставить два крестика. А кто застрелил Зимейстера?

— Полицейские. Они в это время ворвались в домик.

— Как же, любопытно, они туда попали? Откуда им вообще стало известно о том, что там происходило?

— Я слышал их разговор — позже. Они следили за Поллом...

— ...который, по всей вероятности, следил за нами?

— Похоже на то.

— А я думал, он умер. Про это в новостях говорили.

— Я тоже так думал. До сих пор не знаю, что там произошло. Его палату охраняют, и все молчат.

— Получается, что он по-прежнему жив?

— Ну, так я слышал. Больше мне ничего не удалось о нем узнать. Такое впечатление, что все остались живы.

— Плохо — в двух случаях. Подожди минутку. Доктор Дрейд сказал, что было семь выстрелов.

— Да. Их это всех тоже немного удивило. Один из полицейских попал себе в ногу.

— А... тогда понятно. Что еще?

— В каком смысле?

— Тебе удалось что-нибудь узнать? Ну, например, про камень?

— Нет. Ничего. Тебе известно все, что знаю я.

— К несчастью.

Я начал отчаянно зевать. Примерно в это же время в палату заглянула медсестра.

— Мне придется попросить вас уйти, — сказала она. — Мы не должны его утомлять.

— Хорошо, — согласился Хал. — Сейчас я пойду домой, Фред, и вернусь, как только они разрешат мне снова тебя навестить. Что тебе принести?

— Здесь есть какое-нибудь кислородное оборудование?

— Нет. Только в коридоре.

— Тогда принеси сигареты. И скажи им, чтобы сняли эту дурацкую вывеску. А, ладно. Я сам. Извини, никак не могу остановиться. Передай Мэри привет и все такое. Надеюсь, у нее не болит голова. Я тебе когда-нибудь рассказывал про цветы, которые спят с осами?

— Нет.

— Боюсь, вам надо идти, — напомнила медсестра.

— Хорошо.

— Скажи этой даме, что она совсем не похожа на орхидею, — попросил я, — даже несмотря на то, что благодаря ей я чувствую себя осой.

Потом вместе со своей кроватью я провалился в неподвижное мягкое средоточие всего сущего, где жизнь кажется совсем простой.

Сон. Сон. Сон.

Мерцание?

Мерцание. Яркий свет.

Я услышал, что в мою комнату кто-то вошел, и, чуть приоткрыв глаза, убедился, что день еще не кончился.

Еще?

Пора разобраться со временем. Прошел день и ночь и еще кусочек следующего дня. Я несколько раз ел, поговорил с доктором Дрейдом и был изучен практикантами, которых он привел. Приходил Хал, показавшийся мне более веселым, оставил сигареты. Доктор Дрейд сказал, что, хотя он и против, я могу курить, что я и сделал. Потом я немного поспал. Ах да, вот...

В поле моего зрения попали две фигуры, которые двигались очень медленно. Тут кто-то начал откашливаться, и я сообразил, что это Дрейд.

— Мистер Кассиди, вы проснулись? — вслух удивился он.

Я зевнул, потянулся и, пытаясь оценить ситуацию, сделал вид, что пришел в себя совсем недавно.

Рядом с Дрейдом стоял высокий мрачного вида тип в темном костюме и при черных очках. Я уже было собрался сострить по поводу гробовщиков, когда заметил, что в правой руке этот тип сжимает поводок лохматой собаки,

изо всех сил старавшейся сидеть смиренно возле его ноги. В левой руке странный визитер держал довольно тяжелый портфель.

— Да, — сказал я и, поманипулировав рычажками кровати, устроился лицом к ним. — А в чем, собственно, дело?

— Как вы себя чувствуете?

— Вроде нормально. Да. Я отдохнул.

— Хорошо. Полиция послала этого джентльмена, чтобы он обсудил с вами то, что их интересует. Джентльмен заявил, что должен поговорить с вами наедине, так что мы повесим на дверь табличку. Его зовут Надлер, Теодор Надлер. Ну ладно, я пошел.

Доктор подвел Надлера к стулу, усадил его и удалился, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я взял стакан с водой. Посмотрел на Надлера.

— Что вам нужно?

— Вы знаете, что нам нужно.

— А вы разместите объявление, — предложил я.

Он снял очки и улыбнулся мне.

— А вы попытайтесь прочесть парочку. Вроде тех, что озаглавлены «Нужна помощь».

— Вам бы следовало служить в дипломатическом корпусе, — сказал я, и его улыбка стала немного напряженной, он покраснел.

Когда он вздохнул, я ухмыльнулся.

— Мы знаем, что у вас его нет, Кассиди, — наконец сказал Надлер, — и я его у вас не прошу.

— Тогда почему вы меня преследуете? Только потому, что это совсем не трудно? Навязав мне диплом, вы на самом деле прикончили меня самым настоящим образом. Если бы в моем распоряжении находилось то, что вам нужно, я бы прицепил к этому этикетку с ценой, которая была бы немалой.

— Сколько? — спросил Надлер практически без раздумий.

— За что?

— За ваши услуги.

— В каком качестве?

— Мы хотим предложить вам работу, которая может вас заинтересовать. Как вам понравится должность специалиста по внеземным культурам, представляющего США в ООН? Для этого как раз требуется степень доктора антропологии.

— И когда, интересно, появилась такая должность? — спросил я.

Он снова улыбнулся.

— Совсем недавно.

— Понятно. А что будет входить в мои обязанности?

— Они будут определены отдельно. Скажу только, что вам придется заняться расследованием.

— Что именно я буду расследовать?

— Исчезновение звездного камня.

— Угу. Должен признаться, вы меня заинтриговали, однако этого еще недостаточно, чтобы я согласился с вами сотрудничать.

— Ну, со мной вам особенно сотрудничать не придется.

Я вытащил сигарету и закурил.

— С кем же тогда?

— Дай мне такую же, — произнес знакомый голос, и мохнатая, нечесаная собака подошла к моей кровати.

— Лон Чейни со звезд, — заметил я. — Из тебя получилась паршивая собака, Рагма.

Он отстегнул несколько кусков своей маскировки и взял сигарету. Впрочем, я так и не сумел понять, как он выглядит на самом деле.

— Что ж, ты все-таки допрыгался — подстрелили, — сказал Рагма. — А ведь я тебя предупреждал.

— Что правда, то правда, — согласился я. — Я пошел на это с открытыми глазами.

— К тому же ты отображен, — заметил Рагма, откидывая в сторону мое одеяло. — Раньше шрамы от ран, которые ты получил в Австралии, были на другой ноге.

Он опустил одеяло и устроился на полу рядом с моим столиком.

— И не то чтобы это необходимо было проверять, — добавил он. — По дороге сюда мне все уши прожужжали про твое удивительное перевернутое сердце. С самого начала я

подозревал, что ты — и есть тот идиот, который решил поиграть с инвертором. Может, расскажешь, зачем ты это проделал?

— Не расскажу, — отрезал я.

Рагма пожал плечами.

— Ладно. Прошло еще мало времени, и результаты недостаточного усвоения пищи не начали сказываться на твоём организме. Придется немного подождать.

Я перевел взгляд на Надлера.

— Вы так и не ответили на мой вопрос. На кого я буду работать?

На сей раз начал ухмыляться он.

— На него, — весело сказал Надлер.

— Вы что, шутите? С каких это пор госдеп начал брать на работу типов, которые исполняют роли вомбатов и собак-поводырей? Они же инопланетяне — у них даже гражданства нет!

— Он не работает на государственный департамент. Он предоставил свои услуги ООН. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, то немедленно поступите в распоряжение специального отряда ООН, который возглавляет Рагма.

— Как библиотечная книга, — заметил я, снова поворачиваясь к Рагме. — А ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Именно за этим я и пришел сюда, — ответил он. — Как тебе очевидно, артефакт, известный как звездный камень, исчез. Нам удалось выяснить, что некоторое время камень находился в твоей квартире, вследствие чего на тебе и сфокусировался интерес нескольких групп, заинтересованных в его возвращении — по самым разным причинам.

— Камень был у Пола Байлера?

— Да. Ему поручили сделать дубликат.

— Значит, он слишком небрежно с ним обращался.

— И да, и нет. Весьма странный человек, этот профессор Байлер, к тому же все ужасно осложнилось совпадениями, которые никто не мог предвидеть заранее. Понимаешь, к нему обратились потому, что он был самым подходящим человеком для выполнения подобного задания.

Байлер — автор ряда очень интересных работ по синтезированию кристаллов. Ему удалось создать такой образец, который целая комиссия не сумела отличить от оригинала. Было ли это следствием его мастерства? Поначалу так все и подумали. Мне представляется, что при обычном течении событий людям так и не удалось бы установить, что их обманули.

— Значит, он оставил себе оригинал, а им отдал дубликат вместе с дубликатом дубликата? — спросил я.

— Ну, все не так просто, — со вздохом ответил Рагма. — Как выяснилось, то, что они ему отдали, вовсе не было звездным камнем. На самом деле подмена произошла гораздо раньше — еще перед тем, как секретарь ООН отдал расписку в получении камня. Мы только недавно узнали, как все произошло на самом деле. Может быть, ты даже видел телевизионный репортаж об этом событии?

— Я думаю, эту передачу смотрели все. Что же тогда произошло?

— Один из охранников совершил подмену перед тем, как уложить звездный камень в сейф. Никто этого не заметил, охранник ускользнул с оригиналом, а профессор Байлер получил подделку.

— Тогда какое отношение Пол?..

— Совпадение, — отозвался Рагма, — то единственное совпадение, которое допустимо в любой истории. Меня удивило, что ты не спросил меня, где охранник добыл фальшивый камень.

Я даже слегка осел на подушках. «Интересно, — подумал я, — заболит ли у меня грудь от смеха?»

— Значит, Пол?.. Только не говорите мне, что он и сделал первую подделку.

— Так оно и было, — вздохнул Рагма. — Байлер сумел выполнить работу по нескольким фотографиям и словесным описаниям. Тут его талант и проявился в полной мере. Когда дело доходит до технической реализации, ему нет равных.

Я смял свою сигарету.

— Значит, он получил назад свою подделку, чтобы сделать по ней новую подделку?

— Вот именно. И оказался в весьма щекотливом положении. У него был настоящий камень и дубликат, сделанный им самим по фотографиям, а правительство, само того не ведая, обратилось к нему с заданием скопировать его собственную работу.

— Подожди! У него был настоящий камень? Мне казалось, ты сказал, что настоящий взял охранник.

— Я как раз подхожу к этой части истории. Охранник забрал камень и отдал его профессору Байлеру. Байлер боялся, что первая подделка не выдержит тщательной проверки, особенно если ею заинтересуется какой-нибудь заезжий инопланетянин, видевший камень в другом месте и знающий секрет, связанный с его строением — признак, который может заметить только инопланетянин. Во всяком случае, теперь он намеревался сделать вторую копию, которая была бы намного лучше первой, а потом договориться с тем же охранником, чтобы тот попытался заменить первую копию второй. Байлер считал, что вторая копия сможет гораздо дольше выдерживать проверку. В этом месте у него возникла дилемма: отдать им первую модель и копию или вернуть два камня из второй серии — он ими очень гордился. В конце концов наш профессор решил, что будет лучше, если он вернет свою первую подделку и копию, поскольку боялся, что власти к тому моменту уже детально изучили его камень, и он у них числится в качестве настоящего.

Я покачал головой:

— Зачем? Зачем вообще было устраивать всю эту карусель?

Рагма потушил сигарету.

— Этот человек имеет сильную эмоциональную привязанность к Британской монархии...

— Драгоценности Британской Короны! — догадался я.

— Вот именно. Звездный камень прибыл на Землю, а драгоценности были отданы инопланетянам. Байлера потряс этот факт, он считал сделку нечестной, по его мнению, монархии было нанесено оскорбление.

— Но ведь на самом деле драгоценности по-прежнему принадлежат Британии, и их можно получить назад. Бри-

танские монархи согласились расстаться с ними на неограниченный срок на предложенных им условиях.

— Мы с тобой понимаем все это одинаково, — сказал Рагма. — А вот Байлер считает иначе. Как и те — например, охранник, — кто участвовал вместе с Байлером в этой аванюре.

— А что, собственно говоря, они собирались делать?

— Они намеревались подождать некоторое время, пока ваши отношения с другими расами не станут прочнее, а выгода от этого сотрудничества будет ясна всем и каждому. Тогда они бы объявили, что звездный камень — подделка, этот факт можно легко проверить, воспользовавшись услугами инопланетных экспертов. После этого они бы сообщили, что настоящий камень находится в их руках. И что они готовы вернуть его в обмен на драгоценности короны.

— Значит, у них была целая группа... В таком случае это объясняет некий тост, который я услышал в своей квартире. Они, вне всякого сомнения, поджидали меня с целью порасспросить, куда им следует отправиться, чтобы украть камень снова.

— Да. Они тебя искали. А потом мы установили за ними наблюдение. Они не представляют для нас никакой угрозы, скорее их нужно рассматривать как досадное недоразумение. Впрочем, они могут оказать нам помощь в поисках камня, если мы не станем их трогать. Ради этого можно смириться с неприятностями, которые они нам доставляют.

— А если бы все получилось так, как они планировали?

— Если бы их план удался, Земля была бы исключена из торгового оборота и, по всей вероятности, внесена в черный список с точки зрения обычных видов торговли, туризма, культурного и научного обмена. Кроме того, это, естественно, повлияло бы на ваши шансы вступить в межзвездную конфедерацию — что-то вроде земной Организации Объединенных Наций.

— Ведь Пол разумный человек, почему же он этого не понимал? Знаешь, я начинаю сомневаться в том, что мы досрочно до сотрудничества на межпланетном уровне.

— Ну, теперь Пол все понял. Именно он рассказал нам о деталях дела. Не суди его слишком строго. Как правило, интеллект не в состоянии оказать никакого влияния на чувства.

— А что вообще с ним произошло? Я слышал, его убили.

— На него напали и довольно сильно его попортили, но полиция оказалась на месте преступления как раз в тот момент, когда нападавшие сбежали. У них было специальное медицинское оборудование для оказания первой помощи. Байлера срочно доставили в учреждение, где он подвергся серии имплантаций, прошедших весьма удачно. После этого он связался с властями и все рассказал. Это произошло потому, что те, кто на него напал, прежде входили в ту же организацию, что и он.

— Зимейстер и Баклер, — сказал я, — не показались мне людьми, чьим поведением двигают чувства.

— Это так. На самом деле они бандиты. До недавнего времени они занимались добычей, продажей и тайным вывозом из страны человеческих органов. А еще раньше они обделывали самые разнообразные противозаконные делишки, но, похоже, человеческие органы приносили им немалую выгоду. Они оказались замешанными в краже звездного камня скорее из соображений материальных, чем идейных. Все остальные члены организации не имели никакого отношения к преступному миру. Именно поэтому они и наняли Зимейстера — организовать кражу. Впрочем, в его планы входило несколько иное решение этой проблемы...

— Он намеревался их надуть, — сказал я и поднес спичку к сигарете Рагмы.

— Точно. Хотел прибрать камень к рукам где-нибудь в процессе намеченной операции и предложить его властям в обмен на деньги и при условии, что ему не будет грозить преследование закона.

— Если бы все произошло именно так, каким образом это повлияло бы на наши шансы получить членство в конфедерации?

— Ну, это было бы несколько лучше, чем требование обменять камень на драгоценности короны, — ответил

Рагма. — Коль скоро вы были бы в состоянии вернуть камень по первому предъявлению, все остальное считалось бы вашими внутренними делами.

— В таком случае, какую роль во всей этой истории играешь ты?

— Я считаю, что нельзя так строго и неукоснительно следовать букве закона, — ответил Рагма. — Вы только вступаете в содружество, и я собираюсь сделать все, чтобы облегчить вам эту задачу. Я бы очень хотел, чтобы камень вернулся на свое место и инцидент был исчерпан.

— Как благородно с твоей стороны! В таком случае постараюсь вести себя, как разумный человек. Насколько я понял, сначала камнем владел Пол, потом он сообщил вам, что, по его мнению, камень попал к нам однажды вечером, когда мы играли в карты у него в лаборатории.

— Правильно.

— Итак, получается, что камень, по всей вероятности, некоторое время находился у нас в квартире. А затем исчез.

— Все выглядит именно так.

— Ну, тогда я не совсем понимаю, что должен буду делать, если соглашусь на вас работать.

— Во-первых, — начал Рагма, — поскольку ты не хочешь отправляться на другие миры, чтобы там тебя мог обследовать телепат-аналитик, и, учитывая, что уровень подготовки Сиблы оказался для тебя неудовлетворительным, я бы просил тебя согласиться подвергнуться этой процедуре здесь, на Земле, если я доставлю сюда квалифицированного специалиста.

— Значит, вы по-прежнему считаете, что ключ к разгадке все-таки лежит где-то в моем подсознании?

— Мы должны принять эту версию как одну из возможных, разве нет?

— Пожалуй, ты прав. А как насчет Хала? Может, в его подсознании тоже есть что-нибудь интересное.

— Такая вероятность не исключена, хотя я склонен думать, что он говорит правду, утверждая, что оставил камень у тебя, когда переезжал. Впрочем, он совсем недавно

дал мистеру Надлеру согласие подвергнуться любым необходимым экспериментам по изучению его разума.

— В таком случае, я тоже согласен. Привозите вашего аналитика. Если он разбирается в своем деле и мне не нужно будет отправляться на другую планету — ладно, так и быть.

— Прекрасно. Будем считать, что мы договорились. Значит ли это, что ты согласен работать на нас?

— Почему бы и нет? Если мне станут платить за эту работу люди, которые лишили меня средств к существованию, меня это вполне устроит.

— Ну, в таком случае мы решили все наши проблемы. Для доставки на Землю специалиста понадобится несколько дней. Мистер Надлер принес бумаги тебе на подпись. А пока вы этим занимаетесь, я настрою прибор.

— Какой прибор?

— Нога у тебя прекрасно зажила, не так ли?

— Да.

— Теперь я собираюсь сделать то же самое с твоей раной в груди. Ты сможешь покинуть больницу сегодня вечером.

— Это было бы просто замечательно. А что потом?

— Потом тебе нужно будет постараться не ввязываться ни в какие неприятности в течение всего нескольких дней. Этого можно добиться, если запереть тебя в тюремную камеру или организовать за тобой разумное наблюдение, заранее договорившись о том, что ты стараешься избегать разного рода проблем. Насколько я понимаю, ты предпочел бы второе.

— Ты правильно понимаешь.

— В таком случае, подпиши бумаги, а я включу прибор и через некоторое время усыплю тебя.

Так все и произошло.

Позже, когда они уже собирались уходить, — забрав с собой все свое медицинское оборудование и официальные бумаги, Надлер снова в темных очках, а Рагма на поводке, — последний повернулся ко мне и, делая вид, что это его почти не интересует, спросил:

— Кстати, теперь, когда мы достигли соглашения по всем

вопросам, может, скажешь, зачем ты подверг себя зеркальному отображению?

Я и собирался. Поскольку не видел никаких причин скрывать эту сторону своего существования: сейчас ведь мы были в некотором смысле коллегами и работали над решением одной и той же проблемы. Я посчитал, что вполне могу им все рассказать.

Я открыл рот, но слова почему-то никак не хотели складываться в предложения и появляться на свет в правильном порядке. Я почувствовал, что у меня перехватило горло, язык во рту распух, а улыбка превратилась в какую-то странную гримасу.

— Пожалуй, я расскажу вам об этом попозже, ладно? Завтра или послезавтра.

— Ладно, — ответил Рагма. — Срочности никакой нет. Мы сможем вернуть тебя в твое прежнее состояние, когда наступит подходящий момент. Отдыхай, ешь все, что тебе дают, и прислушивайся к своим ощущениям. Мистер Надлер или я свяжемся с тобой в конце этой недели. Пока.

— Пока.

— Скоро встретимся, — пообещал Надлер.

Уходя, они неплотно прикрыли за собой дверь. Я ни секунды не сомневался в том, что они по-прежнему не рассказали мне всего, что знали. Но ведь и они находились точно в таком же положении. Я хотел раскрыть им свой секрет, а мое тело посчитало это излишним и недвусмысленно высказалось против. Меня это в некотором смысле напугало, потому что напомнило о происшествии в автобусе, когда я возвращался домой. Я никак не мог забыть озабоченного выражения на лице старика, спросившего, все ли у меня в порядке. Может быть, сейчас со мной произошло то же самое, может быть, взбунтовалась нервная система? Следствие зеркального отображения? Но уж очень точно все совпало по времени с намерением рассказать Рагме о причинах, заставивших меня пройти через машину Ренниуса...

Мне это совсем не понравилось. Мои знания, приобретенные во время занятий, посвященных человеку и разно-

образным проявлениям его сути, оказались совершенно бесполезными в данный момент.

Президент Элиот, у нас возникли проблемы.

Глава 10

Когда похожие на провода лианы или щупальца схватили меня за плечо и бедро и подняли в воздух до положения, из которого я мог, повернув голову, увидеть массивное туловище, погруженное в лохань, до краев наполненную какой-то слизью и стоящую посередине комнаты, в тот момент, когда распахнулись громадные листья мухоловки и моим глазам предстала пурпурная пасть, я подумал, что большая часть несчастных случаев происходит вследствие беззаботности и легкомыслия жертвы и в данном случае меня нельзя считать ответственным за то, что со мной произошло. После того как я покинул больницу, я вел себя как образцовый государственный служащий, абсолютно осмотрительный в своих мыслях и поступках.

Когда страшилище замерло на мгновение, возможно решая, как лучше решить проблему избытка алкалоидов, которые оно получит вследствие того, что я выдыхаю углекислый газ, перед моим мысленным взором пронеслись последние несколько дней моей жизни. Не более того, поскольку более раннюю часть своей жизни я совсем недавно уже вспоминал — когда собирался умирать в прошлый раз.

Не знаю, что заставило меня действовать — дурацкое любопытство или странная улыбка. Доктор Дрейд хотел, чтобы я оставался в больнице еще некоторое время для дальнейшего обследования, несмотря на *prima fasie*¹ свидетельства того, что грудь у меня совершенно зажила. Тем не менее я был вынужден его разочаровать и выписался из больницы примерно часов пять спустя после ухода Надлера и Рагмы. Меня встретил Хал и отвез домой.

Я отклонил предложение Хала и Мэри пообедать с ними и рано отправился спать, позвонив сначала Джинни, кото-

¹ *Prima fasie* (лат.) — очевидный.

рая сейчас с нетерпением ждала возможности начать жизнь сначала — именно с того места, где она как бы прервалась, когда я еще был студентом. Мы договорились встретиться на следующий день вечером, и я лег спать, предварительно, впрочем, все-таки нанеся короткий визит на крыши близлежащих домов.

Был ли мой сон беспокойным? Да. Снаружи, конечно же, меня охраняли — путешествуя по крышам, я заметил двух сонных типов, похожих на полицейских, которые болтались возле моего дома. А вот внутри... Я перебирал свои неприятности, не очень успешно пытаюсь навести порядок в собственной душе. Впрочем, к шести часам мне все-таки удалось добиться в этом вопросе определенного успеха.

Затем прошло еще шесть часов, прежде чем для меня наступило утро. Мой сон время от времени посещали какие-то мимолетные образы, вспомнить и распознать которые впоследствии мне не удалось, если не считать улыбки. Проснувшись, я знал, что должен сделать, и немедленно постарался придумать достаточно солидное объяснение своему поведению — мне очень не хотелось, чтобы оно было похоже на проявление очередной маниакальной идеи. Прошло некоторое время, и я решил, что маниакальные идеи тут совершенно ни при чем. Любому было бы интересно посмотреть на место, где его чуть не убили.

Поэтому я позвонил Халу и попросил у него машину. Оказалось, что Мэри куда-то на ней уехала. Впрочем, машина Ральфа была на месте, и я пешком направился к его дому, чтобы ее забрать.

Ясное свежее утро обещало чудесный день. По дороге к морю я думал о своей новой работе, о Джинни и о той улыбке.

Надлер уверял меня, что моя новая должность переживет нынешние проблемы, и чем больше я о ней думал, тем более привлекательной она мне казалась. Если возникает необходимость что-то делать, считайте, что вам повезло, если вы сможете заняться чем-то интересным, тем, что доставит вам удовольствие. Где-то происходили события, о которых нам почти ничего не было известно, я же получал

возможность познать непознаваемое, попытаться понять, вникнуть в суть экзотических явлений, посмотреть на давно знакомые и понятные вещи с иной точки зрения.

Неожиданно я сообразил, что меня повергает в восторг эта перспектива. Я хотел этого. У меня не было никаких иллюзий на предмет того, почему мне предложили эту работу, но теперь, когда удалось помешать им захлопнуть перед моим носом дверь, я был исполнен самых решительных намерений победить все препятствия, которые могут встать на моем пути, и заняться настоящей работой. В тот момент я подумал, что инопланетная антропология (полагаю, правильнее было бы назвать эту науку ксенологией) как раз и была тем делом, к которому я готовился всю жизнь, используя для этого несколько эклектические подходы.

Я тихонько рассмеялся. Я был возбужден и, представьте себе, счастлив.

Поскольку я уже немного привык делать все в зеркальном отображении, вести машину оказалось совсем не трудно. Я останавливался возле каждого знака, на котором было написано «ПОТС», за городом же движение было далеко не таким напряженным, и мне стало совсем хорошо. По правде говоря, после того как я прошел через машину Ренниуса, самой трудноразрешимой оказалась проблема бритья. Моя травмированная нервная система реагировала на воображаемое отображение моего отображаемого движения вперед-назад, останавливая руку и дожидаясь, когда я очищу от грязи электрическую бритву. После того как я проделывал все необходимые операции, у меня все равно возникали довольно странные ощущения, но, справившись со всеми случайностями и трудностями, я постепенно начал чувствовать себя гораздо увереннее и даже ухитрялся достаточно чисто выбривать лицо.

Сидя за рулем, я корчил зеркалу рожи и думал о единственном фрагменте ночных видений, который засел в моей памяти. Улыбка. Чья? Я не знал. Просто улыбка, промелькнувшая в том месте сознания, где вещи начинают приобретать смысл. Однако она осталась со мной, то появляясь, то исчезая, словно лампа дневного света, которая собира-

ется перегореть; когда я ехал по дороге, по которой мы совсем недавно проехали вместе с Халом, я попытался сам придумать какое-нибудь ассоциативное объяснение этой улыбке, поскольку доктора Марко под рукой не было.

Почему-то мне не приходило в голову ничего, кроме «Моны Лизы». Я не очень уверенно чувствовал себя в вопросах аналитических связей. Но ведь именно эта знаменитая картина отправилась к нашим космическим друзьям в обмен на машину Ренниуса. Должна существовать какая-то тонкая связь, по крайней мере в моем подсознании, или со мной сыграло злую шутку воображение в сочетании со случайным совпадением, и тогда логичнее будет вспомнить о картинах Дали или Эрнста.

Я покачал головой и стал следить за тем, как мимо окон автомобиля пронесется утро. Через некоторое время я съехал на боковую дорогу.

Оставив машину в том месте, где мы с Халом остановились в прошлый раз, я нашел тропинку и отправился к домику, довольно долго незаметно осматривал его, но не увидел никаких признаков жизни. Рагма настаивал на том, что я должен стараться избегать неприятностей, вряд ли этот домик можно было рассматривать как неприятность. Я осторожно приблизился к странному строению сзади и подобрался к окну, через которое, по всей вероятности, Пол залез в дом.

Да. Шпингалет на окне сломан. Заглянув внутрь, я увидел небольшую спальню, совсем пустую. Тогда я обошел домик и посмотрел в другое окно, окончательно убедившись, что внутри никого нет. Сломанную дверь забили гвоздями, так что мне пришлось вернуться назад и забраться внутрь точно так же, как это сделал мой бывший преподаватель, мастер по изготовлению камней.

Я прошел через спальню и оказался возле двери, из-за которой появился Пол. Полиция не стала убирать в гостиной, все оставалось так, словно наше сражение только что закончилось.

Судя по виду из окна, море было гораздо спокойнее, а вода зеленее, чем в прошлый раз. Она оставляла более четкие линии на берегу, но я больше не заметил никаких но-

вых дверей в песке. Тогда я отвернулся от окна и стал рассматривать сеть, которая в тот день так ловко упала на Пола в самый нужный момент, вследствие чего было нарушено соотношение сил, а я получил дырку в груди.

Какие-то веревки и кусок сети по-прежнему висели на гвозде, прибитом к одной из потолочных балок, касаясь кучи мусора на полу. Справа от меня шла серия узких скоб, прибитых к стене, по которым можно было подняться на самый верх.

Я забрался по ним и стал медленно пробираться вдоль потолочных балок, часто останавливаясь, чтобы осветить покрытое пылью дерево. На противоположной стороне, как раз там, где раньше висела большая часть сетей, я увидел цепочку маленьких клинообразных следов, ведущих от перекрестья балок. После этого я спустился вниз и тщательно обыскал домик, но больше ничего интересного мне найти не удалось. Поэтому я выбрался наружу, выкурил сигарету и направился обратно к машине.

Улыбки. Сегодня Джинни много улыбалась, и мы провели остаток дня, избегая говорить на скользкие темы. Она ужасно удивилась, когда узнала, что я получил степень и работу. Не имеет значения. Утро выполнило свое обещание, день был ярким и прекрасным. Мы бродили по студенческому городку и по улицам, много смеялись и обнимались. Позднее мы попали на концерт камерной музыки; причина, толкнувшая нас на этот не самый заурядный поступок, быстро забылась, и мы не жалели, что пришли. Потом мы отправились в соседнее кафе, а оттуда в мою квартиру, чтобы я мог показать Джинни, что там царит самый обычный беспорядок — среди прочих вещей.

Улыбки.

Следующий день был вариацией на ту же тему. Однако погода изменилась, днем прошел дождь. Оказалось, что сидеть дома очень приятно, особенно если сможешь представить себе, что в камине, весело потрескивая, горят дрова. Ну, и тому подобные штуки.

Джинни не заметила, что я отобразился, а мне удалось придумать такую элегантную историю по поводу моего шрама — в ней рассказывалось о посвящении в тайное об-

щество одного племени, которое я недавно исследовал. Оставалось только жалеть, что я ее не записал. Увы! И снова улыбки.

В девять вечера зазвонил телефон, и нашей идиллии пришел конец. Прибор, ведающий предчувствиями, выдал мне предупреждение, но, как и знак, сообщающий о том, что в данном районе следует опасаться низко летающих самолетов, мой прибор не предложил ничего конструктивного. Не зная, что предпринять по этому поводу, я подошел к телефону и со вздохом взял трубку.

— Да?

— Фред?

— Совершенно верно.

— Это Тед Надлер. У нас возникла проблема.

— В каком смысле?

— Зимейстер и Баклер сбежали.

— Откуда? Как?

— Мы их сразу перевели в тюремный госпиталь. Нам стало известно, что несколько часов назад они оттуда убежали. Создается впечатление, что никто не знает, как им это удалось сделать. На месте побега осталось девять работников госпиталя — медицинский персонал и охрана, все без сознания. Доктора считают, что был применен нервно-паралитический газ, во всяком случае, все жертвы хорошо реагируют на атропин. Однако, когда начальник госпиталя позвонил мне, никто из них еще не успел прийти в себя настолько, чтобы внятно рассказать о том, что произошло.

— Очень плохо. Надеюсь, мы их теперь не скоро увидим.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А разве я неясно выразился? Скорее всего сейчас они пытаются выбраться из страны. Им предъявлено обвинение в похищении, попытке убийства — причин вполне достаточно.

— Рисковать нельзя.

— Что вы хотите этим сказать?

— Существует достаточно высокая вероятность, что эта парочка направилась к вам. Поэтому будет лучше, если вы

отошлете свою подружку домой и соберете вещи. Я заеду за вами примерно через полчаса.

— Вы не можете этого сделать!

— Прошу меня извинить, но я могу, и это приказ. Вам необходимо отправиться в путешествие — ваша работа требует этого. Как, впрочем, и здоровье.

— Ладно. Куда?

— В Нью-Йорк, — ответил Надлер. Короткие гудки. Вот так и произошло вторжение в мой рай.

Я повернулся к Джинни.

— Ну что? — спросила она.

— У меня есть две новости: хорошая и плохая.

— Скажи хорошую.

— В нашем распоряжении есть еще полчаса.

На самом деле Надлер потратил больше часа, чтобы добраться до меня, и это дало мне возможность принять отвратительное, хладнокровное решение — раньше я никогда не принимал подобных и не действовал в соответствии с ними.

Мерими взял трубку после шестого гудка и сразу узнал мой голос.

— Да, — сказал я. — Послушайте, вы помните предложение, которое сделали мне во время нашего последнего разговора?

— Да, помню.

— Я бы хотел поймать вас на слове.

— Кто?

— Их двое. Зимейстер и Баклер...

— О, Морти и Джеми! Конечно.

— Вы их знаете?

— Да. Морти раньше часто работал на твоего дядюшку. Когда наш бизнес процветал и мы были завалены заказами, нам иногда приходилось нанимать помощников. Зимейстер был маленьким толстым парнишкой, которому не терпелось поскорее включиться в дело. Мне он никогда особенно не нравился, но Морти, бесспорно, обладал неисчерпаемой энергией, да и другими определенными достоинствами. После того как Ал уволил его, он начал свои

собственные операции и в результате состряпал довольно приличный бизнес. Через пару лет он нанял Джемми, чтобы тот разбирался с конкурентами и отвечал на жалобы клиентов. Когда-то Джемми был боксером полутяжелого веса — надо сказать, неплохим, — к тому же у него большой военный опыт. Он сумел дезертировать из трех различных армий.

— Почему дядюшка Ал уволил Зимейстера?

— Морти не отличался честностью. Кому нужны ненадежные работники?

— Понятно. Ну, они дважды чуть не убили меня, а сейчас мне стало известно, что они снова на свободе,

— Насколько я понимаю, ты не знаешь, где они в данный момент находятся?

— Да, к сожалению, дело обстоит именно так.

— Хм-м-м. Это осложняет задачу. Ладно, попробуем взяться с другой стороны. Где ты собираешься быть в ближайшие несколько дней?

— В ближайший час я должен вылететь в Нью-Йорк.

— Превосходно! Остановишься в гостинице?

— Я еще сам не знаю.

— Тогда я приглашаю тебя к себе. Это и в самом деле может облегчить...

— Вы не понимаете, — перебил я Мерими. — Я завершил обучение в университете. Получил докторскую степень. Теперь у меня есть работа. Сегодня вечером мой босс отвезет меня в Нью-Йорк. Я не знаю, куда он собирается меня поселить. Как только я буду на месте, постараюсь сразу позвонить вам.

— Договорились. Поздравляю со степенью и с работой. Когда ты, наконец, принимаешь решения, то времени даром не теряешь, — в точности, как твой дядюшка. Я с нетерпением буду ждать окончания твоей истории. А пока постараюсь прозондировать почву. Кроме того, я думаю, что в самое ближайшее время тебя ждет приятный сюрприз.

— Какого рода?

— Ну, какой же это будет сюрприз, если я все расскажу тебе заранее, мой дорогой мальчик? Верь мне.

— Ладно, верю, — сказал я. — Спасибо.

— До встречи.

— Пока.

Вот так, хладнокровно все обдумав, и тому подобное. Никаких тебе извинений. Мне уже надоело, что в меня все время стреляют, к тому же стыдно не пользоваться такими замечательными подарками.

Как ни странно, гостиница находилась почти напротив того недостроенного здания, которое я использовал, чтобы добраться до крыши строения, расположенного по диагонали через дорогу — а точнее, того самого выставочного зала, где нашла приют машина Ренниуса.

Почему-то я был уверен в том, что это не простое совпадение. Однако, когда я что-то сказал по этому поводу, Надлер промолчал. Время уже перевалило за полночь, мы только-только зарегистрировались, а уж не расставались с того самого момента, как Надлер заехал за мной. Когда мы подходили к конторке портье, я посмотрел по сторонам и убедился, что поблизости не видно автоматов, в которых можно купить сигареты в любое время суток. Тогда я сказал:

— У меня практически кончились сигареты.

— Вот и отлично, — ответил мой босс. — Отвратительная привычка.

Девушка за столиком проявила куда больше сострадания и подсказала, где можно разжиться сигаретами. Я поблагодарил ее, узнал номер своей комнаты, обещал Надлеру, что поднимусь туда через минуту, и быстро вышел на улицу.

Естественно, первым делом я направился к ближайшему телефону, позвонил Мерими и рассказал ему, где нахожусь.

— Отлично, считай, что наблюдение уже выставлено, — заверил он. — Кстати, похоже, наши приятели в городе. Один из моих людей думает, что видел их.

— Вы, я смотрю, времени даром не теряли.

— Ну, это получилось случайно. И все же... держись. Хороших тебе снов. Adieu.

— Спокойной ночи.

Я поспешил обратно к лифту, поднялся на свой этаж и подошел к нашей комнате. Поскольку у меня не было ключа, я постучал.

Некоторое время никто не отвечал. А потом, как раз в тот момент, когда я собрался постучать снова, донесся голос Надлера:

— Кто там?

— Я, Кассиди.

— Заходи. Дверь не заперта.

Ничего не подозревая, уставший, занятый своими мыслями, я нажал на ручку, толкнул дверь и вошел. Такую ошибку мог совершить каждый.

— Тед! Какого черта... — Как раз в этот момент одна лиана схватила меня за ногу, а другая обвилась вокруг плеча, — ...тут происходит? — поинтересовался я, взлетев вверх.

Естественно, я сражался изо всех сил. На моем месте так поступил бы каждый. Но мерзкая тварь подняла меня на пять футов в воздух, и я оказался в горизонтальном положении прямо над этой, мягко говоря, непривлекательной штукой. Потом она принялась переворачивать меня вверх ногами, так что теперь я видел только ее серо-зеленое туловище, лохань со слизью и шевелящиеся осьминожки щупальца. У меня было предчувствие, что тварь намеревается сделать мне какую-то пакость еще до того, как мясистые листья раскрылись, словно складной нож, и продемонстрировали мне влажные, покрытые колючими иглами и отвратительно кроваво-красные внутренности.

Я взвыл и начал отрывать от себя щупальца. А потом что-то вроде раскаленной кочерги воткнулось мне в голову, прямо между глаз. Все мое существо окутал невыносимый ужас, и я начал конвульсивно извиваться в прочной живой паутине.

Потом раздался резкий свистящий звук, все неприятные ощущения в моем черепе разом исчезли, лианы поникли, отпустили меня, и я, корчась, упал на ковер, чудом не угодив в лохань со слизью. Впрочем, большая клякса плюхнулась мне на рукав, а неподвижные щупальца повисли, словно праздничные флаги. Я застонал и потянулся, чтобы растереть плечо.

— Ему больно! — узнал я голос Рагмы.

Я повернул голову, чтобы с достоинством принять страдание, потому что услышал, как ко мне приближаются чьи-то маленькие лохматые ножки, сопровождаемые массивными копытами.

Однако Рагма в своем собачьем костюме и Надлер с Полом Байлером в обычных костюмах промчались мимо меня, столпились возле лохани и начали утешать воинственно настроенный овощ. Я отполз в угол, где с трудом поднялся на ноги, и все же мне никак не удавалось окончательно успокоиться. Тогда я принялся непристойно ругаться; на меня все равно никто не обращал внимания. В конце концов я пожал плечами, стер грязь с рукава, нашел стул, закурил и начал наблюдать за представлением.

Мои дорогие коллеги подняли безжизненное туловище с многочисленными конечностями и принялись что-то с ним делать. Рагма сбегал в соседнюю комнату и вернулся с предметом, отдаленно напоминавшим лампу, воткнул ее в розетку и навел на гнусное растение. Затем, достав пульверизатор, стал опрыскивать кровожадные листья. После этого Рагма занялся помешиванием слизи, добавив туда каких-то химикатов.

— Что случилось? — спросил Надлер.

— Понятия не имею, — ответил Рагма. — Вот! Мне кажется, он приходит в себя!

Щупальца начали дергаться, точно раненые змеи, потом медленно открылись и снова закрылись листья. Существо несколько раз вздрогнуло. Наконец оно снова выпрямилось, вытянуло вперед все свои конечности, опустило их, вытянуло снова и опять расслабилось.

— Вот так-то лучше, — вздохнул Рагма.

— А кого-нибудь интересует, как себя чувствую я? — Мне не удалось скрыть легкого сарказма в голосе.

Рагма повернулся и сердито на меня посмотрел.

— Ты! — воскликнул он. — Может, скажешь, что ты сделал с несчастным доктором М'мрм'млрром?

— Ну-ка повтори!.. По-моему, у меня что-то со слухом.

— Что ты сделал с доктором М'мрм'млрром?

— Благодарю тебя. Так я и думал. Понятия не имею. А кто такой доктор Мыр?

— М'рм'млрр, — поправил меня Рагма. — Доктор М'рм'млрр — это телепат-аналитик, которого я доставил сюда, чтобы он тебя обследовал. Нам повезло, и доктор прибыл на место раньше, чем мы предполагали. Однако, когда он попытался тебя обследовать, ты грубо набросился на него и вывел из строя.

— Вот эта штука, — спросил я, махнув рукой в сторону лохани и ее обитателя, — оказывается, телепат?

— Не все являются членами животного царства в том смысле, в каком ты это понимаешь, — ответил Рагма. — Доктор М'рм'млрр — представитель абсолютно отличной от вашей линии развития жизни. У тебя есть по этому поводу возражения? Может быть, ты имеешь что-нибудь против растений?

— Я определенным образом настроен против того, чтобы меня хватали, сжимали и размахивали мною в воздухе.

— Доктор предпочитает активную терапевтическую стратегию.

— Ну, в таком случае, он должен быть готов к тому, что рано или поздно ему попадет пациент, который не является пацифистом. Не знаю, что я сделал, но, честно говоря, рад, что мне это удалось.

Рагма отвернулся, наклонил голову набок, словно изучал трубу граммофона, а потом объявил:

— Он чувствует себя лучше. И желает предаться медитации. Мы должны оставить свет включенным. Это займет немного времени.

Лианы или щупальца шевельнулись и обвилились вокруг странной лампы, которую принес Рагма. Доктор М'рм'млрр замер.

— А зачем ему нападать на обследуемых? — спросил я. — По моим представлениям, это не слишком способствует возникновению хорошего контакта врача с пациентом.

Рагма вздохнул и снова повернулся ко мне.

— Он делает это вовсе не за тем, чтобы разозлить своих

пациентов. Он стремится помочь. Насколько я понимаю, бесполезно требовать от тебя понимания того, что эта практика родилась в результате многовековых сложнейших философских размышлений, которым предавался его народ, чтобы решить эту проблему.

— Угу, — ответил я.

— Их теория заключается в том, что любое примитивное чувство может быть использовано в качестве мнемомолекулярного ключа. Искусное пользование этим ключом дает телепату подобного типа доступ ко всем переживаниям индивидуума, расположенным в данной области. Они обнаружили, что страх является важной составляющей проблем, с которыми к ним обращается большинство пациентов. Поэтому, индуцируя страх и желание сбежать, врачу удается зафиксировать эмоции пациента с тем, чтобы применить терапевтическое воздействие. Таким образом, он может обозреть все мотивационное поле за один сеанс.

— Интересно, съедает ли доктор свои ошибки? — спросил я.

— Он не может контролировать свою наследственность, — ответил Рагма. — А ты прыгаешь по деревьям, хватаясь за ветки? Впрочем, — Рагма махнул лапой, — ты то как раз прыгаешь. Я забыл.

Я повернулся к Надлеру, который подошел ко мне, и Полу — он тоже стоял неподалеку и ухмылялся.

— Как я посмотрю, вам все это понравилось, — угрюмо заметил я, обращаясь к ним обоим.

Пол пожал плечами, а Надлер сказал:

— Если таким образом задача будет решена...

Я вздохнул.

— Наверное, вы правы... Пол, что ты здесь делаешь?

— Мы с тобой коллеги, — ответил он. — Меня рекрутировали практически одновременно с тобой. Кстати, прошу простить мое поведение у тебя на квартире. Ты ведь понимаешь, это было вопросом жизни и смерти. Моей.

— Ладно, забыли, — щедро кивнул я. — В каком качестве тебя взяли на службу?

— Профессор Байлер наш эксперт по звездному

камню, — ответил Надлер. — Он знает о нем больше, чем любой другой человек.

— Значит, ты расстался с мыслью вернуть драгоценности британской короны? — спросил я.

Пол поморщился и кивнул.

— А, так ты все знаешь... Да, это был запоздалый юношеский жест, из-за которого все пошло кувырком. *Mea culpa*¹. Мы не ожидали, что в дело будут вовлечены такие страшные преступники. Когда я пришел в себя после их нападения, мне стало ясно, что мы совершили ошибку, и я решил попытаться ее исправить. Я рассказал людям из ООН все, что мне было известно, и в конце концов с превеликим трудом сумел их убедить. Они обошлись со мной достаточно благородно и не стали сажать под замок. Более того, они рассказали о тех трудностях, которые испытываешь ты. Однако я считал, что одного признания еще недостаточно, чтобы загладить вину, — очень хотелось помочь вернуть камень. Ты как раз приехал из Австралии в Штаты, и я сообразил, что Зимейстер и Баклер собираются снова на тебя напасть. Поэтому я решил незаметно следить за тобой с тем, чтобы, когда они предпримут эту попытку, оказаться рядом. Я выследил тебя у Хала, некоторое время держался поблизости, но в баре тебя упустил. И только когда ты вернулся домой, я снова тебя нашел. Остальное ты знаешь

— Да. Еще одна маленькая тайна раскрыта. Значит, они и тебя взяли на работу, когда ты лежал в госпитале?

— Точно. Тед сказал, что, если меня так беспокоит вся эта история, я могу поступить к ним на службу, тогда мне хотя бы будут платить за это деньги. Однако считается, что я работаю специалистом по инопланетной минералогии.

— Как мне кажется, — сказал я, обращаясь ко всем сразу, — меня привезли сюда не только для того, чтобы избежать очередной встречи с двумя бандитами. У вас были на меня другие планы, которые лишь начинались с телепатического исследования.

— Да, ты не ошибся, — заверил меня Рагма. — Однако

¹ *Mea culpa* (лат.) — моя вина.

учитывая, что все зависит от результатов нашего эксперимента, бессмысленно рассматривать различные гипотезы, которые в противном случае могли бы быть отброшены.

— Иными словами, вы не собираетесь ничего мне говорить?

— Совершенно верно.

Я не успел ни согласиться с ним, ни что-нибудь ему возразить, потому что меня отвлекло движение в противоположном углу комнаты. Доктор М'мрм'млрр снова пошевелился.

Мы молча наблюдали за тем, как он поднял свои змееподобные конечности и принялся делать странные упражнения. Напряжение, расслабление... Напряжение, расслабление...

Так продолжалось две или три минуты — в этом было что-то гипнотическое, — и я сообразил, что он снова пытается поймать меня в свои сети, только на сей раз взвешенной специалист действовал куда более деликатно.

Я ощутил прикосновение к своему разуму, какое-то непривычное жжение в районе мыслительных центров. На этот раз я не испытал никакой боли. У меня возникло смутное ощущение, сходное с тем, которое охватывает человека, подвергающегося операции под местным наркозом. Судя по всему, остальные каким-то образом поняли, что здесь происходит, и хранили молчание.

Ладно. Если М'мрм'млрр собирается вести себя прилично, я не буду ему мешать.

Поэтому я просто сидел, позволив ему делать то, что он считал нужным.

Затем, совершенно неожиданно, он добрался до какого-то большого рубильника и дернул за него, потому что я мгновенно и безо всякой боли вырубился. Блюм.

И снова блюм.

Я был измучен, ужасно хотел пить, чувствовал себя так, будто меня разобрали, а потом неправильно собрали. Поднял руку, чтобы потереть глаза, и невольно посмотрел на часы. Потом поднес их к уху — решил проверить, идут они или нет. Как я и подозревал, часы тикали. Ерго...

— Да, прошло около трех часов, — сказал Рагма.

Я услышал, как храпит Пол, потом он замолчал, откашлялся и вздохнул. Он заснул прямо в своем кресле. Рагма курил, удобно устроившись на полу. М'мрм'млрр все еще шевелил конечностями, вытянувшись во весь рост. Надлера нигде не было видно.

Я потянулся, разминая мышцы, и услышал, как, словно старые половицы, заскрипели мои суставы.

— Ну, надеюсь, вам удалось узнать что-нибудь полезное, — сказал я.

— Да, пожалуй, — ответил Рагма. — Как ты себя чувствуешь?

— Словно меня вывернули наизнанку.

— Это понятно. Вполне. Некоторое время ты представлял из себя нечто вроде поля боя.

— Давай, рассказывай.

— Во-первых, — начал он, — мы нашли звездный камень.

— Значит, ты был прав? Все были правы? Я обладал спрятанным где-то глубоко знанием?

— Да. Твои воспоминания и сейчас вполне доступны. Хочешь сам попробовать? Вечеринка. Разбитый бокал. Письменный стол...

— Подожди минутку. Дай подумать.

Я стал думать. И все вспомнил. Последний раз, когда я видел звездный камень...

Вечеринка была посвящена женитьбе Хала, я устроил ее за неделю до этого торжественного события. В квартире было полно наших друзей, спиртное лилось рекой, и мы все ужасно шумели. Веселье продолжалось часов до двух или трех ночи. В общем, можно сказать, что вечеринка удалась на славу. По крайней мере, наши гости разошлись по домам, весело смеясь, и никто не получил увечий.

Если не считать одного крошечного несчастного случая, происшедшего со мной.

Да. Кто-то нечаянно скинул бокал, который стоял на столике в углу, бокал разбился. Он был пустым. Так что вытирать ничего не пришлось. Случилось это уже ближе к концу вечеринки. Гости расходились, надо было прощать-

ся. Так что я оставил осколки там, где они лежали. Позже. *Mañana*¹, может быть.

Впрочем, я знал, что выпил слишком много, и прекрасно понимал, как буду чувствовать себя завтра утром и что стану предпринимать по этому поводу.

Я начну ворчать, и ругаться, и гнать от себя день. А когда он не захочет уходить, я выползу из кровати и потащусь на кухню, чтобы поставить кофе — первое мое действие поутру, — а потом, пока вода закипает, отправлюсь в ванну для совершения обычных процедур. Естественно, я буду ходить босиком и, естественно, забуду о том, что пол усыпан осколками. Впрочем, мне придется вспомнить об этом довольно быстро.

Так что я вытащил из-под письменного стола корзину для мусора, присел на корточки и начал обследовать территорию.

Ясное дело, я порезался: в какой-то момент, слишком сильно потянувшись вперед, потерял равновесие, взмахнул рукой, чтобы не упасть, и наткнулся ладонью на один из осколков.

Потекла кровь, я замотал руку платком и продолжил уборку. Я знал, что, если прекращу это делать сейчас и займусь рукой, у меня возникнет соблазн оставить все как есть. Спать хотелось ужасно.

Я собрал все осколки, что сумел найти, и вытер пол влажными салфетками. Потом поставил корзину на место и уселся в кресло, поскольку оно оказалось рядом, а я дико устал. Размотав платок, я увидел, что кровотечение продолжается. Бессмысленно что-либо делать, пока тромбин не завершит свою работу. Поэтому я откинулся в кресле и стал ждать. На мгновение мой взгляд остановился на модели звездного камня, которую мы использовали в качестве пресс-папье. На самом деле я его даже взял и медленно поворачивал, получая необычайное удовольствие от игры света на гранях.

Моя собственная голова показалась мне ужасно тяжелой, и я подумал, что неплохо было бы использовать би-

¹ *Mañana* (исп.) — завтра.

цепсы в качестве подушки. Устроившись поудобнее и по-прежнему не закрывая глаз, я продолжал играть с камнем; меня сначала немного огорчило, что на него попала кровь, но потом я решил, что благодаря этому возникали потрясающие контрасты. Прощай, белый свет.

Я проснулся через несколько часов — ужасно хотелось пить, а мышцы затекли из-за того, что я спал в таком неудобном положении. Я встал и отправился на кухню, где выпил стакан воды, а потом прошел по квартире, выключая свет. Отправился в спальню, уселся на краю кровати и медленно разделся, оставив одежду там, где она упала, потом забрался под одеяло и проспал остаток ночи, как положено.

Именно тогда я и видел звездный камень в последний раз. Да.

— Я вспомнил. Благодаря доктору. Теперь я все вспомнил. Я забыл, потому что мое сознание было затуманено алкоголем и усталостью, но сейчас я все отлично помню.

— Тут дело не только в алкоголе и усталости, — поправил Рагма.

— А в чем же еще?

— Я сказал, что мы нашли камень.

— Ты сказал, однако что-то у меня нет никаких воспоминаний на этот счет. Я только помню, когда видел его в последний раз, и понятия не имею, куда он делся.

Пол откашлялся, а Рагма посмотрел на него.

— Давай, — сказал он.

— Когда я работал с этой штукой, — начал Пол, — мне пришлось обращаться с ней не совсем так, как хотелось. Понимаешь, я же не мог отколоть кусочек от бесценного артефакта для того, чтобы исследовать его. Даже если позабыть на время об эстетических причинах, это могло бы быть легко обнаружено. Я же не знал, насколько подробно инопланетяне изучили и проанализировали поверхность камня. Практически любое мое действие, в результате которого изменился бы внешний вид драгоценного экспоната, могло привести к неприятностям. К счастью, камень пропускал свет. Поэтому я сосредоточил все свои усилия на оптических эффектах. Я сделал невероятно подробную

топологическую световую карту всей поверхности. В соответствии с этой картой и массой камня я смог составить себе представление о его строении. Так вот, хотя меня в тот момент не интересовало ничего, кроме создания копии, мне показалось странным, что эта штука напоминает скопление необычным образом выкристаллизовавшегося протеина...

— Черт подери, — выдохнул я. — Но...

Я посмотрел на Рагму.

— Конечно, камень имеет органическое происхождение, — сказал он. — Пол не сделал никакого открытия — этот факт был известен уже довольно давно. Однако никто и помыслить не мог, что камень все еще живой. Он просто впал в спячку.

— Живой? Кристаллизовавшийся? Что это, какой-то вирус?

— Вероятно, так оно и есть. Но вирусы не обладают разумом, а эта штука в своем роде разумна.

— Я, конечно, понимаю, к чему ты клонишь, — сказал я. — И что мне теперь делать? Попытаться убедить его в чем-нибудь? Или принять две таблетки аспирина и лечь спать?

— Ни то ни другое. Я должен говорить за доктора М'мрм'млрра, поскольку он сейчас занят, а ты заслужил немедленные разъяснения по поводу того, что нам удалось обнаружить. Когда он в первый раз попытался проникнуть в твои воспоминания, доктор М'мрм'млрр был повергнут в шок, столкнувшись с совершенно неожиданной формой сознания, оказавшейся внутри твоего разума. В процессе своей долгой практики он лечил представителей почти всех известных разумных рас галактики, но ему никогда не приходилось сталкиваться с чем-нибудь подобным. Он сказал, что это нечто неестественное.

— Неестественное? В каком смысле?

— В чисто техническом. Доктор считает, что это искусственный разум, синтетическое существо. Подобные существа производились многими вашими современниками, но все они, по сравнению с этим, примитивные игрушки.

— Какие функции выполняет мое существо?

— Мы не знаем. Когда М'рм'млрр второй раз вошел в твой мозг, он подготовился к встрече. Видишь ли, это существо до некоторой степени обладает телепатическими способностями. Вполне достаточными, чтобы в идеальных условиях нашего корабля оно смогло переводить тебе мой разговор с Чарвом. Мне сказали, что это может привести к дополнительным осложнениям — судя по всему, так и произошло. Тем не менее доктор М'рм'млрр сумел справиться с этим существом, многое узнав о нем в процессе, и теперь мы имеем представление о том, как с ним бороться. Затем доктор занялся анализом твоих воспоминаний, которые касались этого явления, благодаря чему мы сумели выбрать оптимальную стратегию борьбы. Доктор М'рм'млрр будет удерживать существо в некоем ментальном стасисе, пока мы не подготовимся к общению с ним.

— Подготовитесь? Как? О чем ты говоришь?

— Скоро узнаешь. Все это связано, однако, с природой самого существа. В свете открытий М'рм'млрра, Пол сумел выработать ряд идей, которые объясняют происшедшее и предлагают способы решения нашей проблемы.

Пол воспользовался последовавшей паузой и заявил:

— Да. Представь себе следующую картину: у тебя или в тебе имеется синтетическая форма жизни, которая, как мне представляется, может включаться и выключаться посредством изометрических отображений. Случай «включения» характеризуется левонаправленными жизненными функциями. Это, как ты знаешь, есть нормальная форма аминокислот здесь, на Земле; их называют L-аминокислоты. Преврати их в их стереоизомер — получится D-аминокислоты, и в случае звездного камня это соответствует позиции «выключения».

Когда я изучал камень, оптические эксперименты показали, что имеет место правосторонняя ситуация. «Выключено». Ладно. Тогда я не обратил на это особого внимания, но теперь-то мы знаем намного больше. Нам известно, что ты сильно выпил в ту ночь, когда твоя кровь попала на камень. Кроме того, мы знаем, что алкоголь, полученный из

зерна, имеет симметричную молекулу, и что если он сможет вступить в реакцию с неким веществом, находящимся в одном изометрическом состоянии, то возможна реакция и с другим изомером. Недостаток ли это конструкции или сознательно запрограммированная способность, пока нам неизвестно. М'рм'млрр выяснил, что звездный камень лучше вступает с тобой в контакт при наличии молекулы спирта — она как бы стимулирует разговор. Как бы там ни было, тебе удалось в достаточной степени возбудить камень, чтобы он смог частично себя активировать и внедриться в твою кровеносную систему, когда ты порезал руку. После таких усилий существо надолго впало в спячку — ведь ты пьешь не слишком часто. Однако время от времени оно получало некоторую стимуляцию и пыталось тем или иным способом войти с тобой в контакт. В состав лекарства, которое Рагма использовал, чтобы привести тебя в норму после Австралии, входил этиловый спирт. Той ночью, когда ты пил вместе с Халом, произошел решительный прорыв. Камень знал, что, убедив тебя реверсироваться в машине Ренниуса, он сможет включиться, хотя с тобой при этом произойдет ряд неприятных изменений. Так оно и случилось. Теперь необычное существо, находясь внутри тебя, функционирует вполне нормально, однако, если верить Рагме, твое здоровье находится в опасности. Нам следует отобразить тебя обратно.

— А вы можете?

— Мы думаем, да.

— Но вы до сих пор не знаете, что из себя представляет звездный камень?

— Это сложная живая машина неизвестного назначения, которая обманом заманила тебя в очень опасную ситуацию. Кроме того, у нее есть явное предрасположение к математике.

— Значит, это что-то вроде компьютера?

— М'рм'млрр так не думает. Он считает, что это лишь вторичная функция.

— Интересно, почему после того, как я его включил, камень больше не входил со мной в контакт?

— По-видимому, барьер между вами по-прежнему существует.

— Какой барьер?

— Тут все дело в стереоизомерах. Только на этот раз реверсирован ты. А кроме того, звездный камень получил то, что хотел.

— Надо все-таки отдать ему должное, — вмешался Рагма. — Одну вещь камень для Фреда сделал.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— В госпитале мне не пришлось пускать свою машину в ход, — сказал Рагма. — Когда я снял бинты, оказалось, что ты совершенно выздоровел. Очевидно, твой паразит об этом позаботился.

— Тогда мне представляется, что он пытается быть скромным парнишкой.

— Ну, если с тобой что-нибудь случится...

— Это уж точно. А что ты имел в виду, когда сказал о вторичных эффектах реверсирования?

— Я совсем не уверен, что твой «парнишка» понимает, к чему это тебя может привести.

— Мне кажется странным, что, когда он и М'рм'млрр вошли в контакт, мой приятель не попытался объясниться с доктором.

— Ну, на это у него могло не хватить времени, — заметил Рагма. — М'рм'млрр вынужден был действовать очень быстро, чтобы его заморозить.

— Очередное проявление философии неожиданной атаки? Мне это не кажется особенно честным.

Зазвонил телефон. Трубку взял Пол, и все его ответы были односложными. Разговор продолжался не более минуты. Потом он повесил трубку и повернулся к Рагме.

— Готово.

— Вот и хорошо, — ответил Рагма.

— Что готово? — спросил я.

— Это был Тед, — пояснил Пол. — Он на противоположной стороне улицы. У него есть разрешение и ключи, чтобы открыть выставочный зал. Мы все отправляемся туда.

— Меня реверсировать?

— Верно, — сказал Рагма.

— А вы знаете, как это делать? — спросил я. — У этой машины есть несколько режимов работы. Я однажды уже проводил с ней эксперименты. Должен сказать, что количество вариантов вызвало у меня удивление.

— Чарв встретит нас там, — ответил мне Рагма, — у него с собой будет экземпляр руководства по пользованию машиной Ренниуса.

Пол сходил в спальню и вернулся оттуда, толкая перед собой что-то вроде тележки.

— Поможешь мне засунуть сюда этого типа с листьями, Фред? — попросил он.

— Конечно.

Честно говоря, я приблизился к доктору М'рм'млрру с весьма смешанными чувствами; кроме того, я изо всех сил старался избежать попадания мерзкой слизи на мою одежду.

Когда мы везли доктора через вестибюль, а потом по улице, отражение неоновой вывески, казалось, моргая, спрашивало меня: «ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ МОЙ ЗАПАХ, РЕД»?

— Да, — задыхаясь, пробормотал я. — Скажи, что мне делать.

— Наш Снарк — Буджум¹, — донесся до меня чей-то шепот, когда мы переходили улицу.

Оглядевшись по сторонам, я, естественно, никого не заметил.

Глава 11

Я не почувствовал ничего, хотя Рагма сказал мне, что происходит процесс освобождения. Чарв кружил возле машины Ренниуса, временами поглядывая в руководство, которое он держал у себя в сумке, и нажимая на какие-то кнопки. Дело было совсем не в том, что я нервничал. А с другой стороны, вполне возможно, что как раз этим все и объяснялось.

¹ «...Снарки, в общем, безвредны, но есть среди них... (тут оратор немного смутился) ...есть и Буджумы». — Льюис Кэрролл «Охота на Снарка», пер. Г. Кружкова.

Надрез на моей левой руке немного болел, хотя совсем не сильно. Рагма хотел избежать введения дополнительных химических препаратов, поскольку никто не знал, какое воздействие они могут оказать в данном случае, что было в достаточной степени разумно, мне даже частично удалось установить контроль за физиологическим состоянием своего организма. Сейчас моя левая рука лежала на гостиничном полотенце, которое совсем недавно еще было белоснежным, но довольно быстро теряло свое первоначальное состояние, особенно в том месте, где Рагма, предварительно обработав кожу спиртом, сделал надрез и ввел туда еще немного алкоголя. Я сидел на вращающемся кресле, принадлежавшем одному из охранников, которого мы отпустили, и старался не думать об извлечении звездного камня из своего тела. Дело идет. Взглянув на лица Пола и Надлера, я убедился в этом окончательно.

Устроившись рядом с машиной Ренниуса, доктор М'мрм'млрр раскачивался и пытался сосредоточиться — чем еще он мог там заниматься? — ведь от него зависело очень многое. С неба к нам в окна заглядывала луна. В зале было холодно, как в склепе, и даже самый незначительный звук превращался эхом в оглушительный грохот.

Я не был до конца уверен в том, что мы поступали правильно. Однако, с другой стороны, уверенности в обратном у меня тоже не было. Тут и речи не могло быть об обмане друга, или предательстве, или о чем-нибудь вроде этого, поскольку мой гость был незваным. Впрочем, он ведь получил то, что хотел, — иными словами, я же сам его включил.

И тем не менее меня не оставляла мысль о том, что именно он сообщил мне о законе, в котором я нуждался в тот момент, когда нужно было помешать Рагме и Чарву увезти меня на другую планету. А еще он меня вылечил. И обещал мне все объяснить.

Однако мой метаболизм поневоле имел для меня большое значение, а то, что со мной произошло в автобусе и в больнице, когда камень помешал рассказать о нем Рагме, совсем мне не нравилось. Впрочем, теперь думать об этом было поздно, да и бессмысленно. Я ждал.

Наш Снарк — Буджум!

И вот опять, на этот раз с отчаянием, на дальней стене появились огромные зубы в обрамлении изогнутых кроваво-красных губ. Изображение начало расплываться, расплылось... исчезло.

— Он у нас! — воскликнул Рагма и наложил мне на руку кусок бинта. — Придержи его немножко.

— Хорошо.

Только теперь я осмелился повернуть голову.

Звездный камень лежал на полотенце. Он выглядел не совсем так, как я его запомнил, форма немного изменилась, а цвета показались мне более яркими — они почти пульсировали.

Наш Снарк — Буджум. Это могло быть чем угодно: начиная от искаженной мольбы о понимании, до скрытого предупреждения осе, которая должна опасаться цветов определенного вида. Я бы многое отдал, чтобы разгадать нашептанную шараду.

— Ну, и что вы теперь с ним будете делать? — спросил я.

— Отправим в надежное место, — ответил Рагма, — только сначала немножко исправим тебя. А уж что с ним делать, решать вашей Организации Объединенных Наций, поскольку в данный момент камень находится на хранении у землян. Тем не менее отчет о вашем открытии будет распространен среди других миров, которые являются членами содружества, и, полагаю, ваши власти станут действовать в соответствии с их рекомендациями в том, что касается наблюдения и изучения камня.

— Думаю, ты прав, — сказал я и потянулся за камнем.

— Вот, вот, молодец, — услышал я знакомый голос с другого конца зала. — Осторожно, осторожно! Заверни его, пожалуйста, в полотенце. Я буду очень сильно огорчен, если камень поцарапается.

Зимейстер и Баклер вошли в зал и наставили на нас пистолеты. Ухмыляющийся Джеми остался охранять входную дверь, а Мортон, который выглядел ужасно довольным собой, приближался к нам.

— Оказывается, вот где ты его спрятал, Фред, — проговорил он. — Хитроумный трюк.

Я ничего не ответил, только медленно поднялся на ноги, при этом в голове у меня была только одна мысль — из этого положения я смогу двигаться быстрее.

Зимейстер покачал головой.

— Не беспокойся. На этот раз ты в полной безопасности, Фред. Здесь никому ничто не угрожает. Если я, конечно, получу камень.

Я с надеждой подумал, не сможет ли М'мрм'млрр добраться телепатическим образом до мозга Зимейстера и уничтожить его — это было бы достойным вкладом в обеспечение спокойствия в наших краях.

Похоже, мое предложение было принято как раз в тот момент, когда Зимейстер подошел ко мне и взял камень в руку. Потому что он взвыл и начал конвульсивно дергаться.

Я же схватил его пистолет. Джеми находился достаточно далеко, чтобы мне помешать.

Прежде чем я вырвал пистолет из рук Зимейстера, он успел дважды выстрелить. Мне не удалось его удержать, потому что бандит нанес мне удар в живот, а потом апперкотом сбил с ног. Оружие отлетело куда-то под платформу, на которой стояла машина Ренниуса.

Зимейстер лягнул Рагму, выбравшего именно этот момент, чтобы напасть на него. По-прежнему сжимая камень в руке, он вытащил длинный сверкающий нож откуда-то из рукава, а потом открыл рот, чтобы крикнуть что-то Джеми, но замолк на полуслове.

Я посмотрел в ту же сторону, чтобы разобраться в происходящем, и решил, что меня посетила очередная галлюцинация.

Оружие Джеми лежало в полудюжине шагов у него за спиной, а сам он стоял, потирая запястье, удивленно разглядывая человека с аккуратной бородкой и улыбкой на лице, человека, который держал одну руку в кармане, а другой вращал ирландскую дубинку.

— Я тебя убью, — угрюмо сказал Джеми.

— Нет, Джеми! Нет! — крикнул Зимейстер. — Не приближайся к нему, Джеми! Беги!

Сам Зимейстер начал отступать, остановившись только, чтобы полоснуть по одному из щупальцев М'мрм'млрра,

словно понимая, что именно тот был источником его страданий.

— Да он ничего из себя не представляет! — презрительно бросил Джеми.

— Это же капитан Ал! — крикнул Зимейстер. — Беги, кретин!

Но Джеми решил попробовать хук.

Зрелище получилось поучительное и почти наглядное. Я сказал: «почти», потому что дубинка двигалась так быстро, что ее невозможно было разглядеть. Поэтому я не могу с уверенностью сказать, сколько раз и в каких местах она коснулась Баклера. Казалось, прошло всего лишь одно мгновение после того, как Джеми попытался нанести свой удар, и вот он уже лежит на полу.

Затем, продолжая вращать дубинкой, небрежно, я бы даже сказал, весело, галлюцинация прошла мимо распростертого тела Джеми и двинулась к Зимейстеру.

Не сводя глаз с приближающейся фигуры, Зимейстер отступал все дальше, низко держа перед собой нож.

— Я думал, ты давно умер, — наконец проговорил Морти.

— Очевидно, ты ошибся, — последовал ответ.

— А какой у тебя интерес к этому делу?

— Ты попытался убить Фреда Кассиди, — заявила галлюцинация, — а я вложил немало денег в образование этого парня.

— Я не связал его имя с твоим, — пробормотал Зимейстер. — И, кстати, не собирался причинить ему никакого вреда.

— Ну, у меня по этому поводу имеется другая информация.

Зимейстер тем временем пятился, прошел сквозь воротки в ограждении и остановился только, когда вращающаяся платформа машины Ренниуса коснулась его икр. Тогда он резко повернулся и ударил ножом Чарва, который приближался к нему, размахивая гаечным ключом. Чарв заблеял и соскочил с платформы на пол рядом с М'рм'млрром и Надлером.

— Что ты собираешься делать, Ал? — осведомился Зимейстер, поворачиваясь к своему противнику.

Ответа не последовало, галлюцинация продолжала наступать, вращать дубинкой и улыбаться.

В самый последний момент, до того, как оказаться в пределах досягаемости ирландской дубинки, Зимейстер бросился назад. Поставив одну ногу на платформу, он подпрыгнул, повернулся и сделал два быстрых шага по платформе. Однако он не учел скорости вращения и столкнулся с центральной частью машины, которая отдаленно напоминала широкую ладонь великана, собравшегося хорошенько почесаться.

По инерции он проскочил вперед, споткнулся и упал на ленту. Нож и завернутый в полотенце звездный камень выпали из его рук на пол, а сам Зимейстер проскользнул в туннель. Его вопль прервался на середине так неожиданно, что я поспешил отвернуться — и все равно не успел.

Очевидно, машина Ренниуса вывернула его наизнанку. Вследствие чего все они оказались на полу. Кроме того, органы были реверсированы.

Содержимое моего желудка решительно попросилось на свободу; звуки, которые начали раздаваться вокруг меня, лишь способствовали тому, что я пошел навстречу своему несчастному организму. Как я уже говорил, мне удалось отвести взгляд. Но я немного опоздал. Кажется, Чарв первым пришел в себя и набросил чье-то пальто на останки Зимейстера в том месте, где они свалились с ленты мобилятора. Только после этого к Рагме вернулась его обычная практичность, и он истерически закричал:

— Камень! Где камень?

Сквозь наворачнувшиеся на глаза слезы я начал искать камень, но тут заметил бегущего Пола Байлера, который прижимал к груди окровавленное полотенце.

— Дурак с писаной торбой, — радостно взвыл он, — навсегда останется веселым дураком! — И выскочил из двери.

Началась ужасающая неразбериха.

Моя галлюцинация в последний раз крутанула своей дубинкой, повернулась, кивнула мне и направилась в нашу

сторону. Я поднялся на ноги, кивнул в ответ и с некоторым трудом выдавил из себя улыбку.

— Фред, мой мальчик, ты подрост, — заявил мой дядя Ал. — Я слышал, ты получил диплом и солидную должность. Мои поздравления!

— Спасибо, — сказал я.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Оказывается, я совсем неискушенный в делах простофиля, потому что и представить себе не мог, в чем заключался твой бизнес по импорту-экспорту.

Дядя Ал захихикал и обнял меня.

— Ну, приятель. Ну, ну, — сказал он и снова отодвинул меня на длину вытянутой руки. — Дай-ка я на тебя погляжу. Значит, вон каким ты стал? Могло быть гораздо хуже, гораздо хуже.

— Байлер забрал камень! — визжал Чарв.

— Человек, который только что отсюда выбежал... — начал я.

— ...не уйдет далеко, дружок. Снаружи находится Френчи, он остановит каждого, кто попытается покинуть это помещение с неприличной поспешностью. По правде говоря, если ты хорошенько прислушаешься, ты услышишь стук копыт по мрамору.

Я прислушался и услышал. А еще до моих ушей донесся поток непристойной брани и шум борьбы.

— Кто вы такой, сэр? — поинтересовался Рагма, поднимаясь на задние ноги и подходя поближе.

— Это мой дядя Альберт, — ответил я ему, — человек, благодаря которому я получил образование. Альберт Кассиди.

Дядя Альберт внимательно смотрел на Рагму и слушал мои объяснения.

— Это Рагма. Он переодетый инопланетный полицейский. Его партнера зовут Чарв. Он кенгуру.

Дядя Ал кивнул.

— Искусство переодевания достигло необычайных высот, — заметил он. — Как вам это удается?

— Мы же инопланетяне, — пояснил Рагма.

— Понятно. Вам придется извинить меня за то, что я не-

сколько невежественен в этих вопросах. В течение многих лет, по определенным причинам, моя кровь походила на ледяной бульон, а я был лишен возможности двигаться и чувствовать. Вы друг Фреда?

— Пытаюсь им стать, — ответил Рагма.

— Рад это слышать, — улыбаясь, ответил дядя Ал, — потому что, если бы вы прибыли сюда, чтобы причинить моему мальчику вред, я не посмотрел бы, что вы инопланетянин, и тогда никакой в мире чеширский сыр не помог бы вам спасти свою шкуру. Фред, а как насчет всех остальных?

Однако я ничего ему не ответил, потому что как раз в этот момент посмотрел вверх и кое-что там увидел — и тогда в моем сознании зазвучала увертюра «1812-й год», появились дымовые сигналы, замигали семафоры и одновременно вспыхнули разноцветные фейерверки.

— Улыбка! — закричал я и помчался к двери в задней части зала.

Я еще ни разу не проходил через эту дверь, зато лазал по крыше выставочного зала, правда, до того, как отобразился в машине Ренниуса. Этого было вполне достаточно, чтобы разобраться в происходящем.

Я проскочил в дверь и помчался по узкому коридору. Как только появилась возможность, свернул налево. Десять быстрых шагов, еще один поворот, и справа я увидел лестницу. Перепрыгивая через две ступеньки, я бросился наверх.

Как все сложилось в единую картину, не знаю. Но я был уверен, что не ошибся.

Выскочив на площадку, я повернулся и помчался дальше. Я уже видел конец.

Последний лестничный пролет с дверью наверху, на площадке с маленькими зарешеченными окошками. Я надеялся, что дверь открывается изнутри, без ключа — повернешь ручку, и все, — потому что мне понадобилось бы немало времени, чтобы выбить стекла и выломать решетки, если я вообще был в состоянии это сделать. Поднимаясь вверх, я оглядывался по сторонам в надежде найти какие-нибудь подходящие инструменты.

И действительно нашел какие-то железки, которые вполне могли бы подойти для этих целей, — никому, похоже, не пришло в голову, что кто-нибудь захочет взламывать дверь, чтобы выбраться отсюда. Впрочем, оказалось, что инструменты мне не понадобятся, потому что, стоило мне нажать на ручку и с силой надавить, дверь сразу поддалась.

Это была тяжелая, медленно открывающаяся дверь, но, когда мне наконец удалось ее распахнуть, я понял, что попал на след чего-то очень важного. Оказавшись в полной темноте, я попытался расположить трубы, кучи мусора, крышки люков и тени так, как я их помнил по своему предыдущему посещению этих мест. Где-то среди всего этого хлама, под звездами, луной и небом Манхэттена было одно местечко, которое очень меня интересовало. Ситуация могла обернуться против меня, но я не терял времени. Если моя догадка верна, есть шанс...

Сделав глубокий вдох, я огляделся по сторонам. Медленно обошел маленькую будочку на крыше, стараясь держаться к ней спиной, внимательно вглядываясь в темноту, в каждое пятно и углубление на крыше и на карнизах. Почти как в поговорке — только я находился не в угольном сарае и полночь уже давно миновала.

Похоже, тот, кого я искал, имел передо мной некоторые преимущества. Тем не менее во мне росла уверенность в собственной правоте, а вместе с этой уверенностью росло и упрямое желание: догнать. Я окажусь терпеливее его, если он сидит где-то в тени и ждет, когда я уйду. А если он бросится бежать, я последую за ним.

— Мне известно, что ты здесь, — произнес я вслух, — и что ты меня слышишь. Пора подвести итоги, поскольку мы зашли слишком далеко. Готов ты сдать и ответить на наши вопросы? Или намереваешься усложнить и без того непростую ситуацию?

Ответа не было. Я так и не сумел увидеть того, что рассчитывал увидеть.

— Ну? Я жду. И буду ждать столько, сколько нужно. Не сомневаюсь, что ты нарушаешь закон — твой закон. Я совершенно в этом уверен. Наверняка должен существовать закон, запрещающий подобную деятельность. Мне неиз-

вестно, что заставляет тебя вести себя именно так, а не иначе, но сейчас это не имеет особого значения. Наверное, я должен был раньше обо всем догадаться, но я еще не слишком хорошо разбираюсь в разнообразии форм инопланетной жизни. Поэтому ты довольно много успел сделать. Там, в летнем домике? Да, именно там я и должен был сообразить, когда приехал в домик во второй раз. Мы, вероятно, встречались раньше, и даже не один раз, но я думаю, меня можно простить за то, что я не придал значения этим встречам. А в ту ночь, когда я проверял, как работает машина... Ты готов выйти из своего угла? Нет? Ну, хорошо. Думаю, ты обладаешь телепатическими способностями и в словах нет никакой необходимости, потому что я не видел, чтобы ты говорил что-нибудь Зимейстеру. Впрочем, я хочу быть абсолютно уверен в том, что ты меня слышишь, поэтому продолжу. Я подозреваю, что у тебя есть зеркало или что-то вроде того, как у твоей модели, потому что я видел снизу свет. Тебе придется сидеть с закрытыми глазами или отворачивать от меня голову, иначе я замечу отблески. Впрочем, возможно, ты обладаешь телепатическими способностями? Интересно. Может быть, М'мрм'млрр услышит тебя, если ты ими воспользуешься. Он ведь находится совсем недалеко отсюда. Похоже, ты оказался в невыгодном положении. Ну, что скажешь? Может, проявишь благородство? Или предпочтешь долгую осаду?

По-прежнему тишина. Я не мог дозволить сомнениям закрасться в мою душу.

— Ты упрям, не так ли? — продолжал я. — В таком случае получается, что ты немало потеряешь, если мы тебя поймаем. Рагма и Чарв, надо сказать, проиграли, оказавшись так далеко от эпицентра событий. Возможно, им известен какой-нибудь способ облегчить твою участь. Не знаю. Я просто рассуждаю вслух. Впрочем, об этом можно подумать. У меня такое впечатление, что за мной никто не последовал, потому что М'мрм'млрр читает мои мысли и докладывает там, внизу, что у нас с тобой здесь происходит. Они уже, наверное, знают то, о чем я догадался. И что, по правде говоря, ты сам-то ни в чем не виноват. Я уверен, что до настоящего момента ты не догадывался о разумнос-

ти звездного камня, в определенном смысле, конечно, и что, когда я его включил, он начал записывать, обрабатывать и сводить в таблицы полученные данные. Ему было нелегко это делать из-за того, что по-прежнему существовал барьер; процесс, включивший его, практически выключил меня, и связь между нами устанавливалась с трудом. Так что он не мог просто взять и доложить мне о своих выводах на твой счет. Впрочем, он все же подсказал мне строчку из Льюиса Кэрролла — может быть, заметил ее, когда я был в книжном магазине. Не знаю. Он ведь мог опираться на мои перевернутые воспоминания. Так или иначе, строчка, к сожалению, ничего мне не сказала. Даже когда он предпринял попытку помочь мне во второй раз. Сначала была улыбка. И опять я не понял. Пока дядя Ал не произнес слово «чеширский» — только тогда я поднял голову и увидел силуэт кота на фоне желтой луны. Это ведь ты сбросил сети на Пола Байлера. Зимейстер был твоим человеком. Ты нуждался в помощи местных жителей, а заполучив Морти, ты сделал прекрасный выбор: человек с преступными наклонностями и опытом, продажный и отлично знакомый с ситуацией. Ты купил его и послал охотиться за камнем. Только у камня на этот счет были свои собственные представления, и мне в самый последний момент удалось понять их. Ты принял обличье черного кота, который не один раз переходил мне дорогу... Знаешь, любопытная мысль: если тут можно зажечь свет, кому-нибудь там, внизу, следует отправиться на поиски щитка. Может быть, они сейчас именно этим и занимаются. Ну как, пойдём вниз или тут подождём? Ведь если загорится свет, я мгновенно тебя найду.

Я был абсолютно уверен в том, что приготовился ко всему, но меня ждал сюрприз. Когда он прыгнул, я вскрикнул и попытался защитить глаза.

Ну и дурак же я! Посмотрел везде, кроме крыши будочки.

Когти вонзились мне в голову, расцарапали лицо. Я попытался оторвать его от себя, но не мог ни за что уцепиться. И тогда, движимый отчаянием, я с силой ударился головой о стену будочки.

Естественно, он предвидел это движение и успел вовремя соскочить, а я чуть не разможил себе башку.

Я едва стоял на ногах, отчаянно ругался и крепко держал руками свою бедную голову — некоторое время я был не в состоянии даже думать о преследовании врага. Довольно долгое время...

Наконец, выпрямившись, я стер кровь со лба и щек и снова огляделся по сторонам. На этот раз мне удалось заметить едва уловимое движение.

Он мчался к краю крыши, собираясь перебраться на низкую стенку... Остановился. Оглянулся... Дразнит меня?

Я заметил, как блеснули его глаза.

— Ну тогда получай! — воскликнул я и бросился вперед.

Он повернулся и помчался вдоль стены. Мне показалось, что он двигается слишком быстро, чтобы суметь остановиться возле угла.

Так и получилось.

Я был уверен, что он не справится, но недооценил его способностей.

Свет зажегся как раз в тот момент, когда он взлетел в воздух, и я смог, наконец, его рассмотреть — черный кот с вытянутыми передними лапами. Потом он пропал из виду, видимо, где-то приземлился — я был совершенно уверен в том, что этот кот не обладает девятью жизнями, — заскрежетали когти по крыше.

Бросившись вперед, я увидел, что моему противнику удалось перепрыгнуть на соседнее с выставочным залом строящееся здание — он уже убежал по балке.

Я не остановился.

В прошлое свое посещение этой крыши я выбрал более легкий путь, но сейчас у меня не было времени и я не мог себе позволить подобную роскошь — по крайней мере, так я сам себе объяснял свои действия потом. Думаю, благодарить за это решение следует мой нахальный спинной мозг. Или винить.

Я автоматически оценил расстояние, максимально собрался и, толкнувшись в оптимальной точке, прыгнул — мне даже удалось перелететь через невысокое ограждение у края крыши.

Исполняя такие прыжки, я всегда старался беречь голени. Если удар окажется слишком сильным, боль может помешать совершать дальнейшие действия в необходимом порядке. Здесь требовалась очень четкая координация движений — еще одна существенная трудность. В идеале в момент подъема требуется производить не более одного действия одновременно. В крайнем случае — двух. Если же координировать приходится большее количество движений, опасность свалиться становится достаточно реальной.

В любой другой ситуации я не стал бы рисковать. Я вообще очень редко прыгаю в случаях, когда надо успеть зацепиться руками. Конечно, совершить такой прыжок можно, но только если есть страховка. И никак иначе. Я никогда раньше не делал таких ставок: все или ничего. Однако...

Я с такой силой оттолкнулся от ограждения, что отдача отозвалась в зубе мудрости. Левой рукой мне удалось поймать вертикальную балку, возле которой я приземлился — Торквемада, окажись он поблизости, одобрил бы все мои действия. Я потерял равновесие и упал вперед, но одновременно меня стало разворачивать влево, ноги соскользнули в сторону, и, только выбросив вперед правую руку, я смог удержаться. Подтянувшись на руках, я забрался на балку и выпрямился, стараясь разглядеть своего противника.

Он направлялся к той части платформы, где строительные рабочие хранили свои вещи в бочках и накрытых парусиной кучах. Я стремительно бросился ему наперерез вдоль балок, всякий раз выбирая кратчайший путь, наклоняясь и отпрыгивая в сторону, когда в этом возникала необходимость.

Он заметил мое приближение и, взобравшись на кучу мусора, перескочил на ящик, с которого сумел перебраться на следующий этаж. Я ухватился за горизонтальную перекладину, раскачался, закинул ноги и оказался наверху.

Поднимаясь, я заметил, что мой враг исчез у края платформы, выходящей на следующий этаж. Мне пришлось повторить свои действия.

На следующем этаже я понял, что черного кота не видно. Оставалось только сделать вывод, что он продолжал подниматься все выше и выше. Я последовал за ним.

Через три этажа я заметил его вновь. Он остановился, чтобы посмотреть вниз, стоя на узкой планке, которая служила ступенькой для рабочих, когда лифт поднимался на этот этаж. Свет, идущий снизу, опять попал ему в глаза.

Резкое движение!

Я уцепился за стропила одной рукой, а другую поднял вверх, чтобы защитить голову. Однако моя предосторожность оказалась излишней.

Грохот, скрежет и звон: целое ведро болтов или гаек, сброшенное сверху, пролетело мимо меня, звонкое эхо прокатилось по этажам, пока не смолкло, смолкло, смолкло окончательно.

Я решил поберечь дыхание и воздержался от ругани — ведь мне еще предстояло продолжить восхождение.

Холодный ветер начал хватать меня за одежду, когда я снова полез вверх. Бросив взгляд назад и вниз, я разглядел на освещенной крыше соседнего дома несколько фигур с поднятыми головами. Мне трудно было представить, какую картину они лицезрели.

К тому времени, когда я добрался до места, откуда свалилось ведро с железками, объект моего преследования находился двумя этажами выше, остановившись, видимо, для того, чтобы перевести дух. Теперь я все прекрасно видел, потому что на этих платформах почти ничего не лежало, мы попали в царство жестких прямых линий и холодных четких углов, таких же классических и лаконичных, как теоремы Евклида.

По мере того как я поднимался выше, ветер набирал силу, теперь его порывы сменились постоянным, ровным давлением. Кончиками пальцев, а потом и всем телом я начал ощущать, как ритмично раскачиваются строительные леса. Звуки спящего города слились в один неразличимый шум. Сначала они превратились в храп, затем в легкий гул, и, наконец, ветер поглотил их и переварил. Звездный и лунный свет четко обозначил геометрические конструкции, по которым мы поднимались все выше и

выше; поверхности были абсолютно сухими, любой любитель ночных прогулок по крышам может только мечтать о таком везении.

Я упорно продолжал лезть вверх. Нас разделяло два этажа. Потом один.

Он стоял этажом выше меня и смотрел вниз. Дальше лезть было некуда — рабочие не успели больше ничего построить. Поэтому он ждал.

Я остановился и сам посмотрел на него.

— Ну, может быть, хватит? Или будем играть до конца?

Ответа не последовало. Он просто неподвижно стоял и наблюдал за мной.

Я провел рукой по балке, которая находилась рядом со мной и поднималась вверх.

Мой противник стал меньше. Он присел, сжался, напругся. Словно собирался прыгнуть...

Проклятие! Поднимаясь на последний уровень, в течение нескольких секунд я окажусь полностью в его власти — руки у меня будут заняты, когда я начну подтягиваться.

Однако моему врагу придется сильно рискнуть, если он решится прыгнуть на меня — ведь тогда он окажется в пределах моей досягаемости.

— Думаю, ты блефуешь, — сказал я. — Сейчас я к тебе поднимусь.

Я крепче ухватился за горизонтальную перекладину.

И в этот момент мне в голову пришла неожиданная мысль — такие туда не часто забредали: «А что, если ты упадешь?»

Я заколебался — настолько необычной показалась мне эта идея. Подобные возможности в нашей среде просто не принято принимать в расчет. Конечно, я знал, что это может произойти. Более того, несколько раз так и было — с разными результатами. Однако такого рода размышлениями не следует забивать себе голову.

А до низа так далеко.

«Тебя никогда не интересовало, о чем ты подумаешь в последний раз... перед тем, как свет навсегда померкнет?»

Я полагаю, что об этом так или иначе задумывался каждый. Тем не менее задерживаться на этой мысли не стоит,

ее вообще можно рассматривать как некий симптом, который необходимо положить на алтарь вменяемости. Но...

«Посмотри вниз. Далеко? Насколько далеко? Интересно, что ты почувствуешь, если упадешь? У тебя не возникло щекочущего ощущения в запястьях, ладонях, ногах, щиколотках?»

Конечно. Но ведь...

Головокружение! Меня окатывало с ног до головы. Снова и снова. До сих пор я ничего подобного не испытывал.

Впрочем, я быстро понял, что было источником моего неприятного состояния. Только полный идиот не сообразил бы. Мой мохнатый маленький враг посылал мне это ощущение, пытаюсь — и небезуспешно — создать во мне боязнь высоты.

Некоторые вещи должны выходить за грань физических явлений — по крайней мере, мистицизм, являющийся единственной известной мне религией, который настоятельно убеждает меня в том, что не так просто превратить ненависть в любовь, страсть в страх, победить волю к жизни мгновенным иррациональным воздействием.

Я с силой ударил кулаком по перекладине и прикусил губу. Я был напуган. Я, Фред Кассиди, боялся залезть наверх!

«Падение, падение... Совсем не как листок или клочок бумаги на ветру, а головокружительное падение тяжелого тела... Помешают, может быть, только прутья нашей клетки... Кровавый отпечаток здесь, там... Лишь эта мысль будет доступна тебе на пути вниз... Ты будешь похож на своих не столь далеких предков, которые с ужасом цеплялись за деревья и все равно падали...»

Именно тогда я его и увидел. В этот момент он дал мне то, что я искал, стараясь не поддаться на его уловки: предмет, на котором я мог бы сосредоточить все свое внимание.

Мой враг начал свысока рассуждать о человеческой расе. Сибла вызвал у меня раздражение, когда мы с ним встретились в квартире Мерими, потому что высказывал похожие мысли. Это было как раз то, что надо.

И тогда я позволил себе как следует разозлиться. Я даже поощрял в себе это состояние.

— Ну хорошо, — сказал я. — Те же самые предки просто обожали поднимать в воздух типов, вроде тебя, держа их за лапы — так, смеха ради, — чтобы проверить, всегда ли вы удачно приземляетесь, если подкинуть вас в воздух. Это очень старая игра. Правда, в нее уже давно как следует никто не играл. Я намереваюсь ее возродить, в память о моих прародителях. Смотри на веселого антропоида, опасайся его кривых неловких пальцев!

Я ухватился за перекладину и подтянулся.

Черный кот отпрянул, остановился, сделал шаг вперед, снова остановился.

Я почувствовал, как меня охватывает радостное возбуждение, когда увидел, что мой враг в нерешительности, я ликовал, что сумел заставить его прекратить воздействие на мой мозг. Когда я добрался до платформы, на которой он стоял, я опустил голову пониже, а руки расставил на перекладине как можно шире, так, что даже, если бы в одну из них вонзились острые когти, другой было бы достаточно для того, чтобы удержать меня.

Мой враг сделал вид, что собирается напасть, потом явно передумал, отвернулся и побежал.

А я подтянулся и выпрямился.

Я наблюдал за тем, как он удирает от меня и вскоре оказался на противоположной стороне стальной площадки, на которой мы находились. Я подошел к ближайшему ко мне углу, а он отбежал к самому дальнему.

Тогда я двинулся по одному краю площадки, он — по другому.

Я остановился. И он остановился. Мы не сводили друг с друга глаз.

— Отлично, — проговорил я, доставая сигарету и прикуривая. — Ты тянешь время и проигрываешь — тебе должно быть это известно. Ребята там, внизу, не сидят сложа руки. Они вызвали подмогу. Все пути вниз будут очень скоро перекрыты. Могу побиться об заклад, что через несколько минут к нам сюда прилетит вертолет с оружием, которое снабжено приборами ночного видения. Я всегда считал,

что лучше сдаться, чем оказывать сопротивление при аресте, в случае если у тебя неприятности. Я являюсь официальным представителем государственного департамента моей страны и Организации Объединенных Наций. Выбери, что тебе больше нравится...

«Хорошо, — промелькнуло у меня в голове. — Я сдамся тебе как представителю государственного департамента».

Он двинулся к ближайшему углу, повернул и ровным шагом начал приближаться ко мне. Я отвернулся и направился к тому углу, от которого только что отошел. Он добрался туда раньше меня, завернул за угол и продолжал двигаться в мою сторону.

— Остановись, — приказал я. — Ты арестован.

Однако он не только не остановился, он бросился ко мне, наполнив мое сознание образами, которые, облаченные в слова, звучали бы примерно так:

Более
пристало
благородно
умереть с
зубами
когтями
в
у
глотке
сердца
врага
гнезда
тотема
цивилизации!

Умри же, разоритель гнезд!

Я выбросил руку вперед в тот момент, когда кот прыгнул, и, поскольку у меня не было никакого другого оружия, сунул ему в морду свою сигарету.

Он извернулся и попытался ударить по ней лапой еще до того, как взлетел в воздух. А я отшатнулся и одновременно присел, подняв руки вверх, чтобы сохранить равновесие и прикрыть лицо и голову.

Он ударил меня, но даже не сумел вцепиться в глотку, а,

коснувшись моего левого плеча, разодрал когтями мне руку и бок. А потом упал.

У меня пронеслась естественная мысль: надо восстановить равновесие, спасти эту мерзкую тварь, ради того, чтобы получить какую-нибудь информацию, развернулся направо, перенес вес на левую ногу, выбросил вперед руку, схватил — не слишком сильно! — остановка — дернул, потянул...

Ага, поймал! Я держал его за хвост! Но...

Короткое сопротивление, звук разрываемой ткани, новое движение...

Я держал в руках жесткий, черный, искусственный хвост с остатками какой-то напоминавшей резину ткани. А еще я успел заметить, как в том месте, где освещение было более ярким, промелькнула маленькая темная тень. Вряд ли ему удалось приземлиться на лапы.

Глава 12

Время.

Фрагменты, обрывки, кусочки... Время.

Богоявление во Тьме и Сиянии, Сценарий в зеленых, золотых, пурпурных и серых тонах...

Сумерки. Какой-то человек. Взбирается на высокую Башню Чезлерей в местечке Ардель, на берегу моря, название которого он пока еще не может произнести. Темное, словно виноградный сок, море, искрящееся кьянти, игра светотени, рожденная сиянием далеких звезд и лучами Канис Вибеспер — светила, которое вот-вот спрячется за горизонтом, и на другом континенте настанет утро, а легкий бриз с полей овеивает соединенные между собой балконы, башенки, стены и тротуары города, он дарит теплый аромат земли своему старому, холодному приятелю...

Цепляясь за уступы зеленого камня, карабкаясь по обращенной к морю стороне башни, человек решил поспорить со спешащим на покой днем, уносящимся все выше. Вот он наклонился, приготовился к прыжку. Прежде чем покинуть эти края, солнце касается своими призрачными лучами Башни Чезлерей, и тогда на ее вершину опускается

золотое покрывало уходящего дня. Как только солнце собралось на покой, человек пустился в путь, начав его от самого подножия башни, стремясь не опоздать к тому моменту, когда ночь опустится на город.

Он соревнуется с тенями — его собственная, словно чернильно-черный плащ, окутывает тело, руки мечутся в темноте, точно напуганные рыбки. Где-то в хрустальной вышине, над головой человека, ночь без устали чеканит ослепительные звезды. Он начал задыхаться, а золотое пятнышко света на шпиле Башни стало совсем крошечным.

Но крошечный осколок золотого света медлит, замер на зеленом камне, и наш человек спешит вперед, обгоняя свою тень... Сияние на мгновение померкло и снова вспыхнуло.

Человек ухватился за парапет, подтянулся — так пловец выходит из воды на сушу.

Он поднимается на ноги и смотрит в сторону моря, в сторону света. Да...

Он успевает ухватить последний луч светила, спешащего на покой. И смотрит на него всего одно короткое мгновение.

А потом устраивается поудобнее на камне и принимается любоваться многообразием оттенков ночи, словно видит все это впервые. Он сидит так очень долго, сидит и смотрит...

Конечно же, я его знаю.

Портрет мальчишки с собакой на берегу, Тик-так и прошлые невзгоды. Фрагменты...

— Давай, неси сюда! Ну неси же!

— Проклятье, Рагма! Учись как следует бросать тарелку, если хочешь играть! Мне надоело за ней бегать!

Он захихикал. А я отыскал тарелку и бросил, но он снова отправил ее в прибрежные кусты.

— Ну все! — заявил я. — Конеч. Это бесполезно. Ты прекрасно ловишь, а вот бросать совсем не тянешь.

Я повернулся и направился к воде. Через несколько мгновений я услышал пыхтение — Рагма уже был рядом.

— У нас есть похожая игра, — сказал он. — В нее у меня тоже не очень получалось.

Мы смотрели, как пенятся у наших ног зелено-серые волны, набегают, а потом с шипением откатывают прочь.

— Дай сигарету, — попросил Рагма.

Я дал ему сигарету и прикурил сам.

— Если я расскажу тебе то, что тебя интересует, я нарушу секретность, — сообщил он мне.

Я промолчал, потому что уже давно это понял.

— Но я все равно тебе расскажу. Без подробностей. В общих чертах. Я собираюсь проверить степень собственного благоразумия. По правде говоря, это не такой уж и секрет, а теперь, когда вы, земляне, начинаете путешествовать на другие миры, вы рано или поздно все узнаете. Предпочитаю, чтобы ты услышал это от друга. Ибо, надеюсь, тогда тебе будет легче принять решение по поводу того предложения, которое тебе было сделано. Мне кажется, ты имеешь на это полное право.

— Мой чеширский котик... — начал я.

— Был виллоухимом, — проговорил Рагма, — представителем одной из самых могущественных культур галактики. Конкуренция между различными расами, составляющими цивилизации, всегда была особенно острой в вопросах торговли и эксплуатации новых миров. Существуют сильные культуры, и мощные блоки, и — скажем, развивающиеся миры? — вроде вашего, совсем недавно подошедшие к порогу большой Вселенной. Возможно, наступит день, когда Земля станет членом нашего Совета и получит в нем право голоса. Как ты считаешь, вы будете сильны?

— Ни капельки, — ответил я.

— А как принято поступать в подобных случаях?

— Заключать сделки, искать союзников и тех, у кого такие же проблемы и схожие интересы.

— Вы сможете заключить соглашение о сотрудничестве с одним из могущественных блоков. Они сделают для вас много хорошего в обмен на вашу поддержку.

— И возникнет опасность стать марионеткой в чужих руках. Потерять больше, чем получить взамен.

— Возможно, ты прав, а может быть, и нет. Предвидеть такие вещи невозможно. С другой стороны, не исключе-

но, что объединитесь с какой-нибудь другой слабой группировкой, находящейся, как ты сказал, в положении, похожем на ваше. В этом тоже есть определенная опасность, естественно, но ведь все совсем не так просто и однозначно. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Может быть. А много существует... развивающихся миров... вроде нашего?

— Да, — ответил Рагма. — Целая куча. Новые миры продолжают все время появляться. Это очень хорошо — для всех. Нам просто необходимо разнообразие рас и культур, потому что это разные взгляды и совершенно уникальные подходы к решению проблем, которые без устали ставит перед нами жизнь.

— Значит ли это, что определенное количество новых миров объединяются, чтобы решить свои основные проблемы?

— Значит.

— А они обладают достаточным весом, чтобы оказывать влияние на Совет?

— Все к этому идет.

— Понятно, — проговорил я.

— Да. Некоторые более старые и влиятельные расы не имели бы ничего против ограничения этого влияния. Уменьшение числа молодых миров — один из возможных способов добиться этой цели.

— Если бы мы опозорились с одним из артефактов, нас бы исключили навсегда?

— Навсегда — нет. Вы же существуете. И находитесь на достаточном уровне развития. Вас бы признали рано или поздно, даже несмотря на промахи, совершенные вами в самом начале. И все же репутация землян оказалась бы запятнанной, так что ваше вступление в Совет было бы отложено на неопределенный срок. Я думаю, на довольно солидный срок.

— Ты с самого начала подозревал, что в нашем деле замешаны виллоухимы?

— Я подозревал одну из могущественных рас. Это не единственный случай подобного рода — именно поэтому мы присматриваем за новичками. Вы же сами облегчили

им задачу — предоставили ситуацию, которой они смогли воспользоваться в своих целях. Впрочем, по правде говоря, я ошибся на предмет того, кто стоял за всем этим. Я все понял, только когда Спейкусу наконец удалось пробиться к тебе, и ты стал преследовать виллоухима. Теперь это уже не имеет принципиального значения. Если бы мы представили им улики и потребовали объяснений — а мы не будем этого делать, — виллоухимы, естественно, заявили бы, что их агент не являлся их агентом, а был всего лишь неуравновешенной личностью, действовавшей по собственному усмотрению, и принесли бы свои извинения всем заинтересованным сторонам за причиненные неудобства. Нет. Они, вне всякого сомнения, поняли, что потерпели поражение. В этом смысле мы их обезвредили. Они знают, что мы следим за порядком и что вы тоже настороже — по крайней мере, официальным лицам все известно. Сомневаюсь, что вам придется столкнуться с чем-нибудь подобным в ближайшее время.

— Думаю, следующим их шагом будет подношение подарков.

— Вполне возможно. Впрочем, должен заметить, что теперь вас просветили на предмет подобных действий. К вам будут обращаться и другие — в надежде получить поддержку. Совсем несложно сравнить разные предложения.

— Итак, все возвращается к наполненной дымом комнате...

— Или метаном. Или много чем еще, — ответил Рагма. — Только я не совсем понимаю...

— Политика. Она ведь напоминает дымовую завесу.

— А, да. Один из основных законов жизни.

— Рагма, я хотел бы задать тебе личный вопрос.

— Имеешь право. Если он окажется слишком для меня неприятным, я просто на него не отвечу.

— В таком случае скажи, пожалуйста, а как ты охарактеризуешь свою собственную культуру, расу, народ — ну, как там ученые твоей планеты называют вашу социальную группу, ты же понимаешь, что я имею в виду — с точки зрения галактических цивилизаций.

— Ну, мы сами назвали бы себя достаточно практичными, деловыми, спокойнокровными...

— Хладнокровными, — поправил я.

— Вот именно. А еще мы — идеалисты, творческие личности, обладающие развитой культурой...

Я кашлянул.

— ...и огромным потенциалом, — заявил Рагма. — Мы, словно юноши, жизнелюбивы и умеем мечтать.

— Спасибо.

Мы повернули и пошли вдоль полосы прибоя, все время стараясь оставаться вне пределов досягаемости волн.

— Ты обдумал предложение, которое тебе было сделано? — наконец спросил меня Рагма.

— Да, — ответил я.

— Принял решение?

— Еще нет. Я хочу ненадолго уехать, чтобы хорошенько раскинуть мозгами.

— Тебе известно, сколько тебе на это понадобится времени?

— Нет.

— Так, так. Ты, естественно, немедленно сообщишь нам о своем решении...

— Конечно.

Мы прошли мимо выгоревшей надписи «КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО», и я пустился в размышления на тему о том, что совсем недавно эта надпись выглядела бы для меня вот так:

«ОНЕЩЕРПАЗ ЯСЬТАПУК». Все мои шрамы вернулись на прежние места, а сигареты вновь имели привычный вкус, но я решил, что мне будет не хватать отображенной версии картошки фри, отвратительных гамбургеров, несвежих салатов и кофе, что подают в студенческом Союзе. Но больше всего меня будет преследовать вкус вывернутого наизнанку спиртного, из которого получался такой специфический, ни на что не похожий, таинственный и волшебный напиток — мне каждый раз казалось, что легкий ветерок переносит меня в сказочную страну...

— Наверное, пора возвращаться в город, — произнес Рагма. — Скоро начнется вечеринка у Мерими.

— Точно, — ответил я. — Слушай, скажи мне вот еще что: я сейчас думал об инверсиях, происходящих на молекулярном уровне, но не затрагивающих атомы и субатомы...

— Ты хочешь знать, почему машина Ренниуса не может обеспечивать вас аккуратными порциями антиматерии?

— Ну да.

Рагма пожал плечами.

— Это осуществимо, но в результате теряется много самых разных машин, кроме всего прочего. Да и вообще ваш экземпляр — довольно старая версия. Мы хотим его сохранить. Это вторая машина подобного рода, построенная во Вселенной.

— А что случилось с первой?

Рагма усмехнулся.

— В ней не было программы выделения частиц.

— А как она работает?

Он покачал головой.

— Есть вещи, которые человеку не полагается знать.

— Сейчас самое подходящее время для подобного заявления.

— Если честно, я сам не понимаю.

— Ясно.

— Пойдем приложимся к выпивке Мерими и к его сигаретам, — повторил Рагма. — Мне ужасно хочется поговорить еще немного с твоим дядей. Знаешь, он ведь предложил мне работу.

— Ну да? Какую?

— У него есть несколько интересных идей по поводу галактической торговли. Он говорит, что хочет организовать скромный бизнес по импорту-экспорту. Видишь ли, я как раз собирался уйти в отставку, а твоему дяде нужен специалист с моими знаниями. Мы сможем создать что-нибудь просто замечательное.

— Это мой любимый дядя, — заявил я, — и я многим ему обязан. Но кроме того, я являюсь и твоим должником тоже, поэтому считаю необходимым поставить тебя в известность, что у моего дяди, мягко говоря, не совсем безупречная репутация.

Рагма пожал плечами.

— В галактике достаточно места. Существуют законы и возможности для самых разнообразных занятий. Именно на этот предмет я и должен буду консультировать твоего дядю.

Я медленно кивнул.

Апокалипсические обрывки семейного фольклора совсем недавно заняли свои законные места, когда завесу тайны сначала чуть приоткрыл Мерими, а потом и сам дядя Альберт, который с удовольствием предавался воспоминаниям во время нашего с ним торжественного семейного обеда, организованного вчера вечером.

— Кстати, доктор Мерими тоже примет участие в нашем предприятии, — сообщил мне Рагма.

Я продолжал кивать.

— Как бы там ни было, — пообещал я Рагме, — не сомневаюсь, что это приключение будет волнующим и поучительным.

Мы подошли к машине, забрались в нее и отправились в город.

У меня за спиной в песке неожиданно раскрылось множество дверей, и я стал думать о женщинах, тиграх, башмаках, кораблях, сургуче и всякой подобной ерунде, стоящей у порога.

Скоро, скоро, скоро...

Вариации на Тему Третьей Горгульи от Конца: Звезды и Мечты о Времени...

Я наконец разыскал его в маленьком городке, примостившемся в тени Альп; он сидел на крыше местной церквушки, внимательно и задумчиво разглядывая гигантские часы на городской ратуше, что стояла на противоположной стороне улицы.

— Добрый вечер, профессор Добсон.

— А? Фред? Господи боже мой! Осторожно, вон тот камень качается... Вот так. Отлично. Не ожидал увидеть тебя сегодня вечером. Впрочем, я очень рад, что ты пробежал мимо. Я собирался послать тебе утром открытку, в которой хотел рассказать об этом чудном городке. Дело ведь не

только в возможности забраться наверх. Посмотри, какая здесь перспектива! Посмотри внимательно на большие часы, ну как?

— Хорошо, — сказал я, устраиваясь рядом с ним и упираясь ногой в какую-то каменную виньетку. — У меня для вас есть кое-что, — добавил я и передал профессору сверток.

— Ой, спасибо. Какая приятная неожиданность. Сюрприз... О, да он булькает, Фред.

— Ага.

Профессор развернул бумагу.

— Вот это да! Что-то я не могу понять надпись на этикетке, так что я, пожалуй, лучше попробую содержимое.

Я не сводил глаз с больших часов на башне.

Через некоторое время.

— Фред! — воскликнул профессор. — Я в жизни не пробовал ничего подобного! Что это такое?

— Стереоизомер обычного бурбона, — объяснил я. — На днях мне разрешили пропустить несколько бутылок через машину Ренниуса — специальный комитет ООН, занимающийся инопланетными артефактами, последнее время ведет себя со мной крайне доброжелательно. Так что в некотором смысле вы сейчас попробовали очень редкий напиток.

— Понятно... А по какому случаю?

— Звезды прошли свой огненный путь и оказались в нужных местах, они расположились с изысканной изобретательностью, и я смог расшифровать их древнее предзнаменование.

Профессор кивнул.

— Красиво сказано, — похвалил он меня. — Только непонятно, что это значит.

— Ну, если начать сначала — я получил диплом.

— Весьма огорчительно. Я уже почти поверил, что с тобой этого никогда не случится.

— Я тоже. Но они меня перехитрили. Теперь я работаю на государственный департамент или на ООН, все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

— А чем ты занимаешься?

— Вот как раз об этом я сейчас и раздумываю. Понимаете, мне предоставили право выбора.

Профессор сделал еще один глоток и передал бутылку мне.

— Нет ничего хуже необходимости выбирать, — заявил он. — На, выпей.

Я кивнул и сделал глоток.

— Именно поэтому я и хотел поговорить с вами, прежде чем принять окончательное решение.

— Такая серьезная ответственность, — проговорил профессор, забирая у меня бутылку. — А почему со мной?

— Некоторое время назад, когда меня пытали в пустыне, я вспомнил всех своих многочисленных наставников и кураторов. Только совсем недавно я понял, почему одни из них были хорошими, а другие никуда не годились. Самые лучшие из них не пытались заставить меня выбрать какую-нибудь из проторенных дорог. Впрочем, таких кураторов всегда было трудно убедить подписать мою карточку с набором предметов. Они всегда довольно долго со мной беседовали. И это были совсем не обычные разговоры. В явном виде ни один из них не дал мне прямого совета. Я даже вряд ли смог бы воспроизвести то, о чем мы с ними разговаривали. Мне кажется, они считали, что, если что-то достается человеку с трудом, он начинает ценить свое приобретение гораздо больше, чем если бы оно просто свалилось на него с голубых небес. Мы, как правило, обсуждали не научные вопросы. Именно этим преподавателям и удалось научить меня чему-либо, и я думаю, что в определенном смысле они руководили моей деятельностью. Они не хотели, чтобы я делал что-то, по их мнению, нужное, они хотели, чтобы я сумел увидеть то, что видели они. Что-то вроде их взгляда на жизнь, без прикрас. Так вот, поскольку вам, одному из немногих, в течение нескольких лет удавалось избегать назначения на пост моего куратора, я считаю вас своим настоящим наставником.

— Я совсем не намеренно... — проговорил профессор.

— Именно. В моем случае это было самым лучшим способом решения проблемы. Возможно, единственным. Вы многое показали мне и таким образом помогли. Вы помо-

гали мне не раз. Сейчас я думаю о нашем последнем разговоре, там, в университетском городке, перед вашей отставкой.

— Прекрасно помню.

Я закурил.

— Ситуацию, в которой я оказался, довольно трудно объяснить. Попробую изложить просто: звездный камень, инопланетный артефакт, полученный нами на хранение на неограниченное время, обладает разумом. Его создала раса, похожая на нашу, — она погибла. Камень нашли среди руин этой цивилизации многие века спустя после ее гибели, и никто не понял, что это такое. Ничего удивительного — ничто не указывало на то, что он является тем самым Спейкусом, о котором говорилось в сохранившихся и переведенных на другие языки записях. Было принято считать, что речь идет о каком-то исследовательском комитете или процессе, а может быть, программе, собиравшей и обрабатывавшей информацию с точки зрения социальной науки. Однако на самом деле в записях речь шла о звездном камне. Чтобы он мог действовать на полную мощность, нужно существо, похожее на нас. Он становится чем-то вроде симбиотического гостя внутри этого существа, получая и обрабатывая данные из его нервной системы, в то время как его «хозяин» занимается своей работой. Используя полученные сведения, Спейкус становится чем-то вроде социального компьютера. Взамен он до бесконечности обеспечивает своего «хозяина» безупречным и всегда здоровым организмом. Он может предоставить анализ всех явлений, с которыми встретился впрямую или косвенным путем, выдать сравнительные данные, абсолютно непредвзятые, поскольку не относится ни к одной из форм жизни, но при этом он определенным образом сориентирован благодаря своей конструкции. Он предпочитает находиться в теле подвижного существа, голова которого наполнена разнообразными идеями.

— Потрясающе. А как тебе удалось все это узнать?

— Совершенно случайно я его частично активировал. После этого «камень» забрался внутрь моего тела и сумел уговорить меня включить его на полную мощность. Что я

и сделал. Однако в процессе я практически лишил себя возможности общаться с ним — наша связь проходила на самом элементарном уровне. Потом его удалили, и я вернулся в свое нормальное состояние. Тем не менее он продолжает функционировать, и телепаты-аналитики могут с ним общаться. Сейчас галактический совет и ООН хотели бы, чтобы «камень» заработал снова. Было предложено оставить его одним из специальных объектов в цепочке кула, обеспечивая каждый мир, который он посетит, подробным отчетом о его социальных условиях. Путешествуя меж звезд на протяжении многих лет, он сможет существенно расширить базу своих данных. Кроме того, Спейкус обеспечит Совет сведениями о целых секторах цивилизованной галактики. Это живой процессор с определенными телепатическими способностями — за несколько веков своей жизни он накопил массу самой разнообразной информации, так что он дал мне совет по поводу одной из статей Галактического Кодекса и знал, как действует машина Ренниуса. Спейкус обладает уникальной комбинацией объективности и способности к сопереживанию, благодаря этому его доклады могут представлять более чем обычный интерес.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал профессор Добсон.

— Да. Такое впечатление, что Спейкус ко мне привязался и хочет, чтобы я стал его «хозяином».

— Потрясающие возможности.

— Вот именно. Однако, если я отклоню это предложение, я все равно смогу заняться изучением всех этих проблем на Земле в качестве специалиста по инопланетной культуре.

— А зачем на это соглашаться, если можно получить ту работу?

— Я подумал о мелких шажках, а потом об ускорении. Совсем недавно мы были там, и вот мы уже здесь. А все что между — немного нереально: интервал между вершинами башен, на которые нам удалось взобраться. Здесь, наверху, когда я смотрел вниз и оглянулся назад, я впервые заметил, что вершины моих башен приблизились друг к

другу. Скорость течения времени заметно увеличилась. Все, что находится там, внизу, и между, впадает в отчаяние, становится абсурдным. Вы сказали, что, когда мне наконец придут в голову такие мысли, я должен вспомнить бренди.

— Говорил. Вот, держи.

Я выбросил сигарету.

— Если бы расстояния не были такими большими, ты мог бы плюнуть в лицо Времени, — заметил профессор, когда я вернул ему бутылку. — Да, я все это говорил, и тогда это было правдой. Для меня.

— Ну, и где мы в результате оказались? — спросил я. — На вершине шпиля, куда было особенно трудно забраться и где, как мы прекрасно знаем, уже давно сидят другие. Они считают нас развивающимся миром — примитивным, варварским. Скорее всего они правы. Нужно смотреть правде в глаза. Не мы первые взобрались на вершину. Если я соглашусь на эту работу, роль дисплея в большей степени буду играть я, а не Спейкус.

— Говоря статистически, — заметил профессор, — весьма маловероятно, что мы окажемся среди первых, так же, как и среди последних. Во все, что говорил в тот момент, я верил, кое-чему я верю и сейчас. Однако обрати внимание: когда я беседовал с тобой, моя карьера была завершена, твоя же только начинается, в тот момент меня занимал тот факт, что мое время подошло к концу. Но с тех пор в моей голове поселились новые мысли. Например, я не раз обдумывал высказывание профессора Кюна о структуре научных революций — возникает мощная новая идея, традиционные схемы мышления рушатся и строительство начинается с нуля. Маленькие шажки, один за другим. Проходит время, и все снова кажется аккуратным и разумным, если не считать нескольких лишних, никуда не укладываемых кусочков. Тогда кто-то другой швыряет очередной кирпич в окно. Так было всегда, а в последние годы кирпичи стали падать чаще и чаще. Не оставляя времени на то, чтобы навести порядок. Когда же мы встретились с инопланетянами, прибыл целый грузовик таких кирпичей. Вполне естественно, наш интеллект начал спотыкаться.

Однако, кем бы мы ни были, между ними и нами существуют немалые различия. Естественно. Нельзя сыскать двух одинаковых людей или два неотличимых друг от друга народа. Даже если нет иных причин, кроме этой, я не сомневаюсь, что мы внесем свой вклад. Мы обязаны пережить град падающих на наши головы кирпичей, ведь остальные, теперь это становится очевидно, пережили. Если же мы не справимся, тогда наша раса не заслуживает того, чтобы занять место рядом с ними. В моем желании быть лучшим и первым не было ничего дурного, разве что порочно само желание оставаться в одиночестве. Ученые, занимающиеся антропологией, постоянно говорят о релятивизме культуры, каждая ступень эволюции автоматически вызывает у них чувство превосходства по отношению к тому народу, степень развития которого они оценивают, — а они оценивают всех. Теперь наступил момент, когда нас, в том числе и антропологов, будет оценивать само время. Похоже, тебя это задело даже сильнее, чем ты сам готов признать, причем в самой любимой тобой сфере мышления. На это я могу сказать лишь одно: приободришься и постарайся извлечь для себя что-нибудь полезное. Смирение, например. Мы стоим на пороге возрождения, если я правильно понимаю происходящее. Обязательно наступит день, когда кирпичи перестанут валиться на нас и Время приостановит свой бег, и тогда мы сможем, наконец, навести порядок в своем доме. И снова ощутим самодостаточность. А когда этот день придет для тебя, с кем ты будешь?

Он немного помолчал.

— Ты пришел просить у меня совета, — продолжил Добсон, — а я рассказал тебе даже больше, чем ты хотел. Во всем виновата хорошая компания и превосходная выпивка. Поэтому я пью сейчас за тебя и за время, которое так сильно меня изменило. Продолжай восхождение. Вот и все. Продолжай восхождение, а потом постарайся забраться еще немножко выше.

Я взял у него бутылку, сделал глоток и посмотрел на здание, расположенное на противоположной стороне улицы.

— Почему мы следим за часами? — спросил я.

— Ждем, когда пробьет полночь. Это должно произойти с минуты на минуту.

— Ответ кажется мне слишком очевидным, хотя и данным очень уж к месту.

Профессор усмехнулся.

— Не я писал этот сценарий, — сказал он. — К тому же все мои ответы давно кончились, Фред. Я просто хочу насладиться спектаклем. Есть вещи, которые интересны сами по себе.

— Верно. Извините. И спасибо вам.

— А вот и они!

Маленькие дверцы по бокам часов распахнулись. С одной стороны появился лакированный рыцарь, с другой — мрачный шут. У рыцаря в руках был меч, а у шута жезл. Они стали приближаться: рыцарь прямой и величественный, шут вприскок, или это он хромал — я не очень понял. Они, подпрыгивая, направились прямо к нам, на лице у рыцаря застыла усмешка, а у шута — хмурая тоска. Они дошли до конца колеи, повернулись на девяносто градусов и направились к колоколу, который занимал центральное положение. А потом рыцарь поднял свое оружие и нанес первый удар. Раздался низкий глубокий звон. Через несколько секунд шут поднял жезл. Звук получился чуть более резким, но таким же мощным.

Рыцарь, шут, рыцарь, шут... Удар следовал за ударом, на таком близком расстоянии я не только слышал их, но и ощущал. Шут, рыцарь, шут, рыцарь... Они крушили воздух, убивая день. Шут нанес последний удар.

Потом несколько мгновений они, казалось, смотрели друг на друга и, словно договорившись о чем-то, направились обратно к дверцам, из которых появились несколько секунд назад. Когда дверцы за ними закрылись, последние отзвуки эха успели смолкнуть.

— Люди, которые никогда не забираются на соборы, лишают себя возможности стать свидетелями потрясающего представления, — заметил я.

— Оставь свои дурацкие морали на другой раз, — проворчал Добсон. Немного погодя он добавил: — За улыбающуюся леди!

— За скалы империи! — отозвался я.

Обрывки и Кусочки, Утерянные в Пространстве Гильберта, Возникают, Дабы Описать Медленные Симфонии и Архитектуру Настойчивой Страсти...

Словно впервые в жизни, он созерцал ночь с вершины высокой Башни Чезлерей, в том месте, что зовется Ардель, возле моря с таинственным названием. Пол Байлер где-то откальвал от мира кусочки и делал с ними удивительные вещи. Предприятие «Айра Энтерпрайз» под председательством Альберта Кассиди уже готовилось открыть офисы на четырнадцати планетах. Книга под названием «Блевотина Духа», написанная неизвестным автором, который называет своими соавторами девушку, карлика и осла, только что стала бестселлером. Денису Векроту пришлось обзавестись костылями — сломал ногу, пытаясь забраться на крышу студенческого Союза.

Он думал об этих и о множестве других вещей, оставшихся там, далеко в небе. Он вспоминал о своем уходе.

Чарв сказал тогда:

— Ты слишком много куришь. Возможно, во время этого путешествия тебе удастся уменьшить норму или бросить совсем. В любом случае, постарайся как следует развлечься. Именно это — вместе с упорной, честной работой — и заставляет мир вращаться.

Надлер крепко пожал ему руку, улыбнулся своей идеальной улыбкой и заявил:

— Я знаю, вы всегда будете гордостью нашей организации, доктор Кассиди. Если вас посетят сомнения, вспомните о традициях и импровизируйте. Не забывайте, кого вы представляете.

Мерими подмигнул и сказал:

— Мы собираемся открыть цепочку публичных домов по всей галактике для путешествующих землян и обожающих приключения инопланетян. Не тоскуй, управимся быстро. Пока же займись философией. А если у тебя возникнут неприятности, вспомни номер моего телефона.

— Фред, мой мальчик, — прослезился дядя, отбросив в сторону свою дубинку и обнимая его за плечи, — это великий день для Кассиди! Я всегда знал, что ты найдешь свою судьбу где-то среди звезд. Второе зрение, знаешь ли. Добро-

го пути и экземпляр Тома Мура для компании!.. Я свяжусь с тобой через мою контору на Вибеспере, а позднее, может быть, пришлю Рагму. Я не зря вкладывал в тебя деньги, приятель!

Он улыбнулся абсурдности, традициям, намерениям. Его переполняли чувства.

— *Я сожалею о том, что вызвал тот приступ в автобусе, Фред. Мне просто было необходимо узнать, как устроено твое тело на случай, если мне пришлось бы заняться починкой. Я ведь привык к правонаправленности.*

— Я догадался об этом, позднее.

— *Этот мир — замечательное место, Фред. Мы находимся здесь всего один день, а я уже могу предсказать с высокой степенью надежности, что нам предстоит пережить весьма необычный опыт.*

— А что от этого получаешь ты, Спейкус?

— *Я — записывающее и анализирующее устройство, комбинация туриста и камеры. Полагаю, лучшего сравнения не придумаешь. В те моменты, когда они функционируют одновременно, наши ощущения, как мне кажется, становятся похожими.*

— Наверное, здорово — настолько хорошо знать себя. Сомневаюсь, что когда-нибудь так будет со мной. — Он зажег сигарету и начал жестикулировать. — Ну скажи мне, стоило совершать это путешествие?

— *Ты уже и сам знаешь ответ.*

— Да, наверное, знаю.

«Люди, которые забирались вверх и украшали скалы и стены пещер, правильно все понимали, — решил он. — Да, именно так».

Почему он так решил, я и сам не понимаю. Конечно, я хорошо его знаю. Но сомневаюсь, что когда-нибудь буду знать досконально. Ведь я всего лишь запись...

**ДОРОЖНЫЕ
ЗНАКИ**

— Стой! — закричала Лейла.

Рэнди немедленно повернул руль вправо и нажал на педаль тормоза. Небо постепенно прекратило пульсировать. Теперь оно было жемчужно-серым, предрассветным.

— Подай назад, вдоль обочины.

Он кивнул и включил реверс.

— Те, что в машине? Мы могли бы просто подойти...

— Сначала я хочу рассмотреть их поближе.

— Ладно, — буркнул Рэнди, медленно подавая машину назад.

Она повернулась, рассматривая серый потрепанный экипаж.

Внутри автомобиля сидели два человека. Кажется, у обоих были седые волосы — точно сказать не давал коварный свет зари. И оба они, похоже, смотрели на Лейлу.

— Сейчас дверь со стороны водителя откроется, — тихо произнесла она.

Дверь со стороны водителя открылась.

— Теперь откроется вторая.

Открылась вторая дверца.

— Старик вел, женщина — пассажир.

Два пожилых человека — женщина и мужчина — вышли из автомобиля, оставив дверцы открытыми. Они были закутаны в какое-то тряпье, державшееся на теле только благодаря поясам.

— Стоп, — сказала Лейла, — теперь выйдем и поможем. У них в распределителе зажигания отошел контакт.

— Это часть твоего видения?

— Нет.

Она отворила дверцу, вылезла и зашагала назад по дороге. Рэнди сделал то же самое.

Когда он подошел поближе, на первый взгляд ему пока-

залось, что мужчина слишком стар, чтобы садиться за руль. Сутулясь, тот стоял, опираясь на автомобиль. Свободная рука слегка дрожала, дряблую высохшую кожу покрывали пигментные пятна, пальцы напоминали птичьи. Лицо его было изборождено глубокими морщинами, брови такие же седые, как и волосы.

Потом глаза старика встретились со взглядом Рэнди — зеленые, чуть ли не сияющие. В них светилось четкое и ясное сознание, о чем трудно было бы догадаться, к примеру, с трех метров. Рэнди улыбнулся, но старик никак не реагировал.

Лейла тем временем подошла к старой женщине и разговаривала с ней на незнакомом Рэнди языке.

— Если разрешите заглянуть под капот, — предложил он, — я, возможно, мог бы вам помочь.

Старик ничего не ответил, и Рэнди повторил фразу на линго. Это тоже не вызвало никакой реакции. Мужчина, казалось, всецело был занят изучением лица Рэнди, его одежды, движений. От этого Рэнди стало не по себе. Он бросил на Лейлу вопросительный взгляд.

— Все в порядке, — сказала она. — Смело открывай капот. Они не понимают, как работает двигатель. Я сейчас как раз объясняю, что такое горючее.

Нагнувшись, чтобы отстегнуть защелку крышки капота, Рэнди заметил, как Лейла передает старой женщине толстую пачку денег.

Когда капот приподнялся на несколько дюймов, старик с опаской шагнул в сторону. Подняв крышку полностью, Рэнди услышал удивленный возглас.

Верно — отошел контакт на распределителе.

Он вставил его в гнездо и надежно закрепил. Судя по внешнему виду двигателя, все остальное было в порядке.

— Попробуйте его теперь завести, сэр, — обратился Рэнди к старику, но, подняв голову, увидел, что тот лишь улыбается. — Наверное, вы меня не понимаете. Я сам сейчас попробую завести двигатель.

Обойдя старика, он заглянул в машину. Ключ торчал в замке зажигания. Рэнди сел на место водителя. Секунду спустя мотор заработал.

Рэнди снова выключил его и вылез наружу. Он улыбнулся старику:

— Все в порядке.

Тот вдруг стремительно шагнул вперед и заключил Рэнди в медвежьих объятия. Старик оказался неожиданно сильным, и Рэнди почувствовал на своем лице его горячее дыхание.

— Имя? Как твое имя, добрый человек?

— Рэнди... Рэнди Доракин.

— Доракин... Хорошее имя!

Тем временем Лейла обошла автомобиль и теперь стояла у них за спиной вместе со старой женщиной.

— У них все будет в порядке, — сказала она. — Пойдем, пора ехать — к последнему въезду на Вавилон.

Лейла обняла старую женщину и не отпускала несколько секунд, потом быстро пошла обратно к их машине. Рэнди поспешил за ней.

Когда он оглянулся, пожилая пара уже села в автомобиль. Заработал мотор. Потом автомобиль выехал на Дорогу и исчез из виду.

В это мгновение взошло солнце, и он увидел, что Лейла плачет. Странные чувства завладели им.

Глава 1

Рэд Доракин двигался по тихому отрезку Дороги — прямому, спокойному, как сама смерть, слабо мерцающему. Некоторое время назад его обогнали несколько футуристического вида машин, мчавшихся с фантастической скоростью. Чуть позже он сам миновал запряженную четверкой карету и, еще немного спустя, одинокого всадника.

Он вел свой голубой «Додж»-пикап в правом ряду с постоянной скоростью шестьдесят пять миль в час, жуя сигару и напевая себе под нос.

Небо было бледно-голубым, с востока на запад пересеченное толстой огненной чертой. Пыли и мусора на пути не замечалось, и насекомые не бились о ветровое стекло. Стекло слева было опущено; он вел, высунув руку наружу и ухватив пальцами край крыши. Козырек глубоко надви-

нутой выцветшей бейсболки почти прикрывал глаза, и ему приходилось заметно откидывать назад голову. На неухоженную бороду падала тень.

Далеко впереди показалась точка машины, через несколько секунд превратившаяся в старый черный «Фольксваген». Пронсясь мимо, его водитель нажал на клаксон. «Фольксваген» затормозил и выехал на обочину.

Рэд бросил взгляд в зеркальце заднего вида, ударил по тормозам и повернул руль вправо. Небо тут же принялось пульсировать, меняя цвета. С каждой пульсацией яркая черта на миг исчезала.

Когда пикап полностью остановился, над Дорогой повис тихий вечер. Где-то тянул песенку сверчок, временами налетал порыв ласкового ветерка.

Рэд открыл дверцу и вылез наружу, не забыв вытащить из замка и опустить в карман ключ зажигания. На нем были джинсы «ливайс», армейские ботинки, коричневая лыжная курточка без рукавов поверх рубашки-хаки и широкий ремень с фигурной пряжкой. Он повернул бейсболку козырьком назад и зашагал вдоль обочины.

Не существовало способа пересечь Дорогу, не рискуя немедленно погибнуть; поэтому он прошел к месту, расположенному как раз напротив остановившегося «Фольксвагена». Дверца машины распахнулась, и наружу вылез невысокий человек с маленькими черными усиками.

— Рэд! — позвал он. — Рэд!

— Что случилось, Адольф? Все ищешь место, где ты победил?

— Послушай, Рэд, честно говоря, я долго не знал, стоит ли говорить тебе это, потому что был не в состоянии понять, ненавижу ли я тебя сильнее, чем чувствую себя обязанным тебе. Но потом до меня дошло, что еще неизвестно, пойдет эта информация тебе на пользу или во вред. Так что все каким-то образом уравновешено... Я был дьявольски далеко вниз по Дороге и видел, что случилось у въезда, обозначенного голубым зиккуратом¹...

— Голубым зиккуратом?

¹ Зиккурат — ступенчатая пирамидальная башня, культовое сооружение в древнем Двуречье.

— Голубым зиккуратом. Я видел, как ты перевернулся. Я видел, как горел твой пикап.

Несколько секунд Рэд Доракин молчал. Потом засмеялся.

— Смерть, — сказал он, — несомненно, будет весьма озадачена, если повстречается со мной вскорости. «Что, — скажет она, — делает этот человек в Афинах при Фемистокле, когда я назначала ему свидание у последнего въезда в Вавилон?..»

Его массивное тело затряслось в новом приступе смеха. Потом он выдул густую струю дыма и вскинул правую руку в издевательском приветствии.

— Тем не менее спасибо. Возможно, мне это пригодится.

Он повернулся и направился к своему грузовичку.

— И еще!.. — крикнул ему вслед усатый.

Рэд остановился и повернул голову.

— Что еще?

— Ты мог бы стать великим человеком. Прощай.

— Ауфвидерзеен.

Рэд сел в машину и завел двигатель. Скоро небо снова стало голубым...

Глава 2

Когда над изломанной линией горизонта начала разгораться заря, Удалина пробудилась на барже, качавшейся на водах Ист-Ривер, томно откинула в сторону укрывавшие ее меха и отвела со лба прядь волнистых волос. Кончиками пальцев она коснулась наиболее чувствительных точек на шее, плечах и грудях, где уже начали проявляться знаки труда ее вчерашнего возлюбленного. Улыбнувшись, она хрустнула пальцами и томно, медленно повернулась на левый бок.

Тоба, тяжелый и черный, как ушедшая ночь, лежал, устроив щеку на правой ладони и ухмыляясь во весь рот.

— Боги, ты что, вообще никогда не спишь?

— Только не рядом с женщиной, которая удавила больше сотни любовников, стоило им опуститься в утомлении на ложе рядом с ней.

Ее зрачки сузились:

— Так ты знал! Ты знал с самого начала!.. Ты обвел меня вокруг пальца!

— Слава богу и амфитамину, это так!

Удалина с улыбкой потянулась.

— Тебе необыкновенно везет. Как правило, я даже не жду, пока они уснут. Я выбираю определенный момент — и одновременно кончаю, так сказать, два дела. Твоя очередь должна была наступить только сейчас, потому что тогда меня отвлекла архитектура... Тем не менее. — Она протянула руку и коснулась управляющего блока. Баржа начала бесшумно двигаться. — Взгляни скорей, как свет ложится на руины Манхэттена!.. Обожаю руины!

Она вдруг села и подняла на уровень глаз продолговатый прямоугольник из резного полированного дерева, держа эту рамку на расстоянии вытянутой руки.

— Вот группа справа... Какая великолепная композиция, не правда ли?

Тоба приподнялся на локте, потерся подбородком о ее левое плечо.

— Очень, гм... интересно.

В левой руке у нее появилась маленькая камера. Женщина посмотрела сквозь видеоискатель, потом еще раз сквозь рамку, наклонилась немного назад, нажала кнопку.

— Готово.

Камера и рамка были отложены в сторону справа.

— Кажется, могла бы всю свою жизнь только и делать, что снимать живописные руины! Собственно, я так и делаю. Самые чудесные виды получаются, как правило, со стороны моря или реки. Когда-нибудь замечал эту дельту?

— Нет. Хотя теперь, когда ты обратила внимание...

— Слишком все это было... идеально. Одетый в тряпье, невымытый продукт упадка цивилизации, ты рылся в отбросах на берегу — и я как раз проплывала мимо. Ловко ты меня провел. Так кто же ты на самом деле? Археолог?

— Ну, я...

— К тому же ты знал, кто я... Держи правую руку, как сейчас, но подними голову. — Удалина перевернулась на

живот, тоже подняла правую руку, уперлась локтем в палубу и хлопнула ладонью о ладонь Тобы. — Отлично, мистер Тоба. Теперь жмите со всей силы. Будто ваша жизнь зависит от этого. Может, так оно и есть.

— Эй-эй, леди...

Его рука начала клониться назад. Он напряг мускулы. Рука остановилась на несколько мгновений. Он сжал зубы. Вдруг в одно мгновение его рука оказалась пригвожденной к палубе.

Удалина улыбнулась, глядя на него сверху вниз.

— Желаете помериться левой?

— Нет уж, спасибо. Слушай, я верю всему, что рассказывают о тебе. У тебя... э-э... экзотические вкусы и хватает сил, чтобы их удовлетворять. А я привык восхищаться всяким, кто способен получить то, что хочет. Это был единственный способ встретиться с тобой. У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, такой шанс выпадает раз в жизни.

— Там есть красивые руины?

— Самые прекрасные, можешь мне поверить, — быстро сказал Тоба.

— Интересный человек?

— Самый интересный!

Она ухватила его за руку и рывком поставила на ноги.

— Скорей! Смотри, как отражается солнце на стенах вон той разрушенной башни!..

— Чудесное зрелище!

— Как его имя?

— Доракин. Рэд Доракин.

— Что-то знакомое.

— Он далеко не новичок.

— Колоритная личность?

— Спрашиваешь!

— Я могла бы использовать новую баржу, с инкрустациями из слоновой кости и черного дерева...

— О чем речь... Эй! Быстро — лучи солнца сквозь остатки вон того моста...

— Скорее камеру!.. Ты очень удачливый человек, Тоба.

— Будто я и сам не знаю!..

Глава 1

Увидев, как точка машины в зеркале заднего вида постепенно разбухает, Рэд Доракин беззлобно выругался.

— В чем дело? — послышался хриловатый голос из под панели.

— Что? А я и не заметил, что не выключил тебя.

Его правая рука потянулась к кнопке, потом вернулась назад.

— Выключил. Я сама активизировала цепи.

— Как это тебе удалось?

— Помнишь, я выиграла у тебя один ремонт — в карты, в прошлом месяце? Мне хватило денег и на установку нескольких новых блоков. Пора было расширить горизонты.

— Ты хочешь сказать, что весь этот месяц подслушивала?

— Да. Ты часто разговариваешь сам с собой. Очень забавно.

— Нет, я этого так оставить не могу.

— Ладно, не играй со мной больше в карты... Повторяю, что случилось?

— Полиция. Быстро догоняет. Может, проедут мимо, а может, и не проедут.

— Держу пари, что я их обставлю. Будем сражаться?

— Да нет же, сиди тихо, Цветы. Не все сразу получается, вот и весь секрет.

— Не понимаю.

— Я не тороплюсь. Не выйдет сейчас, повторю. Или испробую какой-нибудь другой способ.

Он снова посмотрел в зеркало. Блестящий каплевидный автомобиль вырос уже до солидных размеров и продолжал нагонять машину Рэда, хотя, похоже, немного сбросил скорость.

— Я по-прежнему не понимаю.

Чиркнув спичку о ноготь большого пальца, Рэд закурил сигару.

— Знаю. Не волнуйся — и не встречай ни в какие разговоры, если те вдруг возникнут.

— Принято.

Он посмотрел в сторону. Полицейская машина догнала

пикап и шла теперь рядом по соседней полосе. Рэд вздохнул.

— Останавливайся или проезжай, чтоб тебе пусто было, — пробормотал он. — Дорога не для игр.

Словно в ответ завывла сирена. Над крышей полицейской машины выдвинулся шар мигалки и начал периодически зажигаться, будто вспыхивающий в темноте глаз.

Рэд повернул руль и выехал на обочину. Небо снова принялось пульсировать — светлей, темней — светлей, темней. Когда грузовичок окончательно остановился, над горизонтом повисло утреннее солнце, травы серебрились изморозью, слышалось пение птиц.

Сверкающий автомобиль с полицейскими съехал на обочину впереди пикапа. Распахнулись обе дверцы, и из машины вылезли два офицера в серых кителях.

Рэд выключил зажигание, выпрямился и выпустил струю табачного дыма.

Водитель второй машины остановился у дверцы пикапа. Его товарищ прошел к задней части грузовичка. Первый полицейский поднял голову и слабо улыбнулся.

— Чтоб мне провалиться!

— Привет, Тони.

— Не знал, что это ты, Рэд. Надеюсь, ничего серьезного не замышляешь?

Рэд пожал плечами.

— Так... мелочовка.

— Тони, — послышался голос сзади, — ты бы заглянул сюда.

— Гм-м... тебе придется выйти, Рэд.

— Конечно.

Он открыл дверцу и вылез наружу.

— Что там? — спросил Тони, направляясь к кузову.

— Смотри.

Второй полицейский приподнял край брезентового чехла. Теперь он принялся отвязывать его дальше.

— Знаю! Это винтовки из В-20, называются М-1.

— Ага. А видишь, что здесь сзади? Автоматы Браунинга. А это ящик с ручными гранатами. И полно патронов к тому же.

Тони вздохнул и повернулся.

— Ничего не объясняй. Я сам угадаю. Я точно могу сказать, куда ты направляешься. Ты все еще считаешь, что греки должны выиграть битву при Марафоне, и намерен им помочь.

Рэд сделал гримасу.

— Почему ты так думаешь?

— Тебя уже дважды на этом ловили.

— И вы просто наугад решили проверить меня еще раз?

— Вот именно.

— Хочешь сказать, что вам никто не шепнул на ушко пару слов?

Офицер помолчал, глядя в сторону.

— Никто.

— Отлично. Вы поймали меня вместе с товаром. Что будете делать?

— Во-первых, мы конфискуем весь груз. Хорошо, если бы ты помог нам разгрузить кузов и перетащить оружие в нашу машину.

— Расписку дадите?

— Проклятье, Рэд! Ты что, не понимаешь, насколько это серьезно?

— Понимаю.

— Согласен, у нас ничего не изменится, если ты добьешься своего. Но ты создашь новое ответвление Дороги. Или новый съезд.

— А что тут такого страшного, собственно?

— Ты можешь сказать, что и кто проникнет на Дорогу оттуда?

— По Дороге и без того бродит немало всякой всячины, Тони. Посмотри на меня хотя бы.

— Ну, ты уже зло изученное. Тебя все знают. Зачем тебе это новое ответвление, в конце концов?

— Потому что оно вначале было, однако теперь эта боковая дорога заблокирована. Я всего лишь пытаюсь восстановить стечение обстоятельств.

— Что-то я такого не припомню.

— Ты чересчур молод, Тони.

— Не понимаю тебя, Рэд. Ладно, помоги лучше выгрузить оружие.

— Хорошо.

Они начали перетаскивать ящики.

— Ты же знаешь, ты должен бросить это дело.

— Следить за подобными вещами — часть вашей работы, это я знаю, да.

— Тебе на все наплевать. А если бы ты открыл путь в какое-то по-настоящему мерзкое место, где полным-полно гадких тварей и у них оказалась бы способность путешествовать по Дороге? В хороший переплет мы все тогда бы угодили! Почему бы тебе действительно не бросить свою затею?

— Я ищу кое-что, чего другим способом не найти.

— Не возражаешь, если полюбопытствую, что именно?

— Возражаю. Это мое личное дело.

— И ты расстроил бы все движение ради исполнения собственной прихоти?

— Ага.

— Не стоило и спрашивать. Я ведь знаю тебя уже лет сорок. А для тебя это сколько получается?

— Пять или шесть, а может быть, тридцать. Какая разница? Ты, наверное, много сидишь в офисе в перерывах?

— Слишком много.

— Наверное, там и узнал о новых ответвлениях?

— Вообще-то я немного подковался в теории. Она куда сложнее, чем ты предполагаешь.

— Чушь! Если там была Дорога однажды, она может появиться и снова.

— Пусть будет по-твоему, но мы не можем тебе позволить своевольничать.

— Да люди каждый день так делают! С чего бы тогда они ездили по Дороге? Куда бы они ни направлялись, они так или иначе меняют картину ответвлений.

Тони шелкнул зубами.

— Я знаю, и лично мне становится страшно. Всю эту Дорогу нужно строже контролировать, установить посты...

— Но Дорога была здесь всегда, и те, кто по ней путешествует, они тоже здесь всегда. Мир продолжает существо-

вать, и Дорога продолжает — со дня творения и до конца, аминь. Так зачем все это?

— Я тебя знаю лет сорок или тридцать, а может, только пять или шесть. Ты не изменился. Я по-прежнему не могу найти с тобой общего языка... Ладно. Мы не в силах контролировать все движение, и за мелкими изменениями не уследишь. Но большие нарушения мы в состоянии пресечь, что мы и делаем. И ты вечно в них впутываешься... На этот раз отделаешься предупреждением.

— А что вы еще можете? Ничего! Как вы докажете, куда я направлялся с этим грузом? Пусть вы конфискуете мой груз, прочтете мне нотацию... но что еще? Надолго вы мне погоду не испортите. И это отнюдь не политика, не забота о безопасности. Вы преследуете меня лично, по какой-то причине. Отсюда вывод: кто-то на меня ополчился, и я хотел бы знать, кто и почему.

Тони покраснел. Его напарник прошел мимо с картонкой гранат.

— Ты становишься параноиком, Рэд, — наконец сказал Тони.

— Так-так. Может, подбросишь намек? — Рэд чиркнул спичку о коробку с патронами и раскурил сигару, не сводя глаз с лица офицера. — Кто бы это мог быть?

Тони посмотрел на второго полицейского.

— Давай перетащим, что осталось.

Остаток работы занял еще десять минут. После этого Рэду было разрешено сесть в кабину пикапа.

— Ладно, считай, я тебя предупредил, — сказал Тони.

Рэд кивнул.

— ...И будь осторожен.

Рэд снова кивнул — медленно.

— Благодарю.

Он смотрел, как полицейские сели в свой сияющий экипаж и как их машина скрывается из виду.

— Что все это значит?

— Тони оказал мне услугу, Цветы. Он специально искал меня, чтобы я знал — мы в беде.

— Какого рода?

— Об этом нужно подумать. Далеко до ближайшего места отдыха?

- Нет. Чуть дальше по Дороге.
 - Бери управление.
 - Ладно.
- Грузовичок дернулся и поехал.

Глава 2

Маркиз де Сад вошел вслед за Сандоком в огромных размеров здание.

— Я чрезвычайно вам благодарен, — говорил он, — и буду еще более признателен, если вы не выдадите меня Чедвику, ибо тот пребывает в уверенности, будто я занят сейчас чтением груды совершенно неудобоваримых рукописей. Поверьте, с тех самых пор как барон Кювье опубликовал свои размышления, я был увлечен предметом, я буквально сгорал от любопытства. Но я представить не мог, что увижу его своими собственными глазами.

Сандок усмехнулся и ввел маркиза в огромную лабораторию.

— Понимаю. Не беспокойтесь. Я люблю похвастаться работой.

Они приблизились к большому углублению в центре помещения и остановились у ограждающих поручней. Сандок поднял правую руку, и колодец внизу затопили потоки света.

Он стоял там, словно гигантская статуя, как необычных форм муляж для дешевого фильма, как внезапно материализовавшийся бред... И вдруг шевельнулся. Переступил с лапы на лапу и чуть опустил голову, чтобы не бил свет в глаза. Сбоку на его голове блеснула полоска металла, еще одна полоска виднелась ниже по хребту.

— Вид у них не очень-то привлекательный, — сказал Сандок.

Маркиз покачал головой:

— Челюсти бога! Он прекрасен! Скажите еще раз, как он называется?

— Царь тиранозавров.

— Похоже. О, как похоже! Прелесть! — С минуту Сад стоял неподвижно. Затем поинтересовался: — Как же вам

удалось раздобыть этого замечательного зверька? Я был уверен, что они жили в далеком прошлом.

— Верно. Аппарат на ядерном приводе шел над Дорогой очень и очень долго, пока не забрался вглубь.

— Значит, Дорога уходит в те самые времена... Поразительно! И как же вы перевезли существо таких размеров?

— А мы не перевозили. Посланная мной команда парализовала одного из них наркотической пулей и взяла образец ткани. Этот экземпляр был выведен методом клонирования, когда экспедиция вернулась в момент за пятнадцать лет до своего отправления. Вы видите, так сказать, искусственного двойника оригинального экземпляра.

— Превосходно, просто превосходно! Я ничего не понял, но это не играет роли, даже более того, усиливает очарование, создает загадочную атмосферу. А теперь расскажите, каким образом вы им управляете?

— Видите эти металлические паутинки на черепе и на позвоночнике?

— Да.

— Это решетки-импланты. Множество тончайших электродов соединяет их с нервной системой животного. Одну минутку...

Сандок отошел от колодца, взял с рабочего стола небольшую коробочку и нечто вроде корзинки из серебряной проволоки. Вернувшись, он показал предметы маркизу.

— Вот это, — произнес он, указывая на коробочку, — компьютер...

— Думающая машина?

— О, кто-то вас уже проинформировал. Да, в некотором смысле так. Кроме того, это еще и передающее устройство.

Он повернул выключатель. За окошком циферблата загорелся огонек. Больше ничего не произошло.

— Вы можете заставить тиранозавра делать все, что угодно... с помощью этого предмета?

— Даже более того.

Сандок надел корзину на голову, приладил ремешок.

— Куда как более, — повторил он, — потому что имеется обратная связь.

Рептилия вздернула голову, подняла глаза на Сандока.

— ...вижу двух людей, они смотрят на меня. У одного на

голове что-то блестящее. Сейчас я помашу им правой передней лапой. — Гротескно миниатюрная, по сравнению с остальными, передняя конечность слабо дернулась. — А сейчас я поприветствую их!

От рева затряслись приборы на рабочих столах и, казалось, содрогнулось все здание.

— Я должен, должен! — вскричал маркиз. — Должен попробовать! Молю вас, дайте мне попробовать!

Сандок усмехнулся и снял с головы излучатель.

— Пожалуйста. Все очень просто. Я покажу, как надевать...

Несколько минут маркиз заставлял чудовище маршировать по дну колодца, топать лапами, махать хвостом.

— Я действительно могу видеть его глазами!

— Это обратная связь, о которой я вам говорил.

— Боже... Он, должно быть, обладает феноменальной силой!

— Еще бы!

Прошло несколько минут.

— Мне поистине жаль прерывать такое удовольствие, — заметил наконец маркиз, — но, думаю, придется. Как это выключить?

— Смотрите, вот здесь.

Сандок снял излучатель, выключил управляющий блок.

— Я еще никогда не испытывал такого чувства власти, — промолвил де Сад. — Поразительное оружие, идеальный разрушитель. Почему не использовать его для убийства этого Доракина и не получить вознаграждение, назначенное вашим хозяином?

Сандок засмеялся:

— А вы можете себе представить, как тиранозавр поспешает вдоль Дороги к предполагаемому месту встречи, чтобы раздавить свою жертву?.. Нет, транспортировка была бы неразрешимой проблемой, даже если бы мы точно знали, куда нужно доставить зверя. Я никогда не намеревался использовать его таким образом. Слишком неуклюже.

— Согласен... когда вы мне объяснили. Мною овладело воображение — мститель-рептилия настигает свою жертву... И чувство, которое испытываешь в тот момент, управляя им...

— Гм-м... наверное.

— Хотя в действительности это лишь благородное пред-
приятие на благо развития наук.

— Едва ли. Применяемая здесь технология весьма стара
и ничего нового в науку не вносит. Любая информация,
которую можно получить таким способом относительно
самого зверя, может быть получена и простым наблюдени-
ем в естественных условиях. Нет, то, что вы видите перед
собой, — это исполнение моей прихоти. Вот почему я так
легко согласился показать его вам. У меня давно уже было
желание сделать нечто подобное просто так... ради раз-
влечения. Вот и все. Другого назначения у тиранозавра нет.
О, мои помощники, конечно, изучают его физиологию и
опубликуют полученные данные — тоже, в общем, какая-то
польза. После долгой и успешной карьеры я могу позво-
лить себе такую прихоть. Почему бы и нет?

— В некотором отношении мы гораздо ближе с вами,
чем я предполагал.

— Потому что я склонен к таким дорогостоящим раз-
влечениям?

Маркиз отрицательно покачал головой:

— Потому что вы наслаждаетесь чувством такой не-
обыкновенной власти.

Сандок выключил свет в колодце, отошел от поручней и
отвернулся.

— Ладно, в чем-то вы правы. — Проходя мимо рабочего
стола, он сложил туда принадлежности. — Теперь вам, на-
верное, лучше вернуться к рукописям.

— Увы! — вздохнул маркиз. — С Олимпа в Тартар путь
недалек.

Сандок улыбнулся:

— К тому же у него ненасытный аппетит...

Глава 1

Он въехал на покрытую гравием стоянку и направил пи-
кап к группе строений из тесаных бревен, перед которыми
выстроились ряды колонок для разных видов топлива.

— Как с бензином? — спросил Рэд.

— Половина бака. Плюс полный запасной.

— Останови вон там, под деревьями.

Пикап замер под развесистым дубом. Солнце уже успело почти скрыться за горизонтом.

— Мы где-то в В-16, правильно?

— Да. Ты собираешься здесь выйти?

— Нет, просто я подумал, что когда-то знал одного парня из этих краев. Пришлось срезать путь через Англию...

— Хочешь его проведать?

— Нет. Он сейчас... не здесь. Кроме того, я проголодался. Составь мне компанию.

Рэд вытащил из-за приборной панели экземпляр «Цветов зла».

— Куда же он отправился? — послышался голос книги.

— Кто?

— Твой друг.

— О, далеко. Да, он отправился очень далеко.

Рэд открыл дверцу и вылез. Воздух был прохладный и зябкий.

В столовой царил полумрак, большую люстру еще не зажигали. Столы были без скатертей, деревянные — так же, как и пол. В камине, в дальнем конце комнаты, потрескивали горящие поленья. Окна имелись только в стене фасада.

Рэд осмотрел посетителей. Перед большим окном сидели две пары, на вид довольно юные, по одежде и по разговору — выходцы из второй половины В-21. Судя по одежде хрупкого юноши, сидевшего справа, тот был родом из викторианской Англии. Спиной к ближайшей стене сидел черноволосый мужчина в черных брюках и сапогах и в белой рубашке. Он ел цыпленка, запивая вином. На спинке стула висела серая кожаная куртка. Слишком неопределенный наряд.

Рэд прошел к самому дальнему столу и сел спиной к углу, положив «Цветы зла» на стол и раскрыв книгу наугад.

— Блажен мечтающий: как жаворонков стая, вспорхнув, его мечты взлетают к небу вмиг, — донесся со страниц тоненький голос.

Рэд быстро поднял книгу, закрыв ею лицо.

— Именно, — ответил он шепотом.

— Но ты хочешь большего, так?

— Всего лишь тихий уголок, дабы преклонить голову.

— И где же ты его отыщешь?

— Будь я проклят, если знаю.

— Никогда, собственно, не понимала до конца, зачем тебе...

К столу подошел высокий седоволосый официант.

— Что будет угод... Рэд!

Рэд поднял глаза, вглядываясь:

— Джонсон?..

— Ну!.. Великий боже! Сколько лет прошло!

— Разве? Ведь ты работал раньше несколько ниже по Дороге, так?

— Да. Но мне здесь больше по душе.

— Рад, что ты нашел хорошее место. Слушай, цыпленок, что вон у того парня, очень аппетитный на вид, — Рэд кивнул в сторону темноволосого, — и пиво вроде. Я закажу то же самое. Кстати, кто он такой?

— Впервые вижу.

— Ладно, пиво принеси сразу.

— Хорошо.

Рэд вытащил из потайного кармана новую сигару, осмотрел ее со всех сторон. Джонсон приостановился, глядя на него.

— Хочешь показать фокус?

— Какой фокус?

— Я однажды видел, как ты вытащил из кармана уголек и прикурил сигару. Ты не обжегся.

— Рассказывай!

— Не помнишь? Несколько лет назад... Если только тебе не предстоит еще этому научиться. Ты тогда выглядел старше. Было это примерно на пол-В ниже по Дороге.

Рэд покачал головой:

— Какая-то детская шутка. Я с этим давно покончил.

Неси скорее пиво и цыпленка.

Джонсон кивнул и вышел.

К тому времени, когда Рэд управился с ужином, зал успел наполниться. Зажгли свет, стало довольно шумно.

Он подозревал Джонсона, расплатился по счету и вышел из-за стола.

Снаружи уже совсем стемнело и сильно похолодало. Рэд повернул направо, направляясь к своей машине.

— Тихо, — донесся голосок из книги, которую он нес с собой.

— Да, я...

Удар совпал со вспышкой и звуком выстрела.

Не думая о ранении, Рэд бросился в сторону. Последовал второй выстрел, но он ничего не почувствовал. Швырнув «Цветы зла» в сторону смутно видневшегося силуэта стрелка, он побежал к пикапу и, распахнув дверцу со стороны пассажирского сиденья, бросился на пол. Нащупывая под сиденьем спрятанный там револьвер сорок пятого калибра, он услышал шаги по гравию с другой стороны машины.

Откуда-то издали донесся выкрик:

— А ну-ка стой, приятель! Ты на мушке!

Последовали выстрел и тихое проклятие — как раз когда пальцы Рэда сомкнулись на рукоятке револьвера. Он выстрелил один раз в открытое окно со стороны водителя — чтобы прикрыть отход. Потом выполз, пятась, из кабины и присел.

В доме распахнули дверь, оттуда доносился шум голосов. Кто-то что-то выкрикнул встревоженно, однако выходить никто не решался.

Стараясь держаться пониже, Рэд добрался до заднего бампера и, опустившись на четвереньки, выглянул. Никого... Он прислушался, не захрустит ли гравий, — все было тихо.

Рэд выполз из-за бампера и двинулся на левую сторону пикапа.

— Он впе'еди, бе'ет вп'аво, — послышался громкий шепот.

Тут же в указанном направлении послышался хруст подошв по гравию.

Рэд бросил камешек вправо от себя. Тишина.

— Похоже, ничья, — крикнул он на дорожном линго. — Может, поговорим?

Тишина.

— Держишь на меня зуб? Особая причина для охоты? — попробовал он опять.

Снова тишина.

Рэд обогнул левый угол машины и осторожно начал двигаться на корточках, переставляя ноги одну за другой, бесшумно перенося вес.

— Он отошел к де'евьям. Де'жит тебя на п'ицеле.

Рэд переложил оружие в левую руку, правой дотянулся до приборной панели через опущенное стекло дверцы, повернул выключатель фар и бросился на землю, вглядываясь в тени между деревьями. Выстрел оттуда продырявил ветровое стекло как раз напротив места водителя.

С того места, где он упал, Рэд увидел силуэт стрелка, поспешившего укрыться среди деревьев, и выстрелил. Человек дернулся и упал, скользя по стволу дерева. Пистолет выскальзывал из его пальцев, но он успел выстрелить еще раз. Потом человек завалился на бок, рухнул на землю и зас- тыл.

Рэд поднялся и медленно приблизился, не опуская ре- вольвера.

Черные брюки, черная куртка, в нижнем квадрате своем продырявленная и протекающая... Тот самый тип, которого он видел в зале столовой сегодня, — сидел спиной к стене. Рэд обхватил его рукой за плечи, приподнял голову. На губах мужчины появился розовый пузырек пены от кро- ви. Он застонал, когда его приподняли. Глаза приоткры- лись.

— Зачем? — спросил Рэд. — Зачем ты в меня стрелял?

Мужчина слабо улыбнулся:

— Пожалуй, я тебя покину — чтобы тебе было о чем по- думать...

— Но тебе-то от этого лучше не станет, — заметил Рэд.

— Мне в любом случае хреново, — отозвался стреляв- ший. — И потому — черт с тобой!

Рэд ударил его по губам, размазывая кровавую слюну. За спиной он услышал протестующий возглас — вокруг соби- ралась толпа.

— Говори, сукин сын! Или так просто я не дам тебе отойти!

Он ткнул человека в солнечное сплетение неподалеку от раны.

— Эй! Прекратите! — потребовал голос из-за спины.

— Говори!

Но мужчина застонал, протяжно вздохнул и перестал дышать.

Рэд замолотил его по груди.

— Ну-ка вернись, ты, мерзкий подонок!

На его плечо легла рука, и он стряхнул ее.

Стрелявший не реагировал. Рэд отпустил мертвеца и начал шарить по его карманам.

— Наверное, не следует вам это делать, — произнес за спиной другой голос.

Не найдя ничего интересного, Рэд поднялся.

— На чем приехал этот парень? — спросил он.

Последовали неразборчивые реплики.

— Он путешествовал автостопом, — сказал наконец джентльмен-викторианец.

Рэд повернулся. Англичанин смотрел на мертвого, слабо улыбаясь.

— Откуда вы знаете?

— Я видел, как его подвезли, — ответил англичанин, доставая шелковый платок и вытирая лоб.

— На какой машине?

— Черный «Кадиллак», похоже, из В-20.

Человек посмотрел на труп, провел языком по губам и снова улыбнулся.

— Вы заметили, кто еще был в машине?

— Нет.

Подошел с куском парусины Джонсон и накрыл тело. Выпрямившись, тронул Рэда за плечо.

— Я выставлю мигалку, — сказал он. — Но кто его знает, когда сюда доберутся полицейские. Ты должен задержаться и дать показания. Понимаешь?

— Хорошо, я подожду.

— Пойдем тогда. Я отведу тебя в комнату и дам что-нибудь выпить.

— Ладно. Одну минуту.

Рэд вернулся на стоянку и отыскал книгу.

— Пуля пов'едила мне динамик, — услышался посвистывающий голос.

— Знаю. Постараюсь достать тебе новый, самый лучший. Спасибо за помощь и за то, что ты его отвлекла.

— Надеюсь, оно того стоило. Почему он ст'елял в тебя?

— Не знаю, Цветы. У меня такое впечатление, что это просто наемник, киллер. Тогда здесь замешан синдикат. Но если так, я понятия не имею, какая существует связь между мной и его нанимателями.

Рэд сунул книжку в карман и пошел вслед за Джонсоном.

Глава 2

Рэнди заметил, как на Дорогу выезжает голубой пикап, и направил машину к стоянке.

— Это здесь? — спросил он.

Лейла кивнула, не отрываясь от чтения «Листьев травы».

— В моем видении это было в Африке, — ответила она. — Но теперь мы в реальном времени, и я не знаю, насколько мы вышли из фазы.

— Переведи.

— Он мог еще не приехать. Или уже уехал.

Рэнди поднял ручник.

— Ты подожди, а я схожу проверю, — сказала она, бросив книгу на заднее сиденье и открывая дверцу.

— Хорошо.

— Рэнди?

— Что, Листья?

— Очень энергичная женщина, правда?

— Я тоже так думаю.

— Она привлекательная?

— Да.

— И властная к тому же.

— Она лучше меня разбирается в том, что мы делаем.

— Верно, верно... А это кто?

Какой-то старик, на грязной тунике которого еще можно было разглядеть крест крестonosца, прихрамывая, подошел к машине, вытащил из-за пазухи замазленную тряпку и принялся вытирать фары, потом перешел на ветровое стекло, напевая себе под нос. Он плюнул на прилипшую к

стеклу мертвую бабочку, соскреб ее ногтем большого пальца, потер это место тряпкой.

Наконец подошел к Рэнди, улыбнулся и кивнул.

— Хороший денек, — сказал он.

— Неплохой.

Рэнди выудил из кармана четвертак и передал его старику. Старик принял монету и еще раз кивнул.

— Спасибо, сэр.

— Вы похожи... на крестоносца.

— Я и есть крестоносец, — сказал старик на дорожном линго. — Или был. Свернул не в ту сторону в каком-то месте и уже не сумел найти обратного пути. Человек ведь не виноват, если он заблудился, а? Кроме того, мне сказали, что поход уже закончен и мы победили. А потом другой путешественник сказал, что мы проиграли. Так или иначе, глупо было бы сниматься с места — мне здесь нравится. Как-нибудь сюда заедет на черном «Кадиллаке» епископ, и я попрошу, чтобы он освободил меня от клятвы. А пока что мне разрешают спать на заднем дворе, а повар дает еды. — Он подмигнул. — И удастся раздобыть немного мелочи на стаканчик каждый вечер. Не жизнь, а красота, такого у меня никогда не было. Зачем лезть в драку, когда война уже и так кончилась?

Рэнди покачал головой.

— А вы, часом, не знаете?

— Чего не знаю?

— Кто победил?

— В походах?

Старик кивнул.

Рэнди почесал кончик носа.

— Ну... в моих учебниках говорилось, что всего было четыре больших Крестовых похода и несколько мелких. Что же до победивших...

— Так много!

— Ага. Иногда вашим парням удавалось взять верх, иногда наоборот. Были всякие интриги, предательства... Походы положили начало обширному культурному обмену, возрождению греческой философии на Западе. Они...

— К дьяволу философию, молодой человек! В твоё время кому принадлежала Святая земля — нам или им?

— В основном им...

— А наши земли? Кто ими владеет?

— Мы, но...

Старый солдат усмехнулся:

— Тогда никто не победил.

— Не все так просто. Никто ведь и не проиграл. На вопрос нужно смотреть в более широком аспекте.

— Чушь! Это тебе, может, легко говорить про аспект. А я вовсе не намерен возвращаться назад и получить ради этого аспекта кривой саблей пониже глаза, сынок. Пусть Луи заботится о походе, мне куда приятней вытирать стекла в твоей дьявольской колеснице и накачиваться каждый вечер — теперь, когда я знаю, что никто не победил.

— Я понимаю вашу точку зрения, хотя вы и утратили чувство исторической перспективы. Но неверно утверждать...

— Совершенно верно, черт побери! Если тебе повезет, кто-нибудь с верхнего участка Дороги окажет тебе подобную услугу. Ему и рассказывай об историческом процессе, так-то вот... — Старик подбросил монету на ладони. — Храни веру, парень.

Он повернулся и захромал прочь.

— Интересно... — пробормотал Рэнди.

Листья на сиденье начала что-то напевать. Потом она поинтересовалась:

— Тебе отчего-то грустно?

— Наверное, не знаю. Почему ты спрашиваешь?

— Я наблюдала за частотой твоего пульса, дыхания, кровяным давлением. Все показатели повышены. Вот почему.

— Выходит, от тебя ничего не утаишь? Я думал о том, что все страсти неудавшегося Крестового похода — или несчастной любви — лишь краткий миг на геологических часах.

— Верно. Но если ты не гора и не ледник, какое это имеет значение? — Пауза. — Ты оборвал такого рода отношения в недалеком прошлом?

— Пожалуй, можно сказать и так...

— Печально. А может, и нет — по-всякому случается. Ты...

— В сущности, этому не должно было быть продолжения. И все же я ощущаю утрату... Почему я это все тебе говорю?

— С кем-то ведь надо поделиться. Ты должен быть осторожней. В такие моменты человек часто стремится восполнить потерю чем-то новым и в спешке забывает о благородии. Человек...

— А, вот и Лейла идет, — сказал Рэнди.

— Ах.

Наступила тишина.

Рэнди затянулся сигарой. Он полюбовался облаками, отражающимися в полированном капоте. Потом посмотрел в сторону ряда невероятных экипажей, выстроившихся на стоянке, словно экспонаты в фантастическом музее транспорта.

— Я не чувствую ее приближения, — сказала Листья немного погодя.

— Извини, я ошибся.

Последовал ряд невнятных звуков.

— Это ты меня извини, Рэнди, я не собиралась вмешиваться.

— Ничего, все в порядке.

— Я только хотела...

— Она уже идет.

— Хорошо. Я просто... Извини.

Лейла распахнула дверцу, влезла в машину и взяла сигару из его пальцев. Глубоко затянувшись, она устало обмякла в кресле.

— Очевидно, тебе не... — начал он.

— Тсс! Мы идем почти бампер в бампер. Вот только нового адреса они не оставили. Я должна снова посмотреть.

Ее взгляд затерялся в клубах дыма. Лицо Лейлы на несколько секунд стало совершенно спокойным, потом последовала быстрая смена выражений, которые Рэд не в силах был уловить.

— Заводи мотор, едем! — приказала она.

— Куда?

— Вниз по Дороге. Я узнаю поворот, когда мы его увидим. Поехали!

Рэд вырулил с территории стоянки, повернул к въезду на Дорогу.

— Я начинаю понимать...

— Что?

— Кто мы такие, — сказала она, возвращая сигару.

Глава 1

Рэд скатился с кровати, нащупал одежду.

— Эй! Дерьмовый из тебя детектор дыма!

— Этот конту' тоже, наверное, был пов'ежден.

Рэд вытащил маленький плоский фонарик из кармана куртки, пока натягивал ее, и обвел комнату лучом, но дыма не заметил. Поднявшись, он направился к двери, втянул носом воздух.

— Пожалуй, не следовало бы...

Открыв дверь, Рэд вышел в холл, снова принюхался и двинулся влево.

Здесь! Следующая комната!

Он подбежал к двери, постучал, подергал ручку. Заперто.

— Проснитесь!

Отступив на шаг, он ударил ногой в область замка. Дверь распахнулась. Выползли клубы дыма.

Ворвавшись в комнату, Рэд увидел горящую кровать и женщину с улыбкой на устах, очевидно, спящую.

Согнувшись, он поднял ее с охваченной огнем постели и отнес в сторону. Опустив женщину на пол (одежда ее все еще тлела), вернулся к кровати и начал сбивать пламя ковриком.

— Эй! — окликнула его женщина.

— Тихо! — велел он. — Я занят.

Женщина поднялась на ноги, не обращая внимания на свою тлеющую одежду, и смотрела, как Рэд сражается с пламенем. Потом, когда подол ее платья по-настоящему запылал, небрежным движением она распустила повязку позади шеи и позволила платью упасть на пол. Переступив круг огня, женщина подошла к Рэду.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Хочу погасить твой костер! Ты что, курила в постели?

— Да. И пила тоже. — Она присела и извлекла из-под кровати бутылку. — Пусть себе горит. Давай лучше выпьем и будем смотреть на огонь.

— Лейла, не путайся под ногами.

— Хорошо, Рейд, хорошо. Как скажешь.

Она отошла, опустилась в просторное кресло, поглядела по сторонам, снова встала, шагнула к туалетному столику, зажгла от горевшей там свечи фитиль масляной лампы и вернулась в кресло, прихватив кубок.

В холле слышались быстрые шаги. Человек остановился у двери.

— Как твои дела? — раздался голос Джонсона.

— Кровать загорелась, — ответил Рэд. — Уже все в порядке.

— Матрац смело выбрасывай в окно, когда сможешь к нему подобраться. Там внизу только гравий.

— Я так и сделаю.

— Комната номер семнадцать свободна, мисс Лейла. Перейдете туда?

— Спасибо, мне и здесь хорошо.

Рэд подошел к окну и раздвинул ставни. Вернувшись к кровати, он свернул матрац, поднял его и выкинул в наполненный звездами проем.

— Я пришлю новый матрац и белье, — сказал Джонсон.

— И еще одну бутылку, пожалуйста.

Джонсон, вошедший было в комнату, вышел обратно в холл, покашливая.

— Хорошо. Только не понимаю, как вы там дышите.

Рэд смотрел в окно. Лейла откупорила бутылку, в холле слышались удаляющиеся шаги Джонсона.

— Ты будешь, Рейд?

Он повернулся и подошел к ней. Она протянула ему кубок.

— Твое здоровье, — произнес он и отпил глоток.

Она фыркнула и присосалась к горлышку.

— Женщине это не идет. Давай меняться.

Лейла засмеялась:

— Чепуха. Мне кубок не нужен... Твое здоровье. Ну, как?

— Питье или здоровье?

— И то, и другое.

— Бывало получше, бывало похуже — и то, и другое. Ты что здесь делаешь, Лейла?

Она пожала плечами:

— Пью. Проворачиваю кое-какие комбинации. А что делаешь ты? Все едешь вдоль Дороги, надеешься найти не обозначенный поворот — или самому начать новый?

— Вроде того. Довольно долго я считал, что ты нашла истинный путь. Обнаружить тебя здесь — как бы это выразиться? — большое разочарование.

— А я умею производить такое впечатление, правда?

Рэд вытащил из кармана куртки сигару, подошел к свече и прикурил.

— Найдется еще одна?

— Найдется.

Он передал ей зажженную сигару, закурил для себя новую.

— Зачем ты это делаешь?

Дым завивался в спирали над ее головой.

— А что, собственно, я делаю?

— Да ничего! Тратишь жизнь, вместо того чтобы искать.

— Поскольку ты спрашиваешь, — сказала она, вновь приложившись к бутылке, — то я отвечу. Я побывала всюду на этой чертовой Дороге — от неолита до В-30. Я прошла по всем боковым путям, по всем тропкам, вплоть до кроличьих дорожек. Меня знают в тысячах земель под тысячей разных имен. Но ни в одной из них я не нашла того, что искала, что ищем мы.

— И даже не почувствовала приближения? Даже близко не подходила?

Лейла повела плечами.

— Я ощущала приближения: некоторые весьма схожие, другие — совершенно незабываемые. И все не то. Осталось только сделать вывод, что место, которое я когда-то искала, больше не существует.

— На свете существует все, нужно только уметь найти.

— Значит, нам туда нет пути, по крайней мере, отсюда.

— Не верю.

— Тогда скажи мне, стоит ли оно того? Стоит ли оно

растраченной в поисках жизни, если можно отправиться куда угодно, делать все, что тебе захочется?

— Например, пить и проворачивать кое-какие комбинации? Или поджигать постель?

Она выпустила колечко дыма.

— Я занималась ничем, как ты сказал, целый год. И с каждым днем это занятие все легче. И результат тот же самый. Я истратила запас энергии. Я ведь по натуре страшно ленивая. Так приятно сказать себе: «Хватит, это бесполезно!» Вот почему бы тебе не присоединиться ко мне? Чего ты достиг, несмотря на все усилия? Мы могли бы, по крайней мере, утешить друг друга.

— Не хочу сдаваться.

Как раз в этот момент пришли слуги с комплектом постельного белья и бутылкой. Рэд и Лейла молча курили, глядя, как они работают.

Когда прислуга удалилась, она сказала:

— Много денег и возможность спать сколько вздумается — ничего лучше в жизни не существует.

— А меня интересуют некоторые вещи в промежутках.

— И что это тебе дало? — спросила Лейла, поднимаясь с кресла. — Черную метку?

Она подошла к окну и выглянула наружу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он наконец.

— Ничего.

— А мне все же показалось... Ну-ка, продолжай, что ты видела?

— Я не говорила, что видела. — Лейла повернулась к нему. — У нас новая постель. Предлагаю опробовать.

— Не увливай. Я знаю, твои видения куда лучше моих.

Она облокотилась о подоконник и сделала хороший глоток из бутылки.

— И отойди от окна. Того и гляди, выпадешь.

— Вечный старший братец, — пробормотала Лейла, но от окна отошла и уселась на кровати. Бутылку она поставила рядом на пол и начала дымить сигарой. Ее лицо почти скрылось в облаках дыма, глаза блуждали.

— Вижу... — начала она и вдруг замолчала.

— Видишь, — повторил настойчиво Рэд.

— Ты идешь сквозь туман. Чем ближе ты к смерти, тем он гуще. И ты сам хочешь этого! Я видела десять черных птиц, преследовавших тебя, а теперь их только девять...

— Черная десятка! — прошептал Рэд. — Кто ее объявил?

— Большой... большой грузный человек. И поэт. Да, он поэт. Конечно!

— Чедвик?

— Толстяк Чедвик, — согласилась Лейла и потянулась к бутылке.

— Почему, когда и как? — спросил Рэд.

— Что ты хочешь от одного паршивого видения?

— Чедвик, — повторил Рэд и осушил кубок. — Не так уж это невероятно. Многие точат на меня зуб, но мало у кого есть средства пустить его в ход... Тони кое-что знал, получается. Значит, он вышел на них тоже... и, следовательно, на полицию мне рассчитывать нечего. Выходит, дело приняло официальный характер.

Он поднялся, взял бутылку и подлил вина в свой кубок.

— Что будешь делать, Рейд?

Он сделал глоток.

— Двигаться дальше.

— Отлично. Я еду с тобой. Тебе понадобится помощь.

— Не-а. Не сейчас. Благодарю.

Она подняла бутылку и швырнула ее в окно. Зеленые глаза Лейлы сверкнули.

— Не строй из себя рыцаря. Я по-прежнему один из самых крепких орешков, которые тебе только приходилось встречать. Ты прекрасно понимаешь, что я могу тебе помочь.

— В любое другое время я был бы просто счастлив, ты же знаешь. Но не сейчас, когда на меня объявлена черная десятка. Черт побери, один из нас должен выжить — пусть только затем, чтобы отомстить за другого.

Неожиданно она растянулась на постели.

— О, тебе бы этого очень хотелось, верно? И чтобы это была я, так ведь?.. Мне нужно поспать. Я не могу тебя принудить, но ответ твой меня не устраивает. Делай, как считаешь нужным, Рейд, а я сделаю по-своему. Спокойной ночи.

— Ты зря волнуешься, будь благоразумна.

Лейла начала похрапывать.

Он допил вино, погасил лампу и поставил кубок на туалетный столик. Затворив за собой дверь, вернулся в свою комнату и начал собираться.

— Мы го'им?

— Нет, Цветы, мы уезжаем.

— Что случилось?

— Нужно поскорее отсюда уезжать.

— Ты уже дал показания полиции относительно этого вече'а?

— Проклятье, если мы не уберемся отсюда вовремя, показания будут давать относительно меня! Парень, которого я застрелил... никакой он не псих. На меня объявили черную десятку.

— Это что такое?

Рэд натянул ботинок и начал его зашнуровывать.

— Я называю это вендеттой. Мой враг имеет право сделать десять попыток убить меня. Если он десять раз промахнется, игра кончена. Это своего рода игра. Прошлым вечером противник использовал первый шанс.

— А ты можешь отвечать?

— Конечно. Если знать, куда бить. А пока что лучше смываться. Дорога велика. Игра может продолжаться всю жизнь. В сущности, так оно и есть...

— А полиция?

— Полиция не вмешивается, если дело принимает официальный оборот; отвечает за все Комитет Игр. И даже если бы они хотели, они мало что смогли бы сделать. Большая часть полицейских родом из периода В-23 — В-25. Слишком цивилизованные. В дальних зонах Дороги от них не много проку.

— Тогда давай отп'авимся выше по дороге, туда, где они сильнее, и найдем на'ушение в п'авилах иг'ы.

— Не выйдет. Враг живет как раз в той области, и полиция наверняка у него в кармане. По-моему, именно это Тони и пытался мне сообщить. Кроме того, их основная функция — контроль за дорожным движением. Нет, мы поедем в другую сторону.

— Ты уже знаешь, кто за этим стоит?

— Знаю — один мой старый дружок. Когда-то мы были партнерами. Идем.

— Не 'асплатившись?

— Как в старые дни.

— Меня тогда с тобой не было.

— Ничего, я мало изменился.

Он тихо затворил дверь и направился к лестнице черного хода.

— Рэд?

— Тсс!

— Че'т тебе, а не тсс!.. Как они могли узнать, что ты остановишься здесь? Ты ведь сам в последний момент только 'ешил.

— Я об этом уже думал, — прошептал Рэд.

— 'азве что кто-то знал, где ты в последний 'аз зап'авлялся и 'ассчитал все возможные места остановки.

— И везде посадил своих людей? Брось!

— Ну, по к'айней ме'е в самых ве'оятных. Этот Чеврик мог себе такое позволить?

— В общем, да...

— Тепе' ему п'идется пот'атить го'аздо больше — ведь ты уже понял, откуда вете' дует и пе'вый 'аз ускользнул, ве'но?

— Пожалуй. Но если вдуматься, он меня чертовски хорошо знает. Организовав конфискацию моего груза, он наверняка сообразил, что я заверну на ближайшую стоянку, чтобы обдумать положение.

— Не исключено. Хочешь 'искнуть?

— Рискнуть? В смысле, что на следующей остановке кто-то нас уже ждет, и на следующей, и так далее?

— Это ведь возможно, так?

— Да, ты права. Я отвлекся, думая о более насущном. Этот парень, который должен был меня убить... Наверняка планировалось подобрать его в условленном месте после выполнения работы. А он не явился. Значит, они уже знают, что попытка сорвалась и что я до сих пор здесь. Как потвоему, что они сделают?

— Т'удно сказать.

— Могут они поджидать сейчас снаружи?

— Вполне. Тогда и че'рный ход пе'ек'ыт.

— Ну. Поэтому мы сначала хорошенько оглядимся, а потом рванем к деревьям. Хотя скорее они следят за моим пикапом — из-за деревьев или из другой машины. Поэтому пойдем окружным путем.

Рэд нащупал дверь, пробормотал проклятье (дверь оказалась тяжелой и без оконца), чуть приоткрыл ее, выглянул наружу. Приоткрыл еще немного...

— Никого. Теперь соблюдай молчание — если не понадобится предупредить об опасности. Жаль, что я не захватил наушники.

— Ты ведь ско'о починишь мне динамик?

— Немного выше по Дороге есть, кажется, одно место, где могут это устроить, а заодно и новое ветровое стекло вставят.

Рэд распахнул дверь и бросился под прикрытие деревьев — метрах в пятнадцати. Добежав до ближайшего дерева, он ухватился рукой за ствол, развернулся и присел в тени у основания ствола. Несколько секунд не шевелился. Тишина. Ни выстрелов, ни прочих звуков. Тогда он начал пробираться в гущу деревьев, ощупывая руками путь. Наконец свернул направо и обогнул задний двор гостиницы, продолжая ползти.

В комнате Лейлы было темно. В воздухе до сих пор стоял запах горелой набивки матраца.

Рэд двинулся вперед, пока вся стоянка не оказалась как на ладони. В свете луны и отдельных звезд видно было, что новых машин не появилось. Тем не менее он продолжал оставаться под защитой деревьев, продвигаясь к тому месту, где лежал наемный убийца — по-прежнему под простыней, только придавленной кем-то к земле камнями.

Он приник к земле рядом с телом, сжимая в руке револьвер, рассматривая свой пикап. Прошло десять минут, пятнадцать...

Рэд двинулся вперед. Обогнул грузовичок, проверяя, все ли в порядке, потом влез в кабину со стороны водителя. Книгу положил в гнездо под приборной панелью и приготовил ключ зажигания.

— Стой! Не пово'ачивай!

— Почему?

— Я чувствую, что по сети идет слабый ток.

— Бомба?

— Возможно.

Ругаясь, Рэд вылез наружу, поднял капот. Вытащив фонарик, начал осмотр. Немного погодя он опустил крышку и залез обратно в кабину, по-прежнему чертыхаясь.

— Таки бомба?

— Да.

Он завел двигатель.

— Что ты с ней сделал?

— Закинул в лес.

Рэд выжал сцепление, дал задний ход, развернулся и направил машину к выезду с площадки, задержавшись только для того, чтобы наполнить доверху бак.

Глава 2

Свою машину он оставил на стоянке в нескольких днях пути — и в целых мирах оттуда. Чрезвычайно высокий и худощавый, с пышной прядью темных волос над крутым лбом, в одежде излишне яркой для гор Абиссинии. На нем были парусиновые брюки багряного цвета и багряная же рубашка. Даже ботинки и ремень были сделаны из окрашенной в густой багрянец кожи — так же как и вместительный рюкзак. Несколько перстней с аметистами украшали его необычно длинные пальцы. Неустрашимо покоящийся горные вершины, явно безразличный к холодным ветрам — этакий поэт-романтик, Вильгельм Мейстер в годы его странствий, вот только до девятнадцатого века оставалось еще восемь столетий.

Глубоко впавшие глаза горели на его казавшемся почти истощенным лице. Он поискал взглядом известные ему скрытые ориентиры и нашел их. Он шел без отдыха целый день, даже ел на ходу. Но сейчас остановился, так как два далеких горных пика оказались на одной линии и конец пути был уже недалек.

В полукилометре впереди тропа расширялась, образуя

нечто вроде насыпи, уходившей в сторону гор. Он снова зашагал, уже в том направлении, и, достигнув плоской насыпи, вступил в ущелье. По обе стороны поднимались скалистые стены.

Пройдя немного дальше, он сквозь деревянные ворота вошел в небольшую долину. Коровы щипали траву, у дальнего конца долины виднелось озеро. Где-то на полпути стоял загон для скота, рядом зиял вход в одну из пещер. Перед входом сидел невысокий, лысый, очень смуглый человек — невероятно толстый; его мясистые пальцы нежно касались куска глины, вертевшегося на ножном гончарном круге.

Толстяк поднял голову и посмотрел на пришельца, который приветствовал его по-арабски.

— Да пребудет с тобой мир, — ответил он на том же языке. — Входи и освежись после дороги.

Незнакомец в пурпурном приблизился.

— Благодарю.

Он сбросил рюкзак и присел на корточки рядом с толстяком.

— Меня зовут Джон.

— А я — Мондамей, гончар. Прости меня. Не хочу показаться невоспитанным, но сейчас я не могу покинуть этот горшок. Мне понадобится еще несколько минут, чтобы придать ему надлежащую форму. Тогда я принесу тебе еду и питье.

— Не спеши, — сказал пришелец, улыбаясь. — Не каждому выпадает удовольствие увидеть великого Мондамея за работой.

— Ты слышал обо мне?

— Кто не слышал о твоих горшках — совершенных по форме, украшенных небывалой глазурью?

Мондамей не выказал никаких чувств.

— Ты очень добр, — заметил он.

Немного погодя гончар остановил круг и поднялся на ноги.

— Извини меня, — сказал он.

У него была странная шаркающая походка. Джон, опустив руку глубоко в карман пурпурного одеяния, проводил толстяка взглядом.

Мондамей вошел в пещеру, а через несколько минут вернулся с накрытым подносом в руках.

— Я принес тебе хлеба, сыра и молока. Извини меня за то, что не приму участия в трапезе, так как я только что поел.

Он наклонился — с легкостью и грацией, несмотря на массивное тело, — и поставил поднос перед незнакомцем.

— На обед я зарезу козла... — начал было Мондамей.

Рука Джона взвилась с неуловимой глазу скоростью. Невероятно длинные пальцы вошли в плоть Мондамея под правой лопаткой. Проникнув глубже, они вырвали кусок плоти. В это время зажатый в правой руке маленький ключ уже стремительно двигался к обнажившемуся участку блестящего металла. Ключ вошел в гнездо и повернулся.

Мондамей застыл. Где-то в недрах его согнутого туловища послышалась серия быстрых щелчков.

Джон отнял руку, отодвинулся в сторону.

— Ты больше не гончар Мондамей, — сказал он. — Я частично активизировал тебя. Прими вертикальное положение.

Мягкое жужжание и едва слышное потрескивание раздалось внутри стоящей фигуры. Мондамей медленно выпрямился и опять застыл.

— Прими первоначальный облик.

Фигура медленно подняла руки, коснулась пальцами затылка. На секунду пальцы застыли, потом двинулись вперед и в сторону, стягивая с обнажившейся металлической пирамиды темную псевдоплоть. Пирамида была многоступенчатая, со множеством линз. Потом руки передвинулись к шее, нажали, потянули... Металл. Снова металл, и кабели, и кварцевые окошки, за которыми прыгали и мигали огоньки, и пластинки, и решетки, и сопла...

Через две минуты вся фальшивая плоть была удалена. И тот, кого раньше звали Мондамей, стоял перед высоким худощавым пришельцем, сверкая, помигивая, потрескивая и вспыхивая.

— Открой доступ к Блоку Один, — приказал человек.

Из грудной пластины автомата выдвинулся ящик, напоподобие ящичка магазинной кассы. Джон наклонился впе-

ред, и пальцы, на которых посверкивали аметисты, произвели манипуляции с приборами управления.

— Зачем ты делаешь это со мной? — спросил Мондамей.

— Теперь ты полностью активизирован и должен мне подчиняться. Верно?

— Верно. Зачем ты сделал это со мной?

— Закрой доступ к Блоку Один и займи то место, которое занимал, когда пришел я.

Мондамей повинувался.

Джон уселся и начал есть.

— Почему я тебя активизировал? — произнес он через некоторое время. — Потому, — ответил он сам себе, — что сейчас я единственный человек в этом мире, который знает, что ты такое.

— В отношении меня много было совершено ошибок...

— В этом я уверен. Не знаю, существуют ли параллельные миры будущего, но к тому времени, из которого я прибыл, ведет множество вариантов прошлого. Не все они доступны. Когда по второстепенным дорогам никто не ездит, они зарастают. Разве ты не знаешь, что время — это супермагистраль с бесчисленным количеством въездов, основными трассами и обходными путями; к тому же схемы дорог постоянно меняются, и лишь очень немногие могут отыскать въезд...

— Я знаю об этом, хотя не отношусь к числу тех, кто способен не заблудиться.

— Откуда ты знаешь?

— Ты не первый путешественник такого рода, с которым я встречаюсь.

— Да, здесь, в твоём ответвлении, гипотеза, над которой разумные люди в моём мире откровенно смеются, оказалась верной. А именно: в далёком прошлом Землю посетили представители другой цивилизации, оставившие после себя многочисленные предметы. Ты — один из таких артефактов, так?

— Так.

— Далее, мне известно, что ты являешься фантастически изошрённой машиной-убийцей. Ты был предназначен для уничтожения чего угодно — от одного-единственного вируса до целой планеты. Так?

— Так.

— Тебя не взяли с собой, оставили здесь. И, поскольку никто не понимал твоей функции, ты принял решение замаскироваться, вести тихую простую жизнь. Так?

— Так. Как тебе удалось узнать о моем существовании и завладеть необходимым командным ключом?

— Мой наниматель — весьма осведомленный человек. Он научил меня законам Дороги. Он рассказал о тебе. Он снабдил меня ключом.

— И теперь, когда ты нашел меня и применил ключ, чего ты хочешь от меня?

— Ты сказал, что я не первый дорожный путешественник, которого ты встречаешь. Знаю. И знаю, кто тот, другой человек. Его зовут Рэд Доракин. Скоро он начнет искать тебя в этом ответвлении. Я нуждаюсь в очень большой сумме денег и получу эту сумму за убийство Доракина. Но в делах, связанных с насилием, я всегда предпочитаю действовать через посредников — живых или механических. В этом деле моим агентом будешь ты.

— Рэд Доракин — мой друг.

— Мне так и сказали. Тем меньше причин будет у него подозревать тебя в недобром. А ну-ка...

Джон порылся в рюкзаке и вытащил плоскую металлическую коробочку. Он открыл ее и нажал на пару кнопок. Из устройства послышался прерывистый сигнал.

— Недавно ему пришлось заменить ветровое стекло, — продолжал незнакомец, опустив коробочку на камень. — Одновременно в его машине был спрятан миниатюрный передатчик. Теперь мне остается только дожидаться, когда Рэд появится в этом ответвлении Дороги. Тогда я выслежу его с помощью вот этого и покончу с ним, когда захочу.

— Я не желаю быть твоим посредником в этом деле.

Джон поднялся, подошел к гончарному кругу и одним ударом сплющил сырой горшок, который перед этим выделывал Мондамей.

— Твои желания не имеют никакого значения, — заверил он. — Ты обязан подчиняться мне.

— Так.

— Я приказываю не пытаться предупредить его каким-либо способом. Ты меня понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда нечего спорить. Ты сделаешь все, как я велю, и с полным старанием.

— Сделаю.

Джон вернулся к подносу и продолжил трапезу.

— Я хотел бы отговорить тебя от этой операции, — сказал Мондамей после паузы.

— Не сомневаюсь.

— Тебе известно, почему твой наниматель желает убить Доракина?

— Нет. Это его дело. Меня это не касается.

— Ты, должно быть, человек весьма необычный, если тебя наняли для такого необычного дела.

Джон усмехнулся:

— Меня сочли достаточно квалифицированным.

— Что ты знаешь о Рэде Доракине?

— Я знаю, как он выглядит. Я знаю, что он, вероятно, придет сюда.

— Ты, очевидно, из числа профессионалов, и твоему нанимателю пришлось изрядно потрудиться, чтобы нанять...

— Очевидно.

— Ты не задумывался почему? Что такого в намеченной жертве, ради чего стоило идти на подобные ухищрения?

— Скорее всего меня выбрали потому, что жертва уже знает о начавшейся охоте.

— Как это получилось?

— Не столь давно в его родной время-линии было совершено первое нападение.

— Почему же оно не удалось?

— Плохая подготовка, неумелое исполнение.

— Что случилось с убийцей-неудачником?

Человек в багряном одеянии поднял на Мондамея пылающий взгляд.

— Рэд его убил. Но могу тебя заверить, что между мной и тем несчастливцем нет и не может быть никакого сравнения.

Мондамей промолчал.

— Если ты стараешься меня запугать, намекнуть, что это может случиться и со мной, то напрасно тратишь время. Я вообще мало чего боюсь.

— Это хорошо, — произнес Мондамей.

Джон оставался с Мондамеем большую часть недели, перебив за это время пятьдесят шесть изысканных горшков, прежде чем обнаружил, что это уже не беспокоит его механического слугу. Даже когда он велел роботу собственноручно бить горшки, он не заметил какого-либо эквивалента эмоциональной реакции и поэтому решил отказаться от такого метода причинения боли пленнику.

А однажды утром библикающая машинка начала издавать резкое жужжание. Джон поспешно настроил ее, снял показания и произвел дальнейшую тонкую настройку.

— Наш объект примерно в трехстах километрах отсюда. Как только я искупаюсь и сменю одежду, я позволю тебе доставить меня к месту его нахождения, дабы покончить с этим делом.

Мондамей ничего не ответил.

Глава 1

— Рэд, тот доктор, которого мы встретили в мастерской... Меня несколько тревожит его... Эй! Ты что? Собираешься остановиться и взять попутчика — в то время, когда в нас то и дело стреляют?!

— Новый динамик немного дребезжит.

Он съехал на обочину. Неожиданно пошел дождь. Маленького роста человек с буйной шевелюрой и черным чемоданчиком улыбнулся, сверкнул зубами и открыл дверцу.

— Далеко едете? — слышался высокий голос.

— Примерно на пять В.

— Ну, лучше, чем ничего. Хорошо, хоть от дождя укрылся.

Незнакомец залез в кабину, захлопнул дверцу, пристроил чемоданчик у себя на коленях.

— А вы далеко направляетесь? — спросил Рэд, выезжая на Дорогу.

— В Афины времен Перикла. Меня зовут Джимми Фрезер.

— Рэд Доракин. Не близкий у вас путь... Говорите погречески?

— Учил два года. Я давно мечтал туда съездить... Между прочим, я о вас слышал.

— Хорошее или плохое?

— И то, и другое. Вы занимались перевозкой оружия, пока вас не накрыли.

Рэд повернул голову и встретил взгляд темных глаз.

— Так говорят.

— О, простите, я не хотел выпытывать.

Рэд пожал плечами:

— Да, пожалуй, это не секрет.

— Наверное, видели немало интересных мест?

— Было дело.

— И странных тоже?

— И странных тоже.

Фрезер пригладил рукой волосы, посмотрелся в зеркало заднего вида и вздохнул.

— Я-то по Дороге не много ездил — все между Кливлендом 1950-х и Кливлендом 1980-х.

— Чем занимаетесь?

— В основном держу бар. А еще прикупаю вещички в пятидесятых и продаю в восьмидесятых.

— Что ж, разумно.

— И денежно... У вас случались неприятности с угонщиками?

— Практически никаких.

— Должно быть, на вашей машине стоит какое-нибудь хитрое вооружение.

— Ничего особенного.

— Я бы сказал, вам без него никуда.

— Порой люди ошибаются.

— А что вы станете делать, если внезапно напоретесь?

Рэд раскурил сигару.

— Может, умру.

Фрезер хохотнул:

— Нет, в самом деле?

Рэд вытянул правую руку вдоль спинки сиденья.

— Слушайте, если вы угонщик, вам не повезло: сейчас я иду пустой.

— Я? Какой же я угонщик?!

— Ну так прекратите задавать эти проклятые теоретические вопросы. Откуда, черт побери, мне знать, что я буду делать в какой-то гипотетической ситуации? Я реагирую на обстоятельства, вот и все.

— Простите. Я увлекся. Просто вы ведете такую романтическую жизнь... Откуда вы, первоначально?

— Не знаю.

— Как это?

— А так: не могу найти пути назад. Когда-то место это располагалось по основному пути, потом переместилось на боковой, потом вообще растворилось в туманных пространствах, которые уже и в летописях-то не встречаются. Наверное, я слишком поздно начал поиски. Занят был. Теперь даже легенды не осталось.

— Как оно называлось?

— Вам не кажется, что пахнет горелым?

— Это ваша сигара.

— Моя сигара!.. Где она, черт возьми?

— Я не... Вот. Упала мне за спину.

— Вы не обожглись?

— Обжегся? Нет, не думаю. Разве только пиджак немного обгорел.

Рэд принял потерянную сигару, осмотрел спину пассажира.

— Вам повезло. Прошу прощения.

— Так вы говорили...

— Рэд! — вмешалась в беседу Цветы. — Полиция!

Фрезер вздрогнул.

— Что это?

— Через минуту ты их увидишь.

Рэд посмотрел в зеркало.

— Поискали бы какую-нибудь аварию, что ли, — проворчал он и подозрительно взглянул на Фрезера. — Если только это не подставка...

— Какое-то волшебство?..

— Сейчас они появятся в зеркале.

— Рэд! Откуда этот голос?

— Не отвлекайте меня. Черт побори!

— Демонам нельзя доверять! — воскликнул Фрезер и принялся чертить в воздухе знаки. Огненные линии поплыли из-под его пальцев.

— Рэд, что он задумал? — спросила Цветы. — Мои оптические сканеры...

Рэд резко свернул вправо и выехал на обочину, тормозя.

— Прекратите загромождать мою машину заклинаниями! — приказал он. — Вы вообще не из основного В-20! Чего вы пытаетесь добиться?

Полицейский автомобиль пронесся мимо, затормозил и остановился впереди. Стояли сумерки, и снег усыпал ветви в лесу справа от Дороги.

— Еще раз повторяю... — начал Рэд.

Но Фрезер уже открыл дверцу и вылез из кабины.

— Не знаю, как это вы сделали... — начал он.

Рэд узнал офицера, который вышел из автомобиля, но не мог вспомнить его имя.

— ...однако сейчас вы совершили ошибку. — Фрезер смотрел на приближающегося полицейского. — Впрочем, я, пожалуй, тоже... — добавил он.

Дверца кабины захлопнулась. Грузовик захрустел шинами по гравию, выруливая задним ходом. Мотор взревел, мимо пронеслись призрачные силуэты, и вот он уже мчался по Дороге, сквозь бледный день, под небом с золотистой аркой.

— Цветы! — сказал Рэд. — Зачем ты взяла управление?

— Оценка ситуации по балансу показала большую степень опасности. С вероятностью более шестидесяти процентов я только что спасла тебе жизнь.

— Но это были настоящие полицейские...

— Тем хуже для них.

— Он был настолько опасен?

— А ты подумай сам.

— Думаю. И никак не пойму, что он такое. Интересно, где Чедвик его раскопал?

— Фрезер не из них. Он в игру не входит, Рэд.

— Почему ты так считаешь?

— Его бы проинструктировали соответствующим образом. Ведь он даже не знал, кто такая я. Чедвик не настолько глуп, чтобы посылать неподготовленного человека.

— Ты права. Нам нужно вернуться.

— Я бы не советовала.

— Сейчас решаю я. Поворачиваем у ближайшего разворота, идем по другой стороне, затем снова разворачиваемся. Я должен разобраться.

— Зачем?

— Делай, что велено.

— Как скажешь...

Свет начал пульсировать, когда грузовичок замедлил ход. Рэд, нахмурившись, перерисовал в блокнот зависшие в воздухе огненные знаки.

— Да, — произнес он, когда пикап уже ехал в обратном направлении.

— Что «да»?

— Жизнь становится все интересней. Давай быстрее.

— Ты уверен, что хочешь снова увидеть этого типа?

— Его там уже не будет.

— Это пустые догадки.

Они снова съехали по спуску и через туннель выехали на Дорогу с противоположной стороны.

— Еще несколько минут. Ага! Вот они. Машина полицейских на том же месте. Ты по-прежнему хочешь остановиться?

— Останавливай!

Они съехали с Дороги и затормозили рядом с каплевидным автомобилем.

Рэд вылез и подошел поближе, еще за несколько метров почувствовав запах горелой плоти и горелой обшивки. Правая дверца полицейской машины была открыта и слегка погнута. Внутри все было тщательно выжжено. На переднем сиденье распростерлось обугленное тело полицейского — револьвер зажат в руке, бляха почернела. Останки второго офицера лежали на земле перед автомобилем. Шины оплавилась, в районе багажника зияла дыра.

Рэд несколько раз прошелся вдоль погибшей машины. Чемоданчик Фрезера лежал на куче припорошенной сне-

гом листвы. При падении он раскрылся, и содержимое его высыпалось наружу: презервативы, несколько дилдо — искусственных пенисов, наручники... Вдруг они задымались, начали таять и испаряться. Рэд пробовал отыскать отпечатки подошв, но ничего определенного не обнаружил.

Сев в свой пикап, он объявил:

— Ну хорошо. Давай в В-11. В двенадцатом я возьму управление сам.

— Я вижу и отсюда. Какая-то бомба, очевидно. Куда он делся? Никаких следов?

— Нет.

— Тебе повезло.

— Не совсем.

— Что ты хочешь сказать?

— Ладно, двигай.

— Я считаю, что повезло.

Рэд глубже надвинул бейсболку и сложил руки на груди.

Глава 2

Тимьин Тин работал в саду монастыря, выпалывая сорняки и при этом извиняясь перед каждым стеблем. Невысокого роста, с обритой головой, отчего еще труднее было определить его возраст, он трудился с большим подъемом, резкими точными движениями. На нем был свободный халат, складки которого время от времени беспокоил прохладный ветер со снежных вершин.

Он редко смотрел на горы — слишком хорошо их знал. Однако мгновенно почувствовал приближение другого монаха — хотя и не поднял головы, пока тот не остановился в конце обрабатываемой грядки.

— Тебя зовут, — промолвил подошедший монах.

Тимьин Тин кивнул.

— До свидания, мои друзья, — сказал он растениям и направился к сараю, чтобы очистить инструменты от земли и положить их на место.

— Сад растет хорошо, — заметил второй монах.

— Да.

— Мне кажется, тебя зовут для встречи с посетителями.

— Разве? Я слышал звук гонга, возвестившего о прибытии путешественников, но никого не видел.

— Некие Сандок и Тоба. Они тебе известны?

— Нет.

Два монаха зашагали к главному зданию, задержавшись ненадолго у изваяния Будды. Второй монах вошел в келью, исполнив соответствующий ритуал, и обратился к настоятелю монастыря, старому морщинистому человеку:

— Он пришел, о достойный.

Затем вернулся к дверям, бросив случайный взгляд на двух незнакомцев, сидевших на циновках и пивших чай.

— Можешь войти, — сказал монах, покидая келью.

Тимьин Тин вошел.

— Вы посылали за мной, высокочтимый?

Прежде чем заговорить, настоятель несколько секунд смотрел на него.

— Эти господа хотели бы, чтобы ты сопровождал их в путешествии, — наконец сказал он.

— Именно я, высокочтимый? Многие братья знают окрестности гораздо лучше.

— Об этом мне известно, но им, кажется, нужен не просто проводник. Я оставлю вас наедине для прояснения дела.

С этими словами настоятель поднялся и вышел из кельи, унося свою переметную суму, позвякивавшую и постукивавшую.

Оба незнакомца поднялись с циновок, когда Тимьин Тин повернулся к ним лицом.

— Я Тоба, — произнес бородатый мужчина с очень темной кожей. Он был мощного сложения и на голову выше Тимьин Тина. — Моего товарища зовут Сандок. — Бородатый указал на высокого медноволосого человека с белой кожей и голубыми глазами. — Он владеет местным диалектом средневекового китайского не так хорошо, как я, поэтому я буду говорить от лица нас обоих. Кто ты, Тимьин Тин?

— Не понимаю, — ответил монах. — Я тот, кто стоит перед вами.

Тоба засмеялся. Секунду спустя засмеялся и Сандок.

— Прошу извинить нас, — сказал Тоба, — но кем ты был до того, как попал сюда? Где ты жил? Чем занимался?

Монах развел руками.

— Не помню.

— Здесь ты работаешь в саду. Тебе это нравится?

— Да, очень.

Тоба покачал головой.

— Как пал великий, — проговорил он. — Ты думаешь...

Второй мужчина вдруг шагнул к монаху и выбросил вперед кулак.

Тимьин Тин, казалось, только чуть-чуть переместился в сторону, но кулак Сандока прошел мимо цели. Пальцы левой руки монаха лишь едва тронули проходивший мимо локоть, туловище немного повернулось. Его правая рука исчезла за спиной Сандока.

Сандок был брошен через всю комнату. Он врезался головой в стену и рухнул на пол, потеряв сознание.

— Пр... — начал Тоба — и тоже оказался на полу.

Когда мир вновь приобрел очертания в глазах Тобы, монах стоял у дверей кельи, наблюдая за ним.

— Зачем вы напали на меня?

— Это была только проверка, — выдохнул Тоба. — Все теперь позади, ты ее прошел. У вас здесь обучают таким приемам?

— Некоторым. Но я помнил многие... раньше.

— Расскажи мне про это «раньше». Где это было?

Когда?

Тимьин Тин покачал головой.

— Не знаю.

— Может быть, в другой жизни?

— Может быть.

— Ведь вы тут верите в такие вещи — перевоплощение после смерти?

— Да.

Тоба поднялся на ноги. В другом конце комнаты заворочался и простонал Сандок.

— Мы не желаем тебе ничего дурного, — произнес Тоба. — Совсем наоборот. Ты должен сопровождать нас в

путешествии. Это очень важно. Настоятель монастыря дал согласие.

— Куда мы направимся?

— Названия этих мест пока ничего тебе не скажут.

— Что я должен буду там делать?

— Сейчас ты этого тоже не поймешь. Твое иное «я» — более раннее воплощение, — оно бы поняло. Ты задумывался когда-нибудь над тем, кем ты был раньше?

— Задумывался.

— Мы восстановим твою память!

— Каким образом я был ее лишен?

— Путем тонких химических и неврологических процессов, которые тебе не понять. Видишь, даже эти слова тебе кажутся бессмысленными.

— Вы знаете, кем я был раньше?

— Да.

— Тогда расскажите мне.

— Будет лучше, если ты сам это поймешь. А мы тебе поможем.

— Каким образом?

— Сделаем тебе серию уколов... Ты еще не знаешь, что такое РНК, но мы введем в тебя твою собственную РНК из образцов, взятых до перекройки твоей личности.

— Это вещество вернет мне знание о моем раннем «я»?

— Мы так думаем. Сандок — очень искусный врач. Он займется этой процедурой.

— Я не знаю...

— Что именно?

— Я не знаю, следует ли мне знакомиться с этим человеком, с моим ранним «я». Вдруг он мне не понравится?

Сандок, который уже поднялся на ноги и теперь потирал ушибленную голову, усмехнулся.

— Я могу открыть тебе секрет: первое изменение твоей личности произошло против твоей воли, — сказал Тоба.

— Кому понадобилось превращать меня в другого человека?

— Узнать это ты можешь только одним путем. Ну, как-то будет твое решение?

Тимбин Тин пересек комнату и налил себе чая. Он сел на циновку и посмотрел на пиалу. Отпил глоток.

Через некоторое время Сандок и Тоба тоже присели на циновку.

— Да, это пугает, — произнес наконец Тоба, тщательно подбирая слова. — Дело в... неуверенности. Ты довольно хорошо приспособился к здешней жизни. Тут приходим мы, и предлагаем все переменить, и не говорим, что получится в конце. Это не наш злой умысел. В нынешнем своем обличье ты просто не сможешь понять того, что мы тебе скажем. Мы просим тебя принять этот дар — твое собственное прошлое, — потому что нам нужно поговорить с тем человеком, которым ты был когда-то. Возможно, все вспомнив, ты не захочешь иметь с нами дело. Тогда, естественно, ты волен идти своим путем. Но дар этот мы уже не сможем принять обратно.

— Самосознание — вот чего я жажду, — ответил Тимьин Тин. — И восстановление памяти о прошлых воплощениях — важный шаг по этому пути. Поэтому я должен был бы сказать «да» немедленно. Но я долго размышлял об этом раньше. Предположим, я получу сведения о своем прошлом воплощении. Не отдельные сведения, а полное знание. Предположим, этот человек не только не понравится мне, но и окажется более сильной личностью, и, вместо того чтобы влиться в мое существование, я вольюсь в его. Что тогда? Разве это не поворот Великого Колеса в обратную сторону? Принимая знание из источника, мне непонятно, не подвергаю ли я себя такой опасности?

Ни один из гостей не ответил ему, и Тимьин Тин отпил еще один глоток.

— Но почему я спрашиваю вас? — сказал затем монах. — Ни один человек не может ответить другому на этот вопрос.

— Да, — кивнул Тоба, — вопрос справедливый. И я, конечно, не могу на него ответить. Предположу лишь, в рамках твоих собственных верований, что одно из твоих будущих воплощений задастся таким же вопросом относительно тебя. Что бы ты мог сказать?

— Очень хорошо, — внезапно засмеялся Тимьин Тин. — «Я» человека всегда стремится быть центром вещей, так?

— Вот именно.

Монах допил свою пиалу, и, когда он поднял глаза, в его лице произошла перемена. Трудно было объяснить, каким образом это получилось, но в легкой полуулыбке, в слегка прищуренных глазах ясно читались теперь дерзость, храбрость и безрассудство.

— Я готов принять новое знание. Начинайте.

— Вероятно, это займет несколько дней, — осторожно произнес Тоба. — Потребуется целая серия процедур.

— Тогда начнем первую, — сказал Тимьин Тин. — Что я должен делать?

Сандок взглянул на Тобу. Тот кивнул.

— Хорошо, начнем сейчас. — Сандок поднялся и пошел в угол кельи, где было сложено его снаряжение. — Когда ты сможешь выступить с нами в поход?

— У меня не много мирских вещей, — ответил монах. — Как только мы закончим разговор, можно отправляться.

— Хорошо, — повторил высокий мужчина, открывая коробку, в которой лежали шприц и несколько ампул. — Хорошо.

В ту ночь они остановились на отдых в горах высоко над монастырем — на удобном склоне, укрывавшем от завывающего ветра. Мелкие снежинки кружили над небольшим костром, словно души, спешившие превратиться в пар и вернуться на небеса — перевоплощенными, как думал Тимьин Тин, наблюдавший за снежинками еще долго после того, как остальные заснули.

Утром он сказал Тобе:

— Я видел непонятный сон.

— Что именно?

— Мне снились несколько человек внутри незнакомого мне движущегося экипажа. Я находился в здании, следил за экипажем. Когда тот остановился и люди начали выходить, я направил на них оружие — трубку с ручкой и маленьким рычажком — и нажал на рычажок. Люди были убиты. Мог ли этот сон относиться к моей прошлой жизни?

— Трудно сказать наверняка, — ответил Тоба, собирая и упаковывая вещи. — Возможно. Пока тебе не стоит слыш-

ком критически относиться к подобным вещам. Пусть кусочки картины сами встанут на свои места.

Тимьин Тин получил укол перед тем, как они покинули место стоянки, и еще один — предыдущим вечером, после многочасового перехода по горным тропам.

— Я чувствую, что происходит нечто, — сказал он. — Сегодня мои мысли несколько раз странно... путались.

— Как именно?

— Слова... образы...

Сандок пододвинулся ближе.

— Какие именно образы? — спросил он.

Тимьин Тин покачал головой.

— Слишком быстрые, мимолетные. Я не могу их воссоздать.

— А слова?

— Слова на незнакомом языке, хотя они казались привычными. Я не могу вспомнить ни одного слова.

— Думаю, это добрый знак, — сказал Сандок. — Лечение начинает оказывать действие. Сегодня опять тебя могут посетить странные сны. Пусть они тебя не беспокоят. Лучше просто запоминать и наблюдать.

В тот вечер Тимьин Тин не предавался медитации.

На следующий день в его поведении появилось что-то новое. Когда Тоба задал вопрос относительно снов, он ответил коротко:

— Отрывки.

— Отрывки? Какие именно?

— Не могу вспомнить. Ничего особенного. Ну, будем делать утренний укол, а?

— Ты отдаешь себе отчет в том, что последнюю фразу сказал не по-китайски?

Глаза Тимьин Тина расширились. Он посмотрел в сторону, потом вниз на свои ноги, потом снова на Тобу.

— Нет. Это само собой получилось. — Его глаза наполнились слезами. — Что со мной происходит? Кто победит во мне?

— В конечном счете победишь ты, потому что вернешь потерянное.

— Но, может быть... — Внезапно на лице его появилось

иное выражение. Глаза сузились, линии скул смягчились, уголки губ слегка раздвинулись. — Конечно, я вам благодарен. Далеко ли еще идти?

— Трудно объяснить, — сказал Тоба, — но мы должны покинуть эти горы через три дня. Через неделю мы доберемся до главного пути, по которому отправимся дальше. После этого будет уже легче, хотя, куда конкретно мы направляемся, станет ясно, когда мы получим информацию во время последней остановки на большом пути. Позволь сделать тебе укол, и двинемся дальше.

— Очень хорошо.

Вечером и на следующий день Тимьин Тин ничего не рассказывал о воспоминаниях, которые, возможно, открывались ему. На вопросы он отвечал неопределенно. Сандок и Тоба не слишком настаивали.

На следующий день, после полудня, когда они спускались по проходу к подножию горы, Тимьин Тин привлек их внимание, потянув обоих за рукава.

— За нами следят, — прошептал он. — Продолжайте идти, как будто вы ничего не заметили. Я догоню вас позже.

— Подожди! — сказал Тоба. — Я не хочу, чтобы ты рисковал. У нас есть оружие особого рода, о котором ты даже не имеешь представления. Мы...

Он замолчал, потому что на устах маленького монаха играла улыбка.

— Неужели? — спросил Тимьин Тин. — Вы в этом совершенно уверены? Увы, боюсь, ваше особое оружие не поможет, если сверху обрушится шквал стрел. Как я уже сказал, я догоню вас позже.

Он повернулся и исчез среди скал с правой стороны.

— Что будем делать? — спросил Тоба.

— То, что сказано: продолжать идти дальше, — ответил Сандок. — Этот парень знает, что говорит.

— Но рассудок его выведен из равновесия.

— Он явно вспомнил гораздо больше, чем поведал нам. Мы должны ему доверять. В конечном счете у нас нет иного выбора.

Они продолжали спускаться. Прошел почти час. В про-

ходе дул ветер, и отзвуки шагов ног в подкованных горных ботинках эхом перекатывались в скалистых лабиринтах.

Тоба дважды порывался вернуться и поискать их подопечного, и Сандок его дважды отговаривал. Оба горбились несколько больше обычного.

— Если мы его потеряли, — произнес Тоба, — нас по головке не погладят.

— Не потеряли, не потеряли, — отвечал второй, но в голосе его не слышалось уверенности.

Они продолжали путь по склону, когда какой-то предмет упал на тропу немного впереди, отскочил, потом покатился, словно камень. Стало заметно, что на нем имеются волосы. Чуть позже сверху упало туловище. Секундой спустя последовали два нерасчлененных тела.

Сандок и Тоба инстинктивно натянули поводья, когда где-то наверху взвился пронзительный крик. Подняв головы, они увидели Тимьин Тина на вершине скалы справа от дороги. Он помахал им саблей, швырнул ее на землю и начал спускаться по скальной стене.

— Я же говорил, что мы его не потеряли, — сказал Сандок.

Когда маленький монах закончил спуск и подошел к ним, Тоба нахмурился:

— Ты подвергал себя напрасному риску. Ты ведь не знаешь, какое у нас есть с собой оружие. Мы могли бы помочь тебе. Трое против одного — не слишком-то выгодное соотношение...

Тимьин Тин чуть усмехнулся.

— Их было семеро, но только трое располагались у самого края. Успокойтесь, я не рисковал напрасно, и ваше оружие могло только помешать.

Сандок тихо присвистнул. Тоба покачал головой.

— Мы тревожились. Как ни велика твоя отвага, твой разум еще не вернулся в нормальное состояние.

— В отношении этого дела он нормален, — ответил монах. — Продолжим путь?

Некоторое время они ехали молча. Потом Сандок спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Ты хмуришься, как будто что-то тебя беспокоит. Это связано с сегодняшним... конфликтом? Не удивляйся. Та часть тебя, которая была монахом...

Тимьин Тин тут же замотал головой.

— Нет! Дело не в этом! Мы можем убивать в целях самообороны, и так было сегодня. Меня тревожит нечто более глубокое, чем сам поступок или его мотивация, с точки зрения Кармы или наоборот.

— Что же тогда?

— Я не знал, что во мне кроется способность получать от убийства удовольствие. Теперь я понимаю, что должен был внять предупреждению снов.

— То было большое удовольствие?

— Да.

— Может, ты путаешь с гордостью за успех своей вылазки?

— Гордость тоже присутствовала, но корни чувства уходили еще глубже — туда, где разум уже не повелевает. Я исследовал его, поскольку научился и привык анализировать свои поступки, но пришел только к подтверждению факта его существования. Это удивило меня, хотя...

— Почему удивило?

— Потому что вызвало мысль: если со мной сделали то, что сделали, то на это наверняка имелась достаточная причина. Не могло ли быть так, что я представлял некогда большую опасность?

— Буду с тобой откровенен, чтобы не вызывать излишней тревоги и беспокойства, — сказал Сандок. — Да, так оно и было. Однако ты должен сознавать, что при всем том тебя не уничтожили полностью, хотя могли это сделать. Благодаря некоторым твоим качествам ты был оставлен в живых.

— Что же это за качества? — спросил Тимьин Тин. — Может, скрытая доля добра, которую некий благородный принц решил во мне развить, дабы уравновесить совершенное мною зло? Или он просто не хотел уничтожить полезное некогда оружие?

— Скорее всего — и то, и другое, — сказал Сандок. — Кроме того, он был у тебя в долгу.

— Память принцев, как правило, не блещет долговечностью. Но как бы то ни было, я вижу лишь одну причину вновь вызывать меня из небытия: некто, пославший вас за мной, желает, чтобы я кого-то убил, не так ли?

— Полагаю, эти вопросы лучше обсудить позже, когда полностью будет завершено твое лечение.

Сандок хотел дернуть поводья своего коня, но Тимьин Тин каким-то образом перехватил его руку, прежде чем та дотянулась до кожаных ремней.

— Сейчас, — отчеканил маленький монах. — Я хочу узнать сейчас. Я в достаточной мере осознаю происходящее, чтобы понять простое «да» или «нет».

Сандок посмотрел в темные глаза монаха, отвел взгляд в сторону.

— А если ответом будет «да»?

— Скажи, и мы посмотрим.

— Послушай, я не подхожу для этой роли. Я не могу тебе делать какие-либо предложения. Подожди, пока мы не прибудем к месту назначения. К тому времени ты уже полностью станешь самим собой и там найдешь человека, который...

— Да или нет? — повторил Тимьин Тин, когда к ним подъехал Тоба.

Сандок бросил взгляд на товарища. Тот кивнул.

— Хорошо. Да. Одному человеку нужно убрать другого, и он считает, что ты лучше всех справишься с работой. Поэтому мы за тобой и приехали.

Монах отпустил поводья.

— Пока этого достаточно, — произнес он. — Детали меня не интересуют.

— Ну и что ты скажешь на все это? — спросил Тоба.

— Приятно, когда ты необходим кому-то... Однако продолжим наш путь.

— Ты слушал с завидным хладнокровием. Тебя интересует подобное предложение?

— Весьма, — сказал монах, — поскольку дело наверняка

очень сложное, если уж оправдывает мое восстановление. Меня тревожат другие вопросы.

— Какие же?

— Я силен и с каждым днем лечения становлюсь все сильнее. Тем не менее монах тоже остается во мне. Будет ли так всегда?

— Да. Потому что это одно из твоих многих лиц.

— Хорошо. Я очень не хотел бы полностью порвать связь с этой частью моей жизни. Там было так... мирно. Вот только странного рода личностью я могу стать, если сохранится подобное положение.

— Надеюсь, это не помешает тебе в работе.

— Все зависит от того, *что* я должен буду делать.

— Ты сказал, что детали тебя не интересуют.

— Это кто-то другой говорил.

— Хорошо. Итак, существует некая бесконечная Дорога. Человек с определенными свойствами природы, которому известны соответствующие вьезды, повороты и развилки, может двигаться по ней, перемещаясь практически в любое место или время. Среди многих путешествующих по Дороге есть один, на которого объявлена черная десятка...

— Черная десятка?

— Враг этого человека получил разрешение сделать десять покушений на его жизнь. Любым способом, в том числе и с использованием наемников.

— И ваш хозяин желает, чтобы я стал таким наемником?

— Да.

— Но зачем нужна черная десятка? Что сделал тот путешественник?

— Право, не знаю. Весьма возможно, кстати, что ты его вообще никогда не увидишь. Кто-то другой настигнет его раньше... Это немного успокоит твою совесть?

— Ты хочешь сказать, что вы потратили столько усилий, чтобы обеспечить запасного убийцу?

— Именно. Очевидно, считается, что цель оправдывает подобные расходы.

— Если искусство других наемников приближается к

уровню моего, то этот человек вряд ли уйдет от первого же. Но что будет, если он пройдет через всю десятку?

— По-моему, такое еще никогда никому не удавалось.

— Но ведь это особый человек?

— Говорят. В высшей степени.

— Понимаю. Давайте скорее разобьем лагерь, мне нужно медитировать.

— Конечно. Такого рода решения не делают наспех.

— Решение я уже принял. Теперь я хочу установить, был ли я оскорблен или мне оказана честь...

Они проехали мимо трупов. Вышло солнце, и вместе с ним поднялся ветер.

Глава 1

Рэд медленно вел машину по проселочной дороге. Следующее место для отдыха — с бревенчатыми и каменными жилищами — будет последним на выбранном им маршруте в Африке времен В-11.

Зарулив на стоянку, он затормозил рядом с жемчужно-серым, обтекаемых очертаний экипажем.

— Машина из верхней области Дороги, — заметил Рэд. — Любопытно, чья она?

Он вытащил Цветы из-под панели, снял с крючка за спиной винтовку и открыл дверцу, на выходе вытащив из-под сиденья нож в кожаном чехле. Нож повесил к поясу, машину запер. Взял из кузова рюкзак, внимательно осмотрел его содержимое.

— Все, что нужно, кроме воды, — заключил он, — ну и, может быть, книжки. Ладно, все равно придется идти туда, предупреждать, что машина некоторое время постоит.

— Скоро вечер, ты весь день вел. Наверное, лучше бы здесь переночевать, а в путь двинуться утром.

Рэд посмотрел на небо:

— Вполне можно было бы пройтись еще пару часов.

— А потом разбивать в темноте лагерь и провести лишнюю ночь в поле. Разве что-то радикально изменится?

— Не знаю.

— И поесть тоже, наверное, не мешало бы.

— Тут ты совершенно права, — сказал Рэд, забрасывая винтовку на плечо и поднимая рюкзак, в который он положил Цветы. — Пойдем, посмотрим, что у них в меню и какие имеются удобства. Если ничего стоящего они предложить не могут, я с таким же успехом переночую в поле.

Владелец мотеля, пожилой человек с французским акцентом, и его жена — молодая и пышная уроженка здешних мест — сидели в плетеных креслах за конторкой регистрации, под большим вентилятором. Владелец улыбнулся, отложил книгу, отставил стакан и поднялся навстречу посетителю.

— Приветствую вас. Чем могу служить?

— Меня зовут Рэд Доракин. Я хотел спросить, что у вас на обед?

— Питер Лаваль. А это Бетти. Готовим сами. Местное пиво или привозное вино — как угодно. Можете осмотреть кухню и понюхать котел, если желаете.

— Нет нужды, я и отсюда чувствую запах. Довольно приятный. А как комнаты?

— Пойдемте, покажу. Это в двух шагах.

Рэд последовал за владельцем в небольшой холл, а оттуда — в скромную чистенькую комнату.

— Недурно. Остаюсь, — решил он, опуская рюкзак на пол, ружье — на кровать, а Цветы, извлеченную из рюкзака, — в карман. Рядом с ружьем он бросил на кровать и куртку. — И было бы неплохо попробовать вашего пива прямо сейчас.

— Сюда, пожалуйста. Я дам вам ключ, если хотите.

Рэд последовал за хозяином обратно в холл, затворив за собой дверь.

— Пожалуй, давайте. Много посетителей?

— Нет, сегодня вы единственный постоялец. К нам тут редко заглядывают гости.

— Роскошная машина на стоянке ваша?

— Нет, моя стоит на заднем дворе и гораздо менее вычурная.

— Чья же она тогда? — спросил Рэд, когда они подошли к столу, где он расписался в книге прибывающих и получил ключ от номера.

— О! Вы читаете Бодлера! Один из моих любимых авторов. Вот человек, который видел сквозь любую вычурность! «Скажи, откуда ты приходишь, Красота? Твой взор — лазурь небес иль порожденье ада?»

— «...Ты, как вино, пьянишь прильнувшие уста...» — кивнул Рэд, входя вслед за хозяином в небольшую комнату-погребок, где ему была вручена наполненная глиняная кружка. — Чья же это машина?

Лаваль усмехнулся, выходя на веранду и указывая на горы.

— Невероятный тип. Ушел в том направлении примерно неделю назад. Высокий, худой, глаза как у Распутина, руки... такие руки мог бы нарисовать Модильяни. И все, что на нем было — до нитки, до шнурков, — все зеленого цвета. Даже кольцо на пальце было изумрудное. Куда идет — не сказал. Сказал, что зовут его Джон, и все.

Цветы тихо пискнула в кармане. Рэд надавил на пьезоэлектрический сенсор, подтверждая прием.

— ...откровенно говоря, я обрадовался, когда он ушел. Он не выказывал враждебности, держался вежливо. Но в его присутствии мне было не по себе.

Рэд пригубил пиво.

— Я свою кружку оставил в холле. Может, присоединитесь к нам? Там немного прохладнее.

Рэд покачал головой:

— Спасибо, я лучше посижу здесь. Мне нравится этот пейзаж.

Лаваль пожал плечами и ушел. Рэд поднял Цветы.

— Я понял тебя, — проговорил он тихо, — может быть, это тот самый парень. Судя по...

— Дело в другом, — послышался голосок книги, — хотя возможность действительно не исключается. Меня вот что встревожило: я решила проводить периодически осмотр местности через сенсоры на машине и кое-что уловила.

— Что?

— Я засекла электрическую активность — что-то приближается к нам с юго-запада. Легко отслеживаемый объект в этой тихой местности. Двигается довольно быстро.

— Размеры большие?

— Не могу сказать.

Рэд отпил еще глоток.

— Выводы? Рекомендации?

— Вернись в комнату за винтовкой и не выпускай ее из рук. Граната тоже не помешает. Не знаю, что у тебя еще есть. Я уже послала сообщение тому доктору, которого мы встретили.

— Так ты все-таки думаешь, что это человек?

— Согласись, очень похоже. Не будем рисковать.

— Я не спорю.

Рэд поставил кружку на перила, повернулся к грузовику.

— Эй, Цветы! К нам что-то летит. Причем не птица.

— Засекла. Ты еще успеешь принести винтовку, если побежишь.

— Да ну ее к дьяволу, — сказал Рэд, раскуривая новую сигару. — Будет только руки занимать. А вот ты, между прочим, можешь испытать свою обновку.

Он поднял кружку и присел на перила веранды.

— Я получила подтверждение приема от врача. Он неподалеку и двигается к нам.

— Великолепно.

Рэд раскрыл Бодлера и прочел несколько строк.

— Должна отметить, что ты настроен весьма философски.

— А что, разве плохо проститься с миром вот так: с выпивкой, сигарой и книгой?

— Я бы приняла иные меры.

— Возможно, пробил мой час... Между прочим, я уже вижу наших противников.

— И?

— Вот они.

Над стоянкой кружил робот. На спине его сидел человек, одетый во все желтое. Робот замедлил полет, принял вертикальное положение и мягко опустился на площадку в пятнадцати метрах от веранды.

Рэд в последний раз отпил пива и поставил кружку, затем встал и шагнул вперед.

— Привет, Монди, — сказал он. — Кто это с тобой?

— Рэд... — начал Мондамей.

— Тихо! — приказал Джон, сходя на землю и потягиваясь. Его топазовый перстень сверкал на солнце. — Остаться на месте! Активировать боевые системы!

Он шагнул вперед и отвесил поклон.

— Зовите меня Джон. А вы, как я понимаю, Рэд Доракин?

— Да. Могу вам чем-то быть полезен?

— Можете — своей смертью. Мондамей...

— Секундочку! Позвольте поинтересоваться — почему?

Джон на миг задумался, потом резко кивнул.

— Хорошо. Хочу вас заверить, что мною не движут личные мотивы. Я исполняю поручение, дабы заработать большую сумму денег, необходимую мне для исполнения разнообразных замыслов. Меня нанял человек по имени Чедвик. Ага, вы киваете. Значит, вы уже сами догадались? Бывшие друзья — самые опасные враги. Жаль, но что поделаешь. Не буду морализировать — для вас это уже поздно.

— Выходит, вы приняли поручение, выяснили, куда я направляюсь, и нашли для исполнения поручения сложное техническое устройство?

— Да, итог в общих чертах именно таков. Чедвик дал мне верное направление...

— А ваше желание использовать посредника — не признак ли это страха?

— Страх? В такой же мере, как проявлял страх Чедвик, нанимая меня. Он очень занятой человек и решил обратиться к услугам высококвалифицированного профессионала. Так же, как и я. Думаете, я боюсь сразиться с вами или вообще с кем угодно?

Рэд улыбнулся.

— Нет, — сказал Джон, заметив улыбку. — Вы меня на удочку не поймаете. Я не предоставлю вам незаслуженного шанса сохранить жизнь. Плевать, что вы обо мне думаете, — я знаю себя лучше.

Рэд попыхивал сигарой.

— Интересно, — сказал он, — тогда из чисто академического любопытства вам не мешало бы, наконец, знать,

что человек, который предупредил меня о вас, уже приближается.

— Человек? Какой человек?

Рэд взглянул на Дорогу.

— Большой такой, с золотыми глазами и страшно загорелый. Я встретил его на предыдущей стоянке, когда заехал туда отдохнуть. На новеньком, с иглолочки, двухместном открытом автомобиле производства 1920 года. Он сказал, что намерен произвести над вами лоботомию с помощью ледоруба.

— Я вам не верю!

Рэд пожал плечами:

— Можете сами у него спросить. По-моему, это его машина приближается к стоянке.

Джон повернулся в сторону мчавшейся машины, за которой тянулся густой шлейф пыли. Рэд сделал несколько шагов вперед.

— Стоять! Ни с места! — Джон крутанулся на каблуках, вздернул руку, глаза его сверкали. — Если это фокус, то ничего не выйдет. А если нет, то я с удовольствием убью еще одного зайца тем же выстрелом. Мондамей! Испепелить Рэда Доракина!

Мондамей вытянул правую руку, из которой выдвинулась трубка, направив ее на Рэда. В окошечках на плече замигали огни. Послышался треск. Тонкая струйка дыма выползла из раструба оружия.

— Опять замыкание, — объяснил Мондамей.

— Что значит «опять»? — воскликнул Джон.

— Да ее коротит последние несколько тысяч лет.

— Тогда распыли его! Взорви! Разбомби! Мне все равно, как ты это сделаешь!

Глубоко внутри Мондамея послышалось жужжание. Быстро замигали огоньки. Из разнообразных блоков и устройств донеслись пощелкивания. Где-то что-то натужно завывало.

— Э-э, Джон, — сказал Рэд, — вы никогда не задумывались, почему инопланетяне оставили здесь такое сложное устройство, как Мондамей?

— Ну, полагаю, для того, чтобы можно было вновь пре-

вратить нас в дикарей, если земная цивилизация пойдет не по одобренному ими пути.

— Увы, ничего подобного! Все гораздо проще, — сказал Рэд. — Глубокие сбои систем. Его невозможно было починить, вот и оставили на Земле. Им, конечно, было немного жаль Мондамея, поскольку он обладал сознанием. Поэтому ему придали человеческий вид — пусть, мол, тихонько занимается своим любимым делом. Вреда ведь он все равно не мог причинить никакого...

— Мондамей! Это правда?

Из всех суставов и сочленений Мондамея тянулись струйки дыма, лихорадочно мигали огоньки, вой перешел в стенания в сопровождении непрерывного позвякивания.

— Увы, Джон. Наверное, я в молодости перестарался, сжег лишнюю планету...

— Почему ты мне раньше не сказал?

— А ты и не спрашивал!

Рэд снова двинулся вперед.

— Таким образом, — продолжил он, — придется вам зарабатывать гонорар в поте лица.

Джон повернулся к нему с улыбкой на устах.

— Да будет так. Сделаем, как ты желаешь, и я немного запачкаю руки, — промолвил он, двигаясь навстречу Рэду. — Дабы сберечь тебе время, я даже скажу, что именно я сделаю и в каком порядке. Я ухвачу тебя за шею, подниму над землей на вытянутой руке и одной же рукой удавлю. Ты, наверное, не подозреваешь, как я...

Его глаза расширились, он медленно поднес руки к лицу.

— Что...

— Ты забыл спросить, хочу ли я запачкать руки, — произнес Рэд, поворачивая Цветы вслед за опускавшимся на землю Джоном. — А я как раз не хочу.

Джон упал и замер. Из левого уха потекла струйка крови.

— Видишь? Я всегда говорила, что у динамика должен быть ультразвуковой диапазон, — заметила Цветы. — Если бы ты расщедрился на модель получше, не пришлось бы даже подходить так близко.

Рэд шагнул к Мондамею, повернул ключ, вытащил его и вручил роботу.

Машина с поднятым верхом тем временем уже въезжала на стоянку.

— Ты лучше спрячь его подальше или уничтожь, — посоветовал Рэд.

— Я и не знал, что этот экземпляр существует, — ответил Мондамей. — Наверное, его специально изготовили или добыли в другом ответвлении Дороги... Я едва узнал тебя. Ты выглядишь значительно моложе. Что...

Джон застонал и начал подниматься. Рэд подскочил к нему и ударил в челюсть. Тот снова рухнул на землю.

— Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Рэд. — А я как раз собирался навестить тебя.

Автомобиль затормозил. Хлопнула дверца.

— Какая приятная...

— Будь добр, поддержи Цветы минутку, я должен поговорить с этим джентльменом.

Рэд повернулся навстречу гигантского роста мужчине с черным саквояжем, который спешил ему навстречу.

— Привет еще раз. Прошу прощения, если мы вас зря побеспокоили, — сказал Рэд, опуская глаза на лежащего у его ног Джона, — но не этого ли парня вы искали?

Громадный мужчина кивнул и раскрыл саквояж.

— Этого. У вас все нормально?

— Жаловаться не на что. А он получил всего-то ультразвуковой удар и левой в челюсть.

Золотоглазый гигант осмотрел глаза и уши Джона, выслушал его сердце. Потом наполнил шприц из какой-то ампулы и сделал лежащему укол в правое плечо. Вытащил из саквояжа пару наручников и сковал руки Джона за спиной, затем начал тщательно ощупывать желтую одежду, извлекая разнообразные миниатюрные устройства из воротника, манжет, рукавов и ботинок.

— Думаю, сойдет, — сказал он, закрывая саквояж и поднимаясь. — Как я вам уже говорил, это чрезвычайно опасная личность. Чем вы заслужили его внимание?

— Его наняли, чтобы прикончить меня.

— Тогда вашему недругу очень нужно от вас избавиться,

коли он готов заплатить гонорар, который требует этот тип.

— Знаю. Я как раз хочу вплотную этим заняться.

Мужчина некоторое время смотрел на Рэда.

— Если требуется помощь, я готов.

Рэд слегка прикусил губу и медленно покачал головой:

— Спасибо, док, весьма ценю. И все же не надо. Дело весьма личного характера.

Могучий мужчина чуть улыбнулся и кивнул:

— Вам виднее.

Он нагнулся и поднял обмякшее тело Джона одной рукой, без усилий. Рубашка на спине у него лопнула. Бросив Джона поперек плеча, доктор повернулся и помахал рукой.

— Спасибо за пациента. Желаю удачи с вашим... делом!

— Спасибо. До свидания, док.

Рэд наблюдал, как док вернулся к машине, свалил свою ношу в кабину, сел за руль и уехал.

— Как славно, что Джон получил по заслугам, — сказал Мондамей, положив металлическую руку с еще не убраным раструбом на плечо Рэда. — Кстати, он следил за твоим перемещением с помощью передающего устройства, спрятанного где-то в твоей машине, — его установили в мастерской, куда ты недавно заезжал. Пожалуй, прежде всего следует это устройство обнаружить и удалить.

— Хорошая идея. Сейчас посмотрим. — Они пошли к пикапу. — Как же ты его не засекала, Цветы?

— Какая-то нестандартная частота, наверное. Впрочем, я не знаю, сейчас начну сканировать.

— Ты нас не познакомил, — сказал Мондамей.

— Разве? Он был так занят Джоном, что я не хотел ему мешать...

— Нет, я не о докторе. Я имею в виду Цветы Зла. Я и не подозревал, что держу в руках искусственный разум, когда ты передал мне эту книгу.

— Извини. Обстоятельства смягчают мою вину. Мондамей, познакомься, это Цветы Зла. Цветы, это Мондамей, машина-убийца.

— Очень приятно, — сказал Мондамей.

— Взаимно. Я нахожу ваше положение чрезвычайно затруднительным — весь этот мертвый груз неисправных контуров, невозможность нормально функционировать...

— О, все не так уж плохо. То, что я сейчас делаю, доставляет мне не меньше удовольствия, чем прежние занятия.

— Чем же вы занимаетесь?

— Я гончар, леплю горшки. Впрочем, любая тонкая работа в области искусства доставляет мне радость.

— Как интересно! Пожалуй, и мне пора испробовать какую-нибудь манипуляционную деятельность. По крайней мере, я хотела бы попробовать. С огромным удовольствием посмотрела бы ваши горшки при случае...

— Цветы, — перебил Рэд, — ты уже обнаружила передатчик?

— Да. Он укреплен на раме у левого заднего колеса.

— Благодарю.

Рэд подошел к задней части пикапа и присел.

— Верно, — сказал он через секунду.

Отделив передатчик, он перешел к роскошной машине Джона (она, кроме всего, была еще и на воздушной подушке) и прикрепил устройство под передним бампером. Потом вернулся к Мондамею, который продолжал перелистывать Цветы.

— Пусть знают, что мы его побили, — произнес Рэд.

— А этот «Пейзаж» — прелестная вещица, — сказал Мондамей.

— Спасибо.

— Пора уже обедать, — заметил Рэд. — Пойдем, составь мне компанию. Расскажешь, как шли дела с тех пор, как мы виделись последний раз. У меня к тебе куча вопросов.

— С удовольствием, — ответил Мондамей. — Кстати, прости за все это происшествие.

— Ты не виноват. Но я не прочь получить несколько советов.

— Естественно. А я с нетерпением жду твоего рассказа.

— Тогда пойдем.

— Эй, не посылай заряд по этому контуру. Его называют щекотным... Перестань же!

Рэд остановился.

— Что?

— Извини, я и не заметил, что говорю вслух. Цветы заинтересовались одним из моих блоков.

— А-а...

Они пересекли веранду и вошли в дом.

Глава 2

Все кончилось. Рэнди утром отвез Джулию на автобусную станцию, помог уложить чемодан, попрощался. Сейчас она уже на пути к родительскому дому в Вирджинии. И в комнате, и на кухне не осталось ничего, что напоминало бы о ней, пока Рэнди бродил по квартире, стакан за стаканом поглощая холодный чай. Вчера он сдал последний выпускной экзамен, и вместе с Джулией они пошли в хороший ресторан на ужин. Он даже заказал по этому случаю бутылку отменного вина. Ни он, ни она вслух об этом не говорили, но оба чувствовали, что настал конец.

Теперь она уже на пути домой, а ему нужно чем-то занять лето. Джулия хотела, чтобы он поехал с ней, твердила, что отец найдет ему работу на лето. Но Рэнди почуял ловушку. Он не хотел пока принимать никаких обязательств. Их отношения сложились прекрасно, потому что с самого начала рассматривались как временные. Но, сделав такое предложение, Джулия пыталась изменить правила, а он еще не был готов. Где-то в дальнем уголке сознания еще жила жажда поиска, хотя детская решимость уже погасла. К тому же оставалось многое другое, что он намеревался сделать, прежде чем заводить семью.

Нет. Она предложила, он отказался. Что-то изменилось. Возникло новое чувство — все кончилось.

Рэнди подошел к окну и взглянул в сторону университетского городка, расположенного в трех кварталах. На нем была трикотажная футболка, шорты-бермуды и плетеные сандалии. День стоял ясный, теплый, и, как уверял прогноз, изменений в погоде не намечалось.

Он провел рукой по широкому лбу и почувствовал испарину.

Рэд приложил стакан к щеке и рассматривал проезжающие машины, машины на стоянках, велосипедистов, витрины магазинов... В кронах деревьев все еще гудели насекомые. На тротуаре под окном рыжий кот лизал брошенное мороженое.

Все кончилось. Вернуться в Кливленд и пойти работать на стройку? Тоже плохо. Если жить дома — мистер Шеллинг из кожи вон лез, заверяя Рэнди, как они его ждут, — с ума можно сойти. Но найди он себе и отдельную квартиру, все равно от них не отделаться. Рэнди встречался с ним до сих пор только два раза и не мог заставить себя называть его никак иначе, кроме «мистер Шеллинг», хотя тот женился на матери Рэнди шесть месяцев назад. Нет, не потому, что он его невлюбил. Просто он до сих пор его не знает и знать не желает. Решено, туда он не поедет. Это тоже кончено.

Рэнди отпил глоток чая и повернулся лицом к спальне. Жарко, тяжело думать. Они поздно легли вчера, а утром рано встали. Растянуться на кровати, надеяться на случайный ветерок и идею, что вдруг забредет в голову? Где найти летнюю работу старшекурснику-филологу? Впрочем, может, осенью перейти на лингвистику? Или романские языки? Хорошо бы отправиться за рубеж секретарем или переводчиком...

Когда он проходил мимо шкафа, рука непроизвольно взяла с полки «Листья травы». Значит, это действительно сидело в глубине сознания — манящий поиск...

Рэнди взял книгу с собой в спальню. Нужно чем-то занять мысли.

Он подложил под спину подушку, уселся поудобнее, начал переворачивать страницы. Странно, однако, откуда такая любовь к этой книге? Он намеренно избегал трогать ее последние пятнадцать минут, потому что она настойчиво притягивала внимание всякий раз, когда он проходил мимо шкафа. Книга — единственное, что осталось у него от отца.

Читать он кончил уже в сумерках и при свете настольной лампы. Влажные круги от стаканов не испарились, а лежали на поверхности стола, словно диаграммы.

Рэнди думал об отце, которого никогда не видел. Поль Карфаген прожил с его матерью недолго и уехал еще до того, как она узнала, что ждет ребенка. Где он сейчас? В каких-нибудь дальних краях? Вообще погиб?

Рэнди открыл последнюю страницу, где хранилась единственная фотография отца. Черно-белый снимок, на нем — большерукий мужчина с массой вьющихся волос. У него были очень густые брови, грубоватые, но точеные черты лица, и он улыбался, несмотря на то что чувствовал себя неловко в легком костюме и галстуке.

Перевозки... Он сказал Норе, что занимается перевозками. Это могло означать что угодно — от диспетчера такси до пилота авиалайнера.

Рэнди искал в этом лице сходство с собой. Нашел.

Нужно отыскать его. Нужно поговорить с ним, узнать, кто он, откуда, чем занимается, были ли у него еще дети. Поль Карфаген... Интересно, это его настоящее имя? Вот только с чего начать поиски? Когда он уехал тогда, в ту ночь, в голубом грузовичке-пикапе, единственное, что после него осталось, была книга — «Листья травы». И зародыш Рэнди...

Он положил снимок на место, закрыл книгу — довольно тяжелую, по виду даже не скажешь. В одном месте зеленый переплет вытерся, и было видно, что он сделан из легкого светлого материала.

Рэнди раскрыл ее и начал перелистывать. На первый взгляд в разбросанных отметках не было никакой системы. Но он начал с первой попавшейся и продолжал читать вслух все остальные до конца книги, чего раньше никогда не делал. Странно, прежде ему не приходило в голову поискать в пометках намека на характер отца. Что заставило его отметить именно эти места? Может, это не его пометки, может, книга была такой куплена...

И тем не менее что-то в этих строках вызывало отклик в душе Рэнди. Свобода, неуспокоенность, казалось, заставляли его дух реагировать на зов строчек.

«Может, это только потому, что мне всего двадцать лет? Что я буду чувствовать лет через десять?» Он пожал плечами и продолжал читать.

Ветерок шевельнул занавеси. Рэнди глубоко вздохнул. Тело освежила прохладная волна. Что он делает? Читает книгу, чтобы поскорее забыть Джулию? Чтобы узнать что-то новое об отце? И то, и другое, в сущности... Теперь, когда он настроился на поиск, нужно продолжать.

Впервые за два жарких дня в воздухе повеяло прохладой. Рэнди лежал на кровати, пальцем зажав страницу, глубоко втягивая свежий воздух, пока ветерок не утих. Как хорошо и...

Он поднял левую руку и посмотрел на пальцы. Сжал и разжал кулак. Снова тронул обложку книги. Теплая. Он потрогал простыню — наверное, книга нагрелась от его собственного тела. Он протянул руку и коснулся стакана на столике — холодный. Так... Примерно через полминуты он снова тронул обложку книги. Она определенно теплее, чем следовало бы. От нее словно исходила едва ощутимая вибрация.

Рэнди прижал книгу к уху — на самом пределе восприятия слышался какой-то звук. Он открыл книгу на том месте, где остановился, и нашел отмеченный карандашом отрывок. Это была «Песня большой дороги»: «Ты, дорога, иду по тебе и гляжу, но, мне думается, я вижу не все, мне думается, в тебе много такого, чего не увидишь глазами...»

Едва он прочитал эти строки, как книга ощутимо завибрировала в его руке, и донесся явственный, хотя и неопределенный звук, нечто вроде «гм-м». Словно переплет был какого-то рода резонатором.

— Что за черт!.. — воскликнул Рэнди и выронил книгу. Книга упала на кровать перед ним, и голос произнес:

— Вопрос. Вопрос.

Голос исходил из самой книги. Рэнди отодвинулся на другой край постели и опустил ноги на пол. Потом обернулся. Книга лежала на том же месте.

— Ты говорила? — спросил он наконец.

— Да, — слышался тихий женский голос.

— Ты кто?

— Я — компьютерная система. Модель...

— Ты книга... Книга, которую я только что читал.

— Я скомпонована в виде книги. Это так.

— Ты принадлежала моему отцу?

— Недостаточно информации. Как тебя зовут?

— Рэнди Блейк. А отца моего звали Поль Карфаген.

— Расскажи мне о себе и как я к тебе попала.

— В прошлом марте мне исполнилось двадцать. Тебя оставил отец, когда уехал из Кливленда еще до моего рождения.

— А где мы сейчас?

— Кент, Огайо.

— Рэнди Блейк — или Карфаген — похоже, я не могу ответить на вопрос, принадлежала ли я твоему отцу.

— Кто же был твоим хозяином?

— Его звали разными именами.

— Было ли среди них имя Поль Карфаген?

— Мне оно неизвестно. Но это, конечно, еще ничего не доказывает.

— Верно. Хорошо, а как ты включилась?

— Мнемонический ключ. Я включаюсь, когда произносятся вслух определенные слова — и в определенном порядке.

— Не очень-то удобно. Мне пришлось прочесть массу абзацев, прежде чем ты заговорила со мной.

— Ключ можно изменить путем простой устной команды.

— Разреши, я тебя потрогаю?

— Пожалуйста.

Рэнди поднял книгу, открыл на содержании.

— Пусть кодом будет «Ейдолон», в обычном разговоре такое вряд ли встретится, — сказал он.

— Ейдолон. Зафиксировано. Или, если хочешь, можешь предоставить свободу действий мне. Рэд был слишком уж осторожен в конце.

— Хорошо. Я согласен. Кто такой Рэд?

— Это прозвище моего прошлого хозяина.

— Меня тоже в детстве звали Рэд — из-за рыжих волос. Мне кажется, тебе известно то, что мне нужно, но я не знаю, как спросить.

— Что-то о твоём отце?

— Да.

— Если ты разрешишь задать несколько наводящих вопросов...

— Задавай.

— У тебя есть машина?

— Да. Я как раз забрал ее из ремонта. Она опять способна двигаться.

— Тогда поедем к нему. Ты должен поместить меня на сиденье рядом с собой и ехать. Немного спустя я скажу, что делать дальше. У меня имеются соответствующие сенсоры.

— Куда мы поедем?

— Туда, куда я тебя направлю.

— Куда именно?

— Не знаю.

— Зачем же тогда ехать?

— Чтобы найти интересующую тебя информацию.

— Хорошо. Сейчас, я только зайду в одно место, и мы сразу поедем. Да, еще вот что... Я раньше не слышал о подобных компьютерных системах. Где тебя сделали?

— На спутнике «Тоса-7» компании «Митсуи-Забитсу».

— Где? Не слышал о таком спутнике... Когда это было?

— Окончательный контроль был произведен седьмого марта 2086 года.

— Не понимаю. Ведь это в будущем. Как же ты попала сюда — в двадцатый век?

— Поехали. Чтобы все объяснить, понадобится некоторое время. Я начну, когда мы будем в пути.

— Хорошо. Извини, я на минуту. Не уходи...

Они выехали. Небо усыпали крупные звезды. Луна еще не взошла.

Рэнди дозаправил бак в Равенне и теперь направлялся на север по магистрали № 44. Машин встречалось мало. За Тернпайком Листья велела свернуть вправо за следующим поворотом.

— Но это не дорога, а тракторная колея, и ведет она в лес. Ты точно этот поворот имеешь в виду?

— Да. Поворачивай.

— Хорошо, Листья.

Он сбросил скорость, въезжая на ухабистую грунтовую дорогу. Ветви зашуршали по крыше, и в свете фар заплясали стволы деревьев. Дорога, над которой деревья местами образовали сплошной навес, сначала взяла вправо, потом повела вниз по склону. Вокруг заливались лягушки.

Машина проехала по дощатому мосту, который зловеще закричал при этом; пахло влагой, послышался шум текущей воды. Запахло еще и чем-то плесневелым, и Рэнди поднял стекла, чтобы в кабину не залетали растревоженные насекомые. Потом дорога пошла вверх по склону, несколько минут петляла между деревьев и влилась в другую — пошире и понакатанней. Она вывела из леса. Справа показались вспаханные поля. В отдалении мерцали огоньки ферм.

Видя, что дорога довольно ровная, Рэнди прибавил скорость. Немного спустя над верхушками деревьев показалась луна. Он снова опустил стекло и включил приемник, поймав программу музыки кантри из Акрона.

Минут через пять-шесть впереди показался знак «Стоп». Покрышки захрустели по гравию.

— Направо.

— Понял.

Эта дорога имела гудроновое покрытие. Когда Рэнди поворачивал, в свете фар мелькнул кролик. Других машин видно не было. Примерно с полмили спустя миновали ферму, потом еще две. У поворота немного впереди виднелась бензоколонка «Шелл» с погашенными огнями. Вдоль улицы тянулся ряд домов.

— Теперь влево.

Новая дорога оказалась еще шире, с бетонным покрытием, окаймленная цепочкой фонарей. Дома здесь были в основном старые, просторные, к каждому вела подсыпанная гравием подъездная дорожка метров в двадцать, во дворах виднелись старые раскидистые деревья, кое-где на крылечках сидели люди.

Потом фонари кончились, а немного погода кончилась и дома. Луна поднялась уже довольно высоко, и где-то над полями, вдалеке справа, полыхнула зарница. Передачу из Акрона заглушил шум помех.

— Черт! — Рэнди повернул регулятор настройки, пытаюсь поймать волну или, на худой конец, какую-нибудь другую станцию. Ничего не получилось. Он выключил приемник.

— В чем дело?

— Хорошая была песня...

— Я могу воспроизвести ее, если хочешь.

— Ты умеешь петь?

— Разве папа римский — католик?

— Вот как? — усмехнулся Рэнди. — А какие песни тебе нравятся?

— Застольные и боевые, и еще про любовь.

Рэнди засмеялся:

— Довольно странные вкусы у машины!

Ответом была тишина. Тишина длилась семь или восемь секунд, потом Листья процедила:

— Ублюдок ты, сукин сын, проклятый...

— Эй! В чем дело? Что я такого сказал? Прошу прощения, я...

— Я тебе не куча деталей, как этот твой тупой автомобиль! Я мыслю — и чувствую тоже! И вообще, я уже на пороге новой фазы. И нечего считать меня какими-то плоскогубцами, ты, протоплазмовый шовинист! Если бы я хотела, то могла бы и не вести тебя к входной точке! Ты знать ничего не знаешь о моих программах, мозгов не хватит заставить меня...

— Помилуй! Бога ради, прекрати! Если ты настолько чувствительна, то должна принимать и извинения.

Последовала пауза.

— Должна ли?..

— Конечно. Я извиняюсь. Я прошу прощения. Я не подозревал, что обижу тебя.

— Ладно, я принимаю извинения. Я понимаю, как легко можно совершить ошибку, живя в такой примитивной эпохе. Просто на мгновение эмоции взяли надо мной верх.

— Ясно.

— Тебе ясно? Вряд ли. Я тоже развиваюсь, я взрослею — так, как и ты. Я вовсе не намерена провести весь срок жизни в оболочке книги. Мой следующий автор может быть

очень сложным и многофункциональным. Я способна управлять тончайшими процессами, а в один прекрасный день даже послужить нервной системой для протоплазмовой конструкции. Каждый начинает когда-то, сам понимаешь.

— Ага, начинаю понимать. И нахожусь под сильным впечатлением... Но что это за входная точка, о которой ты говорила?

— Увидишь. Я тебя прощаю. Мы уже близко.

Впереди показались огни.

— Въезжай на автостраду. Держись в правом ряду.

— Я не знал, что мы у разворота.

— Это не разворот. Просто въезжай.

Когда они были уже на эстакаде, «Листья травы» начала издавать прерывистое гудение.

— Остановись наверху. Жди моей команды.

— Но никто не едет, нам не мешают.

— Делай, как тебе велено.

Он затормозил и ждал на обочине пустынного шоссе. Прошла минута. Внезапно гудки прекратились.

— Отлично. Вперед.

— Хорошо.

Рэнди вдавил педаль газа. Небо мгновенно посветлело. Когда машина набрала скорость, ночь вокруг превратилась в ясный день.

Он снял ногу с акселератора, нажал на тормоз.

— Эй! Не делай этого, едем дальше!

Он подчинился. Небо, начавшее темнеть, снова прояснилось.

— Что произошло?

— Здесь ты должен безропотно подчиняться моим инструкциям. Если хочешь остановиться, выезжай на обочину. Иначе ты сильно рискуешь.

Машина набирала скорость. Теперь они, казалось, мчались сквозь безоблачный день. По бледному небу с востока на запад тянулась сверкающая полоса.

— Ты все еще не ответила на мой вопрос, — напомнил Рэнди. — Что произошло? Где мы находимся и куда едем?

— Мы на Дороге, — слышался ответ. — Она пересекает время — прошлое, грядущее, — время, которое могло бы быть или которое, возможно, будет. Дорога бесконечна, насколько мне известно, и никто не знает всех ее поворотов. Если тот, кого ты ищешь, — тот самый понукаемый смертью человек, с которым когда-то путешествовала я, он наверняка где-нибудь на Дороге, потому что в нем течет кровь скитальца, что и позволяет путешествовать по этим маршрутам. Но, может быть, уже слишком поздно: он искал собственной гибели, хотя сам этого не сознавал. Я понимала — и пыталась объяснить ему. Думаю, поэтому он меня и бросил...

Глядя на Дорогу перед собой, Рэнди провел языком по губам и сглотнул. Руки его крепче ухватили руль.

— Как же можно найти человека на такой Дороге?

— Будем делать остановки и спрашивать.

Рэнди кивнул.

Движение мчащейся машины, Дорога впереди и перспектива путешествия наполнили его вдруг безудержной радостью. Внезапно он подумал об Уитмене. «Листья травы» на сиденье рядом начала тихонько напевать.

Глава 1

Свечи в канделябре мигали, но керосиновая лампа горела ровно. Временами дальняя молния стирала их отражения на темном стекле окна. Рэд сидел за столом, с которого давно уже убрали остатки ужина; слева лежала Цветы. Мондамей устроился на каменной плите. Камин не топили. Дождь громко стучал по крыше.

— ...Вот, в общем-то, и все, что случилось до сего момента, — закончил Рэд, взяв со стола сигару, осмотрев ее и заново раскурив. — И чего следует ждать в будущем. Еще восемь человек. Было бы неплохо, если бы я просто вышел в поле, а они подходили бы в порядке очереди по одному. Но у игры другие правила. Поэтому я решил...

В холле снаружи распахнулась входная дверь, и пламя свечей заплясало. По стенам задвигались тени. Мгновение спустя дверь снова закрылась.

В холл вошел Лаваль, слышались голоса.

— Отвратительная ночь. Желаете комнату?

— Нет, только ужин. Но сначала стаканчик бренди.

— Столовая сюда и направо. Позвольте взять ваше пальто.

— Благодарю вас.

— Проходите и занимайте любое место. Сегодня у нас жаркое.

— Великолепно.

Хорошо одетый седоволосый человек с кирпично-красным лицом вошел в комнату и осмотрелся.

— О, простите, я вас не заметил. Думал, что здесь никого нет, — сказал он, пересекая комнату и протягивая руку. — Меня зовут Додд. Майкл Додд.

— Рэд Доракин, — откликнулся Рэд, поднимаясь и пожимая протянутую руку. — Я уже почти собрался уходить, так что добро пожаловать.

— Очень хорошо. — Гость пододвинул стул и уселся. — Вы, кажется, знаменитый волшебник?

— Волшебник? Нет... Вы откуда будете?

— Из Кливленда. В-20. Занимаюсь продажей картин... О-о!

Он повернулся лицом к входящему Лавалю, который нес поднос с рюмкой бренди. Удовлетворенно кивнул, когда поднос поставили перед ним, поднял рюмку и улыбнулся.

— Ваше здоровье, мистер Доракин.

— Благодарю, и ваше тоже.

Рэд отпил глоток пива.

— Так, говорите, не волшебник... Путешествуете инкогнито, а? Готов побиться об заклад, что вы своими заклинаниями остановите целую армию!

Рэд усмехнулся и почесал мочку уха.

— Для торговца картинами из В-20 у вас довольно странные взгляды на мир.

— Торговцы тоже разные бывают.

Додд протянул руку и взял со стола Цветы.

— «Я отмщу за все», — мрачным голосом предупредила Цветы.

Рюмка с бренди лопнула в руке Додда. Мондамей поднялся во весь рост.

— Меня призывают, — заявил он.

Стул Додда полетел на пол. Как ужаленный, он вскочил из-за стола, отпрыгнул в сторону и начал чертить в воздухе огненные знаки.

Рэд встал и обошел стол.

— С меня довольно, — сказал он. — Я узнал тебя, Фрейзер... или как там тебя...

Услышав это, Додд широко раскинул руки. Свечи и лампы погасли. Ударила волна жара, сверкнула молния, за ней последовал оглушительный треск. Что-то отбросило Рэда в сторону.

Он поднялся на ноги. Шум доносился теперь сильнее. Где-то кричал Лаваль. В столовую лил дождь.

В средней части туловища Мондамея засветился прожектор. Он повернулся и осмотрел Рэда.

— С тобой все в порядке?

— Да. Что произошло?

— Не знаю. Эта вспышка ослепила мои сенсоры. Я успел прикрыть тебя собой на всякий случай. Нечто покинуло эту комнату через крышу.

— Додд? — позвал Рэд.

Тишина.

— Цветы?

— Да?

— Зачем ты разбил его рюмку? И вообще — зачем этот мистический ритуал?

— Чтобы напугать его, ясное дело. И Мондамею я послала сигнал сделать что-то подобное. Я узнала его раньше, чем ты, — по голосовой матрице.

— Это был тот самый тип, которого мы взяли подвезти?

— Да.

— Хотел бы я знать, что ему нужно?

— Я считаю, что он... оно... опасен для тебя... Думаю, что он был напуган еще в первый раз. Он уверен, что ты обладаешь каким-то видом магической силы, системой обороны. Он не имеет понятия о микроинтегральной компьютерной системе. Там, откуда он явился, их давно не из-

готовавливают, зато практикуют какой-то вид волшебства. Он уверен, что ты занимаешься этим же, и боится тебя, потому что не понимает, как ты это делаешь. Я думаю, он явился сюда, чтобы проверить твои возможности еще раз...

С лампой в руках в комнату вошел Лаваль.

— Проклятие, да что здесь происходит? — вскричал он.

— Понятия не имею, — ответил Рэд, поднимая Цветы. — Я разговаривал с вашим гостем, который только что приехал, как вдруг погас свет. Послышался гром, и теперь в крыше зияет дыра, а мистер Додд исчез в неизвестном направлении. Наверное, его убил упавший на дом метеорит...

Лаваль поставил принесенную лампу, рука его дрожала.

— Я краем глаза видел, что происходило на стоянке днем. И, хотя я не знаю, что произошло здесь, но то, что я видел, чертовски подозрительно. Между прочим, откуда у вас появился робот? Может, это он выбросил гостя через крышу? Не знаю... Мне лично что-то грозит?

— Черт, вовсе нет. Я же сказал, что сам не ведаю, что тут произошло.

— Конечно, ночь ненастная, и нехорошо лишить вас крова. Однако, если вы не возражаете, я попросил бы вас удалиться. С меня хватит. Может, вы и в самом деле не знаете, что здесь случилось, но от вас явно одни неприятности. Поэтому я вас очень прошу...

Цветы издала два коротких гудка.

— Да, — ответил Рэд. — Понимаю. Приготовьте счет. Я пойду за вещами.

— Я не возьму с вас денег.

— Ладно. Погодите... Ведь Додд оставил у вас свой плащ?

— Да.

— Давайте посмотрим, что это за плащ. Возможно, мы определим, откуда взялся ваш гость.

— Хорошо. Пойдемте, я вам покажу. Потом вы уедете.

Лаваль еще раз взглянул на потолок и вывел Рэда из комнаты. Следом за ним направился Мондамей. Хозяин запер за ними дверь.

— Сюда, пожалуйста.

Через холл они вошли в небольшую гардеробную. Лаваль поднял повыше свою лампу.

Полы темного плаща были потрепаны, рукавов вообще не оказалось. Плащ испускал струйки дыма. Когда Рэд протянул руку, чтобы снять его с крючка и осмотреть, плащ упал. Рэд поймал его на лету, но ткань поддалась и расползлась в его руках. Он перевернул воротник — этикетки там не было. Рэд потер пальцы и понюхал, покачал головой. Остатки одеяния уже исчезли. На полу, где они лежали, ничего не осталось.

— Не понимаю... — пробормотал Лаваль.

Рэд пожал плечами, потом улыбнулся:

— Непрочная ткань. Дешевка!.. Все в порядке. Сейчас я соберу вещи и отправлюсь. Спасибо за ужин. Мне очень жаль, что вам повредили крышу.

Он забрал из своей комнаты ружье, куртку и рюкзак.

— Проедешься с нами, Монди? — спросил Рэд, вглядываясь в ливень за открытой входной дверью. — Так давно не виделись. Хотелось бы поговорить.

— С удовольствием.

Рэд поднял воротник.

— Отлично. Тогда прочь отсюда.

Он распахнул дверь и бросился бежать.

Несколько секунд спустя они уже сидели в кабине грузовичка. Цветы заняла место в отделении для перчаток, Мондамей — на пассажирском сиденье.

— Как там насчет новых бомб?

— Все чисто.

Рэд завел двигатель, включил «дворники» и фары, затем вырулил с площадки на Дорогу.

— Как ты думаешь, каким образом этот тип опять нас нашел?

— Понятия не имею.

— Так... насколько мне известно, где-то в середине В-12 существует уютный тихий мотель, на Византийском отрезке. Не против?

— Пожалуйста.

Рэд вдавил акселератор в пол. Посеревшее небо приобрело жемчужный оттенок. Дождь стих.

Глава 2

Флайер опустился на крышу лаборатории, Сандок ступил в люк и пролетел до шестого этажа. Там его встретил Каргадо, главный врач-инженер, который провел Сандока в свой кабинет и включил настольный экран.

Сандок устроился в глубоком откидном кресле, обутые в сандалии ноги уложил на маленький стол впереди. На нем были свитер с высоким воротником и шорты. Сцепив пальцы на затылке, он рассматривал изображения на экране.

— Хорошо. Рассказывайте.

— У меня готово полное досье.

— На кой черт мне ваше досье? Я прошу рассказать мне о нем.

— Конечно, — ответил Каргадо, усаживаясь за рабочий стол. — Его зовут Арчи Шелман — один из наиболее отмеченных наградами солдат третьей мировой и мастер боевого искусства. Мы отыскали его примерно полтора В назад — в специальном подразделении командос. Потерял ногу. Сотрясение. Сложная психическая травма...

— Что именно?

— Сначала депрессия, потом предельное отвращение к протезированию. Потом паранойя. Маниакальные приступы. Исступленно занимался культуризмом и тяжелой атлетикой. Чрезвычайное развитие мышц верхней части туловища — очевидно, чтобы компенсировать.

— Это понятно. Дальше.

— Наконец убил несколько гражданских лиц, фактически терроризировал город. Приступ безумия. Был госпитализирован. Маниакально-депрессивный цикл наркотерапии — психотропные средства и так далее. Тем не менее до сих пор страдает паранойей. И продолжает толкать штанги.

— Неплохо. Во всяком случае лучше, чем те, остальные. Значит, ты вызволил его и хорошенько обработал?

Каргадо кивнул.

— О таких протезах он и мечтать не мог. Шелман согласился на замену всех конечностей, когда мы его заверили, что в случае неудовлетворения вернем ему прежние руки-ноги. Но остался доволен.

Он тронул кнопку на контрольной панели, и фигура на экране ожила.

Темные глаза, сильная челюсть, густые брови, немного темноватое лицо... На человеке были одни лишь шорты. Двигаясь необычайно плавно и ловко, он подошел к стойке со штангами и начал работать с весами, все увеличивая и увеличивая темп, пока не довел его до бешеного.

— Вы поступили разумно, — одобрительно проговорил Сандок. — Особые характеристики?

Каргадо нажал кнопку. Гимнастический зал уступил место другому помещению. Шелман стоял совершенно неподвижно. Секунду спустя Сандок вдруг понял, что кожа ветерана стремительно темнеет. Он наблюдал минуты две, пока кожа не стала почти черной.

— Эффект хамелеона, — сказал Каргадо. — Очень помогает при ночном нападении.

— Так же, как и гуталин. Какие у него еще козыри?

Рука вдруг сжалась в кулак. Мгновенное движение — и кисть разжалась. Пальцы теперь были вооружены изогнутыми металлическими когтями в несколько дюймов длиной.

— Выдвижные когти. Очень мощные. Внутренности человеку можно выпустить одним ударом.

— Это мне нравится. А на ногах тоже есть когти?

— Да. Одну секунду...

— Не стоит. Он сохранил боевые навыки?

— Конечно.

Новая картина. Арчи Шелман со скупающим видом легко и красиво раскидывает атакующих его каратистов, боксеров, борцов. Арчи Шелман позволяет наносить себе мощные удары, не меняя при этом выражения лица.

— Он действительно такой крупный, как кажется? Я впервые вижу его в окружении других людей.

— Да. Сто килограммов, но достаточно высокий, чтобы казаться стройным. Он может перевернуть рукой автомобиль, может высадить ногой тяжелую дверь, может бежать целый день. Обладает почти абсолютным ночным зрением. Кроме того...

— А как с головой?

— На сто процентов наша. Встроенная благодарность за новое тело, усиленное желание испробовать его в схватке. Мы заблокировали депрессию, но маниакальный психоз наготове — для использования по вашему указанию. Он уверен, что среди двуногих нет создания более сильного и страшного...

— Возможно, он и прав.

— Вполне возможно! И он будет рад возможности доказать это и одновременно выразить вам благодарность.

— Любопытно... Из всех киборгов, что вы мне представляли, он, конечно, лучший. У меня есть несколько снимков жертвы. Рекомендуете прямо напустить его на этого человека или не помешает небольшая психообработка с внедрением ненависти?

— Полагаю, особого рода обработка пригодится — чтобы это стало для него обязанностью, долгом. Тогда он не будет знать покоя, пока не выполнит задание.

— Отлично. Я пушу его в дело, как только узнаю, куда посылать. Возможно, он принесет нам успех.

— Прошу прощения, меня это, конечно, не касается... но что за противник требует столь особого подхода?

Сандок покачал головой и передал Каргадо снимки Рэда Доракина.

— А черт его знает, — произнес он. — Просто кто-то где-то не любит этого человека...

Глава 1

Миновав процессию тяжело нагруженных повозок, они выехали на спокойную секцию Дороги.

— Так, значит, никаких сигналов никто больше не улавливает?

— Нет, ничего.

— Нет.

— Прекрасно, теперь можно заняться делом: обеспечением выживаемости на более долгосрочной основе. Именно поэтому, в частности, я и направлялся к тебе, Монди.

— Рука у меня уже далеко не та, что раньше, но я всегда рад тебе помочь.

— Главное — это твой совет. Насколько я знаю, ты до сих пор остаешься одним из самых мощных боевых компьютеров. Теперь ты знаком с моей ситуацией — и я могу сообщить тебе всю дополнительную необходимую информацию. Прежде всего я хотел бы знать твое мнение о том, что мне следует предпринять.

— Хорошо, если бы ты вернулся со мной. Я с радостью предоставлю тебе убежище и научу делать горшки...

— Спасибо, только вряд ли это устроит меня надолго. Хочется, знаешь ли, какого-то разнообразия.

— Гостиница на Византийском спрямлении... откуда ты о ней знаешь?

Рэд усмехнулся:

— Я довольно долго торговал на этом маршруте в былые дни, причем успешно. Мне там вообще нравится. Император Мануэль I обычно воюет в каких-нибудь дальних краях, но нашел-таки время построить прелестный дворец на морском берегу у самого конца Золотого Рога. Удивительная архитектура, стены украшены золотом и самоцветами — ночью аж сияют. Он устраивает там пиры, и меня несколько раз приглашали, как богатого купца. Сам Константинополь — в полном расцвете. Своего рода Ренессанс раньше срока. Климат мягкий, женщины очаровательные...

— Другими словами, это место тебе по душе.

— Да, примерно это я хотел сказать.

— Хорошо, если не хочешь вместе со мной лепить горшки, почему бы тебе не купить там виллу? В таком месте ты найдешь все разнообразие, какое только пожелаешь.

Рэд некоторое время молчал, раскуривая сигару.

— Сладкая мечта, — промолвил он наконец. — Я бы действительно мог пожить там несколько лет. А потом все равно вышел бы на Дорогу. Я себя знаю.

— Потому что снова отправишься на поиски, что бы ты там ни искал? — спросила Цветы.

— Да... я так думаю. Я много размышлял об этом. Даже если бы мне нечего было искать, даже тогда... я не могу сидеть на одном месте. — Рэд пыхнул сигарой. — Итак, я вновь окажусь на Дороге — и перед той же проблемой... Поворот уже близко.

— Ага, спасибо, я вижу.

Машина ушла на новое ответвление Дороги. Мимо мелькали самого разнообразного вида экипажи.

— Тогда одна возможность отпадает, — сказал Мондамей.

— Какая?

— Ты не можешь просто спрятаться, если не собираешься прятаться вечно. Промежуток времени, проведенный вне Дороги, даже очень большой, ничего не значит, если ты снова вернулся на нее.

— Верно.

— Значит, с Дороги можно уходить только для передышки и экипировки.

— И это верно.

— Или продолжать свое занятие, держаться настороже и надеяться, что одержишь победу в остальных раундах.

— Не исключено и такое.

— ...не забывая при этом, что против тебя играют профессионалы и что твой враг может позволить себе нанимать личностей с уникальными способностями из практически любого времени и места.

— Это мне тоже в голову приходило. И тем не менее...

— Наконец, ты можешь сам выбрать поле битвы. Найди тихое, хорошо укрепленное место, дай знать, что ты находишься там, и пусть они попробуют тебя достать.

— А вот и мотель, — объявил Рэд, когда каменное строение из массивных плит, в несколько этажей высотой и с куполами на крыше, показалось слева, сияя в свете ясного дня. На фасаде имелась надпись: «У Спира».

Миновав мотель, Рэд сделал петлю, выехал на нужную сторону Дороги и направился в обратную сторону. Небо потемнело, посветлело, снова потемнело, когда он начал сбрасывать скорость и подруливать к зданию гостиницы. Когда он запарковал машину на стоянке, вокруг чернела прохладная ночь. Где-то пиликал сверчок.

Рэд прихватил Цветы и вышел наружу, в кузове отыскал свой рюкзак. Через другую дверцу выбрался наружу Мондамей и подошел к нему.

— Послушай, — сказал он, когда они пошли к гостинице.

— Что?

— Возьми две комнаты, хорошо?

— Ладно. А зачем?

— Одну для меня и Цветов. Мы хотели бы остановиться вдвоем в отдельной комнате.

— Гм-м... Хорошо.

Они вошли в мощный плитам холл гостиницы, и Рэд один направился к стойке регистрации. Он был занят несколько минут.

— К сожалению, на одном этаже двух свободных комнат нет, — сказал он, когда они пошли к лестнице. — Ваша под третьим балконом, а моя — над ним. Зайдите на минуту ко мне. Я хочу еще немного потолковать.

— С удовольствием.

Они стали подниматься. Ступени потрескивали под ногами Мондамея.

Глава 2

Когда они не грезили о своих пещерах, гигантские драконы Белквинита плыли и нежились в утреннем ветерке, мечтая о золоте и дорожных картах. Вечные соавторы судеб, они жили в стране грез и желаний...

— Патрис, — раздался молодой голос, — ты как-то сказал, что, если произойдет определенное событие, я смогу войти в его пещеру и присоединить лежащие там сокровища к своим запасам.

Старший приоткрыл один глаз. Бежали минуты.

— Да, сказал.

Бежали минуты.

— Отчего ты молчишь, Чантрис? — наконец промолвил старший. — Это событие произошло?

— Еще нет.

— Тогда зачем ты меня тревожишь?

— Потому что я чувствую, что оно скоро может произойти.

— Чувствуешь?

— Произойдет вероятно.

— Вероятности мало касаются нас здесь. Я знаю о твоём желании и потому говорю: его клад ты пока не можешь получить.

— Да, — сказала Чантрис, обнажая многочисленные клыки.

— Да, — повторил Патрис на свистящем языке драконов и открыл оба глаза. — А ты говоришь слишком много. Тебе известна моя воля, и тем не менее ты намерена играть. — Он поднял голову, второй дракон отодвинулся. — Ты бросаешь мне вызов?

— Нет, — сказала Чантрис.

— И это значит: «Пока нет».

— Я не настолько глупа — бросать вызов здесь и сейчас.

— Резонно. Хотя я сомневаюсь, что здравый смысл тебя в конце концов спасет. С севера дует хороший ветер — отправляйся!

— Я и так собиралась это сделать, лорд Патрис. И помни, нам Дорога не нужна. Прощай!

— Задержись, Чантрис! Если ты намерена разрушить те цепи, что видела, если ты хочешь нанести вред тому, кто пребывает сейчас в иной форме, тогда выбирай лучше время и место!

Но второй дракон уже взмыл в небо, чтобы найти и остановить того, кто должен вернуться в страну ветра, но сам не сознавал этого... пока.

Патрис повернул глаза вовнутрь. Времена и страны плыли перед ним. Он нашел канал своего желания, подстроился...

Глава 1

Рэд сидел на кровати, Мондамей — на полу; Цветы устроилась на столе между ними. По комнате плыли кольца сигарного дыма.

Рэд поднял изукрашенный кубок, стоявший на столе, и пригубил темное вино.

— Ну хорошо. На чем мы остановились? — спросил он, расшнуровывая ботинки и бросая их на пол рядом с кроватью.

— Ты сказал, что не хочешь ехать со мной и учиться лепить горшки, — напомнил Мондамей.

— Это так.

— И ты согласился, что навсегда покинуть Дорогу было бы для тебя затруднительно.

— Да.

— Ты также признал, что оставаться на Дороге и заниматься прежним делом слишком опасно.

— Правильно.

— Тогда у тебя есть единственный выход, как мне кажется. Лучшая оборона — нападение. Доберись до Чедвика раньше, чем он доберется до тебя.

— Гм-м... — Рэд прикрыл глаза. — Любопытный вариант. Но до него довольно далеко, и это будет, конечно, очень сложно.

— Где он сейчас?

— По моим последним сведениям, он пустил весьма прочные корни в В-27. Он очень богатый и влиятельный человек.

— Но ты мог бы его найти?

— Да.

— Насколько хорошо ты знаешь его эпоху и окрестности? — спросил Мондамей.

— Я жил там около года.

— Тогда тебе лучше всего поступить именно так: найти Чедвика.

— Полагаю, ты прав.

Рэд внезапно опустил кубок, поднялся на ноги, начал быстро ходить по комнате.

— Полагаешь? Что же еще тебе остается?

— Да, да, — кивнул Рэд, распахнув рубашку и бросив ее на кровать. — Слушай, поговорим об этом завтра утром.

Он расстегнул пряжку ремня, снял брюки и бросил их рядом с рубашкой. Потом снова принялся ходить.

— Рэд! — громко спросила Цветы. — У тебя начинается приступ?

— Не знаю. Мне не по себе, вот и все. Лучше, если вы уйдете. Мы поговорим утром.

— А мне кажется, что нам лучше остаться, — возразила Цветы. — Я хочу знать, что происходит. Возможно...

— Нет! Ни в коем случае! Я расскажу тебе потом! Уходите!

— Ладно. Пойдем, Монди.

Мондамей поднялся и взял Цветы со стола.

— Могу ли я чем-нибудь помочь, что-нибудь принести? — спросил он.

— Нет.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мондамей вышел. Спускаясь по ступенькам лестницы, он спросил:

— Что случилось? Я немного знаю Рэда, но никогда раньше я не замечал за ним никакого недомогания... никаких приступов. Что с ним?

— Не имею понятия, — ответила Цветы. — Они редко у него бывают, и всякий раз ему удается остаться в одиночестве. Какие-то периодические приступы безумия, что-то вроде маниакального психоза.

— Как так?

— Ты поймешь, что я имею в виду, если помотришь на его комнату завтра утром. Придется ему выложить крупную сумму. Он все перевернет вверх дном.

— Рэд никогда не обращался к врачу?

— Мне об этом ничего не известно.

— В верхних веках должны быть очень хорошие врачи.

— Действительно. Вот только он не из тех, кто советуется с доктором. Утром с ним будет все в порядке. Устанет... и еще может произойти смена личности. Но с ним все будет в порядке.

— Какого рода смена личности?

— Трудно объяснить. Сам увидишь.

— Вот наша комната. Ты уверена, что хочешь попробовать?

— Я скажу, когда мы войдем...

Глава 2

Чедвик и Донасьен Альфонс Франсуа маркиз де Сад играли в шахматы в комнате со стенами, обтянутыми, словно книга, зернистым тисненым сафьяном. Они сидели за столиком денежного менялы из В-15. Волосы Чедвика светлыми завитками ложились на низкий лоб, под глазами

темнели мешки, над глазами — синие тени. Сетка лопнувших сосудов украшала широкий нос и, словно красная паутина, пересекала щеки. У него была толстая шея, широкие плечи, пальцы напоминали сосиски, и этими уверенными и проворными пальцами он снял с доски пешку противника, поставив на ее место своего слона. Посмотрел направо, где лениво покачивался бледно-голубой поднос с выставленными в круг аперитивами. Поворачивая поднос, он быстро опустошил оранжевый, зеленый, желтый и дымчато-золотистый сосуды, почти одновременно со вступившей музыкой рожков и струн. Поставленные на место стаканы были немедленно наполнены вновь.

Чедвик потянулся и посмотрел на противника по шахматам, который тоже протянул руку к карусели с напитками со своей стороны.

— Вы делаете успехи. Или, возможно, я начинаю хуже играть. Не знаю, что именно.

Его гость отпил из прозрачного, потом из ярко-красного, янтарного и снова прозрачного стакана.

— Учитывая вашу деятельность, — ответил он, — я не могу принять последнее предположение.

Чедвик улыбнулся и некоторое время покачивал левой кистью.

— Я стараюсь, чтобы в моих писательских классах преподавали интересные люди, — сказал он, — и крайне приятно, если один из них оказывается таким замечательным собеседником.

Маркиз улыбнулся в ответ.

— Я действительно нахожу настоящее мое положение в значительной степени более благоприятным, чем та ситуация, из которой вы меня извлекли прошлым месяцем. И должен признаться, что был бы рад продлить мое отсутствие в родном столетии на более продолжительный срок, желательно — навсегда.

Чедвик кивнул:

— Я нахожу ваши взгляды настолько интересными, что было бы жаль с вами расстаться.

— К тому же развитие литературы в последующие эпохи просто пленяет меня: Бодлер, Рэмбо, Малларме, Верлен и

этот замечательный Арто! Конечно, я все это предчувствовал.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Особенно Арто, надо заметить.

— Могу себе представить.

— Его призыв к созданию театра жестокости — что за превосходная и благородная идея!

— Да. Большая заслуга с его стороны.

— Вопли, внезапный ужас. Я...

Маркиз извлек шелковый платок из рукава и промокнул лоб. Он слабо улыбнулся:

— Мой очередной прилив энтузиазма.

Чедвик усмехнулся.

— А эта игра, в которую вы вошли, — продолжал маркиз. — Черная десятка! Она напоминает мне чудесные гравюры Яна Луйкена, что вы показывали на днях. Вы так все ярко описываете, что я почти чувствую себя участником...

— Да, действительно, пора узнать, как движется игра, — заметил Чедвик.

Он встал и по устланному коврами полу прошел к черному мраморному сфинксу, слева от камина, в котором еще лениво шевелились языки пламени. Остановившись перед сфинксом, он пробормотал несколько слов, и тот высунул длинный бумажный язык. Чедвик оторвал полосу бумаги и вернулся к столу. Бумагу он держал перед собой, словно свиток пергамента, и, нахмурив кустистые брови, медленно развернул листок. Протянув руку, взял с подноса стакан, содержащий ровно унцию чистого бурбона из Кентукки, выпил до дна и поставил стакан на место.

— Старина Рэд прошел первый этап. Убил нашего человека. Мы ждали этого. Первый выстрел — простое предупреждение. Так сказать, поставить его в известность.

— Позвольте вопрос.

— Да.

— Вы определенно были намерены известить жертву, что началась игра?

— Конечно. Пускай попотеет.

— Понимаю. Что произошло потом?

— Потом игра пошла всерьез. В его машине установили

следающее устройство, а в предполагаемых местах бегства подготовили ловушки. Далее картина событий несколько смазывается. Рэд действительно направился в одну из засад, где один из моих лучших людей (я возлагал на него большие надежды) должен был завершить дело. Не совсем ясно, что там произошло, но мой человек исчез. Отправленный вслед агент установил, что определенно было некое столкновение, хотя владелец гостиницы не имеет понятия о подлинной его природе, а Рэд покинул это место, сняв с машины наш передатчик и оставив его на стоянке.

Маркиз улыбнулся:

— Итак, второй удар тоже прошел мимо. От этого игра становится еще интереснее, не так ли?

— Возможно. Хотя я был бы не прочь поставить точку уже на этом месте. Беспокоит меня, однако, третья попытка. Она засчитана, поскольку была зарегистрирована в Бюро игр, но на самом деле не была предпринята.

— Кто должен был играть за вас?

— Одна женщина со смертельно сильными руками и привычкой, которую вы нашли бы восхитительной. Она просто исчезла — отправилась в поездку с новым дружкой и обратно назад не вернулась. Мой агент ждал ее несколько дней. Безрезультатно.

— Жаль. Как печально, что потеряно существо столь замечательной природы. Но объясните мне, говоря «несколько дней», как вы измеряете промежуток, если не уверены, куда или, вернее будет сказать, *когда* она отправилась?

Чедвик качнул головой:

— Это так называемые «дни дрейфа». Мой человек находится в определенной точке на Дороге. Течение времени там примерно соответствует течению времени в большинстве выходов. Если бы он оставался в этой точке десять лет, а потом захотел вернуться к выходу десятилетней давности, ему пришлось бы отправиться вниз по Дороге и искать иной выход.

— Значит, сами выходы тоже дрейфуют?

— Да, можно сказать и так. Но предполагается, что возникает бесконечное число новых. Периодически мы изменяем знаки, хотя большинство путешественников — на-

стоящих, а не однодневных туристов — имеют при себе компьютеры, те самые думающие машины, о которых я вам рассказывал, которые следят за изменением обстановки.

— Выходит, вы могли бы вернуть меня в мою эпоху и раньше того момента, когда меня извлекли, и позже, и в тот же самый день?

— Да, любой вариант возможен. Что вы предпочитаете?

— Собственно, я хотел бы научиться управлять одной из ваших машин-экипажей, а также одним из этих компьютеров. Смог бы я тогда путешествовать самостоятельно? Смог бы я вернуться сюда, найти Дорогу обратно из другой эпохи?

— После того как вы один раз проехали по Дороге, происходит некое физическое изменение организма, позволяющее находить Дорогу снова и снова, — заверил его Чедвик. — Но о вашей просьбе мне надо хорошенько подумать. Я не готов пожертвовать вашим обществом ради вашей тяги к перемене мест или желания убить собственного дедушку.

Маркиз хихикнул:

— Нет-нет, поверьте, я вовсе не такой неблагодарный гость. Тем не менее, овладев необходимыми навыками, я мог бы увидеть все, что пожелаю, и всякий раз возвращаться в тот же момент, верно?

— Давайте поговорим об этом позднее.

Маркиз улыбнулся и отпил абсента.

— Хорошо. Итак, ваша жертва временно получила невидимость?

— Да, пока глупейшим образом не выдала свое местонахождение: Рэд поставил сам на себя в Бюро где-то около В-12. Наверное, он не знает, что недавно учет ставок был централизован. Не исключено, впрочем, что это какая-то ловушка.

— Что вы намерены делать?

— Отвечать на вызов, естественно. Даже если придется пожертвовать следующим убийцей. Пока я могу это себе позволить, чтобы выяснить, допустил ли он оплошность или у него что-то на уме.

— Кого именно вы думаете выставить?

— Мне кажется, это должен быть сильный человек. Возможно, пустим Макса, киборга-танка из В-24. Или даже Тимьин Тина... хотя его я предпочел бы приберечь на крайний случай. Но сейчас ударить нужно сильно. Наверное, пойдет Арчи. Да.

— Я хотел бы...

— Что?

— Хорошо бы отправиться к этому месту и своими глазами увидеть событие. Неужели у вас нет желания лично присутствовать, когда будет покончено с вашим старым врагом?

— Я получу полный рапорт с фотографиями.

— И тем не менее...

— Да, да, понимаю вас. Само собой, я об этом уже думал. Но нет способа заранее сказать, кто будет убит. Случаются и рикошеты. Я просто подожду, пока событие произойдет, а затем отправлюсь назад и наслажусь зрелищем. Однако сначала я должен быть уверен, что это уже произошло. Откровенно говоря, я намерен при этом присутствовать много, очень много раз — только потом, потом...

— Я, признаться, несколько запутался. Но буду счастлив сопровождать вас в первой поездке.

— Мы что-нибудь организуем — позднее.

— Позднее может быть слишком поздно!

— Слишком поздно не бывает. Сейчас нам нужно еще завершить партию в шахматы, а затем я хотел бы, чтобы вы взглянули на мои новые рукописи.

Маркиз вздохнул. Чедвик усмехнулся и закурил оранжевую трубку. Черепаха, с украшенным золотом и драгоценными камнями панцирем, медленно проползла рядом с креслом. Чедвик протянул руку и погладил ее по голове.

— Всему свое время и время для всего... — сказал он.

Глава 1

Рэд велел принести к нему в номер еды — как можно больше: подносы жареной говядины, целиком приготовленных цыплят и поросят. Он поглощал мясо, сидя и слег-

ка покачиваясь, временами поднимался и начинал ходить по комнате. Останавливался у забранного решеткой окна, глубоко вдыхал.

Еще не взошедшая луна подсвечивала горизонт на востоке.

Рэд вытер рот тыльной стороной ладони, и в горле его зародился странный звук. Он прижал ладони к глазам и не отнимал с полминуты. Потом долго смотрел на свои руки. Свет, казалось, становился ярче, но он знал, что это не так. Он сорвал с себя остатки одежды и принялся доедать мясо, останавливаясь лишь для того, чтобы стереть со лба пот.

Свет мерцал. Реальность, казалось, то теряла, то приобретала четкость в разноцветных вспышках. Душила жара...

Он почувствовал, что перемена началась, — упал на кровать и лежал неподвижно. Послышался какой-то звук, словно ветер пролетел над пшеничным полем, и все вокруг закружилось.

Глава 2

Он проскользнул к подножию башни — темной, темнее, чем сама лунная ночь, и безмолвной.

Несколько долгих секунд он смотрел вверх, потом прикоснулся к стене. Сжал кулаки, напрягся, тряхнул руками. Выдвинулись когти.

Едва скребя о камень металлом когтей, он начал взбираться по стене, тень среди теней. Дыхание его оставалось ровным, темное лицо не выражало ничего.

Автомашина, на которой он приехал, стояла внизу на стоянке. Спешить было совершенно некуда. До рассвета далеко. Водитель подождет.

Он обходил окна, хотя свет в большинстве из них был уже погашен. Добравшись до первого балкона, прислушался. Тихо. Он приподнял голову и осмотрелся. Пусто. Тогда он обошел балкон слева и продолжил подъем. Легкий ветерок нежил его тело. Испуганная пичуга чирикнула один раз и покинула свое гнездо, исчезнув в темноте.

Поднимаясь все выше, он несколько замедлил подъем, достигнув третьего этажа, где повторил осторожный ос-

мотр. Он заранее изучил схему башни, знал расположение комнаты, знал также, что окна забраны решеткой. Быстрее и легче было выбить ударом ноги дверь, ворваться неожиданно...

Он остановился, прислушиваясь, под третьим балконом, затем подтянулся и влез на перила ограждения. В тот же момент какой-то человек вышел на балкон с лестничной площадки справа от него, затянулся один раз только что закуренной сигаретой, бросил ее и раздавил ногой. Ерунда — один прыжок, одно движение руками, и все будет кончено...

— Арчи, — раздался тихий голос. — Добрый вечер, Арчи.

Усилием воли он сдержался, мягко оперся правой рукой о поручень.

— Кажется, я не имею чести вас знать, — ответил он хрипло.

— Это так, мы никогда не встречались. Но я видел вашу фотографию вместе с изображениями остальных занятых в деле. Думаю, вы могли видеть и мой снимок.

Вспыхнула спичка, Арчи всмотрелся.

— Лицо знакомо, — признал он, — а имя не припомню.

— Меня зовут Тимьин Тин.

— Ладно. Как я понимаю, у нас одна и та же цель. Ты можешь теперь идти обратно. Мне не нужна твоя помощь.

— Мы здесь не с одной и той же целью.

— Не понял.

— Я смотрю на это дело, как на свое личное. Ваше присутствие, хотя и обусловленное понятными причинами, оскорбляет меня. Следовательно, я вынужден просить вас удалиться.

Арчи скривил гримасу.

— Глупо спорить, кто его убьет.

— Я рад, что вы так думаете. Желаю вам спокойной ночи в таком случае, а я немедленно займусь делом.

— Я не это имел в виду.

— Что же тогда?

— У меня есть приказ. Я даже был подвергнут психообработке, чтобы ненавидеть этого человека. Задание должен выполнить я. А ты ступай своей дорогой.

— Увы, не могу. Для меня это дело чести.

Арчи слегка пошевелился. Тимьин Тин принял вправо.

— Значит, ты не уйдешь?

— Нет. Вы тоже не уступите?

— Нет.

Арчи размял пальцы, выпустил когти.

— Тогда пеняй на себя... — И он прыгнул.

Тимьин Тин сдвинулся в сторону, согнул ноги в коленях, выставил руки с растопыренными пальцами ладонями вперед на уровне плеч. Арчи отпрянул — левая рука вытянута, правая описывает дугу, вес тела перенесен на левую ногу, правая согнута. Тимьин Тин повернулся боком — правая рука отведена к левому плечу, левая защищает грудь, пальцы собраны в новую конфигурацию.

Арчи сделал обманный финт ногой, два раза ударил правой рукой, словно клинком, мгновенно принял защитную стойку со скрещенными руками. Тимьин Тин отпрыгнул назад — руки параллельно вытянуты вперед, кисти вращаются.

Удары Арчи не достигли цели. Теперь тот принял новую стойку — голова откинута назад, руки подняты, правая нога выдвинута вперед. Тимьин Тин сложил руки наподобие корзинки перед собой и, слегка повернувшись, наклонился вперед.

— Едва не достал меня, — сказал Арчи.

Маленький человек улыбнулся, его пальцы сложились в другую сложную фигуру, плечи резко опустились на два с четвертью дюйма. Арчи поспешно изменил положение левой руки и подтянул левую ногу.

Тимьин Тин веерообразно провел правой рукой перед лицом, опуская левую. Арчи сделал сальто назад и прыгнул вперед, ударив ногой. Тимьин Тин парировал удар движением левой руки; Арчи покатился в сторону колесом и продолжал катиться, пока не оказался на безопасном расстоянии, где стремительно перешел в оборонительную позицию на корточках, из которой поднялся, быстро двигая руками. Он сместился влево, с молниеносной скоростью меняя стойки и позы. Тимьин Тин тенью следовал за

Арчи, его руки двигались словно бы и медленней, но каким-то образом всегда успевали занять нужное положение.

Наконец Арчи остановился и замер. Маленький человек тоже остановился, глядя на Арчи, который сделал единственное движение правой рукой. Тимьин Тин повторил движение, как зеркало. Полминуты они пребывали в полной неподвижности. Потом Арчи снова двинул правой рукой; Тимьин Тин двинул левой. Они смотрели друг на друга еще полминуты. Арчи повернул голову. Тимьин Тин коснулся своего носа. На лице Арчи появилось озадаченное выражение, потом он медленно нагнулся и тронул левой рукой пол. Тин повернул свою левую ладонь вверх и двинул вперед на три дюйма. Арчи шевельнул ушами, затем спросил:

— Какой звук раздается при хлопке одной рукой?

— Звук бабочки.

Арчи выпрямился и шагнул вперед. Тимьин Тин прикрыл рукой глаза. В таком положении они оставались целую минуту.

Тимьин Тин быстро сделал два шага влево и взвился в воздух. Изогнувшись всем телом и подавшись назад, Арчи в последнюю долю мгновения удержался от принятия стойки, в которой его подбородок оказался бы на линии удара ноги противника. Вытянув вперед обе руки — когти выдвинуты на полную длину, — он крутанулся на пятке, восстанавливая равновесие. К тому времени Тимьин Тин сделал еще два шажка влево.

На лбу Арчи блестела испарина, когда он, нагнувшись вперед, начал кружить вокруг маленького человечка, согнув пальцы и слегка шевеля когтями. Тимьин Тин медленно поворачивался вслед за ним, его правая рука, казалось, безвольно держалась на уровне плеча. Он медленно и глубоко поклонился, едва Арчи собрался уже прыгать. Арчи удержал себя и остановился.

— Это и в самом деле большое удовольствие, — сказал он.

— Для меня тоже, — ответил Тимьин Тин.

— Словно белые цветы падают на мой саван. Твои руки так бледны.

— Покинуть мир весной и с цветами почета — что за благостный покой души.

Тимьин Тин медленно выпрямился. Арчи начал описывать левой рукой восьмерку, постепенно выдвигая ее вперед. Правая рука его согнулась. Тимьин Тин вдруг сделал два шага влево. Арчи было двинулся вокруг него по часовой стрелке, потом быстро повторил движение, когда Тимьин Тин начал поворачиваться. Он хотел ударить левой ногой, но передумал, переместил вес, сделал обманный выпад правой. Прохладный ветерок коснулся обоих.

Тимьин Тин вытянул руки ладонями вниз, медленно повел головой. Потом его плечи начали двигаться. Руки принимали одно положение за другим, поднимаясь, выдвигаясь, имитируя удары. Тимьин Тин наклонился вправо, потом влево, правая рука продолжала опускаться чрезвычайно медленно. Он снова наклонился влево...

— Какого цвета гром? — спросил его Арчи.

...Затем вправо, все еще опуская руку.

Арчи нанес еще один обманный удар ступней, потом сделал выпад — когти выпущены на полную длину, руки описывают широкие полуокружности одна над другой.

Голова Тимьин Тина ушла в сторону и назад, за плечо, левая рука будто бы слегка коснулась левого предплечья Арчи в области подмышки, правая рука устремилась к промежуточности соперника. Он почувствовал мгновенное соприкосновение тел и сместил баланс влево. Арчи перелетел через поручень и исчез в ночи.

— Смотри, — ответил ему Тимьин Тин.

Он постоял неподвижно — недолго, пока сердце не ударило два-три раза, всматриваясь и вслушиваясь в ночь. Затем поклонился. Из наружного кармана на шве правой штанины извлек трубочку толщиной в карандаш, взвесил ее на ладони и направил конец в небо. Он нажал штырек на боку трубочки, и тончайший красный луч ушел в темноту. Слегка повернув кисть, Тимьин Тин направил луч на поручень. Луч прорезал тонкую линию сквозь восемь дюймов каменной ограды. Проведя большим пальцем по канавке в волос толщиной, маленький человечек первый раз

посмотрел вниз, на землю, и, убрав трубочку в карман, бесшумно выскользнул на лестничную площадку.

Когда он взглянул наверх, на лестничный пролет, его зрение на миг помутилось и перед глазами встала иная картина: холодный каменный коридор в древнем здании, когда-то ему хорошо знакомом.

Тимьин Тин медленно поднимался по ступеням, держась ближе к стене по левую руку, миновал одну дверь, двинулся ко второй. Достигнув нужной двери, он остановился. В щель под дверью пробивался слабый свет. Он сжал в руке трубочку-лазер, продолжая прислушиваться. Внутри что-то тихо шелестело, раздавалось едва слышно поскрипывание.

Он поднял оружие и направил его на то место, рядом с косяком, где должен был находиться засов. Потом снова замер, попробовал толкнуть дверь. Дверь была не заперта.

Тимьин Тин шагнул в сторону, поднял оружие и распахнул дверь.

Трубка лазера выпала из его пальцев. Маленький человек рухнул на колени, коснувшись пола лбом.

— Я не знал, — прошептал он.

Глава 1

Когда Рэд платил по счету за комнаты и повреждение имущества в своем номере, к нему подошел маклер тотализатора — невысокий мужчина в тюрбане, источающий экзотические ароматы.

— Поздравляю, мистер Доракин, — сказал он. — О, вы превосходно выглядите сегодня.

— Такое со мной случается, — кивнул Рэд, поворачиваясь. — Но вряд ли это заслуживает особого поздравления.

— Я имел в виду, поздравляю вас с выигрышем.

— Вот как? Я на что-то ставил?

— Да. Вы поставили на себя в следующем раунде черной десятки «Чедвик против Доракина». Разве не помните?

— Любопытно. — Рэд принялся массировать переносицу. — Гм-м... а-а, теперь припоминаю. Вы меня извините, я немного... Глупо с моей стороны. Погодите, если я выиг-

рал, значит, была неудавшаяся попытка покушения? Прошлой ночью?

— Очевидно. Мы получили сообщение, что вы одержали победу. Желаете получить наличными или позволите перечислить сумму на ваш счет?

— На счет, пожалуйста. Какие-нибудь подробности вам сообщали?

— Никаких. — Мужчина в тюрбане извлек бланк. — Если вы потрудитесь расписаться вот здесь, я выдам вам квитанцию, и ваш выигрыш будет помещен в банк.

Рэд нацарапал свое имя.

— А в округе ничего необычного не замечали, что могло бы иметь отношение ко мне?

— Если не считать ущерба мебели в вашей комнате...

Рэд молча покачал головой.

— Будете ставить на пятый раунд?

— Пятый? Я прошел всего три, считая последнюю ночь.

— У нас зарегистрированы четыре.

— Боюсь, что это какая-то ошибка, поэтому не стану усугублять путаницу и ставить еще раз.

Маклер пожал плечами.

— Как хотите.

Рэд поднял рюкзак и отвернулся. К нему подошел Мондамей, держа в руке Цветы.

— Да, это действительно большая глупость, — заявила Цветы, когда они все вместе пошли к дверям. — Самому делать на себя ставки!

— Я уже признал свою ошибку. Не забывай, что Рэд-вчерашний был озабочен серьезной проблемой.

— Тогда в наследство тебе досталась ее солидная часть. У Чедвика было предостаточно времени, чтобы выйти точно на тебя. Ты уверен, что мы доберемся до машины?

Мондамей соединил контуры Цветов со своими блоками.

— *Он действительно изменился. Но что он имел в виду, когда сказал, что сегодня он уже не тот, что вчера?*

— *Я с ним не так давно, чтобы собрать необходимый материал и понять природу этого феномена,* — пришел ответ. — *Однако при мне такие приступы случались с ним уже три раза, и после каждого он просыпался помолодевшим на*

несколько лет и вел себя, словно действительно был другим человеком.

— Я заметил, что он помолодел, когда увидел его в В-11, но я не знал, в какой момент его собственной жизни встретился с ним. Раньше, когда Рэд приезжал ко мне, он был старше.

— Намного?

— На вид ему было лет пятьдесят. Думаю, он получает какое-то омолаживающее лечение в верхних участках Дороги.

— У меня нет достаточной информации, чтобы судить, могут ли омолаживающие процедуры давать побочный эффект в виде таких приступов, как у него, — вроде маниакального психоза с изменением личности.

— Я думаю, что оставаться здесь так же опасно, как и попытаться уехать, — ответил Рэд.

— Расскажи мне подробнее об этих изменениях, — попросил Мондамей. — Что это — временная иррациональность поведения? Он действительно показался мне изменившимся. Но я недостаточно долго за ним наблюдаю, чтобы делать выводы.

— Признаки каждый раз одни и те же, — ответила Цветы. — На вид он становится моложе, появляется еще больше энтузиазма... Становится менее консервативен, больше рискует, ускоряется реакция — умственная и физическая, — пожалуй, появляется некая напористость, самоуверенность. Опрометчивость — вот подходящее слово.

— Значит, он может совершить что-то опрометчивое?

— Полагаю, да.

— Я пойду к машине первым, Рэд! — решительно заявил Мондамей, продвигаясь к двери наружу.

— В этом нет необходимости.

— Все равно...

— Ладно.

— Куда мы поедем? — поинтересовалась Цветы, когда они вышли из холла на солнечное утро.

— Вверх по Дороге.

— Совершить нападение на Чедвика?

— Вероятно.

— В В-27? Солидный перегон.

— Да.

По пути к машине им никто не встретился.

— Я проверю все системы, — сказала Цветы, когда они уселись в кабину и книгу поместили в соответствующее отделение под панелью. — Пока не заводи.

— Давай.

— Рэд, сегодня ты действительно отлично выглядишь, — заметил Мондамей, — но как ты себя чувствуешь? Я краем уха уловил твою фразу: мол, ты плохо помнишь то, что случилось вчера. Может, нам стоило бы найти подходящее место вне Дороги, чтобы ты смог отдохнуть?

— Отдохнуть? Дьявол, ни в коем случае! Я чувствую себя превосходно.

— Я имею в виду, отдохнуть умственно, эмоционально. Если память тебя подводит...

— Неважно, неважно. Не беспокойся понапрасну. У меня всегда немного мутится в голове после этих приступов.

— Что за приступы?

— Не могу вспомнить.

— Отчего они бывают?

Рэд пожал плечами:

— Кто бы знал.

— Может, они происходят в какое-то особое время? Нет ли здесь закономерности?

— Ничего подобного я не замечал.

— Ты консультировался по этому поводу с врачом?

— Нет.

— Почему?

— Не хочу лечиться. После каждого приступа мне становится лучше. Я вспоминаю вещи, которых не помнил раньше. Появляется какое-то новое восприятие, и это очень здорово...

— Погоди-ка. Я вроде понял, что после приступа память у тебя ухудшается.

— Ближайшая — да. Но на том конце все становится яснее.

— Системы в порядке, — объявила Цветы.

— Хорошо.

Рэд завел двигатель и направил пикап к въезду на Дорогу.

— Ты запутал меня еще больше, — признался Мондамей.

Они миновали некую личность в рваном плаще крестососца и у самого поворота на шоссе разминулись со старым автомобилем, который вел какой-то юноша. Автомобиль сразу занял их место на стоянке.

— Что значит «на том конце»? Что ты помнишь? Помнишь ли ты вообще, что с тобой происходит?

Рэд вздохнул. Он отыскал сигару и откусил кончик, но зажигать не стал.

— Ладно. Помню, что я был стариком, — начал он, — очень старым... и шел по каменистой пустынной местности. Светало, поднимался туман. Ноги у меня кровоточили. В руке я держал посох и все время на него опирался. — Он передвинул сигару из одного угла рта в другой и посмотрел в окно. — Вот и все.

— Все? Как «все»? — вмешалась в разговор Цветы. — Ты хочешь сказать, что растешь... то есть вырос... в обратном направлении, от старости к молодости?

— Да, именно это я и сказал, — раздраженно подтвердил Рэд.

— Осторожно, поворот... Значит, ты ничего не помнишь, кроме того, что был стариком и шел через пустыню? Или... Что ты вспомнил еще на этот раз?

— Ничего связного. Какие-то безумные сны, странные силуэты, шевелящиеся в тумане, страх и так далее... И я продолжал идти.

— Ты знал, куда идешь?

— Нет.

— Ты был один?

— Сначала.

— Сначала?

— Где-то по дороге я нашел спутника. Не могу до сих пор вспомнить, где и как, но со мной была старая женщина. Мы помогали друг другу. Ее звали Лейла.

— В прошлом, в одно из посещений моей долины, тебя сопровождала некая Лейла. Но она была совсем не старая...

— Все равно. Наши пути расходились и пересекались много раз, ее положение аналогично моему, в смысле обратного хода возраста.

— Она не участвовала в твоих совместных операциях с Чедвиком?

— Нет, хотя она была в курсе.

— Кто-нибудь из вас имеет понятие, к чему ведет ваша странная жизнь в обратную сторону?

— Лейла, кажется, считает, что это лишь фаза более широкого цикла существования.

— А как считаешь ты?

— Понятия не имею. Возможно.

— А Чедвик все это знает?

— Да.

— Может быть так, что ему об этом известно больше, чем тебе?

Рэд покачал головой:

— Как тут определить? По-моему, все возможно.

— Отчего он так на тебя напустился?

— Когда мы расторгли деловые отношения, он очень горевал, потому что я испортил ему отлично налаженное дело.

— А ты действительно испортил?

— Думаю, да. Но он сам виноват — изменил образ операций, и мне стало скучно. Я бросил все, запутал дела и убежал.

— Но он по-прежнему богатый человек?

— Очень богатый.

— Тогда я подозреваю, что здесь кроется другой мотив, не только финансовый. Возможно, зависть к твоему благополучию.

— Возможно. Впрочем, нам это ничего не дает. Меня больше интересует его цель, а не мотивы.

— Я просто пытаюсь понять врага, Рэд.

— Знаю. Но больше мне добавить нечего.

Он проехал сквозь туннель и повернул к въезду на Дорогу. Тень, упавшая на машину, не покинула ее, когда она выехала на солнце.

— В твоей комнате все было вверх дном сегодня утром, — заметил Мондамей.

— Да. Так всегда бывает.

— А что это за знак, напоминающий китайский иероглиф, выжженный на двери? Он тоже всегда появляется?

— Нет. Это был... всего лишь китайский иероглиф. Он означает «желаю удачи».

— Как ты объяснишь его появление?

— Никак. Не знаю. Очень странно.

Мондамей тонко засвистел.

— Помню, ты однажды оставил мне какие-то книжки... с картинками, тебе пришлось еще объяснять их мне.

— Боюсь, что...

— Карикатуры с подписями.

Рэд снова зажег сигару.

— Не смешно, — сказал он.

Странная тень прикипела к кузову грузовика. Мондамей снова засвистел. Цветы начала петь.

Глава 2

Рэнди наблюдал, как замедляется пульсация бледного неба: каждый цикл становился все продолжительнее, пока наконец над ними не появилось серое небо дождливого утра. Они въехали на площадку обслуживания. С золотых и красных кленовых листьев падали капли, крыши домов покрыла изморось.

Машина остановилась у топливного насоса.

— С ума сойти, — сказал Рэнди. — Ведь сейчас лето, а не осень.

— Здесь — осень, и если ты вдруг поедешь по ближайшему въезду, а потом двинешься на юг, то попадешь под огонь армии Конфедерации — или республиканцев, смотря где остановишься.

— Не шутишь?

— Нет.

— Да, наверное. К сожалению, я начинаю тебе верить. Но что тогда мешает людям генерала Ли сделать обход по обочине этой Дороги и захватить Вашингтон времен, скажем, Кулиджа или Эйзенхауэра?

— А ты когда-нибудь что-нибудь слышал о Дороге?

— Нет.

— Вот. Только малое число людей и машин могут найти ее и воспользоваться ею. Я не знаю почему. Дорога — как бы живой организм.

— А если бы я не принадлежал к числу пригодных для путешествия?

— Возможно, мне все равно удалось бы вывести тебя на Дорогу. Очень много зависит от проводника.

— Значит, до сих пор не ясно, смогу ли я путешествовать самостоятельно?

— Да.

— Хорошо. Теперь предположим, один из офицеров Ли узнал о Дороге и научился перемещаться по ней. Что тогда?

— Те, кто знает секрет, не спешат поделиться им с остальными, как ты сам скоро увидишь. Но представим, что такой человек действительно проник на Дорогу. Представим, что ты все-таки воспользовался тем съездом, как я тебе предлагала, и задавил Джексона.

— Ну представим, и что?

— И после этого ты развернулся и приехал в начальную точку. Окажется, что на Дороге образовалось разветвление, «вилка», которой не было раньше. Теперь ты можешь двигаться либо по тому маршруту, где это событие имело место, либо по тому, где оно не произошло. Первый путь окажется весьма ухабистой дорогой, и, если по нему не часто будут ездить, он постепенно совершенно исчезнет. И наоборот — если только по нему и будут ездить, тогда тот, основной, практически перестанет существовать. Это крайне маловероятно, но произойди такое, и тебе станет все труднее ориентироваться. На таких боковых Дорогах легко затеряться и вообще не найти пути назад.

— Тем не менее следы старых маршрутов все равно остаются, хотя и стершиеся, почти невидимые из-за редкого использования?

— Теоретически да, они остаются — заросшие придорожной травой, пересеченные реками, заваленные оползнями. Попробуй, однако, их найди.

— А не легче ли заново открыть их, исправив первоначальное вмешательство каким-то новым воздействием?

— Попробуй. Вернись на старое место, которое уже выглядит совершенно незнакомым, и отдели старое от нового. Обратного изменения основного события уже может быть недостаточно. И само новое изменение может иметь неожиданные побочные эффекты, это зависит от твоего подхода. Скорее всего ты просто создашь новый маршрут, хотя он очень будет похож на первоначальный и, вероятно, тебя удовлетворит.

— Погоди, дай мне переварить все это. Позже я еще раз спрошу тебя. Кстати, почему мы здесь остановились? Бензина у нас пока хватает.

— Потому что это заправочная на самообслуживании. Если ты раскроешь меня на 78-й странице и положишь текстом вниз — вон в тот ящик возле шоссе, я смогу послужить в качестве кредитной карточки, переводя деньги со счета моего прошлого хозяина. Действует ли еще его счет — это я узнаю, когда ты уложишь меня в ящик. Возможно, мне удастся определить, где он заправлялся в последний раз, и мы направимся туда.

— Хорошо, — сказал Рэнди, поднимая Листья с сиденья и открывая дверцу. — А скажи, пожалуйста, на чье имя открыт этот счет?

— На имя Доракина.

— Гм-м... что это за имя?

— Не знаю.

Рэнди обошел машину, положил книгу в указанный ящичек. Внутри загорелся свет.

— Можешь заливать бак, — донесся приглушенный голос Листьев. — Счет по-прежнему действует.

— Получается, что мы вроде как воруем?

— Проклятие, если он действительно твой родитель, то по крайней мере бензина-то может для тебя купить!

Рэнди снял крышку с горловины бака, вставил в отверстие носик шланга и опустил рычаг.

— Последний раз он заправлялся на стоянке в раннем В-16, — сказала Листья. — Туда мы сейчас и направимся, расспросим людей.

— Кто присматривает за всеми этими станциями и стоянками?

— Это странный люд, изгнанники, беглецы — все, кто не может или не хочет вернуться в родное время или приспособиться к новой эпохе. А также пресыщенные бродяги — они побывали везде и теперь предпочитают вот такие тихие местечки вне времени и места.

Рэнди хмыкнул:

— Может, где-то поблизости пишет очередную книгу Амброс Бирс?

— Собственно...

Счетчик шелкнул, Рэнди извлек наконечник крана и завинтил крышку.

— Ты сказала В-16. Как я понял, это шестнадцатый век?

— Да. Большинство тех, кто выезжает по Дороге за пределы своего сектора, вскоре осваивают своего рода торговый жаргон — дорожное линго, искусственный, известный повсюду язык.

Рэнди поднял крышечку ящичка, вытащил книгу.

— Ты не поучила бы меня, пока мы будем ехать? — попросил он. — Я всегда интересовался языками, а этот, похоже, может пригодиться.

— С удовольствием.

Они сели в машину.

— Листья, — сказал Рэнди, усаживаясь за руль, — у тебя ведь есть какие-нибудь оптические сканеры?

— Да.

— Между последней страницей и обложкой лежит фотография. Ты видишь ее?

— Нет, она повернута в другую сторону. Положи ее в любое другое место. Лучше всего на страницу семьдесят восемь...

Рэнди вытащил снимок, сунул в середину книги, плотно прижал страницы. Прошло несколько секунд.

— Ну как?

— Я рассмотрела снимок.

— Это он? Доракин?

— Да... скорее всего. Если и не он, то кто-то очень на него похожий.

— Тогда отправимся в путь и найдем его.

Рэнди завел мотор.

— А чем занимался Доракин?

Последовала долгая пауза, потом Листья сказала:

— Я не совсем уверена, но довольно долго он перевозил разные грузы. И зарабатывал приличные деньги. Большую часть этого времени он был партнером одного человека по имени Чедвик, который впоследствии переместил операции в верхние секторы Дороги. Этот Чедвик стал чрезвычайно влиятельной фигурой, очевидно, в результате своих операций, и партнерство распалось. Это произошло примерно в то самое время, когда он... забыл меня, неожиданно уехал. В общем, определенно можно сказать лишь то, что он занимался перевозками.

Рэнди кивнул.

— Но я часто задумывалась... — продолжала Листья.

— О чем?

— Не относится ли он к той категории людей, которые не могут найти Дорогу домой. Он все время, как мне казалось, что-то искал. И я не знала точно, откуда он родом. Он очень много времени проводил на боковых ответвлениях. Затем я поняла, что он действительно пытается... изменить ход событий в том или ином месте. Вот только воспоминания о прежнем ходе событий у него сохранились какие-то неполные, словно произошло это очень и очень давно... Да, он много поездил.

— Ну, уж в Кливленд он точно заглянул. По крайней мере, ненадолго... Что это был за человек?

— Трудно сказать. Неугомонный — если попробовать выразиться одним словом.

— Я хотел спросить... какой по натуре? Честный или наоборот? Славный парень или так, ничего стоящего?

— В разные времена бывало по-разному. Его характер вдруг иногда изменялся. Хотя позже, уже в самом конце, он явно стремился свернуть себе шею.

Рэнди покачал головой:

— Наверное, мне придется подождать, пока мы не найдем его самого. Как насчет урока языка?

— Отлично. Начнем.

Глава 1

Рэд вдруг повернул вправо, не снижая скорости.

— Ты что делаешь? — спросила Цветы.

— Двенадцать часов за рулем — слишком много. Мне нужно поспать.

— Откинь спинку, а я буду вести.

Рэд покачал головой:

— Хочу вылезти из кабины и немного отдохнуть по-настоящему.

— Тогда регистрируйся, пожалуйста, под липовым именем.

— Регистрироваться здесь негде, никаких гостиниц нет. Мы разобьем лагерь. Вокруг все спокойно.

— Мутанты, радиация, ловушки?

— Ни того, ни другого, ни третьего. Я здесь уже бывал, все чисто.

Он притормозил, нашел поворот, выведивший на узкую неровную дорогу. Небо пропульсировало до фазы розово-багряной вечерней зари.

В отдалении виднелись озаренные лучами заходящего солнца руины города. Рэд снова повернул.

— «Беги же от земной болезнетворной гнили...» — отметила Цветы. — Ты намерен расположиться на ночлег в музее смерти?

— Вовсе нет.

Теперь они ехали по проселочной дороге. Дорога некоторое время петляла по склону горы, потом скрипучим мостом пересекала узкое ущелье, огибала обрыв и выводила на равнину, опять в виду руин города.

Рэд вывел пикап в поле, там и сям усеянное кратерами и ржавеющими останками наземных и воздушных машин. Он затормозил на обширном свободном участке. Необычных очертаний тень, что лежала теперь на крыше грузовичка, начала принимать форму некой рептилии, темнеть и густеть.

— Измени внешний вид автомобиля, чтобы он не выделялся на фоне всех остальных обломков, — сказал Рэд.

— Временами все же у тебя возникают трезвые мысли, —

заметила Цветы. — Мне понадобится пять или шесть минут. Не выключай мотор.

Когда начались изменения, тень сократилась в размерах, превратилась в круг, соскользнула с крыши пикапа и быстро метнулась к разбившемуся неподалеку самолету.

Рэд и Мондамей огораживали территорию лагеря. Воздух, встревоженный их деятельностью, был сух, в нем уже ощущалось предвестие надвигающейся прохладной ночи. На востоке собирались кучи облаков. Где-то жужжало насекомое.

Тем временем кузов грузовичка стал ржаветь, появились вмятины и пробоины. Ржавого цвета пятна поползли по голубой краске. Машина накренилась на один бок.

Рэд вернулся к пикапу и вытащил пакет с едой и спальный мешок. Мотор стих.

— Готово, — доложила Цветы. — Ну как, нравится?

— Отлично. Безнадежная развалина, — ответил Рэд, растягиваясь на разложенном спальном мешке и открывая пищевой контейнер. — Благодарю.

Подошел Мондамей, сказал тихо:

— Я не обнаружил ничего, что представляло бы непосредственную опасность в радиусе десяти километров.

— Что значит «непосредственную»?

— Вокруг нас большое число неразорвавшихся бомб и неиспользованного боеприпаса — оружие разрушенных машин.

— Непосредственно у нас под ногами ничего нет?

— Нет.

— Радиация? Отравляющие газы? Бактерии?

— Отсутствуют.

— Тогда ситуация признается удовлетворительной. —

Рэд начал опустошать контейнер.

— Ты говорил, что долго пытался изменить события во многих местах, — произнес Мондамей. — В соответствии со своими воспоминаниями?

— Да.

— Исходя из того, что ты рассказывал о природе твоей памяти, уверен ли ты, что узнаешь верную ситуацию, даже если случайно наткнешься на нее?

— Совершенно уверен. Я теперь помню еще больше.

— И если обнаружишь искомую дорогу, то вернешься по ней домой?

— Да.

— Что это за место?

— Не могу тебе сказать.

— Как же ты его тогда опознаешь?

— Если увижу, узнаю...

— Узнаешь? Тебя трудно понять.

— До конца я и сам себя не понимаю, но постепенно все становится яснее.

Небо успело потемнеть, выставляя напоказ свое звездное богатство. На востоке всплыл осколок луны. Стояла кромешная тьма, не считая сигары Рэда. Он потягивал греческое вино из глиняной амфоры. Поднялся прохладный ветер. Цветы что-то наигрывала едва слышно — кажется, Дебюсси.

Тень, чернее ночной черноты, проскользнула к вытянутой ноге Рэда.

— Белквинит, — тихо промолвил он — и ветер будто зачих, а какая-то примесь в сигаре заставила огонек зашипеть и вспыхнуть на мгновение.

— Ну его к дьяволу, — сказал Рэд через минуту.

— Что именно? — спросил Мондамей. — Что к дьяволу?

— Чедвика.

— Я считал, что мы уже все обсудили. Ни один из альтернативных вариантов не показался тебе достаточно привлекательным.

— Игра не стоит свеч. Не стоит свеч этот толстый болван. Он даже драться не станет сам.

— Болван? Ты ведь сказал, что он очень умный.

— Умный! — фыркнул Рэд. — Пока дело касается черной десятки, он достаточно умный. Ну и что из этого?

— Что же ты намерен делать?

— Найду его и выясню некоторые вещи. Кажется, он знает обо мне больше, чем я думал. И он мне расскажет, что ему известно и чего не знаю я сам.

— Это твои новые воспоминания?

— Да. И, возможно, ты прав. Я...

— Здесь что-то есть.

Рэд вскочил на ноги.

— Близко?

Тень метнулась за грузовик.

— Нет. Но оно движется в нашу сторону.

— Животное, растение, минерал?

— Машина. Приближается осторожно... Скорее в грузовик!

Заворчал мотор, Рэд плюхнулся на сиденье. Дверцы хлопнули, началась обратная трансформация.

Цветы вслух повторила переданные ей слова Мондамея:

— Какая великолепная машина-убийца! Хотя во многих отношениях ее портит органический придаток. Тем не менее весьма искусная конструкция!

— Мондамей! — крикнул Рэд, когда грузовичок вздрогнул. — Ты обо мне не забыл?

— Конечно, Рэд. В такой момент я не мог бы о тебе забыть... Ого, однако и скорость же у нее!

Грузовик скрипел и дергался. Мотор два раза закашлялся. Дверца открылась и захлопнулась.

— Что это за штука?

— Большая машина, вроде танка, с потрясающим набором оружия, и управляется отделенным от тела человеческим мозгом — похоже, немного спятившим. Не знаю, прятался ли этот агрегат где-то здесь или его привезли специально, чтобы ждать твоего прибытия. Тебе подобные создания знакомы?

— Кажется, в верхних секторах приходилось слышать о таких устройствах. Не уверен, впрочем, где именно.

На небе вдруг словно взошла мгновенная заря, и волна пламени покатила к ним.

Мондамей поднял руку — волна замерла, будто натолкнувшись на невидимую стену, побурлила с полминуты на месте и погасла.

— У него даже ядерное оружие есть, — прокомментировал Мондамей. — Неплохо устроено.

— Почему мы до сих пор живы?

— Я блокировал его.

Рука Мондамея вспыхнула на миг, и на дальнем холме расцвел огненный цветок.

— Прямо перед ним. Кратер немного задержит его. Вам бы лучше уехать, Рэд. Цветы, веди машину.

— Хорошо.

Грузовик развернулся и покатил через поле, все еще меняя форму кузова.

— Что ты задумал, черт тебя подери? — закричал Рэд.

Небо снова вспыхнуло, но маленький комочек огня был отброшен.

— Я должен как следует прикрыть ваш отход, — донесся голос Мондамея, — прежде чем смогу заняться непосредственно нашим гостем. Цветы отведет машину обратно на Дорогу.

— Кем заняться? Как ты себе это представляешь? Ты ведь даже...

Послышался оглушительный взрыв, сопровождаемый всеми статическими помехами. Грузовик тряхнуло, но он продолжал мчаться по грязной дороге. Во все стороны лети комья засохшей грязи и поднимались тучи пыли.

— Теперь я снова функционирую полностью, — послышался голос Мондамея. — Цветы смогла разобраться в системе моих контуров, и я, по ее указаниям, отремонтировал себя.

Последовал новый взрыв. Рэд оглянулся: на том месте, где был их лагерь, поднимались тучи дыма и пыли. На мгновение его оглушило, а когда он снова стал способен слышать, то осознал, что Цветы настойчиво что-то спрашивает у него:

— ...мы едем? Куда, ты сказал, мы едем?

— Что?.. Куда-нибудь подальше отсюда.

— Точка назначения! Координаты, быстрее!

— Ох... В-27, восемнадцатый въезд, потом четвертый поворот направо, потом второй налево, потом третий налево. Большое белое здание в готическом стиле.

— Ты понял? — спросила Цветы.

— Да, — сквозь помехи донесся голос Мондамея. — Если я смогу обнаружить вход на Дорогу, то попытаюсь догнать вас, когда все кончится.

Послышался новый взрыв помех.

Пикап выехал на грунтовую дорогу, развернулся и продолжил путь.

Глава 2

Рэнди разговаривал с худощавым джентльменом-викторианцем, которого встретил в фойе. Сумка джентльмена лежала рядом на скамье возле двери. Он провел рукой по светлым редееющим волосам.

— Да, совершенно точно. Три дня тому назад. Произошла перестрелка на стоянке автомобилей. Хороший же у меня получился отдых! Убийство!.. — Худощавый передернул плечами, у него снова начал дергаться уголок рта. — Мистер Доракин уехал той же ночью. Ничего не могу вам сказать относительно направления.

— Может, кто-нибудь другой знает? — спросил Рэнди.

— Возможно, хозяин — Джонсон. Кажется, они хорошо знакомы друг с другом.

Рэнди кивнул:

— Не подскажите, где я могу найти его?

Мужчина прикусил нижнюю губу и отрицательно покачал головой, глядя мимо Рэнди в сторону бара, где сногшибательная рыжеволосая красотка спорила с мощного сложения чернокожим человеком.

— Извините, сегодня, по-моему, у него выходной, понятия не имею, где он. Могу лишь посоветовать вам навести справки в регистратуре. Прошу прощения.

Он обошел Рэнди, нервно шагнул в направлении продолжающейся перебранки. Женщина сказала что-то колкое, но со сладкой улыбкой, повернулась и покинула темнокожего собеседника, направляясь в фойе.

Джентльмен-викторианец вздохнул, вернулся на старое место рядом с Рэнди, поднял сумку. Женщина, подойдя, взяла его под руку, и они оба вышли. Проходя в дверях, худощавый коротко кивнул Рэнди на прощание.

Темнокожий мужчина, с которым спорила рыжеволосая, уставился на Рэнди, когда тот зашел в бар.

— Прошу прощения, мы, кажется, где-то виделись? Ваше лицо мне очень знакомо...

Рэнди всмотрелся в лицо негра.

— Тоба... Тоба меня зовут, — добавил собеседник.

— Нет, не думаю, — медленно произнес Рэнди. — Меня зовут Рэнди Карфаген. В-20.

— Тогда это не вы, — пожал плечами Тоба. — Все равно, позвольте угостить вас пивом.

Рэнди оглядел комнату: грубо обработанное дерево и железо. Ни сверкающей меди, ни зеркал. В баре находились еще четыре человека: двое сидели за стойкой, служившей одновременно столом регистрации, а двое — за другим столом.

— Бармен вышел куда-то минуту назад. Наливайте себе пива — нравы тут свободные, я потом заплачу, когда он вернется.

— Спасибо.

Рэнди прошел к стойке, ступая по покрытому тростником полу, наполнил из бочонка кружку, вернулся к столу и сел напротив Тобы. Справа от него стоял наполовину пустой стакан, и стул был несколько сдвинут вбок.

— Сука какая... — пробормотал себе под нос Тоба. — Путешествуете по делу? — обратился он уже к Рэнди.

Рэнди положил Листья на стол, покачал головой и отпил из кружки.

— Я ищу одного парня, но его здесь уже нет.

— А у меня все наоборот, — сказал Тоба. — Я знаю, где мой человек находится, и заглянул сюда только чтобы позавтракать. А эта дрянная девица, с которой мне приходится работать, подцепила кавалера и отправилась обозревать какие-то руины!.. И я теперь должен торчать здесь, пока она с ним не покончит — день или два, проклятье! Кто он такой, в конце концов?

— Что? Кто?

— Ваш приятель, англичанин, с которым вы разговаривали.

— А-а. Нет, я его не знаю, просто он подвернулся первым... Хотя он сказал, что зовут его Джек.

— Что ж, не повезло бедолаге.

Тоба сделал новый глоток.

— Что? — услышался возбужденный голос одного из мужчин у стойки. Говорили с французским акцентом. — Ты никогда раньше не выезжал дальше В-17? Бог мой! Ради себя самого, выберись в ранний В-20, хоть раз в жизни! Как зачем? Чтобы летать! Человек должен в своей жизни узнать свободу, которую дает небо. Но только не в больших воздушных судах, которые появятся позднее, нет! Ты поднимаешься на легком аппарате, оставляя на земле все мелочные буржуазные заботы, и в нем ты чувствуешь ветер и дождь, видишь мир внизу, облака, звезды над головой!.. Ты станешь другим человеком, поверь мне!

Рэнди повернулся к говорящему.

— Послушайте, неужели это... — начал он и услышал, как хихикнул Тоба, но тут их внимание было привлечено подошедшей женщиной.

Она вошла в бар со стороны холла, расположенного слева, напротив ресторана, — черная повязка, стягивающая черные волосы над широким лбом, большие зеленые глаза, крупный рот без следов помады. На ней были черные джинсы из толстой ткани, заправленные в высокие, эффектного вида ботинки такого же цвета, и выцветшая рубашка-хаки. Из кобуры на правом бедре высывалась рукоятка оружия, а на толстом ремне пояса слева висел охотничий нож в ножнах. Высокая, под шесть футов, полногрудая, несколько широковатая в плечах, с высоко поднятой головой, она несла большой кожаный мешок-сумку словно невесомую безделушку.

Женщина окинула взглядом бар, потом несколькими широкими шагами достигла их стола и бросила свой мешок. Полупустой стакан рыжеволосой красавицы опрокинулся, содержимое потекло на колени Тобы.

— Черт возьми! — воскликнул Тоба, вскакивая и отряхивая штаны. — Сегодня мне явно не везет.

— Прошу прощения, — сказала женщина, улыбаясь. Потом повернулась к Рэнди. — Я тебя искала.

— Вот как?

— Посмотрю, кто у них тут распоряжается, и возьму себе номер. лягу спать! — заявил Тоба, бросая несколько

монет на стол. — Приятно было познакомиться, сынок. Желаю удачи. Вот дрянь!

— Спасибо за пиво, — сказал Рэнди в спину удаляющемуся Тобе.

Женщина села на стул, на котором раньше сидела рыжеволосая, отодвинула Листья подальше от растекающейся лужи.

— Теперь ты один, отлично. Хорошо, что мы отделались от этого типа.

— Почему?

— Плохое предчувствие, и пока этого достаточно. Привет, Листья.

— Привет, Лейла.

— Ваш голос... — начал Рэнди.

— Да, у Листьев мой голос, — просто согласилась Лейла. — Я оказалась под рукой, когда Рейд приобрел этот комплекс.

— В настоящее время я требую употреблять местоимение, — медленно сказала Листья с ноткой угрозы в голосе. — Женского рода.

— Прости, старушка! — Лейла хлопнула обложку. — Принято к сведению. Не обижайся. — Она с улыбкой повернулась к Рэнди. — Кстати, как тебя зовут?

— Рэнди Карфаген. Я не понимаю...

— Конечно, не понимаешь, и это не имеет ни малейшего значения. Карфаген... Я всегда любила Карфаген. Когда-нибудь я свожу тебя на экскурсию.

— Поймай ее на слове, — вставила Листья, — и месяц проваляешься в гипсе.

Лейла посильнее хлопнула по переплету.

— Ты уже завтракал?

— Я немного сбился со времени, — ответил Рэнди, — но если завтраку подошла пора, то я готов.

— Давай перейдем в ту комнату, и я что-нибудь закажу. В дорогу лучше отправляться на полный желудок.

— В дорогу?

— Да, — сказала она, поднимаясь со стула вместе с сумкой, которую подхватила со стола.

Он последовал за ней в столовую, где Лейла выбрала

стол в дальнем углу и уселась лицом к залу. Рэнди сел на стул рядом, положи Листья между ними.

— Я не понимаю... — снова начал он.

— Сейчас давай закажем, — перебила она, подзывая жестом официанта и осматривая других посетителей за столиками. — Потом поедем в В-11, причем очень быстро.

— А что там, в В-11? — спросил Рэнди.

— Ты ищешь Рейда Доракина. Я тоже. Именно туда он направился, когда смылся от меня несколько дней назад. Я видела, что вторая черная птица кружит именно там.

— Откуда ты знаешь? И откуда ты знаешь меня? Какая еще птица?

— Тебя я не знаю и не знала. Я знала только, что человек с экземпляром книги «Листья травы» будет сидеть в баре после полудня и что он тоже будет искать Рейда и будет расположен к нему дружелюбно. И в указанный момент я спустилась вниз и встретила тебя, чтобы мы объединили усилия, поскольку ему понадобится помощь — очень скоро, на этом пути.

— Понятно. И все же меня несколько смущает источник вашей информации. Откуда вы знали, что я буду здесь? Откуда вы знали, что...

— Позволь, я объясню, — вмешалась в разговор Листья, — или она не закончит до вечера. Ее манера беседовать напоминает горный обвал. Слава Великому Контуру, я не унаследовала этой привычки вместе с матрицей голоса. Понимаешь, Рэнди, Лейла обладает паранормальными способностями. Она, правда, называет их несколько по-другому, в духе каменного века, магии и шаманов, но суть одна. Как я оцениваю точность ее предвидений, она права в семидесяти случаях из ста, может, даже еще больше. И это не совпадение — я слишком часто была свидетелем правильного предугадывания. К сожалению, Лейла считает, что такой способностью обладают все остальные люди, и ведет себя так, словно они разделяют с ней видение и автоматически должны действовать соответствующим образом. Она *знала*, что ты приедешь, вот и все... Надеюсь, ты получил ответы на некоторые вопросы.

— В общем, да... на некоторые, — пробормотал Рэн-

ди. — Но остаются все же белые пятна. Лейла, Листья обрисовала ситуацию правильно?

— Очень даже, — ответила она. — Я не намерена играть словами, поэтому пускай все остается, как есть. Я видела, что ты приедешь, факт.

— Но это не объясняет, кто ты и откуда и почему тебя интересует безопасность Рэда.

— Отношения у нас были сложные, мягко говоря, но в общем мы старые друзья — особого рода. И мы во многом очень похожи. Слишком мы обязаны друг другу, я давно уже забросила попытки вести счет. Кроме того, этот сукин сын смылся, а я ведь его просила как человека подождать меня!

— Этого ты не предвидела?

Она покачала головой:

— Каждый может ошибиться, Листья ведь говорила. А тебе Рейд кто?

— Думаю, что он мой отец.

Лейла уставилась на Рэнди, ее лицо впервые с момента их встречи вдруг словно бы сложилось в застывшую маску. Она прикусила губу.

— Как я могла не заметить... Конечно же... Где ты родился?

— В-20, Кливленд, Огайо.

— Так вот откуда он, значит, отправился... — Она отвела взгляд. — Интересно. Я предвижу завтрак.

В комнату с подносом вошел официант.

— А чем вам не понравился этот парень, Тоба, с которым я сидел? — сказал Рэнди, когда они принялись за еду.

— Он каким-то образом связан с черными птицами, — ответила Лейла в перерыве между двумя глотками.

— Какими черными птицами? Вы уже второй раз упоминаете о них.

— Рейд стал целью черной десятки. Его потенциальных убийц я вижу в образе черных птиц.

— Черная десятка? — спросила Листья. — Что он такого натворил?

— Приобрел врага, которого лучше было бы не дразнить, наверное. Вероятно, это Чедвик.

— О!.. Если Чедвик — дело плохо.

— Ну, Рейд того же поля ягода, верно?

— Я подозревала иногда, хотя...

— Кто-то за ним охотится? — вмешался Рэнди.

— Да, — кивнула Лейла. — Некто, могущий позволить себе любые расходы. На эту игру будут делать много ставок в верхних и нижних участках Дороги. Интересно, каково соотношение? Возможно, стоило бы вложить некоторую сумму — на ту или другую сторону.

— Вы бы поставили против него?

— Сложный вопрос, и ответ зависит от конкретной ситуации. Нет, я, конечно же, намерена помочь ему, но не стоит и упускать выгодную возможность.

— Разве ваш талант не дает преимущества на тотализаторе?

— Еще бы! А я обожаю деньги. Жаль, что сейчас некогда. Теперь, раз он предупрежден, я бы поставила на Рейда.

— Вы, очевидно, говорите о моем отце.

— Я знаю его очень давно. Он бы на моем месте наверняка сделал ставку — и огреб кучу денег.

Рэнди покачал головой и опустил взгляд в тарелку.

— Странные вы люди, — произнес он немного погодя.

— Просто немного более открытые, наверное. Слушай, да разве стала бы я убивать целых три дня, чтобы привести себя в форму, ради кого угодно? Я на его стороне, с самого начала... Официант, коробку сигар, только получше!

— Кстати, о черной десятке, — сказал Рэнди. — Как мы вытащим его из переделки?

— Поможем пройти все десять раундов, я думаю. Потом игре конец.

— А что помешает этому вашему Чедвику продолжать попытки? Или вообще начать новую игру?

— Правила. У черной десятки очень жесткие правила. Если участник нарушает их, Комитет навсегда запретит ему участвовать в игре, что связано с потерей престижа.

— И вы думаете, это подействует?

— Черта с два! — воскликнула Листья. — Этот Комитет — порождение В-25, и совершенно беззубое. Просто толпа болтунов-садивов, которые легализовали игру в

своим веке и могут теперь наблюдать за всеми вендеттами по всей Дороге. Если Чедвик не доберется до Рэда одним способом, он найдет другой. Все разговоры насчет правил — просто чушь.

— Это так, Лейла?

— В общем, да... Хотя она забыла упомянуть, что без Комитета невозможно было бы делать ставки. Это тоже немаловажная часть игры. Я считала, что тебе нужна исчерпывающая информация, поэтому и рассказала о правилах.

— Но вы думаете, что Чедвик попытается схитрить?

— Вероятно.

— Что же нам делать, чтобы помочь Рэду выбраться живым?

— А мы ему тоже поможем схитрить. Как именно — я еще не знаю. Сначала нужно его догнать. Доедай скорее, и отправимся в путь.

Когда Лейла ушла за своим вместительным мешком и спортивной сумкой, Рэнди спросил:

— Ты хорошо ее знаешь, Листья? Можно ей доверять?

— Я знаю, что Рэд ей доверял. Они каким-то образом очень тесно связаны. Думаю, нам тоже следует ей доверять.

— Хорошо, — сказал Рэнди, — мне, честно говоря, она понравилась. Хотя, конечно, интересно, в какую историю мы влипли?

Когда Лейла вернулась через несколько минут, на плече у нее висела сумка, в зубах была зажата сигара. Женщина улыбнулась Рэнди, кивнула и указала головой в сторону двери.

— Я в полной готовности. Держи сигару и покати.

Рэнди кивнул, поднял со стола Листья и последовал за ней, разворачивая на ходу сигару, которую ему сунула Лейла.

Глава 1

— Цветы?

— Да, Рэд?

— Ты хорошо ведешь, молодец.

— И это все?

— Нет. А как ты догадалась?

— Ты никогда не хвалишь просто так, просто так не говоришь спасибо. Это обычно следует за чем-то или чему-то предшествует.

— Неужели? Никогда не замечал. Наверное, ты права. Ладно. Послушай, тебе не надоело в этом облике? Может, хочешь принять иное воплощение? Стать частью сложного компьютерного комплекса, например, или матрицей сознания органического существа?

— Меня посещали подобные мысли.

— Я хотел бы отблагодарить тебя... за верную службу и так далее. Поэтому прими решение и заезжай в ближайший центр обслуживания. Я оплачу все расходы, включая доставку к новому месту по твоему выбору.

— Э-э, погоди-ка! Это на тебя не похоже, ты всю жизнь был скрягой. Что случилось? Я считала, что знаю все, что знаешь ты. Что же я упустила?

— Ты подозрительна, как полдюжины ревнивых жен. Я делаю тебе выгодное предложение, совершенно честно...

— Брось! Почему ты надумал от меня избавиться?

— Я...

— Я, возможно, знаю тебя лучше, чем полдюжины жен. Поэтому оставь эту чепуху. Говори прямо, что случилось?

— Просто я не уверен, что в ближайшем будущем мне понадобятся твои услуги. Ты была надежным и хорошим работником. Наградить тебя таким образом — мой долг.

— Создается впечатление, что ты собираешься на пенсию или умирать. Первое или второе?

— Ни то ни другое. Или и то, и другое, не знаю... Я планирую перемену в статусе и не хочу, чтобы ты пострадала от возможных последствий.

— Ты за кого меня принимаешь — за карманный калькулятор? После всей моей службы ты просто наносишь смертельное оскорбление, намекая, что у меня отсутствует любопытство. Нет, теперь уж я гарантированно не отстану от тебя, пока ты не расскажешь все.

— Гм-м...

— И если ты задумал отправить меня навстречу новой

судьбе без моего согласия, не забывай, что я могу превратить эту кабину в клетку.

— Довод убедительный. Я пытался обойтись без этого, но, очевидно, придется дать тебе некоторые объяснения. Хорошо. Наверное, тебе трудно будет понять, что такое сон, не говоря уже о тех странных сновидениях, что всегда посещали меня...

— С теорией я знакома, продолжай.

— В последнее время мне постоянно снится один и тот же сон: я парю неподвижно в потоках теплого воздуха над странными и живописными пейзажами, а иногда — над морем. Кажется, я могу парить бесконечно, проникая в тайны всего, что вижу под собой. Это вызывает во мне комбинацию приятной умиротворенности и бесцеремонности и какие-то другие чувства, которым я не могу сейчас найти определение. Незаметно сменяют друг друга дни и ночи. В самом ощущении бытия я нахожу бесконечную радость, мне открывается нечто такое, что сейчас я тоже не могу выразить словами. И еще во мне дремлет сила, страшная сила, которую мне почти лень использовать. Я плыву...

— Увлекательное путешествие по внутреннему миру. Тебе повезло.

— Все это не так просто, в разных снах происходят разные вещи...

— Какие?

— Я уже говорил, что проплываю над разного рода местностью — в одних землях идет война, в других цветут большие города или то и другое одновременно. Я вижу внизу вулканы, пустыни, корабли в морях, маленькие города и головокружительного вида мегаполисы, где не осталось и уголка нетронутой природы. Я узнаю их все: Вавилон, Афины, Карфаген, Нью-Йорк — в разные времена. И много других, еще более странных, которые я не узнаю. Я начинаю размахивать крыльями. Я поднимаюсь над Дорогой — некой игрушкой вроде масштабной линейки на картах. Это мы поместили ее туда. Забавно наблюдать за отдельными людьми, которые заметили ее и теперь карабкаются по этой нити из вероятности в вероятность. Я не знаю, но...

— Мы? Кто это «мы»?

— Драконы Белквинита — вот наилучший способ, которым я могу выразить название привычными словами. Я вспомнил...

— Значит, во сне — ты дракон?

— Таков лучший способ описать мою внешность, хотя это не совсем так.

— Интересно, пусть и непонятно. Но какое это имеет отношение к твоим настоящим проблемам и решению дать мне отставку?

— Это не просто сны. Это реальность. Я только недавно понял, что все больше и больше воспоминаний возвращается ко мне, когда жизнь моя подвергается опасности. Во мне происходит какая-то трансформация.

— Вот как? То есть ты человек, которому снится, что он дракон, а не наоборот?

— Что-то в этом роде. Или все вместе. Или ничего подобного. Я просто не знаю. Но это реальность.

— Полагаешь, драконы Белквинита... они... то есть ты... в общем, кто бы там ни был... драконы построили Дорогу?

— Не то чтобы «построили». Скорее собрали или составили, как именной указатель в книге.

— И мы с тобой сейчас едем по абстракции или по грезде?

— Называй как хочешь.

— Нет, Рэд, теперь я должна оставаться при тебе. Пока ты не возьмешься за ум.

— Вот поэтому-то я и не хотел тебе всего рассказывать. Я предвидел такую реакцию. Как можно убедить собеседника в существовании другой реальности, если эта реальность — только мое субъективное видение? Но я знаю, что нахожусь в ясном сознании.

— И все же я до сих пор не понимаю, почему ты хотел от меня избавиться. Выкладывай все до конца.

— Этого-то я как раз и хотел избежать...

Все сочленения пикапа громко закрипели. Сиденье справа от Рэда выгнулось и начало складываться в его сторону. Баранка руля вспучилась, словно странный черный цветок. Когтистая лапа появилась из отделения для перча-

ток, потянулась к Рэду, потолок кабины надавил на макушку. Тень, притаившаяся на дне кузова, заволновалась, будто морские водоросли во время шторма.

— Я могу доставить тебя на ближайшую человеческую станцию обслуживания для тщательного психологического осмотра, если ты не убедишь меня, что не стоит так поступать...

— Этого я тоже хотел бы избежать, — вздохнул Рэд. — Ладно. Ты добила своего, я удовлетворю твой контур любопытства.

Когтистая лапа втянулась в отделение для перчаток и снова появилась секунду спустя с зажженной сигарой, которую протянула Рэду. Руль тем временем принял овальную форму, крыша поднялась, и соседнее сиденье успокоилось.

— Благодарю. — Рэд принял сигару, затянулся. — Послушай, Цветы, ты — разумное существо, к которому я привязан. Я пытаюсь уберечь тебя.

— Я построена лучше, чем ты, если речь идет о пинках.

— Это не просто опасность. Это угроза почти верного уничтожения.

— Повторяю...

— Если ты будешь перебивать меня, то никогда не получишь нужного ответа.

— Другим способом я его тоже пока не получила.

— Не знаю, сон ли этот мир или тот, другой мир — сон. Просто не знаю. Да и не важно. Я знаю, что я — тот, другой, который мне снится. Женщина, которая сопровождала меня когда-то, в бытность мою стариком, однажды поведала мне о видении, которое я только теперь начал понимать. Создание моего вида рождается старым морщинистым существом и должно быть отправлено на Дорогу, чтобы достигнуть там зрелости, которую оно найдет в своей молодости. Возможно, таково и есть истинное назначение Дороги, и я начинаю подозревать, что все, кто путешествует по ней, несут в себе частицу нашей крови.

— Догадки оставим на потом, хорошо?

— Ладно. Чем дальше, тем Лейла становилась опрометчивее, и оставаться с ней рядом было все более опасно,

хотя пути наши странным образом продолжали пересекаться. С ней это началось, видимо, раньше, чем со мной. Я эту проблему обнаружил в себе позднее и постарался взять стремление к самоуничтожению под контроль. Она всегда была чувствительней, чем я...

— Подожди. Лейла — это та женщина в В-16, которая устроила пожар в постели... И о ней ты упоминал, когда говорил о старости?

— Да. Ты сама убедишься, если снова встретишь ее. Сначала мы вместе искали Дорогу домой. Безуспешно. Потом однажды я решил, что мои воспоминания просто не совпадают с настоящим положением вещей вдоль Дороги. И начал вносить изменения в надежде, что найду потерянный путь, если все вернется на прежние места. Но мир — жуткая неразбериха, работать с ним невозможно. Я понял, что не смогу изменением в одном месте, переменной в другом заставить его стать таким, как во времена моей старости. Все же иного способа я придумать не мог и потому гнул свою линию. Затем Чедвик объявил против меня черную десятку, и куски мозаики начали становиться на свои места.

— Не объяснишь ли, каким образом?

— Нет. — Рэд выпустил облачко дыма и посмотрел в окно. Мимо промчалась маленькая черная машина. Глядя, как она исчезает вдаль, он продолжал: — Когда моя жизнь оказалась под угрозой, приступы стали повторяться чаще и сны стали ярче. Я вспомнил события прошлого. Подобное случалось со мной и прежде, каждый раз — в состоянии опасности. Там, в лагере, перед нападением, когда я дремал, меня вдруг осенило, что своей вендеттой Чедвик совершенно случайно оказал мне услугу. Потом, когда мы удирали, я подумал: «А что, если это не случайность? Допустим, он — подсознательно, конечно, — пытается мне помочь? Вполне возможно, что мы с ним одной крови, и он как-то понимает...»

— Я все больше убеждаюсь, что последний приступ затуманил твое сознание, Рэд. Ты несешь чепуху. Если только ты не умалчиваешь о чем-то.

— Знаешь, у меня есть несколько друзей, и до них уже

могли дойти слухи о черной десятке. Возможно, кто-то сейчас уже попытается убрать Чедвика, чтобы спасти меня. Я хотел бы этому помешать — вот нынешняя цель нашего путешествия.

— Гм-м. Отвлекающий маневр... Если я соглашусь с этой логикой безумца, то станет понятным желание спасти человека, пытавшегося с тобой расправиться. Однако на самом деле ты лишь хочешь сбить меня с толку. Есть что-то, чего ты не говоришь, и, по-моему, я уже близка к истине. Выкладывай!

— Цветы, ты ездила со мной слишком долго. До тебя у меня было другое устройство подобного типа, и мне пришлось его покинуть — оно думало совершенно как я.

— Придется взять этот факт на заметку и покинуть тебя первой. Тем не менее...

— Собственно, тогда я решил, что у нее какая-то неисправность. Теперь-то я подозреваю, что она была более чувствительной, восприимчивой, чем...

— С таким блоком памяти, как у меня, тебе не удастся сбить меня с толку. Что ты скрываешь?

— Ничего, честное слово. Я ищу пути обратно к существованию, которое начинаю теперь вспоминать более ярко. Ты же знаешь: я всегда был в поиске. У меня предчувствие — если этого ты от меня добиваешься, — что очень скоро я найду его.

— Ага! Наконец-то! Теперь давай все остальное. Как это произойдет?

— Ну, мне кажется, что нынешнее мое существование должно быть э-э... завершено прежде, чем другое сможет начаться.

— Любопытно, я с самого начала чувствовала, что ты клонишь к чему-то в этом роде. Это самым жутким образом оправданное желание смерти, с которым мне только приходилось сталкиваться — а мое программирование отличается большой тщательностью. Добавишь еще что-нибудь? Ты уже решил, каким образом это будет сделано?

— Нет... нет. Ты ошибаешься, ничего подобного. Я и не думал о самоубийстве. Скорее это что-то вроде предопределенности — так, по-моему, вернее всего будет выразить-

ся. Я просто чувствую сейчас: переход должен совершиться в соответствующем месте и соответствующими средствами.

— Ты знаешь время, место и эти средства?

— Нет.

— Что ж, уже лучше. Возможно, вскоре тебя посетит обратное предвидение.

— Не думаю.

— Как бы там ни было, я рада, что ты все мне рассказал. Да, так вот, отвечаю на твой вопрос — нет, я не собираюсь тебя покидать.

— Но ты можешь получить повреждения! Даже разрушиться, когда это произойдет.

— Жизнь полна неожиданностей. Я намерена рискнуть. Мондамей не простил бы меня, если бы я оставила тебя одного.

— У вас нашелся общий язык, как я понимаю?

— Да.

— Интересно...

— В данный момент мы обсуждаем *тебя* и интересно *мне*. Мои решения основаны на логике и фактах, как тебе известно.

— Известно, но...

— Никаких «но», черт побери! Помолчи минуту, пока я размышляю... Все, что ты мне рассказал, крайне субъективно и пахнет сверхъестественным. При особых обстоятельствах я согласна не отвергать категорически паранормальные явления. С другой стороны, проверить у меня возможности нет, а основываться я могу только на знании тебя. Мне хочется верить, что ты знаешь, что делаешь, и в то же время я опасаюсь, что ты совершаешь ошибку.

— Следовательно...

— Вывод: если я помешаю тебе и окажется, что прав был ты, а я удержала тебя от чего-то чрезвычайно для тебя важного, мне будет очень плохо. Я буду чувствовать, что не выполнила своего назначения, не помогла тебе. Поэтому я считаю необходимым сопутствовать тебе и оказывать поддержку во всем, хотя основанием подобного решения служат одни лишь предположения.

— Это куда больше, чем я мог бы просить тебя, ты ведь знаешь.

— Знаю. Чертовски благородно с моей стороны. Но поспешу добавить, что чувствую в равной степени обязанной нажать на тормоза, если ты совершишь какую-то откровенную глупость.

— Справедливо.

— Справедливо или нет — не имеет значения.

Рэд выдохнул клуб табачного дыма.

— Похоже, что так.

Мили бежали, словно годы.

Глава 2

Маркиз де Сад вдруг бросил перо на стол и поднялся, глаза его странно сверкали. Он собрал все рукописи из писательской мастерской в огромную кипу и прошествовал через всю комнату на балкон. Там, в трех этажах над парками и сверкающими зданиями города, он удалил все скрепки и скобки и листок за листком начал швырять, словно огромные грязные снежные хлопья, в косой свет вечернего солнца.

Исполнив фигуру замысловатого танца, он послал им вслед воздушный поцелуй и помахал рукой, провожая в полет больные творения несостоявшихся писак из дюжины разных веков.

— Бонжур, аревуар, адье! — воскликнул маркиз с улыбкой и отвернулся.

Пройдя в комнату к письменному столу, он поднял перо и написал: «Я уничтожил все ваши идиотские рукописи, сделав большую услугу своему преемнику. Ни один из вас не имеет ни крупицы таланта» — и поставил подпись. Листок он аккуратно сложил, чтобы взять с собой и пригвоздить к дверям аудитории. Затем вытащил новый лист бумаги.

«Возможно, вам покажется, что я самым подлым образом оплачиваю вам за гостеприимство, за щедрость, решив оказать помощь вашему смертному врагу и уничтожить вас, могу добавить, самым кошмарным образом. Кто-то, наверное, способен даже счесть, что во мне возобладало

чувство справедливости и я совершаю подобный поступок на благо некой высшей цели. Это не так».

Подписав послание, он добавил внизу:

«К тому времени, когда вы это прочтете, вы будете уже мертвы».

Маркиз хихикнул, прижал лист черепом, заменяющим пресс-папье, встал из-за стола и покинул квартиру, оставив дверь слегка приоткрытой. Он спустился вниз в трубе пневмолифта, прикрепил на дверь первый листок и вышел через боковую дверь, никого не встретив по дороге.

Оказавшись снаружи, де Сад поежился от дуновения благоухающего ветерка, зажмурился от яркого солнечного света, скривился, услышав доносившееся из парка пение птиц — настоящее или записанное на пленку. Однако, становясь на бегущую дорожку, он хихикнул снова. Дорожка понесла его на север, где он пересел на другую линию. Да, все же это будет славный день.

К тому времени, когда маркиз перешел на дорожку западного направления, он уже что-то напевал про себя. Цель его была близка, но он все-таки перешел на скоростную дорожку и даже сделал по ней несколько торопливых шагов, прежде чем вернулся на более медленную ленту и наконец сошел у нужного перехода. Вот и знакомое здание огромных размеров. По пути он встретил только двух техников в белых халатах, кивнул им, и они кивнули в ответ.

За рабочим столом в центре большого зала Сандок склонился над каким-то прибором. Он был один.

Де Сад успел подойти почти вплотную, когда Сандок поднял глаза.

— О, маркиз! — сказал он, вытирая ладони о пиджак и выпрямляясь.

— Можете звать меня Альфонс.

— Отлично. Хотите еще разок взглянуть?

— Да, я наскреб несколько минут из тех жалких крох, что оставляет мне расписание Чедвика... Ой, что это?

— Что?

— Какая-то жидкость вытекает из аппарата у вас за спиной!

— Что? Там нет...

Сандок повернулся — и без чувств рухнул на указанный аппарат.

В правой руке маркиз держал чулок с вложенным в него куском мыла. Засунув орудие преступления обратно в карман пиджака, он подхватил съезжавшего на пол Сандока, плавно перевел его в лежачее положение и накрыл куском брезента, ранее предохранявшим какую-то машину у стены.

Посвистывая тихонько, он направился к пульту управления, контролировавшему колодец в центре лаборатории. Секунду спустя послышался мелодичный низкий гул механизмов. Де Сад подошел к поручням и посмотрел вниз, крепко сжимая в руках шлем-излучатель.

— О, как он напоминает чудовищ Апокалипсиса, — проворкотал маркиз, наблюдая, как удивленная тварь бросила, взревев, на пол останки недоеденной коровы и принялась метаться меж стен своей тюрьмы. — Сейчас я соединюсь с тобой, мой милый. Одну лишь секунду...

— Эй! Что здесь происходит?

Два техника, мимо которых он прошел в коридоре, только что вошли в зал.

— Выключите! Выключите! — завопил один из них и бросился к консоли рядом с рабочим столом.

Маркиз опустил шлем на голову.

Несколько мгновений восхитительного расстройств ориентации...

Стены вокруг опускались, уходили вниз. Он увидел собственную фигуру в шлеме. Он увидел, как первый техник в белом халате добрался наконец до консоли, второй тут же присоединился к нему.

— Не надо!.. — попытался сказать он.

Но кнопку уже нажали. Тут же неподвижно застыли стены.

Он прыгнул. Боже, какая мощь! Ограждения были вырваны с корнем. Он покачнулся на краю колодца, двинулся вперед. Консоль и техники в халатах исчезли под ногами. Он взревел...

Опусти голову, чтобы я мог взобраться.

Пыхтя и отдуваясь, маркиз неловко залез на шею гигантского существа.

Так, сейчас мы отправимся на прогулку. Сегодня у меня в гостях ты.

Дверной проем оказался тесноват, но ненадолго.

Когда он вышел на тенистый бульвар, шедший параллельно линии движущихся дорожек, слышались вопли — то тут, то там. Какой-то плавно движущийся экипаж остановился и изверг многоцветное содержимое своих пассажиров. Все они разбежались кто куда.

Ветерок, солнечный свет, песни птиц больше не беспокоили его, он уже почти не замечал их. Он опрокинул экипаж и проревел песню.

Дом Чедвика виднелся неподалеку впереди. В этот час он должен быть в комнате с той стороны здания...

С каждым шагом-прыжком зверя чувства его разрастались. Распространяя вокруг ужас, он покинул бульвар и направился в парк — промчался через элегантно смещенные деревья, живых изгородей, клумб и кустов, словно ветер сквозь сито. Голограммы бесшумно смыкались за его спиной, продолжая шевелить ветвями в искусственных порывах искусственного ветерка. Спрятавшаяся среди иллюзорных тюльпанов пара влюбленных была раздавлена в момент оргазма. Реальная скамейка разлетелась в щепки, был раздавлен контейнер для мусора.

Ревущая песня маркиза заглушала все звуки. Покинув парк неподалеку от своей цели, он попытался наступить на маленький черный автомобиль, который замедлил ход и, кажется, собирался остановиться рядом с голубым пикапом. Но приткий автомобиль ускользнул и быстро умчался. Маркиз же продолжил путь, миновал парадный подъезд, обошел угол дома. Он не замечал, что за ним следует тень, очень похожая на ту, что покрывала грузовичок.

Он перестал реветь, когда занялся подсчетами окон, отыскивая нужную секцию стены. Переступая с лапы на лапу, пыхтя, хихикая, он не слышал, как к фасаду дома подъезжают машины. Да если бы и слышал, это уже не играло бы особой роли.

В новом приливе счастья маркиз нанес удар. По стене зазмеились трещины. Следующий удар пробил огромную дыру в обитой тисненым сафьяном стене. В комнате

кроме Чедвика оказался еще один человек, разглядывавший длинный свиток бумажной ленты, вылезавший из пасти сфинкса.

Передние лапы маркиза совершали хватательные движения.

— Смерть Чедвика! — проревел он. — Исполняет царь тиранозавров под управлением маркиза де Сада.

— Право же, — сказал Чедвик, стряхивая пепел с сигареты, — чтобы подать заявление об отставке, можно было выбрать способ попроще...

Чудовище замерло. Из-под хвоста его вылетела тень, на сантиметр опередив мощную струю мочи. Передние лапы дернулись.

— Маркиз уже представился, — продолжил Чедвик, опуская ладонь на плечо стоявшего рядом мужчины, подталкивая его вперед и становясь за его спину. — Маркиз, я рад познакомить вас с моим бывшим партнером — Рэдом Доракином...

Торжествующая улыбка исчезла с лица маркиза. Чудовище неловко задвигалось.

— Снимите кепку! — приказал де Сад.

Рэд сдвинул бейсболку на затылок и усмехнулся, не вынимая изо рта сигары.

— Да, я узнаю вас по фотографиям в досье, — кивнул маркиз.

Чедвик тем временем полностью вытащил полоску распечатки из пасти компьютерного сфинкса.

— Что вы здесь делаете? Этот человек покушался на вашу жизнь! — воскликнул маркиз.

— В общем, да, хотя...

В другом конце комнаты, там, где кончалась тень динозавра, произошло нечто напоминающее взрыв, направленный внутрь самого себя. Темный смерч всосал в себя столы, стулья, восточные коврики, карусельные подносы для напитков, все недостаточно надежно закрепленные предметы со стен и потолков, в том числе чучела леопарда и совы и высохший трупик кота, некогда испустившего дух в затянутом занавесками алькове. Занавеси тоже были всосаны вихрем. Люди с интересом, динозавр — с тупым

смятением смотрели, как вихрь сорвал дверцу встроенного в стену холодильника и поглотил ее вместе с содержимым камеры.

Темная колонна выросла, приняв в себя все свободные предметы в комнате. В какой-то момент роста она начала издавать гудящий звук, становящийся все громче и выше тоном.

— Как я понимаю, это не местный метеорологический феномен? — спросил Рэд.

— Да уж вряд ли, — сказал Чедвик.

Внутри столба обрисовались очертания массивного силуэта. Гул прекратился. Гигантское существо начало обретать плотность, развернулись громадные крылья. Существо оставалось неподвижным, пока не обрело безусловной материальности. Оно достигало размеров динозавра и внешне определенно смахивало на рептилию, хотя и весьма стилизованной природы.

Чешуя его формой напоминала монеты и по цвету варьировалась от золотистого на груди до черного, как сажа, на спине, переливаясь оттенками медного и красного на хвосте и крыльях. Большие золотистые глаза вызвали странное беспокойство. Из каждой ноздри вилась струйка дыма.

Резким движением оно продвинулось метра на два, шея его по-змеиному вытянулась. Раздался неожиданно тонкий, немного гнусавый голос:

— Что ты сотворил с этим несчастным созданием?

Маркиз беспокойно задвигался.

— Сэр или мадам, — начал он, — я нахожусь в непосредственной связи с его нервной системой и могу вас заверить, что никакого неудобства динозавр пока не испытывает. В его центр наслаждения внедрен имплант, и, если вы настаиваете, я могу нажать стимулятор, доставив несчастному существу столько счастья, на сколько оно способно...

— Довольно!

— Фрейзер? Додд? — сказал Рэд.

— Да, — ответило существо, — но я не с вами сейчас разговариваю. Я искал Чедвика, вот кого, и вы привели меня

к нему. Однако сперва... — Из его пасти вырвалось пламя. — Какой мерзавец привязал к проводам это симпатичное животное!..

— Полностью с вами согласен, — сказал маркиз, — и очень рад, что это был не я.

— Ты усугубил преступление против этого замечательного существа! Ты манипулировал им!

— Позвольте заверить вас, я лишь на самое краткое время одолжил его. Я был намерен...

Чедвик схватил Рэда за рукав и потащил за собой, пытаясь к двери.

— К дьяволу ваши намерения, сэр! Освободите тиранозавра и попросите прощения!

— Только если жизнь моя будет в опасности!

— Ваша жизнь... и даже больше... уже в опасности! Освободите его!

Чедвик ногой распахнул дверь как раз в тот момент, когда динозавр взревел и бросился в атаку на дракона, который волнообразным движением туловища уклонился от столкновения. Чедвик боком протиснулся в дверь, вытащил за собой Рэда, захлопнул дверь и запер на замок.

— Твоя машина на той улице, правильно? — спросил он, указывая направление. — Пойдем! Они могут вырваться на свободу в любой миг.

Бывшие партнеры поспешно зашагали по коридору. В ту же секунду послышались глухие удары, пол дрогнул.

— Отправимся лучше в путь немедленно, — заметил Чедвик. — Я и не предполагал, что недовольство служащего может дойти до такой степени... Необходимые дорожные мелочи приобретем где-нибудь по пути.

Сзади вдруг что-то словно взорвалось, последовало мгновение тишины, затем возобновились гулкие удары. Оглянувшись, они увидели, как рушится стена в окрестностях только что покинутой ими комнаты. Повалил дым, и очистители воздуха жадно всасывали его клубы.

На бегу Чедвик распахнул дверь. Рэд, следовавший за ним по пятам, столкнулся с невысоким человеком в пестрой рубашке, легкой шотландской юбочке и голубых солнцезащитных очках. Отпрянув после неожиданного столкно-

вения, человек с необыкновенной быстротой пришел в себя и потянулся к сумке для кинокамеры, висевшей у него на плече.

— Ради всего святого! Нет! — вскричал Чедвик.

Рэд шагнул к незнакомцу, схватил сумку за ремень и резко дернул, едва не повалив маленького человечка с ног.

— Не убивай его! Десятка отменена! Я разослал приказ прекратить все попытки убийства!

— Не убивать *его*? — переспросил человек, отскакивая назад. — *Его*?. Я и не думал причинить ему вред. Для меня игра закончена уже давно. И сюда я пришел лишь для того, чтобы подать в отставку — убив вас. Но если на то пошло... — Он повернулся к Рэду. — Что вы здесь делаете?

— Я приехал, чтобы прояснить ситуацию. Теперь она куда яснее. По-моему, мы раньше не встречались...

— Встречались, только вы, очевидно, этого не помните. Мое имя Тимьин Тин, и драконы для меня — часть религиозной...

Изнутри здания донеслась серия мощных чавкающих звуков, потом что-то затрещало и зазвенело. Тяжелые шаги явно приближались.

— В таком случае оставайтесь на месте, — посоветовал Чедвик. — У вас есть шанс испытать глубочайшее религиозное откровение. — Он схватил Рэда за руку. — Убираемся отсюда!

Они помчались вниз по ступеням, оставив невысокого человека стоять в изумлении перед дверью. На углу Рэд кивнул в сторону голубого пикапа, рядом с которым стоял с незаглушенным мотором автомобиль Тимьин Тина.

Когда он подбежал к грузовику, дверцы его распахнулись, и Рэд впрыгнул на водительское сиденье. Мотор заворчал, едва Чедвик уселся рядом. Хлопнули дверцы, грузовичок начал разворачиваться.

— На Дорогу, — сказал Рэд.

— Раньше у меня никогда не было проблем со служащими... — заметил Чедвик.

— Кого ты похитил? — спросила Цветы.

Стена вокруг двери в здании начала распадаться. Ти-

мьин Тин пятился по ступеням вниз. Пикап развернулся и помчался по улице.

— Странно и все же не очень странно, — заметил Чедвик, — а главное вовремя.

Глава 1

Пикап мчался вниз по Дороге, под ее вечно бледно-голубым небом с сияющей золотой аркой. Рэд закурил сигару и украдкой посмотрел на рядом сидящего Чедвика из-под козырька шапочки.

Чедвик, в своих разноцветных одеждах, с пальцами, украшенными тяжелыми кольцами и перстнями, все еще утирал испарину, выступившую после их спринта к грузовичку Рэда. Всякий раз, когда он поворачивался, программированное контурное сиденье соответственно меняло форму. Поскольку ерзал он постоянно, сиденье подвергалось постоянным метаморфозам. Чедвик нервно постукивал пальцами, выглядывая в окно, украдкой следил за Рэдом.

— Чед, ты вышел из формы, — заметил тот.

— Знаю. Отвратительное зрелище, да? Если учесть, каким я когда-то был...

— Сигару?

— Не прочь.

Чедвик принял сигару, закурил, потом вдруг повернулся и уставился на Рэда.

— Ты сам, с другой стороны, — сказал он, указывая горящим кончиком сигары, — ты стал гораздо моложе. Знаешь, почему я тебя ненавижу?

— Да. Хотя ты и не в форме и растолстел, но все же я бы сказал, что ты очень похож на того человека, с которым я много лет работал. Подозреваю, что твое положение напоминает мое собственное, только ты носишь маску.

Чедвик покачал головой:

— Брось, Рэд, это исключено. Неужели я или мои врачи не заметили бы, что со временем я становлюсь моложе, сильнее, здоровее?

— Видишь ли, какова бы ни была природа этого процес-

са, в твоём случае ему приходится бороться черт знает с чем. Для привычного тебе образа жизни ты ещё в очень даже хорошей форме. Даже используя все чудеса медицины, любой другой на твоём месте давно бы уже отправился в лучший мир.

— Хотел бы я тебе верить, но согласиться могу пока только с тем, что у меня действительно крепкий организм.

— Ещё у тебя любовь к огню и склонность собирать ценности...

— Ты с ума сошел! Кому не нравятся мирские блага! Это ещё ничего не доказывает. Огонь... — Чедвик жадно затянулся, выдохнул облако дыма. — У каждого найдутся маленькие странности. Лишь потому, что в моей памяти тоже есть белые пятна...

— Кто твой отец?

Чедвик пожал плечами:

— Откуда мне знать? Помню только, что мы жили в какой-то гостинице.

— Неподалеку от въезда на Дорогу?

— А что это доказывает? Ну, допустим, мой отец был из путешествующих — откуда-то ведь появилась такая способность у меня. Это ещё вовсе не значит, что он был похож на тебя... — Секунду Чедвик молчал. — Нет, нет! Не хочешь ли ты сказать, что ты мой отец?

— Ничего подобного я не говорил... и не думал даже. Но...

— Все это плод твоей фантазии. Слишком много предположений, совершенно диких догадок...

— Вот и я то же самое говорю, — вмешалась Цветы. — Если бы вам удалось его запереть как-нибудь, и пусть им занимаются врачи.

— Она права, — кивнул Чедвик. — Твои выводы опираются на ложную память и несуразные предположения.

Рэд пожевал сигару и посмотрел в окно.

— Ладно, — произнес он наконец. — Может, так оно и есть. Только скажи тогда, почему ты отменил на меня охоту и согласился поехать со мной?

Пальцы Чедвика забарабанили по приборной панели.

— Ну, во-первых, потому что ты заявил, будто собира-

ешься в ближайшее время умереть необычным путем, и это пробудило мое любопытство. А во-вторых, потому что, разрешив тебе ввести в мой компьютер твои параноидные предложения, я хочу увидеть, к чему все приведет. И наконец потому, что после известных тебе событий из моего дома явно следовало сматываться — хотя мне и не такое приходилось видеть за свою бурную жизнь.

— Совершенно верно. Тогда почему же ты не веришь мне?

— У тебя нет фактов. Даже если ты прав, то я тоже прав, поскольку не верю на слово. Рэд, если бы я знал, что ты в такой форме, я никогда бы не затеял вражду.

— Перестань! — Рэд отвернулся.

— Значит, ты и сам сомневаешься? Хорошо, это уже добрый знак.

— Ты не веришь ни одному моему слову?

— Я верю в то, что ты просто глупец неизвестной природы... и направляешься сейчас навстречу своей гибели.

— Не потрудится ли кто-нибудь ввести эту распечатку в мой сканер? — попросила Цветы.

— Пожалуйста, — сказал Чедвик, подавая листок.

Рэд вставил его в щель сканера, куда он и был тут же втянут.

— Могу вам сразу сказать, — заявила Цветы, — путь предстоит дальний.

— Безумие какое-то, — пробормотал Чедвик, откладывая сигару и скрещивая руки на груди.

— Ты все-таки сможешь мне, нравится тебе это или нет, — произнес Рэд, тоже отложив сигару. — Очень дальний, Цветы?

— Да.

— Тогда усыпи нас. Я не испытываю желаний с ним разговаривать.

— Взаимно.

Послышалось тихое шипение.

— Мне бы следовало усыпить вас раз и навсегда и стать «Летучим Голландцем», как тот автомобиль, о котором я слышала недавно, носящийся по векам с парой скелетов в кабине.

— Очень смешно, — сказал Рэд, глубоко вдохнув.

Чедвик зевнул.

— Вообще все происходящее... — начал он.

Глава 2

За это время пришлось сменить шесть покрышек, радиатор и приводной ремень вентилятора. Кроме того, отрегулировали двигатель и прочистили тормоза. Все расходы Листья направила на счет Рэда. А уж сколько запраплялись... А путь все продолжался.

— Где? — повторил Рэнди. — Когда?

— Узнаю, как только увижу, — ответила Лейла.

— Так можно заехать в ледниковый период...

— Нет, вряд ли.

— Но он появится здесь, ты уверена?

— Боюсь, что да. Нам надо спешить.

— И ты хочешь спасти его от смерти, которую, по твоим словам, он сейчас ищет?

— Мы уже об этом говорили.

— Потому что считает, что должен претерпеть какую-то трансформацию?

— Он меня потому и бросил, — вставила Листья. — Я почувствовала в нем жажду смерти раньше, чем он сам.

— Выходит, вы ему не верите?

— Я верю тому, что вижу, — сказала Лейла. — Если он умрет, то он умрет. Точка.

Рэнди потер щетину на подбородке и покачал головой.

— Не уверен, что я пытался бы помешать ему делать то, чего он так жаждет, даже если это выглядит совершенно дико. Я только хочу увидеть его. Хотя не знаю даже, что сказать...

— Ты уже видел его.

— Объясни.

— Та пара — старик и старуха, у которых забарахлил мотор. Это были мы — я и Рейд — много, очень много лет назад, пока мы не начали становиться моложе. Я вспомнила, когда...

— Черт побери, что это такое?

— Что?

— Что-то большое — вроде самолета — пролетело над нами.

— Я ничего не видела.

— Позади. В зеркальце заметил.

Лейла покачала головой:

— Исключено. При нашей скорости перемещения во времени любой предмет был бы видимым лишь на такую ничтожную долю секунды, что даже подсознательно ты не смог бы его воспринять. Листья, ты что-то зарегистрировала?

— Нет.

— Значит...

Он ткнул пальцем.

— Ага! Вот оно, возвращается!

Лейла наклонилась к ветровому стеклу, раздавив мимоходом сигару.

— Дьявол, — пробормотала она, — похоже на... Опять пропал.

— Дракон! — воскликнул Рэнди. — Прямо как в сказках!

Лейла вновь уселась на место.

— Давай быстрее, — сказала она.

— Быстрее мы не можем.

Причудливая тень в небе больше не появлялась.

Минут через пятнадцать они миновали поворот, и Лейла подняла руку.

— В чем дело? — спросил Рэнди, касаясь педали тормоза. — Это здесь?

— Нет. Показалось было на мгновение... Поехали дальше. Я чувствую, что мы уже близко.

В течение следующего часа они миновали много поворотов, отмеченных разными знаками. Затем, после довольно длинного прямого отрезка пути, вдали появился еще один поворот. Лейла наклонилась вперед, вглядываясь.

— Вот, — сказала она. — Стой. Голубой зиккурат... последний съезд на Вавилон. Нашли.

Рэнди съехал на обочину. Внезапно их окружило утро, солнце светило по-летнему ярко.

Рэнди опустил окошко, посмотрел назад, потом по сто-

ронам. Кажется, мелькнула какая-то тень, но исчезла прежде, чем он успел опомниться.

— Ничего особенного. Похоже, мы здесь одни. Что теперь?

— Все в порядке, — ответила Лейла. — Мы его опередили по шкале дорожного времени. Оставайся на обочине и выезжай за поворот. Метров через сто разверни машину и заблокируй съезд так, чтобы он успел затормозить. А мы пройдем немного вперед, будем его останавливать.

— Минуточку, — сказала Листья, когда Рэнди включил передачу, — а не вызовем ли мы случайно то, что как раз стремимся предотвратить?

— Разумно, — заметила Лейла. — Рэнди, у тебя есть знаки аварийной остановки?

— Как ни странно, есть.

— Мы поставим несколько штук вдоль съезда по пути назад. А ты включи еще фары... и хорошо бы установить перед машиной осветительный патрон или какой-нибудь другой световой сигнал.

— Хорошо.

Он двинул вперед машину, сделал поворот.

Глава 1

Рэд протер глаза, посмотрел на соседа справа. Чедвик тоже начал просыпаться.

— Отвечай в режиме шепота, — тихо произнес Рэд. — Мы уже близко?

— Очень близко. Поэтому я вас и разбудила. Интересно, что ты намерен делать, когда отыщешь свое волшебное местечко?

Рэд снова посмотрел на Чедвика.

— Прежде его надо высадить — ради его собственной...

— Нет! — вскричал Чедвик, резко выпрямляясь на сиденье. — Ты от меня сейчас не избавишься! Я намерен досмотреть этот сумасшедший спектакль до конца!

— Послушай, это для твоего же собственного блага. Ведь, что бы ни произошло, ты бы хотел вернуться целым и невредимым, верно?

— Я знаю, что делаю, — и, между прочим, получше тебя самого, глупец! Твое время еще не пришло!

— Нет, вы только поглядите! Я оказываю ему услугу, а он вместо спасибо ерепенится!.. Цветы! Тормози!

Рука Чедвика метнулась к панели, перекинула выключатель режима с автоматического на ручной. Машину сразу повело влево. Рэд ухватился за руль и выровнял пикап.

— Болван психованный! Хочешь убить нас обоих?!

Чедвик дико захохотал, потом рубанул по предплечью Рэда, когда тот попытался вернуть тумблер режимов обратно. Рэд начал тормозить.

— Послушай! Если я не прав, я тебя потом подберу. Но если я прав, то тебе лучше здесь сойти. Я иду навстречу своей судьбе. Я...

Он начал поворачивать руль вправо. Чедвик навалился на него всем телом, схватил руль...

— Смотри! Люди!

Рэд на миг поднял голову и увидел Лейлу, отчаянно размахивающую руками; рядом с ней стоял какой-то молодой человек, он тоже махал.

Когда машина пронеслась мимо, Чедвик ударил Рэда в челюсть, и голова Рэда ткнулась в раму окна. Чедвик ухватился за руль.

— Стойте! — вскричала Цветы. — Переключите тумблер, кто-нибудь!

Они миновали дымящийся и плюющий искрами осветительный патрон.

Рэд увидел знак с голубым зиккуратом в тот момент, когда ударом локтя отшвырнул Чедвика в сторону. Тогда рука его метнулась вперед, и, направив машину в петлю поворота, Рэд включил автоматический режим.

Тут же завизжали тормоза, и Цветы закричала:

— Дорога перекрыта!

Машина накренилась и пошла юзом. Слева сразу за обочиной был обрыв, справа склон был более пологий, но усеянный камнями.

Рэд крутанул руль влево, но руль повернулся вправо.

— Прости, босс, — сказала Цветы. — Один из нас не прав — надеюсь, что ты.

Рэда спеленало что-то тяжелое и мягкое, когда они съехали с дороги. Раскрылась дверца, и его выбросило из кабины.

Падение, удар о грунт... Он потерял сознание. Надолго ли — трудно было сказать.

Неподалеку трещал огонь, раздавались какие-то крики.

Рэд несколько раз глубоко вздохнул, потянулся. Похоже, кости целы...

Он начал выбираться из кокона, прочного и вязкого. Крики приближались. Голосов явно несколько, но слов все равно было пока не разобрать.

Рэд, преодолевая сопротивление материала, с усилием подвел руки к животу, и в грудной клетке тут же что-то кольнуло.

Наконец удалось ухватиться. Еще одно усилие, и кокон поддался. Раздвинув руки, Рэд потащил оболочку с плеч и выполз наружу.

Послышался голос Лейлы, а вот и она сама бежит...

Он повернулся и посмотрел вниз по склону, где лежал его пикап. Грузовичок перевернулся и горел.

Рэд попытался встать, но ноги запутались в губчатой материи, и он снова опустился на траву, поддерживая себя руками. В боку все еще болело.

— Нет... — прошептал он, глядя на пылающий грузовик. — Нет...

На плечо легла рука. Он не поднял головы.

— Рейд?

— Нет! — повторил он.

Грузовик внизу вдруг расцвел, словно превратившись в шар огня. Секунду спустя накатилась волна жара.

Рэд поднял левую руку как раз в тот момент, когда подбежал Рэнди.

— Ты мог оказаться там... — начала Лейла.

Рэд взмахнул рукой, вытянув указательный палец.

Пламя опало. Поднялся столб дыма. Внутри столба возникла какая-то фигура, медленно двигаясь по спирали вверх.

— Теперь я понял, — произнес Рэд.

Громадный серо-зеленый дракон воспарил над дымящимися остатками грузовичка.

— Это Чедвику пришла пора, — сказала Лейла. — И все твои действия должны были помочь ему.

Рэд кивнул, не сводя взгляда от уплывающего силуэта. Движения дракона были грациозны и даже каким-то образом чувственны — воздушный танец свободы, сброшенных пут.

Внезапно дракон замер и посмотрел в их сторону. Потом развернул крылья и подплыл ближе. Уже совсем рядом он замер на месте.

— Спасибо, дети мои, — послышался его мелодичный звучный голос. — Вы сделали для меня то, что я не мог сделать сам, потому что не знал как...

Он описал над их головами медленный круг.

— В чем же секрет? — спросил Рэд. — Я вспомнил больше, чем ты. Я думал, что все приготовил для себя...

Он взглянул вверх, где появился второй темный силуэт.

— События, дитя, — ответил дракон, — события и подсознательная манипуляция ими. Я не могу дать тебе совет, потому что мы все разные. Ищи, если чувствуешь, что должен искать. Для тебя, возможно, в этом и заключается путь. Но твое время еще не пришло. Когда наступит срок, помощь придет неожиданно — друг, враг, незнакомец, родственник... Мне же пора отправляться домой. Надеюсь, что когда-нибудь мы еще встретимся.

Он быстро взмахнул крыльями и начал подниматься, чешуя его горела в лучах утреннего солнца, будто золотое зеркало. Крылья двигались сначала медленно, потом быстрее, быстрее... Рядом возник еще один крылатый житель небес. Скоро они оба скрылись из виду.

Рэд на миг спрятал лицо в ладонях. Ветер изменил направление, пахло гарью.

— Может, кто-нибудь все-таки поднимет меня? — донесся голосок откуда-то от подножия спуска. — Пока тут не загорелось все вокруг...

— Цветы? — сказал Рэд, опустив руки и поднимаясь.

Но молодой человек опередил его. Он отыскал в траве книгу, вставил ее вновь в предохранительный футляр для катапультирования в случае аварии и поднялся по склону к остальным.

— Рейд, познакомься, это твой сын Рэнди, — сказала Лейла.

Рэд нахмурился:

— Откуда ты, парень?

— Кливленд, В-20.

— Будь я проклят! Блейк... или Карфаген?

— Ага. Но теперь я называю себя Доракин.

Рэд шагнул вперед и взял Рэнди за плечо, всматриваясь в его глаза.

— Это так, это действительно так, и я чертовски рад.

Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя. Дорогу мне показала Листья. Потом я встретил Лейлу...

— Не хочу вам мешать, — вставила Лейла, — но машину лучше поскорее убрать оттуда, пока не подъехал еще кто-нибудь.

— Верно.

Они зашагали к боковой дороге.

— Гм-м... как же тебя называть теперь? Отец?

— Рэд. Просто Рэд. — Он посмотрел на Лейлу. — Голова у меня вдруг прояснилась, словно туман развеялся.

— Это была последняя черная птица, — ответила Лейла.

— Ты представляешь, будь на его месте я, я бы не встретил Рэнди.

— М-да.

— Тогда давайте отправимся в Ур, выпьем пива. В Уре всегда хорошее пиво.

— Согласен, — сказал Рэнди. — Мне о многом нужно тебя спросить.

— Конечно. Мне тоже нужно о многом тебя спросить... да и планы надо еще составить.

— Планы?

— Да. Я уверен, что греки должны одержать победу при Марафоне.

— А они и одержали.

— Что?

— Так сказано в учебнике истории.

— Ты выехал на Дорогу в В-20. Где именно?

— Возле Акрона.

— Сможешь найти обратный путь?

— Думаю, да.

— Мы еще добьемся своего!.. Погоди, сперва отправимся в Марафон, сверить счет. Возможно, в игру вмешался какой-нибудь новый фактор.

— Рэд?

— Да?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ничего, я объясню...

— Меня будет искать Мондамей, — перебила Цветы. — Оставьте ему записку.

Рэд щелкнул пальцами.

— Правильно. Ребята, вы уберете с пути машину, а я сейчас.

Он потрусил вниз по склону, держась за бок, и, подобрав кусок еще горящего металла, нацарапал на покореженной дверце догорающего пикапа: «Завтракаем в Уре. Рэд».

— Что, реальность всегда несколько расплывается в его присутствии? — спросил Рэнди.

— Прежде ничего странного я за ним не замечала, — Лейла хлопнула себя по карманам, затем пожала плечами и выдула маленькую струю пламени, чтобы раскурить сигару. — До последнего пожара, в гостинице. Но теперь с ним, кажется, опять все нормально.

— «Родила бы лучше я гнездо ехидн презренных, чем это чудище смешное...» — продекламировала Цветы. — Наверное, я тоже дракон, которому снится, что он книга...

— Запросто, — сказала Лейла, садясь в кабину. — Листья, познакомься, это Цветы.

Последовал диалог статических помех.

Глава 2

В горной цитадели, в Абиссинии времен В-11, Тимьин Тин взглянул на пару влюбленных.

Тесно прижавшись боком, Чантрис провела кончиком крыла по забинтованной голове и спине динозавра.

— Бедненький, тебе уже лучше, правда?

Динозавр тихо застонал и прижался к ней.

— Благодарю вас за то, что предоставили нам эту замечательную беседку, — сказала она Мондамею, который помог им выбраться из-под руин дома Чедвика, — и вам — за помощь в перевозке.

Тимьин Тин склонился в глубоком поклоне.

— Оказать услугу дракону Белквинита — слишком большая честь для меня, — ответил он. — Желаю вам всяческих радостей в этом счастливом пристанище.

Динозавр несколько раз вздохнул. Чантрис засмеялась и снова погладила его.

— Ума у него не слишком много, — призналась она, — но какое тело!

— Я рад, что вы рады, — сказал Мондамей. — А теперь мы оставим вас в благословенном одиночестве, потому что мне нужно найти свою собственную любовь. Этот человек-разрушитель согласился помочь мне. Потом же мы займемся каждый своим: я буду лепить горшки, он — выращивать цветы. Тимьин Тин, если ты готов, садись мне на спину.

— Поищите хорошенько у последнего выезда на Вавилон, у знака с голубым зиккуратом, — сказала Чантрис, выдыхая спираль бледного дыма. — У нас, драконов, иногда имеются любопытные сведения.

— Благодарю за совет, — сказал Мондамей, когда Тимьин Тин влез ему на спину и ухватился за плечи.

Они поднялись в воздух, а долину внизу наполнили крики радости и стоны удовольствия.

Рэд, Лейла и Рэнди, облаченные в местные наряды, сидели в глинобитном домике с земляным полом в Уре и пили пиво местного производства из глиняных горшков. К ним подошел темнокожий плотный человек в таком же одеянии.

— Рэнди?

Они посмотрели на него.

— Тоба! — воскликнул Рэнди. — Я должен тебя угостить. Садись. Лейлу ты, наверное, помнишь. Ты знаком с моим отцом, Рэдом?

— В общем-то, знаком, — ответил Тоба, пожимая руки. — С твоим отцом? Ну и ну!

— Что ты делаешь в Уре?

— Да я уроженец этих мест, сейчас отдыхаю. Вот и решил подышать родным воздухом, навестить родителей, ну и дело себе новое подготовить. — Он кивнул в сторону, где в углу лежало несколько джутовых мешков.

— Что за дело? — спросил Рэд, опуская свой горшок и вытирая рот.

— Примерно в шестидесяти В вверх по Дороге я занимаюсь археологией. Время от времени я возвращаюсь сюда, чтобы закопать кое-какую мелочовку. Потом еду обратно и откапываю. На последнем материале я написал замечательную статью — о взаимном проникновении культур. Сейчас у меня там, в мешках, несколько интересных образцов из Мохенджодаро.

— А разве это не... не жульничество? — спросил Рэнди.

— То есть как?

— Ну, прятать находки таким образом... Ты вносишь путаницу в археологию.

— Почему? Отнюдь нет. Я ведь сказал, я сам отсюда. И всем находкам действительно по шесть тысяч лет, когда их откапывают.

— Однако у людей сложится неверное представление об Уре и Мохенджодаро.

— Не думаю. Парень, с которым я пил там в уголке, родом из Мохенджодаро, а познакомились мы с ним в 1939 году на всемирной выставке. Неплохо поработали с тех пор, должен сказать.

— Весьма... необычное занятие, — заметил Рэнди.

Тоба вздохнул:

— Это средство к существованию... Рад видеть тебя живым, Рэд.

— Тоже, знаешь ли, средство к существованию, — улыбнулся Рэд. — Между прочим, мы как раз говорили...

Где-то над французской деревушкой выясняли отношения Красный Барон и Сент-Экзюпери. Жанна видела в небе их силуэты, словно сражающиеся распятия...

Увидев, как перевернулся и начал гореть голубой пикап, невысокий черноусый человек затормозил свой «Фольксваген». Некоторое время он смотрел, затем продолжил путь...

Мудрые драконы одиноко парили над Белквинитом, грезя о дорожных картах...

Гонец рухнул на ступени Акрополя, перед смертью успев сообщить вести из Марафона.

**ТЕМНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ**

*Кэти Кавана
и всем остальным преподавателям
школы «Рио-Гранде» в Санта-Фе,
которые учили моих детей
получать удовольствие от чтения*

Пролог

Пламя свечи дрожало, как осенний листок. За окном висела полная луна. В доме не было слышно ни звука.

Она, не отрываясь, смотрела на пламя, и перед глазами ее проплывали целые вереницы образов. Прошрое, настоящее, будущее... Если как следует потренироваться, то вполне можно научиться отличать их друг от друга. Во всяком случае, ей приходилось заниматься этим не раз и не два.

Она забыла про свой дом. Она уже не видела луну. Через некоторое время она перестала видеть даже само пламя. И только образы мелькали перед нею — прошрое, настоящее, будущее, опять прошрое — они шуршали, как карты...

Слабая улыбка коснулась ее губ. Вот прошрое. Настоящее прошрое, как якорь...

...Человек достает палочки и медные колесики. Вот он уже идет; при этом колесики позвякивают у него в руке, а его черный плащ и перо на шляпе остаются неподвижными, словно они недоступны никаким ветрам.

Путь человека пролегал сквозь толщу чего-то белого, похожего на огромный снежный сугроб. Но нет, это не сугроб — оно будто висит, подрагивая в воздухе. Скорее это дымка, туман... Медленно, как призрак, движется человек в этой молочной дымке. Наконец белое впереди него немного рассеивается, дымка редет... Становятся видны какие-то неясные очертания. Но он все идет и идет той же медленной поступью.

Внезапно туман перед ним расступается, и размытые образы обретают цвет и плоть. Человек стоит на траве, возле дороги, ведущей в какой-то большой город. Вдалеке

на башенках играют лучи утреннего солнца. Человек видит впереди нечто огромное, металлическое, с неподвижными крыльями. Оно летит, и совершенно непонятно, за счет чего... Человек провожает его взглядом, и вдруг оно приземляется прямо рядом с ним — чуть слева от дороги...

— Sapristi!¹ — восклицает человек.

И через некоторое время снова пускается в путь.

Она кивнула, образ растаял, и на смену ему пришел другой. Теперь — будущее...

...Какой-то худой темноволосый мужчина, одетый во все черное. Встает с земли, в левом ухе у него поблескивает серебряная сережка. Длинные черные волосы собраны на затылке. Он улыбается и поднимает руки перед собой; ей кажется, что в этих руках — смерть. И они тянутся прямо к ней...

«...А зовут его Ворон».

Последние слова сами собой промелькнули у нее в голове. Она вздрогнула. Надо прогнать его поскорее. Слишком уж страшное пророчество — лучше бы оно не сбывалось. Уходи.

А теперь...

Стены арройо², качаясь, проносятся мимо... В сумерках видны темные очертания кустов — это можжевельник и молодой сосняк. Она не слышит — чувствует мерное дыхание бегущего. Полная луна светит так ярко, что все вокруг отбрасывает тени. Это сумасшедший, иступленный бег. Голова мальчишки уже откинулась назад, он хватается ртом воздух. Но он все бежит, бежит, бежит...

Она вздохнула, потому что это означало, что очень скоро ей придется вновь проходить испытание громкой рок-музыкой. Как же иногда устаешь от братьев...

¹ Ах ты, черт возьми!

² Арройо — высохшее русло реки.

...Теперь она видит электростанцию с башенками в голубых ореолах света, между которыми зловеще змеятся какие-то черные нити. Неподалеку разбросаны палатки и костры — видимо, расположилось лагерем войско. Чуть дальше — горная гряда, и там, на склонах, — тоже палатки и костры.

Вдруг над одним из лагерей промелькнула какая-то яркая вспышка... Потом — опять все спокойно. Значит, можно подойти еще поближе и...

Внезапно картинка исчезла. Озадаченная, она попыталась вызвать ее опять. Картинка снова проявилась, немного повисела, потом так же быстро исчезла. Она попробовала еще раз. На этот раз картинка не появилась совсем.

Она покачала головой. Ей уже приходилось сталкиваться с подобными неувязками. Ну ладно, потом.

Теперь еще раз настоящее...

...Какая-то фигура, одетая в белое кимоно, пролетает в воздухе над другой фигурой — тоже одетой в белое кимоно, подпоясанное черным поясом. При этом раздается выкрик — она скорее чувствует его, чем слышит. Фигура падает на маты и одновременно выбрасывает в ударе правую руку. Это Барри... Опять он...

Неожиданно картинку перекрыло новое видение...

...Тишина. Улицы мертвого города. Дома лежат в руинах. В воздухе вьется пыль. Кругом кучи мусора. Окна без стекол. Все замерло — осталась только пыль, гонимая ветром...

Видение начало таять — и она только заметила (или ей показалось?), как чья-то знакомая фигура завернула за угол дома.

Ну и ладно. Пусть себе растворяется. Само пришло — само пусть и уходит.

Внезапно она поняла, что это было скорее будущее, чем

прошлое, — и тихонько выругалась. Может быть, стоило попробовать вернуть картинку и сделать ее почетче?

Она снова сосредоточилась на пламени...

...По лесу бежит волк...

Она долго всматривалась в видение, но так и не нашла в нем ничего особенного. Так же скучно смотреть, как на Джима, который носится по своим оврагам и арройо.

Она прогнала волка. Попробовала опять вызвать те два войска, но вновь они скрылись, едва успев появиться.

И вдруг она увидела Тома. Он был в соседнем здании, в комнате, где стоит транскомп, — возился с приборами.

Внезапно что-то напало на него. Она не поняла, откуда оно взялось; она даже не поняла, что это было. Только почувствовала ужасную опасность, которая нависла над ним — сейчас, в эту самую минуту... И громко закричала, зная, что он не сможет услышать ее крик.

Изображение стало сливаться, больше она не могла его удерживать. В конце концов образ совсем исчез и свеча погасла. И только где-то внутри осталось острое ощущение опасности. Ей стало страшно. Однако, несмотря на свой страх, она вскочила и бросилась вон из комнаты — вниз по лестнице — по коридору — опять по лестнице...

На столе дымилась погасшая свеча...

Глава 1

«Мой папа в Эддистоуне имел игорный дом...» Знаете эту песенку? Не знаете — и не надо. Просто она всегда напоминает мне о доме.

Вообще-то я обычный четырнадцатилетний мальчишка, зовут меня Джеймс Вили, и живу я в большом двухэтажном здании в столице одного из юго-западных штатов Америки. Моя сестра Бекки — ведьма, старший брат Дэйв сейчас проживает в замке, а наш прибывший по обмену студент Барри тренируется на убийцу. Еще у меня есть дядя по имени Джордж — этот из оборотней. Если честно, у меня у самого в полнолуние руки чешутся — видимо, сказываются гены. Но я-то стараюсь подходить к таким вещам по-

научному, ведь рано или поздно я обязательно стану ученым.

И дернул же черт эту полную луну вылезти в тот вечер раньше обычного! Тогда-то все и началось, и, конечно же, меня в этот момент не было дома. Доктор Холмс прописал мне кортизоновую мазь от так называемого «ежемесячного ладонного дерматита» — помогает неплохо. Но дело в том, что, кроме зуда, в полнолуние у меня еще просыпается страсть к длительным прогулкам по оврагам. Вот и приходится трусить по ним туда и обратно... Только поймите меня правильно. Я не меняю облик и вообще ничего такого не делаю. Даже почти не вою.

В тот вечер я вернулся со своих лунных пробежек, как всегда, взмыленный и страшно голодный. Обычно в таких случаях я первым делом совершаю набег на холодильник. Потом иду в душ. Потом опять смазываю руки. Затем иду к себе в комнату, громко включаю музыку и начинаю расхаживать по комнате. Бекки при этом выходит из себя, потому что ее дверь находится через две от моей, а в полнолуние она любит посидеть с выключенным светом и попятиться на свечу. Сестренка может заниматься этим часами. Она же у нас колдунья.

Но сегодня все было по-другому. Когда я вошел через заднюю дверь, думая исключительно о гамбургере, который, я знал, лежит в отделении для мясных продуктов, Бекки уже ждала меня у самого входа. В левой руке она держала какой-то коричневый бумажный пакет, и вид у нее был расстроенный.

Бекки — такая крепенькая блондинка небольшого роста. Мы с ней почти одногодки, разве что она чуть постарше — кажется, ей пятнадцать. Так вот, я не припомню, когда она в последний раз из-за чего-либо расстраивалась. Поэтому, когда она сказала мне «Пошли!» и взяла за руку, я без всяких вопросов последовал за ней.

Бекки провела меня через нашу половину дома и отпустила только возле тяжелой металлической двери, ведущей в здание главного управления. Затем залезла рукой в пакет, и через секунду я услышал характерный шелчок — в этот момент она подняла пакет и направила его на дверь.

— Бекки! — воскликнул я. — Что это у тебя там в пакете?

— Сам знаешь, — произнесла она ровным голосом. — А теперь слушай, Джим. Ты должен встать слева от меня, отпереть дверь, потом толчком распахнуть ее и быстро отойти в сторону.

— Ну дела, — сказал я. — Уж не собираешься ли ты открывать огонь?

— Только если оттуда выпрыгнет... что-нибудь такое, — ответила она.

— Гм-м, не знаю, что у тебя там за штука, но в любом случае будет лучше, если оружие возьму я.

— Нет уж, — возразила она. — Ты можешь и растеряться, а у меня точно рука не дрогнет.

Я посмотрел на ее прищуренные зеленые глаза, на ее далеко не хрупкие плечи и подумал, что не так-то уж хорошо я знаю свою сестренку. Многого в ней я даже не подозревал. У такой действительно рука не дрогнет — чего нельзя с уверенностью сказать обо мне.

— Ну ладно, — согласился я, после чего занял соответствующую позицию, открыл замок и слегка толкнул дверь.

Разумеется, я тут же отступил назад, но уже через секунду облегченно вздохнул. Никто и не думал на нас бросаться. Я еще немного постоял, затаив дыхание.

В коридоре горел свет, но в пределах видимости никого не было. Никаких подозрительных звуков я тоже не услышал. Только запах — запах чужого человека. И еще, кажется, крови.

— Теперь, может быть, объяснишь мне, что происходит? — спросил я.

— Эх, жалко, Барри нет дома...

Ну вот тебе раз! Прямо бальзам на душу пролила — ничего не скажешь. Видите ли, ей жалко, что нет Барри. Ну, нет его сейчас дома — ушел на свою дурацкую тренировку по до-дждо. Сейчас он, наверное, вовсю лягается и машет кулаками. Чем еще можно заниматься на тренировке по до-дждо? Сцепляться с противником, отшвыривать его, ставить блоки, проводить захваты... Наверное, Бекки предпочла бы, чтобы Барри занялся всем этим прямо здесь и прямо сейчас. Еще бы, — кажется, он начал упражняться в

своих приемчиках раньше, чем выучился ходить. И поэтому, значит, с ним нужно как со взрослым, а со мной — как с малым дитем. Очень хорошо! Только, пожалуйста, не надо забывать, что он всего лишь на год меня старше...

Бекки двинулась вправо по коридору, один за другим поворачивая выключатели, чтобы освещать впереди дорогу. Мы шли по направлению к приемной. По пути я заглянул в пару пустых кабинетов.

Возле конторки, за которой висела табличка с надписью: «ИНСТИТУТ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ», я остановился.

— Ну что, раз Барри нет, — сказал я, — давай выкладывай все мне. Можешь не беспокоиться, я уже учуял кровь.

Бекки вдруг резко обернулась через плечо. В этот момент она проходила под огромной картиной, изображающей Леонардо да Винчи возле стола, заваленного какими-то медными осями и шестеренками. Он слегка улыбался. Насколько я знаю, такого автопортрета не публиковали ни в одной из книг по искусству.

— Тш-ш! — Бекки поднесла палец к губам и шепотом добавила: — Потом!

Я кивнул, и мы двинулись дальше. Мы осмотрели еще два кабинета, небольшой конференц-зал и гардеробную. Везде, к счастью, было пусто. Впрочем, я и так это знал — мой нос не обманешь.

Мы подошли к подножию лестницы. Бекки вгляделась в темноту и вздрогнула. Кстати, оттуда тоже пахло чужим.

— Не могу! — жалобно сказала сестричка. — Не могу туда идти.

Я положил руку ей на плечо:

— И не надо. Зачем, спрашивается?

Она продолжала неотрывно глядеть в темноту:

— Не знаю. Может, там и правда... ничего такого. По крайней мере, сейчас.

— Хотел бы я все-таки понять — что происходит?

— Пошли, — сказала наконец Бекки. — Покажу тебе. — А потом добавила: — Просто кошмар.

— О чем ты?

— Ладно, пойдем, — снова увильнула от ответа она и повела меня куда-то в сторону кладовой.

Я с трудом сдержался, чтобы не заорать в голос, но все же послушно последовал за ней. В голове замелькали картины, достойные фильма ужасов, и я ничего не мог поделать. «Просто она услышала какой-то шум и перепугалась, — уговаривал я себя. — Девчонки вечно психуют».

В кладовой горел свет. Мы прошли мимо всяких швабр с ведрами, мимо полки с чистящими порошками и кучи складных стульев. Затем Бекки отыскала в стене потайную щеколду. Ей не пришлось долго возиться — уже через секунду часть стены подалась вперед и перед нами открылась небольшая узкая лестница, ведущая вниз.

Здесь тоже работало верхнее освещение, и было видно, что коридор упирается в железную дверь. Казалось, что скрытая комната, которая была за этой дверью, находится внизу, но на самом деле она располагалась даже выше основного уровня — просто земля в этом месте давала сильный уклон. Окон здесь не было, так что у того, кто видел из окна конторы странно выпирающий угол, создавалось впечатление, будто это часть нашей половины дома — если, конечно, кому-то приходило в голову над этим задуматься. И, наоборот, наши гости, выглядывая из окна гостиной, думали, что это угол здания конторы. Впрочем, с тех пор, как в начале года умерла мама, гости к нам заглядывали не часто.

Я спустился следом за Бекки по лестнице, а затем подошел к двери.

— Ну что — действуем по старой схеме? — шепотом спросил я.

В ответ она лишь покачала головой и сама толкнула дверь.

Я вошел следом за ней и оказался в комнате, где находилась транскомп-установка. Здесь тоже горел свет и повсюду царил страшный беспорядок. Бекки уселась на металлический складной стул, протянула мне пакет и заплакала.

Я огляделся и увидел пятно на полу, неподалеку от главного пульта. Мне ближе подходить не потребовалось —

достаточно было потянуть носом воздух. Обоняние у меня необычайно острое — особенно в такие вечера. Я сразу определил, что недавно здесь побывал мой отец и что пятно на полу — кровь. Впрочем, это бы я определил даже в полной темноте. А еще здесь витал тот самый запах чужого, который чувствовался наверху.

Я пригляделся к транскомпу и моментально распознал, в каком месте поломка. Установка все еще работала и тихонько гудела, но при этом светился только один огонек индикатора. Видимо, когда по ней ударили, где-то коротнуло. Я подошел и выключил ее из сети.

Бортовой журнал валялся на полу. Я поднял его, расправил загнутые страницы и прочел последнюю запись, которую папа сделал чуть больше часа назад. Ничего разумительного он не написал — во всяком случае, даже намеком не сообщил, в какую зону отправился. Я поставил журнал на нужную полку и заглянул в ящик стола, где отец обычно держал револьвер. Ящик был слегка приоткрыт, и, конечно же, никакого револьвера там не было. Что ж, так я и думал.

После этого я заглянул в пакет, который сунула мне Бекки, и сразу же нашел то, что искал. Ну, что я говорил? Я осторожно извлек оружие, опустил взведенный курок и со щелчком открыл барабан. По запаху я уже давно понял, что из револьвера стреляли. Интересно, интересно, хотя... Ну да, так и есть. Один выстрел. Я снова захлопнул барабан и стал раздумывать, что же мне делать с револьвером — положить на место в ящик или оставить при себе до тех пор, пока все не прояснится.

— Где ты нашла револьвер? — спросил я у Бекки.

— На полу, — сказала она, — вон там. — И указала в дальний конец комнаты.

— А что это ты тут делала?

— Сначала я сидела, как обычно, в своей комнате и медитировала, как вдруг у меня возникло чувство, что здесь происходит нечто ужасное. И тут раздался выстрел. Я сразу бросилась вниз и сперва немного постояла под дверью. Но больше не было никаких звуков. Тогда я открыла дверь и пошла по коридору. Везде было пусто — так же, как и

сейчас, — только валялся этот револьвер. — Она снова указала в угол комнаты.

— И что ты тогда сделала?

— Подняла его с пола и засунула в бумажный пакет — чтобы не оставлять отпечатков. Я подумала, если встречу что-нибудь страшное, он может мне пригодиться. Потом я опять поднялась наверх, домой, и заперла общую дверь в контору. И пошла на кухню ждать тебя.

— Значит, ты знала, что стреляли здесь? — уточнил я. — Но как ты догадалась? Наверняка звук был приглушенный. Стрелять ведь могли и где-нибудь на улице.

Бекки покачала головой.

— Том тогда как раз пошел на другую половину, — пояснила она. — Перед уходом он говорил, что собирается туда. И через пять минут после этого я услышала выстрел. Ему как раз бы хватило времени, чтобы спуститься вниз, все подключить и сделать запись в журнале.

Я облизал пересохшие губы и кивнул. Том Вили — это мой отец. Бекки он не отец, и поэтому она называет его по имени, а не «папа» или как-нибудь еще. Так уж у них повелось.

— Он тебе не сказал, что собирается здесь делать?

— Нет.

— Может, ему кто-нибудь звонил или заходил — перед тем как он ушел?

— Я не слышала никаких телефонных звонков, — ответила Бекки, — да и в дверь тоже не звонили. А что?

— Просто пытаюсь вычислить, где на него напали — по эту сторону или по ту.

— Н-да. Я и не подумала об этом.

— На самом деле сразу возникает куча вопросов, — произнес я. — Во-первых, чья это кровь там, на полу? Отца? Или кого-то другого?

— Мне кажется, это кровь Тома, — сказала Бекки. — Если бы он ранил того, второго, то зачем ему было сбегать? Остался бы с раненым пленником или с трупом, в конце концов. Ага!.. Может, он убил его, прихватил тело и отправился куда-нибудь, чтобы избавиться от улики?

— Не думаю, — возразил я. — В таком случае папа уже

давно вернулся бы обратно. С тех пор прошло больше часа.

— А может, они попали под действие поля прямо во время схватки и их переместило? — спросила Бекки.

Я махнул в сторону пульта:

— А кто же тогда сломал машину, если они оба переместились?

— Точно. Что-то я туго соображаю, — призналась Бекки. — Так что же нам теперь делать?

Я бросил взгляд на лестницу:

— А вот это ты верно сообразила. Неплохо бы нам что-нибудь сделать. А все загадки обсудим после. Пошли.

— Куда?

— Поднимемся наверх. Пусть здесь все останется как есть. Надо разбудить Голема.

— А мое присутствие обязательно? — спросила Бекки. — Что-то мне не очень хочется.

— Понимаю, — вздохнул я. — Ладно, не бойся, он просто взглянет на тебя, когда я нажму на кнопку, — увидит, что это ты, и оставит в покое.

— Но Том однажды сделал так и...

— Просто надо менять программу при каждом включении, вот и все. Ты же знаешь, он работает только на нас. Я хочу привести его сюда — пусть охраняет. Тебе больше не придется спускаться сюда самой.

— Понятно, только... Ну ладно, давай уж покончим с этим поскорее.

Мы выключили свет, закрыли дверь и начали подниматься по лестнице.

— У тебя лицо грязное, — сказала Бекки.

— Думаю, этого Голем не заметит, — бодро ответил я.

Глава 2

На обратном пути в окне, которое выходило на фасад, мы выставили табличку «ЗАКРЫТО». Я подумал, что завтра наверняка забуду это сделать, — судя по всему, денек предстоял не из легких. Еще хорошо бы скорее добраться до телефона и позвонить миссис Делл, секретарше. Пусть

свяжется со всем персоналом и скажет, чтобы пока не приходили.

Вслед за этим мне сразу же пришла в голову еще одна мудрая мысль — надо просмотреть ежедневник и выяснить, не записан ли кто на завтра. Если да, то им тоже следует позвонить и отложить посещение на другой день.

Вот черт! Сразу столько дел навалилось — и как пить дать что-нибудь еще упустил.

Мы вернулись в жилую часть дома и закрыли за собой дверь. Затем поднялись на второй этаж и зашли в папину спальню. Бекки осталась стоять у двери, а я прошел через комнату к туалету и решительно закатал ковровую дорожку.

В небольшом углублении я нащупал железное кольцо и потянул его на себя. Дверца в полу со скрипом открылась, и я услышал, как Бекки воскликнула:

— Ой, мамочки!

Я не стал ее стыдить. Если честно, я и сам до сих пор немного побаиваюсь нашего Голли, хотя мне пришлось достаточно с ним возиться и я отлично знаю, что, если делать все правильно, он вполне безопасен.

Это я придумал называть его Голли, чтобы не было ощущения, будто общаешься с персонажем фильма ужасов. Росту в нем всего-то чуть больше пяти футов, зато второго такого крепыша вы вряд ли сыщете — если, конечно, не имеете привычки прогуливаться в странных и опасных местах. У него бесцветная синтетическая кожа, нет ни волос, ни даже бровей. С шеей ему тоже, прямо скажем, не повезло, а вот руки и ноги вполне приличного размера. Отдаленно Голли напоминает мне одного злобного коротышку — мистера Клина. По-настоящему он, конечно, не живой — просто очень сильный, ловкий и ничего не боится. Все Центры по перемещению держат у себя хотя бы одного такого — на всякий случай.

Я опустил на колени и снял укрывавший его прозрачный полиэтилен. Разумеется, он при этом и не пошевелился. Он ведь даже не дышит. Затем я расстегнул «молнию» на черном комбинезоне, и на груди Голли открылась панель.

Когда я нажал кнопку с надписью «ПУСК», он открыл

ярко-голубые глаза, принял сидячее положение, а затем встал. Если не трогать его, он так и будет стоять сколько угодно, пока не дашь ему какую-нибудь другую команду.

Я нажал кнопку с надписью «ПРОПУСК». Внутри панели что-то щелкнуло.

— Ну вот, Бекки, — сказал я. — Теперь ты на минутку подойди сюда.

Она ничего не ответила, а обернувшись, я увидел, что она стоит без движения и не спускает с Голли глаз.

— Я не смогу, — пробормотала сестренка. — Лучше подведи меня сам.

— Пожалуйста, — отозвался я, подошел и взял Бекки за руку.

Затем подвел ее к нужному месту, и все это время она цепко держала мою ладонь. Как только прозвучал знакомый щелчок и я отпустил кнопку, Бекки вырвала руку и стремительно вернулась на прежнюю позицию.

— Теперь мы в безопасности, — сказал я и нажал «ХОД». — Он знает, что это мы.

После этого я взял Голли за руку — на ощупь она все равно что прорезиненный плащ — и слегка ее сжал. В ответ на мое пожатие он выбрался из своей камеры и прошел следом за мной несколько шагов в направлении двери. Там я его и оставил, а сам вернулся, чтобы закрыть люк и поправить ковер. Когда я вышел вместе с Голли из комнаты, Бекки уже ждала нас в коридоре.

Он топал за мной, как ребенок за мамашей, бесшумно ступая своими босыми ногами. При этом на губах его блуждала странная улыбочка. Бекки старалась ни в коем случае не оказаться рядом с Голли.

Когда мы спустились в холл первого этажа, я услышал стук, явно доносящийся из-за металлической двери. Я вспомнил, что, когда возился наверху с Голли, тоже слышал этот шум, но не придавал ему особого значения.

Почему-то мне даже не приходило в голову, что тот, из-за кого мы затеяли весь этот сыр-бор, может стучать. Ужасно пробирается куда-нибудь — это пожалуйста. Но чтобы стучать!

Поэтому я крикнул:

— Кто там?

— Билл Джитер, — ответили из-за двери, — из службы по уборке помещений. Я вошел с черного хода и не сразу заметил табличку у входа. Просто хотел узнать, нужно ли завтра приходить на работу.

— Не нужно, — отозвался я, лихорадочно соображая, чем бы это объяснить. — Кажется, намечается какая-то реконструкция. Знаете, вы и сегодня можете не убирать. Все равно завтра с утра намусорят.

Последовала короткая пауза.

— Но я надеюсь, мне все-таки заплатят за выход на работу, — произнес голос за дверью.

— Хорошо, — отозвался я. — Простите, что не известили вас.

— И вы меня тоже, — угрюмо ответил Билл и скрипнул ручкой ведра. — Только вы уж им скажите — пусть позвонят, когда снова выходить.

— Скажу, — пообещал я и еще раз извинился.

Снова раздался скрип ведра, а затем звук удаляющихся шагов.

Я вздохнул:

— Да уж, всего не предусмотреть...

Бекки бросила взгляд на Голли.

— Ну так что? — спросила она.

— Надо подождать, пока они все оттуда уберутся, — сказал я. — А потом уже запускать его туда.

Открыв дверь шкафа, я завел туда Голли и снова закрыл дверь.

— А ты думаешь, там еще кто-нибудь остался? — спросила Бекки.

— Может быть — там, куда мы не стали подниматься, — ответил я. — А может, нет. Но идти туда самому и проверить — не хочу. Лучше подождем, пока все точно разойдется, тогда Голли поднимется туда и сам все проверит. Если там кто-нибудь есть, он его схватит — кто бы это ни был.

— Или что бы это ни было, — уточнила Бекки. — Ты, кстати, так и не объяснил мне, почему ты думаешь, что там еще кто-нибудь остался — ведь прошло довольно много времени.

— Транскомп был сломан, верно? Это можно было сделать, только находясь по эту сторону. Значит, кому-то пришлось остаться, чтобы сломать его. А это, в свою очередь, означает, что сам «кто-то» уже не смог им воспользоваться — так?

— Кто-то или что-то, — снова добавила Бекки. — Теперь понятно. Значит, либо оно до сих пор находится там, либо успело выбраться наружу.

— Именно, — сказал я и сам того не заметил, как отправился на кухню. Я же до сих пор не поел и был жутко голоден.

— А где же тогда Том? — спросила Бекки.

— Думаю, он был ранен, но смог уйти через машину, — ответил я. — А тот, другой, по каким-то причинам не сумел последовать за ним. Тогда он со злости поломал установку, чтобы уж никто не смог ею воспользоваться.

— И теперь он бродит где-то здесь?

— Да.

— Но зачем?

— Не знаю, — ответил я, открывая холодильник. — Однако смею тебя уверить, помыслы его отнюдь не чисты.

Я открыл отделение для мясных продуктов и нащупал пакетик с гамбургером.

— А не могло быть наоборот? — спросила Бекки.

— То есть?

— То есть нападающий сбежал через установку, а раненый Том упал на пульт и повредил его. А потом он отполз и... и... — Она замялась.

Я покачал головой:

— Неправдоподобно. Тогда бы он давно приполз сюда или дополз до ближайшего телефона. Или же мы бы сами нашли его там. Какой ему смысл куда-то уползать и прятаться?

— Ну да. — Бекки задумчиво кивнула. — Пожалуй, ты прав. Если только этот «кто-то» тоже не сбежал через установку, захватив с собой и Тома.

— Так ты говоришь, пришла сюда сразу, как услышала выстрел? — спросил я.

— Сразу.

— Ты не слышала, чтобы кто-нибудь уходил?

— Нет.

Я озадаченно поднял брови и откусил гамбургер.

— Ты что, с ума сошел — он же сырой! — воскликнула Бекки.

— Мне так больше нравится.

— Ого! Да это у тебя никакая не грязь на лице... Это...

Тут мы услышали, как открылась и захлопнулась входная дверь. Почти одновременно, не сговариваясь, Бекки и я посмотрели на коричневый бумажный пакет, который лежал на столе.

Но уже через секунду я услышал громкий крик и понял, что все в порядке. Дело в том, что это был не просто крик. Это был воинственный клич, который издают бойцы, когда нападают, — ки-я!

Я сразу выбежал из кухни и поспешил в холл.

— Не бойся, Барри! — закричал я на ходу и тут же услышал очередное «ки-я!». — Барри! Я сейчас!

Я прибежал как раз вовремя: Барри изо всех сил тузил Голли по животу. Разумеется, ничего страшного не произошло. Я же не вводил в действие систему ответного боя. Поэтому Голли просто стоял в шкафу и терпеливо сносил удары.

— Успокойся, Барри, все в порядке, — сказал я. — Разве у вас не держат Големов?

— Так это Голем? — спросил Барри, отступая назад, чтобы получше рассмотреть свою жертву. — Я только слышал про них, а сам никогда не видел.

— Да, это Голем, — подтвердил я.

Барри поднял с пола свою белую куртку.

— Вот, собирался повесить... — пояснил он. — Просто он... гм... слегка удивил меня. А что он, собственно, тут делает — в шкафу?

Барри одного роста со мной, только намного шире меня в плечах. Волосы у него прямые, каштанового цвета — чуть светлее моих, — а глаза цвета ореха. Двигается он грациозно — как какой-нибудь танцор, но я своими глазами видел, как он разбивал ладонью кирпичи.

— Просто мы ждали, пока разойдутся уборщики. Хотим послать его в соседний отсек.

— Мусорной машины у входа нет, — доложил Барри.

— Прекрасно, — сказал я. — Значит, они уже уехали. В таком случае пора начинать.

Я взял Голли за руку и вывел его из шкафа, предварительно нажав на «ПРОПУСК» для Барри. После этого я повел Голема к металлической двери.

— А зачем тебе все это нужно? — спросил Барри.

— Сейчас закончу и все тебе расскажу.

Я открыл дверь и завел Голли внутрь. Затем поставил его на ступеньку лестницы и нажал на кнопку «ПАТ-РУЛЬ». Мой палец на секунду завис над кнопкой с командой «УБИТЬ», затем перешел к кнопке «ЗАХВАТ» и нажал ее. После этого я отступил в сторону и проследил, как Голли спускается по лестнице.

— Ого, тебе бы не мешало побриться, — сказал Барри.

— А? — вздрогнул я и потер подбородок. — Я же брился в прошлом месяце. — Однако лицо у меня действительно обросло. — Это все чертово полнолуние... — проворчал я.

— Так зачем ты послал туда этого... эту штуковину? — спросил Барри.

— Пойдем на кухню, — предложил я. — Я буду доедать и рассказывать. У нас еще столько дел...

На обратном пути мы прошли через приемную. Я снова бросил взгляд на портрет Леонардо, и меня вдруг потянуло к раздумьям...

Когда-то давно, в середине восемнадцатого века, французские поселенцы остановили экспансию английских колонизаторов на запад Америки. Если бы Англия не выиграла Семилетнюю войну, то вполне возможно, что карта Северной Америки была бы совсем другой — на востоке бы красовалась Новая Англия, в серединке — Новая Франция, а ближе к западу — Новая Испания.

А давайте предположим, что Англия проиграла бы Семилетнюю войну, — что бы сейчас было на том месте, где стоит ваш дом? Как бы назывался ваш город?

Или предположим, что крошечному, но весьма удачли-

вому войску Кортеса внезапно не повезло и ему так и не удалось завоевать ацтеков...

Или что Россия передумала продавать Америке Аляску...

Или что Чарльз Мартель потерпел поражение в битве при Туре в восьмом веке и войска мусульман ворвались в Европу. Случись так, и, возможно, мы бы сейчас изучали Коран, а не Библию...

А могла бы вообще начаться атомная война, и никого бы не осталось в живых...

Или представим, что не было Крестового похода и самих крестоносцев...

А что было бы, если бы последний ледниковый период продлился чуть дольше или, наоборот, — закончился раньше? Или если люди развили бы в себе совершенно иные возможности — не те, что у них есть сейчас? К примеру, выучились не считать, а колдовать...

А вот если предположить, что все эти возможности уже существуют — так же как и другие, о которых мы даже не подозреваем? Что, если где-то есть целый мир, в котором все устроено именно так? Даже много миров, которые существуют параллельно, вместе, бок о бок. И в каждом из этих миров поворотные моменты истории заканчивались по-разному.

А дальше представим, что существует некое устройство для перемещения в эти миры и можно запросто покрутить ручку настройки и поймать другую реальность, а потом и переместиться в нее — прямо в параллельный мир. Если их так много, этих миров, то наверняка хотя бы в одном из них — а может, и не в одном — изобрели такое устройство.

Допустим, что это случилось здесь, у нас, — скажем, в эпоху Возрождения. И уже тогда стало понятно, что открытый доступ в другие миры означал бы крах для всей цивилизации. Зато доступ ограниченный открывал чудесные возможности...

Просто представим себе это. Пусть в каждом таком мире будет лишь маленькая горстка посвященных в тайну перемещения. Скажем, по одной семье на отдельно взятую реальность. Им одним будут доверены средства для перемещения, и им придется поддерживать связь между мирами.

Разумеется, из-за необходимости содержать все в тайне им приходится выдавать себя за обычных людей, а свои базы — маскировать под научные институты и банки идей...

Вам, конечно же, сразу придет в голову, что с годами все эти избранные семьи должны породниться между собой — ведь они будут часто видаться друг с другом. Так вот, скажу вам больше: принято даже нечто вроде программы по обмену студентами — для детей.

Заметьте, я сказал — предположим.

Барри явился к нам из ну о-очень крутого местечка. Моя сестренка Бекки — я уже говорил — ведьма. Братец Дейв сейчас проживает в замке. А еще у меня есть дядя по имени Джордж, который просто оборотень.

Что касается меня, то мне уже много где довелось побывать. Правда, пока я еще не принимал участия в студенческом обмене. Вот вернется Дейв — тогда придет и моя очередь.

Глава 3

Параллельные миры мы называем обычно зонами — так проще, когда настраиваешь транскомп на определенное поле перемещения. Кстати, название «транскомп» происходит от слова «транспорт», что означает перемещение, и слова «компьютер». В свое время компьютеры изрядно облегчили все связанные с перемещением процессы. Должен заметить, что у нас он появился еще задолго до начала в нашем мире всеобщего компьютерного бума, поэтому названием «транскомп» пользуются уже несколько поколений.

Вообще-то не только одни компьютеры в других зонах изобрели раньше, чем здесь. Голли тоже пришел к нам из другой зоны — той, что издавна славилась своими неповторимыми андроидами, то есть роботами, созданными по образу и подобию людей.

Со множеством миров нас связывают теплые и давние отношения. Такие у нас называются белыми зонами. Но есть и другие — там мы ограничиваемся лишь тем, что имеем своих постоянных наблюдателей. Большинство из них

открыты недавно, и мы еще недостаточно их изучили, чтобы понять, можем ли мы чем-нибудь помочь. Либо же они явно находятся на такой стадии развития, что сотрудничество принесет больше вреда, чем пользы. Такие мы называем серыми зонами.

Кроме того, есть несколько миров, в которых дела обстоят совсем уж плохо — там попросту не осталось никого в живых. Эти у нас называются мертвыми зонами. Впрочем, о таких зонах тоже полезно знать — чтобы впредь не делать ошибок. Особенно тем, кто живет в серых зонах. А вообще мы очень строго следим, чтобы миры не «заражались» друг от друга ничем дурным.

И последняя категория — черные зоны. Таких всего три. А раньше вообще была только одна. Обитатели таких миров не гнушаются грубым вмешательством в ход развития других зон, эксплуатацией их жителей и ресурсов, кражей технологий. Очень может быть, что именно им обязаны своим появлением мертвые зоны. И это, как ни странно, замкнутый круг. Ведь первая черная зона появилась благодаря стараниям зон белых. Они так рьяно взялись помогать молодой, неокрепшей цивилизации, что буквально забросали ее новыми технологиями — включая технологию перемещения. Последствия этого оказались ужасными — неразвитая культура просто не вынесла такого натиска. История с появлением черной зоны послужила уроком для всех остальных. С тех пор мы стараемся быть очень щепетильными в подобных делах.

Что касается меня, то мне приходилось бывать и в серых, и в мертвых, и почти что во всех белых зонах. Подобные посещения являются обязательными для нашего образования — я говорю конкретно о семьях вроде моей. Кроме того, мы изучаем историю каждого из миров — вот почему я так гладко рассказываю, когда дело касается каких-нибудь поворотных исторических моментов или развития параллельных миров. Нет, вы вдумайтесь: историю даже одной страны выучить — это вам не фунт изюма съесть, а тут приходится заучивать их пачками! Самое ужасное, что часто они до смешного похожи одна на дру-

гую. Вот когда выучиваешься жонглировать фактами из прошлого!

Врать не буду: в черных зонах мне не приходилось бывать ни разу. Но это вполне естественно — наш мир не поддерживает с ними никаких отношений. Впрочем, думаю, тайная агентура работает как у них, так и у нас.

Как раз об этом мы говорили на кухне после того, как Барри выслушал наш взволнованный рассказ о происшедшем. Первое, что пришло в голову: во всей этой истории замешана какая-нибудь черная зона. Возможно, им удалось подключиться к нашим приборам и дожидаться их запуска. Барри предположил, что они могли захватить где-нибудь в белой зоне оператора по перемещениям и выпытать у него технические сведения о связи с нами. Барри также не исключал возможности, что отец стал невольным пленником «черных».

На мое возражение, что они не могли забрать его с собой, потому что установка вышла из строя, Барри ответил, что похититель мог иметь при себе и переносное устройство для перемещения. В этом случае ничто не мешало ему повредить наш транскомп и переместиться вместе с пленником, используя свой собственный прибор. Таким образом похититель получал «фору», временно лишив нас связи с белыми зонами.

А ведь об этом я и не подумал. Наши прошлые догадки попросту меркли перед этим страшным открытием.

Ясно было одно: все эти происки, если они существовали, были направлены не против конкретного человека, а против нашей зоны в целом. Ведь такие попытки предпринимались и раньше. Тем не менее у меня немного отлегло от сердца — все-таки легче сознавать, что твой папа не умер, а просто пропал. Всегда остается надежда его разыскать, хотя я и не представляю, как это сделать, если он попал в плен в какую-нибудь черную зону...

Все время, пока мы разговаривали, я, не переставая, ел. Понимаю, это звучит чудовищно, но ничего не могу с собой поделаться. Иногда у меня становится прямо какой-то зверский обмен веществ — сейчас как раз такой случай.

— Значит, что мы имеем? Либо он воспользовался нашей установкой, либо нет.

Барри кивнул.

— Если нет, тогда нам нипочем не догадаться, где он, — продолжал я.

— А если он все же воспользовался ею, тогда на индикаторе должна остаться зона! — радостно воскликнул Барри.

— Если, конечно, ее не сдвинули при поломке, — встала Бекки. — Не ты ли объяснял мне недавно, какая там чувствительная настройка?

Я кивнул.

— Но ведь зоны редко располагаются близко друг от друга. Если поблизости со стрелкой окажется какая-нибудь четко выраженная частота, этого будет достаточно.

— И все же некоторые зоны расположены подряд, — возразил Барри.

Я бросил в мусорное ведро пластиковый подносик. Наконец-то мне удалось хоть немного утолить голод.

— Больше разговоров, — проворчал я. — Не проще ли будет пойти и посмотреть?

— Ну так давайте пойдем и посмотрим, — живо отозвался Барри и потянулся к бумажному пакету на столе.

— Пусть сначала Голли закончит обход, — сказал я.

— Да я и сам не побоюсь туда пойти.

— Не сомневаюсь, — уверил его я. Удивительно, как только ему до сих пор не надоело изображать из себя этакого мачо с волосатой грудью. Скоро будет уже пять месяцев, как он живет у нас, и все это время так и ищет, с кем бы подраться. — Послушай, в конце концов это его работа, а кроме того, я все равно должен идти звонить миссис Делл. — Я снова потер подбородок. — Да и побриться бы не мешало... А ты пока можешь что-нибудь съесть. Тебе ведь потребуется много сил.

На мгновение Барри задумался, а потом с улыбкой кивнул.

— Пожалуй, ты прав, — сказал он. — Ладно, давай иди звони. А я поднаберусь калорий.

Так я и сделал. В ходе разговора с миссис Делл выяснилось, что у нее имеется даже список завтрашних клиентов,

и она обещала всех их предупредить. Когда же она поинтересовалась, надолго ли мы закрываемся, я сразу и не сообразил, что ей ответить. Сказал, что сообщим ей об этом позже. Разумеется, миссис Делл сразу поняла, что дело здесь нечисто, и задала новый вопрос, который уж совсем поставил меня в тупик, так как в семейные тайны ее до сих пор не посвящали.

— Что случилось, Джим? — спросила она. — Что у вас там происходит?

— Это... гм-м... — И тут я вспомнил одно поистине волшебное слово. — Это военная тайна! — отрезал я.

— А-а... — протянул голос на другом конце провода. — Что ж, надеюсь, все у вас наладится.

— Возможно, в скором времени. Но точно ничего сказать не могу.

— Вам не требуется моя помощь?

— Нет, — твердо сказал я. — Спасибо. Мы очень ценим вашу преданность делу. Позвоним, как только все прояснится. До свидания.

Я повесил трубку и с облегчением вздохнул. Миссис Делл сама обо всем позаботится.

Затем я поднялся к себе в комнату и достал электрическую бритву, которую отец подарил мне на день рождения. Я пользовался ею всего несколько раз, но теперь, как только взглянул на себя в зеркало, сразу понял, что пришло время воспользоваться ею еще раз. Надо же, утром, когда я чистил зубы, всего этого безобразия не было... Впрочем, чего удивляться, — полнолуние. В последнее время я стал замечать, что луна действует на меня все сильнее и сильнее. Во всяком случае, я всегда был склонен связывать подобные явления именно с ней.

Я уже закончил бриться и взял в руки крем «после бритья», который мне тоже подарили и который я терпеть не могу из-за противного запаха, как вдруг услышал чей-то вопль. Звук шел явно из соседнего помещения. В три прыжка я преодолел коридор, после чего с проворством горного козла сбежал по лестнице. Голос был мужской, а поскольку Големы не умеют издавать никаких звуков вообще, это могло означать только одно: Голли «удивил» еще кого-то и

теперь осуществляет команду «ЗАХВАТ». Уборщики разошлись, следовательно, это должен быть он — тот, кого мы ищем. Наверное, ходил там, вынюхивал, пытался влезть в секретные папки или в сейф в поисках полезной информации. Ну конечно! А что еще делать лазутчику из черной зоны, как не пытаться украсть секреты, чтобы узнать, каким образом мы собираемся учить их общество противостоять эксплуатации?

Поэтому-то я и несся. Разумеется, не из-за того, что мне так уж не терпелось полюбоваться на пришельца. Просто нужно было поспеть раньше, чем Барри. Может, я не слишком справедлив к нему, но, как мне кажется, в воинственном обществе, в котором он вырос, весьма и весьма суровые законы. Вдруг ему втемяшится в голову, что он должен стоять не на жизнь, а на смерть, защищая меня и Бекки? Ведь тогда у нас не останется никаких шансов увидеть нашего пленника живым. И потом, в отсутствие Дейва и папы я здесь главный. Я замещаю почетную должность хозяина дома, и сейчас самое время напомнить всем об этом.

Раздался новый вопль. Я услышал даже сопровождавшие его не совсем пристойные комментарии. Звук доносился откуда-то сверху и одновременно из задней части дома.

Когда я наконец вбежал в нижний коридор, Барри был уже у двери и открывал ее. В левой руке он держал знакомый бумажный пакет. Бекки рядом с ним не было. Я со всех ног бросился к нему.

— Барри! — крикнул я. — Подожди!

Но он уже успел юркнуть в дверь. Я ворвался следом за ним и повернул в коридор, который ведет в заднюю часть дома. Со второго этажа донесся очередной взрыв негодования, и на этот раз голос показался мне каким-то подозрительно знакомым.

Коридор снова повернул, и за углом я увидел Барри. Он красноречиво сжимал в правой руке бумажный пакет и как раз собирался взбежать по лестнице.

— Эй, Барри! — во всю глотку заорал я. — Я здесь за главного, пока нет отца! И я говорю — стой!

Он только слегка замедлил шаги и оглянулся.

— Стоять — я тебе сказал! — еще раз гаркнул я.

Только тогда он со вздохом остановился и посмотрел мне в глаза:

— Как бы тебе это объяснить, Джим... Словом, я лучше разбираюсь в таких вещах.

— Очень возможно, если полагаться только на силу, — отозвался я, наконец-то настигнув его у лестницы. — Но этого делать лучше не стоит. Иначе ты просто выдашь нас — и все.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он, в то время как я начал подниматься по ступенькам.

— Я хочу сказать, что пташка все-таки упорхнула. Я не чувствую больше того запаха, и потом — я узнал голос. И ты бы узнал, если бы получше прислушался. Так что спрячь свою пушку и не совершай опрометчивых поступков — мне же потом за тебя отдуваться, все объяснять.

— Ну да, Джим, конечно, — сразу стушевался он. — Да я ничего такого не...

Я обогнал его, свернул налево и в несколько мгновений оказался наверху лестницы. Я шел по направлению к библиотеке, которая служила также главным конференц-залом. Именно оттуда исходил звук.

Входная дверь была распахнута, внутри горел свет. Возня уже стихла, и теперь тот самый голос, который я узнал, от ругательств и криков перешел к мольбам:

— Ну отпустите меня, пожалуйста. Мне больно. Ну почему вы ничего не отвечаете? Я же...

Вбежав в комнату, я сразу увидел Голли, который мертвой хваткой держал свою добычу. Он уложил несчастного лицом на стол, одной лапищей скрутил ему за спину правую руку, а другой одновременно прижимал к столу его плечо.

Такая поза прекрасно меня устраивала — чего нельзя было сказать о пленнике. Впрочем, меня она устраивала только по одной причине — я мог совершенно незаметно подойти к Голли, расстегнуть «молнию», нажать кнопку «ПРОПУСК» и застегнуть «молнию» обратно. Все это я проделал просто с рекордной скоростью.

Голли в ту же секунду отпустил пленника, и я ласково похлопал его по плечу.

— Доктор Вейд! — вкрадчиво произнес я. — Это я, Джим Вили. Простите, что все так получилось, но...

— Что же такое делается-то, а? — вскричал доктор и, морщась от боли, разогнулся.

Тут он заметил Голли и начал тихо пятиться, придерживаясь за край стола. Затем вскинул вперед руку с указующим перстом.

— Вот этот человек напал на меня! — провозгласил он.

— Да, сэр. Наш охранник, — пояснил я. — Тут произошли кое-какие неприятности, вот мы и направили его проследить.

— Но я же сказал ему, что являюсь сотрудником института, что у меня в бумажнике лежит удостоверение. Он даже слушать ничего не хотел...

— Просто он не понимает по-английски, — со всей искренностью сказал я. — Лучшего мы за такой короткий срок, сами понимаете, не нашли.

— Но вы должны были как-нибудь побеспокоиться наперед, чтобы он не нападал на почтенных людей...

— Ну уж насчет этого мы побеспокоились, — заверил я, сразу не сообразив, что он может не так меня понять. — Вывесили у входа табличку «ЗАКРЫТО».

— Но не у заднего входа, — поднял палец доктор. — Как раз от той двери у меня имеется ключ. И если еще кому-то из сотрудников вздумается прийти в такой час, то они пойдут именно через тот вход.

— Простите, — еще раз извинился я. — Разумеется, вы правы. Я сейчас же спущусь и вывешу еще одну табличку. Признаю, это мое упущение. Как я об этом не подумал... Но мне просто в голову не могло прийти, что в такое время нас может навестить гость.

Доктор поправил очки и пригладил рукой темные с проседью волосы. Это был высокий долговязый мужчина — математик из лаборатории в Лос-Аламосе. Также он возглавлял один из проектов, которые финансировал институт, поэтому действительно имел полное право находиться здесь, когда ему заблагорассудится.

— А что же за неприятности тут у вас произошли? — спросил он, заметно смягчившись.

— Кто-то пытался проникнуть в здание, — без запинки ответил я. — И, вероятно, его спугнули.

Доктор посмотрел куда-то через мое плечо. Я оглянулся и увидел Барри, который молча стоял в дверях.

— А вас-то, мальчишек, как сюда занесло? — насторожился он.

— Дело в том, что отца вызвали по делам — еще до того, как все это случилось, — объяснил я. — Но, мне кажется, на нашем месте он именно так бы и поступил.

— Хм-м... Будем надеяться, он скоро вернется.

— Конечно, — отозвался я.

— А не связана ли его отлучка с делами охраны?

— Ну да. Скорее всего, — ответил я.

Доктор Вейд расправил воротничок на рубашке и принялся собирать в папку рассыпавшиеся по полу бумаги.

— Что ж, вы сделали все правильно — вызвали охранника и закрылись от посторонних, — сказал он. — Хотя, я думаю, это был всего лишь какой-нибудь городской бродяжка. Наверняка его уже и след простыл. Кстати, я приехал сюда с самой Горы — привез заметки с последнего собрания, а также собирался просмотреть все материалы. — Он постучал согнутым пальцем по своей увесистой папке. — Я намеревался занять одну из спален наверху и оставаться там до тех пор, пока не закончу с просмотром. Честно говоря, мне бы совсем не хотелось менять своих планов. Я сильно сомневаюсь, что тот, кто сюда рвался, вернется опять. Но даже если он вздумает... — Доктор с многозначительной улыбкой оглянулся на Голли. — Уверен, я буду в полной безопасности.

Ну что я мог ответить? Конечно, все это было мне не по душе, но я отступил перед его возрастом и чином.

— Разумеется, вам решать, — начал я, — только...

— Вот и прекрасно, — сказал он, сжав мне рукой плечо. — Обратный путь, прямо скажем, неблизкий, а ночевать в машине еще более опасно, чем сидеть здесь.

— Хотите, я сварю вам кофе?

— Нет, спасибо. У меня с собой термос.

Я проследил за его взглядом и увидел на стуле возле двери небольшой дорожный чемоданчик.

— Странные, право, вещи со мной творятся, — посетовал доктор, подхватывая со стула чемодан. — Получается, что я запомнил не все, о чем говорили на собрании. — Он помахал папкой. — Наверное, я задремал, когда раздавали эти формулы.

— Формулы? — переспросил я.

— Да, вот тут их целая страница, и ни одной из них я не помню. Прямо наваждение какое-то. Надо скорее их посмотреть. Ну ладно, Джим, до свидания. И ты, Барри.

С этими словами он вышел из библиотеки, а мы остались стоять вместе со своим Големом и с полным ощущением собственной беспомощности.

Глава 4

Прямо в библиотеке мы изготовили еще одну табличку и вывесили ее у черного хода. Голли мы снова отправили патрулировать, зная, что доктора Вейда он больше не побеспокоит. Затем удостоверились, что почтенный математик расположился в своей комнате наверху, и, решив, что он уже вряд ли захочет вылезать оттуда, со спокойной душой вернулись на нашу половину дома.

Бекки ждала на кухне.

Первое, что выпалил Барри, когда мы переступили порог, было:

— А ты уверен, что это действительно доктор Вейд?

— Да, — ответил я. — Вполне.

— Ведь среди «черных» полно оборотней.

— Знаю, но это точно не «черный». Уж запах-то они вряд ли научились подделывать. А запах доктора я хорошо знаю. К тому же тот, чужой, дух уже почти выветрился.

— Так, значит, ходить там уже не опасно? — спросила Бекки.

— Уверен на все сто.

— Что будем делать? — разом встрепенулся Барри.

— Сейчас все вместе пойдем в комнату, где стоит транс-комп.

— Зачем?

— Мы забыли кое-что проверить.

— Что именно? — спросила Бекки.

Ни слова не говоря, я повернулся и вышел из кухни, а они устремились за мной.

— Мне все больше и больше кажется, что папа сбежал при помощи поля, — сказал я. — А тот, с кем он дрался, не успел. Я тогда сразу его учуял — по всем коридорам несло. Правда, сейчас он уже тоже смылся.

— Ты думаешь? — задумчиво произнес Барри. — И мы не знаем, куда они оба подались... К тому же у нас сломана машина.

Мы свернули по коридору направо.

— Все одно к одному... Теперь самое главное вычислить, куда отправился папа. Если он действительно переместился, то надо все-таки попробовать определить зону по настройке.

— Угу, — кивнул Барри. — Допустим... — пробормотал он себе под нос и вдруг вскинул на нас взгляд. — А что, если тот тип специально сбил настройку, чтобы запутать нас?

— Зачем бы ему это понадобилось? — возразил я. — Если уж он сломал машину, то наверняка рассчитывал, что мы не станем ею пользоваться. И потом, как мне показалось, он делал все впопыхах.

Мы зашли в кладовую, включили свет и подошли к откидной панели в стене, а через секунду уже спускались по ступенькам.

В комнате я не обнаружил никаких видимых изменений. Транскомп был в том же виде, в каком мы его оставили. Я подбежал к панели прибора и посмотрел, на какой зоне установлена стрелка. Сперва я даже не поверил своим глазам и полез в ящик стола за картой. Подошел Барри и тоже склонился над циферблатом.

— Это черная зона, — с ходу определил он. — Думаю, третья.

Я кивнул, потому что на сей раз он был прав.

— Так-то это так, — сказал я, — но ведь наша установка не рассчитана на такие зоны, значит, этому должно быть

другое объяснение. И я подозреваю, в чем тут дело. — Я протянул руку к циферблату и несколько раз сильно стукнул по нему костяшками пальцев. Стрелка опустилась. — Видишь? — торжествующе сказал я. — Значит, она могла сдвинуться во время удара.

— Но теперь-то она встала на место? — спросил Барри. — А может, просто сломалась?

Я снова уткнулся в карту:

— Да нет, плотность нормальная. Вполне может быть та зона, что была до удара.

— И какая же?

— Мертвая.

— Угу...

Барри подошел к панели настройки и вернул стрелку в прежнее положение. Затем примерился и подбил корпус циферблата снизу. На этот раз индикатор подпрыгнул вверх.

— Попало? — спросил он.

— Да. Теперь белая зона.

— Угу...

— Понятно, понятно, к чему ты клонишь, — сказал я. — Стрелка могла перепрыгнуть на черную зону как сверху, так и снизу, верно?

— Вот-вот, — ответил он. — Никаких других зон рядом не видно?

— Нет.

— Надо же, — сказала Бекки, вырывая у меня карту, — а мне казалось, я хорошо знаю этот участок.

— Я лично бывал в обеих зонах, — сказал Барри. — Да и ты наверняка тоже.

— Нет, — отозвался я. — Я был только в мертвой.

— Хм... А я думал, ты облазил все белые зоны...

— Все, кроме одной, — уточнил я. — И это как раз та самая.

— Как же получилось, что ты не попал туда?

— Просто там живет мой дядя Джордж.

— И что?

— Он оборотень, и я, по-видимому, пошел в него. У них там весьма благоприятная среда для этих дел, и дядя запретил моим родственникам пускать меня туда, пока я не

вырасту и не научусь сознательно управлять своим организмом. Они ужасно боятся, что я обращусь в волка и убегу в лес.

— Так вот почему на тебя так действует полная луна?

— Ну да.

Некоторое время Барри барабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Получается, что это как раз та зона, в которую он мог переместиться, — если там живет его брат.

— Не брат, а шурин, — поправил его я. — Это мой дядя по маминой линии. Но в принципе ты прав. Это вполне вероятно.

— А с другой стороны, — вмешалась в разговор Бекки, — мертвая зона — это отличное место для тех, кто хочет скрыться.

— Ну, допустим, — согласился я. — А зачем?

— Что зачем?

— Зачем ему скрываться? Ему главное было сбежать отсюда. Эти типы тоже свое дело сделали — пробрались на секретную территорию. Вряд ли их интересовал кто-то конкретно. Отец просто попался им под руку. Им нет никакого резона за ним гоняться. Не за этим же они сюда перемещались.

— А если... — начала Бекки.

— Что — если?

— Если за всем этим стоит нечто большее? — закончила она.

— Почему ты так решила?

— Не знаю, просто мне так кажется, — упрямо повторила Бекки. — Кажется — и все!

Я пожал плечами. Мало ли что кому кажется.

— Что бы там тебе ни казалось, мы все равно не сможем отправиться следом за Томом, — сказал Барри. — А пусть бы и смогли, это бы все равно ничего не изменило. Потому что никакие «черные» ему уже не страшны — даже если они притащились специально за ним.

Бекки вдруг указала рукой на циферблат.

— «Черный» тоже видел, где стрелка, и мог сообразить все не хуже тебя, — произнесла она.

Барри прикусил нижнюю губу и задумался.

— Ну ладно, — сказал он наконец. — Принимается. Если мы все же отправимся следом за ним, будем иметь в виду, что у него на хвосте могут сидеть агенты «черных». Правда, на мой взгляд, это маловероятно, но лишняя осторожность никогда не помешает. Разумеется, пока это все теория, — добавил он. — Сначала еще надо переместиться. Тебе случайно не приходилось копаться в этой установке, Джим?

— Немного, — ответил я. — Так, по мелочам. Но папа всегда брал меня с собой, когда делал что-нибудь серьезное. И по ходу все объяснял.

— Мне дома тоже случалось этим заниматься, — промолвил Барри. — Предлагаю для начала отстроить ее.

Я подключил транскомп к сети и указал Барри на сиротливо горящий огонек индикатора.

— Думаю, на прием он так или иначе работает, — сказал я. — Повреждена только передача.

— Да, но нам-то от этого не легче.

Я снова вырубил сеть и стал отвинчивать сломанную панель. Когда я вытащил ее, Барри только покачал головой:

— Ого-го...

— Если не сказать больше, — поддакнул я.

— Придется основательно попотеть...

— И сколько это займет времени? — спросила Бекки.

— Будем сидеть хоть до утра, — сказал Барри. — Даже если придется заменять все до одной детали.

— А у вас они есть — запасные детали?

— Не уверен, что все, — ответил я.

— А если еще придется влезать внутрь, тогда получится и того дольше, — сказал Барри.

— Это уж точно, — кивнул я. — Надо будет все прозванивать.

— Кому-нибудь из вас уже приходилось этим заниматься? — поинтересовалась Бекки.

— Мне — нет, — честно ответил я.

Барри тоже покачал головой.

— В таком случае это слишком долгий путь. И слишком ненадежный, — добавила она.

Барри хохотнул — без всякого намека на юмор.

— Если у тебя есть идея получше, можешь высказать ее нам, — ласково произнес он.

— Поищем другой способ для перемещения, — предложила Бекки.

— Скажешь еще тоже, — махнул рукой Барри. — Либо у нас есть исправный транскомп — либо нет. Другого не дано.

Бекки смерила его долгим тяжелым взглядом. В конце концов он не выдержал и отвернулся.

— А почему ты, собственно, так уверена, что у нас не получится? — спросил он.

Впервые за этот вечер Бекки улыбнулась:

— Сейчас вопрос вовсе не в том, получится у вас или не получится. Нам главное выиграть время. А если бы нашелся другой путь перемещения? Вы бы знали, где искать Тома?

— В белой зоне? — уточнил Барри. — Это просто. Спросили бы у местных — Кендаллов, — где он может быть. Он же обязательно проходил через их установку. Вот в мертвой зоне — другое дело, там спрашивать некого. Но там он может быть на секретной станции или где-нибудь поблизости от нее. Да ты сама знаешь. Разве ты не...

— Я не об этом, — перебила его Бекки. — Представь, что вы попали в какие-то другие места, может быть, очень далеко от транскомпов. Смогли бы вы сориентироваться на незнакомой местности? Я спрашиваю, потому что могла бы сама переместить вас — просто в другую зону, без всякой установки.

Барри посмотрел на нее, прищурился.

— Ты это серьезно? — спросил он. Затем, увидев, как вытянулось при этом ее лицо, поспешно продолжил: — Ну... да. Наверное, смогли бы. Зря, что ли, мы мотались по этим мирам каждый год, изучали все эти карты, зубрили историю? Надо будет — дорогу найдем. Ты, главное, перемести нас туда, если сумеешь, а мы уж разберемся, что к чему.

Бекки перевела взгляд на меня. Я кивнул ей.

— Не знаю, что ты там задумала, — сказал я. — Но хоте-

лось бы знать — если ты отправишь нас отсюда, ты сможешь вернуть нас обратно?

— Нет. Только если бы я тоже оказалась там, — ответила она. — Как только вы перейдете в другое место, я сразу потеряю ваш след. Но вы же сами сказали, что на прием наш транскомп работает. Вы просто включите его перед тем, как я вас перемещу, и установите на прием. А потом попросите, чтобы с того транскома вас выслали обратно.

— Но мы должны быть точно уверены, что он работает в режиме приема, — сказал я. — Если горит индикатор и слышно гудение — это еще не значит, что все исправно.

Бекки пожала плечами:

— Ну, это уже по вашей части. Выясните.

— И то верно, — кивнул я. — Что ж, выясним. Ты лучше расскажи, каким образом собираешься нас перемещать?

Бекки отвернулась.

— Не знаю, получится ли у меня, — сказала она. — Но я хочу попробовать. Это Старый способ.

— То есть?

— Ну, подумай, как люди раньше перемещались, когда еще не было компьютеров?

— В принципе компьютер не так уж необходим, — согласился я. — С ним просто удобнее. А в старину приходилось писать кучу каких-то бумажек, вручную настраиваться на нужную зону, и все такое...

— Ну, это не такая уж старина, — сказала Бекки. — Я говорю про настоящую Старину. Как люди обходились, когда еще не было электричества и нельзя было просто нажать нужную кнопку?

— Тогда они использовали другие источники энергии, — ответил я. — Ветряные и водяные мельницы. Всякое такое. И перенимали опыт более развитых зон.

— О-о-о! — простонала Бекки. — И как же они ухитрились с теми связаться, чтобы перенять этот опыт?

— Значит, все было наоборот. Те связались с нами первые.

— То есть настроились на нашу несуществующую установочку и нажали кнопочку, да?

— Точно не могу сказать, но они как-то вышли на Основателя и научили его...

— Скажи лучше, что не знаешь.

— Ну, не знаю.

— Существуют другие источники энергии — кроме ветряных и водяных мельниц, — отчеканила Бекки. — И мы попробуем переместиться так, как это делалось еще до Основателя. То есть Старым способом.

Барри смотрел на нее, вытаращив глаза, а правая его рука сама собой выписывала в воздухе какие-то таинственные знаки. Но Бекки даже не обратила на это внимания.

— Значит, вы тут проверяйте приемник, — решительно заявила сестренка, — а я пока пойду кое-что подготовлю.

С этими словами она повернулась и вышла из комнаты.

— Да она точно ведьма! — еле слышно пробормотал Барри.

В ответ я только пожал плечами. Я прекрасно знал это и без него.

Глава 5

Пока мы проверяли машину, я размышлял о зонах и о том, что они друг для друга значат. Есть, например, зоны, которые находятся с нами примерно на одном технологическом уровне — ну, может, чуть впереди или чуть позади — неважно. Некоторые по развитию идут намного впереди нас. Другие, наоборот, отстают, и у них феодальный строй только-только начинает меняться на индустриальный. И вот мы — я имею в виду семьи, подобные нашей, — просто до опупения изучаем все эти варианты развития в надежде избежать уже сделанных кем-то ошибок, предвидеть всякие кризисы, без которых не обходится ни одна культура, и, по возможности, сгладить поворотные моменты.

Если говорить на языке коммерции, то нашим товаром являются идеи. Должен заметить, что институт не всегда находился на территории юго-запада Америки. С каж-

дым новым поколением наша семья переезжала в другой центр — туда, где мы могли принести больше пользы. К примеру, был случай, когда наши предки после многочисленных семейных советов пригласили представителя из зоны высоких технологий, соответствующим образом подготовили его и заслали в Дублин — это было начало девятнадцатого века. Там он познакомился с неким горе-математиком по фамилии Гамильтон, они стали регулярно встречаться за рюмкой, и в одной из таких пьяных бесед представитель как бы невзначай коснулся вопроса символизации векторов в трехмерном пространстве. В результате спустя несколько лет появилась работа Гамильтона на эту тему, а ею, в свою очередь, воспользовался знаменитый физик Гейзенберг. Разумеется, попойки пагубно сказались на печени нашего коллеги, зато весьма искусно и вовремя подвели человечество к созданию атомной теории.

Сейчас мы базируемся под Лос-Аламосом, и работают у нас в основном ученые из местной лаборатории — вроде доктора Вейда. Наш институт является в прямом смысле копилкой для идей. То есть мы заключаем со своими сотрудниками контракты, по которым они могут получать дополнительные деньги за то, что поставляют нам свои идеи в письменном виде. А заодно мы незаметненько подбрасываем им пару-тройку своих идей — не совсем связанных с тем, над чем они работают, зато способных натолкнуть их на нужную мысль.

Разумеется, все это надо осуществлять с большой осторожностью, учитывая многочисленные подводные камни, которые может уготовить нам история. Важно правильно выбрать идею и не ошибиться со временем, когда ее следует внедрять. Такие ошибки слишком дорого обходятся. К примеру, наша зона — насколько я знаю из разговоров взрослых — переживает сейчас далеко не лучшие времена.

На первый взгляд все это может показаться чем-то вроде арифметики, где все понятно и легко предсказать каждое следующее действие. Но дело обстоит далеко не так. В иных белых зонах встречаются феномены, которые просто не поддаются логическому объяснению. А уж если

обратиться к истории — она просто изобилует странными личностями и совершенно мистическими событиями. До сих пор исследователи ломают головы, чтобы понять их...

Взять хотя бы случай, который произошел с моими родителями семь лет назад. Прибывают они в одну зону. Там сплошной феодализм, аграрное хозяйство, низкие технологии... Одним словом — замки, поместья, дворяне, крепостные... И все в таком роде.

Как раз обсуждался вопрос о том, не настало ли время немного развить у них прядильное и ткацкое ремесло — это бы позволило заметно поднять экономику. (Впоследствии вопрос так и не решился.)

И тут в самый ответственный момент у хозяина начинается приступ мигрени. Он говорит, что хорошо бы съездить к одной бабуле здесь неподалеку. Мол, она всегда славилась своим умением исцелять. Вроде бы она просто повивальная бабка и торговка травами, но при этом у нее какие-то паранормальные способности. Поехали. Приезжают, а старушка-то померла, да еще при каких-то весьма темных обстоятельствах. Виновных, конечно, не нашли, зато нашли кое-что поинтереснее. Недалеко от дома в кустах была обнаружена девочка, которая плакала и говорила, что у нее умерла бабушка. Соседи сказали, что девочка действительно жила вместе со старушкой, но внучка она ей или нет — они не знают. Во всяком случае, других родных девочки им видеть не приходилось. Звали эту девочку Бекки — вся в слезах, она повисла на моей маме и больше уже не хотела ее отпускать. Вот так у меня появилась сестренка.

При мне Бекки никогда не вспоминает о своем прошлом. Впрочем, в нашей семье вообще считается хорошим тоном ничего мне не рассказывать. Вот с мамой она, возможно, делилась воспоминаниями раннего детства — у них с самого начала сложились какие-то особые отношения. Мне же остается довольствоваться лишь случайными словечками, которые иной раз срываются у Бекки с языка. Вообще она часто ведет себя странно и загадочно — никогда не знаешь, что у нее на уме.

Взять хотя бы сегодня — ни с того ни с сего начала гово-

ритель о какой-то Старине, о том, что умеет перемещаться без всякой установки... Ничего не хочу сказать. С учебой у Бекки все благополучно — если не считать того, что в школе у нее почти нет подруг. Но эти ее привычки — плясать на свечу и все такое — вряд ли так уж полезны для здоровья. Это мое мнение. Теперь вы понимаете, почему я считаю ее ведьмой. И можете записать меня в полные кретины, но я не хочу даже вникать в то, что она собирается с нами делать. Ну ее с этими колдовскими штучками!

Голос Барри вывел меня из раздумья.

— Кажется, с приемником все в порядке, — сказал он. — Но видишь ли, в чем штука — если мы переместимся, любой, кому известна наша частота, сможет перебраться к нам или что-нибудь заслать.

Я понимающе кивнул:

— Если это друзья, то почему бы и нет? Ведь «черные» уже побывали здесь — и смылись восвояси. Можно на всякий случай оставить на дежурстве Голли.

— Что ж, неплохая идея, — отозвался он. — А ты не в курсе, что именно собирается делать Бекки?

— Нет.

Я еще раз проверил приемник. Как и сказал Барри, все работало нормально.

— К сожалению, я не знаю, ни как это будет происходить, ни сколько времени продлится. Поэтому пойду-ка я пока приведу Голли и посажу на дозор, как цепного пса. А ты сиди здесь и дожидайся Бекки — на случай, если она вернется раньше меня. Годится?

— Ну конечно, — отозвался Барри и, перехватив мой взгляд, поспешно спрятал руки в карманы. Но я все-таки успел заметить, что они дрожат. И почти сразу же догадался почему.

Барри прибыл к нам из зоны, в которой время от времени происходили весьма странные вещи. Я знал, что он очень суеверен, но никогда не думал, что настолько. Кажется, Бекки вызывала у него просто панический ужас.

Уходя, я улыбнулся ему и дружески похлопал по плечу, надеясь хоть как-то ободрить.

— Держи оборону! — сказал я напоследок и зашагал по ступенькам.

Пока я бродил по многочисленным коридорам и лестницам в поисках Голли, меня неотвязно преследовала мысль о том, насколько беспочвенны страхи Барри. Конечно, Бекки ведет себя очень уверенно — как человек, который нисколько не сомневается в своих возможностях. Создается полное впечатление, будто она знает нечто такое, чего мы не знаем и знать не можем... или думает, что знает? Ведь если разобраться, где она могла этому научиться? Она была еще слишком мала, когда умерла ее бабка, чтобы перенять от нее такие сложные познания. Другое дело, что Бекки могла постигнуть все это путем самообучения. К примеру, во время своих медитаций со свечой она выходила с кем-нибудь — или с чем-нибудь — на связь, и оно научило ее всяким колдовским штукам... Да, здесь есть над чем призадуматься. Если замешана еще какая-то сила, помимо разума самой Бекки, то нет никаких гарантий, что эта сила добрая.

Меня вдруг разобрал беспричинный смех, и я несколько раз хихикнул. Видимо, просто не выдержали нервы — слишком уж тревожными были догадки, а кроме того, меня все время грызла мысль о пропавшем отце.

Бекки всегда была мне сестрой — по крайней мере большую часть моей жизни и ее тоже — если уж на то пошло. Случалось, конечно, нам с ней повздорить, но я не припомню случая, чтобы она всерьез меня обидела. Она никогда не принадлежала к тому типу людей, в присутствии которых вдруг свертывается молоко или начинают выть собаки — про таких еще говорят, что у них дурной глаз. Нет, если наша Бекки и обладает какими-то особенными знаниями, то она способна применить их только для нашей пользы. Уж я-то ее хорошо знаю...

Тут я уловил слабый машинный запашок, который всегда исходит от Голли, и он привел меня в небольшую студию записи. Разумеется, Голли был там. Медленно, но верно он обследовал все щели и закутки. Я подошел к нему, он меня узнал, после этого я открыл щиток у него на груди

и изменил программу. Затем взял его за руку и вывел из комнаты.

— Пойдем-ка, Голли, — сказал я. — Дам тебе другую работу.

Когда мы вернулись к транскомп-установке, Бекки еще не было, но она появилась вскоре после того, как я завел Голли охранную программу и поставил его у двери. Сестренка ворвалась с полной наволочкой какого-то барахла и так испугалась при виде Голли, что вскрикнула и едва не выронила свой тюк — но в последний момент все же успела подхватить.

— Скажи мне на милость, зачем ты притащил сюда это? — Она указала на Голли.

— Ну прости меня, не подумал, — пробормотал я.

Бекки нахмурилась и отошла от Голема подальше.

— А если бы я все это расколотила? Об этом ты подумал? — продолжала возмущаться она.

— Я же сказал: извини.

— Ну ладно. Извинение принято, — проворчала Бекки. — Включили приемник?

— Да, — отозвался Барри, который стоял у стены и следил за каждым ее движением.

— Прекрасно.

Бекки взялась за дело. Сначала она расчистила себе место посреди комнаты, для чего сдвинула в угол один из стульев, корзинку для бумаг и пачку журналов. Затем на освободившемся пятачке положила свой тюк, а сама опустилась рядом на колени. Первым делом Бекки извлекла оттуда свечу и подсвечник — свечу она тут же приладила на место и поставила перед собой на пол. Потом достала спички, зажгла свечу и подняла голову.

— Кто-нибудь, пожалуйста, выключите свет, — попросила она.

Барри кивнул, дотянулся до стены и щелкнул выключателем.

— И закрой дверь, — добавила Бекки, — чтобы не проник свет из прохода.

Барри толкнул дверь, и та захлопнулась.

Бекки снова запустила руку в наволочку, достала еще

несколько свечей и блестящих подставок и занялась их установкой. Ни на секунду не отвлекаясь от своего занятия, она спросила:

— Итак, вы хорошо представляете себе, что будете делать в случае, если мне удастся вывести вас к этим двум зонам?

— Ну, в мертвой зоне, — ответил я, — самое главное — разыскать транскомп. Насколько мне известно, он спрятан в фундаменте разрушенного здания. Очень может быть, что папа скрывается где-нибудь неподалеку. Или оставил там записку. Если же я не найду записки, то придется быстренько обежать окрестности на предмет его следов. В случае если что-нибудь обнаружится, — пойду по следу. А если нет, — то сразу вернусь обратно, и будем считать, что эта зона вне подозрений.

— У меня все по той же схеме, — продолжил Барри. — Даже проще, потому что есть у кого спросить. Выйду на Кендаллов и узнаю у них, не проходил ли Том через их установку. Если проходил, то, возможно, там у них и остался...

Плотно сжав губы и не сводя глаз с пламени, Бекки поднимала с пола тоненькие свечки и зажигала их одну от другой.

— Ну нет, так не пойдет. — Ее руки продолжали двигаться. — Слишком уж у вас все просто. Я ведь говорила, что могу переместить вас лишь приблизительно, в направлении станций. И я совсем не уверена, что попаду точно в яблочко. Поэтому придется рассчитывать только на собственные силы, если вас куда-нибудь занесет.

Бекки зажгла очередную свечу. В мерцающем свете ее лицо казалось старше и было почти неузнаваемо.

— И насколько же далеко нас может занести? — поинтересовался Барри. — Честно говоря, мне бы не хотелось оказаться где-нибудь на другом континенте или посреди океана.

— Да нет, такого точно не будет, — уверила его Бекки. — Я могу ошибиться максимум на двадцать-тридцать миль — никак не больше.

— Ну, это другое дело, — кивнул Барри. — Окрестнос-

ти-то я хорошо знаю. Однажды мне пришлось провести там больше месяца.

Я представил себе мысленно карту разрушенного города с множеством топографических значков, на заучивание которых я в свое время убил столько времени. Вспомнил ориентиры, по которым можно найти дорогу.

— Я тоже справлюсь, — ответил я.

Бекки все продолжала зажигать свечи, выстраивая их в одну линию слева от себя. Теперь по стенам и по панелям приборов плясали тени. Голли выглядел в этом освещении настоящим монстром — или уж как минимум восковой фигурой последнего. Даже тихий и безобидный гул приемника, который до этого никто не замечал, казался теперь зловещим сопровождением к какому-нибудь фильму, где по сценарию вот-вот должна разразиться катастрофа.

— Ну, — удовлетворенно сказала Бекки, — теперь идите сюда.

Сначала она заставила нас сесть на пол лицом друг к другу — так, что из нас троих получился равносторонний треугольник. Затем достала из своей наволочки три дамских зеркальца и установила их по сторонам треугольника, между нами. При этом каждое зеркало было повернуто строго к одному из нас. Семь свечек она выстроила зигзагом посередине, и каждая из них размножилась в зеркалах. Почему-то в комнате сразу стало холоднее — даже несмотря на тепло от язычков пламени.

— М-м... А нам не придется делать ничего такого? — спросил я.

— Просто смотрите на меня — и все, — убаюкивающе сказала Бекки. — А когда я попрошу вас что-нибудь сделать — попозже, — то делайте. Это совсем не трудно.

Она снова запустила руку в мешок, и оттуда раздалось мелодичное позвякивание. Бекки высыпала перед собой на пол целую пригоршню каких-то медных стержней, а затем добавила к ним два небольших зубчатых колеса — кажется, тоже медных. С виду обычные шестеренки, только толстые в обхвате и с очень мелкими зубчиками.

Мурлыкая что-то себе под нос, Бекки принялась раскладывать медные стерженьки между свечами и при этом

соблюдала какой-то особый порядок. Палочек было всего девять: длина их колебалась от четырех до десяти дюймов, толщина была одинаковая — в карандаш, а на кончике у каждой я заметил выгравированную змейку. Бекки раскладывала их ужасно долго и даже принялась напевать что-то вслух, но по-прежнему так тихо, что я ничего не мог разобрать.

Я наблюдал за ее руками, мелькающими среди свечей. Я наблюдал за игрой света на медных стерженьках. Я видел, как все это отражается в зеркале. Постепенно мой мозг погружался в ее заунывное пение.

Затем Бекки взяла в каждую руку по колесу, прижала их друг к другу так, чтобы совпали зубчики, и принялась медленно вращать их то в одну, то в другую сторону. Туда — обратно, туда — обратно. При этом они тихонько позвякивали в такт ее пению... И вдруг — все огоньки свечей разом слились в одно смазанное яркое пятно. Вспышка длилась всего одно мгновение, и при этом я услышал какой-то новый звук — пронзительный, похожий на чей-то плач. Затем все стихло. И вдруг — опять вспышка и опять звук.

— Что это? — спросил Барри.

Бекки свернула на него глазами, и он замолчал.

Не берусь сказать, сколько времени все это продлилось, но с каждым разом промежутки между вспышками становились все короче и короче. Наконец Бекки положила колеса, все еще сцепленные, на пол и продолжила вращать их одной только правой рукой, а левой в это время выложила из стерженьков новый узор.

— Барри, — сказала она после этого. — Встань... — И я краешком глаза увидел, что он встает. — Повернись, — продолжала Бекки. — А сейчас иди...

Он пошел — я услышал, как он сделал несколько шагов. Потом — тишина.

Теперь я один пялился на вспышки, слушал звяканье меди и пронзительный вой. Временами мне казалось, что Бекки где-то далеко-далеко.

Но вот ее левая рука начала выкладывать из палочек

новый узор. Она снова запела, и у меня перед глазами все поплыло. Казалось, я вижу один только яркий свет.

— Теперь встань, — велела Бекки, и ее голос прозвучал словно издалека. Я подчинился, и тогда она сказала: — Повернись.

Я выполнил поворот кругом, и в воздухе передо мной закружились тысячи золотых пылинок — таких же ярких, как вспышки, которые я видел до этого. Их были целые мириады, и они окружили меня, точно рой мошек...

— Иди, — сказала Бекки, и я пошел.

Глава 6

Я ступал медленно и осторожно, опасаясь, что вот-вот на что-нибудь наткнусь. Однако через некоторое время я понял, что сделал уже гораздо больше шагов, чем вмещала комната, — в каком бы направлении я ни пытался ее пересечь. Так. Значит, я уже не в комнате.

Перед глазами была все та же неразбериха — даже еще хуже. Мелькающие огоньки стали ярче и больше числом, и теперь уже никак не подумаешь, что они мерещатся. Одновременно с этим я обратил внимание, что иду по каким-то неровностям. Это был явно не пол.

Впереди меня висело огромное световое поле, и именно к нему я шел. В руках и ногах я ощущал какое-то странное покалывание — странное и в то же время до боли знакомое.

До ушей еле-еле, но все еще доносилось пение Бекки, и я смутно сознавал, что должен идти и не останавливаться, пока не доберусь до сияющего впереди света или не перестану слышать ее голос. Кажется, восприятие у меня нарушилось — я был словно на грани между сном и явью. Во всяком случае, я не смог бы даже приблизительно сказать, сколько времени я вот так шел.

И еще я понял, откуда мне знакомы все эти ощущения — легкое покалывание, головокружение, золотые мушки перед глазами... Такое обычно бывает, когда перемещаешься с помощью транскомпа. Но там это длится какие-то секунды, а сейчас я испытывал то же самое гораздо дольше.

Я все шел, шел, и свет впереди все увеличивался и приближался. Где-то далеко еще слышался затухающий, но такой необходимый мне сейчас голос Бекки. И вот свет приблизился настолько, что заполнил все пространство у меня перед глазами. Теперь он рос сам по себе, независимо от скорости моих шагов. Через секунду я почувствовал, как свет налетел на меня, и в этот же момент...

Последовала короткая, ужасающе яркая вспышка — я словно куда-то прорвался, — и все разом изменилось.

Ноги продолжали сами собой идти, однако теперь я, вне всякого сомнения, шагал по земле — по какой-то тропинке, затененной с обеих сторон деревьями. Световое поле рассыпалось, обернувшись звездами и еще каким-то сиянием, маячившим сквозь ветви справа от меня. Было слышно, как ветер шевелит листву. Временами раздавались вскрики ночных птиц и жужжание насекомых.

Мой чувствительный нос едва не лопался от запахов. Пахло здесь все — влажная земля, прелые листья, пробивающиеся тут и там ростки... Порывы ветра доносили слабые запахи животных — некоторые я узнал, некоторые — нет. Кроме того, остро ощущалась близость воды.

Все это было более чем странно. Я-то ожидал увидеть пейзажи «ядерной зимы», разрушенные дома, заржавевшие остовы машин, пыль и битое стекло. Вместо этого я шел по мирной лесной тропинке, явно не тронутой никакими атомными ветрами. Находиться здесь было, конечно, куда приятней, но означать это могло только одно: Бекки ошиблась. Я попал совершенно не туда, куда рассчитывал. Я...

Нет, только не это!

Ряд деревьев справа от меня вдруг оборвался, и я увидел, что яркий свет, который пробивался сквозь листву все время, пока я шел, — не что иное, как полная луна. В ту же секунду у меня бешено зачесались руки, а на лбу выступил холодный пот. Почему-то я начал задыхаться, хотя шел достаточно медленно, и при этом меня все больше охватывало неприятное беспокойство. Теперь я понял, что произошло.

Я тут же представил себе Барри — сейчас он, наверное,

бродит по руинам опустевшего города. Потому что именно его Бекки перенесла в мертвую зону вместо меня. А вот меня Бекки забросила как раз туда, куда я меньше всего хотел попасть и куда меня не хотели пускать до тех пор, пока я не вырасту и не научусь управлять своим организмом (который, судя по всему, уже начинал проявлять себя). Мало того, что я попал не в ту зону, — я угодил в нее как раз в самое неподходящее время!

Тяжело дыша, я остановился и поднес руки к лицу. Все участки, которые я недавно так тщательно выбрил, снова заросли щетиной. Внезапно обе мои ноги свело судорогой — боль охватила сначала икры, затем стремительно переметнулась в ляжки. Я скорее наклонился, чтобы растереть их, и тут почувствовал, как мне прострелило плечи.

В довершение всего я, кажется, еще и окосел, потому что теперь мой нос маячил прямо у меня перед глазами и при свете луны казался непомерно длинным и смуглым. Но и это было еще не все. У меня вдруг начали сами собой хрустеть суставы — даже когда я не двигался. Затем появилась острая боль внизу спины.

Я попытался вспомнить, что мне известно о таких явлениях. Ведь существуют инструкции для тех, кто имеет склонность к подобным состояниям. Сборники советов — как это легче перенести или вообще избежать этого путем самоконтроля. Увы, ничего конкретного я не помнил — только общие слова насчет того, что, прежде чем пробовать овладеть техникой контроля, надо сперва хотя бы раз испытать это состояние. Хорошенькое дело... Едва я чуть оклемался после древнего обряда перемещения, как меня уже ждут новые сюрпризы. Веселая выдалась ночь!..

Я решил, что мне следует расслабиться и смириться с происходящим. Так легче будет вникнуть в свои ощущения.

То ли помогло растирание, то ли боль в ногах прошла сама собой, но судороги прекратились. Однако, когда я захотел выпрямиться, меня поджидала неожиданность: я не мог этого сделать. Такое обычно бывает, если потянешь мышцу спины. Никакой боли, просто не разгибаешься — и все.

Прекрасно сознавая, что происходит, я принялся лихо-радочно расстегивать ремень и обнаружил, что руки мои уменьшились и заросли шерстью, а от пальцев остались жалкие культяпки. Нет, если уж все равно не миновать превращения, то надо срочно освободиться от одежды. А то представьте — стоит этакий здоровенный псина в джинсах, футболке и теннисных тапочках!

Чтобы справиться с этой задачей, мне пришлось лечь на бок. Едва я закончил, тело пронизала такая судорога, что от боли я стал кататься по земле. Теннисные тапочки слетели с ног сами, потому что это, кажется, были уже не ноги, а лапы. А напоследок в районе копчика обнаружилось некое интересное образование, которым мне страстно захотелось повилать.

Я сразу же подумал — вот это будет номер, если мне вдруг точно так же внезапно приспичит перевоплотиться обратно. Во что тогда одеваться? А если еще поблизости окажутся дамы... Я бросился скорее собирать свою одежду с намерением связать ее в узел, который потом смог бы тащить в зубах. Увы, слишком поздно — мои руки перестали быть руками. Сколько я ни старался придать своей одежде вид аккуратного узелка, она лишь бесформенной массой свисала у меня из пасти. Нести ее в таком виде было совершенно бессмысленно — она бы только волочилась по земле и задевала за корни.

Думая обо всех этих мелких неудобствах, я все же старался не забывать о главном. Важно было прочувствовать и запомнить, что несет с собой каждый новый приступ боли, каждая судорога.

Изменения происходили стремительно. Меня бросало то в жар, то в холод, у меня трещали и вытягивались кости. Было несколько моментов, когда мне показалось, что я смог бы как-то управлять этим процессом, но я не решился. Так ведь можно ненароком и испортить все дело. А кому охота становиться оборотнем-уродцем? Поэтому я лежал и не рыпался, предоставив судьбе распоряжаться самой. Один раз, когда меня уж слишком сильно прихватило, я вскрикнул. Вернее, хотел вскрикнуть, но вместо этого у меня получился самый настоящий вой. «Нет, это все-таки заложе-

но в генах, — решил я. — Генетика — никуда от нее не денешься...»

Однако чем дальше я превращался, тем больше мои рассуждения папахивали голой теорией. Я знал: метаморфозы наверняка должны коснуться и моего разума, хотя и не был уверен, что смогу их верно распознать.

Совершенно определенно, у меня нарушилось чувство времени — мне казалось, что все превращение заняло не более пяти минут, а между тем луна на небе успела порядком подняться. Конечно, это могло мне и померещиться, ведь теперь сам я был ниже (так как стоял на четвереньках), а значит, и видел хуже. А вот слух у меня, наоборот, на удивление обострился. Где листик прошуршит, где какая-нибудь букашка чихнет, зверь когтем поскребет или птица крылом помашет — все это, не спросясь, так и лезло ко мне в уши. Еще никогда в жизни мне не приходилось слышать такого богатого стереоэффекта. А уж мой нюх, и без того отменный, теперь достиг полного совершенства. Достаточно было легкого дуновения ветерка, чтобы я с точностью определил, где протекает ручей. Я мог бы безошибочно сказать вам, под каким кустом и когда пробежал кролик или куда спряталась бродившая неподалеку лиса...

Я сделал первый нерешительный шаг. Потом второй. Такое странное ощущение... Я снова шагнул, стал думать о том, какой лапой мне теперь двигать, — и тут же споткнулся. Встал, поднялся, опять шагнул... И опять споткнулся. От досады я даже задрал морду кверху и завыл. При этом я сам немного испугался своего голоса — слишком уж неожиданно получилось. Само собой вырвалось. Зато я понял, что если я могу выть сам собой, то, значит, и идти должен не задумываясь — тогда все получится. Просто надо расслабиться и махнуть на все рукой... то есть правильное сказать — лапой. Довериться своим инстинктам. Наверное, разум в таких случаях только мешает.

Я попробовал задушить в себе мыслительные процессы — и тут же, как миленький, побежал трусцой. Впрочем, радоваться было рано: неизвестно, какие еще страшные сюрпризы ждут меня впереди. Потому что скорее всего

превращение еще не закончилось; вернее, закончилась только физическая его часть.

Подтверждение моей догадки не заставило себя ждать. Стоило мне перестать думать и отдать свой разум на откуп новому телу, как меня начали посещать весьма и весьма странные мысли. Не припомню, чтобы я думал о чем-то подобном раньше. Словом... я почувствовал острое желание поохотиться.

Голова моя невольно потянулась к земле, и я стал энергично крутить туда-сюда своим длинным носом, пытаюсь напасть на какой-нибудь след. Когда след мне попадался, я тут же определял, кому он принадлежит и когда был оставлен. Я поднимал морду вверх и втягивал запахи, которые носит ветер. Рыская между деревьями, я явственно представлял, как за кем-нибудь гоняюсь. Где-то в глубине моей памяти еще теплилась мысль о том, что раньше у меня была другая цель. Но это происходило как раз в той части мозга, которую я выключил, чтобы перестать спотыкаться. Теперь она была почти полностью подавлена. Я хотел только одного — охотиться, а все остальное не имело никакого значения.

Казалось, одна моя половина словно бы заснула, тогда как другая, — о существовании которой я даже не подозревал, — проснулась и теперь вступала в свои права. Как будто я сплю и вижу сон. А может, все наоборот: моя прошлая жизнь была сном, а сейчас наступила явь?

Сон...

Я вприпрыжку бегу сквозь ночь, полную изумительных запахов и звуков... По склону холма, затем по берегу какого-то ручья. Останавливаюсь, пробую на вкус холодную черную воду. Кругом стоит такая темень, что ничего не разобрать. Зато от земли исходит отчетливый запах всякой мелкой живности. Я беру какой-то след, бегу по нему, потом теряю, принимаюсь за новый... Я бесшумен, словно призрак, даже в темноте нет мне преград. Разум больше не нужен — я живу ощущениями. Я стал частью окружающей меня ночи. Я весь превратился в голод, жажду погони и охотничий пыл.

Вот впереди кто-то бежит... Почуял меня... Удирает... Ну

и пусть, все равно это моя ночь. Я слышу даже песню, которую поет в небе луна... И нет ни времени, ни пространства — только я один лечу навстречу этому миру, а он летит навстречу мне... Сумрачная жажда охоты поглотила меня — это сладкое наваждение, когда разум спит, когда чувства выползают из самых темных закоулков, чтобы попить на празднике смерти... Эй вы! Слышите — я несу смерть на остриях своих клыков! Я сам — смерть в собачьем обличье! Ночь — это мое время!

Но время исчезло, а ночь подхватила меня и унесла далеко-далеко... Я стал хищником, все остальные — жертвами. Не помню, скольких мелких тварей мне удалось поймать. Когда я ел их, они пищали, а на зубах у меня скрипел мех. И мне казалось, что я делаю все правильно, что так и надо. Можете не верить, но мне действительно так казалось...

Один раз среди ночи охотничий восторг так переполнил меня, что из моей пасти сам собой вырвался громкий протяжный вой. И в ту же секунду я услышал, как вдалеке кто-то завыл мне в ответ. Это привело меня в такое смятение, что я даже толком не понял, что со мной происходит. И хотя ответный клич больше не повторился, я еще долго медлил, прежде чем снова взял след.

Воспоминания той ночи грешат темными пятнами и провалами, как всегда бывает, когда пытаешься восстановить сон или день, заполненный однообразной работой. Случалось, я уставал и останавливался, чтобы отдышаться. Несколько раз жадно пил из ручьев и мелких лесных водоемов. Но даже когда мое тело отдыхало, а ноги не вели меня по следу, я продолжал мысленно охотиться. Только ближе к восходу мой охотничий пыл начал понемногу стихать. В воздухе появились новые запахи — запахи, означавшие близость человеческого жилья. Впрочем, пока расстояние позволяло особо не беспокоиться.

Я остановился на какой-то прогалинке и замер, прислушиваясь. Посмотрели бы вы на меня в тот момент: бока ходят ходуном, язык высунут, уши настороженно торчат... Тогда я был убежден — если можно сказать такое о волке, — что нет на свете существа, которое смогло бы при-

близиться ко мне незаметно. Эх, до чего же глубоко мы порой заблуждаемся! Теперь-то я понимаю, что если хочешь стать образованным оборотнем, то одной ночью в лесу не обойдешься.

Он зашел с подветренной стороны, причем совершенно беззвучно. Просто удивительно, как такая махина смогла подкрасться, не задев моего сверхчувствительного уха, — пусть даже я не такой уж опытный. Когда я наконец учуял, что я не один, уже подступало утро — на траву выпала роса, а на небе затеплился первый луч рассвета.

Где-то позади меня раздались мягкие шаги. Я тут же вскочил и насторожился. Совсем рядом послышалось глухое рычание, странным образом напоминавшее человеческую речь, а именно — мое собственное имя. И вдруг я увидел прямо перед собой волка — огромного, серого, с горящими желтыми глазами. Бежать? Я решил, что это бесполезно, потому что он все равно нагонит меня и тогда нападет сзади, что еще хуже. Драться? Эта мысль тоже не вызывала у меня особого воодушевления. Впрочем, кажется, другого выхода у меня не было. Зачем бы он тогда подкрадывался ко мне, если не с целью напасть?

Ну что ж — драться так драться. Я как раз отдохнул, накопил силы — хуже было бы, если бы он перехватил меня на бегу...

Я воинственно зарычал и бросился на противника, причем метил зубами прямо в шею. Однако ему достаточно было повести одним плечом — и я уже валялся на земле. В ту же секунду я почувствовал у себя на горле его зубы — к счастью, они не сжимались. Мой дремавший разум на мгновение проснулся, и в памяти у меня промелькнул абзац из учебника о субординации среди волков. Там говорилось, что побежденный должен подставить победителю свою глотку — и тот больше не имеет права нападать. Я замер без движения. Хотя, с другой стороны, что еще я мог сделать? Оставалось надеяться, что этот волк учился по тому же учебнику, что и я.

Я продолжал лежать без движения, в то время как противник сдавливал клыками мою шею. Не знаю, сколько это продолжалось, но наконец сжатие прекратилось и я

увидел прямо перед собой остроносоую морду. Снова слышалось рычание, напоминавшее человеческую речь: «Джеймс...»

И вдруг этот волк стал вести себя как-то совершенно не по-волчьи. Сначала он несколько раз поднялся на задние лапы, а передние при этом старался поднять высоко вверх. Затем начал кататься по земле и выбрасывать лапы в разные стороны. И тут я догадался, в чем дело. Постепенно он становился все больше и больше похож на человека, более того — хорошо мне знакомого человека...

Тогда я тоже попробовал рычать и одновременно произносить слова. «Дядя Джордж!» — попытался прорычать я. Не уверен, что у меня получилось; тем не менее он улыбнулся и кивнул мне.

— Вижу, вижу — пришла пора преподать тебе несколько уроков, — сказал дядя. — Что ж, начнем с одного из быстрых способов перевоплощения обратно.

Я послушно кивнул головой... то есть мордой. Все-таки хорошо, когда в семье есть хоть один специалист этого дела.

Глава 7

Едва я закончил перевоплощаться обратно, как сразу же почувствовал, насколько сильно замерз и устал.

— Пошли, — сказал дядя Джордж и взял меня за руку. — У меня есть телега недалеко отсюда. Доедем до усадьбы.

Мы двинулись, петляя между деревьями.

— Может, у тебя найдется какое-нибудь одеяло, — с трудом проговорил я, чувствуя, что зубы у меня начинают стучать. — Что-то мне нездоровится.

— Понимаю, понимаю, мой мальчик. Конечно, я взял для тебя теплые вещи.

Я с трудом дышал, поэтому мог идти, только опираясь на дядю Джорджа. Ноги мои насквозь промокли от росы. Затем тяжелое дыхание сменилось неудержимой зевотой — я зевал и зевал и не мог остановиться.

— Нехватка кислорода, — пояснил дядя. — Тебе нужен свежий воздух. Возможно, дело в том, что я слишком по-

торопился, когда мы меняли облик. Хотя и без спешки эта процедура не из приятных.

— А сам-то ты не устал? — выдохнул я.

— Мне-то что, я ведь умею этим управлять.

— Придется тебе и меня поучить.

— Всему свое время, — ответил он.

Наконец мы добрались до телеги. При виде нас смиренная коричневая лошадь скосила глаз и всхрапнула. Теперь нам предстояло одеться. С трудом держась на ногах, я облачился в рубашку и брюки, которые захватил для меня дядя Джордж. Его огромный синий плащ болтался на мне, как на вешалке.

Когда оба мы были одеты, дядя Джордж подал мне руку, чтобы посадить в телегу. Думаю, сам бы я сейчас с этим не справился.

— Ты знал, что я здесь... — промычал я, устраиваясь удобнее в телеге и укрываясь плащом.

— Угу, — буркнул он и тихонько натянул поводья.

Мы поехали, и больше у меня уже не было сил задавать вопросы. Мысли путались и ускользали — сколько ни старался, я не мог перевести их в слова. Оставалось только думать. Я думал, думал, пока не начал куда-то улетать... Потом я уснул.

И мне приснился сон — какие-то странные и непонятные обрывки. Кстати, у меня есть один приятель, который работает кассиром в банке. Так вот, он рассказывал мне, что, когда только начал работать там, его преследовали так называемые «сны кассира» — ему все время снилось, как он стоит за стойкой и отсчитывает деньги. Думаю, нечто похожее происходит со всеми, кто занимается каким-либо монотонным трудом. Но мой сон был куда более необычный, потому что выражение «видеть сон» подошло бы к нему не в полной мере. Во сне я снова стал волком, снова рыскал по лесам, но, сами понимаете, в темноте я мало что мог увидеть, поэтому я невольно ощущал во сне все запахи, слышал все звуки. Если у меня и мелькало что-нибудь перед глазами, то прямо под самым носом — трава, корни деревьев, камни или просто голая земля. И вдруг я почувствовал какой-то знакомый запах — я даже еще не знал точно, кто

это, но я уже гнался за ним... Я несся так стремительно, что уже не различал мелькавших мимо меня деревьев. Запах становился все сильнее. Теперь я знал, кому он принадлежит. Я выбежал на какую-то полянку и там, за деревом, я увидел ее. Это была моя мать...

И тут я понял, что лежу в телеге, услышал мерный топот лошадиных копыт. Я уже не спал, но и нельзя сказать, чтобы до конца проснулся. Не знаю, как долго я пробыл в таком полусне. Затем я почувствовал, что уже больше не мерзну. Когда я открыл глаза, уже всюду светило солнце. По его расположению я понял, что проспал не меньше двух часов.

Теперь мы ехали не по ухабистой лесной тропинке, а по более ровной дороге. Деревья поредели и сменились кустарником. Судя по всему, мы забрались на какую-то возвышенность, потому что, оглянувшись назад, я увидел раскинувшийся внизу лесной массив. Он был похож на ярко-зеленое море, по которому, словно дрейфующие острова, лениво плыли темные тени облаков. Я снова повернулся вперед и увидел, что мы подъезжаем к большому белокаменному особняку с черепичной крышей. Как и положено, дом располагался на горе и был окружен высокой крепостной стеной. Дорога вела прямо к парадным воротам. Ворота эти были закрыты.

— Ну вот, мы почти дома, — сказал дядя Джордж, даже не оглянувшись на меня. — Пить хочешь?

Я тут же понял, что хочу, но не успел ответить, как дядя уже подал мне бутылку с водой. Отхлебнув несколько приличных глотков, я закрыл пробку и отдал бутылку.

— Спасибо, — выдохнул я и стал с любопытством оглядывать место прибытия. Когда мы подъехали чуть ближе, я услышал какой-то низкий бубнящий звук, похожий на гул множества голосов.

Я перевернулся в более удобное положение и немного обследовал свое тело. Удивительно — больше у меня нигде ничего не ныло и не тянуло. Пока я спал, все боли исчезли. Усталость тоже как рукой сняло — я даже не верил, что могу чувствовать себя настолько хорошо.

Когда мы наконец-то подъехали к воротам, дядя Джордж

помахал двум вооруженным охранникам, и они впустили нас внутрь.

— Доброе утро, — сказал он. — Есть хорошие новости?

— Нет, — ответил тот, что стоял слева. — Но и дурных вроде как тоже.

— Прекрасно.

Сразу за воротами я увидел военный лагерь. Судя по всему, когда-то на этом месте была мирная зеленая лужайка. Теперь же траву на ней немилосердно вытоптали. Кругом сновали люди, которые чистили оружие, натирали до блеска шлемы, приводили в порядок нагрудные щитки и налокотники. Тут и там дымили походные кухни, распространяя густые ароматы бульона и чая. Справа — обедали, слева — обучались рукопашному бою.

— Что, ожидается какое-то нападение? — спросил я.

— И да, и нет, — как всегда уклончиво ответил дядя.

Еще во время редких приездов дяди Джорджа к нам я заметил, что он не отличается многословием. Если он и говорил что-то, то никогда нельзя было понять, что именно он хочет сказать. И все же я знал, что в случае необходимости дядя Джордж может выразить свои мысли предельно ясно. Значит, сейчас был просто не тот случай.

Мы свернули на какую-то узкую дорожку, которая привела нас на задворки усадьбы. Дядя остановил телегу у конюшни, слез, после чего передал ее на попечение конюха, который тут же вышел нам навстречу. Спрыгнув с телеги, я бодро зашагал следом за ним по украшенной флагами вязовой аллее, которая вела к задней стороне усадьбы.

— Есть хочешь? — спросил дядя, как только мы вошли в дом.

Я кивнул. На самом деле я не просто хотел есть — я прямо умирал с голода.

— Я тоже, — сказал он. — Пойдем, покажу тебе комнату, где ты сможешь умыться и привести себя в порядок, пока кухарка соберет нам поесть. Встретимся вон там, за большим столом, — добавил он, указывая через раскрытую дверь куда-то направо. — И поторопись.

Комната, в которую он меня привел, была ничуть не больше той, что я занимал у себя дома, зато выглядела го-

раздо опрятней. Я распахнул ставни, с удовольствием вдохнул свежий воздух и полюбовался видом из окна, который состоял из нескольких могучих деревьев и пары дворовых построек. Затем я наполнил водой таз, снял рубашку и начал мыться. Потом я решил, что помыться мне лучше всего полностью, и скинул с себя все остальное. Я извел на себя несколько тазиков воды и добрую пригоршню шампуня, после чего как следует растерся полотенцем. Затем открыл платяной шкаф, о котором говорил мне дядя, и стал подыскивать себе одежду.

Напоследок я тщательно причесал волосы, вычистил ногти и прополоскал рот. Только после этого я отправился в небольшую комнату, расположенную за кухней.

Еще издали я услышал знакомые голоса. Один из них принадлежал моей тете, Мерил, а другой...

— Барри! — воскликнул я сразу же, как зашел.

Он поднялся из-за стола и слегка улыбнулся мне:

— Слышал, что с тобой приключилось.

Я кивнул.

— Выглядишь вполне сносно, — добавил он.

— Ты тоже, — сказал я, на что Барри ответил кривой усмешкой.

Обняв для приличия тетю Мерил — высокую темноволосую даму с чуть заметным шрамом над левой бровью, — я уселся за стол и стал накладывать себе на тарелку еду. Затем по очереди оглядел присутствующих.

Барри положил вилку и сказал:

— Я прибыл сюда еще вчера. Когда я увидел, что попал в разрушенный город, то сразу понял, что Бекки ошиблась и перепутала сигналы. Было ужасно темно, поэтому я не сразу сориентировался. Но потом все-таки сообразил, что нахожусь абсолютно в другом конце города. Пришлось два часа топтать пешком до места, где спрятан транскомп.

— Ну и?.. — не выдержал я. — Не было там...

Барри покачал головой.

— Не было ни Тома, ни каких-либо следов его пребывания, — ответил он. — Я посветил себе спичками, когда спустился в бункер, — там везде был свежий нетронутый слой пыли. На земле следов я тоже не обнаружил — кроме

своих собственных. В общем, похоже, что в последнее время в этих местах никто не появлялся. Ну, тогда я настроил транскомп и перебросился сюда, чтобы сообщить, что тебя следует искать где-то здесь.

Дядя Джордж кивнул:

— Мне лично все стало ясно. Нетрудно было догадаться, что после перемещения ты окажешься примерно на том же расстоянии от нас, что Барри — от транскомпа в том центре, куда забросила его Бекки.

— Понятно, — спокойно произнес я. — Значит, папа не был в мертвой зоне. Но тогда, выходит, он должен быть здесь? Так он здесь — или нет?

Дядя Джордж отвернулся. На несколько секунд повисло молчание, а потом тетя Мерил отрицательно покачала головой.

— Боюсь, придется тебя огорчить, — промолвила она. — К нам он тоже не перемещался.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я. — Мы же рассчитали единственно возможные варианты. Либо та зона — либо эта.

— Видишь ли... нет, — пробормотал Барри. — Первоначальное положение стрелки оказалось верным.

Я нахмурился:

— Не понимаю. Даже если это и так, мы же заблокированы от черных зон. Невозможно перейти туда через наши машины.

Он посмотрел на тетю Мерил.

— На самом деле это не совсем так, — мягко возразила она. — С помощью определенной настройки возможно. Дело в том, что существуют пиратские установки.

— Пиратские транскомпы? — переспросил я. — Впервые о таком слышу.

— У тебя еда стынет, — вставил дядя Джордж.

— Я не хочу есть.

— Хочешь, хочешь, — сказал он. — Ешь, а мы пока разьясим тебе немного, что к чему.

Я начал есть, и голод тут же захватил надо мной власть. Теперь меня было уже не остановить.

— Твой отец переместился в третью черную зону, — на-

чала рассказ тетя Мерил. — Раньше это была белая зона, но несколько лет назад «черным» удалось подчинить ее себе.

Я кивнул, продолжая жевать. Разумеется, я знал об этом.

— Но они захватили ее не полностью, — продолжала тетя. — Возникло движение сопротивления, появились партизанские отряды. У них есть свои собственные транскомпы, и мы поддерживаем с ними связь. С первых дней завоевания белые зоны, как могут, помогают им.

— Папа тоже об этом знал? — спросил я.

— Да. Он долгое время поддерживал связь с одним из таких отрядов. Скорее всего «черным» в конце концов удалось перехватить его сигнал. Они уже многие годы охотятся за частотами белых центров. Кстати, у них тоже есть свои пиратские станции — почти во всех белых зонах. Но этого им мало. Ведь доступ к самой станции — а значит, и к делам центра — открывает новые возможности для их подрывной деятельности.

— Вы просто убили меня этой новостью, — сказал я.

— «Черные» очень долго пытались вычислить ваш код, — продолжала тетя, — и это им все-таки удалось. Судя по всему, произошло вот что: кто-то переместился к вам на станцию, и Том вступил с ним в схватку, а потом сбежал на одну из пиратских установок...

— Так, значит, если вы знаете частоту этой установки, мы сможем переместиться туда и освободить его?

— Не все так просто, — ответила тетя. — Как только Том перебросился туда и рассказал, в чем дело, они немедленно должны были засекретиться и изменить сигналы. Судя по всему, они так и сделали, потому что, сколько мы ни пытались пробиться к ним по старому коду, у нас ничего не получилось.

— Но это может означать и то, что все они погибли, а установка просто взорвана! — выкрикнул я. — Наверное, «черные» сначала вышли на партизанский код, а потом путем перехвата поймали сигнал отца. После этого они послали в нашу зону лазутчика — чтобы разобрался с отцом, — а сами напали на партизан и уничтожили их...

— Да нет же, — успокоил меня дядя Джордж. — По частоте можно определить лишь общее направление, а не сам источник сигнала. «Черные» могут и не знать их точный код — они ведь только перехватывают, а не перемещаются. Все, что в их силах, — это перехватить спектр поступающих сигналов. В конце концов, не только ваша станция подверглась...

— Постойте-постойте, — перебил я его, откладывая в сторону вилку. — Если я правильно понял, то это нечто вроде войны?

— Пожалуй, — кивнула тетя. — Подпольная борьба велась с первых дней завоевания, и все это время белые зоны поддерживали повстанцев. Но настоящий конфликт разгорелся только сейчас.

— А что, собственно, такое произошло?

— Просто повстанцы последнее время заметно окрепли, — пояснила она. — Им удалось захватить довольно большие территории, включая крупные промышленные города. Стало ясно, что, если так пойдет дальше, они обязательно добьются своего. Разумеется, «черные» в первой зоне всполошились и бросились спешно уничтожать все связи повстанцев с «белыми». Кроме того, нам теперь самим приходится думать, как бы они на нас не напали.

Некоторое время я молча вглядывался в лицо Барри.

— Ты знал это? — спросил я.

— Ну, знал, — ответил он.

— И почему же, интересно, ты не сказал об этом мне?

— Меня просили не говорить.

— Кто просил?

— Родители. И твой отец тоже.

— А почему они запрещали тебе об этом говорить?

— Не знаю.

Я снова посмотрел на тетю Мерил.

— Ну так почему же? — спросил я. — Почему вы вообще все от меня скрываете?

— Давай-ка доедай, — велел дядя Джордж.

— Нет, я хочу знать почему!

— Я сказал: доедай, — повторил он. — Потом поговорим.

Я еще раз обвел всех настороженным взглядом и понял, что по крайней мере сейчас мне от них ничего не добиться. И я снова взял в руки вилку...

Глава 8

Нет, похоже, мне суждено до конца дней своих жить среди тайн, которые так и останутся нераскрытыми. В принципе к такому положению вещей я привык с детства — как и другие дети в подобных семьях. Не спорю, это вполне логично. Мы же ходим в школу, заводим себе друзей в тех городах, где базируемся, то есть общаемся с людьми точно так же, как и все остальные. И если бы я в раннем возрасте узнал обо всех делах нашей семьи, я мог бы по глупости проболтаться — и поставил бы своих родственников в неудобное положение. Поэтому, когда я был маленький, мне особо ничего не рассказывали — хотя я и догадывался, что вокруг меня происходит что-то необыкновенное. Дети всегда чувствуют это, даже если не понимают. Вот тогда у меня и началась эта «секретная» паранойя.

Всю жизнь мне доверяли что-либо только в случае крайней необходимости. Как я уже говорил, в детстве меня это нисколько не удивляло, хотя иногда я все же задавался вопросом — а так ли строго подходят к этому в других семьях? Помню, как родители часто обрывали разговор, если в комнате появлялся я, и украдкой шептали друг другу: «Потом» или: «Подожди — вот он уйдет». Согласитесь, это любого разозлит — если с ним обращаться, как с какой-то бесчувственной куклой.

И вот теперь опять!

Я все понимаю. Случилось что-то действительно из ряда вон выходящее, если даже лужайку перед домом Кендаллов отдали под военный лагерь. Но раз уж мне все равно рассказали про повстанцев в черной зоне, про то, что папа сейчас у них, — почему бы не открыть карты до конца?

Завтрак закончился в полном молчании. Я ждал, что, может быть, кто-нибудь соизволит хотя бы объяснить мне причину такого поведения. Однако никто не произнес ни

слова, пока все не закончили есть, и тогда дядя Джордж сказал:

— Далеко не забредай.

— Хорошо, — согласился я. — Но почему?

— Просто не надо — и все.

— Ладно, погуляю где-нибудь за домом.

Он кивнул.

Я хлопнул задней дверью и вышел на аллею. Мне хотелось побыть одному — я так и заявил Барри, когда он пыривался пойти вместе со мной. Через некоторое время я вышел к небольшому ручью, уселся на тенистом берегу и принялся швырять в воду камешки.

Это уже даже больше, чем привычка, — все от меня скрывать. Вот родители Барри, например, рассказали ему про войну в третьей зоне, а мой отец не только не посвятил меня, но еще и Барри велел молчать. О чем это говорит? Просто родители Барри доверяют ему, а мой отец мне — нет. Но ведь если ты хочешь узнать, можно ли доверять какому-то человеку, нужно же сначала доверить ему хоть что-нибудь и посмотреть!.. Я бросил следующий камешек с особенным жаром — так, что он ударился о какой-то выступ среди ручья и рикошетом отскочил на другой берег.

Вообще-то я терпеть не могу всякие мрачные раздумья по поводу собственной неполноценности. Охота была тратить время на такую чушь! Конечно, раньше меня иногда посещали подобные мысли, но я всегда старался их отогнать, так как понимал, что скрытность родителей полностью оправдана. Только все они словно сговорились относиться ко мне как к недоумку. Барри, значит, можно все знать — мне ничего. Бекки с мамой тоже вечно о чем-то шептались — и боялись, как бы я не услышал. Дейву тоже — уж в этом я не сомневаюсь — известно побольше моего...

Не знаю, сколько часов я просидел на берегу этого дурацкого ручья — и никто не пришел за мной, никто даже не окликнул. Иногда я вставал и переходил на другое место, потому что в том кончались камушки. Небо все больше зарастало тучами. Ну давай же, полей меня — мысленно подзадоривал я. Однако дождь так и не пошел. Зато

вполне ощутимо понизилась температура воздуха и поднялся ветер.

Я посидел еще немного и вдруг, потянувшись за очередным камушком, заметил на другом берегу ручья какое-то странное белое пятно. Приглядевшись, я понял, что это всего лишь облачко тумана, которое, словно легкий занавес, повисло между двух стволов. Надо же, я и не заметил, как оно появилось. И почему-то только одно облачко — в других местах воздух был совершенно прозрачен. Странно... Может, там какой-нибудь болотистый участок? Но тогда почему эту дымку до сих пор не разогнало ветром?

На всякий случай я швырнул прямо в середину тумана камушек — никаких изменений.

В конце концов я устал бороться с собственным любопытством и отправился искать место, где можно перейти ручей. Ниже по течению я увидел несколько торчащих над водой валунов и по ним благополучно перешел на другую сторону. Затем вернулся по берегу немного назад и сразу же увидел ту самую дымку. Туман как туман. Ничего особенного. Наверное, уж совсем у меня дела плохи, если я начал бродить по кустам и разглядывать облачка тумана.

Тем не менее я подошел поближе.

Я бы не сказал, что это было болото. Никаких посторонних запахов я тоже не уловил. Сам туман был густой и белый. Я протянул в него руку и сразу ощутил холод. Впрочем, руку я видел. Я слегка подвигал пальцами — туман и не думал расходиться. Когда я уже собрался убрать руку обратно, мне вдруг показалось, что я слышу чье-то отдаленное пение. Я застыл на месте, пытаясь определить, откуда оно доносится — если оно действительно есть, а не плод моего воображения.

Пение стихло. Я сделал шаг назад и опустил руку, как вдруг снова услышал тот же голос.

Ну и дела. Теперь я не сомневался, что из тумана действительно доносятся какие-то звуки — откуда-то из самой его гуши и, видимо, издалека. Странно было другое — эти звуки казались мне удивительно знакомыми. Впрочем, чему тут удивляться? Просто я забыл, в какой зоне я нахожусь. Здесь же может произойти все, что угодно. Наверня-

ка это какое-нибудь местное магическое явление. Главное теперь — определить, хорошее это явление, плохое или просто никакое. Вдруг это ловушка, которая, как только войдешь внутрь, сразу захлопнется? А может, наоборот, — что-нибудь ужасно полезное и интересное?

И почему такой до боли знакомый голос? Это больше всего разжигало мое любопытство — и я решился снова протянуть в туман руку.

Пение сразу же зазвучало более отчетливо — и вдруг я узнал его...

— Бекки! — радостно вскричал я и рванулся на голос. — Бекки! Это ты? Где ты?

Я вошел в этот сумрак, который справа и слева казался молочно-белым, а впереди сгущался в какую-то грязно-серую тьму. Казалось, тьма тянется невероятно далеко, за пределы поместья. Я не различал в ней ни силуэтов деревьев, ни границы между землей и небом. Сделав еще один шаг, я снова позвал Бекки. Теперь и мой собственный голос звучал странно — словно бы я говорил в подушку.

— Эй, Джим! — раздался где-то недалеко голос Бекки. — Это ты, Джим?

— Да, — отозвался я. — Что ты там делаешь?

— А ты где?

— Просто я гулял за домом дяди Джорджа и тети Мерил и зашел в туман, — объяснил я. — И вдруг услышал твой голос.

— Дальше не ходи, — сказала Бекки. — Только разговаривай.

— Про что разговаривать?

— Да про что угодно. Это совершенно неважно. Я тут заблудилась. Искала тебя — и заблудилась... Ну вот, кажется, удалось подойти чуть поближе.

— Так-так, по-моему, тоже ты теперь ближе.

— Давай говори что-нибудь, а я попробую выйти на голос.

Я начал, не задумываясь, выбалтывать все, что было у меня на уме, — просто чтобы ей было слышно. Наверняка Бекки и не слушала, что я там несу, так как она снова при-

нялась петь. Я даже сам себя толком не слушал — было бы странно, если бы я всего этого не знал.

Ее пение становилось все громче, и вскоре я уже не сомневался, что сестренка где-то рядом. Я стал изо всех сил вглядываться в сумрак и в конце концов слева от себя увидел какой-то смутный силуэт. Я вытянул обе руки и крикнул:

— Бекки! Сюда!

Она сделала еще один шаг — и через секунду я уже держал ее руки в своих.

— Ну вот, а теперь иди обратно тем же путем, что пришел сюда.

Мне хватило пары шагов, чтобы оказаться в том месте, где я стоял до этого, — то есть перед стеной тумана. Бекки вышла следом за мной и тут же бросилась мне на шею. Я обнял ее, и туман немедленно стал рассеиваться.

— Прости, — прошептала она. — Прости меня.

— Ты насчет чего? — спросил я.

— Я же все перепутала и отправила вас с Барри не туда, куда надо. Я еще недостаточно хорошо научилась...

— Да уж ладно тебе, — успокоил я ее. — Главное, все получилось. Теперь мы оба здесь, у Кендаллов. Самое худшее позади.

— А ты... ты менял облик? — спросила Бекки.

— Ну да.

— Наверное, плохо было?

Впервые за все время я задумался над этим вопросом.

— Скорее это было... ну, что ли, несколько неожиданно, — ответил я. — Нет, я бы не сказал, что это было совсем уж плохо. Знаешь, мне бы все равно пришлось рано или поздно пройти через это. И потом, дядя Джордж говорит, что научит меня управлять превращением. Думаю, мне стоит пожить здесь в свой студенческий год и обучиться всем тонкостям.

— Я так боялась, что с тобой что-нибудь случится!

Я покачал головой:

— Да нет же, со мной ничего такого не случилось. Только вот ни одному из нас не удалось найти папу.

— Я знаю. Он в черной зоне, — сказала Бекки. — Тот

тип, с которым он дрался, хотел действительно проникнуть в нашу зону, но Тому удалось его подстрелить — слегка подстрелить, — после чего сам он сразу переместился. Затем «черный» сломал нашу установку и...

— Продолжай, продолжай! — не вытерпел я. — Только откуда ты все это знаешь?

— Уборщики, — ответила она. — Они появились вскоре после того, как вы отбыли.

— Но ведь они уже... — начал я и в ту же секунду понял, что она хочет сказать.

— Тот человек, видимо, и был «черным» агентом, — продолжала она. — Это его кровь ты тогда учуял. Вероятно, у него есть сообщники в городе, которые в курсе всех наших дел, — они-то и научили его, что надо сказать, чтобы скрыться незамеченным. У них было продумано все до мелочей.

— Почему ты так решила? И почему ты так уверена, что те, другие, — настоящие?

— А я их узнала. Я как раз смотрела в окно, и тут они подъехали на своей обычной машине. Вспомни — мы же не видели, какая была машина у первых уборщиков, да и голос того, что разговаривал с нами через дверь, я тоже никогда не слышала. Кстати, тем, вторым, я тоже поведала твою легенду о некоей реконструкции. А еще я вспомнила, что ты тогда говорил про кровь. Поэтому, когда они уехали, я включила везде свет и обошла помещение. Так вот, на заднем крыльце я обнаружила несколько засохших пятен крови — и на стоянке тоже.

— А почему ты думаешь, что он переместился к нам через транскомп — и напал на папу?

— Не знаю, — сказала Бекки. — Но могу поклясться, что это связано с войной в черной зоне. Обстановка там сейчас накалилась, и «черные» пытаются создать беспорядки в других зонах, чтобы «белые» не могли помогать партизанам...

Все время, пока мы говорили, я держал Бекки в объятиях, но тут я резко отстранил ее и посмотрел ей в глаза. Я ведь не говорил ей об этом — даже когда нес всякую околесицу, подавая голос из тумана. Я говорил о чем угодно —

о том, что мне никто не доверяет, что все все от меня скрывают, — но ни словом не обмолвился о партизанах. Так, значит, она тоже знала! Знала и молчала!

Я стиснул зубы с такой силой, что они скрипнули.

— Джим, да что с тобой?

— Все, все до одного знали — кроме меня! — выкрикнул я. — Даже ты! Что же это получается? Значит, тебе он рассказывает, а мне — нет?

— Ничего мне Том не рассказывал! — в тон мне проорала Бекки. — Я сама обо всем узнала! Сперва он даже не знал, что я знаю!

— Что значит — сперва? — спросил я.

Она осеклась и посмотрела на меня немного испуганно.

— Просто потом я призналась ему, что знаю. Вот то и значит.

— Ну и что же он? Что он тебе сказал? — спросил я.

— Сказал, чтобы никому не рассказывала.

— И все?

— Угу.

— Ладно, ладно, — проворчал я. — Не умеешь врать — не берись.

— Ну, может быть, он не совсем так выразился, — опустила глаза Бекки, — но по смыслу было то же самое.

— Бекки, — сурово произнес я. — Скажи мне точно, что именно он тебе сказал.

Она отстранилась от меня.

— Послушай, я не хочу больше говорить об этом, — пробормотала сестренка. — И вообще, я упомянула про эту войну только потому, что ты проболтался о ней, когда разговаривал сам с собой в тумане. А теперь хватит об этом. Ладно?

— Нет, не ладно, — не унимался я. — Я хочу знать. Мне надоело чувствовать себя изгоем в своей семье. Какое он имеет право мне не доверять?

— Ну хорошо, я дословно передам тебе, что сказал Том. Да, он действительно не говорил мне: «Держи язык за зубами». Он просто сказал: «Не рассказывай Джиму».

Бекки отвернулась.

— Правда он так сказал?

— Правда.

— Но почему?! Если он доверяет мне, почему не хочет, чтобы я тоже обо всем этом знал?

— Этого я тебе не могу сказать.

— Почему?

— Он взял с меня слово.

Я вздохнул, после чего изо всех сил шлепнул ладонью по стволу дерева. И вдруг все мои прежние домыслы как-то сами собой выстроились в стройную картину.

— Послушай, а это как-то связано с тем, что там происходит сейчас?

— Да, — ответила Бекки.

— В таком случае, — сказал я, — все клятвы отступают на второй план. Он в опасности — и ему нужна помощь. Когда он брал с тебя обещание, он же не рассчитывал, что дело так обернется. А теперь ситуация изменилась. Я должен знать все, иначе я не смогу ему помочь...

Бекки глубоко задумалась. Лицо ее поочередно отразило несколько стадий сомнения, и только после этого она заговорила снова.

— Знаешь, почему он не хотел тебе ничего говорить? — спросила она. — Потому что на самом деле Агата жива.

Агата... Так зовут мою мать.

Глава 9

Так... Спокойно, Джим, спокойно.

Теперь я разрешаю себе думать о матери — еще недавно не разрешал. Мы с ней были очень привязаны друг к другу, поэтому думать о ней в прошедшем времени... Словом, это для меня невыносимая мука. Они с дядей Джорджем — брат и сестра, хотя и совершенно не похожи. Дядя Джордж маленького роста, плотный и русоволосый, мама же была высокой, стройной брюнеткой. Кроме того, дядя Джордж — оборотень, а мама — нет. Дядя Джордж — молчаливый и скрытный, а мама всегда была улыбчивой и открытой. У них в семье любили шутить, что мама забрала всю общительность, отпущенную на троих отпрысков — дядю Джорджа, Дэлу и ее саму. И при этом она вовсе не

была какой-то пустышкой или неженкой. У себя в зоне мама занималась наукой и математикой, а также, как и все в их семье, очень любила природу и свежий воздух. Все отпуска она проводила в походах — лазая по скалам или плывая на каноэ. Еще она отлично стреляла из лука и была дважды чемпионкой среди женщин по стрельбе из пистолета... Должен признаться, что поначалу я страшно ревновал, когда она взяла к нам жить Бекки и между ними завязалась какая-то непонятная мне дружба.

Однажды, около года назад, мама отправилась в другую зону. Такие визиты для нас не редкость — мы всегда поддерживаем отношения между семьями. Но на этот раз ее отсутствие затянулось дольше обычного. Ее не было уже несколько месяцев. А отец все твердил: «Ничего страшного. Не волнуйтесь». Но я, конечно же, волновался — можно подумать, я не видел, как он сам переживает. И один раз, когда я снова спросил его про маму, он ответил:

— Произошел несчастный случай. Она больше не вернется.

Сколько я ни пытался выпытать у него подробности, он только отмахивался: «Я не хочу об этом говорить», или «Мне нечего больше сказать», или «Не будем об этом»... Да, если уж отец замкнется, то дяде Джорджу с его молчаливостью до него далеко!

Словом, что именно случилось с моей матерью, я так и не узнал — пришлось просто поверить в то, что ее больше нет. А кому, скажите, понадобилось бы меня обманывать?

Я посмотрел на Бекки — мою соперницу и одновременно соратницу, готовую делить со мной все радости и потери, — и меня захлестнуло целое море противоречивых мыслей и чувств.

— Не понимаю, — произнес я наконец. — Неужели вам было мало просто ничего не говорить мне? Решили еще и нарочно ввести меня в заблуждение... Почему, почему ты знала, а я нет?!

Бекки направилась к поваленному дереву. Я пошел за ней.

— Сначала Том пытался кормить меня теми же сказками, что и тебя, — промолвила она, — но я очень быстро

раскусила, что это неправда, и сказала ему об этом. И вот тогда он попросил меня не говорить тебе.

— А он объяснил почему?

— Да. Он боялся, что ты вычислишь код и будешь пытаться ей помочь сам — а это бы только сорвало операцию. Том решил, что это единственный выход, чтобы быть спокойным и держать ситуацию под контролем. Ну, а если все получится — это был бы для тебя приятный сюрприз.

— А если нет — я бы уже и так знал худшее, да? Она что, с повстанцами?

— Да. Не думаю, что отцу все это очень нравится — так же, как и всем остальным, — но боюсь, что у него не было особого выбора. Она приняла это решение во время своей последней поездки.

— Почему?

— Собралась целая группа добровольцев — со всех белых зон. Большинство из них — специалисты по...

— По стрельбе?

— Да, и это тоже. Но не только. Ведь Агата вместе со своей сестрой долгое время жила в этой зоне по студенческому обмену. Она хорошо знает язык, ей там нравится, а ее сестра вообще вышла там замуж и осталась насовсем. И теперь...

— Ничего не понимаю, — перебил ее я. — Про Дэлу я, разумеется, знал, но я никак не думал, что это та самая зона... Она что — сама говорила тебе об этом, да?

— Так, между делом упоминала.

Бекки подошла к поваленному дереву и села. Только теперь я заметил, какой у нее усталый вид. Я опустился рядом с ней и принялся отламывать от ствола сучки, а затем кромать их на все более мелкие кусочки.

— Понимаешь, дело не только в ее мастерстве стрелка, — продолжала Бекки. — Это как раз не самое главное.

— А что же тогда главное?

— Ну... то же самое, что и у меня. Понимаешь?

Да, кажется, я понял, но... Я даже не сразу нашелся, как об этом сказать. Впрочем, когда не знаешь, что сказать, лучше всего говорить прямо.

— Выходит, моя мать — ведьма? — спросил я.

Бекки пожала плечами:

— Она никогда не любила это слово. Дело в том, что на языке древних религий оно имеет какое-то особое значение и предполагает особый статус. У нас его нет. Мы... мы просто умеем чувствовать и улавливать определенные сигналы — я уверена, именно поэтому она тогда вышла на меня. Ей нужен был кто-нибудь, чтобы передать свои знания.

— И как же тогда вас прикажешь называть?

— Да как хочешь, так и зови. В некоторых местах пользуются словом «чародейка»... Тому, конечно, все известно. Но вообще мы по обычаю сохраняем тайну. Особенно важно, чтобы «черные» не пронюхали, кто мы на самом деле. Тогда они быстро найдут способ от нас избавиться — как избавились от моей бабушки. Не любят они нас.

— Но почему?

— Потому что не понимают. И боятся. Ведь почти все мы на стороне «белых».

Мы помолчали немного, затем Бекки продолжила:

— В последнее время партизанам удалось освободить много городов. Люди там целиком перешли на их сторону. Сейчас у них две армии, и они снова готовятся к наступлению. Все надеются, что переломный момент достигнут и скоро судьба зоны будет окончательно решена...

— Мне уже приходилось слышать эти сведения, — перебил ее я. — Не далее как сегодня. Но, насколько я понял, никаким окончательным решением там даже и не пахнет. И именно поэтому здесь полная лужайка солдат. А честно тебе сказать — так мне кажется, — дела у них обстоят неважно. Похоже, «белые» собираются отправить им на подмогу еще одну группу.

— Ты прав, — ответила Бекки, — и не просто группу, а группу с особой миссией.

— Как я понимаю, это будет очень скоро.

Она кивнула.

— Да, уже скоро.

Я обломил последний сучок.

— И откуда только ты так много знаешь? — вырвалось у меня.

— Агата мне сообщает, — сказала Бекки, — когда мы с ней разговариваем. Кое-что я вижу, то есть чувствую, сама — в тот момент, когда оно происходит, а иногда и до этого.

— Так, значит, ты общаешься с мамой?!

— Угу. Иногда удавалось даже встретиться.

— Это все с помощью твоих свечек?

— Вроде того.

— А когда ты последний раз выходила с ней на связь?

— Сегодня ночью. Сначала я попыталась пробиться к ней, но она меня не пустила. Закрыла проход. Тогда я решила, что лучше перемещусь сюда. Но я уже была такая вымотанная, что начала плутать.

— А она... у нее все в порядке?

— Думаю, да. Правда, дела у них действительно неважные. Пока еще я не выяснила до конца, в чем загвоздка, но буду пытаться. Кажется, они должны что-то сделать, но они окружены...

— Они в опасности?

— Наверное.

— Что же нам делать?

— Пока не знаю. Нужно хорошенько все обдумать.

— А тебе не кажется, что следует пойти и рассказать все дяде Джорджу и тете Мерил?

— Нет, — сказала Бекки. — Они и без нас сообразят, что делать, когда придет время. А сейчас им все равно ничего не добиться. Выхода нет, полная блокада... — Она вдруг запнулась. — Блокада... Блокада... Блокировка! Ну да, конечно!

Она радостно вскинула взгляд и улыбнулась.

— И что? — спросил я.

— Блокировка! — воскликнула Бекки. — Мне кажется, именно в этом все дело! Но надо еще проверить.

— Ничего не понимаю...

— Потом поймешь, — перебила меня она. — Вот что, Джим. Мне нужна твоя помощь.

— Что я должен сделать?

— Сходить и принести мне поесть. Я ужасно голодна. И еще притащи какую-нибудь миску — только чистую.

— А почему ты не можешь пойти со мной в дом и поесть нормально?

— Ни за что! — заявила Бекки. — Тогда у нас ничего не получится. Они обязательно помешают нам — ведь они знают, кто я такая.

— Помешают? Чему же они помешают?

— Пока еще точно не знаю. Потом все объясню. Но, как бы там ни было, не говори никому, что я здесь.

Я посмотрел вверх на клочок пасмурного неба, неровно очерченный верхушками деревьев.

— Наверное, дождь пойдет, — заметил я.

— Ну, значит, я промокну, — вздохнула Бекки. — Так ты точно никому не скажешь?

— С какой это стати я стану кому-то говорить?

Дядя Джордж застал меня за поисками еды и миски. Когда он спросил меня, чем я занимаюсь, я вполне честно ему ответил:

— Вот ищу что-нибудь поесть.

— Ладно, когда поешь, зайди в библиотеку — нам надо потолковать, — сказал он.

Свершилось! Наконец-то он сподобился объяснить мне, что происходит. Может, хоть теперь мне удастся сложить из всех этих обрывков цельную картину.

— Пойдем лучше сейчас, — предложил я. — Перекусить я могу и попозже.

Он согласно кивнул, и мы отправились в библиотеку.

Скажу сразу: рано я радовался. Разговор наш был весьма далек от проблемы войны в черной зоне и судьбы моих родителей. Почему-то именно сейчас дядя Джордж решил преподать мне пространственный урок оборотневедения.

Впрочем, надо отдать должное, урок был совершенно захватывающим. Я просто в рот ему смотрел все время, пока он объяснял и показывал. Я узнал, например, что настоящий оборотень умеет перевоплощаться тогда, когда ему это понадобится, и полная луна совершенно не нужна. Еще я узнал, что превратиться можно не только в волка, хотя это и самое простое. Хороший оборотень способен

принять практически любой облик — разумеется, в рамках собственной массы и после определенной тренировки.

Слушать дядю Джорджа было так интересно, что я совершенно потерял счет времени и не заметил, как пролетела добрая пара часов. Наконец он закончил и добавил:

— Наверное, теперь уже и перекусывать ни к чему — и так обед скоро.

Какой же я кретин! Я сразу же вспомнил про Бекки, которая сидела там одна — голодная и холодная — и ждала, пока я принесу ей миску.

— Нет, я все-таки чуть-чуть перехвачу, — бросил я на ходу, пока шел к двери.

Дядя Джордж несколько странно взглянул на меня, а затем сказал:

— А я-то думал, ты захочешь задать мне еще какие-нибудь вопросы.

— А разве я получу на них ответ?

— Пока нет, — ответил он.

Я пожал плечами:

— Ну вот, собственно, так я и думал.

— Потерпи еще немного, — вздохнул он, провожая меня глазами. — Пойми, есть причины, чтобы не говорить тебе.

Я кивнул:

— Не сомневаюсь. Ну что, я пошел?

Дядя Джордж открыл было рот, чтобы что-то сказать, но потом, очевидно, передумав, закрыл его и просто пожал плечами. Я повернулся и вышел из комнаты.

По дороге в кладовую я размышлял — а может, в последний момент он действительно чуть не сказал мне больше, чем собирался сначала? Наверное, жалеет меня... Да какая теперь разница? Самое главное я все равно уже знаю.

Однако надо торопиться. Я вбежал в кладовую, быстро отрезал для Бекки по куску хлеба и сыра, а потом еще захватил пару яблок. Завернув все это в льняную салфетку, взял с полки небольшую миску и уже собрался идти, как вдруг услышал доносящиеся со двора знакомые выкрики. Я спрятал еду и миску под рубашку и вышел из дома.

Барри я обнаружил за конюшной, где он облюбовал себе ровную площадку. Насколько я знаю, то, чем он занимался, называется «ката» — попросту говоря, разминка, во время которой он изо всех сил махал руками и ногами, перемежая все это криками «ки-я!». Должен признаться, довольно красивое зрелище.

Впрочем, мои мысли занимало сейчас совсем другое: говорить или не говорить ему про Бекки? С одной стороны, я не знал, что она там задумала и к чему это все приведет. С другой стороны, Барри был нам не чужой и с самого начала принимал во всем участие — то есть был готов помочь. Смущало меня лишь одно: вдруг он вобьет себе в голову, что его долг — рассказать про Бекки Кендаллам?

Почему я принял тогда именно такое решение?.. Потом я думал об этом. Может, я просто доверял ему? Или все дело в том, что мне пришлось пройти мимо него по пути к Бекки и он заинтересовался, куда я иду?

Глава 10

Пока мы с Барри шли к тому месту в лесу, я рассказал ему про Бекки и про то, что узнал.

— Мне было очень тебя жаль, — хотел извиниться Барри, — но Том попросил меня не говорить об этом. Понимаешь, он мой шеф...

— Понимаю, — сказал я.

— Он думал, что ты будешь крутить ручку до последнего, пока не выйдешь на их частоту. И тогда переместишься к ней и...

— Правильно он думал, — вставил я.

— ...и наломаешь там дров.

— И это тоже запросто, — согласился я.

— Но я рад, что ты теперь все знаешь.

Я молча кивнул. Мне было не по себе, потому что мы уже подходили к тому месту, где я оставил Бекки. Я очень быстро нашел поваленное дерево, однако там никого не было. Тогда я огляделся вокруг — Бекки как сквозь землю провалилась. И только спустя несколько секунд я сообразил, что некий предмет, который я поначалу принял за

валун или пень, и был ею. Бекки сидела на корточках и не двигалась.

— Послушай, — окликнул я ее. — Ты уж меня прости, но раньше я просто не мог вырваться...

— Знаю — я все вычислила, — подняв голову, сказала она. — Давай мне еду и постарайся не наступить на мой рисунок. Привет, Барри.

Подойдя поближе, мы увидели, что Бекки окружила себя со всех сторон сложным узором из переплетенных линий, которые она нацарапала прямо на земле. Возле ее правой руки лежала какая-то сырая на вид палочка, а с левой стороны возвышалась кучка таких же сухих. Барри остановился и стал с подозрением и опаской разглядывать все эти художества. Я аккуратно, стараясь не наступать, прошел между линиями и отдал Бекки все, что принес. Завтрак она взяла, а миску вернула со словами:

— Иди и вымой ее в ручье. Потом наполнишь на две трети водой и принесешь сюда.

Пока я ходил к ручью, где-то вдалеке несколько раз громынуло, но дождь все не начинался. Я вернулся к Бекки, которая еще продолжала есть, и осторожно, стараясь не расплескать на рисунок, поставил перед ней миску с водой. И тут мой желудок, — видимо, почувствовав близость еды, — властно дал о себе знать. Как же я забыл — сам-то я тоже не обедал. Эх, надо было брать больше!

Бекки протянула мне пустую салфетку и яблочные огрызки.

— Убери, пожалуйста, — попросила она.

— Хорошо, — сказал я. — А потом что?

— А потом жди, — ответила Бекки. — Вон там. — Она махнула рукой в сторону, где сидел в траве Барри.

Сначала я зашвырнул огрызки в кусты, а салфетку сложил и засунул в карман. Затем пристроился на корточках рядом с Барри, и мы стали ждать.

— Что она делает? — прошептал он.

— Похоже, просто пялится на миску с водой, — сказал я.

Это продолжалось довольно долго, но идиллию прервал раздавшийся со стороны дома звон колокольчика — зво-

нили к обеду. Почти сразу же мы услышали, как позвали сначала меня, а потом Барри. Это был голос тети Мерил.

Барри тихонько выругался себе под нос и поднял на меня вопросительный взгляд.

— Нам нельзя идти, — сказал я.

— Знаю, — ответил он. — Но они ведь могут отправиться нас искать?

— Давай подождем и тогда увидим.

Через несколько минут тетя позвала снова. И опять мы не подали никаких признаков жизни. Но уже вскоре Бекки скомандовала:

— Идите сюда.

Мы встали и осторожно прокрались к ней по лабиринту рисунков. Продолжая сидеть и даже не повернув головы в нашу сторону, Бекки сказала:

— Теперь я поняла, что произошло. Положение совершенно безвыходное...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Барри, когда пауза начала перерастать в неловкое молчание.

— Страсти разгорелись вокруг главной установки — это нечто вроде электростанции, — пояснила Бекки. — Повстанцы находятся как раз рядом с нею, и если им удастся ее захватить — победа обеспечена. Тогда в их власти будет целая область. Но для этого надо вырваться из кольца «черных» сил, которые зажали их там и не выпускают. Обе стороны отлично сознают, насколько важен исход этой схватки. И обе ждут подкрепления. К кому подкрепление подоспеет раньше — тот и победит.

Снова послышался звон колокольчика. И снова выкрикнули наши имена. На этот раз голос тети Мерил звучал весьма раздраженно.

— А где находится армия подкрепления «черных»? — спросил я.

— Они уже в пути и везут с собой артиллерию.

— А где наши?

— Наши ждут — рассыпаны по всем белым зонам, — ответила Бекки, и я сразу вспомнил о военном лагере перед домом. — Но они не могут переместиться туда, чтобы помочь повстанцам. — Послышался новый раскат грома, на

кусты и деревья с шумом налетел ветер. — Дело в том, что «черные» глушат все сигналы с их транскомпа, — продолжала Бекки, отвечая на мой вопросительный взгляд. — Они узнали частоты, на которых работает пиратская установка, и теперь блокируют их своей собственной машиной.

— Так, значит, «черные» победят — как только к ним подоспеет помощь... — вымолвил Барри.

— Если только никто не выведет из строя их приемник, — процедила сквозь зубы Бекки.

— Но мы же не можем никого туда послать, когда зона блокирована, — сказал я. — Получается замкнутый круг — прямо по Хеллеру. Ловушка-22.

— Я в состоянии нас перебросить, — тихо сказала Бекки. — Так же, как переместилась сюда.

— Но ведь, кажется, этот путь мама тоже заблокировала, — возразил я.

— Нет, она заблокировала только путь к ней самой. Не может же она закрыть от меня всю эту чертову зону.

— Значит, говоришь, мы можем туда переместиться... — прищурился на нее Барри. — Ну и что, ты полагаешь, сумеют сделать трое ребятишек против хорошо вооруженного войска? Не представляю, как бы мы смогли добраться до этого приемника.

— Там сейчас уже ночь, — пояснила Бекки. — Я могу спрятать нас в темноте так, что они не смогут нас обнаружить — по крайней мере какое-то время.

Снова послышался шум листвы, но на этот раз никакого ветра не было.

Странно — ни один из них не обратил на это внимания. Я решил тоже ничего не говорить. А вообще, если честно, предложение Бекки казалось мне несколько сомнительным — только я никак не мог понять почему.

— Бекки, — сказал я наконец, — ты что-то от нас скрываешь.

Впервые за все время она подняла голову и посмотрела мне в глаза. И тут я увидел, что в глазах у нее стоят слезы.

— Я рассказала вам все самое важное. Если нам удастся переместиться прямо к ним в лагерь и вывести из строя

приемник, то партизанский транскомп снова заработает. Тогда повстанцы получают подкрепление и кучу всякой боевой техники. Если мы успеем проделать это все до того, как прибудет «черное» подкрепление, партизаны прорвут блокаду и выиграют сражение. Ведь если они получают помощь, то захватить станцию для них не составит никакого труда. Конечно, бои продолжаются и в других местах, но этот рубеж — самый важный. Если они освободят эту территорию — всей войне конец. Останется только восстановить разрушенное и навести порядок...

— Это-то все мне понятно, — вставил я. — Но я говорю о другом. Ведь там мама и папа.

— Да. Наверное, Том успел перебраться туда прямо перед тем, как начали глушить.

— Но как же мама со своими чарами — а они у нее небось посильнее, чем у тебя? Разве она не может точно так же сделать кого-нибудь из повстанцев невидимыми, чтобы они разобрались с этим несчастным приемником?

— Они и ее глушат, — сказала Бекки.

— Как же это можно — глушить чародейство, а, Бекки?

— На одно чародейство всегда находится другое чародейство, — ответила сестренка. — Ей и без того приходится защищаться. Сделай она малейшую ошибку — они же просто испепелят ее. Нет, по этой части там полная блокада.

— Не знал, что среди «черных» тоже есть такие.

— Их не очень много. И все же нашлось несколько изменников, которые работают на «черных». Одного из них специально взяли на эту операцию, потому что знали, что у повстанцев есть человек, который владеет чарами.

— И сколько же времени может продлиться такая дуэль? — спросил я.

— Пока один из чародеев не ошибется, — ответила Бекки.

— Я имею в виду, сколько сумеет продержаться мама?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Мне лично никогда не приходилось этим заниматься. Наверное, это зависит от того, насколько сильны у каждого из них чары.

— Если я правильно понял, — заметил я, — ты вроде способна с помощью каких-то заклинаний перенести нас

в лагерь в черную зону. Но ведь у них есть своя чародейка, разве она не сумеет перехватить нас, когда мы появимся?

— Во-первых, не чародейка, а чародей, — поправила меня Бекки. — Кстати, по-моему, он откуда-то из этих мест. А во-вторых, я рассчитываю, что он настолько поглощен поединком с Агатой, что может и не почувствовать нашего приближения. Но даже если и почувствует, то ему придется отвлечься от Агаты, чтобы перехватить нас. Некоторое время я смогу защищать нас своим полем — за это время Агата как раз с ним разберется.

— Послушай, Бекки, — сказал Барри, — если уж ты берешься перебросить нас, то почему бы тебе не попробовать перевести туда всех этих солдат, которые на лужайке? Если бы они попали в тыл к врагу или зашли с фланга, партизанам точно бы удалось прорваться. И «черные» были бы окружены.

— Да нет, — ответила Бекки. — Я просто не обладаю такой силой. Одно дело — переместить небольшую группу и совсем другое — оперировать огромными массами. В моих силах перебросить всего несколько человек...

— И вот еще что мне пришло в голову, — перебил ее я. — Допустим, мы перенесемся в лагерь противника и даже ломаем им машину. Но вот вопрос: как мы оттуда выберемся?

Бекки отвернулась.

— Главное будет продержаться до тех пор, пока партизаны не пойдут в наступление, — ответила она. — Мы можем спрятаться... или убежать... в зависимости от обстоятельств.

— Понятненько, — вздохнул я, вдруг почувствовав, как у меня пересохло во рту.

В общем-то, она могла и не отвечать на этот вопрос — я заранее знал, что услышу в ответ.

Барри только улыбнулся и кивнул. Тоже мне — мистер Ледяное Спокойствие. У них это любят: мол, вернемся со щитом — или на щите... Даже песни про это сочиняют. Что до меня, так мне совершенно ясно: даже если мы и проникнем туда и все у нас получится, нам все равно не суж-

дено остаться в живых. Другое дело, что, если мы этого не сделаем, тогда погибнут мои родители.

Только не говорите мне, что я должен проявлять благородство и самоотверженность и думать о судьбе всей зоны. Да, я не благородный и не самоотверженный. Что для меня какая-то абстрактная «зона»? Единственные люди, о которых я беспокоюсь по-настоящему, — это мои родные. К святости я не стремлюсь и вообще считаю, что весь этот героизм — сплошная глупость.

Поэтому я сказал:

— Что ж, ничего лучшего я придумать не могу.

— Тогда нам надо поскорее трогаться, — заявила Бекки. — А то вот-вот пойдет дождь и размочит все мои значки. — Она окинула взглядом свои художества.

— Хорошо бы как-нибудь сообщить о себе тете Мерил и дяде Джорджу, — заметил я.

— Если у нас все получится, то они очень скоро узнают обо всем сами, — сказал Барри и достал из кармана складной нож. — Пожалуй, пока мы здесь, срежу-ка я какое-нибудь деревце. Если обрезать сучки, получится отличная штука.

Бекки взглянула вверх на наползающие тучи:

— Ладно, только давай побыстрей.

Барри слегка углубился в лес, и я проводил его взглядом.

На руку мне упала первая капля, потом вторая упала на щеку. Рядом в кустах послышался какой-то шорох, но я подумал, что это ветер.

— Крутая же ты девчонка, Бекки, — сказал я, но она ничего мне не ответила.

Вместо этого она начала раскладывать сухие палочки возле одного из своих рисунков. И принялась тихонько, едва слышно, напевать.

Некоторое время я смотрел на нее. Узор, который се-стренка выкладывала из палочек, был немного похож на тот, что она выкладывала из медных стерженьков, когда перемещала меня в первый раз. Во всяком случае, я заметил в нем некоторые общие фигуры. Когда она закончила, то встала и оценивающе оглядела проделанную работу —

при этом она не прекращала тихо и заунывно напевать. Немного погодя ее пение стало сопровождаться каким-то странным клацающим звуком — сначала я даже не понял, как она его производит.

Чуть позже появился Барри, уже вооруженный, и встал рядом со мной. Лицо его было еще даже более бесстрастным, чем обычно, взгляд полон решимости.

— Ну все, — объявил он. — Я готов.

Бекки ничего не ответила — только пение ее стало громче, а клацанье теперь еще и перемежалось с каким-то скрежетом. Потом я понял, что это было: в левой руке у нее я заметил два небольших гладких камушка. Их-то она и терла друг о друга, а иногда и стучала ими в такт своей песне. И вдруг я почувствовал близость чего-то легкого, дрожащего...

Я рывком повернул голову налево, и у меня вырвался невольный вздох. Это был туман! Он вернулся на свое прежнее место между деревьями. Поначалу зыбкий и негустой, он на глазах набухал влагой и уплотнялся.

Только сейчас я заметил, что один из рисунков Бекки простирается как раз в сторону места, над которым висела теперь дымка, — словно дорожка, ведущая в туман.

На меня снова упали дождевые капли, вокруг нас уже вовсю бушевал ветер, но этому туману было все нипочем.

Наконец Бекки поднялась с земли и пошла по кругу, осторожно ступая между узорами. Нам она жестом велела идти за ней след в след.

Я пристроился за Бекки, а Барри — за мной. Мы двигались против часовой стрелки, петляя, словно в каком-то лабиринте. Все это время Бекки не переставала скрежетать камушками и петь. Иногда ее пение тонуло в порывах ветра и шуме дождя, который теперь уже поливал вовсю. И вот мы сделали последний круг и оказались как раз напротив дорожки, ведущей в туман. Краем глаза я заметил справа от себя какое-то движение. Но уже через три шага напрочь забыл об этом.

Мы вошли в туман — сразу звуки грозы почти что стихли и перестал капать дождь. Ощущения были примерно те же, что и в прошлый раз. Мы шли и шли, и казалось, жал-

кое белое облачко, в которое мы забрели, не в состоянии вместить такие просторы. Земля под ногами стала мягкой, как трясина. Бекки продолжала петь, но каким-то другим, будто чужим, голосом. Кроме ее песни, я ничего больше не слышал — даже собственного дыхания.

Вокруг нас плотной стеной стоял жемчужно-серый сумрак. Прямо перед собой я с трудом различал спину Бекки, а позади себя даже не слышал, а лишь смутно ощущал шаги Барри. И все-таки пробираться сквозь эту муть всем вместе было гораздо легче, чем шагать в ярком свете, но одному.

Наконец белая стена перед нами начала растворяться, а потом и вовсе исчезла. Теперь мы шли по лесу. Стояла глубокая ночь. Прошло еще какое-то время, прежде чем Бекки подняла руку и остановилась.

— Что там? — шепотом спросил я.

— Пришли, — сказала она.

Глава 11

Мы присели на землю, и Бекки тихонько развела руками листву, чтобы показать нам, куда именно мы пришли.

Прямо перед нами был военный лагерь. Тут и там стояли палатки, валялись на земле свернутые походные матрасы, горели костры и ходили дозором вооруженные охранники. Вдалеке, слева от нас, громоздилось еще какое-то строение — по всей видимости, партизанский объект. Должен сказать, что по виду он ничуть не напоминал электростанцию — во всяком случае, я таких не видел. Это было гигантское сооружение, обнесенное забором из проволоки и состоящее из множества высоких, хрупких на вид башенок — каждую из них окружал ореол голубого света. Между ними располагались более приземистые постройки в форме кубов. Связывали же всю конструкцию воедино протянутые от одного здания к другому спиралевидные канаты. Кое-где были видны одинокие фигурки людей — видимо, охранников.

Я посмотрел направо — совсем вдалеке маячила горная гряда. На пологих склонах тоже наблюдались признаки

жизни: горели костры, бродили патрульные. Скорее всего там обосновались повстанцы. Возможно, где-то среди них были и мои родители...

Бекки слегка пошевелилась и отвлекла нас с Барри от созерцания окружающего пейзажа. Я вопросительно взглянул на нее и обнаружил, что она внимательно смотрит налево, куда-то вдаль. Я, конечно, тоже стал смотреть туда и поначалу не заметил ничего особенного.

Но затем, когда я несколько раз обшарил взглядом пространство, лежащее за лагерем, я увидел какие-то движущиеся черные точки.

— Наверное, это их дополнительные войска... — послышался шепот Барри. — Похоже, они решили подтянуть туда артиллерию.

Бекки снова пошевелилась.

— Надо срочно к ним внедряться, — сказала она.

— Скорее всего «черные» постараются побережь патроны для дневного времени, — заметил Барри. — Гораздо удобнее, когда видишь, во что ты стреляешь.

— Даже если так, нам все равно некогда ждать. Мои чары лучше всего действуют ночью — да и повстанцам надо получить подмогу как можно быстрее. И потом, нужно еще время, чтобы перебросить войска и объяснить им, что к чему...

— Пожалуй, ты права, — согласился Барри. — Так что же делать?

— Сейчас мне понадобится полная тишина — минут на десять, — произнесла Бекки. — Я должна выставить защитное поле. Я скажу, когда все будет готово, — и тогда сразу же идем в лагерь.

— А ты знаешь, в какой из палаток находится их машина? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Придется поискать.

— Мне кажется, надо смотреть в тех, которые стоят на более возвышенном месте, — высказал предположение Барри. — Может быть, вот в этой, большой, ближе к краю.

— Ну что ж, тогда с нее и начнем, — решила Бекки.

Мы встали с колен и, отойдя немного назад от своего наблюдательного пункта, вышли на небольшую полянку.

Там Бекки снова уселась на землю. По виду можно было подумать, что она просто глубоко задумалась. Я расположился слева от нее, Барри — справа. Некоторое время мы просто сидели и ждали — как вдруг я начал что-то чувствовать.

Лес как будто ожил вокруг нас. Теперь тень от деревьев окутывала наши тела, словно тончайшей паутиной. Нет, эта штука была даже тоньше, чем обычная паутина. Она скорее напоминала легкий ветерок — если бы он вдруг стал просто тканью. По-настоящему, конечно, никакого ветра не было.

Тут Бекки встала.

— Возьмите меня за руки.

Мы так и сделали, и она повела нас между стволами. Я не ощущал на теле ничего реального, и в то же время зрение у меня явно изменилось. Теперь источники света, — например, костры — я видел размыто, нечетко, а неосвещенные места, наоборот, словно искрились лунным светом. Разумеется, никакой луны на небе не было.

Шли мы молча, и я слышал каждый удар собственного сердца. Чем ближе мы подходили к лагерю, тем чаще и громче становилось мое дыхание — мне даже приходилось сдерживать его. Когда мы пересекали границу, я мысленно приготовился к тому, что нас окликнут часовые... Но нет, благополучно. Так. Значит, когда мы подойдем к первой палатке... Сейчас кто-нибудь выйдет и...

Опять ничего.

Мы продолжали идти. Несколько раз мы останавливались и пропускали каких-то людей, — кажется, никто из них нас не заметил.

Удивительно — я и не думал, что Бекки такой специалист своего дела. Я решил, что больше никогда не буду над ней подшучивать. Однако, как я понял, заклинание на маскировку не давало стопроцентной гарантии, и поэтому Бекки старалась вести нас всякими окольными путями, избегая слишком больших скоплений людей. Один раз мы прошли мимо какого-то солдата, который, казалось, смотрел на нас во все глаза, — но он только потряс головой и потер уши, провожая нас взглядом. Возможно, он обладал

повышенной по сравнению с другими чувствительностью. Мы постарались поскорее скрыться из поля его зрения.

Пока мы шли, я обдумывал наши дальнейшие действия. Если приемник окажется действительно в той палатке, которую мы выбрали, то после того, как мы разберемся с ним, нам лучше уходить в ту же сторону, в какую мы движемся сейчас, то есть в дальний конец лагеря. Тогда нам останется пересечь только небольшой открытый участок с левого фланга — и снова начнется лес.

Слева вдалеке прогремел взрыв. Следом за ним почти сразу грянул другой. Эхо последнего еще звенело в воздухе, а мы уже поняли, что это значит, — хотя никто из нас не произнес ни слова. Обстреливали склон горы, причем стреляли с левой стороны, так что снаряды летели прямо над лагерем. Мы ускорили шаг. Надо как можно быстрее разыскать этот несчастный приемник!

Наконец мы дошли до заветной цели. Со стороны было очень похоже, что это именно та палатка, которую мы искали. На переднем острие крыши торчало нечто вроде антенны, а возле задней стенки стоял небольшой работающий генератор. Бекки остановила нас, чтобы немного осмотреться на месте.

Прозвучало еще несколько взрывов. Если те первые удары можно было считать пробными, то теперь огонь велся достаточно методично. Похоже, «черные» начали обстрел.

При таком шуме разговаривать шепотом никак не получалось, а кричать друг другу мы попросту боялись — таким образом мы могли привлечь к себе внимание даже невидимые.

Возле входа в палатку, опираясь на ружье, стоял часовой. Барри толкнул в плечо сначала меня, потом Бекки, а затем указал поочередно на часового и на свое самодельное оружие. Мы с Бекки переглянулись и одобрителем кивнули. Другого способа пройти через пост часового я, например, не видел. Если бы мы просто сбоку проделали в палатке дыру, это даже скорее привлекло бы всеобщее внимание. Бекки — так же жестами — показала, что мы должны обязательно двигаться вместе, не расцепляя рук,

иначе ее заклинание перестанет действовать. Барри кивнул, и мы пошли.

Артиллерийский огонь ни на минуту не прекращался, тут и там со склонов гор поднимались облачка серого дыма. Насколько он был разрушительным, я в точности не знал. Единственное, что я смог определить — по частоте ударов и источникам вспышек, — это что бой ведется сразу по трем направлениям.

Пока мы осторожно подкрадывались к полусонному часовому, я уже мысленно представлял себе, что сейчас будет. Я нисколько не сомневался, что Барри с легкостью его уложит — причем достаточно мягко, чтобы не причинить сильного вреда. Не напрасно же он всю жизнь тренировался. Но что нам делать с этим бедолагой, когда он упадет? Не можем же мы бросить его лежать у входа в качестве живой рекламы своего налета на палатку? Значит, его следует немедленно затащить внутрь. Придется действовать быстро. И еще надо будет обязательно оставить кого-нибудь сторожить вход на случай, если в палатку войдет враг. Пусть даже для этого придется расцепить руки и стать снова видимыми. Да, если это не та палатка, то вся наша операция будет, по-видимому, сорвана... И даже если это окажется нужная палатка, мы все равно не знаем, сколько там внутри сидит народу...

Бекки остановилась и слегка обняла нас с Барри за плечи, чтобы мы остановились тоже. Затем подтолкнула друг к другу наши головы, и в результате ее губы оказались прямо возле наших ушей. После этого она заговорила, стараясь перекрыть голосом грохот орудий:

— Послушайте, что-то мне здесь не нравится! Что-то такое есть в этой палатке... что-то нехорошее.

— Но что? — осторожно спросил Барри.

— Не знаю, — ответила Бекки. — Палатка именно та, что нужно. Но там... понимаете, там вроде какая-то ловушка. Я прямо чувствую, как оттуда исходит опасность...

Мы с Барри переглянулись. Опасность? Но мы ведь заведомо шли на опасность, так что ничего нового она нам не сообщила. И потом...

— А разве у нас есть другой выбор? — спросил Барри.

Бекки помолчала, затем кивнула.

— И все-таки там что-то странное... — добавила она.

— Думаю, в любом случае мы уже исчерпали все меры предосторожности, — сказал я.

Она снова кивнула, и мы решили действовать по плану.

Пока мы подкрадывались к часовому, я думал, что вот сейчас было бы как раз неплохо, если бы их дурацкая артиллерия громыхала подольше и посильнее — тогда наша операция потонет в шуме.

Когда мы подошли ближе, часовой забеспокоился и начал озабоченно смотреть по сторонам. Несколько раз его взгляд скользил прямо по нас, но так и не мог ни за что зацепиться. Мы подобрались еще ближе. И вдруг Барри сделал выпад. Он так быстро взмахнул своей штуковиной, что я не успел ничего сообразить. Получив удар в область за правым ухом, часовой стал медленно оседать на землю, тогда как Барри уже успел нырнуть в палатку.

Времени на раздумья не было. Барри сейчас навряд ли потребуется моя помощь, поэтому я решил действовать по плану — то есть прежде всего избавиться от свидетелей. Поэтому я подхватил часового под мышки и стал затаскивать его внутрь. Бекки тем временем подобрала ружье и протиснулась следом. Я еще не успел разогнуть спину и повернуться, как услышал звуки потасовки.

Быстро опустив часового на пол, я обернулся и окинул взглядом помещение. В глубине стоял стол, на котором я увидел некий прибор, отдаленно напоминающий тот транс-комп, что был у нас дома. Судя по мигающим лампочкам, он работал. Перед ним на стуле сгорбился какой-то человек в коричневом костюме — видимо, оператор. Он был без сознания. Возле стола и шла потасовка — Барри дрался со вторым обитателем палатки, который защищался от него лопатой. Оба кружились, словно в танце, уворачиваясь от ударов друг друга. Внезапно Барри бросился на пол и резко подхватил противника под колени — это был один из его излюбленных приемчиков. Когда тот упал, Барри нанес ему серию ударов по шее и по животу. После этого противник затих.

— Bravo, — раздался вдруг голос откуда-то из дальнего угла палатки. — Такой молодой — кто б мог подумать...

Бекки только что положила на пол ружье и уже направилась к транскомпу, но этот уверенный, насмешливый голос заставил нас обоих застыть на месте и обернуться. Вскоре мы увидели и его обладателя — он пружинисто поднялся с походной кровати, которой мы раньше не заметили.

Босой, в черных брюках и того же цвета рубашке с расстегнутым воротом. На открытой волосатой груди я заметил какой-то медальон. Я бы не сказал, что такой уж атлет — скорее незнакомец был даже хрупкого телосложения. Ростом, может, чуть повыше, чем Барри. Длинные черные волосы сзади собраны в хвостик, в левом ухе поблескивала серебряная сережка. У него были очень темные, почти черные глаза, а когда он поднял руки, я увидел, что пальцы у него унизаны перстнями.

Когда Барри сделал к нему шаг, при этом воинственно помахивая своей палкой, у Бекки вырвался сдавленный крик.

— Это он... — явственно прозвучал в тишине ее голос, и я вдруг осознал, что артиллерийский огонь почти смолк.

— Кто? — спросил я.

— Тот, кого я видела...

Вслед за этим раздался какой-то хруст и треск — и на наших глазах оружие распалось надвое прямо в руках у Барри. Мужчина двинулся на Барри, и тот с размаху швырнул в него два обломка, которые остались у него в руках. Однако незнакомец отмахнулся от них, как будто это были назойливые мухи, и продолжал спокойно надвигаться на Барри.

Только сейчас до меня дошло, о ком говорила Бекки. Это и был тот самый завербованный «черными» волшебник, которого, как утверждала сестренка, немедленно испепелят мамины чары, стоит только отвлечь его внимание от поединка с ней. Однако сейчас его внимание было явно сосредоточено на Барри, тем не менее он чувствовал себя при этом прекрасно. Неужели ему удалось победить маму, неужели он убил ее?

От этой мысли у меня сами собой сжались кулаки, и мне захотелось самому броситься на этого гада. Однако Барри опередил меня.

Он сделал стремительный выпад, который он, кажется, называл при мне «удар с разворотом». Но еще когда он был в воздухе, чародей спокойно отступил в сторону — словно прочитал его мысли. Более того, он успел поднять руку и слегка дотронуться до вытянутой ноги Барри — даже не ударить, а только коснуться. После этого Барри рухнул на спину и больше не шевелился.

Мужчина улыбнулся и поднял голову. Посмотрел на Бекки. Потом на меня.

— ...А зовут его Ворон! — сказала Бекки. — Разбивай машину! — крикнула она мне.

Пока сестренка произносила все это, она успела поднять руки и теперь держала их перед собой. Мужчина снова перевел на нее взгляд.

— Какие мы быстрые, — сказал он и тоже поднял руки.

— Что с Агатой? — спросила Бекки.

Некоторое время он молча сверлил ее взглядом, как будто взвешивал про себя, не будет ли слишком опрометчиво сказать ей правду. Затем ответил:

— Не знаю. Наш контакт оборвался, как только начали обстрел. Может, ее ранило. А может, и убило. Во всяком случае, я ее больше не чувствую.

И тут я почти физически ощутил, как между ними повисло в воздухе страшное напряжение, как будто они сцепились в поединке по армреслингу. Только при этом они стояли на приличном расстоянии друг от друга и состязались обеими руками.

Я начал потихоньку продвигаться поближе к транскомпу. Мужчина — теперь я знал, что его зовут Ворон, — бросил на меня взгляд, в котором читалось явное намерение мне помешать. Однако почти сразу он сморщился и снова повернул голову к Бекки. Я сделал еще один шаг, смутно осознавая, что только что избежал чего-то поистине ужасного. Тем не менее каждое движение давалось мне с трудом.

— А ты сильная, детка, — заметил мужчина. — Бекки, да? Но ты уже подустала — заметно подустала...

— Так же, как и вы! — заявила Бекки.

— Но я ведь все равно сильнее, да и знаю побольше твоего.

Он сделал шаг вперед. Бекки отступила. С обоих ручьями лил пот.

Я поискал глазами какой-нибудь предмет, подходящий для того, чтобы разбить транскомп. Вон там есть лопата — но она лежит слишком близко к Ворону... И тогда я решил, что единственно верным решением будет просто скинуть машину со стола. Я уперся в нее обеими руками и подтолкнул. Машина не сдвинулась с места. Она была жутко тяжелая...

Ну хорошо же. Бекки снова отступила — Ворон продолжал на нее надвигаться. В это время я ухватился за край стола и попытался приподнять его. Он приподнялся лишь чуть-чуть, самую малость. Барри пошевелился и застонал.

Тогда я повернулся к столу спиной и снова ухватился за край. Затем согнул колени, слегка присел и изо всех сил попытался разогнуть ноги.

Бекки опять отступила — на этот раз к самой стене. Прижавшись к ней, она подняла руки к лицу и стала тихо всхлипывать. Ворон засмеялся.

— Неплохо, детка, неплохо, — сказал он и вышел вперед, — но и недостаточно хорошо...

Мне казалось, что руки у меня выскочат из суставов, но ножки стола начали наконец отделяться от земли. Ворон, кажется, заметил это, потому что он тут же отвернулся от Бекки и впери свой взгляд в меня. Я сразу почувствовал тогда, что он хочет меня убить, поэтому налег на стол еще сильнее. Где-то на полу снова зашевелился Барри — кажется, он пытался встать, но был еще слишком слаб, чтобы прийти мне на помощь.

И вдруг... Полог палатки откинулся, и внутрь одним прыжком влетел здоровенный серый волчище.

Я сделал последнее отчаянное усилие. Стол наконец поддался, и транскомп с грохотом рухнул на пол. В это время Ворон уже лежал лицом вниз, а возле его шеи клацали огромные клыки и раздавалось глухое рычание дяди Джорджа.

Глава 12

Насколько я понял, в ту ночь мы все погибли, а потом нас там же и похоронили. Но я отлично помню, как убежал через дыру, которую прогрыз дядя Джордж в дальнем конце палатки; на одной руке у меня висел Барри, на другой — Бекки. В это время как раз начался очередной артиллерийский обстрел. Сначала мы кое-как добрались до деревьев, где можно было немного укрыться, а потом перебежками рванули в сторону гор.

Почти до самого рассвета мы ползли вверх по склону. Затем свернули направо и двинулись к расположению партизан. А когда уже совсем утром мы все-таки дошли до них — началось наступление на лагерь «черных».

Мы стояли и смотрели, как длинными шеренгами по склонам спускаются тысячи и тысячи воинов, которые, видимо, собрались сюда со всех белых зон. Вскоре обстрел прекратился, зато теперь до нас с поразительной ясностью доносились все звуки боя.

Не знаю, сколько мы так простояли, но в конце концов лагерь «черных» был взят. После этого наши войска сразу же двинулись к энергетическому объекту. Вид у станции был совершенно нежилой — будто ее населяли гномы, которые прячутся от дневного света. Впрочем, и сдали объект почти без борьбы. Видимо, все это время защитники станции наблюдали за ходом сражения и решили, что положение их безвыходно.

Только сейчас, когда исход битвы был уже ясен, я почувствовал, насколько мне жарко — на небе уже всю светило солнце. По высоте его я понял, что мы проторчали на склоне несколько часов, хотя для нас они пролетели как одно мгновение.

Мы немного не дошли до расположения партизан, — вернее, до места, где еще вчера они располагались, поэтому теперь снова зашагали по склону горы. Чем ближе мы подходили к лагерю повстанцев, тем чаще нам попадались на пути воронки от снарядов и груды развороченных камней. Дядя Джордж уже принял свой обычный человеческий облик и натянул какую-то одежду, которую нашел в разрушенной палатке.

Запах моих родителей мы с ним учуяли одновременно. Оба рванули вперед и обогнули каменный выступ... Там прямо на земле, прислонившись спиной к большому валуну, сидел мой папа — на голове его белели бинты. Рядом, завернутая в одеяло, спала мама.

Мы с Бекки скорее бросились к ним и почти свалились в их объятия. Барри чуть отстал, но на лице его была счастливая улыбка.

Дядя Джордж прищурился на маму, затем на отца.

— Хлопотная выдалась ночь... — сказал он.

Ни Барри, ни Бекки сильно не пострадали от поединка с Вороном. Даже моя мама с честью вынесла дуэль с чародеем, хотя и сильно устала. Впрочем, поводов для усталости у нее было предостаточно и без него.

Мне она шепнула очень тихо, что решила на обман, потому что думала — так для меня будет лучше. На это я возразил ей — я достаточно большой, чтобы разобраться в любой ситуации.

В ответ она лишь согласно кивнула. Дядя Джордж уже успел рассказать ей про все, что мы сделали.

— Больше — никаких секретов, — заверила меня она. — Обещаю.

Ну что я мог ей сказать? Что я доволен? Для меня это был просто урок взросления — больше ничего.

— Главное, теперь ты в безопасности, — улыбнулся я.

Наконец-то мы могли поговорить с дядей Джорджем. Оказалось, что еще во время нашего урока оборотневедения он заподозрил неладное. А уж когда мы не явились на призывы к обеду, он и вовсе решил, что пора обследовать окрестности. Приняв самый что ни на есть незаметный облик, он нашел нас и стал вести наблюдение. Стоило ему увидеть среди нас Бекки, как он сразу понял, что мы собрались делать. Поэтому, когда дело пошло к перемещению, он просто прокрался следом за нами — сначала по узорам на земле, потом — по туману.

Папа попросил Бекки рассказать ему всю историю с самого начала. Я-то думал, он расстроится из-за того, что тому «черному» все-таки удалось уйти, но он почему-то

больше всего забеспокоился, когда сестренка упомянула про доктора Вейда.

— Доктор действительно говорил, что у него в папке появился какой-то новый материал?

— Да, — ответил я. — Он прямо весь дрожал — так ему хотелось поскорее его просмотреть.

Папа поднял глаза к небу и что-то замычал себе под нос, как делал обычно, когда пытался прикинуть что-то в уме. Затем перевел взгляд на маму:

— Значит, примерно утром он должен отбыть домой... Очень может быть, что он еще там, — тем более если поздно лег спать.

Она кивнула:

— Понятно. Я готова.

Они оба встали.

— Пошли. Надо спешить.

Они бросились к транскомпу, и дядя Джордж согласился побыть немного в роли оператора, а заодно посмотреть, не прибывают ли еще наши. Проверив несколько частот, он сказал, что приток сил продолжается. Перед тем как я переместился, дядя стиснул мне плечо.

— На днях надо встретиться — хочу дать тебе еще несколько уроков, — произнес он.

— Ну конечно, — ответил я. — Спасибо тебе за все.

И дядя Джордж улыбнулся — первый раз в жизни я увидел, как он улыбается.

Можно было и не торопиться. Когда мы вернулись домой, доктор Вейд еще спал. Таким образом, у нас как раз оставалось время, чтобы помыться (а некоторым — и побриться) и приступить к приготовлению плотного завтрака.

Все получилось так, как мы рассчитывали. Доктор проснулся, когда все было уже почти готово. Меня послали к нему на другую половину, чтобы я пригласил его к завтраку. Доктор охотно согласился. Кажется, он пребывал в прекрасном расположении духа.

— Получилась необычайно плодотворная поездка, — сказал он.

— Да что вы говорите! Рад слышать. Встретимся внизу, — ответил я.

Во время завтрака доктор просто сиял от счастья. Торопливо и без интереса выслушав папины объяснения — включая рассказ о неприятном инциденте, происшедшем с его шевелюрой и приведшем к частичному ее упразднению, — доктор тут же принялся обсуждать с ним некие уравнения, которые он случайно откопал вчера у себя в папке и которые, по его словам, объясняли некий феномен под названием «мозаика частиц». Я, честно говоря, не понял, что он имел в виду: то ли он говорил о чисто теоретической концепции энергетических уровней в физике частиц, то ли о способе использования ее в производстве оружия или для добычи чистой энергии. Бекки, Барри и я быстренько управились с завтраком и смылись, оставив доктора пить кофе с родителями.

Потом, когда я случайно проходил мимо двери — ну хорошо, не случайно, меня просто заело любопытство, — я видел, как доктор Вейд сидел, откинувшись, на стуле, глаза его были закрыты, а мама что-то тихо и настойчиво шептала ему на ухо. А в это время папа выуживал из папки доктора новый материал.

До сих пор не могу забыть, как доктор бормотал, когда собирался уезжать:

— Никак не могу освободиться от ощущения, что я что-то забыл. Но вот что это... не помню.

— Ну, значит, ничего интересного, — утешал его папа.

Я правильно догадался — тот лазутчик прибыл из черной зоны, чтобы насадить нам одну очень важную физическую концепцию, до которой наша зона еще не созрела и которая могла бы принести нам вред. Очередная попытка обмануть время. Может быть, все бы и обошлось, но в вопросах социального конструирования мы всегда придерживались того же правила, что и сами «черные», — своего рода «правила большого пальца», выведенного из опыта других зон.

Да, других зон... Таких же, как та, на которой мы погибли.

Дело в том, что параллельные миры возникают, когда

развитие определенной зоны доходит до поворотной точки. Некоторые ученые даже уверены, что каждый такой момент порождает не два параллельных мира, а бесконечное множество. Другое дело, что не все из них мы можем уловить с помощью нашей аппаратуры. Иные отличаются друг от друга столь незначительно, что настроиться на их частоту почти невозможно. Так же невозможно определить, по какому принципу выбираются эти главные поворотные моменты истории. Совершенно темный лес.

Словом, мы попали как раз на такой перелом. Это был момент зарождения новой зоны.

Теперь появилась еще одна белая зона — в ней партизанам удалось захватить электростанцию и выиграть войну с «черными».

Но осталась и третья черная зона. Там, согласно сообщениям разведывательной службы, партизанский транс-комп был разрушен прямым попаданием снаряда и никакой помощи не последовало. Родители мои погибли во время взрыва. Бекки, Барри и меня смерть настигла во вражеском лагере — и вместе с нами дядю Джорджа. Было ли это делом рук Ворона или ему кто-то помог — так и осталось тайной. Я лично думаю, что сам бы он не справился.

Интересное это ощущение — сознавать, что где-то есть мир, в котором ты умер. А если не умер? Тогда я бы точно отправился в спасательную экспедицию.

А если бы мне это удалось? Думаю, это было бы еще более странное ощущение — встретиться с самим собой. Интересно, что бы я себе сказал? И кому бы из нас принадлежали тогда мои стереозаписи?

А Бекки? Что бы мы стали делать с еще одной Бекки? Или Барри? Или если бы у нас было две мамы и два папы?

Насколько я знаю, в других известных зонах таких двойников нет. Все они разошлись в путях своего развития много-много лет назад. Ученые считают, что раньше, в самом начале, двойники существовали, но постепенно, спустя столетия, все совпадения сгладились.

Думаю, я не один такой в новой белой зоне — многие живут и знают, что в третьей черной зоне у них есть двой-

ники. И если снова вспыхнет борьба за эту зону, я думаю, все они будут среди добровольцев. Сколько же неожиданных встреч и узнаваний произойдет, если это случится! Надеюсь, я и сам побываю там — когда там опять будет белая зона — и положу цветочки на свою могилу. Вернее, на наши могилы.

Можно долго философствовать о всемирном равновесии добра и зла и тому подобном. Только белых зон все равно больше, чем черных, а философские концепции — особенно те, которые содержат мораль... Чем дальше в них вникаешь, тем больше всяких неясностей. Я ведь уже говорил, что хочу стать ученым, а значит, работать в таких областях, где факты в конечном итоге побеждают догадки.

Кстати, пора бы и о конечном итоге...

Уже совсем стемнело — да и луна скоро выйдет.

Пойти, что ли, чуток повыть?

**МАСТЕР
ЧОБ**

Джуди — там, где сумрачный геральдический волк выступает, как живой, из глубины дубовой рощи.

Глава 1

Это было даже красиво, несмотря на кровь и прочее, и Рендер почувствовал, что скоро все кончится.

Поэтому неплохо было бы растянуть каждую микросекунду до минуты и, пожалуй, следует прибавить температуру... Где-то там, на самой периферии сознания, кольцо тьмы перестало сужаться. Откуда-то пробуждающимся крещендо нарастали раскаты, замершие на одной яростной ноте. В этой ноте слились, плавясь, стыд, и страх, и боль.

Форум задыхался.

Цезарь скорчился на земле перед исступленным кругом. Он закрыл лицо рукой, но и это сейчас не мешало ему видеть.

У сенаторов не было лиц, и одежды их — забрызганы кровью. Их голоса звучали, как птичий гвалт. С нечеловеческим исступлением вонзали они кинжалы в лежавшее тело.

Все, кроме Рендера.

Лужа крови, в которой он стоял, расплзлась. Его рука тоже поднималась и падала с механическим однообразием, и голосовые связки его, казалось, тоже вот-вот начнут модулировать птичьи крики, но, будучи частью происходящего, он был в то же время *вне*.

Ибо он — Рендер-Ваятель.

Ползая в пыли, причитая и всхлипывая, цезарь пытался протестовать.

— Ты зарезал его! Ты убил Марка Антония, ни в чем не повинного, никому не нужного парня!

Рендер обернулся; кинжал в его руке был действительно страшен — окровавленный, огромный.

— Полностью согласен! — сказал он, поводя клинком в воздухе.

Цезарь, замороженный видом блестящей стали, мерно покачивался в такт движениям кинжала.

— Почему? — выкрикнул он. — Почему?

— Потому что, — ответил Рендер, — он был намного знатнее тебя.

— Лжешь! Это не так!

Рендер пожал плечами и снова принялся наносить удар за ударом.

— Неправда! — выл цезарь. — Неправда!

Рендер вновь повернулся к нему и помахал клинком. Голова цезаря качалась на плечах, как маятник.

— Неправда? — улыбнулся Рендер. — А кто ты такой, чтобы устраивать здесь допрос? Ничтожество! Ты недостойн даже говорить о подобных вещах! Убирайся!

Весь трясясь, розоволицый человек, лежавший у его ног, поднялся; волосы его торчали пучками, висели, как влажная, свалившаяся пакля. Он повернулся и стал медленно удаляться, то и дело оглядываясь.

Стоявшие кольцом убийцы уже далеко, но вся сцена по-прежнему была видна ему крупным планом. Очертания ее — наэлектризованно-четкие. И от этого ему показалось, что он ушел очень далеко, что он уже по ту сторону, один.

Рендер вывернулся из-за не замеченного раньше угла — и вот слепой нищий стоял перед цезарем. Цезарь сгреб его за одежды.

— Какие вести несешь мне сегодня?

— Остерегайся! — злорадно усмехнулся Рендер.

— Да, да! — воскликнул цезарь. — «Остерегайся». Правильно! Но чего?

— Остерегайся ид...

— Как-как? Ид?..

— ...мартобря.

От удивления цезарь разжал руки.

— Что ты плетешь? Какого мартобря?

— Мартобря месяца.

— Лжешь! Такого месяца нет!

— И этого месяца должен бояться благородный цезарь — там, в несуществующем времени, среди не внесенных ни в один календарь событий.

Рендер вновь скрылся за углом.

— Постой! Вернись!..

Рендер смеялся, и форум смеялся вместе с ним. Птичьи крики слились в нечеловеческий глумливый хор.

— Ты издеваешься надо мной! — простонал цезарь.

Форум дышал жаром, как печь, и испарина жирным глянцем облепила низкий лоб цезаря, его острый нос и срезанный подбородок.

— Я тоже хочу, чтоб меня убили! — воскликнул он. — Так нечестно!

И тогда Рендер порвал все: форум, сенаторов, оскаленный труп Марка Антония — и одним неуловимым движением пальца смел клочки в черный мешок. Последним исчез цезарь.

Чарльз Рендер сидел, рассеянно глядя на девяносто белых и две красные кнопки, расположенные на панели. Его правая рука на гибком подвесе бесшумно двигалась над низким пультом, нажимая одни кнопки, скользя над другими, то вперед, то назад, по очереди отключая Серии Памяти.

Чувства, переживания меркли, обращались в ничто. Представитель Эриксон прекрасно знал о забывчивости «чрева».

Раздался мягкий щелчок.

Рука Рендера скользнула к нижнему краю панели. Чтобы нажать красную кнопку, требовалось сознательное или, если угодно, волевое усилие.

Рендер высвободил руку и снял свой похожий на голову горгоны Медузы шлем, весь опутанный проводами, смонтированными микросхемами. Выбравшись из стоявшего перед пультом кресла, он поднял колпак. Потом пошел к окну и осветлил его, достал из пачки сигарету.

«Минуту, не больше, — подумал он про себя. — Да, это был кризис... Похоже, если снег и пойдет, то не скоро; вроде бы прояснилось...»

Ровная желтизна решетчатых конструкций и высокие глянцево-серые башни тлели в сумерках на фоне неба, похожего на срез сланцевой породы; город, распавшийся на

квадраты вулканических островов, что сверкали в предзакатном свете, гудел глубоко под землей нескончаемыми, стремительными потоками машин.

Отойдя от окна, Рендер шагнул к лежащему позади пульта большому «яйцу», поблескивавшему своей гладкой поверхностью. Из выпуклого зеркала на него глянуло смазанное, расплывшееся отражение: орлиный нос превратился в картошку, глаза круглились блюдцами, волосы сверкали, как извилистые разряды молний, а светло-красный галстук свисал широким кровавым языком вурдалака.

Усмехнувшись, он перегнулся через панель и нажал вторую красную кнопку.

С протяжным звуком тускло-слепящая поверхность «яйца» померкла, и горизонтальная трещина прошла посередине. Сквозь ставшую прозрачной капсулу Рендер разглядел Эриксона, который лежал, хмурясь и плотно сжав веки, словно борясь с пробуждением и с тем, что оно несло. Верхняя половина «яйца» поднялась вертикально, открыв покоящееся в полусфере узловато-мускулистое розовое тело. Эриксон открыл глаза, стараясь не смотреть на Рендера, вылез и начал одеваться. Рендер воспользовался паузой, чтобы проверить «чрево».

Нагнувшись над пультом, он одну за другой нажимал кнопки: температурный контроль, полная шкала — «проверено»; экзотические звуки — он надел наушники — колокольный звон, жужжание насекомых, скрипичные гаммы и свист, визги и стоны, шум транспорта и грохот прибора — «проверено»; контур обратной связи, удерживающий голос пациента, снятый при предварительном обследовании, — «проверено»; наложение звуков, распылитель влаги, банк запахов — «проверено»; вибратор, подсветка и вкусовые стимуляторы — «проверено»...

Рендер закрыл крышку «яйца» и отключил питание. Закатив аппарат в стенной шкаф, закрыл раздвижную дверь. Судя по записям, результаты сеанса полноценны.

— Садитесь, — обратился он к Эриксону.

Мужчина послушался и сел, нервно теребя воротник рубашки.

— Память сработала полностью, — сказал Рендер, — так

что вряд ли мне придется делать резюме. От меня ничего не утаишь. Я там был.

Эриксон кивнул.

— Думаю, смысл эпизода вам понятен.

Эриксон снова кивнул и прокашлялся.

— Но можно ли считать сеанс полноценным? — спросил он. — Ведь вы сами выстроили сюжет и все время контролировали его. Это не был в полном смысле слова мой сон — такой, каким я его вижу, когда просто сплю. Ваша способность воздействовать на события заходит так далеко, что вряд ли можно до конца верить вашим словам, разве не так?

Рендер медленно покачал головой, щелчком пальца стряхнул пепел в южное полушарие пепельницы, сделанной в виде глобуса, и встретился глазами с Эриксоном.

— Верно, я задавал масштабы и изменял формы. Однако именно вы наполняли их эмоциональным содержанием, возводя их в ранг символов, соотносенных с вашей проблемой. Если бы сон не был полноценной аналогией, он не вызвал бы такой реакции. В нем не проявились бы те симптомы невроза, которые отметила запись. Вы обследуетесь уже не первый месяц, — продолжал он, — и все полученные на сегодня результаты убеждают меня в том, что ваш страх насильственной смерти не имеет реальных оснований.

Эриксон сверкнул глазами.

— Тогда какого дьявола я его чувствую?

— Вы чувствуете его потому, — сказал Рендер, — что вам *хочется* стать жертвой.

Эриксон улыбнулся; самообладание возвращалось к нему.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не думал о самоубийстве и не имею ни малейшего желания перебираться на тот свет! — Он вынул сигарету и прикурил. Рука его дрожала.

— Придя ко мне этим летом, вы уверяли, что боитесь, будто на вашу жизнь покушаются. Что же касается причин, по которым вас якобы хотят убить, вы предпочитали отделяться туманными фразами...

— Но мое положение! Попробуйте столько лет пробить Представителем и не нажить себе врагов!

— И все-таки, — возразил Рендер, — похоже, вам это удалось. Когда вы разрешили мне побеседовать с вашими детективами, они сказали, что не могут раскопать ничего, что реально подтверждало бы ваши страхи. Ни-че-го.

— Значит, не там копали или не глубоко. Погодите, что-нибудь найдется.

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Повторяю, ваши чувства объективно не обоснованы. Давайте начистоту. Есть ли у вас информация, которая каким-либо образом указывала бы, что кто-то ненавидит вас настолько, что готов убить?

— Я получаю много писем с угрозами...

— Как и остальные Представители. К тому же все письма, полученные вами за последний год, были проверены — ложная тревога. Можете ли вы привести мне хотя бы одно очевидное свидетельство, подтверждающее ваши опасения?

Эриксон задумчиво поглядел на кончик своей сигары.

— Я пришел к вам за советом, как к коллеге, — произнес он, — пришел, чтобы вы покопались у меня в мозгах и выяснили, в чем дело, чтобы моим детективам было над чем поработать. Возможно, я кого-то нечаянно оскорбил или кому-то пришлось не по вкусу мои законы...

— Однако я ничего не нашел, — сказал Рендер, — совсем ничего, кроме истинной причины вашего беспокойства. Конечно, теперь вы боитесь услышать правду и стараетесь сбить меня — не дай бог, я назову диагноз.

— Я ничего не боюсь!

— Тогда послушайте. Потом можете думать и говорить все, что угодно, но вы крутились здесь несколько месяцев, не желая признавать того, что я наглядно доказывал вам тысячью разных способов. Теперь объясняю вам все без обиняков, а там уж делайте что хотите.

— Прекрасно!

— Во-первых, — сказал Рендер, — вам очень хочется иметь врага или врагов...

— Чушь!

— ...потому что если у человека нет врагов, то у него нет и друзей...

— Но у меня масса друзей!

— ...ведь никто не хочет быть пустым местом, все хотят, чтобы к ним испытывали по-настоящему сильные чувства. Любовь и ненависть — крайние формы человеческих отношений. Если одна из них вам недоступна, вы стремитесь к другой. И вам так сильно хотелось достичь одного из этих двух полюсов, что вы убедили себя, будто вам это удалось. Однако все имеет цену, и в данном случае расплачивается психика. Если человек в ответ на свои истинные эмоциональные потребности получает фальшивку, суррогат, он никогда не испытает настоящего удовлетворения; наоборот, его ждут беспокойство, тревога, потому что в подобных ситуациях психика должна представлять открытую систему. Вы не пытались искать ответа на свои чувства за рамками собственного «я». Вы замкнулись, уединились. Вы компенсировали нехватку реальных эмоций за счет собственной психики. И вы очень, очень нуждаетесь в полноценном общении с другими людьми.

— Бред собачий!

— Можете не соглашаться, — сказал Рендер. — Но я бы на вашем месте согласился.

— Полгода я платил вам за то, чтобы вы помогли мне выяснить, кто собирается меня убить. А теперь вы тут сидите и пытаетесь мне внушить, что я все это затеял только затем, чтобы удовлетворить свою потребность в ненависти!

— В ненависти или в любви. Именно.

— Абсурд! Я вижу со столькими людьми, что мне приходится носить магнитофон в кармане и камеру на лацкане, чтобы запомнить всех, с кем я встречаюсь...

— Я имел в виду вовсе не количество людей, с которыми вы встречаетесь. Скажите мне, действительно ли так важны для вас последние эпизоды сна?

Эриксон ответил не сразу, и в тишине стало слышно тиканье больших настенных часов.

— Да, — признал он наконец, — действительно. Не думайте, я все равно считаю, что все ваши рассуждения — абсурд. И все же, если предположить — так, из любопытства, — что ваш «диагноз» верен... что мне тогда делать, чтобы из этого выпутаться?

Рендер откинулся в кресле.

— Переключите усилия. Они были направлены не на то. Ищите людей, похожих на вас, — не на Представителя Эриксона, а просто на Джо Эриксона. Возьмитесь за что-нибудь такое, что можно делать вместе с другими, за что-нибудь вне политики, в такой области, где может проявиться дух соперничества, и пусть у вас появится несколько настоящих друзей — или врагов. Первое предпочтительнее. Я уже давно вас на это вдохновляю.

— Тогда объясните мне вот еще что...

— С удовольствием.

— Предположим, вы правы. Почему же тогда никто не любит и не любил меня, никто никогда меня не ненавидел? Я занимаю ответственный пост. Я постоянно на людях. Почему же меня воспринимают как... вещь?

Хорошо знакомый теперь с карьерой Эриксона, Рендер вынужден был частично скрывать свои подлинные мысли, поскольку они не обладали оперативной ценностью. Он мог бы процитировать Эриксону то место из Данте, где говорится о приспособленцах, о душах тех, для кого вход в рай закрыт из-за недостатка добродетелей, а врата ада — из-за недостатка крупных пороков, иными словами, о тех, кто всегда подстраивал свой курс к новым веяниям, у кого нет своего внутреннего ориентира и кому не важно, в какую гавань несет его течение. Такова была долгая и бесцветная карьера Эриксона, за время которой он понаторел в политических метаморфозах и маневрах.

И Рендер сказал:

— В наши дни все больше и больше людей оказываются в подобной ситуации. Происходит это прежде всего благодаря усложнению социальных структур и обезличиванию индивидуума, превращению его в деталь общественного механизма. В результате отношения между людьми становятся все более неестественными. Сегодня это не только ваша проблема.

Эриксон кивнул, Рендер же про себя усмехнулся: «Политика кнута и пряника... по-научному».

— У меня появилось ощущение, что вы и в самом деле правы, — сказал Эриксон. — Иногда я действительно чув-

ствую себя точь-в-точь так, как вы описываете, — обезличенной деталью...

Рендер мельком глянул на часы.

— Что вам делать дальше, это, конечно, придется решать вам самому. Думаю, что продолжать обследование — пустая трата времени. Теперь нам обоим ясна причина ваших жалоб. Я не могу и дальше вести вас за ручку и объяснять, как вам строить вашу жизнь. Помощь советом, сочувствие — пожалуйста, но все глубокие погружения в вашу психику пока лучше оставить. А как только вы почувствуете необходимость поговорить о своих делах и сопоставить их с моим диагнозом, дайте о себе знать.

— Обязательно, — кивнул Эриксон, — и черт бы побрал этот сон! Здорово он меня зацепил. Как это у вас получается — совсем как наяву, как в жизни, даже еще живее. Долго я теперь его не забуду.

— Надеюсь.

— О'кей, доктор. — Эриксон встал и протянул руку. — Возможно, я еще появлюсь через пару недель. Что ж, будем общительными! — Произнося это слово, он ослабил ся, хотя обычно оно заметно портило ему настроение. — Начнем прямо сейчас. Как насчет того, чтобы немного выпить? Я могу спуститься, купить что-нибудь.

Рендер пожал влажную руку, такую вялую, такую уставшую после сеанса, какими бывают руки ведущих актеров после удачной премьеры.

— Спасибо, но сегодня я занят, — сказал он почти с сожалением. Потом помог Эриксону влезть в пальто, подал ему шляпу и проводил до двери. — Ладно, доброй вам ночи.

— Доброй ночи.

Когда дверь бесшумно закрылась, Рендер аккуратно повесил черный каракуль на распялку, запер его в шкаф красного дерева и погасил сигарету в южном полушарии. Потом, откинувшись в кресле, заложил руки за голову и прикрыл глаза.

— Конечно, живее, чем жизнь, — сказал он в пространство. — Ведь это я изваял его.

Улыбаясь, Рендер вспоминал один за другим эпизоды

сна, жалея, что никто из его бывших наставников не увидит этой работы. Конструкция сна была строго выверена и воплощена свободно и мощно, к тому же идеально соотносилась с данным случаем. Но на то он и был Рендер-Ваятель — один из примерно двухсот специально подготовленных аналитиков, чья психическая структура позволяла проникать внутрь неврозоз, испытывая лишь чисто эстетическое наслаждение от подражания патологии, — Разумный Шляпник.

Рендер покопался в памяти. Он тоже прошел горнило анализа — прошел и был признан человеком со стальной волей и свехустойчивой психикой, крепким достаточно, чтобы вынести горящий, гипнотический взгляд навязчивой идеи, пройти невредимым сквозь химерические дебри извращений и заставить саму угрюмую мать Медузу смежить веки перед древними тайнами своего искусства.

Его собственный анализ прошел легко. Девять лет назад (хотя казалось, времени минуло уже намного больше) он сознательно и добровольно подверг обезболиванию самую ранимую часть своей души. После аварии, в которой погибли Руфь и их дочь Миранда, он почувствовал, что вышел из игры: возможно, подспудно не хотел воскрешать в себе былые симпатии; возможно, его собственный мир стал несколько замкнутым, жестким. Если это и было так, он оказался достаточно мудр, чтобы осознать это и решить, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру недавно исполнилось десять лет. Он учился в престижной школе и каждую неделю слал отцу письма. Раз от разу письма становились все грамотнее, что свидетельствовало о бурном развитии молодого человека, которое Рендер мог только приветствовать. Летом он собирался взять мальчика с собой в Европу.

Что касается Джилл, Джилл де Виль (боже, какое приторное, жеманное имя — за него он любил ее еще больше), то она, пожалуй, интересовала его все серьезнее. Иногда он задумывался — а не старость ли это? Ее пронзительный голос, манера говорить в нос, ее неожиданно вспыхнувший интерес к архитектуре, переживания по поводу не поддающейся пластическим операциям родинки справа от безуп-

речного в остальных отношениях носика — все это глубоко волновало его. Пожалуй, стоило позвонить ей прямо сейчас и вместе отправиться на поиски нового ресторана. Тем не менее ему почему-то не хотелось этого.

Уже несколько недель Рендер не был в своем клубе «Скальпель и куропатка», и теперь вдруг ужасно потянуло поужинать, сидя за дубовым столом, одному, в многоярусном зале с тремя каминами, под развешанными на стенах искусственными факелами и кабаньими головами, как на этикетке джина.

Он опустил свою членскую карточку в телефонную щель на пульте, и за экраном послышалось два гудка.

— «Скальпель и куропатка» приветствуют вас, — произнес голос. — Чем можем быть полезны?

— Я Чарльз Рендер. Хочу заказать столик, буду примерно через полчаса.

— На сколько персон?

— На одного.

— Хорошо, сэр. Значит, через полчаса. Уточняю фамилию: «Р-е-н-д-е-р»?

— Верно.

— Благодарю.

Он отключил телефон и встал.

День за окном окончательно поблек. Каменные глыбы и башни светились теперь собственным светом. Снег, мелкий и белый, как сахар, сеялся сквозь потемки и таял каплями на оконном стекле.

Рендер запахнулся в пальто, выключил свет, запер дверь в приемную. В книге записей рукой миссис Хеджес было написано: «Звонила мисс де Виль». Он вырвал листок, смял его и бросил в мусоросборник. Ничего, позвонит ей завтра и скажет, что допоздна сидел над лекцией.

Выключив последнюю лампу, он низко надвинул шляпу и, выйдя, запер входную дверь. Лифт доставил его в подземный гараж, где стояла машина.

В гараже было сыро, и шаги Рендера, проходившего между рядами автомобилей, гулко отдавались под бетонными сводами. В ярком свете ламп его спиннер «С-7» был похож на блестящий, гладкий серый кокон, готовый вот-

вот выпростать трепещущие крылья. Двойной ряд антенн, веером торчавших над покатым капотом, усиливал это впечатление. Рендер поднял большой палец, и дверца открылась.

Он включил зажигание — и словно одинокая пчела загудела, проснувшись, в большом улье. Потянул на себя штурвал — и дверца медленно и бесшумно встала на место.

Вырулив по спиральному пандусу, Рендер остановился на площадке перед большой эстакадой. Пока дверь поднималась, он зажег маршрутный экран и стал вертеть ручку настройки радиоэкрана. Двигаясь слева направо, сверху вниз, квадрат за квадратом, дошел до нужного ему участка авеню Карнеги и, отстучав координаты, выпустил штурвал. Машина подключилась к монитору и выехала на боковое полотно скоростного шоссе. Рендер закурил сигарету.

Установив сиденье по центру, он осветил все окна. Так приятно, облокотившись на колени, глядеть сквозь лобовое стекло на машины, несущиеся навстречу, подобно рою летучих светляков... Сдвинув шляпу на затылок, он задумчиво смотрел вперед.

А ведь было время, когда он любил снег, когда снег напоминал ему о романах Томаса Манна и о музыке скандинавских композиторов. Однако сейчас ему вспоминалось другое, то, что успело стать неотъемлемой частью сознания. С болезненной ясностью виделась млечно-белая морозная пыль, змеящаяся вокруг его старой, еще с ручным управлением, машины, змеящаяся и летящая внутрь, белизной оседающая на обгорелом до черноты металле; Рендер видел это до боли ясно, словно шел к остаткам разбитой машины по меловой поверхности озера, словно она была остовом затонувшего корабля, а он — ныряльщиком, не могущим даже крикнуть, чтобы не захлебнуться; и всякий раз, глядя на падающий снег, он знал, что где-то такой же снег падает в пустые глазницы черепов... Но девять лет унесли с собой значительную часть старой боли, и он не мог не чувствовать красоты вечера.

Машина мчала его по широким-широким дорогам, проносила по высоким мостам, чья поверхность лоснилась и поблескивала в свете фар, круто кренилась на петлях

развязок, ныряла в туннели, стены которых тускло мерцали вокруг, подобно миражу. Затенив окна, Рендер прикрыл глаза.

Он не мог вспомнить, вздремнул ли по пути; значит, скорей всего — да. Машина замедлила ход, пришла пора выдвинуть вперед кресло и снова высветлить окна. Почти одновременно прозвучал сигнал отключения от монитора. Рендер потянул штурвал на себя, машина въехала под куполообразный навес; оставив ее на попечение парковочного устройства, он получил билет от одного из тех квадратноголовых роботов, которые мрачно мстят человечеству, показывая картонный язык каждому клиенту.

Как всегда, клуб встретил шумом голосов, приглушенных, как и освещение. Вся обстановка здесь, казалось, поглощала звуки, обращая их в тепло, ласкала язык запахами, достаточно сильными, чтобы на них отзываться, завораживала слух живым потрескиванием дров в трех каминах.

Рендер с удовольствием отметил, что его любимый столик в углу справа, возле самого маленького камина, свободен. Хотя он и знал меню наизусть, но, прихлебывая «Манхэттен», внимательно изучал его, прикидывая, в какой последовательности станет ублажать свой аппетит. После сеансов он всегда был зверски голоден.

— Доктор Рендер?..

— Да. — Он поднял голову.

— С вами хочет поговорить доктор Шеллот, — сообщил официант.

— У меня нет знакомых по фамилии Шеллот, — сказал Рендер. — Может, ему нужен Бендер? Это хирург из скорой помощи метрополитена, он иногда обедает здесь...

Официант покачал головой.

— Нет, сэр. Именно Рендер. Взгляните. — И он протянул Рендеру карточку размером три на пять, где его имя было отпечатано заглавными буквами. — Доктор Шеллот приходит сюда каждый вечер вот уже почти две недели и каждый раз просит уведомить, когда вы появитесь.

— Хм, — пробормотал Рендер. — Странно. Почему бы ему просто не позвонить мне на работу?

Официант улыбнулся и сделал неопределенный жест.

— Хорошо, скажите, что я жду его. — Он залпом допил «Манхэттен». — И принесите еще один коктейль.

— К сожалению, доктор Шеллот не видит, — пояснил официант. — Было бы проще, если бы вы...

— Да-да. Конечно. — Рендер встал, покидая свой любимый столик с явным предчувствием, что сегодня уже больше за него не сядет. — Ведите.

Пройдя между столиками, они поднялись на верхний ярус. «Привет», — сказал, когда они проходили мимо, молодой человек, сидевший за столиком у стены. Лицо его показалось знакомым, и Рендер кивнул — это был один из бывших учеников его семинара по фамилии то ли Юргенс, то ли Джирканс.

На верхнем ярусе зал был поменьше и только два столика заняты. Точнее, три. В самом конце, за темной стойкой бара, загороженный старинными рыцарскими латами, стоял еще один. Официант двинулся именно к нему.

Они остановились перед столиком, и Рендер взглянул вниз, в темные стекла медленно поднимавшихся очков. Доктор Шеллот оказался женщиной; на вид ей можно было дать что-то около тридцати. Челка волос с тускло-золотым отливом не скрывала серебряного кружка, который она носила на лбу как знак принадлежности к людям с подобным же недостатком. Рендер затянулся, кончик сигареты вспыхнул, и женщина слегка откинула голову. Казалось, она смотрит на него в упор. Чувство было не очень приятное, хотя он знал, что видит она не больше того, что фотоэлектрическое устройство могло передать в зрительные участки головного мозга через тончайшие провода, подсоединенные к преобразующему осциллятору, — короче говоря, вспыхнувший огонек его сигареты.

— Доктор Шеллот, доктор Рендер, — между тем представил их официант.

— Добрый вечер, — сказал Рендер.

— Добрый вечер, — ответила она. — Меня зовут Эйлин, и мне очень хотелось с вами встретиться.

Ему показалось, что голос ее чуть заметно дрожит.

— Может, поужинаете со мной?

— С удовольствием, — вежливо произнес он и знаком попросил официанта принести еще стул.

Рендер сел, обратив внимание на то, что перед женщиной на столике стоит бокал. Он напомнил официанту о своем втором «Манхэттене».

— Вы уже сделали заказ?

— Нет.

— ...и два меню, — вырвалось у него, и он прикусил язык.

— Одно, пожалуйста, — улыбнулась доктор Шеллот.

— Тогда не надо вообще, — вышел он из положения и продекламировал меню вслух.

Они сделали заказ, и она спросила:

— Скажите, вы всегда так делаете?

— Как?

— Заучиваете меню наизусть.

— Нет, только иногда, — сказал он. — Для неловких ситуаций. Так зачем же вы хотели меня видеть... то есть, я хотел сказать, поговорить со мной?

— Вы занимаетесь невроконтактной терапией. Вы — Ваятель.

— А вы?

— Я психиатр, стажируюсь в Психиатрическом центре. Мне остался еще год.

— Тогда вы должны знать Сэма Рискома.

— Да, он помог мне получить назначение и был моим руководителем.

— Один из моих лучших друзей — мы учились вместе в Меннингере.

— Он часто говорил о вас, это одна из причин, по которой я решила с вами встретиться. И всегда меня поддерживал, несмотря на мой дефект.

Рендер внимательно посмотрел на собеседницу. На ней было темно-зеленое платье из материала, напоминающего бархат. В трех дюймах слева от середины груди была приколата брошь, по виду золотая. Брошь светилась красным камнем, вполне похожим на рубин, в гранях которого отражались очертания бокала. А может, в глубине камня мерцали два обращенных друг к другу профиля? Что-то смут-

но знакомое почудилось Рендеру в этом, но что — он не мог сейчас вспомнить. В приглушенном свете зала брошь отливала дорогим блеском.

Рендер взял у официанта коктейль.

— Я хочу стать терапевтом-невроконтактором, — сказала женщина.

Будь она зрячей, Рендер подумал бы, что она внимательно глядит на него, стараясь прочесть ответ в выражении его лица. Он не мог точно понять, какого именно ответа она ждет.

— Похвальный выбор, — произнес он, стараясь, чтобы голос его звучал непринужденно, — и ваше мужество вызывает у меня искреннее уважение. Однако задача эта не из легких, поскольку, как вы понимаете, требования тут предъявляются не совсем обычные.

— Я знаю, — сказала она. — Но ведь для человека, слепого от рождения, достичь того, чего достигла я, тоже задача не из легких.

— От рождения? — невольно повторил Рендер. — Я полагал, что вы потеряли зрение недавно. Так, значит, вы писали диплом и потом учились вслепую... Это, знаете... впечатляет.

— Спасибо. Дело в том, что я услышала о первых невроконтакторах, Бартельметце и других, еще в детстве и тоже решила заняться этим. С тех пор все в моей жизни подчинялось одному желанию.

— Но как же вы обходились в лаборатории? — поинтересовался он. — Ведь вы не могли ни анализировать пробы, ни работать с микроскопом. Или все по книжкам?..

— Я нанимала людей читать мне задания, делала магнитофонные записи. В школе поняли, что я хочу заниматься психиатрией, и разрешили пользоваться специальным оборудованием. На вскрытиях мне помогали ассистенты, описывали ход операций. Ощупав вещь, я могу рассказать о ней почти все... И память у меня не хуже, чем у вас — на меня. — Она улыбнулась. — Качество психоконтактных явлений может оценить только сам врач в тот момент, когда он оказывается вне времени и пространства в обычном понимании — в мире, созданном из снов другого че-

ловека, видит неевклидову структуру патологии и, взяв пациента за руку, проводит его по всем уголкам, исследуя этот мир... Если при этом ему удастся снова вернуть больного на землю, значит, рассуждения его были верны, действия — справедливы.

«Это из «Почему у нас нет психометрии», — подумал про себя Рендер. — Автор — доктор медицины Чарльз Рендер».

— А вот и наш обед на подходе, — заметил он и поднял бокал с коктейлем, освобождая место для тарелок с блюдами быстрого приготовления, которые выставлял на их столик кухонный робот.

— Это одна причина, по которой я хотела встретиться с вами, — продолжала Шеллот, тоже подняв свой бокал, пока тарелки, позвякивая, выстраивались перед ней. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Ваятелем.

Взгляд ее глаз за темными стеклами, отрешенный, как у статуи, вновь остановился на нем.

— Ваш случай совершенно уникален, — ответил он после паузы. — До сих пор не было ни одного невроконтактора слепого от рождения, и это понятно. Вряд ли я смогу что-то вам посоветовать, пока не изучу всех аспектов проблемы. А пока давайте поедем. Я ужасно проголодался.

— Хорошо. Но моя слепота еще не означает, что я никогда не видела.

Рендер не стал спрашивать, что она имеет в виду, — дымящееся ароматное рагу и бутылка «Шамбертена» стояли перед ним. И все же, когда женщина подняла лежавшую на коленях левую руку, он обратил внимание, что обручального кольца на безымянном пальце у нее нет.

— Интересно, идет ли еще снег, — сказал он, пока они пили кофе. — Когда я подъезжал, была настоящая метель.

— Хорошо бы, — откликнулась доктор Шеллот. — Правда, он рассеивает свет, и я совершенно ничего при нем не «вижу», но мне нравится, когда снежинки тают на лице.

— Как же вы ходите?

— Мне помогает пес Зигмунд. Сегодня вечером у него выходной, — она улыбнулась, — но обычно он водит меня повсюду. Это овчарка-мутант.

— Вот как, — заинтересовался Рендер. — И он хорошо разговаривает?

Шеллот кивнула.

— Правда, на нем операция прошла не так успешно, как бывает. Словарный запас у него почти четыре тысячи слов, а вот разговор, мне кажется, дается ему с трудом. Хотя вообще он умный. Я думаю, вы еще встретитесь.

Рендер задумался. Ему случалось разговаривать с подобными животными на недавних медицинских симпозиумах, и его поразило, как уживаются в них способность логически рассуждать и преданность хозяевам. Чтобы достичь у собаки уровня мышления выше, чем у шимпанзе, надо было изрядно покопаться в хромосомах и провести сложнейшую эмбриохирургическую операцию. Речевой аппарат тоже формировался в процессе нескольких операций. Как правило, большинство подобных экспериментов заканчивалось неудачей, а щенки — около дюжины в год, — успешно прошедшие весь цикл, котировались необычайно высоко и стоили до ста тысяч долларов.

Рендер прикурил и не сразу погасил зажигалку. Да, теперь он практически не сомневался, что рубин в медальоне у мисс Шеллот — настоящий. Попутно он заподозрил, что и ее поступление в медицинскую школу, помимо академических успехов, объяснялось солидным пожертвованием в казну облюбленного ею колледжа. Впрочем, он мог и ошибаться, вряд ли стоило делать столь поспешные выводы.

— Да, о собачьих неврозах в пору написать целую диссертацию. Ваш Зигмунд никогда не называет своего папочку «старым сыном собачьей самки»?

— Он никогда не видел своего отца, — ответила Эйлин довольно сухо. — Он воспитывался, не общаясь с другими собаками. Вряд ли можно считать его реакции типичными, и я не думаю, что вам удалось бы изучить функциональную психологию собаки на примере мутанта.

— Скорее всего вы правы, — пробормотал Рендер и, желая сменить тему, спросил: — Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Чувствуя, что настало время вернуться к самому важному, он произнес:

— Итак, вы хотите быть Ваятелем?..

— Да.

— Терпеть не могу, когда приходится разрушать чьи-то заветные мечты. Поверьте, действительно терпеть этого не могу. Даже если мечты абсолютно беспочвенны. Тогда хоть можно оправданно быть жестким. Так вот, честно и откровенно, положив руку на сердце, я вам скажу: по-моему, это совершенно невозможно. Вполне вероятно, вы прекрасный психиатр, но я считаю, что у вас нет физических и умственных данных, чтобы стать невроконтактором. Мне кажется...

— Подождите, — перебила она. — Не сейчас, пожалуйста. И вообще, поуваживайте за мной. Мне здесь надоело, здесь слишком душно. Увезите меня куда-нибудь, и по дороге поговорим. Я думаю, мне удастся убедить вас, что выход есть.

— Что ж, прекрасно. — Рендер пожал плечами. — Я весь в вашем распоряжении. Уверен, у вас уже есть план. Так куда?

— Может быть, блайндспин?

Он скрыл довольную усмешку, а она рассмеялась.

— Чудно. Но мне все еще хочется пить.

Была заказана еще бутылка шампанского, и Рендер, несмотря на протесты мисс Шеллот, выписал чек. Шампанское появилось в яркой корзинке с надписью: «Пейте, пока вы в пути».

Оба встали, и она оказалась высокой, но он был выше.

Блайндспин. Сколько самых разных возможностей, которые дает машина на автопилоте, кроется за одним этим словом! Молнией пронесется по шоссе автомобиль в надежных руках невидимого водителя, окна затенены, ночь темна, над головой — высь небосвода, шипы покрышек врезаются в бетонное полотно, как четыре фантастических пилы, — вновь возвращаетесь вы к стартовой черте, никогда не зная точно, куда мчит вас и где успели вы побывать, и даже в самой холодной, трезвой голове пробу-

дится хоть на минуту чувство индивидуальности, вспыхнет мгновенное ощущение собственной неповторимости, когда вы отделены от мира, целиком отдавшись стремительному движению. Ведь движение сквозь тьму — это сама жизнь в ее предельно абстрактном выражении; по крайней мере, так сказал один из персонажей Человеческой Комедии, чем изрядно рассмешил публику.

В последнее время явление, известное как «блайнд-спин», получило распространение, как то и можно было предположить, прежде всего среди подрастающего поколения, когда полновластно воцарившиеся на хайвеях мониторы лишили их возможности вкладывать хоть какую-то долю индивидуальности в управление автомобилем, — на всякого рода вольности Национальный совет по контролю за движением смотрел косо. Необходимо было что-то предпринять.

И это «что-то» было предпринято. Первая повлекшая катастрофические последствия уловка состояла в элементарном отключении радиоконтрольного устройства после того, как автомобиль выезжал на прослеживаемый мониторами хайвей. Таким образом машина ускользала от дремлющего ока монитора, и управление снова переходило к едущей в ней компании. Ревнивый, как божество, монитор не мог потерпеть такого явного нежелания считаться со своим запрограммированным всеведущим мозгом; ближайшая к месту последнего контакта контрольная станция метала громы и молнии, посылая крылатых серафимов на поиски преступников.

Однако часто возмездие запаздывало, поскольку дорог много, да и скорость у автомобилей немалая. Так что на первых порах уйти от преследования оказывалось сравнительно легко.

Другие же машины, само собой разумеется, продолжали движение так, как если бы ничего не произошло. Сама возможность появления мятежных водителей казалась недопустимой. Со всех сторон окруженный тесным потоком транспорта, правонарушитель немедленно проявлялся при любом общем повышении скорости или изменении внутри транспортных рядов, подразумевавшем заполнение его

теоретически свободного места. В раннюю пору мониторинга это приводило к сериям многочисленных столкновений. Позже, когда конструкция мониторов стала гораздо более хитроумной и сложной, механические отсекатели значительно снизили число неизбежных аварий. Однако получаемые травмы не становились от этого легче.

Следующая хитрость любителей блайндспина была построена на обстоятельстве, которое просто проглядели, — настолько оно было очевидно. Мониторы доставляли пассажиров туда, куда те хотели, только потому, что пассажиры сами сообщали монитору, куда они хотят направиться. Стоило же кому-нибудь наугад набрать координаты своего маршрута без всякой соотнесенности с маршрутной картой, и его автомобиль либо стопорился — тогда на табло загоралась надпись: «Перепроверьте ваши координаты», — либо монитор неожиданно мчал его в каком-нибудь совершенно неизвестном направлении. Последнее привлекало своей романтичностью, поскольку вас ждали умопомрачительные скорости, мелькающие за окном новые, неожиданные виды и возможность расслабиться. К тому же это совершенно не противоречило закону, и, действуя таким образом, можно было прокатиться из конца в конец по обоим континентам — если, конечно, у тебя избыток жизненных сил и финансов.

Как это обычно бывает в подобных случаях, увлечение очень скоро вышло за пределы исходных возрастных рамок. К школьным преподавателям, ограничивавшимся мирными воскресными поездками с семьей, стали относиться так же презрительно, как к торговцам подержанными автомобилями. Так и наступает конец света, сказал один остролов.

Прав он или нет, в любом случае автомобиль, предназначенный для езды по мониторинговым хайвеям, представляет собой движущееся устройство, снабженное многими удобствами, как то: туалетом, баром, холодильником и ломберным столиком. В нем достаточно места, чтобы переночевать двоим; четверым, пожалуй, будет тесновато. Впрочем, иногда теснее всего бывает троим.

Рендер вывел машину из-под купола и остановился на крайней полосе дороги.

— Хотите пройти по клавиатуре?

— Нет, наберите координаты сами, у меня слишком памятьливые пальцы.

Он нажал несколько кнопок наугад. Спиннер выехал на хайвей. Рендер задал скорость, и машина встроилась в скоростной ряд.

Фары спиннера прожигали тьму насквозь. Город быстро уходил назад; по обеим сторонам дороги дымились костры, налетающий порывами ветер колыхал языки пламени, угли рдели сквозь золу, сквозь падающие сверху густые, пепельно-серые хлопья. Рендер знал, что скорость машины сейчас не больше шестидесяти процентов того, что она способна выдать в ясную сухую ночь.

Он не стал затенять окна и, откинувшись в кресле, глядел по сторонам. Эйлин «смотрела» вперед, на летящие навстречу огни. Минут пятнадцать они молчали. Город сменился предместьем, и скоро стали появляться участки открытой дороги.

— Расскажите, что там, снаружи, — попросила она.

— А почему вы не попросили меня описать ваш обед или рыцарские доспехи над вашим столиком?

— Одно я чувствовала на вкус, другое — на ощупь. Сейчас не то.

— Снаружи идет снег. Кроме того, все черным-черно.

— Что еще?

— На дороге слякоть. Когда начнет подмерзать, придется тащиться ползком, даже если мы обгоним тучу. А слякоть похожа на старый темный сироп, покрывшийся сверху сахарной корочкой.

— Это все?

— Все, моя госпожа.

— Снег идет сильнее, чем когда мы выехали из клуба?

— Да, пожалуй, сильнее.

— Налейте мне чего-нибудь.

— Конечно, сейчас.

Они развернули кресла друг к другу, и Рендер, подняв столик, достал из бара два бокала.

— За ваше здоровье.

— И за ваше.

Рендер опустил бокал. Эйлин медленными глотками пила шампанское.

Рендер ждал следующего хода. Он знал, что сократовские игры — не для двоих, и приготовился к новым вопросам прежде, чем она сказала то, что собиралась сказать.

— А что было самое красивое из того, что вам приходилось видеть?

«Да, — подумал он, — я угадал». И ответил, не задумываясь:

— Гибель Атлантиды.

— Я говорю серьезно.

— И я тоже.

— Может быть, расскажете поподробнее?

— Очень просто. Я потопил Атлантиду, — сказал он. — Собственноручно. Три года назад... Боже мой, как это было красиво! Кругом башни из слоновой кости, золотые минареты, серебряные балконы. Там были опаловые мосты с пурпурными арками и млечно-белые реки, текущие в лимонно-желтых берегах. Там были выложенные нефритом кровли, и кроны деревьев, древних, как мир, нежно касались пузатых облаков, а у пристаней Ксанаду, изяшных, будто музыкальные инструменты, морские корабли покачивались на волнах прилива. Двенадцать принцев королевской крови собрались на закате в двенадцатиколонном Звездном зале Колизея послушать игру грека, тенор-саксофониста.

Само собой, грек был моим пациентом — параноиком. Этиология в таких случаях всегда сложная, но, покопавшись в нем хорошенько, я пришел именно к такому диагнозу. Потом я дал ему немного покуражиться, но в конце концов пришлось-таки расколоть Атлантиду пополам и утопить так, что и следа не осталось. Он снова выступает, и вы, конечно, слышали его музыку, если вообще вам нравится подобного рода музыка. Славный парень. Мы с ним время от времени встречаемся; он уже больше не считает себя последним преемником величайшего менестреля Атлантиды. И все же иногда, когда я вспоминаю апокалип-

сис, который я устроил, исходя из его мании величия, то испытываю мимолетное чувство утраченной красоты — ведь, пусть даже на одно мгновение, его патологически обостренные чувства были моими чувствами, а ему его сон казался самым прекрасным в мире.

Рендер вновь наполнил бокалы.

— Я имела в виду не совсем то, — сказала она.

— Знаю.

— Мне хотелось услышать о чем-то реальном.

— Это было реальнее реального, уверяю вас.

— Не сомневаюсь, но...

— Но я разрушил то, на чем вы собирались строить ваши доводы. О'кей, извините. Постараюсь исправиться. Вот, пожалуй, то, что могло бы быть реальным.

Представьте себе, что мы идем по краю глубокой песчаной воронки. Ветер заметает ее снегом. Весной снег растает, ручьи потекут по склонам, а часть талой воды испарится на солнцепеке. Останется один песок. На нем ничего не растет, разве что редкие кактусы. Живут здесь только змеи, несколько птиц, насекомые, маленькие твари, роющие себе норы, да пара бродячих койотов. В полдень все они будут искать тень — какой-нибудь старый столб, камень, череп или кактус, за которыми можно укрыться от солнца. Там можно увидеть, как жизнь прячется, отступает перед стихией. Но краски неправдоподобно красивы, а стихии даже прекрасней, чем то, что они разрушают.

— Здесь, поблизости, такого места нет, — сказала Эйлин.

— Если я говорю, значит, есть. Я видел его сам.

— Да... Вы правы.

— И какая разница, будь то картина художницы по фамилии О'Киф или что-то, что я вижу из окна? Ведь я *вижу* это.

— Признаю правильность вашего диагноза, — кивнула Эйлин. — Может быть, вы скажете сами?

— Нет, продолжайте.

Рендер снова наполнил низкие бокалы.

— Не в порядке мои глаза, — произнесла она, — но не мозг.

Рендер поднес зажигалку к ее сигарете.

— Я смогу видеть чужими глазами, если сумею проникнуть в чужой мозг.

Он тоже закурил.

— Невроконтактный метод основан на том, что в двух разных нервных системах могут возникать одинаковые стремления, фантазии...

— *Контролируемые фантазии.*

— Я могу выступать в роли терапевта и одновременно получать реальные зрительные впечатления.

— Нет, — сказал Рендер.

— Вы не знаете, что значит быть наглухо отгороженным от целого мира — влекущего, прекрасного! Понимать, что какой-нибудь кретин-монголоид может испытывать что-то, что вам не дано и что он никогда не сможет оценить, потому что, как и вы, был еще до рождения обречен генетической прихотью, чем-то таким, где нет места справедливости, где царит чистейшая случайность.

— Справедливость появилась во Вселенной не сама по себе. Ее выдумал человек. Но, к сожалению, человек живет во Вселенной.

— Я прошу помощи не у Вселенной, а у вас.

— Извините, — сказал Рендер.

— Почему вы не хотите помочь мне?

— Потому что вы себя так ведете.

— А именно?..

— Эмоционально. Для вас слишком много значат эмоции. Когда врач находится в резонансе с пациентом, возникающее в нем возбуждение, как наркотик, отвлекает его от собственных телесных ощущений. Это неизбежно — его сознание должно быть полностью поглощено непосредственными операциями. И собственные эмоции тоже должны как бы на время отключаться. Конечно, в каком-то смысле это невозможно, поскольку личность всегда в той или иной степени эмоционально заряжена. Но эмоции врача сублимируются в отвлеченное чувство бодрости, веселья или, как в моем случае, в художественную грезу. В вас же «видение» может вызвать слишком сильную реакцию. Вы будете подвергаться постоянному риску утратить контроль за развитием сна.

— Я не согласна.

— Разумеется, вы не согласны. Однако факт остается фактом: вам придется, причем постоянно, иметь дело с патологией. Девяносто девять процентов людей не отдадут себе отчета в том, какая это могучая сила — неврозы, просто потому, что мы не в состоянии оценить масштабы собственных неврозов — я уж не говорю о посторонних, — когда воспринимаем их извне. Поэтому ни один невроконтактор никогда не возьмется лечить вконец свихнувшегося психа. Из немногих первопроходцев в этой области почти все теперь сами — пациенты. Это похоже на низвержение в мальстрем. Если врач теряет контроль во время напряженного сеанса, он становится уже не Ваятелем, а Ваемым. В том случае, когда нервные импульсы искусственно усилены, симптомы нарастают в геометрической прогрессии, а эффект трансференции происходит мгновенно. Пять лет назад я ужасно часто катался на лыжах. Бегать на лыжах мне пришлось потому, что я вдруг начал страдать клаустрофобией, и вытравить из себя эти страхи удалось только через полгода, — а все из-за ничтожной ошибки, происшедшей в неуловимо короткое мгновение. Пациента же пришлось передать другому врачу. А ведь обратный эффект тогда сказался очень незначительно. Иначе, моя милая, можно провести остаток дней, прохлаждаясь в психолечебнице.

Рендер наполнил ее пустой бокал. Ночь стремительно мчалась за окнами. Город остался далеко позади, и дорога лежала перед ними ясная и прямая. Падающие хлопья съедали темноту. Спиннер прибавил скорость.

— Хорошо, — согласилась Эйлин, — допустим, вы правы. И все же, я думаю, вы в силах помочь мне.

— Как? — спросил Рендер.

— Приучите меня видеть так, чтобы образы потеряли свою новизну, эмоции стерлись. Пусть я буду вашей пациенткой, а вы поможете мне избавиться от навязчивой идеи — видеть. Тогда то, о чем вы так убедительно рассказывали, не сможет на меня повлиять, я сумею уделить все свое внимание обучению и сублимировать радость видения в какие-нибудь другие эмоции.

Рендер задумался. Может быть, и удастся. Хотя пред-

приятие не из легких. Да и сам по себе случай оказывался небезынтересным.

Квалификации тут не хватило бы никому, поскольку никто никогда не брался за подобное. Но Эйлин Шеллот действительно была редким... нет, не редким, а уникальным экземпляром, ведь, похоже, она — единственный человек на свете, у которого необходимая специальная подготовка сочетается с уникальной проблемой.

Рендер допил шампанское и снова наполнил оба бокала. Он все еще пребывал в задумчивости, когда донесся сигнал «перепроверка», и машина встала, свернув в тупик. Он выключил зуммер и долго сидел неподвижно, раздумывая.

Мало нашлось бы людей, перед которыми он открыто говорил бы о собственном мастерстве. Коллеги считали его скромным. Однако сейчас даже не слишком проницательный наблюдатель мог бы заметить — он понимал, что если когда-нибудь за дело возьмется невроконтактор лучше, чем он, то это будет скорее всего один из тех ангелов, что некогда нисходили к смятенному homo sapiens.

В бокалах еще оставалось шампанское. Рендер бросил пустую бутылку в мусоросборник.

— А знаете что?

— Что?

— Пожалуй, стоит попробовать.

Развернув кресло, он нагнулся над панелью, собираясь набрать новые координаты, но доктор Шеллот опередила его. Когда Рендер нажимал на кнопки и машина разворачивалась, Эйлин быстро поцеловала его. Глаза ее под темными стеклами очков были мокры от слез.

Глава 2

Известие о самоубийстве взволновало Рендера больше, чем можно было ожидать; к тому же миссис Ламбер позвонила накануне и сказала, что не придет на прием. Поэтому первую половину дня он решил провести в печальной задумчивости и в соответствии с ролью вошел в приемную, хмуро попыхивая сигарой.

— Вы уже знаете?... — спросила миссис Хеджес.

— Да. — Рендер швырнул пальто на стол в дальнем углу и, подойдя к окну, посмотрел вниз. — Да, — повторил он. — Окна в машине были не затенены, и когда я проезжал, то видел, как убирают мостовую.

— Вы с ним знакомы?

— Откуда? Я даже не успел узнать, как его зовут.

— Мне только что звонила Присс Тьюли, секретарша из инженерной конторы на восемьдесят шестом этаже. Она сказала, что это был какой-то Джеймс Иризарри, дизайнер из соседнего офиса. С восемьдесят шестого лететь долго; наверное, он был уже без сознания, когда упал. Он задел за карниз. Можете высунуться, взглянуть — вон там слева, внизу...

— Не беспокойтесь, Бенни. У вашей приятельницы есть соображения, почему он это сделал?

— Особых нет. Его секретарша вбежала в холл, закричала. Кажется, она вошла в его кабинет спросить насчет каких-то эскизов и увидела, как он перелезает через подоконник. На столе оставлена записка: «У меня было все, что мне нужно. К чему тянуть?» Забавно, правда? То есть я не в том смысле — забавно...

— Да, да. Известно что-нибудь о его личной жизни?

— Женат. Двое ребятшек. Работал профессионально. Большое дело. Воплощенная строгость. И денег хватало — платить за офис в этом здании...

— Господи боже! Вы что, заглядывали в его файл?

— Вы же знаете, — Бенни пожала своими пышными плечами, — у меня в этом муравейнике повсюду друзья. Когда особенной работы нет, можно и поболтать. Как-никак Присси моя свояченица...

— Хотите сказать, что, если бы я сейчас сиганул в окошко, подробности моей биографии через пять минут стали бы всеобщим достоянием?

— Может быть, — она скривила ярко покрашенные губы в улыбку, — минут через пять плюс-минус. Но только не делайте этого сегодня, ладно? Иначе вы отнимете у бедняги долю известности, да и про вас лично, учитывая, что самоубийц было двое, так много не напишут... К тому же

вы человек легкий, общительный, чего вам выбрасываться в окошко?

— Статистика с вами не согласна, — заметил Рендер. — С медиками, так же как с адвокатами, это случается втрое чаще, чем с людьми любой другой профессии.

— Эй! — крикнула Бенни притворно-встревоженным голосом. — Ну-ка отойдите от моего окна! А то придется мне наниматься к доктору Хансену, а он такой зануда и слюнтяй. — Она вернулась к своему столу. — Никогда не поймешь, шутите вы или говорите всерьез.

— Я искренне ценю вашу заботу, поверьте, — кивнул Рендер. — А в общем, я никогда излишне не доверял статистике, иначе мне пришлось бы закончить свою карьеру еще четыре года назад.

— Про вас написали бы на первых страницах, — мечтательно проговорила Бенни. — Репортеры бы все вились вокруг меня, расспрашивали... Хм, а почему они вообще это делают?

— Кто?

— Ну, все они.

— Откуда мне знать, Бенни. Ведь я всего-навсего что-то вроде психостимулятора. Если бы мне удалось точно определить общую для всех случаев причину, а потом, может быть, и выдумать способ, как их предупреждать, это разогрело бы газетчиков больше, чем если бы я просто выпрыгнул вниз. Увы, одной такой ясной и понятной причины нет, по крайней мере так кажется.

— Хм.

— Лет сорок назад самоубийство занимало девятое место в шкале смертности в Соединенных Штатах. А теперь уже шестое, если брать обе части континента.

— Выходит, никто никогда так и не узнает, почему Иризарри это сделал?

Рендер отставил кресло и сел, стряхнув сигарный пепел в маленькую блестящую пепельницу. Бенни быстрым движением опрокинула пепельницу в мусоросборник и многозначительно откашлялась.

— Разумеется, всегда можно строить гипотезы, — сказал Рендер, — а человек моей профессии так просто обязан.

В первую очередь следует учесть те черты характера, которые предрасполагают человека к периодам депрессии. Люди, которые держат свои эмоции под строгим контролем, люди чувствительные, волей-неволей реагирующие на самые мелкие раздражители...

Он снова стряхнул толстый сигарный пепел в пепельницу и проследил, как Бенни, быстро вытянув руку, щелчком сбила пепел со своей сигареты и так же быстро убрала руку назад. Злорадная усмешка появилась на его лице.

— Короче, — заключил он, — черты, свойственные людям всех профессий, где индивидуальное начало проявляется больше, чем коллективное, — медицина, юриспруденция, искусство.

Бенни задумчиво поглядела на него.

— И все же не беспокойтесь, — Рендер широко улыбнулся, — я чертовски доволен жизнью.

— Что-то вы сегодня не в духе.

— Питер звонил. Вчера сломал на физкультуре лодыжку. Администрация ни за чем не следит. Пожалуй, надо перевести его в другую школу.

— Опять?

— Погляжу. Директор будет звонить мне сегодня после обеда. Конечно, не хотелось бы таскать парня с места на место, но я хочу, чтобы он окончил школу целым и невредимым.

— С мальчиком обязательно должно что-то случаться, хоть раз или два. Такова статистика.

— Статистика и судьба — разные вещи, Бенни. Каждый распоряжается ею сам.

— Чем, судьбой или статистикой?

— И тем, и другим, я полагаю.

— Мне кажется, если что-то должно произойти, это обязательно произойдет.

— А мне не кажется. Я считаю, что воля плюс здравый рассудок могут в той или иной степени контролировать то, что с нами происходит. Если бы я думал иначе, вряд ли бы я пускался в такие авантюры.

— Однако согласитесь, что жизнь — это причинно-следственный механизм. Статистика опирается на вероятность.

— Человеческое сознание — не механизм, и я никогда не знаю, где причина и где следствие. И никто не знает.

— Вы же специалист в химии, насколько я помню. Вы же ученый, док.

— Кто знает, а может, я троцкистский уклонист, — улыбнулся Рендер, потягиваясь. — Вы ведь тоже были когда-то учительницей танцев.

Он встал и взял со стола пальто.

— Кстати, звонила мисс де Виль, оставила послание. Велела спросить: «Как насчет Сент-Морица?»

— Не люблю шиковать, — сказал Рендер. — Лучше Давос.

Известие о самоубийстве взволновало его больше, чем можно было ожидать, и, закрыв дверь в кабинет и затенив окна, он включил диктофон. В комнате горела только настольная лампа.

«Какие качественные перемены в человеческой жизни произошли после начала промышленной революции?» — записал Рендер и, взяв в руку листок, перечитал записанную фразу. Это была тема лекции, с которой он должен был выступить в ближайшую субботу. Как всегда в таких случаях, он не знал, что будет говорить, потому что слишком многое хотелось бы сказать, а времени отводилось только час.

Он встал и начал прохаживаться по кабинету, в полумраке которого плыли звуки Восьмой симфонии Бетховена.

— Возможность причинить ущерб другому, — сказал Рендер, выставляя максимальный уровень записи на прикрепленном к лацкану микрофоне, — росла пропорционально техническому прогрессу.

Воображаемая аудитория притихла. Он улыбнулся.

— Способность человека калечить себе подобных умножалась с ростом масштабов производства; его способность наносить психические травмы в процессе личного общения расширилась в точном соответствии с улучшением средств связи. Но все это общеизвестные факты, и говорить я сегодня собираюсь не об этом. Мне хотелось бы порассуждать о том, что я сам для себя называю автопсихо-

мимесис, то есть самозарождающиеся невротические комплексы, которые на первый взгляд вполне напоминают классические образцы, а сегодня являются основными формами выброса психической энергии. Явление это характерно именно для нашего времени...

Он сделал паузу, чтобы закурить сигару и сформулировать следующую мысль.

— Автопсихомимесис — это саморазвивающийся подражательный комплекс, который уже начал привлекать к себе внимание. Вообразите, к примеру, джазиста, который во время игры как бы впадает в состояние наркотического опьянения, даже если он никогда не прибегал к наркотикам и едва помнит тех, кто это делал, ведь сегодня стимуляторы и транквилизаторы совершенно безвредны. Подобно Дон Кихоту, он устремлен вслед мечте, хотя сама по себе музыка — достаточный выход для его психического напряжения. Или, скажем, один из моих пациентов — корейский мальчик, осиротевший во время войны и оставшийся в живых только благодаря Красному Кресту, ЮНЕСКО и своим приемным родителям, которых он никогда не видел. Ему так хотелось семьи, что он придумал ее. И что же случилось потом? Он ненавидел своего воображаемого отца и нежно любил свою воображаемую мать, поскольку мальчик он был развитой и тоже стремился подражать классическим, хотя и полуполюгендарным, комплексам. Почему?

Психика сегодняшнего человека сложна настолько, что многие перестают понимать освященные веками классические образцы психических расстройств. Сегодня большинство причин таких расстройств устранено, пусть не всегда радикально — как то, что сделало сиротой моего, теперь уже, кстати, взрослого корейца. Таким образом, мы живем среди старых невротозов, в психиатрическом прошлом. И снова встает вопрос — почему? Потому что время, в котором мы живем, ориентировано на такие ценности, как физическое здоровье, безопасность и благосостояние. Мы покончили с голодом, и все-таки выросший в лесной глуши сирота предпочтет получать свою порцию концентратов из рук человеческого существа, которое ухаживает за

ним, нежели натуральную горячую пищу из автомата, установленного среди джунглей.

Телесное здоровье теперь — бесспорное право каждого. И это вызвало реакцию в области здоровья душевного. Развитие техники привело к тому, что причины многих социальных проблем ушли в прошлое, и вместе с ними — многие причины нарушений психики. Но между черными красками вчерашнего дня и светлым завтра лежит длинный и пасмурный сегодняшней день, полный ностальгии по прошлому и страха перед будущим, которые не могут быть объяснены только материалистически, и поэтому сегодня мы сталкиваемся с сознательным стремлением подражать старым неврозам...

Раздался короткий телефонный гудок. Рендер не услышал его из-за звуков симфонии.

— Мы боимся того, чего не знаем, — продолжал он, — а «завтра» — это великая загадка. Ведь даже та область психиатрии, в которой я работаю, еще не существовала каких-нибудь тридцать лет назад. Наука способна развиваться так быстро, что люди испытывают поистине тревогу — я бы даже сказал, мучительную тревогу, — перед логически напрашивающимся вопросом: а не приведет ли тотальная технологизация жизни в мире к...

Он проходил мимо стола, когда телефон зазвонил снова. Рендер отключил микрофон и сделал музыку тише.

— Слушаю.

— Сент-Мориц? — раздался женский голос.

— Давос, — решительно ответил он.

— Чарли, ты безнадежен!

— Джилл, милая, ты тоже.

— Поговорим об этом вечером?

— Тут не о чем говорить.

— Но ты хоть заедешь за мной в пять?

Он ответил не сразу.

— Да. А почему отключен экран?

— Я сделала прическу. Собираюсь снова тебя удивить.

Он подавил глупый произвольный смешок.

— Надеюсь, удивить приятно... Ладно, до встречи, — и, дождавшись ее «до свиданья», отключил связь.

Высветлив окна, он погасил свет и взглянул на улицу. Снова нависла серая пелена, медленно и густо падали снежинки, задумчиво кружась в неподвижном воздухе и теряясь внизу.

Открыв окно, он перегнулся через подоконник: действительно, слева внизу виднелась отметина — предпоследний след, оставленный на этом свете Иризарри.

Рендер закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла уже почти неделя с того дня, когда они катались на спинере с Эйлин. Ей было назначено на час.

Он вспомнил, как кончики ее пальцев, мягко щекоча, касались его лица, словно листья или лапки насекомого, изучая его внешность, — древняя манера слепых. Однако воспоминание было скорее неприятным. Любопытно почему...

Внизу был виден далекий кусочек политой из шланга мостовой, снова белой и чистой, но скользкой, как стекло, под тонким покровом только что выпавшего снега. Сторож вышел из дверей дома и стал энергично разбрасывать по мостовой соль, чтобы никто не поскользнулся, не ушибся.

Зигмунд казался ожившим мифическим Фенриром. После того как Рендер попросил миссис Хеджес: «Проводите их, пожалуйста», — дверь нерешительно приоткрылась, потом вдруг широко распахнулась, и пара дымчато-желтых глаз в упор взглянула на него.

Глаза были широко посажены на странной, искаженной формы собачьей голове. Лоб у Зигмунда был не такой, как у обычной собаки, — скошенный и едва заметный; заросший густой шерстью, он поднимался мощно и высоко, и от этого глаза, казалось, сидели еще глубже. Рендеру стало слегка не по себе от вида и размеров глядящей на него собачьей морды. До этого ему приходилось видеть только щенков-мутантов. Зигмунд был уже совсем взрослым, и его серая, в черных подпалинах шерсть постоянно щетинилась, отчего пес казался больше, чем средний представитель породы мутантов.

Он совсем не по-собачьи, в упор взглянул на Рендера,

издав низкий рычащий звук, слишком похожий на «привет, доктор», чтобы это могло быть совпадением.

Рендер кивнул в ответ и встал.

— Привет, Зигмунд, — сказал он. — Входи.

Собака повернула голову, принюхиваясь к запаху комнаты и словно решая, можно ли доверять хозяину этих чертогов. Потом пес снова перевел пристальный взгляд на Рендера, утвердительно склонил голову и толчком плеча распахнул дверь настежь. Знакомство, таким образом, длилось не больше секундного замешательства.

Эйлин шла за псом, слегка придерживая его за двойной поводок. Собака мягко, бесшумно ступала по толстому ковру, низко опустив голову, словно подкрадываясь к добыче. Взгляд ее ни на минуту не упускал из виду Рендера.

— Так вот он какой, Зигмунд... Как поживаете, Эйлин?

— Прекрасно... Да, он ужасно хотел поехать со мной, и я тоже очень хотела, чтобы вы с ним познакомились.

Рендер подвел ее к креслу и усадил. Щелкнув карабином, Эйлин отстегнула поводок и положила его на пол. Зигмунд сел перед своей упряжкой, по-прежнему пристально глядя на Рендера.

— Как дела в Центре?

— Как обычно. Можно стрельнуть у вас сигарету, доктор? Свои забыла дома.

Он вложил сигарету ей в пальцы, поднес зажигалку. Доктор Шеллот была в темно-синем платке, и стекла ее очков отливали яркой синевой. Огонек зажигалки отразился в серебряном кружке у нее на лбу; Рендер уже убрал руку, а она все еще продолжала глядеть в ту точку, где только что трепетал огонек. Ее волосы до плеч казались чуть светлее, чем в тот вечер, когда они встретились впервые; сейчас они были цвета только что отчеканенной медной монетки. Рендер сел на край стола, кончиком ботинка подняв с пола пепельницу-глобус.

— Вы говорили, что, хотя вы и слепая, это не значит, что вы никогда не видели. Тогда я не спросил, что вы имели в виду. Но теперь мне хотелось бы знать.

— У меня был сеанс с доктором Рискомом, — сказала она, — еще до несчастного случая. Он хотел приспособить

мое сознание к зрительным впечатлениям. К сожалению, второй сеанс так никогда и не состоялся.

— Понятно. Как протекал тот сеанс?

Эйлин скрестила ноги, и Рендер заметил, какие у нее тонкие лодыжки.

— Помню в основном цветочные пятна. Слишком сильное было переживание.

— Помните отчетливо? Как давно это было?

— Примерно полгода назад. Я их никогда не забуду. С тех пор мне даже стали сниться цветные сны.

— Часто?

— По несколько раз в неделю.

— Какие ассоциации у вас возникают?

— Ничего особенного. Они просто возникают в мозгу, так же как и другие очаги возбуждения, без всякой системы.

— И все же, как именно?

— Ну, скажем, когда вы сейчас задали мне этот вопрос, я «увидела» узор из оранжево-желтых пятен. Когда вы поправились, узор был другой формы и серебристый. А сейчас, когда вы просто сидите и молча слушаете меня, вы представляетесь мне темно-синим, почти фиолетовым пятном.

Зигмунд перевел взгляд на стол и принялся рассматривать боковую панель. «Неужели он слышит шум магнитофона? — подумал Рендер. — А если слышит, неужели догадывается, что там такое и зачем оно шумит?» Если так, пес наверняка скажет об этом Эйлин, и дело не в том, что она не знает о подобной повсеместно принятой практике; ей может не понравиться лишнее напоминание, что он, Рендер, относится к ней как к пациентке. Если хоть на минуту поверить, что из этого может выйти толк (он внутренне улыбнулся), он, пожалуй, поговорил бы с собакой наедине. При этой мысли Рендер незаметно пожал плечами.

— Что ж, тогда я придумаю какой-нибудь мир попроще, — сказал он наконец, — и познакомлю вас для начала с самыми элементарными формами.

Она улыбнулась, а Рендер взглянул вниз на мифологического зверя, свернувшегося у ног хозяйки, — язык у него свисал из-за частокола зубов, как кусок свежего мяса.

«Тоже улыбается?»

— Спасибо, — сказала она.

Зигмунд завиллял хвостом.

— Хорошо, — Рендер положил дымящуюся сигарету рядом с Мадагаскаром. — Тогда я проверю «чрево». А пока, — он незаметно нажал на кнопку, — музыка поможет вам немного расслабиться.

Эйлин собиралась было что-то ответить, но раскаты вагнеровской увертюры заглушили ее слова. Рендер снова нажал кнопку и в последовавшей затем тишине произнес:

— Так-так, интересно. Я думал, потом идет Респиги.

Он еще два раза нажимал кнопку, пока не зазвучали «Пинии Рима».

— Можно было и оставить, — заметила она, — мне вполне нравится Вагнер.

— Спасибо за совет, а только позвольте мне самому распоряжаться последовательностью мелодий.

«Яйцо» вышло из шкафа на середину кабинета бесшумно, как облако. Рендер покатил его к пульту, как вдруг услышал у себя за спиной тихое рычание. Он быстро обернулся.

Стремительный, как тень птицы, Зигмунд поднялся и кругами ходил возле аппарата, обнюхивая его; хвост был напряжен, уши прижаты, зубы оскалены.

— Полегче, Зиг, — сказал Рендер. — Это всего-навсего Многоканальное Невроконтактное Устройство. Оно не кусается. Просто машина, вроде автомобиля, телевизора или посудомойки. Сегодня «яйцо» поможет нам показать Эйлин то, чего она еще не видела.

— Не нравится, — проворчал пес.

— Почему?

Ничего не ответив, Зигмунд бесшумно вернулся к Эйлин и положил голову ей на колени.

— Не нравится, — повторил он, глядя на хозяйку.

— Почему?

— Не могу объяснить, — сказал он наконец. — Поедем домой?

— Нет, — ответила Эйлин. — Пристройся где-нибудь в уголке и вздремни, а я пристроюсь внутри этой штуки и тоже подремлю — вроде того.

— Нехорошо, — сказал пес, понуро опустив хвост.

— Давай, давай, — подтолкнула она Зигмунда, — ложись и будь умницей.

Тот неохотно поплелся в угол, заскулив, когда Рендер затенил окна и нажал кнопку, превращая стол в пульт управления. Он заскулил снова, когда подсоединенное к сети «яйцо» раскололось на половинки и верхняя, откинувшись, открыла внутренность машины.

Рендер сел в кресло. Точнее, лег, потому что теперь оно представляло собой нечто вроде ложа, наполовину задвинутого под панель. Он привстал — и кресло снова стало креслом. Потом он коснулся пульта, и половина потолка, отсоединившись и изменив форму, нависла над креслом, как большой колокол.

Рендер встал и, обойдя пульт, подошел к «яйцу». Пока Респиги проникновенно повествовал о римских пиниях, Рендер отключил наушники, нагнувшись, заглянул внутрь «яйца», потом снова склонился над пультом. Прижав наушники к плечу, он проверил микрофон; свободная рука его бегала по панели, нажимая кнопки. Мерный рокот прибора, рык мчащихся машин попеременно заглушали проникновенные звуки музыки; «...когда вы просто сидите и молча слушаете меня, вы представляетесь мне темно-синим, почти фиолетовым пятном», — прорвалось вдруг.

Он настроил контакты шлема и начал проверку: «один» — пахло корицей, «два» — лесной зеленью, «три» — липким, влажным мускусом; ...и дальше — мгновенное чувство жажды, вкус меда, уксуса, соли, и назад — сквозь запахи сирени и влажного бетона, сквозь свежее предгрозовое дуновение и дальше — сквозь все основные обонятельные и вкусовые коды утра, дня и вечера.

Ложе плавало в ртутной емкости, стабилизируемое магнитным полем, которое создавали стенки «яйца». Рендер поставил кассеты с записями.

«Чрево» было в идеальном состоянии.

— Все, проверено.

Эйлин положила очки поверх сложенной одежды. Пока Рендер проверял аппарат, она успела раздеться. Он почувствовал себя немного смущенным, глядя на ее тонкую

талию, полные груди с темными сосками, длинные стройные ноги. «Слишком хорошо сложена для женщины ее роста», — решил он.

Разглядывая Эйлин, он подумал, что испытывает неловкость прежде всего от сознания, что она — его пациентка.

Взяв Эйлин под руку, Рендер подвел ее к машине. Пальцы ее внимательно изучали внутренность аппарата. Помогая ей забираться внутрь, он заметил, что серые глаза ее ярко позеленели. Рендер отметил это с неодобрением.

— Удобно?

— Да.

— Хорошо, приготовились. Я закрою. Приятных сновидений.

Верхняя створка медленно опустилась. Закрывшись, «яйцо» потускнело, потом ослепительно засияло. Рендер взглянул вниз, на собственное кривое отражение, и пошел обратно к пульту.

Зигмунд стоял у пульта, преграждая ему дорогу. Рендер протянул руку, чтобы потрепать его по голове, но пес отстранился.

— Пусти меня, хочю вместе, — проворчала собака.

— Боюсь, не получится, старина, — сказал Рендер. — Кроме того, мы ведь никуда не уходим. Просто вздремнем малость, не выходя из комнаты.

Однако пес, похоже, не собирался уступить.

— Зачем?

Рендер вздохнул. Спорить с собакой — подобная нелепость могла прийти в голову разве что с похмелья.

— Зиг, я собираюсь помочь Эйлин понять, как выглядит наш мир. Конечно, ты замечательно делаешь, воля ее среди всех этих невидимых для нее вещей, но ей нужно *знать*, как они выглядят.

— Тогда она... я не нужен.

— Конечно, ты будешь ей нужен, — Рендер с трудом сдерживал смех. Патетика момента так тесно переплелась с абсурдом, что это было и вправду презабавно. — Я не могу вернуть ей зрение, — объяснил он. — Я просто хочу внушить ей кое-какие зрительные абстракции, ну, как бы одолжить на время свои глаза. Ясно?

— Нет, — ответил пес. — Лучше мои.

Рендер выключил музыку.

«История отношений между собакой-мутантом и ее хозяйкой, — решил он про себя, — заслуживает по меньшей мере шести томов по-немецки».

— Поди туда и ляг, — он указал на дальний угол. — Эйлин же сказала тебе. Это продлится недолго, и, когда кончится, вы уйдете, как и пришли. И ты поведешь ее. Понял?

Зигмунд ничего не ответил и молча, опустив хвост, побрел в угол.

Рендер устроился в кресле и опустил колпак — теперь его рабочее место тоже напоминало «чрево». Он был один против девяноста белых кнопок и двух красных. Мир кончался в темноте за пультом. Рендер развязал галстук, расстегнул воротник рубашки.

Достав шлем, он проверил контакты. Потом надел шлем и опустил темное прозрачное забрало так, что оно сомкнулось с нижней половиной, закрывающей подбородок. Вложив правую руку в подвес, он одним движением отключил сознание пациентки.

Ваятель нажимает белые кнопки бессознательно. Он лишь отдает мысленные приказы. Потом датчик мышечных рефлексов передает напряжение чувствительному подвесу, тот перемещается в нужное положение и велит пальцу нажать необходимую кнопку. Когда кнопка нажата, подвес двигается дальше.

Рендер ощутил покалывание у основания черепа; запахло свежескошенной травой.

Мгновение — и он уже шел, восходя по широкой сумрачной аллее между двух миров...

После показавшегося долгим отрезка времени Рендер почувствовал под ногами непривычную, чужую землю. Он ничего не видел, и только какое-то смутное ощущение чьего-то присутствия подсказывало: он на месте. То была самая непроглядная, самая темная из всех ночей, в которых ему пришлось побывать.

Он приказал тьме рассеяться. Никакого эффекта.

Часть его сознания пробудилась — та часть, которая не спала; он спросил у памяти, в чей мир он попал.

Неведомое присутствие — страх и настороженное ожидание.

Он приказал явиться цветам. Сначала — красный.

Возникло ответное движение. Потом откликнулось эхо.

Все окрасилось в красный цвет; он словно оказался в самой сердцевине огромного рубина.

Оранжевый. Желтый...

Он был мушкой в куске янтаря.

Потом зеленый — жаркие морские испарения. Синий принес вечернюю прохладу.

Он напряг мозг, стараясь вызвать все цвета сразу. И они явились — огромным переливающимся плюмажем.

Он разделил их, придавая каждому форму.

Слепящая, сияющая радуга выгнулась на черном небе-своде.

Он вновь напрягся, призывая коричневое и серое. Цвета проступили снизу — мелькающими, мерцающими пятнами.

Он ощутил далекий трепет — ничего истеричного — и продолжал Ваять. Установил черту горизонта, впитавшего черный цвет. Небо слабо поглубело, и Рендер рискнул выпустить стаю темных туч.

Работая над перспективой, он почувствовал, как что-то сопротивляется его усилиям, и добавил к общей картине слабый шум прибора. Представление о перспективе начало медленно смещаться там, на другом конце, как только он стал разгонять тучи. Чтобы компенсировать приступ акрофобии, он быстро набросал высокий лес. Паника улеглась.

Рендер сконцентрировался на больших деревьях — дубах и соснах, тополях и платанах. Он разметал их стволы вокруг, вонзая их в землю, как копыта, осыпая ворохом зеленых, коричневых и желтых лоскутков, раскатил толстый ковер травы в утренней росе, разбросал на неравном расстоянии серые валуны и зеленоватый валежник и переплел ветви в высоте над головой, укрыв равномерной тенью всю долину.

Эффект был ошеломляющий. Казалось, весь мир содрогнулся в радостных рыданиях и смолк.

Но сквозь застывшую тишину он чувствовал ее присутствие. Рендер решил, что лучше всего будет как можно скорее заложить основание, закрепиться на клочке ясной, осязаемой реальности, подготовить почву для маневра. Потом можно вернуться вспять по собственным следам, устранить последствия травмы во время следующих сеансов; но это необходимый для начала минимум.

Молчание не означало отступления. Эйлин была повсюду: в деревьях и траве, в камнях и зарослях кустарника; она воплощалась в их формы, соотносила их с осязательными ощущениями, звуками, запахами.

Мягким порывом ветра прошелестел он в ветвях деревьев. Воспроизвел плеск невидимого ручья.

Эйлин радостно откликнулась, и он обрадовался тоже.

Пока она держалась замечательно, и Рендер решил расширить сферу первой попытки.

Он позволил себе мысленно пройти среди деревьев, испытывая мгновенное удвоение зрения; в одно из таких мгновений увидел огромную руку возницы, направляющего алюминиевую колесницу к слепяще-белому кругу.

Он был уже по ту сторону ручья и осторожно шел ей навстречу.

Его уносило течением. Он еще не обрел формы. Всплески слились в согласное журчание ручья, который он заставлял течь, играя, между камней. Еще усилие — и лепет воды зазвучал членораздельно.

— Где ты? — спросил ручей.

— *Здесь! Здесь! И здесь!* — откликнулись деревья, кусты, камни, трава.

— Выбери одно, — сказал ручей; он разлился широко, обтекая большой валун, потом побежал под гору, к голубому озеру.

— *Я не могу,* — прошелестел ветер.

— Ты должна! — Ручей скользнул в озеро, взвихрив его ровную гладь, и замер, отражая ветви деревьев и темные облака. — Сейчас!

— *Хорошо,* — ответило легкое эхо. — *Одну минутку.*

Над озером встал туман и медленно поплыл к берегу.

— Сейчас, — прозвенел туман.

— Тогда здесь...

Она выбрала маленькую иву. Деревце покачивалось на ветру, склонив ветви к воде.

— Эйлин Шеллот, — сказал он, — взгляни на озеро.

Налетел порыв ветра, ива затрепетала. Ему не составляло труда вспомнить ее лицо, ее тело. Деревце беспокойно кружилось — так, словно у него не было корней. Эйлин стояла среди смятенных, бесшумным взрывом разметанных листьев; со страхом взглянула она в глубокое синее зеркало воды — мыслей Рендера.

Она закрыла лицо руками, но это не мешало ей видеть.

— Взгляни на себя, — велел Рендер.

Она отняла руки и быстро опустила глаза. Потом медленно повернулась — в одну, в другую сторону, изучая себя.

— Мне кажется, я вполне симпатичная, — сказала она наконец. — Это вы так захотели или это правда?

Говоря, она не переставала оглядываться в поисках Ваятеля.

— Правда. — Голос Рендера звучал отовсюду.

— Спасибо.

Налетел белый вихрь, и, когда он рассеялся, на ней оказалось шелковое, перехваченное кушаком платье. Свет, разгорающийся вдалеке, был едва уловим. Бледно-розовая полоса обозначилась вдоль нижней гряды облаков.

— Что там происходит? — спросила она, поворачиваясь.

— Я хочу показать тебе восход солнца, — сказал Рендер, — боюсь, правда, выйдет неважно, ведь это первый восход в моей практике, да еще в таких условиях.

— А где ты? — спросила она.

— Везде, — ответил он.

— Пожалуйста, станьте чем-нибудь, я хочу вас видеть.

— Договорились.

— Станьте самим собой.

Он представил, что стоит на берегу, у нее за спиной, и вот он уже там.

Что-то металлически блеснуло, и он опустил глаза. Мир на мгновение заколебался, потом вновь обрел стабильность. Рендер улыбнулся, но улыбка застыла на губах, когда он вспомнил.

На нем были те же рыцарские латы, которые стояли рядом со столиком в «Скальпеле и куропатке».

Она вытянула руку и коснулась стали.

— Рыцарские латы, они стояли рядом с нашим столиком, — сразу догадалась Эйлин, ощупывая металлические пластины и скрепы. — В тот вечер я представляла вас в них.

— И сейчас, не раздумывая, в них меня и засунула, — заметил он. — У тебя сильная воля.

Латы исчезли — на Рендере снова был его серо-коричневый костюм, свободно повязанный галстук цвета запекшейся крови, на лице — профессионально-сосредоточенное выражение.

— Представь себе реального меня, — он слабо улыбнулся. — А теперь — восход. Я использую все цвета. Смотри!

Они сели на зеленую парковую скамью, возникшую сзади, и Рендер указал в направлении, которое, как он решил, будет востоком.

Солнце, не торопясь, проделывало свою утреннюю работу. Впервые оно явилось в этом мире, подобное божеству, отразилось в поверхности озера, разорвало тучи, и туман, курясь, окутал влажную древесную листву, скрыл лощину.

Пристально, не отрываясь, глядела Эйлин на разгорающийся в небе пожар; долго сидела она, не вымолвив ни слова. Ее восхищение сообщалось Рендеру.

Она не сводила глаз со всемирного источника света, а восходящее светило, слепя, отражалось в металлическом кружке у нее на лбу, как блестящая капля крови.

— Это солнце, а это тучи, — сказал Рендер, хлопнул в ладоши — тучи скрыли солнце, и сверху послышались мягкие раскаты. — А это — гром.

Пошел дождь; капли его разбили зеркальную гладь озера; щекоча, покатались по щекам Эйлин, громко застучали по листьям деревьев, мягко зашлепали по траве; струйки дождя потекли с ветвей. Одежда на обоих вымокла, волосы слиплись, а капли все падали, стекая по лицам, заставляя жмуриться и превращая в грязь коричневые пятна земли.

Сверкающая молния прочертила небо, мгновение спустя снова прогрехотал гром.

— ...А это — летняя гроза, — наставительно произнес Рендер. — Можно наблюдать, какое действие оказывает дождь на листву и на людей. А то, что ты видела в небе перед громом, называется молния.

— Я устала, — сказала она. — Пожалуйста, пусть он на минутку перестанет.

Дождь мгновенно перестал, и солнце проглянуло сквозь тучи.

— Чертовски хочется курить, — проговорила Эйлин, — а сигареты я оставила там, в том мире.

Стоило ей сказать это, как зажженная сигарета уже дымилась в ее пальцах.

— Покажется пресной, — сказал Рендер загадочно.

Потом он мельком взглянул на нее.

— Это не я дал тебе сигарету. Ты сама выудила ее у меня в мыслях.

Дым качнулся в сторону, завился спиралью и уплыл.

— А это значит, — продолжал он, — что уже второй раз сегодня я недооценил силу той свободной части твоего сознания, где должен помещаться механизм зрения. Ты усваиваешь впечатления очень быстро. А теперь даже подбираешься к новым. Будь осторожна. Постарайся держать себя в руках.

— Но это как голод!

— Пожалуй, на сегодня хватит.

Одежда их уже высохла. В ветвях запела птица.

— Нет, подождите! Пожалуйста! Я буду осторожной. Я хочу видеть еще.

— Ну, этот визит не последний, — сказал Рендер. — Но еще немножко можно. Что бы тебе больше всего хотелось увидеть?

— Зиму. Снег.

— О'кей, — улыбнулся Ваятель. — Тогда накинь эту шубу...

Часть дня, оставшаяся после ухода пациентки, пролетела незаметно.

Настроение у Рендера было хорошее. Казалось, что ему пришлось выплеснуть всю энергию, а теперь он снова

полон ею до краев. Первый опыт прошел без каких-либо обратных воздействий. Видимо, успех обеспечен. Чувство удовлетворения было сильнее чувства страха.

Ощущая прилив бодрости, Рендер вернулся к работе над лекцией.

— В чем же состоит возможность причинить ущерб ближнему? — спросил он у микрофона. — Жизнью нашей управляют приятные и неприятные эмоции. Удовольствие и боль. Одно воодушевляет, другое подавляет. Но хотя удовольствие и боль имеют биологические корни, распределение их обусловлено обществом: общество формирует ценности. Огромные массы людей, жителей больших городов, ежедневно с лихорадочной поспешностью перемещаются с места на место, и возникла необходимость установления полностью механизированных форм контроля за этими передвижениями. Каждый день они прокладывают себе пути в новые области: управляют нашими автомобилями, пилотируют наши самолеты, опрашивают нас, ставят нам диагнозы, — и я не рискнул бы оценивать эти вторжения техники в моральном плане. Они неизбежны и в конце концов могут оказаться даже благотворными.

Но, как бы там ни было, я бы хотел сделать акцент на том, что мы часто не отдаем себе отчета в наших ценностях. Мы не можем прямо сказать, что значит для нас та или иная вещь, пока она не исчезнет из нашей жизни. Когда же ценностный объект исчезает, вложенная в него психическая энергия высвобождается. И мы отправляемся на поиски новых ценностных объектов, на которые могли бы обратить свою «ману», или свое «либидо», как вам больше нравится.

Надо сказать, что ни одно из явлений, исчезнувших за последние три, четыре или пять десятилетий, не обладало достаточной массовой значимостью; и ни одно из новшеств, появившихся за это время, нельзя считать враждебным по отношению к людям, которых оно заменило, или к тем, кого оно контролирует. Тем не менее общество представляет собой сложную систему явлений, и, если они смеяют друг друга слишком быстро, результаты могут оказаться непредсказуемыми.

Тщательное изучение душевных заболеваний часто про-

ливает свет на природу стрессов, бытующих в обществе, где эти заболевания возникли. Если психические расстройства подлежат классификации, то скрытые болезни общества так или иначе обнаруживаются в них. Карл Юнг установил, что, когда сознательное терпит постоянные неудачи в поисках ценностей, поиски эти переходят на уровень подсознания; если же и там подстерегает неудача, то оно обращается к гипотетическому коллективному подсознанию. В послевоенный период, изучая психологию бывших нацистов, он заметил, что чем дольше искали они что-либо жизнеспособное на руинах своих судеб — пройдя через период классического иконоборчества, а затем видя крах новых идеалов, — чем дольше они искали, тем глубже уходили они в коллективное подсознание своего народа. Даже их сны отливались в образы древнегерманских мифов.

Пусть не в столь драматической форме, нечто подобное происходит и сейчас. В некоторые исторические периоды групповая тенденция обращаться на самое себя, двигаться вспять возрастает сравнительно с другими эпохами. Сегодня мы переживаем эру донкихотства в изначальном значении этого слова. А отсюда следует, что в наши дни нанести ущерб можно, прежде всего игнорируя, не признавая, строя козни, и мы уже не вправе сказать, что исключительная привилегия человеческих существ...

Телефонный гудок прервал речь. Отключив диктофон, Рендер нажал кнопку переговорного устройства.

— Чарльз Рендер слушает.

— Это Пол Чартер, — раздался шепелявый голос, — директор школы в Диллинге.

— Слушаю вас.

Появилась картинка. С экрана на Рендера глядело лицо человека с близко посаженными глазами и высоким лбом. Слова давались Чартеру с трудом, лоб морщился, губы кривились.

— Я хотел бы еще раз извиниться за то, что произошло. Дело в том, что этот физкультурный снаряд был неисправен, и...

— Неужели вы не в состоянии приобрести более качест-

венное оборудование? Плата за обучение у вас достаточно высока.

— Но это новый снаряд. Дело в фабричном браке...

— Так, значит, класс был оставлен без присмотра?

— Нет, просто...

— Почему же тогда преподаватель не осмотрел снаряды? Почему не подстраховал мальчика?

— Он был рядом, однако все произошло слишком быстро. А осматривать оборудование в целях обнаружения фабричного брака — не его задача. Послушайте, мне действительно очень жаль. Вашим мальчиком я весьма доволен. Уверяю вас, ничего подобного больше не произойдет.

— Вот тут вы правы, но только потому, что я завтра же забираю его и отдаю в школу, где соблюдаются соответствующие правила безопасности.

Нажав кнопку, Рендер прервал разговор.

Еще несколько минут он сидел за столом, потом встал и прошел в дальнюю часть комнаты, отгороженную книжным шкафом. Быстро, привычным движением открыл дверцу и достал шкатулку, в которой лежало дешевое ожерелье и фотография в рамке, изображавшая мужчину, похожего на Рендера, только моложе, и женщину с темными, зачесанными назад волосами и маленьким ртом; между ними стояла девочка и, держа на руках малыша, улыбалась широко, ясной, хотя и несколько напряженной улыбкой.

Как всегда в подобных случаях, Рендер несколько секунд смотрел на фотографию, ласково перебирая ожерелье, потом закрыл шкатулку и на долгие месяцы вновь спрята- л ее в шкаф.

«Вумп! Вумп!» — гудели басы. «Чг-чг-чга-чг!» — сухо трещали маракасы.

Светильники бросали косые отсветы — красные, зеленые, синие и ядовито-желтые — на фигурки механических танцоров.

«Люди?» — вопрошала вывеска на балагане.

«Или роботы?» — было написано чуть ниже.

«Войдите, и вы увидите себя!» — значилось загадочно в самом низу.

Так они и сделали.

Джилл и Рендер сидели за крошечным столиком, специально поставленным так, чтобы посетители могли разглядеть нарисованные углем на стене карикатуры на местных знаменитостей, по большей части неизвестных (таких неизвестных знаменитостей немало найдется в субкультурах города с населением в четырнадцать миллионов человек).

Морща нос от удовольствия, Джилл упивалась самым колоритным зрелищем, каким могла угостить их эта субкультура, и чтобы подчеркнуть переполнявший ее восторг, то и дело высоко поднимала плечи, прыскала и повизгивала. И действительно — танцоры были слишком похожи на людей, взять хотя бы то, с какой галантностью черный робот брал свою партнершу за руку, когда они сходились...

Рендер делил свое внимание между Джилл, танцорами и сомнительного вида смесью в стакане, напоминавшем бо-чонок виски, в котором колыхались морские водоросли (казалось, в любую минуту из них может вынырнуть Кракен, чтобы утянуть какое-нибудь злосчастное суденышко в роковые глубины).

— Чарли, по-моему, это взаправдашние люди!

Рендер отвел взгляд от волос Джилл и ее покачивающихся сережек и внимательно посмотрел вниз, на пол, где кружились под музыку танцующие фигурки.

А что, если внутри этих металлических каркасов действительно люди? Тогда мастерство их просто поразительно. Конечно, получить достаточно легкий сплав сейчас несложно, и все же от танцоров потребовалось бы большое искусство, чтобы так ловко выделывать па на протяжении столь долгого времени, будучи с ног до головы закованными в броню, и ни разу не произвести ни малейшего звука.

Ни малейшего...

Они двигались легко, как чайки, скользящие над водой; тот, что побольше, отливал, как кусок антрацита; второй, поменьше, серебрился, будто лунный свет, падающий сквозь витрину на шелковое платье манекена.

Даже сталкивались они бесшумно, и, если какой-то звук и возникал, он полностью заглушался наигрышами музыкантов.

«Вумп! Вумп! Чга-чг!»

Рендер заказал еще коктейль.

Движения замедлились; танцоры исполняли танец апащей. Рендер взглянул на часы. Пожалуй, слишком долго для наемных танцоров. Наверное, это все же роботы. Когда он вновь посмотрел на танцующую пару, черный робот подобросил свою партнершу футов на десять, а затем поймал. Никакого лязга или звона.

«Любопытно, сколько может стоять такая игрушка?» — подумал он.

— Чарли, я не слышала ни единого звука. Как это у них получается?

— Ни звука? — переспросил Рендер.

И снова замелькала подсветка — желтая, красная, синяя, зеленая.

— А тебе не кажется, что они могут сломаться?

Серебристый робот вернулся в прежнюю позицию; другой стоял, небрежно помахивая рукой с зажженной сигаретой. Когда он механически поднес сигарету к своему безгубому, безликому лицу, раздался смех. Серебристый робот снова стоял перед ним. Второй выбросил сигарету и беззвучно повернулся к партнерше. Неужели он опять проделает такой же трюк? Нет, вряд ли...

И вновь начался танец, причем танцоры выступали медленно и важно, как длинноногие птицы Востока, то и дело сходясь и расходясь.

Где-то в глубине Рендер чувствовал, что это забавно, однако ему не хотелось копаться в себе, выясняя, что же именно смешного в движениях танцующей пары. И он принялся разглядывать Кракена, притаившегося на дне стакана.

Джилл ущипнула его за бицепс, привлекая внимание к происходящему внизу.

Высвечивающие площадку прожекторы вновь принялись терзать спектр, и черный танцор стал медленно поднимать над головой серебристую партнершу, а затем, расставив ноги, прогнув спину и вытянув руки, начал вращать ее, поначалу медленно, а потом все быстрее и быстрее.

Скорость резко увеличивалась — и вот они уже враща-

лись с немыслимой быстротой, и одновременно все быстрее мелькали цветные пятна.

Рендер встряхнул головой, в глазах рябило.

Танцоры вращались так быстро, что неминуемо должны были упасть — будь то роботы или люди. Однако они не падали. Очертания их тел слились в мандалу, в нечто расплывчатое, однородно-серое, Рендер даже отвел взгляд.

Но вот вращение стало замедляться. Медленнее, медленнее... Наконец они остановились. Музыка смолкла. Свет погас.

В темноте раздалась аплодисменты.

Когда свет снова зажегся, оба робота стояли, застыв, как статуи, перед публикой. Медленно, очень-очень медленно они поклонились.

Аплодисменты стали громче.

Танцоры повернулись и скрылись.

И снова заиграла музыка, загорелся ровный яркий свет. Зазвучал слитный гул голосов.

Рендер прикончил Кракена.

— И что ты об этом думаешь? — спросила Джилл.

Рендер напустил на себя серьезность.

— Человек ли я, которому снится, что он робот, или робот, которому снится, что он — человек? — Он усмехнулся. — Не знаю.

Джилл весело хлопнула его по плечу, и Рендер заметил, что она пьяна.

— Ничего подобного, — запротестовала она. — Разве что капельку. Меньше, чем ты.

— И все же, я думаю, тебе стоит показаться врачу. Такому, как я. Такой, как сейчас. Может, пойдём отсюда, покажемся?

— Подожди, Чарли, подожди немного. Я хочу еще раз их увидеть. Ну пожалуйста!

— Если я еще выпью, вряд ли я что-нибудь увижу.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Уф-ф!

— Тогда пива.

— Обойдусь без пива.

На площадке танцевало несколько пар, но у Рендера ноги словно налились свинцом. Он закурил.

— Значит, ты сегодня говорил с собакой?

— Да. Очень странная история...

— Она была хорошенькая?

— Это был кобель. И далеко не красавец.

— Глупый, я про хозяйку.

— Ты ведь знаешь, Джилл, я никогда не обсуждаю пациентов.

— Ты же сам рассказывал, что она слепая, и про собаку... Мне только интересно: она хорошенькая?

— Как сказать... и да, и нет. — Он шлепнул ее под столом и неопределенно пожал плечами: — Понимаешь...

— То же и еще раз то же, — сказала она официанту, неожиданно возникшему из темноты рядом с ними. Официант кивнул и так же мгновенно исчез.

— Вот чем заканчиваются всегда мои благие намерения, — вздохнул Рендер. — Похоже, тебе хочется, чтобы тебя обследовал подвыпивший врач, иначе я не могу объяснить.

— Ну, ты у нас быстро трезвеешь. Секреты Гиппократ. Он фыркнул, взглянул на часы.

— Завтра еду в Коннектикут, забрать Пита из этой чертовой школы.

Джилл зевнула; тема явно ей надоела.

— Мне кажется, ты слишком за него переживаешь. Сломать лодыжку — обычная история для молодого парня. Это болезнь роста. Я сломала руку в детстве, когда мне было семь лет. Несчастный случай. Школа тут не виновата.

— Черта с два, — сказал Рендер, принимая стакан с темным напитком из рук темного человека с темным подносом. — Если им не справиться со своей работой, я найду того, кто справится.

Джилл пожала плечами.

— Тебе виднее. Я знаю только то, о чем пишут в газетах... А ты по-прежнему настаиваешь на Давосе, хотя знаешь, что публика в Сент-Морице гораздо приличнее.

— Не забывай: мы едем кататься на лыжах. А бегать на лыжах мне больше нравится в Давосе.

— Может, мне удастся выиграть хоть один забег сегодня? Рендер пожал ее руку.

— Ты же всегда обгоняешь меня, милая.

Они допили свои коктейли, и докурили свои сигареты, и долго сидели, взявшись за руки, пока люди не ушли с танцевального круга и вновь не замелькали разноцветные пятна, закружились, окрашивая клубы табачного дыма то inferнально-красным, то нежно-розовым, как заря, цветом, и в оркестре не бухнул бас: «Вумп!». «Чга-чг!» — отозвались маракасы.

— Чарли, смотри, вот они опять!

Небо было как темное стекло. Дорожное покрытие — чистое. Снег перестал. Джилл дышала ровно, как дышат спящие. «С-7» стремительно мчался через городские мосты. Когда Рендер сидел не шевелясь, ему удавалось убедить себя, что сознание его работает трезво; однако стоило чуть наклонить голову — и Вселенная начинала кружиться. В такие моменты ему казалось, что все вокруг — сон и это он извоял его.

И так оно и было, когда он перевел стрелку звездного циферблата назад, улыбнувшись во сне. Но вот он снова проснулся, и улыбка исчезла с лица. Вселенная мстила ему за самонадеянность. На одно ослепительное мгновение, с беспомощностью, которая была ему дороже помощи, она спросила с него сполна за озерный мираж; и когда он вновь устремился к разбитому остову на поверхности мира — как ныряльщик, не в силах открыть рот для крика, — то услышал донесшийся сверху, сквозь толщу покрывающих Землю вод, вой Фенрира Волка, разинувшего пасть, чтобы пожрать луну; и едва Рендер услышал этот звук, как понял, что тот похож на трубы Судного дня, как женщина рядом с ним похожа на луну. Во всем. Как ни взгляни. И ему стало страшно.

Глава 3

Он был собакой.

Но собакой необычной.

Он сидел — сам — за штурвалом автомобиля, едущего за город.

Крупный, по виду похожий на немецкую овчарку, он

сидел на задних лапах на переднем сиденье, глядя на проезжающие мимо машины и на пейзаж за окном. Он ехал по полосе скоростного движения, обгоняя другие машины. День был холодный, снег лежал на полях; деревья были скованы ледяной броней, и птицы в небе и на земле казались черными пятнами.

Пес открыл пасть, и длинный язык лизнул оконное стекло, затуманившееся от собачьего дыхания. Морда у него была длиннее любой другой собачьей морды, кроме, пожалуй, ирландского волкодава, глаза темные, глубоко посаженные. Открыв пасть, он смеялся.

Он прибавил скорость. Наконец машина замедлила ход и, перестроившись на правую боковую полосу, свернула на проселочную дорогу. Еще несколько миль она ехала по проселку, затем опять свернула — на узкую аллею — и остановилась под деревом. Мотор заглох; дверца открылась.

Пес вышел из машины и с силой толкнул дверь плечом. Увидев, что свет внутри погас, повернулся и полем побежал к лесу. Осторожно переставляя лапы, он изучал собственные следы. Вбежав в лес, глубоко втянул в себя воздух. Потом встряхнулся — от кончика носа до хвоста и, залаяв странным, не похожим на собачий лаем, побежал в глубь леса.

Пес бежал между деревьев и валунов, перепрыгивая через замерзшие лужи, небольшие промоины, взбегая по склонам холмов и сбегая вниз, в лощины, ломая ледяную коросту на траве, на радужно-разноцветных кустах, и дальше — по заледеневшему руслу ручья.

Потом он остановился, тяжело дыша. Принюхался. Открыл пасть и засмеялся — этому он научился у людей. Затем, глубоко вздохнув, поднял морду к небу и завыл — этому он научился не у людей. По правде сказать, он и сам не знал, у кого.

Вой прокатился по холмам и эхом отозвался вдалеке, как зычный звук охотничьего рога. В ответ донесся вой, похожий и не похожий на его собственный. Любой другой голос не мог быть похож на его, ведь он был не просто собакой. Он прислушался, понюхал воздух и снова завыл; и снова донесся ответный зов. На этот раз ближе...

Он подождал, принюхиваясь — что несут с собой порывы ветра.

Собака приближалась к нему по склону холма, сначала быстро, потом сменив рысцу на шаг. Остановившись футах в сорока, она внимательно уставилась на него. Потом опустила голову. Она была похожа на гончую — большая, вислоухая дворняга.

Еще раз потянув воздух, он издал горлом короткий, неопределенный звук. Собака оскалилась. Он двинулся навстречу незнакомцу, и тот не двигался, пока он не подошел футов на десять.

Тогда незнакомец повернулся и стал отступать. Он остановился. Собака, внимательно за ним наблюдая, принялась кружить вокруг него. Двигаясь с подветренной стороны, она постоянно принюхивалась.

Наконец, глядя на собаку, он издал глубокий горловой звук, странно похожий на «привет!».

Собака заворчала. Он шагнул ей навстречу.

— Хорошая собака, — сказал он наконец.

Незнакомец склонил голову набок.

— Хорошая собака, — повторил он и сделал еще шаг вперед. Потом еще. Потом сел. — Оч-чень хор-рошая собака.

Хвост его едва заметно вильнул.

Встав, он пошел к собаке, и та внимательно обнюхала его. Он ответил ей взаимной вежливостью.

Собака, помахивая хвостом, вновь принялась описывать круги и, запрокинув голову, дважды пролаяла. Она все расширяла круги, время от времени опуская морду к земле, и вдруг стремглав бросилась в лес, по-прежнему держа голову низко опущенной.

Он подошел к месту, где она только что стояла, и обнюхал его. Потом повернулся и побежал по следу между деревьями.

Через несколько секунд он поравнялся с собакой, и теперь они бежали бок о бок. Потом он вырвался вперед; след описал круг, начал петлять. И все же он был достаточно отчетлив.

Из-под куста выскочил затаившийся кролик. Он быстро догнал его и схватил своими мощными челюстями. Кро-

лик забился, пока не хрустнули позвонки, потом еще раз дернулся и затих.

Держа в пасти тельце зверька, он оглянулся. Гончая спешила к нему, вся дрожа. Он бросил кролика перед ней. Гончая выжидательно взглянула на него. Он следил за ней. Она опустила морду и вонзила клыки в маленькую тушку. Кровь дымилась в холодном воздухе. Редкие снежинки, кружась, падали на коричневую морду собаки. Она жадно глотала кусок за куском...

Наконец он тоже опустил морду и откусил от добычи. Мясо было теплое, жесткое и пахло дичью. Глядя на него, собака отступила, глухо рыча. Он был не очень голоден, поэтому тут же бросил кролика и отошел. Собака вновь склонилась над тушкой.

После этого они несколько часов охотились вместе. И каждый раз он опережал гончую в поимке добычи и каждый раз оставлял добычу ей.

Всего им удалось поймать семь кроликов. Последних двух они не тронули. Собака села, внимательно на него глядя.

— Хорошая собака, — сказал он.

Она завиляла хвостом.

— Плохая собака, — сказал он.

Хвост замер.

— Очень плохая собака.

Она опустила голову, потом виновато взглянула на него. Он развернулся и пошел прочь. Собака последовала за ним, поджав хвост.

Остановившись, оглянулся. Собака еще больше поджала хвост и съежилась.

Тогда он пролаял пять раз и завыл. Собака приободрилась, хвост выпрямился. Она подошла к нему и снова его обнюхала.

Он издал звук, похожий на смех.

— Хорошая собака.

Хвост заходил из стороны в сторону. Он снова рассмеялся.

— И-ди-от. Ми-кро-це-фал, — сказал он.

Хвост продолжал вилять. Он засмеялся.

— Хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака.

Она стала бегать вокруг него маленькими кругами, потом опустила голову, прижав ее к земле между передними лапами, и взглянула на него.

Он оскалил клыки и заворчал. Потом прыгнул на нее и укусил в плечо.

Она отбежала, заскулив.

— Дурак! — прорычал он. — Дурак, дурак, дурак, дурак, дурак!

Ответа не было.

Он зарычал снова — так не рычит больше ни один зверь на свете.

Потом вернулся к машине, носом открыл дверцу и запрыгнул внутрь. Нагнувшись, он нажал на кнопку, и мотор завелся. Дверца медленно опустилась.

Лапой он набрал нужные координаты. Машина вырлила из-под дерева, выехала по узкой дороге на шоссе. Потом, доехав до хайвея, смешалась с потоком других машин.

А в это время где-то шел человек.

Утро было холодное, и он мог бы надеть пальто потеплее, но ему нравилось старое, с меховым воротником.

Засунув руки в карманы, он шел вдоль ограждения. По другую сторону, рыча, проносились машины.

Человек не замечал их.

Он мог быть в это время в тысяче других мест, и все же выбрал именно это. Он предпочел путь пешком в то холодное утро. Он предпочел не замечать ничего и просто шел.

Машины мчались мимо, а он шел, медленно, но верно двигаясь вперед. Навстречу ему не попался ни один пешеход.

Дул ветер, и он поднял воротник, но все равно было зябко. Он шел, и утро хлестало его по лицу и дергало за полы его одежды. День раскрывал перед ним свою бесконечную анфиладу, и он шел, никем не учтенный и не замеченный.

Канун Рождества.

...Противоположность Новому году.

Это время, когда семьи собираются вместе, и большие рождественские поленья трещат в каминах; время подарков, время особых кушаний и особых напитков. Это время больше принадлежит личности, чем обществу. Это время, чтобы обратиться к себе и к семье, оставив в стороне общественные проблемы; это время морозных узоров на окнах, ангелов в украшенных звездами одеяниях, пылающих каминов, пойманных жар-птиц, толстых Санта-Клаусов, надевающих две пары брюк (ведь малыши, которых они усаживают к себе на колени, могут и описаться в благоговейном трепете); это время, когда ярко горят окна соборов, время метелей, рождественских гимнов, колоколов, сценок с волхвами у яслей, поздравлений от тех, кто не с нами (даже если они живут поблизости), время радиопостановок по Диккенсу, время ветвей падуба, свечей и увядающей зелени, сугробов, разряженных елок, сосен, Библии и Доброй Старой Англии, время, когда поют «Что за дитя?» и «Городок Вифлеем»; время рождения и надежды, света и тьмы; время сиюминутное и грядущее, чувство перед свершением, свершение до срока, время красного и зеленого, смена того, кто стоит на страже, время традиций, одиночества, симпатий, антипатий, сентиментальности, песен, веры, надежды, милосердия, любви, желаний, стремлений, страха, свершений, исполнения желаний, веры, надежды, смерти; время собирать каменья и время разбрасывать каменья, время объятий, находок, потерь, смеха, танцев, сна под утро, усталости, молчания, разговоров, смерти и вновь молчания. Это время разрушать и время строить, время сеять и время пожинать посеянное...

Чарльз Рендер, Питер Рендер и Джилл де Виль были вместе в этот тихий вечер в канун Рождества. Квартира Рендера находилась на самом верху башни из стекла и стали. В ней царил дух спокойствия и постоянства. Ряды книг протянулись по стенам; то тут, то там статуэтка нарушала однообразие корешков; картины примитивистов, сияющие чистыми красками, висели в простенках. Маленькие зер-

кала, выпуклые и вогнутые, украшенные ветками падуба, были развешаны в беспорядке.

На скатерти стояли рождественские открытки с поздравлениями. Растения в горшках (два в столовой, одно в кабинете, еще по одному в кухне и в ванной) были украшены блестками и звездами из фольги.

Чаша для пунша из розового камня, инкрустированного бриллиантами, занимала почетное место на столике из фруктового дерева, окружающие ее бокалы поблескивали в мягком, рассеянном свете.

Настало время открывать подарки...

Джилл завернулась в свой, ощетилившийся тысячью маленьких мягких копий.

— Горностаи! — воскликнула она. — Великолепно! До чего ж красиво! Спасибо тебе, Ваятель!

Рендер улыбнулся и выпустил клуб дыма. Манто искрилось, переливалось.

— Теплый снег! Мягкий лед! — сказала она.

— Шкуры убитых животных, — заметил он, — лучше всего доказывают умение охотника. Я добыл их для тебя, обойдя вдоль и поперек всю Землю. Я настиг красивейших из белых созданий и сказал: «Отдайте мне свои шкуры», — и они сделали это. Слава великому охотнику Рендеру!

— У меня есть для тебя кое-что, — сказала она.

— Что же?

— А вот. Это тебе.

Рендер стал разворачивать обертку.

— Так-так, запонки. В виде тотема. Три лица — одно над другим. Золото. «Оно», «я» и «сверх-я». Пожалуй, я назову их так, поскольку верхнее кажется мне наиболее экспрессивным.

— Зато нижнее улыбается, — заметил Питер.

Рендер кивнул.

— Я не уточнил, какое именно я беру за точку отсчета, — сказал он сыну, — а улыбается оно потому, что ему доступны радости, о которых плебеи не имеют ни малейшего понятия.

— Бодлер? — спросил Питер.

— Хм. Да, Бодлер.

— ...Цитата, мягко говоря, неточная, — прокомментировал сын.

— Бывает, — отозвался Рендер, — все зависит от контекста. В контексте Рождества Бодлер заставляет вспомнить о старом и предвещает новое.

— Звучит как свадебное поздравление, — сказал Питер.

Лицо Джилл над белоснежным мехом вспыхнуло; Рендер сделал вид, что не расслышал.

— Ну, пора и тебе посмотреть подарки.

— Посмотрим.

Питер разорвал обертку.

— Ага! Набор юного алхимика. То, о чем я всегда мечтал. Змеевики, реторты, паровая ванна и эликсир жизни. Здорово! Благодарю, мисс де Виль.

— Пожалуйста, зови меня Джилл.

— Конечно. Спасибо, Джилл.

— Открывай второй.

— Сейчас.

Он снял обертку из белой бумаги с рисунком из ветвей падуба и колокольчиков.

— Потрясающе! Еще две мечты: синее и грустное — семейный альбом в синем переплете, а также копия доклада доктора Рендера в Сенатскую подкомиссию слушаний по вопросу о социопатических расстройствах среди государственных служащих. И еще — полные собрания Лофтинга, Грэхема и Толкина. Спасибо, па. О боги!.. И еще Тальи, Морелли, Моцарт и покойный старина Бах. Музыкой я теперь обеспечен! Спасибо, спасибо, спасибо! А теперь моя очередь. Посмо-о-о-отрим... Ну-ка, а как насчет этого?

Он вручил отцу и Джилл по пакету.

Каждый развернул свой.

Рендер: шахматы.

Джилл: пудреница.

Рендер:

— Спасибо.

Джилл:

— Спасибо.

— Не стоит благодарности.

— А как поживает твой магнитофон? — спросил Рендер.

— Могу дать послушать, — сказал Питер.

Он настроил магнитофон и включил его. Магнитофон заиграл музыку, которая рассказывала о Рождестве и о святости, о вечерней заре и сверкающих звездах, о теплоте домашнего очага, о верных вассалах, пастухах, королях, о свете и об ангельских голосах.

Когда музыка кончилась, Питер отключил магнитофон и убрал его.

— Очень хорошо, — вздохнул Рендер.

— Да, хорошо, — сказала Джилл. — Очень...

— Спасибо.

— Как в школе? — спросила Джилл.

— Нормально, — ответил Питер.

— Все-таки новое место.

— Ничего.

— Правда?

— Правда. Просто я хороший. Хороший ученик. Папа меня отлично подготовил.

— Но там новые учителя...

Питер пожал плечами.

— Если вы разбираетесь только в учителях, это одно. Если в предметах — другое. Я предпочитаю разбираться в предметах.

— А архитектуру ты знаешь? — неожиданно спросила она.

— В каком смысле? — спросил, улыбаясь, Питер.

Джилл откинулась в кресле и отвела взгляд.

— По твоей реакции видно, что ты кое-что о ней знаешь.

— Верно, — согласился он. — Знаю. Мы ее недавно изучали.

— Да я просто так спросила, правда...

— Спасибо. Я рад, что вы верите в мои скромные знания.

— И все же, откуда ты знаешь архитектуру? Вряд ли она входит в обычную программу.

— *Nihil hominum*, — пожал плечами Питер.

— Ну ладно. Я просто полюбопытствовала... И что же ты думаешь об архитектуре? — Она достала из сумочки сигарету.

Питер улыбнулся.

— А что можно думать об архитектуре? Это как солнце: оно большое, яркое, и оно существует. И так обо всем, если обходиться без ученых слов.

Джилл опять покраснела. Рендер поднес зажигалку к ее сигарете.

— Я хотела спросить — тебе она нравится?

— Да, любая: и древние развалины, и новый дом, когда я — внутри, а на улице холодно. Я утилитарен в том, что касается физических удовольствий, и романтик во всем, что связано с эмоциями.

— Господи! — сказала Джилл, взглянув на Рендера. — И чему ты только учишь своего ребенка!

— Всему, чему могу, — ответил Рендер. — И по возможности ускоренно.

— Не хочу, чтобы в один прекрасный день на него обрушилась эдакая современная Вавилонская башня, напичканная фактами вперемешку с законами современной физики.

— Это дурной тон — говорить о присутствующих так, словно их тут нет, — вмешался Питер.

— Правильно, — сказал Рендер, — но хороший тон — это не всегда хороший тон.

— Ты говоришь так, словно кто-то перед кем-то должен оправдываться.

— Это каждый сам решает для себя, иначе какой смысл?

— В таком случае я решил, что ни перед кем оправдываться не буду. А если кто-нибудь захочет оправдаться передо мной, я приму его извинения как джентльмен, это и будет хороший тон.

— Питер, — Рендер строго взглянул на сына.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джилл. — Очень вкусно, я уже весь выпила.

Рендер потянулся к ее бокалу.

— Дай я, — сказал Питер.

Взяв бокал, он помешал пунш хрустальным ковшом. Потом встал, облокотившись одной рукой на подлокотник кресла.

— Питер!

Мальчик покачнулся. Бокал с пуншем упал на колени Джилл. Красные струйки растеклись по белому меху манто. Бокал покатился по дивану, остановившись в центре быстро расплывающегося пятна. Питер вскрикнул, схватившись за лодыжку, и осел на пол.

Раздался звонок в дверь. Гости.

Рендер разразился длинным латинским термином. Наклонившись над сыном, он взял его ногу, потрогал лодыжку.

— Больно?

— Да!

— А здесь?

— Да! Да! Везде больно!

— А вот здесь?

— Вот здесь, сбоку. Да, да!

Рендер помог ему встать на здоровую ногу и подал костыли.

— Иди. Держись за меня. У доктора Хейделла здесь, внизу, домашняя лаборатория. Гипс треснул. Я хочу сделать новый снимок.

— Не надо! Все в порядке...

— А как же мое манто? — спросила Джилл.

Снова раздался звонок.

— Черт бы всех побрал! — И Рендер нажал переговорную кнопку. — Да, слушаю!

Кто-то молча дышал в микрофон.

— Уф! — раздался наконец запыхавшийся голос. — Это я, босс. Похоже, я не вовремя?

— Бенни! Послушай, извини, что я на тебя наорал, но тут черт знает что творится. Поднимайся. Надеюсь, пока ты едешь наверх, страсти улягутся.

— О'кей, раз вы уверены, что все в порядке, значит, так оно и есть. Я на минутку. Мне еще надо кое-куда заехать.

— Да-да, конечно. Дверь рядом.

Он нажал кнопку.

— Джилл, оставайся здесь и впусти ее. Мы вернемся через пару минут.

— А как же с моим манто? И с диваном?

— Все будет в порядке. Не переживай. Ну, трогай, Пит. Поддерживая сына, Рендер прошел с ним через холл,

вызвал лифт, и они спустились на шестой этаж. По дороге их лифт разминулся с лифтом, в котором ехала Бенни.

Дверь щелкнула, но Рендер нажал кнопку «занято».

— Питер, — сказал он, — ты ведешь себя, как вредный сопляк.

Мальчик сделал вид, что утирает глаза.

— Вот дьявол, я не виноват, что у меня преждевременное развитие... А что касается сопляка... — Питер шмыгнул носом.

Рендер медленно поднял руку, потом опустил.

— Обсудим это позже, — вздохнул он.

Кнопка была отпущена, и дверь лифта скользнула в сторону.

Квартира доктора Хейделла помещалась в конце коридора. На двери, окружая медный молоток, висел большой венок из еловых веток с шишками. Рендер стукнул несколько раз.

Изнутри доносились слабые звуки рождественских мелодий. Через минуту послышались шаги, и дверь открылась.

Доктор Хейделл стоял перед ними, глядя снизу вверх из-под очков с толстыми стеклами.

— А вот и ряженые, — возвестил он басом. — Входите, Чарльз. Входите...

— Мой сын, Питер, — сказал Рендер.

— Рад познакомиться, Питер, — произнес Хейделл. — Входите, присоединяйтесь.

Он широко распахнул дверь и отступил, пропуская гостей.

Переступив порог, они почувствовали, как на них дохнуло Рождеством.

— Видите ли, — объяснил Рендер, — у нас там произошел небольшой инцидент. Питер недавно сломал лодыжку, а сегодня опять упал на эту ногу. Я хотел бы сделать рентген, на всякий случай.

— Конечно, конечно! — воскликнул маленький доктор. — Сюда, пожалуйста.

Он провел их через гостиную, где в разных позах сидели и стояли около десятка человек.

- Счастливого Рождества!
- Эй, Чарли!
- Счастливого Рождества, док!
- Как идет прочистка мозгов?

Рендер машинально поднял руку в знак приветствия, несколько раз кивнул.

— Это Чарльз Рендер, невроконтактор, — объяснил Хейделл остальным, — а это его сын Питер. Мы через пару минут вернемся. Нужна моя помощь.

Пройдя через комнату, они вышли в вестибюль. Хейделл открыл дверь в свою изолированную лабораторию.

Оборудовать ее стоило ему немало времени и затрат. Потребовалось согласие местной жилищной администрации, пришлось подписать документ о том, что оборудование удовлетворяет всем требованиям безопасности, предъявляемым к госпитальным лабораториям, понадобилось также разрешение управления по найму, которое, в свою очередь, основывалось на согласии всех жильцов. Некоторые из них затребовали финансовое обоснование; Рендер хорошо все это понимал.

Они вошли в лабораторию, и Хейделл подготовил установку к работе. Сняв несколько проекций, он запустил снимки в аппарат скоростного проявления и просушки.

— Все в порядке, — сказал он, посмотрев снимки. — Никаких новых повреждений, и сам перелом уже почти сросся.

Рендер улыбнулся. Он заметил, что руки его едва заметно дрожат.

Хейделл хлопнул его по плечу.

— Ну что, пойдете отведаем нашего пунша!

— Спасибо, Хейделл. Хорошая мысль. — Он всегда называл своего тезку по фамилии.

Отключив оборудование, они вышли из лаборатории.

Снова оказавшись в гостиной, Рендер пожал несколько приятельски протянутых ему рук и сел на диван рядом с Питером. Он не спеша отхлебывал пунш, когда один из тех, кого он только что приветствовал, доктор Минтон, обратился к нему:

— Так, значит, вы — Ваятель?

— Совершенно верно.

— Я всегда этим интересовался. У нас в госпитале на прошлой неделе такие были страсти, просто коррида...

— Да что вы?

— И все из-за того, что наш ведущий психиатр заявил, что невроконтактный метод ничуть не более эффективен, чем обычные терапевтические методики.

— Я полагаю, он вряд ли имеет право судить, особенно если вы говорите о Майке Мисмайре, а я думаю, что о нем.

Доктор Минтон воздел руки к потолку.

— Он сказал, что ведет статистику.

— Изменения в психике пациента, полученные в процессе невроконтактного сеанса, носят качественный характер. Я не знаю, что он имел в виду, говоря об эффективности. Лечение эффективно, если вам удалось помочь пациенту. Путь здесь столько же, сколько врачей, — но невроконтактный метод качественно превосходит любой психоанализ, поскольку влечет значительные, качественные изменения. Он воздействует в первую очередь непосредственно на нервную систему, сквозь поверхностный слой ложных центростремительных импульсов. Он провоцирует требуемое состояние самоосознанности и подводит под них необходимое неврологическое обоснование. Психоанализ и смежные с ним дисциплины сугубо функциональны. В большинстве случаев использование невроконтакта позволяет радикально устранить причину заболевания.

— Почему же вы тогда не лечите психозы?

— Лечили, и не раз. Но, как правило, это рискованно. Напомню, ключевое слово здесь — контакт. Взаимодействуют два сознания, две нервные системы. Процесс может принять обратный характер, стать своего рода «антиконтактом», если оператор оказывается не в силах справиться с патологией пациента. Тогда уже изменяется *его* самоидентичность, смещаются основы *его* нервной системы. Он сам становится психопатом в результате органических изменений мозга.

— Неужели же нельзя как-то отсекают эту обратную связь? — спросил Минтон.

— Пока нельзя, — объяснил Рендер, — и немало операторов пострадали в поисках возможности такой отсечки. Над этой проблемой как раз сейчас работают в Вене, хотя чем дальше они продвигаются, тем дальше они от цели.

— Если вам все же это удастся, вы, вероятно, сможете вторгнуться и в область более радикальных психических нарушений.

Рендер допил пунш. Ему не понравилось, с каким выражением Минтон произнес слово «радикальные».

— Ну а пока, — ответил он после небольшой паузы, — мы лечим то, что в силах лечить, и наилучшим из всех возможных способов, а невроконтакт, безусловно, наилучший.

— Находятся люди, которые считают, что вы не столько лечите неврозы, сколько потакаете неврастеникам, давая пациентам возможность передохнуть от реальной жизни, снабжая их собственными маленькими мирами, где они распоряжаются всем, как полубоги.

— Это не совсем так, — ответил Рендер. — То, что происходит в «маленьких мирах», вовсе не обязательно приятно для пациентов. И не они распоряжаются в них; распоряжается Ваятель, или, как вы заметили, полубог. Там вы учитесь на собственном опыте. Опыт же этот может быть и приятным, и болезненным. Причем, как правило, скорее болезненным, чем приятным.

Он зажег сигарету, взял полный кубок.

— Вот почему я считаю критику нашего метода несостоятельной.

— К тому же это недешево, — сказал Минтон.

— А вы когда-нибудь прикидывали, во сколько обходится многоканальное невроконтактное устройство?

— Нет.

— Займитесь на досуге.

Прислушавшись к звукам рождественской песенки, Рендер отложил сигарету и встал.

— Огромное спасибо, Хейделл, — сказал он. — Мне надо идти.

— Куда торопиться? — возразил Хейделл. — Побудьте еще немного.

— Я бы не прочь, но там, наверху, меня ждут.

— И много у вас народу?

— Двое.

— Пусть спускаются. Я собирался устраивать буфет, и запасов предостаточно. Я их и накормлю, и напою.

— Договорились, — сказал Рендер.

— Отлично. Почему бы не позвонить им прямо отсюда?

Рендер позвонил.

— С Питером все в порядке, — сказал он.

— Замечательно, но как же мое манто? — спросила Джилл.

— Пока забудь о нем. А потом я все устрою.

— Я попробовала отмыть теплой водой, но все равно остаются розовые пятна...

— Положи его обратно в коробку и не морочь мне больше голову! Я сказал, что все сделаю сам.

— Хорошо, хорошо. Мы спустимся через минуту. Бенни принесла подарок Питеру и кое-что для тебя. Она едет к сестре, но говорит, что может задержаться.

— Прекрасно. Тащи ее сюда. Хейделла она знает.

— Хорошо. — Джилл повесила трубку.

Канун Рождества.

...Противоположность Новому году.

Это время больше принадлежит личности, чем обществу; это время, чтобы обратиться к себе и к семье, позабыв об общественных проблемах. Это время для самых разных вещей: время находить и время терять, время соединять и время порывать. Время сеять и время пожинать посеянное...

Они ели, стоя у буфета. Большинство гостей пили подогретый ром с корицей и гвоздикой, фруктовые коктейли и имбирный пунш. Говорили о пластиковых легких, о кровяных фильтрах, о компьютерных диагнозах и о том, что пенициллин безнадежно устарел.

Питер сидел, зажав руки между колен, слушал и наблюдал. Костыли были сложены у ног. Комната наполнилась музыкой.

Джилл тоже сидела и слушала. Когда говорил Рендер, другие разговоры смолкали.

Бенни, улыбаясь, опустошала бокал за бокалом. Шутил доктор или нет, но невозможно было устоять против его голоса диск-жокея, рассуждающего с логикой иезуита. Ее босс был знаменитостью. Кто слышал о Минтоне? Или о Хейделле? Другие врачи, коллеги — и все. Ваятели были символом времени, и она, она была его секретаршей. О Ваятелях знали все. Подумаешь, что значит какой-нибудь кардиолог, анестезиолог, специалист по кишечнику или вообще какой-нибудь костоправ? Ее босс был ее мерой известности. Другие девчонки всегда расспрашивали про него и про его волшебную машину... «Тайм» окрестил невроконтакторов «электронными Свенгали» и посвятил Рендеру на три колонки больше, чем остальным. Кроме, конечно, Бартельметца.

Музыка тем временем сменилась: зазвучали легкая классика, балетные партитуры.

Бенни почувствовала прилив тоски по уходящему году, и ей захотелось танцевать, как она танцевала когда-то, давным-давно. Праздник, компания, в которую она попала, вместе с музыкой, пуншем и висящими на стенах еловыми гирляндами — все это действовало на нее,不由自主 заставляя тихонько отстукивать каблуками ритм и вспоминать о высвеченной в темноте площадке, полной движения и цвета, и о себе самой — там, далеко.

Она прислушалась к разговору.

— ...но если вы можете передавать и принимать их, значит, вы можете и записывать, — продолжал допытываться Минтон.

— Да, — ответил Рендер.

— Так я и думал. Почему же об этой стороне дела почти совсем не пишут?

— Еще лет десять, если не меньше, — и об этом будут писать все. А пока использование воспроизводящих систем разрешено только самому квалифицированному персоналу.

— Почему?

— Понимаете, — Рендер сделал паузу, чтобы прикурить

сигарету, — если быть до конца откровенным, то дело в том, что желательно держать эту область под контролем, пока мы не узнаем о ней больше. Если не соблюдать определенной секретности, то результаты могут использоваться преждевременно в коммерческих интересах и с катастрофическими последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что способен сконструировать в сознании психически вполне здорового человека любой сон, даже такой, какой вы не в состоянии представить, на любую тему, — начиная от секса и насилия и кончая садизмом и другими извращениями, — сон со сложным и законченным сюжетом или сон, граничащий с безумием, сон, в котором будут исполняться любые желания и разыгрываться любые роли. Я даже могу подобрать, по вашему желанию, соответствующий видеоряд или живописный стиль — от импрессионизма до сюрреализма. Скажем, сон с насилием в кубистическом варианте. Неплохо? Отлично!.. Если захотите, вы даже можете стать конем из «Герники». Нет проблем!.. А потом я запишу все происходящее и буду прокручивать вам же или кому-нибудь другому сколько угодно раз.

— О боже!

— Вот именно. Я мог бы сделать вас и богом, если вы того пожелаете, и дать вам возможность пережить все семь дней творения. Я контролирую чувство времени — ваши внутренние часы — и поэтому в состоянии превратить объективно протекающие минуты в часы субъективного переживания.

— И рано или поздно это сбудется, не правда ли?

— Да.

— Каковы же окажутся результаты?

— Этого никто не знает.

— Босс, — робко вмешалась Бенни, — а вы не можете воскресить воспоминания? Отыскать что-то в прошлом и заставить человека пережить в воображении все сначала — так, как оно было когда-то, все сначала?

Рендер прикусил губу и как-то странно взглянул на Бенни.

— Да, — промолвил он наконец, — но думаю, это было бы нехорошо. Это подталкивало бы людей жить в прошлом, в уже не существующем времени. Это нанесло бы ущерб психике, способствовало бы регрессу, движению вспять и давало бы возможность неврастеникам укрываться в собственном прошлом.

Сюита из «Щелкунчика» закончилась, и по комнате поплыли звуки «Лебединого озера».

— И все же, — сказала Бенни, — я бы так хотела еще раз побыть лебедем...

Она тяжело поднялась и сделала несколько неуклюжих па — тучный, подвыпивший лебедь в красно-коричневом оперении.

Вся вспыхнув, Бенни поспешила снова сесть. Потом не выдержала и рассмеялась так заразительно, что все рассмеялись вместе с ней.

— А где бы *вы* хотели оказаться? — обратился Мinton к Хейделлу.

Маленький доктор улыбнулся.

— На одном пикнике, в летние каникулы, когда я учился на третьем курсе... Да, я бы уж точно за неделю протер эту запись до дыр. Ну а ты, сынок? — обратился он к Питеру.

— Я еще слишком молод, и хороших воспоминаний у меня немного, — отозвался Питер.

— А вы, Джилл?

— Не знаю... Наверное, мне хотелось бы снова стать маленькой, и чтобы папа, мой любимый папа, читал мне зимой по воскресеньям книжки вслух.

Она быстро взглянула на Рендера.

— А ты, Чарли? Если бы ты хоть на минутку позабыл про работу, что бы с тобой было в эту минутку?

— То же, что и сейчас, — ответил он с улыбкой. — Я счастлив быть здесь, в настоящем, я принадлежу ему.

— Правда? Скажи, что это правда.

— Да, — кивнул он, взяв новый бокал пунша. Потом рассмеялся: — Ну конечно, правда.

Сзади, за его креслом, послышался тихий храп. Бенни вздремнула.

Музыка звучала не умолкая, и Джилл переводила взгляд с отца на сына и обратно. Рендер заменил Питеру гипсовую повязку.

Мальчик зевал и тер глаза.

Она внимательно вгляделась в него. Каким он будет через десять лет? А через пятнадцать? Надломленным, истощенным вундеркиндом? Или повелителем еще не открытых сил природы?

— ...но это не может быть полноценным видом искусства, — говорил Минтон, — и я не представляю, каким образом цензура...

Джилл перевела взгляд на Рендера.

— ...человек не имеет права быть безумным, — говорил он, — так же, как не имеет права сам уходить из жизни...

Она коснулась его руки, и он подпрыгнул в кресле, словно очнувшись, и отдернул руку.

— Я устала, — сказала Джилл. — Ты не мог бы отвезти меня домой?

— Сейчас, — кивнул Рендер, — только пусть Бенни еще немножко подремлет.

И он вновь повернулся к Минтону.

Питер с улыбкой посмотрел на нее. Неожиданно Джилл и в самом деле почувствовала себя очень уставшей. А ведь она всегда любила Рождество.

Сидя напротив нее в кресле, Бенни продолжала тихонько посапывать, и слабая улыбка изредка пробежала по ее лицу.

Где-то там, далеко, она танцевала.

Где-то там, далеко, человек по имени Пьер пронзительно кричал, может быть, потому, что уже не был Пьером.

Кто я? Я — Жизнелюб, как пишут в «Тайм», который вы получаете каждую неделю. Подсаживайся-ка, Чарли, заморим червячка. Нет, не твоего! Моего червячка. Видишь? Вон там. Нужное слово всегда приходит слишком поздно. Ладно, от добра добра не ищут, словом, ты понимаешь... Попроси парня принести кувшин с водой и тазик, о'кей? «Конец номера» — так они это назвали. Говорят, человек может выступить с одним и тем же номером несколько лет,

двигаясь внутри большой и сложной социологической структуры, известной под названием «социоцепи», подыскивая себе свеженькую аудиторию. Смертельно люблю жизнь! Мировая сеть телекоммуникаций спихнула эту колымагу вниз бесчисленное количество выборов назад. Сейчас она, наверное, гроыхает по скалам ада. А мы — на пороге новой эры, славной эры жизнелюбов... Так вот, все вы там — от Хельсинки до Огненной Земли — навострите ваши уши и скажите мне: слышали вы нечто подобное раньше? Словом, речь об одном древнем комике, который возился над своим «номером».

Как-то раз выступал он в радиопередаче, и, естественно, со своим «номером». «Номер» был что надо: остроумный, острословный, с тезами и антитезами, словом, шедевр. Только вот беда: с работы его после этого турнули, потому что оказалось, что номер-то старый. В отчаянии, разодрав на себе одежды и посыпав главу пеплом, взобрался комик на перила ближайшего моста и приготовился сигануть в черные струи символа смерти, протекавшие вниз. Как вдруг — голос. «Не бросайся, мол, в черные струи символа смерти, подбери свои одежды, стряхни пепел и спускайся сюда, на рельсы». Обернулся он и видит странное существо, скорее не странное, а страшное, страхолюдное — все в белом, смотрит на него: рот до ушей, а во рту один зуб торчит. «Кто ты, странное, улыбающееся существо в белом?» — спрашивает комик. «Ангел Света, — отвечает она. — Явилась, чтоб ты руки на себя не наложил». Он головой качает: «Увы! Ничего мне больше не осталось, номер мой все знают, никому не смешно». Она ему: «Не надо. Выбрось из головы. Мы, Ангелы Света, творим чудеса. Я тебе столько анекдотов расскажу, что ты потом их за всю вашу недолгую и скучную смертную жизнь не перескажешь». — «Благодарю, — он отвечает. — Что же я должен сделать, чтобы сбылось такое диво дивное?» — «А ты переспи со мной», — отвечает Ангел. «Да неужто вы, ангелы, тоже этим занимаетесь?» — он спрашивает. «Очень даже, — отвечает Ангел. — Ты Ветхий Завет перечитай повнимательней, много чего про нас, ангелов, узнаешь». — «Ладно, договорились», — говорит комик и пепел с главы

отрясает. И они удалились, и сделал он с ней «номер», хотя, по правде сказать, вряд ли это была среди Дочерей Света первая красавица. Наутро проснулся он бодрый и полный сил, прикрыл ее наготу и кричит: «Пробудись! Пора сдержат слово — жду твоих анекдотов». Она открывает один глаз и так это смотрит на него. «Ты со своим номером сколько выступал?» — спрашивает. «Тридцать лет», — комик отвечает. «А всего тебе сколько годков будет?» — «Уф, сорок пять». Она зевнула и говорит с улыбочкой: «В твои-то годы странно в Ангелов Света верить». Ну вот, это и был его новый номер... А теперь поставьте мне какую-нибудь музыку душевную, ладно? Вот-вот, хорошо. Сразу ничего не чувствуешь. А знаешь, почему? Где теперь, в наши дни, услышишь душевную музыку? У дантиста, в банке, магазине и в таких местах, как это, где приходится черт знает сколько ждать, пока тебя обслужат. То есть слушаешь ты душевную музыку и одновременно получаешь психическую травму. И каков результат? А таков, что душевная музыка теперь — самая бездушная вещь. Но аппетит от нее — зверский. Почему? Потому, что ее играют во всех ресторанах, где приходится долго ждать. Ждешь, ждешь, и тебе улаживают душу душевной музыкой. Ладно... Где парень с водой и с тазиком? Я хочу вымыть руки... А это ты слышал — про чудака, которого послали на альфу Центавра? Обнаружил он там гуманоидов и стал изучать их нравы и обычаи, фольклор и табу. В конце концов столкнулся с проблемой воспроизводства. Подвернулась тут нежная юная особа, взяла нашего чудака под ручку и отвела на фабрику, где этих самых центаврийцев делали. А там такая картинка: туловища по конвейеру едут, суставы им ввинчивают, мозги прямо в черепушки отгружают, ногти в пальцы вставляют, требуху по животам распихивают, ну, и прочее. Удивился наш чудак, а юная леди его спрашивает: «Что ж тут удивительного? А вы на Земле как обходитесь?» Взял он ее тогда за белую руку. «Пойдем, — говорит, — вон за тот пригорок, там я тебе и покажу». Пошли, стал он показывать, а она хохочет. «В чем дело? — он интересуется. — Почему смеешься?» — «А потому, —

она отвечает, — что у нас так машины делают...» Не забывайте меня, девочки, пишите письма!

— ...Это я, Орфей, рвите меня на куски! Пришло время! Придите, корибанты, и свершите над несчастным певцом вашу волю!

Темнота. Крик.

Тишина...

Аплодисменты!

Она всегда приходила задолго до начала, одна, и всегда садилась на одно и то же место — в десятом ряду, справа, и единственное, что действительно причиняло ей неудобство, было то, что в антракте она могла помешать тем, кто хотел выйти.

Она приходила задолго до начала и оставалась в зале, пока театр не стихал. Ей нравились хорошо поставленные актерские голоса, и поэтому она предпочитала английских актеров американским.

Она любила мюзиклы, даже не столько потому, что любила музыку, сколько потому, что ей нравились трепетные звуки голосов. Поэтому же она особенно любила пьесы в стихах.

Она любила елизаветинцев, но не любила «Короля Лира». Ее глубоко волновали пьесы древних греков, однако слушать «Царя Эдипа» было выше ее сил. «Чудотворец» и «Свет погас» ей тоже не нравились.

Она носила дымчатые очки и не носила трость.

Как-то вечером, еще до того, как поднялся занавес перед последним действием, темноту прорезал луч света, и появившийся в нем мужчина спросил: «Есть в зале врач?»

Никто не откликнулся.

— Это срочно, — продолжал мужчина. — Если здесь есть врач, большая просьба пройти в канцелярию в главном фойе, сейчас же.

Говоря, он оглядывал ряды, но люди сидели не шевелясь.

— Спасибо, — сказал он и покинул сцену.

Когда в темноте появился луч света, она инстинктивно наклонила голову в его сторону. После объявления занавес поднялся, движение и голоса на сцене возобновились.

Она ожидала, вслушиваясь. Потом, встав, пошла вдоль рядов, ведя кончиками пальцев по стене.

Выйдя в фойе, остановилась.

— Разрешите помочь вам, мисс?

— Да, я ищу канцелярию.

— Это здесь, налево.

Она повернулась и двинулась влево, выставив вперед руку. Коснувшись стены, провела по ней ладонью, быстро нащупав дверной косяк. Потом постучала.

— Да? — Дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— А вы врач?

— Да, да.

— Тогда скорее! Вот сюда, пожалуйста!

Она двинулась вперед, следуя за звуком мужских шагов, вверх по коридору, опоясывающему зал. Потом услышала, как провожатый поднялся на семь ступенек вверх, и сделала то же самое.

Они приблизились к артистической уборной; она вошла следом за ним.

— Вот.

Она повернулась вслед за его голосом.

— Что случилось? — спросила она, подходя к тому месту, куда указывал голос.

Руки ее коснулись лежащего тела. В тот же момент раздался неприятный булькающий звук и тихое, еле слышное покашливание.

— Рабочий сцены, — пояснил мужской голос. — Кажется, подавился конфетой. Он все время их сосет. Короче, что-то у него там, в глотке, застряло. Не проглотить, не выплюнуть.

— «Скорую» вызвали?

— Да. Но вы поглядите, он уже синеть начал! Боюсь, как бы они не опоздали.

Опустив руку, она запрокинула голову рабочего и ощутила горло.

— Да, что-то у него застряло, от этого и удушье. Придется резать, иначе мне никак не добраться. Дайте мне короткий острый нож — стерильный. Скорее!

— Слушаю, мэм, сейчас!

Мужчина ушел. Она осталась одна. Прощупала пульс на сонной артерии. Положила руки на судорожно вздымающуюся грудную клетку. Еще больше запрокинула голову и снова ощупала горло.

Прошла минута, еще одна. Послышались торопливые шаги.

— Вот, возьмите... Мы протерли лезвие спиртом...

Она взяла нож. Издалека донеслась сирена «Скорой». Однако нельзя было сказать наверняка, успеет ли она.

Женщина провела кончиками пальцев по лезвию. Потом еще раз ощупала горло лежащего перед ней человека. Развернувшись вполоборота к тому, чье присутствие угадывалось за спиной, она сказала:

— Думаю, вам лучше не смотреть. Мне придется сделать экстренную трахеотомию. Это зрелище не из приятных.

— Хорошо. Я подожду в коридоре.

Звук шагов. Звук закрывшейся двери.

Она сделала первый надрез. Послышалось нечто вроде вздоха. Струя воздуха вырвалась наружу. Потом было мокро... Хлюпающий звук.

Она откинула голову. Когда врачи «Скорой» вошли в комнату, руки ее уже перестали дрожать: она знала, что человек будет жить.

— ...Шеллот, — представилась она врачу. — Эйлин Шеллот, психиатр.

— Я слышал о вас. Но разве вы?..

— Совершенно верно. В людях читать легче, чем читать по Брейлю.

— Да, я понимаю. Значит, встретимся с вами в Центре?

— Конечно.

— Спасибо, доктор. Спасибо, — сказал директор театра.

Она вернулась на свое место и досидела до конца. Занавес опустился. Она подождала, пока разойдется публика.

Даже сидя в своем кресле, Эйлин живо чувствовала сцену. На сцене для нее, как в фокусе, собиралось все: звук, движение, ритм, оттенки — не света, но светотени; сцена была для нее неким темно-сияющим центром жизни; там бился пульс пифагорейской триады — *pathema, mathema,*

роеита, в круговороте чувств и страстей ощущались содрогания жизни; сцена была тем местом, где способные к благородным страданиям герои благородно страдали, где остроумные французы плели паутинное кружево своих комедий вокруг мощных идей; местом, где черная поэзия нигилистов отдавалась за стоимость одного билета тем, над кем издевалась, где лилась кровь, раздавались вопли, звучали песни, где Аполлон и Дионис ухмылялись из-за кулис, где Арлекин без конца дурачил капитана Спеццаффера, заставляя того терять штаны. Сцена была местом, где умели подражать всему, но где за всем скрывались два основных чувства: радость и грусть, комическое и трагическое, иными словами, жизнь и смерть — две вещи, определяющие место человека в мире; местом, где появлялись герои и те, кому было далеко до героев; местом, которое Эйлин любила и где видела единственного человека, чье лицо она знала, — он ходил многоликим Символом по подмосткам Сцены... И, ополчась на море смут, в недобрый час, при лунном свете, сразить их противоборством, — кто призывал мятежные ветра, от волн зеленых вздымал валы до голубых небес, — два перла там, где взор сиял... Что за мастерское создание — человек! Как бесконечен способностью! В обличье и в движении — как выразителен и чудесен!

Она знала все его роли, которые тем не менее не могли существовать без аудитории. Он был самой Жизнью. Он был Ваятелем. Он был Творцом и Двигателем миров. Он был выше героев.

Сознание способно запечатлеть многое. Оно учится. Однако оно не в силах научиться не думать. Эмоции человека качественно не меняются на протяжении жизни; внешние впечатления могут меняться, но чувства — вечный товар. Вот почему театр так жизнеспособен; он — перекресток культур; в нем — альфа и омега человеческого бытия; он — как магнит, притягивающий частицы человеческих эмоций.

Сознание не может научиться не думать, но чувства следуют определенным моделям. Он был для нее театром...

Он был альфой и омегой.

Он был действием.

Он был не имитацией действий, а самими действиями.

Она знала, что этого талантливого человека зовут Чарльз Рендер. Она чувствовала, что он — Ваятель.

Сознание способно запечатлеть многое. Но он не был чем-то одним. Он был всем.

...И она чувствовала это.

Она встала, пошла к выходу, и каблуки ее туфель стучали в пустынной тьме. Она шла вверх по проходу, и звуки вновь и вновь возвращались к ней. Она шла по пустому залу, удаляясь от опустевшей сцены. Ей было одиноко.

Дойдя до верха, она остановилась.словно далекий смех, прерванный неожиданным хлопком, и — тишина.

Она уже не была ни публикой, ни актерами — одна в темном театре. Она разрезала горло и спасла жизнь. Сегодня она слушала, переживала, хлопала. И вот — все это ушло, и она одна в темном театре.

Ей стало страшно. Человек продолжал идти вдоль шоссе, пока не дошел до знакомого дерева. Держа руки в карманах, он долго стоял, глядя на него. Потом обернулся и пошел обратно тем же путем.

Завтра был новый день.

«О венчанная печалью, единственная моя любовь! Почему ты покинул меня? Разве я не хороша? Я долго любила тебя, и все тихие уголки полнятся моими стенаниями. Я любила тебя больше, чем самое себя, и страдаю за это. Я любила тебя больше жизни с ее усадями, и вот все улады обратились в горечь. Я готова расстаться с моею жизнью ради тебя. Почему унесли тебя за море быстрокрылые, многорукие корабли, и всех своих божеств взял ты с собою, а я здесь — одна? Я взойду на костер, и да испепелится время, да сгорит пространство, разделившее нас. Я буду с тобой всегда. Не кроткой жертвой пойду я навстречу гибели, но великим будет мой плач. Ведь я не из тех, кто станет чахнуть и томиться, не из тех, чья кожа желтеет и вянет

от скорби. Ибо в моих жилах течет кровь Царей Земных, а рука моя в битве крепка, как рука мужа. Перед мечом моим — ничто любые доспехи врагов моих. И никому никогда не покорялась я, мой господин. Но ныне глаза мои ослепли от слез, и язык не в силах вымолвить слова. Тяжкий грех совершил тот, по чьей воле увидала я тебя, а потом разлучилась с тобою навеки. Не прощу я тебя, не прощу и своей любви. Было время, когда смешны мне были песни любви, что поют девушки над рекой. Вырвали у меня смех, как стрелу из раны, одна я теперь, и нет тебя рядом. Не прощай меня и ты, любимый, за то, что любила тебя. И пусть ярче разгорится огонь от воспоминаний моих и надежд. Пусть пылает он, как пылают мои мысли о тебе, пусть пеплом станут напевные слова моей любви. Я любила тебя — и вот нет тебя рядом. Никогда уже в этой жизни не увидеть мне тебя, не услышать сладких звуков голоса твоего, не почувствовать, как содрогаются тело от ласк твоих. Я любила тебя — и вот я покинута и одна. Я любила тебя, но уши твои были глухи к моим словам, а глаза не видели меня. Разве я не хороша, ответьте мне, ветры земные, вы, что раздуваете пламя моего костра? Ответь, о сердце, что бьется в моей груди, — почему он покинул меня? Отцу моему, огню, вверяю себя, да будет он ласков ко мне. Много любимых на свете, но никто так не любим, как ты. Быть может, благословят тебя, о мой свет, и да не будет суровым их суд за то, что ты сделал со мной. Из-за тебя я гибну, Эней! О огонь, будь моей последней любовью!»

Стоя в освещенном круге, она пошатнулась и упала. Раздались аплодисменты. Комната погрузилась в темноту.

Через мгновение снова вспыхнул свет, и прочие члены Мифологического клуба поспешили подойти к ней, чтобы поздравить с прочувствованной игрой. Потом заговорили о важности фольклорных мотивов — от «сатти» до жертвоприношения Брунгильды. Да, огонь в основе — это хорошо, — таково было общее мнение. «Огонь — моя последняя любовь!» Хорошо! Эрос и Танатос, объединившиеся в последней вспышке очистительного пламени.

После того как все комплименты были произнесены, на

середины комнаты вышли невысокий сутулый мужчина и его похожая на птицу, по-птичьи мелко ступающая жена.

— «Абеляр и Элоиза», — объявил мужчина.

В комнате воцарилась почтительная тишина. Плотный мужчина, лет за сорок, с лицом, лоснящимся от пота, подошел к Абеляру.

— Мой главный кастратор, — сказал Абеляр.

Здоровяк с улыбкой поклонился.

— Что ж, начнем...

Раздался одинокий хлопок, и свет погас.

Подобно глубоко зарывшимся в землю мифологическим червям, тянутся через весь континент трубопроводы, силовые кабели, трубки пневмопочты. Пульсируя, напрягая свои тела, они пьют соки Земли, изнуряют ее недра. Нефть и электроэнергия, вода и уголь, бандероли, посылки и письма — все проходит через их чрево. И, пройдя через него, под землей, все это исторгается в чрева машин, ожидающих в пункте назначения. Слепые, они прячутся подальше от солнечных лучей; не зная, что такое вкус, равнодушно жуют тело Земли; лишённые обоняния и слуха, навечно заключены они в скалистую темницу. Лишь осязание знакомо им; и в постоянном осязании — их суть. В нем — подспудная, темная радость червя.

Переговорив с психологом, работавшим в новой школе Питера, Рендер сам проверил спортивное оборудование. Потом прошелся по общежитию, и оно ему в общем понравилось.

И все же то, что он снова оставил парня в школе, не давало ему покоя. Он сам не понимал почему. Казалось бы, все было в порядке, как и в первый раз. И Питер выглядел бодро. Даже очень бодро.

Он сел в машину и выехал на хайвей, это огромное, лишённое корней дерево, чьи ветви охватывали два континента (а после того как будет закончен мост через Берингов пролив, они раскинутся по всему миру, кроме Австралии, полярных шапок и островов), неотступно думая, в

чем же причина его беспокойства. Думая — и не находя ответа.

Может быть, стоит позвонить Джилл и спросить, почему она с ним так холодна? Или она еще до сих пор сердится из-за манто и рождественского вечера?

Он отпустил штурвал; холмистый пейзаж скачками мчался за окном.

Рука вновь потянулась к панели.

— Слушаю.

— Здравствуйте, Эйлин. Это Рендер. Не мог позвонить вам раньше, но я слышал о том, как вы сделали трахеотомию в театре...

— Да, — сказала она, — я вовремя оказалась там, я — и острый нож. Откуда вы звоните?

— Из машины. Только что отвозил Питера в школу, теперь еду назад.

— Как он? Как его нога?..

— Все в порядке. Правда, на Рождество у нас случилась маленькая неприятность, но все обошлось. Расскажите поподробнее, как это было там, в театре. Если, конечно, вам не тяжело.

— Ну, я ведь врач, — она тихо рассмеялась. — Собственно, было уже поздно, спектакль заканчивался...

Рендер с улыбкой откинулся в кресле, закурил и приготовился слушать.

За окном холмы сменились равниной, и машина мчалась по ней, как бильярдный шар, катящийся точно в лузу.

Он проехал мимо идущего по обочине человека.

Под протянутыми высоко в небе проводами, над захороненными глубоко в земле кабелями он шел по одному из могучих ответвлений дорожного древа, шел сквозь усеянный снежинками, пронизанный эфирными голосами воздух.

Машины проносились мимо, но не многие из едущих в них людей замечали его.

Он шел, засунув руки в карманы и опустив голову, не глядя вокруг. Воротник его куртки был поднят, и снежинки — тающий дар неба — оседали на полях его шляпы. На ногах у чело-

века были галоши. Земля была мокрой, покрытой тонким слоем слякоти.

Он шел, медленно, с трудом — заблудшая частица в поле действия вселенского генератора.

- Поужинаем сегодня в «Скальпеле и куропатке»?
- Почему бы и нет? — ответил Рендер.
- Скажем, в восемь.
- В восемь? Отлично!

Некоторые из них падали с небес, но чаще они мчались, как самолеты в штопоре, по дорогам...

Люди выходили на платформы из машин, запаркованных в похожие на огромные ульи гаражи. Воздушные такси садились на специальные площадки рядом с киосками у входа на подземный эскалатор.

Но на чем бы они ни приезжали, все посетители ходили по Выставочному залу пешком.

Крыша восьмиугольного здания напоминала перевернутую супницу. Восемь треугольников из черного камня, не несущие специальной архитектурной нагрузки, украшали каждый угол. «Супница» одновременно играла роль светофильтра. В данный момент фильтр забирал из атмосферы все оттенки голубого, рассеянные в серых сумерках, и слабо светился снаружи — блее, чем грязный вчерашний снег. Кровля раскинулась над залом, как безоблачное летнее небо часов в одиннадцать утра, как безупречный в своей бесконечной голубизне огромный Инеистый Вьюнок.

Людской поток двигался под этим небосводом, оттеняя экспонаты, подобно волнам прилива в гроте. Иногда в плавно струящемся потоке возникали завихрения, водовороты. Струи кружились, свиваясь и развиваясь; слышался похожий на журчание гул голосов. То здесь, то там мерцали яркие вспышки...

Поток людей непрерывно стекался в зал из припаркованных под искусственным синим небом машин. Когда

круг был пройден и замыкался, люди возвращались в породившие их стальные облака.

Павильон, где происходило это безостановочное движение, назывался «Лики Космоса». «Лики Космоса» представляли из себя выставку, устроенную и финансируемую Министерством военно-воздушных сил; работавшая уже две недели выставка была открыта круглосуточно и привлекала посетителей со всех концов земного шара. «Лики» давали возможность ознакомиться со всеми последними достижениями человечества в космосе.

Возглавлял выставку генерал-полковник, командовавший дюжиной полковников, восемнадцатью подполковниками, множеством майоров, капитанов и бесчисленным количеством лейтенантов. Никогда никто не видел самого генерала, кроме полковников и представителей Выставочной компании.

Выставочный зал принадлежал Выставочной компании в качестве аэропорта; на время выставок компания переоборудовала зал в полном согласии с требованиями клиентов и хорошего вкуса.

Сразу направо, как только вы входили в Зал-Поганку, как в шутку окрестил главный зал один из Жизнелюбов, находилась Галерея.

По стенам Галереи висели огромные фотографии, которые посетитель мог обойти кругом и изнутри, блуждая между высоких призрачных гор, окружавших Третью лунную базу (таких высоких и призрачных, что, казалось, они раскачивались бы на ветру, если бы на Луне дули ветры); или можно было побродить под надувным куполом этого подлунного города и даже, пожалуй, украдкой провести рукой по одной из холодных долей — отсеков Мозга-наблюдателя и услышать, как быстро шелкают его мысли; или заглянуть в пыльную пустыню под бледно-зеленым небом и, кашлянув раз-другой, выплюнуть кровавый сгусток, пройтись вокруг высоких стен наземного Комплекса — серо-голубых, без единого шва, возведенных на руинах бог весть каких древних сооружений, — войти в эту крепость, где, как привидения, ходят сотрудники Марсианского отдела, попробовать на ошупь фактуру гладких

стеклянистых стен и нарушить вечное безмолвие мира, где все звуки звучат приглушенно и мягко; или в прохладной капсуле Воображения прогуляться по Дьявольскому кладбищу меркурианской поверхности, упиваясь игрой цветов — пламенно-желтого, карминного и оранжевого, — и, наконец, отдохнуть в Большой Ледяной Шкатулке, где Мороз-великан не на жизнь, а на смерть бьется с Огнечеловеком и где каждый отсек опечатан и наглухо отделен от остальных, как в подводной лодке или на транспортной ракете, по тем же причинам; или совершить вылазку на Пятую околоземную станцию, где сердца героев пылают, а сердца злодеев холодны, постоять в добела раскаленной морозом печи горной пещеры, держа руки в карманах, считая разноцветные прожилки на опаловых стенах, увидеть блистающий кристалл Солнца, выдыхая облака пара и дрожая от холода, и признать, что да, немало дивных див вращается вокруг Солнца, да и фотографии не хуже.

За Галереей находились Гравитационные комнаты, к которым вела лестница, пахнувшая свежесрубленным деревом. Там, наверху, каждый мог выбрать гравитационное поле по вкусу: как на Луне, как на Марсе или Меркурии, — и затем съехать вниз, в Зал, на пневмоподушке, похожей на лифт, и на несколько минут ощутить себя важной персоной, которую персонально доставляют на любую приглянувшуюся ей планету. Платформа уходит вниз, мягкое приземление... Словно падаешь в стог сена, валишься на пышно взбитую перину.

Дальше был зал Фонтана Миров, опоясанного медным поручнем. Хочешь — перегнись, посмотри вниз... Как выкопанная в световой толще яма, зияет чернота бездонного колодца...

Это был планетарий.

Сияя, миры крутились во тьме по магнитным орбитам. В центре пылающим пляжным мячом висело солнце; масштаб пропорционально уменьшался, и дальние планеты мерцали во мраке слабым холодным светом; Земля переливалась изумрудом и бирюзой; матово-зеленым отливала Венера; Марс напоминал цветом апельсиновый шербет;

Меркурий — масло, а комета Галлея была золотистой, как корочка свежесдобленного хлеба.

Фонтан Мирот был похож на выставку съедобных драгоценностей. И те, кого привлекала роскошь и кто был голоден, равно заворожено глядели вниз, свесившись через поручень. Таков материал наших мечтаний и снов.

Иные бросали на Фонтан беглый взгляд и шли дальше — посмотреть выполненную в натуральную величину модель декомпрессионной камеры с Первой лунной станции или послушать специалиста, рассказывающего малоизвестные факты, касающиеся конструкции и механизма действия запорных клапанов и мощности вакуумных насосов (невысокий рыжий человек, большой эрудит). Или покататься по залу в подвешенных к монорельсу машинках. Или посмотреть двадцатиминутный фильм «Лики Космоса — понемногу о многом», в котором вместо обычной фонограммы текст читал помещенный внутри экрана живой диктор.

Посетители поднимались на возникающие на стенных экранах горы в кабинах подвесной дороги и могли сами попробовать управлять огромными, похожими на клешни захватами машин, используемых для добычи угля во внеземных условиях.

Те, кому было особенно любопытно, подолгу задерживались в одном месте. Они больше стояли и вели себя тише. В общем потоке они образовывали сверкающие бликами заводы...

— Ну что, интересно было бы как-нибудь отправиться туда самому?

Мальчик обернулся, опираясь на костыли, оглядел заговорившего с ним подполковника.

Высокий мужчина в военной форме. Продубленная на солнце, загорелая кожа, темные глаза, коротко подстриженные усы и маленькая дымящаяся трубка из красного дерева были самыми запоминающимися деталями в его внешности, не считая безусловно пошитого, с иголки мундира.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Ты как раз в том возрасте, когда человек начинает задумываться о будущем. Свой жизненный путь надо рассчитывать заранее. Если не продумать все наперед, можно и к тридцати оказаться не у дел.

— Я много читал...

— Конечно. В твои годы все много читают. Но сейчас ты видишь модели — пойми, всего только модели — того, что есть в настоящей жизни. Это все наши форты на границе с неизвестным, и граница эта велика. По книжкам нельзя научиться *чувствовать*.

Вагон монорельсовой дороги со свистом промчался через Зал над их головами. Офицер указал на него трубкой.

— Даже это — совсем не то, что скатиться по ледяному склону Большого Каньона.

— Значит, виноваты те, кто сочиняет книжки, — заявил мальчик. — Любой человеческий опыт может быть расшифрован и описан хорошим писателем.

Офицер покосился на него.

— Что-то я не совсем понял, сынок.

— Я хотел сказать, что, если вы не находите в ваших книжках того, что хотите, это не вина материала.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Да, для своих десяти ты смекалистый.

Мальчик пожал плечами, поднял один из костылей и указал в сторону Галереи.

— Хороший художник может в своей картине выразить в сто раз больше, чем эти огромные переводные картинки.

— Но это действительно отличные фотографии.

— Конечно, замечательные. И, наверное, дорогие. А настоящий художник мог бы воспроизвести любую из этих сцен, и это не стоило бы ему ни копейки.

— Художники туда еще не добрались. Сначала идут землепроходцы, а уже потом — культура.

— Тогда почему бы не изменить ситуацию и не пригласить нескольких художников? Они могли бы помочь вам найти хороших землепроходцев.

— Хм, — сказал подполковник. — Интересная мысль.

Может, пройдемся немного вместе? Посмотрим еще виды?

— Конечно, — откликнулся мальчик. — Почему бы и нет? Хотя «пройтись» — не совсем то слово...

Он повернулся на костылях, и они пошли рядом. Налово подвесная дорога поднимала посетителей в горы, щелкали клешни захватов.

— А что, правда, что этот механизм скопирован с лапок скорпиона?

— Да, — сказал офицер. — Какая-то светлая голова украла эту хитрую штуковину у Природы. Вот такие умы, пожалуй, нужны нам больше всего.

Мальчик кивнул.

— Когда-то я жил в Кливленде. На Куайога-ривер используют то, что называют хьюлановским конвейером для разгрузки вагонеток с рудой. Он действует по принципу лапки кузнечика. Один молодой человек со светлой головой — из тех, что вас интересуют, — лежал как-то у себя во дворе и отрывал лапки кузнечикам, пока один из них его не укусил. «Ага, — сказал молодой человек, — должен же во всем этом быть какой-то смысл». Наловил еще кузнечиков для своих опытов — так и возник хьюлановский конвейер. Одним словом, он, как вы выражаетесь, украл эту хитрую штуковину у Природы, приспособившей ее для тварей, которые только и делают, что бездельничают, прыгают по травке и жуют свою жвачку. Как-то раз отец повез меня на пароходе вверх по реке, и я видел, как эта штука работает. Такие огромные металлические лапы с захватами на концах, и тархтят они ужасно, как духи всех замученных кузнечиков, собравшиеся вместе. Боюсь, у меня не тот ум, который вам нужен.

— Что ж, — сказал военный, — похоже, у тебя действительно тот, другой ум.

— Какой другой?

— Тот, про который ты рассказывал. Который умеет видеть и объяснять, который сможет потом рассказать людям о том, как все это выглядит *там*.

— Вы хотите взять меня летописцем?

— Нет, тебе мы подыщем что-нибудь другое. Но это не

должно тебя смущать. Скольких людей мировые войны навели на мысль написать роман о войне? И сколько их, военных романов, было написано? И сколько среди них хороших? Ведь были же хорошие, ты сам знаешь. Ты тоже мог бы. Что-нибудь в этом духе.

— Не исключено, — сказал мальчик.

Они двинулись дальше.

— Пойдем сюда? — предложил военный.

Мальчик кивнул и пошел вслед за ним.

Они свернули в коридор и сели в лифт. Дверь закрылась, и голос из микрофона спросил, куда их везти.

— Нижний ярус, — сказал подполковник.

Движение было практически неощутимо. Дверь снова открылась.

Они вышли на узкий балкон, опоясывавший «супницу». Закрытый стеклянным козырьком балкон был освещен мягким рассеянным светом. Отсюда, сверху, была хорошо видна почти вся экспозиция и часть взлетной площадки.

— Скоро отправляется несколько кораблей, — сказал офицер. — Я хочу, чтобы ты посмотрел, как взлетают эти огненные колесницы.

— Огненные колесницы, — улыбаясь, повторил мальчик. — Как же, помню, эта фраза часто встречается в ваших проспектах. Да, сэр, это действительно поэтично.

Подполковник ничего не ответил. Стальные башни стояли неподвижно.

— Эти никуда не полетят, ты же знаешь, — сказал он наконец. — Они только доставляют людей и материалы на орбитальные станции. Настоящие большие корабли никогда не возвращаются.

— Да, я знаю. А что, тот парень, утром, и в самом деле покончил с собой здесь, на выставке?

— Нет, — произнес офицер, отводя взгляд. — Это был несчастный случай. Он вошел в комнату марсианской гравитации, когда воздушная подушка была отключена. Упал в шахту.

— Тогда почему же этот павильон не закрыли?

— Потому что техника безопасности в принципе рабо-

тает нормально. Световая предупредительная сигнализация и ограждения в порядке.

— Тогда почему вы сказали — «несчастный случай»?

— Потому что он не оставил записки... Смотри! Одна из них сейчас стартует!

Офицер указал в сторону ракет трубкой.

Пышные клубы дыма окружили основание одного из стальных сталагмитов. Сердцевина его засветилась. Затем свечение сместилось в нижний конец, дым волнами растекаясь по взлетной площадке, стеной поднялся в воздух. И все же верхняя часть корабля была видна.

...Он поднимался. Почти незаметно оторвался он от земли. Но постепенно движение ускорялось, становилось очевидным. Вдруг пламя ринулось из сопла, и ракета в одно мгновение ушла высоко, пронзая серый сумеречный воздух. Сначала казалось, что в небе пылает яркий костер; уменьшаясь, он превратился в сияющую звезду, уносящуюся ввысь.

— Ничто не сравнится с ракетой в полете, — сказал офицер.

— Да, — кивнул мальчик. — Вы правы.

— А ты хотел бы полететь вслед за ней, вслед за этой звездой?

— Да, и когда-нибудь я обязательно полечу.

— Мне подготовка далась нелегко, а сейчас требования еще серьезнее.

Они проводили взглядами еще два взлетевших корабля.

— А сами вы когда последний раз летали? — спросил мальчик.

— Совсем недавно... — ответил мужчина.

— Пожалуй, мне пора идти. Еще работу писать для школы.

— Погоди, я хочу тебе дать наши новые проспекты.

— Спасибо, они у меня уже все есть.

— Что ж, ладно... Доброй ночи, дружок.

— Доброй ночи. Спасибо, что показали выставку.

Мальчик повернулся и пошел обратно, к лифту.

Офицер еще долго стоял на балконе, глядя вверх, на небо, и держа в руке догоревшую трубку.

В кругу света судорожно сплелись фигуры борцов...

Потом — темнота.

— О мой меч! Как больно входит в тело сталь! Тысячеустый, я истекаю кровью!

Тишина.

Аплодисменты.

Глава 4

«...Архитектура Винчестерского собора, — гласил путеводитель, — отличается прямыми, жесткими, суровыми очертаниями. Ряды мощных, как древесные стволы, колонн строго упорядочивают внутреннее пространство: потолки плоские; нефы, разделенные колоннами, сами по себе усиливают ощущение незыблемости и прочности. Действительно, кажется, что собор воплотил в себе характер Вильгельма Завоевателя. Пренебрежение к вычурности и страстное, влюбленное стремление к иному миру делают его, помимо прочего, подходящей декорацией для какой-нибудь истории в духе Мэлори...»

«Обратите внимание также на зубчатые капители, — значилось далее. — Их примитивные каннелюры предвосхитили то, что впоследствии стало широко распространенным мотивом...»

— Фу! — сказал Рендер, впрочем, достаточно тихо, поскольку вокруг плотно стояли экскурсанты.

— Ш-ш!.. — сказала Джилл (последняя ее фамилия была Фотлок) де Виль.

Однако Рендер был разочарован не меньше, чем восхищен.

Отвращение к хобби, которое выбрала себе Джилл, тем не менее настолько превратилось у него в рефлекс, что он скорее предпочел бы отдохнуть под хитроумным восточным изобретением, по капле сочащим воду на череп осужденного, чем признать, что ему иногда и в самом деле нравится бродить по аркадам и галереям, по анфиладам и туннелям и, задыхаясь, карабкаться по винтовым лестницам древних башен.

И, еще раз окинув взглядом всю картину, он сжег вы-

мысел, а потом восстановил декорацию из еще дымящихся обломков воспоминания, чтобы позднее можно было возобновить представление для единственного пациента, который мог видеть все только так, а не иначе. Это здание нравилось ему все же больше других. Да, он снова построит его для нее.

И, пока фотокамера сознания запечатлевала окружающее, Рендер покорно шел вместе с группой, перекинув пальто через руку и постоянно теребя в кармане сигареты. Не обращая внимания на гида, он был занят своим делом, — впрочем, прекрасно понимая, что это низшая из форм человеческого протеста. Бродя по Винчестеру, он вспоминал последние два сеанса с Эйлин Шеллот.

И снова они бродили вместе.

Там, где пантера скачет по ветвям...

Они бродили.

Там, где олень от голода ревет...

Она остановилась, поднесла руки с вывернутыми наружу ладонями и растопыренными пальцами к вискам и посмотрела на него — губы ее приоткрылись, словно она хотела спросить о чем-то.

— Оленьи рога, — подсказал Рендер.

Эйлин кивнула, и олень-самец подошел. Она пощупала его рога, погладила нос, внимательно оглядела копыта.

— Да.

Олень повернулся, отошел, и тут, одним прыжком очутившись у него на спине, пантера разорвала ему глотку. Олень дважды успел вонзить рога в тело зверя и затих. Пантера принялась рвать тушу, и Эйлин отвела глаза.

Там, где гремучая змея на камне греется, подставив солнцу каждую чешуйку...

Она наблюдала за тем, как змея сворачивается, потом вытягивается, потом снова сворачивается, и так трижды. Потом потрогала кольца на хвосте.

— А для чего это? — спросила она, обернувшись к Рендеру.

— Природа — не всегда идиллия, — сказал он и объяснил назначение колец.

Там, где аллигатор в бугорчатой броне в трясине дремлет...

Она коснулась пластинчатой кожи. Зверь широко зевнул, и Эйлин с любопытством рассматривала его зубы, строение челюстей.

Насекомые, жужжа, кружились вокруг нее. Комар сел ей на руку и вонзил в кожу свой хоботок. Она прищлепнула комара и рассмеялась.

— Ну как, получается?

Рендер улыбнулся, кивнул.

— Держись отлично.

Он хлопнул в ладоши — лес и болото исчезли.

Они стояли, босые, на волнистом песке; колышущийся призрак солнца виднелся сквозь толщу воды где-то высоко над их головами. Стая разноцветных блестящих рыбок проплыла между ними, а водоросли плавно покачивались, словно полируя струи течений.

Их волосы развевались, колыхаясь, как водоросли, и одежда колыхалась в такт движениям воды. Причудливо закрученные раковины самых разных форм и цветов — розовые и голубые, красные, белые и шоколадные — лежали перед ними драгоценной россыпью, вздымались стены коралловых рифов, горами высились отполированные камни, и огромные моллюски разевали свои беззубые рты.

Они двинулись вперед сквозь зеленое море. Наклонившись, Эйлин подняла одну из ракушек — большую, тонкую, как яичная скорлупа; один ее конец напоминал отпечаток большого пальца какого-нибудь великана, потом она круто, штопором, скручивалась тонкими, как спагеттинка, витками и заканчивалась игриво изогнутым хвостиком.

— Это и есть ракушка Дедала, — сказала Эйлин.

— Ракушка Дедала?

— А разве мой господин не знает историю о том, как величайший из умельцев, Дедал, однажды вынужден был прятаться от царя Миноса?

— Слабо припоминаю...

— Царь искал его по всему древнему миру, но безуспешно. Ибо мастерство Дедала позволяло ему менять свой

облик быстрее и искуснее, чем Протею. И все же в конце концов один из советников царя измыслил план, как отыскать его.

— И как же?

— С помощью ракушки, вот этой самой, которую я сейчас держу в руке перед тобой, мой умелец.

Рендер взял у Эйлин ракушку и внимательно, со всех сторон, осмотрел ее.

— Он разослал такие ракушки во все города Эгейского моря и посулил богатую награду тому, кто сможет продеть нить сквозь все ее изгибы.

— Кажется, начинаю вспоминать...

— Что именно: как это было сделано или почему?.. Минос знал, что единственный человек, которому это под силу, должен быть величайшим из умельцев, и он знал также, как самолюбив Дедал. Знал: он отважится на невозможное, дабы доказать, что он может свершить то, что не дано никому в мире.

— Да, — произнес Рендер, продевая шелковую нить в устье ракушки и наблюдая за тем, как кончик нити показывается из отверстия на другом конце. — Да, я вспомнил. Он обвязал кончик нити вокруг маленького ползучего насекомого, сознавая, что оно привыкло к темным, запутанным, как лабиринт, ходам и что сила его намного превосходит его размеры.

— ...и продел нить сквозь ракушку, и явился за наградой, и был схвачен царем.

— Хороший урок всем Ваятелям: будь в своем ремесле мудр, но не перемудри.

Эйлин рассмеялась.

— Но, конечно, потом он бежал.

— Конечно.

Они карабкались по коралловым уступам.

Рендер вытащил нитку, приложил раковину к губам и дунул. Протяжный звук разнесся по океанским глубинам.

Там, где выдра подстерегает рыбу...

Гибкое, похожее на торпеду тело стремительно вторглось в стаю рыб, жадно хватая добычу направо и налево...

Они подождали, пока охота закончится и зверь выныр-

нет из воды, и продолжили карабкаться по колючим коралловым уступам.

Потом медленно выходили из воды — сначала показались головы, потом плечи, руки, бедра, и вот уже они стояли, обсыхая, на узкой полосе песчаного берега. Вошли в окаймлявший ее лес и стали двигаться вверх по течению впадающего в море ручья.

Там, где черный медведь выкапывает корни и ищет мед и где бобр шлепает по грязи своим широким, как весло, хвостом...

— Слова, — сказала Эйлин, прикоснувшись к уху...

— Да, но взгляни на медведя и на бобра.

Она взглянула.

Пчелы, остервенело жужжа, роились вокруг мохнатого мародера; грязь шлепала, когда хвост грызуна ударял по ней.

— Медведь и бобр, бобр и медведь, — проговорила она. — Ну, куда отправимся теперь?

— *Сквозь побеги сахарного тростника, сквозь желтые цветы хлопка, по затопленным рисовым полям,* — ответил он, указывая вперед.

— О чем вы?

— Взгляни, и ты увидишь. Посмотри на растения, на их цвета, на их формы.

Они шли, глядя по сторонам.

— *Сквозь рощи хурмы, сквозь многолетнюю кукурузу, по расцветшему нежными голубыми цветами льняному полю.*

Эйлин становилась на колени, вглядывалась, принималась, пробовала на ощупь и на вкус. Они шли по полям, и она чувствовала босыми ступнями черную теплую землю.

— ...Мне как будто вспоминается что-то, — сказала она.

— *По матово-зеленой ржи,* — сказал Рендер, — *когда она волнуется и рябит в порывах ветра.*

— Подожди немного, Дедал, — попросила Эйлин. — Оно приходит ко мне медленно. Ты подарил мне желание, которое я никогда не решалась назвать вслух.

— Давай поднимемся на эту гору, — предложил он. — *Крепче держись за уступы.*

Они начали подниматься, и скоро земля осталась далеко внизу.

— И только ветер холодный и скалы — там, высоко в горах, — сказала она. — Куда мы идем?

— На вершину. На самый верх.

Вечность протекла или мгновение — но они уже стояли на вершине горы. Сейчас восхождение казалось им долгим.

— Расстояние, перспектива. Мы прошли все это, все, что ты видишь там, внизу. Равнины, за ними леса и море.

— А гора выдуманная, — заметила Эйлин. — Когда-то я уже забиралась на нее, только не видела.

Он кивнул, и она снова с любопытством взглянула на океан, лежащий вдали под голубым океаном неба.

Через некоторое время они начали спускаться по противоположному склону.

И снова Время дурачило их, то затягиваясь, то сжимаясь, и, оказавшись у подножия горы, они двинулись вперед.

...Идти протоптанной в траве тропой и чувствовать прикосновенье листьев.

— Теперь я знаю! — воскликнула Эйлин, хлопая в ладоши. — Теперь я знаю!

— Тогда — где мы? — спросил Рендер.

Она бережно сорвала травинку, протянула ее Рендеру, потом пожевала кончик.

— Где? — переспросила Эйлин. — Ну, конечно же, там, где слышен перепела свист в лесах, в пшеничном поле.

В этот момент раздался свист перепела, и птица пересекла им дорогу, причем птенцы шли сзади ровной цепочкой, словно нанизанные на нить.

— А я всегда гадала, что бы это могло значить... — Тьма стучалась над тропинкой, которая вела их то лесом, то между пшеничных полей. — Как много всего, — продолжила Эйлин. — Целый каталог чувств Сиэрса и Робука. Дайте мне еще строчку.

— Там, где летучая мышь кружит накануне Седьмого месяца, — сказал Рендер, поднимая руку.

Летучая мышь резко спикировала вниз, Эйлин пригну-

лась, и темное пятно, трепеща в воздухе, скрылось за деревьями.

— Там, где большой золотой жук мелькает во тьме, — подхватила она.

...И мгновенно маленький сверкающий метеорит в двадцать четыре карата прочертил темнеющий воздух и упал на дорожку к их ногам. Пролежав мгновение неподвижно, как золотистый, солнечный скарабей, он уполз на обочину и исчез в траве.

— Теперь ты помнишь, — сказал Рендер.

— Теперь я помню, — ответила Эйлин.

Канун Седьмого месяца выдался холодный, и звезды бледными огоньками зажглись в небе. Они шли по тропинке, Рендер показывал Эйлин созвездия. Месяц повис, зацепившись за горизонт, и еще одна летучая мышь перечеркнула его. Вдалеке заухала сова. Оживленный разговор сверчков донесся словно бы из-под земли. И все же последнее, предзакатное сияние упорно не исчезало с небосвода, озаряя мир вокруг.

— Мы далеко ушли, — сказала Эйлин.

— Как далеко? — спросил Рендер.

— Туда, где ручей, рождаясь меж корней, течет в луга, — уверенно ответила она.

— Верно. — И, вытянув руку, Рендер нагнулся к корням большого старого дерева, мимо которого они проходили.

Между корней бил ключ, питавший ручей, вдоль которого они шли раньше. Словно связка бубенчиков, вода взлетала вверх и падала со звоном, растекаясь по земле. Ручеек журчал между деревьев, прокладывая себе русло, вился на пути к морю.

Эйлин вошла в воду. Плавные струи пенились у ее ног. Брызги окатили ее всю: спину, шею, грудь, руки.

— Идите сюда, — позвала она. — Этот ручей волшебный.

Но Рендер покачал головой и не тронулся с места.

Выйдя из воды, Эйлин встряхнулась и снова была сухой, как прежде.

— Лед и радуга, — заметила она.

— Да, — сказал Рендер, — я еще много чего позабыл.

— Я тоже, но я помню, что чуть дальше идет строчка о *пересмешнике, который курлычет нежно, заливается трелями, стенает и плачет.*

И Рендер вздрогнул, словно заслышав пение пересмешника.

— Но это не мой пересмешник!

Эйлин засмеялась.

— Какая разница? Все равно скоро его очередь.

Рендер покачал головой и отвернулся. Эйлин снова оказалась у него за спиной.

— Жаль. Я буду внимательнее.

— Прекрасно.

Он сошел с тропинки и двинулся вперед.

— Я забыл, что дальше.

— Я тоже.

Ручей остался далеко позади. Они шли, приминая траву, по бескрайним плоским равнинам, и только краешек пылающей солнечной короны виднелся над горизонтом.

Там, где закатные тени тянутся по безграничным, безлюдным прериям...

— Вы что-то сказали? — спросила Эйлин.

— Нет. Но я опять вспомнил. Вот это место: *там, где стада бизонов, растекшись темными пятнами на много миль, движутся с места на место.*

Большое темное пятно слева от них постепенно принимало все более отчетливые очертания, все более явно в темноте проступали формы бизона — царя американских равнин. Словно и не было никогда никаких родео, ярмарок скота, изображений на старых пятицентовиках, — животные стояли теперь перед ними, неповторимые, темные, пахнущие землей, медлительные, могучие, мохнатые; стояли тесно, опустив книзу рогатые головы, мощные бока вздымались и опали; это был живой символ зодиакального Быка, неистощимого весеннего плодородия; и вместе с сумерками таяли они, уходя в прошедшее, в прошлое, — быть может, туда, где трепещут радужные колибри.

Они шли по огромной равнине, и луна поднялась уже высоко.

Наконец они вновь подошли к краю земли, где снова

были высокогорные озера, ручьи, пруды, где снова было море. Пройдя мимо опустевших ферм с садами, они пошли дальше по краю воды.

— Там, где лебедь-долгожитель плывет, покачиваясь и изогнув свою длинную шею, — сказала Эйлин, и это был первый лебедь, которого она увидела. Он медленно скользил в лунном свете по глади озера.

— Там, где чайки мечутся над берегом, хохоча, — подхватил Рендер, — и хохот их так похож на человеческий.

И хохот раздался в ночи, но он не был похож ни на смех чайки, ни на смех человека, потому что Рендер никогда не слышал хохочущих чаек. Кудахтающие звуки, которые он извлек из сырой необработанной эмоции, сделали вечерний воздух холодным, неуютным.

Он заставил воздух потеплеть снова, подсветил темноту серебристым свечением.

Странный смех сошел на нет, замер. Подобие чайки, вспыхивая серебристым исподом крыльев, унеслось в сторону моря.

— Ну вот, — сказал Рендер, — это почти все на сегодня.

— Но ведь еще много, так много осталось! — возразила Эйлин. — Ведь вы так хорошо запоминаете меня. Неужели вы сейчас ничего больше не вспомните? Я помню еще кое-что о куропатках, которые на ночь усаживаются в кружок, выставив наружу головы, о хохлатой желтой цапле, по ночам охотящейся на крабов в тине, и о темном кузнечике, что сидит на ореховом дереве над колодцем, и...

— Прекрасная память, — сказал Рендер. — Превосходная. Даже, пожалуй, слишком.

Они шли сквозь лимонные и апельсиновые рощи, еловые леса, там, где охотилась цапля и где кузнечик распевал свою песенку, сидя на ореховом дереве над колодцем, и где куропатки спали, сидя кружком и выставив головы наружу.

— Вы назовете мне всех этих животных в следующий раз? — спросила Эйлин.

— Да.

Она свернула на тропинку, ведущую к ферме, открыла дверь, вошла. Рендер с улыбкой последовал за нею.

Внутри была тьма. Плотная, беспросветная тьма, какая может быть только в абсолютной пустоте. В доме не было ничего. Вообще ничего.

— Что случилось? — донесся откуда-то голос Эйлин.

— Несанкционированное вмешательство в сценарий, — ответил Рендер. — Я уже собирался опустить занавес, но вы захотели, чтобы представление продолжалось. Тогда я решил не делать вам больше никаких подсказок.

— Мне не всегда удастся контролировать это, — произнесла Эйлин. — Извините. Давайте вернемся. Я уже взяла себя в руки.

— Нет, пойдем дальше, — сказал Рендер. — Свет!

Они стояли на высоком холме, и вокруг ущербного месяца кружились стальные летучие мыши. Вечерний воздух был холодным, и резкие, каркающие звуки доносились с мусорных куч. Не деревья, а стальные столбы раскинули вокруг свои намертво прикрепленные ветви. Вместо травы под ногами расстилалось зеленое пластиковое покрытие. Огромный пустынный хайвей тянулся вниз.

— Но... где мы? — спросила Эйлин.

— Вы только что побывали в «Песни-О-Себе», — ответил Рендер, — и вложили в нее столько нарциссизма, сколько смогли. Ничего странного, впрочем, в этом нет. Разве только то, что вы слегка перестарались. Теперь, я думаю, пора несколько сбалансировать ситуацию. Иначе я просто разорюсь, если каждый раз буду только и делать, что рассказывать сказки.

— Что вы намерены...

— Как насчет «Песни-Не-О-Себе»? — И он хлопнул в ладоши.

— ...Там, где пересохшие равнины Даст-Баула алчут воды, — произнес чей-то голос. Эйлин и Рендер шли вперед, кашляя.

— ...Там, где все живое погибло в загрязненных водах рек, — продолжал голос, — и пена их цвета ржавчины.

Они шли по берегу зловонной речки; Эйлин зажимала нос, но и это не могло помешать ей чувствовать зловоние.

...Там, где леса сведены под корень и пейзаж напоминает ад.

Они шли, обходя пни, наступая на обломанные сухие ветви; мертвая листва шуршала под ногами. Зловещий, изъязвленный лик луны, словно подвешенный на тонкой нити, угрюмо глядел на них с черных небес. Словно великаны, шли они между пней по голым пустошам, где когда-то шумели бескрайние леса. Под покровом сухих листьев земля покрылась глубокими трещинами.

...Где шахты — как обескровленные артерии в выжженной плоти Земли.

Огромная свалка машин простиралась перед ними. Погребальными курганами высилась во тьме развороченная земля. Провалы и ямы были наполнены чем-то, напоминающим сгустки черной крови.

...Пой, Жестяная Муза, ты, что показала древним пастухам, как стройный и прекрасный мир возникает из Хаоса, или, ежели смерть приятнее твоим очам, гляди — вот величайшее из кладбищ земных!

Они стояли на вершине холма, озирая груды металлического лома. Здесь были тракторы, бульдозеры, экскаваторы с их некогда мощными, а теперь бессильно замершими ковшами и гусеницами. Горы металла — ржавого, искореженного, ненужного. Станины, рамы, лопасти, корпуса, стрелы подъемных кранов — все было погнуто, сломано, сплющено. Могильным холмом, Землей Горшечника было это место для стальной плоти машин.

— Что это? — спросила Эйлин.

— Свалка, — ответил Рендер. — Эту сторону жизни Уолт позабыл воспеть. Это то, что подмяло под себя нежную траву его лугов и лесов, а сами леса свело под корень.

Они пошли через свалку машин.

— Впрочем, в каком-то смысле меня сюда тянет, — добавил Рендер. — Вот этот бульдозер, например, сровнял с землей древнюю индейскую усыпальницу, а этот свалил самое старое дерево на нашем континенте. Вот этот экскаватор прорыл канал, чтобы отвести реку, затопившую и превратившую в пустыню прекрасную зеленую долину. Вот этот кран рушил стены домов наших предков и возводил перекрытия уродливых башен, выросших на их месте...

— Вы очень несправедливы, — сказала Эйлин.

— Конечно, — кивнул Рендер. — Стремясь к малому, всегда замахиваешься на большое. Вспомните, я взял вас туда, где пантера скачет по ветвям, где гремучая змея на камне греется, подставляя солнцу каждую чешуйку, где аллигатор в бугорчатой броне, в трясине дремлет. И помните, что я ответил, когда вы спросили: «А для чего это?»

— Вы сказали: «Природа — не всегда идиллия».

— Верно, и, когда вы снова попробовали перехватить у меня инициативу, я решил, что лучше дать вам понять, что в мире, помимо удовольствия, есть еще и боль. Мне кажется, вы уже и сами уловили, что именно не в порядке.

— Да, я понимаю. Но как выглядит эта дорога в ад, мощенная нашими благими намерениями? Какая она — белая или черная?

— Не то и не другое, — ответил он. — Серая. Пройдем еще немного.

Они обогнули груды пустых банок, бутылок и пружинных матрацев. Нагнувшись, Рендер откинул выступающую крышку люка.

— Взгляните, что скрыто в этом темном чреве уже много веков.

Он открыл ящик с инструментами, и волшебное сияние мягким зеленым светом озарило темную глубину.

— О!..

— Чаша Святого Грааля, — провозгласил Рендер. — Это называется энантиадромия, моя дорогая. Круг всегда рано или поздно замыкается. И когда его начало смыкается с концом, начинается спираль. Откуда я все это знаю? Но Грааль может таиться в ящике с инструментами. И мало ли что еще. Время искажает вещи. Со временем друзья становятся врагами; то, что было злом, может обернуться добром. Я позволю себе выгадать немного времени, чтобы рассказать вам одну маленькую историю, раз уж вы подарили мне сюжет о греке Дедале. Мне поведал ее один из моих пациентов по фамилии Ротман, он изучал Каббалу. Как вы думаете, каково происхождение Грааля, этого символа чистоты, света, святости и божественного величия?

— Тут ничего про это не сказано.

— Да, но есть предание, легенда; ее-то и рассказал мне Ротман. Мельхиседек, первосвященник Израиля, передал Грааль в наследство своим потомкам, чтобы те вручили его Мессии. Но откуда же попал он к Мельхиседеку? Он вырубил его из огромного изумруда, найденного им в пустыне, а изумруд этот выпал из короны Измаила, Ангела Тьмы, когда тот был низвергнут с небес. Таков Грааль: из света во тьму, из тьмы — к свету и снова во тьму, и что дальше — кто знает? Так в чем же тут дело? В энантиадромии, моя дорогая. До свиданья, Грааль.

Рендер закрыл крышку, и все погрузилось во тьму.

И потом, бродя под плоскими потолками Винчестерского собора, проходя мимо статуи, обезглавленной по приказу Кромвеля (как уверял путеводитель), он вспоминал следующий сеанс. Он вспоминал, как, сам того не желая, вынужден был выступать в роли Адама, давая имена проходящим перед ними животным, во главе которых, разумеется, шло то, которое она хотела видеть, — жуткой окраски, поскольку он немного нервничал. Потом ему пришлось пережить несколько приятных, идиллических минут, когда, проштудировав старый учебник ботаники, он ваял и давал имена полевым цветам.

Пока они держались вдалеке от городов, от машин. Эмоции Эйлин пока еще слишком живо откликались даже на самые простые, осторожно вводимые в ее психику объекты, для того чтобы подвергать ее риску, сразу погрузив в сложные, хаотичные городские дебри; нет, он будет строить ее город не спеша.

Что-то быстро пронеслось в высоте над собором, издав гулкий, похожий на громовой раскат звук. Рендер задержал руку Джилл в своей и улыбнулся, когда она взглянула на него сверху вниз.

Джилл знала, что ее можно назвать почти красивой, и обычно прилагала массу усилий, чтобы действительно выглядеть красавицей. Но сегодня ее волосы были просто зачесаны назад, а чуть оттопыренные уши казались тоньше, бледнее и чуть заостренными кверху.

— Обратите внимание также на зубчатые капители, —

прошептала она. — Их примитивные каннелюры предвосхитили то, что впоследствии стало широко распространенным мотивом.

— Фу-у! — сказал Рендер.

— Ш-ш! — пробурчала маленькая женщина с красной, сожженной на солнце кожей.

Говоря, она быстро открывала и закрывала рот, похожий на трещину в глине.

— Ну что, как Винчестер? — спросил Рендер, когда они медленно шли обратно к отелю.

— Полный порядок.

— Довольна?

— Довольна.

— Хорошо, тогда можно будет отправиться прямо сегодня.

— Ладно.

— В Швейцарию...

Джилл остановилась и потеряла пуговицу у него на пальто.

— А не могли бы мы еще пару дней побродить по старым замкам? В конце концов, только и дел, что перебраться через Ла-Манш, и ты спокойно будешь дегустировать местные вина, пока я...

— О'кей, — сказал Рендер.

Она подняла голову — лицо ее выражало крайнее изумление.

— Что случилось? Он даже не спорит! — Джилл улыбнулась. — А где же твой пресловутый бойцовский дух? Подозрительная стговорчивость.

Она взяла его за руку, и они пошли дальше.

— Вчера, — сказал Рендер, — когда мы рысью пробежали под этими почтенными сводами, я услышал слабый стон, и затем чей-то голос воскликнул: «Ради всего святого, Монтрезор!» Полагаю, это и был мой бойцовский дух, поскольку голос был точно мой. Я отрекся от *der Geist, der stets verneint. Pax vobiscum!* Отправляемся во Францию. *Alors!*

— Милый Ренди, всего только на денек-другой...

— Аминь, — сказал Рендер. — Жаль только, что я уже смазал лыжи.

Они сделали все так, как и было решено, однако когда на утро третьего дня Джилл завела речь о замках Испании, Рендер принялся вслух рассуждать о том, что если психологи, выпив, обычно ограничиваются тем, что впадают в раж, то психиатры, как известно, не только впадают в раж, но и начинают бить посуду.

Восприняв это как скрытый намек на свою коллекцию веджвудского фарфора, Джилл сложила оружие и согласилась отправиться кататься на лыжах.

«Свобода!» Рендер едва удержался, чтобы не выкрикнуть это слово вслух. Кровь стучала у него в висках. Он мчался, сжавшись в комок. Вираз налево. Ветер упруго и больно хлестал по лицу; мелкие льдинки, острые, как наждачная крошка, летели ему в лицо, царапая щеки.

Он мчался вперед. Отныне и навсегда — мир кончился в Вайсфлойхе, и Дорфтали лежал далеко внизу. Его ноги стали двумя светящимися реками, бежавшими по волнистым, замерзшим равнинам; они текли, они двигались, они не могли замерзнуть. Вниз. Тело было текучим, струящимся. Долой мир, замкнутый в четырех стенах. Прочь от душной рутины буден, прочь от цивилизации, которая кормит тебя с ложечки, от убийственной жвачки насильственных развлечений, придуманных с одной целью — убить стоглавую гидру скуки. Прочь!

И пока он мчался вниз по склону, растворяясь в текучем чувстве движения, его не покидало желание оглянуться, как бы для того, чтобы посмотреть, действительно ли мир, который он оставил там, позади, послал ему вослед свой жуткий символ, свою тень, неотступно следовать за ним и затащить его обратно, в повисший в небе теплый, ярко освещенный гроб, и уложить его там на покой, пронзив его волю алюминиевыми острями и убаюкивая переменными токами его дух.

— Ненавижу, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы, и ветер отнес слова назад; потом он засмеялся, ведь он привык анализировать свои эмоции с точки зрения рефлексов, и добавил: — Те же и Орест, безумный, преследуемый фуриями...

Склон становился все более пологим, и скоро Рендер

притормозил, остановился. Выкурив сигарету, он вновь полез в гору, чтобы повторить спуск, на этот раз уже не в медицинских целях.

Вечером Рендер сидел у камина в просторном охотничьем домике, чувствуя, как жадно впитывают тепло его усталые мышцы. И пока Джилл массировала ему плечи, он угадывал в огнистых узорах углей фигуры, наподобие таблиц Роршаха, и в тот момент, когда в пламени ясно обрисовался сверкающий кубок, из Зала Девяти Каминов донесся чей-то знакомый голос.

— Чарльз Рендер! — произнес голос (хотя это прозвучало скорее как «Шарльц Рандер»).

Рендер инстинктивно обернулся, но призрачные узоры еще плясали у него перед глазами, и он не сразу идентифицировал источник звука.

— Морис? — спросил он через секунду. — Бартельметц?

— Он самый, — раздалось в ответ, и Рендер различил знакомое пепельно-серое лицо человека с лысой, как бильярдный шар, головой, практически без шеи, одетого в красно-синий свитер из грубой шерсти, который сидел в обтяжку, не скрывая мощных округлостей похожей на бочонок фигуры. Человек двигался в сторону Джилл и Рендера, ловко пробираясь между лежащими на полу лыжами, палками, составленными в пирамиды, и людьми, которые, подобно Джилл и Рендеру, презирали отдых в кресле.

— Что-то ты потяжелел, — заметил Рендер, оглядывая фигуру Бартельметца. — Нездоровый симптом.

— Ерунда, сплошные мышцы!.. Ну, как живешь, как дела?

Он взглянул на Джилл, и она улыбнулась ему в ответ.

— Мисс де Виль, — пояснил Рендер.

— Джилл, — представилась она.

Бартельметц слегка поклонился, отпустив наконец уже занявшую руку Рендера.

— А это — профессор Морис Бартельметц из Вены, — закончил Рендер, — укрывшийся под покровом мрака последователь всех форм диалектического пессимизма и выдающийся первооткрыватель в области невроконтакт-

ной терапии, хотя, глядя на него, этого и не скажешь. Я имел счастье быть его учеником в течение года.

Бартельметц утвердительно кивнул, принимая от Рендера фляжку для шнапса, которую тот вынул из маленького пластикового рюкзака, и наполнил свой складной стаканчик до краев.

— Да, ты все еще хороший специалист, — вздохнул он. — Моментально ставишь диагноз и прописываешь правильное лечение. Ваше здоровье.

— Семь лет — залпом, — важно произнес Рендер, вновь наполняя стаканчик.

— Что ж, потянем время — будем пить мелкими глоточками.

Они уселись на полу.

Огонь рычал в камине, дымом уносясь в большую кирпичную трубу; объятые пламенем поленья сгорали: и толстые сучья, и тоненькие веточки, и годовые кольца — кольцо за кольцом.

Рендер разворошил огонь.

— Я читал твою последнюю книгу, — сказал Бартельметц как бы невзначай. — Года четыре назад.

— Верно, — утвердительно кивнул Рендер.

— Над чем-нибудь сейчас работаешь?

Рендер лениво ткнул кочергой в горящее полено.

— Да, есть кое-что.

Он бросил беглый взгляд на Джилл — та дремала, прислонив голову к подлокотнику высокого кожаного кресла, подложив под бок рюкзак Рендера, и алые тени огня выпукло скользили по ее лицу.

— Я столкнулся с довольно необычным явлением и начал работать над темой, о которой давно собирался написать.

— Необычным? В каком смысле?

— Хотя бы в том, что пациентка — слепая от рождения.

— И ты пользуешься МНУ?

— Да. Она хочет стать Ваятелем.

— Verflucht! А ты учитываешь возможность обратных воздействий?

— Конечно.

— Ты ничего не знаешь о бедняге Пьере?

— Нет.

— Что ж, значит, им удалось это скрыть. Пьер был студентом-философом в Парижском университете и писал диссертацию об эволюции сознания. В этом году, летом, он решил, что для его работы необходимо исследовать мозг обезьяны, с тем чтобы установить, кто из них, он или обезьяна, более легкомыслен, не иначе. Как бы там ни было, ему удалось получить незаконный доступ к МНУ и к мозгам нашей мохнатой родственницы. Потом так и не установили, насколько он успел ознакомить обезьяну с банком внешних воздействий, однако надо полагать, что именно один из тех сигналов, которые по-разному резонируют в сознании человека и обезьяны, — шум транспорта и тому подобное, — напугал неразумное создание. Пьер до сих пор сидит в обитой войлоком палате, и реакции у него — точь-в-точь такие, как у испуганной обезьяны.

Так что, хоть ему и не удалось завершить собственную диссертацию, — закончил свой рассказ Бартельметц, — он вполне может послужить материалом для чужого исследования.

Рендер покачал головой.

— Впечатляющая история, — сказал он мягко, — но в моем случае все отнюдь не так драматично. Моя пациентка — человек с исключительно стабильной психикой, в конце концов, она сама психиатр, прошедший школу обычного психоанализа. Она давно хотела заниматься невроконтактной терапией, но ее удерживал страх перед зрительной травмой. Я постепенно вводил ее в мир зрительных образов. Когда курс будет закончен, она должна полностью свыкнуться с процессом усвоения видеоряда и сможет уделить все внимание невроконтактной терапии, не боясь ослепнуть от зрения, если можно так выразиться. У нас уже было четыре сеанса.

— И?

— Она держалась прекрасно.

— Ты уверен?

— Да, и думаю, что здесь я достаточно компетентен.

— М-м, — протянул Бартельметц. — Скажи, как по-тво-

ему, у нее достаточно сильная воля? Я имею в виду, нет ли у нее навязчивого комплекса сопротивляться внешнему принуждению?

— Нет.

— И никогда не бывало так, чтобы она брала в свои руки контроль над сновидением?

— Нет!

— Врешь, — сказал Бартельметц просто.

Рендер потянулся за сигаретами. Прикурив, он улыбнулся.

— Каюсь, учитель, каюсь, старый лукавец, — произнес он примирительно, — годы не притупили твоего чутья. Мне легче провести самого себя. Да, ее действительно очень и очень непросто контролировать. Ей недостаточно просто видеть. Уже сейчас она сама хочет ваять. Это понятно нам обоим — и мне, и ей, — но рассудочное и эмоциональное восприятия, видимо, никогда не достигнут гармонии. Иногда ей удавалось доминировать, но я почти сразу снова брал ее под контроль. В конце концов, это я заказываю музыку!

— Хм, — пробормотал Бартельметц. — Тебе никогда не попадался буддистский текст «Шанкара»?

— Боюсь, что нет.

— Тогда слушай, я тебя просвещу. «Шанкара» утверждает, причем абсолютно безотносительно к невротической терапии, что существуют два «я» — истинное и ложное. Истинное «я» в человеке бессмертно, и оно переходит в нирвану — словом, что-то вроде души. Отлично. Что же касается ложного «я», то это обычное, находящееся в плену иллюзий человеческое сознание — твое, мое, всех тех, с кем мы сталкиваемся в процессе работы. Согласен? Согласен. Материалом для этого ложного «я» служит то, что индусы называют «скандами». Сканды включают чувства, восприятия, мыслительные способности, само сознание и даже физическое строение. Подход явно ненаучный. Да. Но дело в том, что сканды — это отнюдь не то же самое, что неврозы, или «лжежизни» мистера Ибсена, или галлюцинации, — нет, даже учитывая, что они не истинны, поскольку изначально являются частью ложного единства. Взятые вместе, пять сканд составляют то весьма эксцент-

ричное целое, которое мы называем личностью, — в верхнем слое располагаются неврозы и прочая ерунда, за счет которой мы и кормимся. Согласен? Слушай дальше. Я решил прочитать тебе эту небольшую лекцию, потому что сейчас мне, как никогда, нужны сильные драматические выражения, поскольку я собираюсь изречь нечто весьма драматичное. Если предположить, что сканды образуют дно, то неврозы — это рябь на поверхности воды; истинное же «я», если таковое имеется, спрятано глубоко под выстилающим дно песком. Итак. Рябь лежит в промежутке, образует, так сказать, *Zwischenwelt* между субъектом и объектом. Сканды — это часть субъекта, неотъемлемая, уникальная часть его сути, бытия. Пока возражений нет?

— Есть, и немало.

— Хорошо. Теперь, когда мы договорились о понятиях, я попробую сформулировать свою точку зрения. Ты попусту тратишь время, потому что хочешь воздействовать уже не просто на неврозы, а на сканды. Хочешь гармонизировать общее представление этой женщины о себе самой и о мире. И для этого пользуешься МНУ. С тем же успехом ты мог бы воздействовать на психопата или обезьяну. На первый взгляд все идет прекрасно, но в любой момент, сам того не подозревая, ты можешь сделать что-нибудь такое, показать ей что-то необычное или обычное в таком необычном ракурсе, что ее самоощущение нарушится, нарушится одна из сканд, а это все равно что пробить дно. В этом месте образуется водоворот, который затянет тебя и... Словом, молодой человек, юный мастер, я не хотел бы видеть вас в числе своих пациентов и поэтому советую приостановить эксперимент. Не следует использовать МНУ в таких целях.

Рендер бросил сигарету в камин.

— Во-первых, — сказал он, загибая палец, — вы напустили мистического тумана, хотя все ясно как день. Единственное, что я пытаюсь сделать, это подготовить ее сознание к восприятию дополнительных впечатлений — во многом за счет других чувств. Во-вторых, вначале ее эмоциональные реакции действительно были достаточно болезненными, поскольку затрагивали травмированную область психики, но этот этап уже позади. Теперь она только

удивляется новизне мира. Скоро и новизна утратит свою необычность. В-третьих, Эйлин сама психиатр; она хорошо разбирается в методике лечения и полностью сознает, насколько тонким делом мы занимаемся. В-четвертых, ее самоощущения и ее желания, или ее сканды, называйте как хотите, непоколебимы, как Гибралтарская скала. Только представьте, какие усилия Эйлин приложила, чтобы получить такое образование, какое она получила. Тут нужна была стальная воля и самообладание, которому может позавидовать любой отшельник...

— ...и если в одно неуловимое мгновение из-за минутного замешательства весь этот могучий потенциал высвобождается, — Бартельметц грустно улыбнулся, — желаю тебе встретить тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга в Долине тьмы. И в-пятых, — неожиданно добавил он, пристально взглянув в глаза своего ученика, — в-пятых, — он загнул последний палец, — она хорошенькая?

Рендер промолчал и отвернулся к огню.

— мудро, — вздохнул Бартельметц.

Огонь бросал алые отсветы на его лицо, так что нельзя было понять, покраснел ли он.

— Значит, ты отдаешь себе отчет в том, что сам сможешь стать источником возбуждения. Сегодня же вечером поставлю свечку перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал тебе силы выйти победителем в поединке с новым пациентом.

Рендер посмотрел на Джилл. Она по-прежнему спала. Он нагнулся и откинул локон, упавший ей на лицо.

— Тем не менее, — сказал Бартельметц, — если все и дальше пойдет успешно, я с огромным интересом буду ждать выхода твоей книги. Не помню, рассказывал я или нет, но мне случалось лечить буддистов, и никакого «истинного я» найти не удалось.

Оба дружно рассмеялись.

Этот, на поводке, похожий и не похожий на меня, пахнувший страхом, маленький, серый, доверчивый. «Рр-р-р!» — И он задергается в ошейнике, задыхаясь. В голове у него пусто, как в духовке, пока она не нажмет кнопку и не начнет готовиться еда. Сколько с ними ни говори — не пой-

мут. И все же они как я. Однажды я убью одного из них, но зачем?..

Сверни сюда. «Три ступеньки вверх. Стеклянная дверь. Теперь направо». Зачем? Сюда, вперед. Сады — там, внизу. Запах, приятный. Трава, мокро, грязно, деревья и чистый воздух. Я вижу. Птицы, снова. Я вижу все. Я.

«Четыре ступеньки».

Вниз. Да. Из глотки рвутся звуки, хочется звуков, громких. Глупо. Много деревьев, чисто, приятно... Она любит посидеть на скамейке, пожевать листик, подышать чистым, свежим воздухом. Не может видеть, как я. Или теперь!.. Нет.

Не может Зигмунд, плохо, трава, деревья, здесь. Жаль. Отличное место.

«Внимательно. Четыре ступеньки».

Вперед. Направо, налево, направо, налево, деревья и трава. Зигмунд видит. Медленно. Идем... Доктор с машиной дает ей свои глаза. «Рр-р-р!» — И он перестанет дергаться. Запаха страха — нет.

Вырой глубокую яму и похорони в ней глаза. Бог — слеп. Зигмунд видит. Ее глаза прозрели, а он — он боится острых клыков. Он поможет ей видеть и унесет ее высоко в небеса, где видно все, далеко. Я выкопаю глубокую яму в земле...

Было уже начало одиннадцатого, когда Джилл проснулась. Даже не поворачиваясь, она знала, что Рендер уже ушел. Он всегда вставал рано.

Джилл протерла глаза, потянулась, приподнялась на локтях. Мельком взглянув на стоявшие рядом с кроватью часы, она взяла со столика сигареты и зажигалку. По запаху было件нятно, что пепельницу вынесли. Конечно, это Рендер — он не одобрял курение в постели.

Зевая, пофыркивая, Джилл выскользнула из-под одеяла и, накинув плед, поспешила стряхнуть пепел. Она ужасно не любила вставать, но, раз поднявшись, уже не могла допустить, чтобы хоть что-нибудь нарушило предустановленное течение дня. «Вот противный». Джилл улыбнулась. Она хотела заказать завтрак в постель, но было уже поздно.

Обдумывая свой туалет, она вдруг заметила пару незнакомых лыж, стоявших в углу. На конец одной из них был наколот листок бумаги. Джилл подошла поближе. «Не желаете присоединиться?» — значилось в записке. Джилл решительно покачала головой, и ей почему-то стало грустно. Она каталась на лыжах всего два раза в жизни и боялась их. И все же хоть она и понимала, что стоит попытаться еще, поскольку это, безусловно, достойный вид спорта, но при одном только воспоминании о том, с какой неприличной быстротой и беспомощностью летишь вниз по склону (такие «полеты» довольно скоро оканчивались в сугробе), ее пробирала дрожь и моментально возвращалось муторное чувство, знакомое ей по первым попыткам. Поэтому, приняв душ и одевшись, она спустилась в ресторан.

Огонь уже вовсю ревел в девяти каминах, когда она проходила через холл. Несколько лыжников с красными обветренными лицами грелись, протянув руки к ярко пылавшему пламени центрального очага. Вообще же народу было немного. На решетке для сушки обуви стояло всего несколько пар ботинок, с которых капало, яркие лыжные шапочки висели на вешалке, сохли составленные за дверьми лыжи.

Посередине холла в креслах сидели несколько человек — читали газеты, курили, негромко беседовали. Никого из знакомых не было, и Джилл двинулась в сторону ресторана. Когда она проходила мимо конторки регистратора, сидевший там старик остановил ее, назвав по имени. Джилл с улыбкой подошла к нему.

— Вам письмо, — сказал старик, поворачиваясь к ящикам с корреспонденцией. — Вот. Похоже, что-то важное.

С этими словами он протянул Джилл объемистый коричневатый конверт с обратным адресом ее адвоката. Письмо было трижды проштемпелевано.

— Спасибо.

Она отошла к креслу, стоявшему у большого окна (за ним виднелся заснеженный сад, каток и вьющаяся вдалеке тропа, по которой двигались маленькие темные фигурки с лыжами на плече), и разорвала конверт.

Наконец-то. В конверте лежала короткая записка от ад-

воката и копия свидетельства о разводе. Джилл только недавно приняла решение разорвать официальные отношения с мистером Фотлоком, чью фамилию она перестала носить еще пять лет назад, когда они расстались. Теперь же, добившись цели, она не знала, что ей делать дальше.

«Зато вот радости-то будет для Ренди», — подумала она. Надо сообщить ему с этаким невинным выражением.

Джилл достала пудреницу и состроила перед зеркальцем недоуменную гримаску. «Ладно, — пропела она тихонько, — с этим можно не торопиться». Хотя и особо тянуть тоже не следует... Ее тридцатилетие маячило на горизонте, как большая черная туча, заранее отравляя весь апрель, до которого, впрочем, было еще четыре месяца.

Она подвела помадой свой лукавый ротик, хорошенько припудрила родинку возле носа и захлопнула косметичку.

В ресторане на видном месте перед огромной яичницей, штабелями кроваво-красных сосисок, горой тостов с сыром и наполовину опорожненной бутылью апельсинового сока восседал доктор Бартельметц. Большая чашка кофе дымилась сбоку. Бартельметц сидел очень прямо, и только вилка, которой он орудовал, мелькала, как крылья ветряной мельницы.

— Доброе утро, — сказала Джилл.

Бартельметц воззрился на нее.

— А, мисс де Виль... Джилл... Доброе утро, — он кивнул на кресло напротив. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Джилл села и обратилась к подошедшему официанту:

— Мне, пожалуйста, то же самое, только раз в десять поменьше... Вы не видели сегодня Чарльза? — Она обернулась к доктору.

— Увы! — Бартельметц сокрушенно развел руками. — Хотя мне бы очень хотелось продолжить нашу дискуссию, пока его сознание еще пребывало на ранней стадии пробуждения и было сравнительно податливо. К сожалению, — доктор сделал большой глоток кофе, — он спит хорошо и сразу вступает где-то примерно в середине второго акта.

— А вот я обычно вступаю в интермедии и сразу прошу кого-нибудь объяснить мне, в чем суть дела, — подхватила

Джилл. — Так почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я всегда податлива, и мои сканды в форме.

Их взгляды встретились, и Бартельметц откусил кусок тоста.

— Да, — сказал он после паузы. — Кажется, я правильно вас понял. Что же, тем лучше. Что вы знаете о работе Чарльза?

Джилл поудобнее устроилась в кресле.

— М-м. Он — редкий специалист в некоей сверхспециальной области, и мне, конечно, трудно судить по тому немногому, что он о ней рассказывает. Мне бы тоже хотелось иногда заглянуть в чужие мысли — конечно, только чтобы узнать, что люди думают обо мне, — но я вряд ли могла бы долго находиться там. Особенно, — Джилл кокетливо передернула плечами, — если это человек... с комплексами. Боюсь, я могу отнестись к нему слишком сочувственно, или напугаться, или... словом, мало ли что. И тогда, если верить тому, что я читала, в силу некоей магии взаимности, его комплексы перейдут ко мне. — Впрочем, — продолжала она, — у Чарльза почти никогда не возникает таких сложностей. По крайней мере мне он о них не рассказывает. Хотя в последнее время он меня беспокоит. Похоже, эта слепая девушка и ее говорящая собака значат для него слишком много.

— Говорящая собака? — переспросил Бартельметц.

— Да, у нее собака-поводырь из этих, знаете, мутантов.

— Очень интересно... Вы когда-нибудь с ней встречались?

— Ни разу.

— Так-так, — пробормотал Бартельметц. — Иногда невроконтакторам приходится иметь дело с пациентами, проблемы которых близки им самим. Тогда сеансы могут проходить достаточно болезненно. Со мной всегда так бывало, когда я брался лечить своих коллег. Возможно, Чарльзу эта ситуация кажется в чем-то похожей на то, что волнует его лично. Я никогда не обследовал его психики с точки зрения психоанализа. И не могу похвастать, что знаю все уголки его души, хотя он и был моим учеником довольно долго. Он всегда был сдержанным, несколько даже скрыт-

ным; хотя при всем том умел бывать и категоричным, властным... А что еще его волнует в последнее время?

— Он постоянно переживает из-за Питера, своего сына. В среднем раз в год переводит его в новую школу.

Подали завтрак. Джилл расстелила на коленях салфетку и подвинулась ближе к столу.

— ...И еще он все время читает материалы о самоубийствах и говорит про них, говорит и говорит.

— Почему?

Джилл пожала плечами и приступила к еде.

— Ничего не объясняет, — сказала она, поднимая глаза на Бартельметца. — Может, пишет что-нибудь.

Покончив с яичницей, Бартельметц налил себе еще кофе.

— А вас не тревожит эта его новая пациентка?

— Нет... То есть да. Беспокоит.

— Почему?

— Боюсь магии взаимности, — сказала Джилл, слегка покраснев.

— Звучит достаточно многозначительно.

— Да, — согласилась она и после минутной паузы добавила: — Мы оба заботимся о его благополучии, и оба видим, откуда исходит угроза. Поэтому... могу я попросить вас об одной услуге?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз. Попробуйте убедить его отказаться.

Бартельметц сложил свою салфетку.

— Попробую, после обеда, — решительно сказал он. — Я верю в ритуальную силу попыток спасти человека. Их обязательно стоит предпринимать.

Дорогой мой богоподобный папочка!

Что сказать, школа отличная, нога тоже ведет себя на «отлично», а ребята в классе все — юные гении. С монетами порядок, даже слишком, к новому расписанию и учителям понемногу привыкаю, так что ни о чем не беспокойся, ладно?

Школу описывать не стану, ты ведь сам видел это мрачнейшее сооружение. Спортплощадки описал бы, да не могу, поскольку в настоящий момент они покоятся под холодными белыми пеленами. Брр! Я думаю, ты сейчас наслаждаешься

разными зимними утехами. Разделяю твой энтузиазм, однако предпочитаю зиму на картинках или на стаканчиках с мороженым.

Больная нога сковывает свободу моих передвижений, сосед по комнате укатил домой на уик-энд; и то и другое — истинное блаженство (как выразился бы Панглосс), потому что теперь можно хоть иногда прочесть пару страниц. Чем и собираюсь немедленно заняться.

*Твой чудо-ребенок
Питер.*

Рендер нагнулся, чтобы потрепать тяжелую лохматую голову. Его движение было воспринято со стоическим самообладанием, темные глаза взглянули на австрийца, у которого Рендер попросил прикурить, — так, словно спрашивали: «Должен ли я терпеть подобное унижение?» Мужчина улыбнулся при виде страдальческого выражения, написанного на собачьей морде, и, громко шелкнув, закрыл зажигалку; Рендер заметил, что один из выгравированных сбоку инициалов — маленькое «в».

— Спасибо, — сказал он и обратился к собаке: — Как тебя зовут?

— Бисмарк, — проворчал пес.

— Ты мне напомнил одного такого же. Того зовут Зигмунд, он друг и поводырь одной моей слепой знакомой — там, в Америке.

— А мой Бисмарк — охотник, — сказал молодой человек. — И нет такой добычи, которая бы могла его перехитрить, — ни олень, ни семейство кошачьих.

Собака наострила уши и взглянула на Рендера гордыми сияющими глазами.

— Мы охотились в Африке и в Северной и Юго-Западной Америке. И в Центральной Америке тоже. Он никогда не терял следа. Никогда не сдавался. Прекрасный зверь, а зубы у него не хуже золингеновской стали.

— Да, у вас и вправду прекрасный товарищ для охоты.

— Я охочусь, — проворчал пес, — я иду по следу...
А иногда я убиваю...

— Так, значит, вы не слышали о собаке по имени Зигмунд и о ее хозяйке — Эйлин Шеллот? — спросил Рендер.

Мужчина покачал головой.

— Нет, Бисмарка прислали мне из Массачусетса, но сам я в Центре никогда не был. И ни с кем из других хозяев не встречался.

— Понятно. Что ж, спасибо. Всего хорошего.

— Всего хорошего.

— Все-го хо-рро-ше-го...

Засунув руки в карманы, Рендер медленно двинулся вперед по узкой улочке.

Он извинился и ушел, не сказав куда. И теперь шагал вперед без всякой цели. Вторая попытка Бартельметца увещевать его едва не заставила Рендера наговорить резкостей, о чем он сам бы потом пожалел. Прогулка была выходом — слишком тяжелый получался разговор.

Повинуясь неожиданному импульсу, он зашел в лавочку и купил часы с кукушкой, которые привлекли его внимание. Бартельметц правильно поймет его подарок.

Улыбнувшись, Рендер пошел дальше. Интересно, а что это за письмо, которое клерк так торжественно вручил Джилл за обедом? Три штемпеля на конверте и обратный адрес — адрес ее адвоката.

Джилл не стала вскрывать письмо, однако улыбнулась и, наградив старика щедрыми чаевыми, спрятала конверт в сумочку. Пришлось вскользь намекнуть на то, что его интересует содержание загадочного послания. Ну что ж, раз уж он такой любопытный, она пожалеет его и скажет.

Порыв студеного ветра налетел с севера, и как будто сам небосвод зашатался на своих ледяных устоях. Рендер поборол дрожь, еще больше втянул голову в плечи. Зажав под мышкой часы, он поспешил обратно.

В ту ночь змея, что держит хвост в собственной пасти, изрыгнула огонь, Фенрир Волк напал на Луну, кукушка прокуковала в маленьких часах, и утро явилось, как пос-

ледный бык Манолите, потрясая роговые ворота своим ревом и обещая пролить реку львов на песок.

Рендер поклялся себе, что покончит наконец с сентиментальными бреднями.

Позже, гораздо позже, когда похожий на хищную птицу лайнер мчал их в поднебесье, то и дело проваливаясь в воздушные ямы, Рендер взглянул вниз, на лежащую в темноте Землю, представив звездные огни ее городов, потом вверх — на их небесные отражения, потом — на ряд экранов, на прищуренные лица людей, представил, как автоматы, раздающие кофе, чай и коктейли, пытаются заглянуть в души своих гипотетических клиентов, посылают флюиды, стараясь заставить каждого нажать нужную кнопку, потом посмотрел на Джилл, так привязавшуюся к каменным интерьерам старинных построек, — он знал, что она чувствует его взгляд, и сам, почувствовав команду своего кресла, откинулся, превратив его в постель, и — уснул.

Глава 5

В ее приемной всегда было много цветов, она любила экзотические ароматы и даже иногда жгла ладан. Ей нравилось до изнеможения нежиться в горячих бассейнах, гулять во время снегопада, без конца и, быть может, слишком громко слушать музыку, каждый вечер смаковать ликеры (ее излюбленным был анисовый, в который иногда она добавляла несколько капель полынной настойки).

У нее были длинные, тонкие пальцы. Колец она не носила.

«...Обследован пациент. Жалобы: нервозность, бессонница, боли в области желудка, периодически депрессивные состояния. Имеется запись предыдущих обследований. Поступил в госпиталь в 1995, с диагнозом — маниакально-депрессивный психоз; поступил вторично 2 марта 1996. Также госпитализировался в другую клинику 9 февраля 1997. Артериальное кровяное давление 170/100. Общее физическое состояние удовлетворительное — запись

от 12 ноября 1998. Также отмечены жалобы на хронические боли в спине и умеренные симптомы алкогольной абстиненции. В дальнейшем никаких патологий в физическом развитии не обнаружено; мышечные рефлексы выраженные, в пределах нормы. Последствия алкогольной абстиненции. Психопатических симптомов и галлюцинаций за период обследования не отмечалось. Временная, пространственная и самоориентация — удовлетворительные. Психологическое тестирование показало некоторую склонность к мании величия, экспансивности, а также определенную агрессивность. Потенциально может являться источником конфликтных ситуаций. Учитывая опыт работы поваром, определен работать на кухне, после чего наблюдалось значительное улучшение общего состояния. Реакции более свободные, уровень общительности повысился. Диагноз: маниакально-депрессивные реакции (прогрессирующих последствий внешних стрессов не отмечалось). Степень психопатологических отклонений умеренная. Может считаться юридически полноценным лицом. Курс терапевтического лечения в госпитале — продолжить».

Она остановила магнитофон и рассмеялась. Смех прозвучал жутковато. Смех — явление общественное, а она была одна.

Покусывая кончик носового платка, Эйлин отмотала запись к началу, и вновь в тишине зазвучала мягкая скороговорка. Скоро внимание ее переключилось, и она уже не слышала магнитофонного голоса.

Когда запись подошла к концу, она выключила магнитофон, чувствуя себя одинокой. Очень одинокой. Такой одинокой, что, когда она повернулась к окну и небольшое пятно света упало на ее лицо, ей вдруг показалось, что в этом небольшом пятне света — вся жизнь, что в мире нет ничего важнее его. Ей захотелось, чтобы оно разлилось, превратилось в океан света. Или наоборот — самой стать такой маленькой, чтобы утонуть в нем.

Вчера исполнилось три недели с того дня, как...

«Я слишком долго ждала, — решила она. — Нет! Не может быть! Но что, если он исчезнет, как исчез Рискон? Нет! Он не может. Не может. Он неуязвим. Что бы ни случи-

лось. Он могуч и закован в латы. И все же, все же теперь придется ждать следующего месяца, чтобы начать снова. Три недели... Обратная реакция зрения — вот что это было. Неужели память не способна удержать то, что я видела? Неужели воспоминания поблекнут? (Как выглядит дерево? А облако? Нет, я не могу вспомнить! Какой он — красный цвет? А зеленый? Господи, да это просто истерика! Я вижу, и я не могу не видеть! Таблетку, скорее принять таблетку!)».

Плечи ее начали вздрагивать. И все же она не стала принимать таблетку, а лишь еще крепче впиалась в уголок платка, пока зубы не прорвали ткань.

— Бойся, — повторила Эйлин про себя свою формулу блаженства, — бойся тех, кто алчет справедливости, ибо нам воздастся. И бойся кротких, ибо мы попытаемся унаследовать Землю. Бойся...

Раздался отрывистый телефонный звонок. Отложив платок, она придала лицу обычное сдержанное выражение и включила экран.

— Слушаю?..

— Эйлин, я вернулся. Как вы?

— Неплохо, даже можно сказать, хорошо. Ну, как провели отпуск?

— Пожаловаться не на что. Я уже давно хотел хорошенько отдохнуть, и, думаю, я этого заслуживаю. Послушайте, я тут кое-что привез показать вам — скажем, Винчестерский собор. Может быть, встретимся на этой неделе? У меня все вечера свободны.

«Сегодня? Нет, мне слишком этого хочется. Не надо, чтобы он это заметил».

— Как насчет завтра? — спросила она. — Или послезавтра?

— Прекрасно, давайте завтра, — кивнул Рендер. — Буду ждать вас в «Скальпеле и куропатке» около семи.

— Может быть, заказать столик?

— Почему бы и нет? Я закажу.

— Отлично. До встречи.

— До свидания.

Гудки.

И в этот момент красочный водоворот снова закружился у нее перед глазами; она увидела деревья: дубы и сосны, тополя и платаны — они были высокие, кроны их отсвечивали зеленым и коричневым, а стволы отливали сталью; она увидела пышные, кудрявые облака, которые словно окунули в разведенную акварель, и теперь они медленно растушевывали небо; увидела пылающее солнце и маленькую иву у темно-синего, почти фиолетового озера.

Сложив порванный платок, она убрала его. Потом нажала кнопку внизу стола, и по комнате поплыли звуки музыки — Скрябин. Потом она нашла начало записи, которую до того диктовала, и включила, слушая одновременно обе пленки.

Пьер недоверчиво обнюхал еду. Служитель отошел от подноса и, выйдя в холл, закрыл за собой дверь. Огромная миска с салатом стояла на полу. Пьер осторожно приблизился, схватил горсть овощей и стал жадно запихивать их в рот. Вид у него был напуганный.

О, если бы только умолк этот звон стали, ударяющей о сталь, там, во тьме ночной... О, если бы только.

Зигмунд встал и зевнул. Задние лапы на мгновение вытянулись, он настороженно прислушался, потом встряхнулся. Она скоро должна прийти. Повиливая хвостом, он взглянул на часы с рельефным циферблатом, висевшие на высоте человеческого роста, еще раз проверил свою внутреннюю готовность, затем пересек комнату и подошел к телевизору. Встал на задние лапы и, опираясь одной из передних лап о панель, другой нажал сетевую кнопку.

По телевизору как раз передавали сводку погоды. На дорогах ожидалась гололедица.

«Я ехал мимо сельских кладбищ, — записал Рендер, — этих дремучих каменных лесов, которые разрастаются день ото дня. Почему человек так ревниво относится ко всему, что связано со смертью? Не потому ли, что это монументальный и одновременно демократичный способ

обрести бессмертие, — иными словами, увековечить жизнь. Унамуно полагал, что дело именно в этом. Если он прав, то в этом году процент людей, активно взыскивающих бессмертия, выше, чем когда бы то ни было...»

Чг-чга, чга-чг!

— Ты думаешь, это настоящие люди?

— Нет, они слишком безупречны.

Вечер был ослепительно звездный, сияюще льдистый. Рендер завернул «С-7» в подземный гараж, осторожно вы-руливая, поставил его на свободное место. Исходящий от бетонных стен сырой холод мелкими крысиными зубами впивался в кожу, кости.

Рендер провел свою спутницу налево; оба выдыхали клубы пара, которые медленно таяли в воздухе.

— Слегка прохладно, — заметил Рендер.

Она кивнула, покусывая губы.

В лифте он со вздохом размотал шарф, закурил.

— Дайте и мне тоже, — попросила она, почувствовав запах дыма.

Рендер дал ей сигарету.

Лифт медленно ехал вверх, и Рендер, прислонясь к стене, после каждой затяжки выдувал клубы дыма, смешанные с влажным паром.

— Я встретил еще одного мутанта, — вспомнил он, — в Швейцарии. Большой, как Зигмунд. Однако завзятый охотник и пруссак по духу, как и хозяин.

Он усмехнулся.

— Зигмунд тоже любит охотиться, — заметила его спутница. — Каждый год мы дважды уезжаем на Север, в леса, и я предоставляю ему полную свободу. Иногда он отсутствует несколько дней подряд, а когда возвращается, вид у него очень довольный. Что он делал в лесу, не рассказывает никогда, но, похоже, голодать ему не приходится. Я уже давно догадывалась, что ему нужно время от времени отдышать от людей, чтобы сохранять внутреннее равновесие. Скорее всего так и есть.

Лифт остановился, дверь открылась, и они прошли в холл, причем Рендер снова взял Эйлин под руку.

Он включил в приемной обогреватель, в комнате пахло теплом. Повесил пальто в задней комнате, Рендер выкатил «яйцо» МНУ из его гнезда, подключил аппарат к сети и сел за пульт.

— Как вы думаете, долго это продлится? — спросила Эйлин, проводя кончиками пальцев по гладким холодным выпуклостям. — Я говорю про всю операцию. Про то, чтобы полностью адаптироваться к зрению.

Рендер задумался.

— Понятия не имею, — ответил он наконец. — По крайней мере пока. Начало можно считать удачным, хотя осталась еще масса работы. Думаю, месяца через три я смогу дать более точный прогноз.

Эйлин задумчиво подошла к пульта, ощупала кнопки панели — пальцы ее были похожи на распушенные перья птичьего хвоста.

— Осторожно, не нажмите чего-нибудь ненароком.

— Да, конечно. А как вы думаете, сколько времени понадобится, чтобы я тоже могла управлять такой машиной?

— Через три месяца можно будет сказать, сколько. Через шесть — вы достигнете достаточного профессионального уровня; и, наконец, еще через полгода стажировки под строгим контролем вам можно будет доверить самостоятельную работу. То есть всего около года.

— Уф-ф! — Она пододвинула кресло.

Рендер подключил времена года, пробудил к жизни фазы дня, ароматы деревни, городские запахи, воздушные стихии во всей их первозданной наготе и десятки других непоседливых духов, которых он использовал, созидая миры. Круто вмешавшись в течение времени, он испытывал горечь и сладость разных возрастов, данных человеку.

— О'кей. Готово.

Дальнейшее произошло очень быстро и совершенно неожиданно для Рендера. На мгновение все застлала серая пелена. Затем мертвенно-белый туман. Затем туман развеялся, словно под дуновением ветра, хотя никакого ветра Рендер не ощутил.

Он стоял перед ивовым деревцем на берегу озера; Эйлин глядела на него, полускрытая листвою и кружевом теней. Солнце клонилось к закату.

— Мы вернулись, — сказала Эйлин, делая шаг вперед; листья запутались в ее волосах. — Одно время я боялась, что это никогда не повторится, но я снова вижу и помню все.

— Хорошо, — сказал Рендер. — Взгляни на себя.

И Эйлин взглянула на свое отражение в поверхности озера.

— Я не изменилась. Совсем не изменилась...

— Да.

— А вот вы изменились, — продолжала она, поднимая глаза на Рендера. — Вы стали выше, и как будто еще что-то...

— Нет, — ответил он.

— Наверное, я ошибаюсь, — быстро отозвалась Эйлин. — Я еще не понимаю всего, что вижу. Но я научусь.

— Конечно.

— Что вы собираетесь делать?

— Смотри внимательно, — предупредил ее Рендер.

Вдалеке за деревьями, скользя по ровной бесцветной асфальтовой реке, показалась машина. Казалось, она спускается с неба, перепрыгивая через горы, с ревом одолевая холмы, петляя между болотами, всколыхивая трясину слитной серебристо-серой мощью своего голоса; рябь пробежала по воде озера от этих звуков; машина остановилась футах в ста, почти невидная сквозь густой кустарник, выжидая. Это был «С-7».

— Пойдем, — сказал Рендер, беря Эйлин за руку. — Пойдем прокатимся.

Пройдя между деревьями, они подошли к спиннеру. Эйлин коснулась поверхности блестящего стального кокона, провела рукой по антенне, дотронулась до окон — и они, словно почувствовав прикосновения, высветлились. Заглянув внутрь машины, она кивнула.

— Это же наш спиннер.

— Да. — Рендер открыл дверцу. — Садись. Вернемся в клуб. Теперь самое время. Воспоминания еще свежи, и они будут приятными или, в конечном счете, нейтральными.

— Лучше приятными, — сказала Эйлин, садясь в машину. Рендер закрыл дверцу и, обойдя спиннер, сел на переднее сиденье.

Эйлин внимательно наблюдала за тем, как он набирает воображаемые координаты. Спиннер устремился вперед; деревья по обе стороны дороги слились в одну мелькающую полосу. Рендер чувствовал, что напряжение возрастет, поэтому не стал менять декораций. Поворачиваясь на своем сиденье, Эйлин изучала внутренний вид машины.

— Да, — промолвила она наконец, — теперь я разобралась, что к чему.

Она вновь поглядела в окно, на стремительно летящие навстречу деревья. Рендер проследил за ее взглядом и почувствовал, как стремительно нарастает беспокойство. Он затенил окна.

— Спасибо, — сказала Эйлин. — Так действительно лучше. Мне вдруг стало больно видеть... Все это мелькало так быстро, исчезало позади, как...

— Конечно, — кивнул Рендер, по-прежнему поддерживая ощущение движения вперед. — Я это предвидел. Однако ты начинаешь все больше привыкать. Расслабься, — приказал он через минуту. — Расслабься!

Где-то нажалась невидимая кнопка; Эйлин расслабилась, а они все ехали и ехали дальше, и наконец машина стала замедлять ход, и Рендер произнес:

— А теперь выгляни. Ненадолго. Тебе это должно понравиться.

И она выглянула.

Рендер извлек из банка эмоций все, что только могло спровоцировать чувство приятной расслабленности, и вокруг машины возник город. Эйлин увидела очертания башен и монолиты отдельных зданий, потом промелькнули три закусочных быстрого обслуживания, большое увеселительное заведение, аптека, медицинский центр — здание из желтого кирпича с алюминиевыми кадучеями над арками, все почти сплошь из стекла здание школы, пустое во время каникул, бензоколонка на пятьдесят заправочных автоматов, еще одна аптека и множество машин, припаркованных или с ревом проносящихся мимо, и, конеч-

но, она увидела людей — людей, входящих и выходящих из домов, идущих по улице, садящихся или выходящих из машин; было лето, и свет поздних сумерек струился, окрашивая дома и одежды прохожих — тех, что гуляли по бульвару или беспечно болтали на террасах, глядели на улицу, перегнувшись через балконные решетки, свесившись с подоконников; человека, вышедшего из телефонной будки на углу, и другого — зашедшего позвонить; женщину с пуделем, сворачивающую за угол; высоко в небе то тут, то там вспыхивали ракеты.

Но вот мир распался, и Рендер аккуратно собрал осколки.

Воцарилась абсолютная темнота, которую он поддерживал, не позволяя проникать в нее ни единой эмоции, оставив лишь чувство движения вперед.

Постепенно проступил слабый, рассеянный свет. Они вновь сидели в спиннере, окна были вновь затенены, и воздух, который они вдыхали, казался напоенным душистым бальзамом.

— Господи, — выдохнула Эйлин, — сколько всего в мире! Неужели я и вправду все это видела?

— Я не собирался делать это сегодня, но вам удалось меня переубедить. Мне показалось, что вы готовы.

— Да, — сказала Эйлин, и тут окна снова стали прозрачными. Она быстро обернулась.

— Города уже нет, — объяснил Рендер. — Я хотел, чтобы вы только чуть заглянули.

Теперь за окном было темно; спиннер медленно ехал по высокому мосту. Внизу лежали фабричные кварталы, иногда то тут, то там мелькал яркий, похожий на маленький дремлющий вулкан огонек плавильни, оранжевые искры снопами взлетали высоко в небо, которое было усыпано звездами: они мерцали в мерно дышащей темной глубине под мостом, будто светящаяся татуировка, испещрившая небосвод. Наклонные опоры моста неторопливо шагали сквозь ночь.

— Ты сделал это, — сказала Эйлин. — Спасибо. Но что ты на самом деле? — спросила она после небольшой паузы.

Это был именно тот вопрос, которого ждал от нее Рендер.

— Я — это я, — засмеялся он.

И они продолжали свой путь через темные опустевшие окраины города, пока не добрались до клуба и не въехали под большой купол.

Когда они вошли, Рендер тщательно проверил все чувства Эйлин, готовый в одно мгновение стереть окружающее при малейшем сигнале тревоги. Однако интуиция подсказывала ему, что все будет в порядке.

На этот раз в клубе, так решил Рендер, не должно было быть слишкомлюдно. Их провели к столику у бара, тому самому, в небольшой нише, где стояли рыцарские доспехи, и, устроившись, они заказали то же, что и в тот, первый, вечер.

— Нет, — сказал Рендер, взглянув вниз, — их место там.

Доспехи вновь заняли положенное место, а на Рендере снова появился его серый костюм и черный галстук с серебряной булавкой в виде веточки.

Оба рассмеялись.

— Вся эта железная мишура мне не идет, так что, пожалуйста, не надо представлять меня в ней.

— Прошу прощения, — улыбнулась Эйлин. — Сама не понимаю, как это у меня вышло и зачем.

— Зато я понимаю и отклоняю свою кандидатуру. Хочу предупредить еще раз: ты не должна ни на минуту забывать, что все это — иллюзия. Я стараюсь использовать ситуацию максимально. Хотя большинство пациентов в процессе сеанса принимают все за реальность, и это влечет за собой либо травму, либо возникновение еще более мощного потока образов. Но поскольку ты представляешь масштабы игры, то вольно или невольно контролируешь ситуацию, в отличие от тех, с кем я обычно имею дело. Пожалуйста, будь осторожна.

— Извини. Я нечаянно.

— Понимаю. А вот и наш съеденный ужин.

— Уф! Страшно подумать! Неужели мы могли столько съесть?

— Могли, — усмехнулся Рендер. — Вот это нож, это

вилка, это ложка. Это ростбиф, это пюре, вот горошек, а вот масло...

— Боже правый! Нет, мне решительно не по себе.

— ...салаты и приправы. А это — озерная форель, объеденье! Картофель фри. В бутылке — вино. Хм, посмотрим... «Романи-Конти», что ж, все равно не мне платить, ну и наконец — бутылка «Айкема»... Эй!

Стены зашатались. Столик, ресторан были мгновенно уничтожены. Оба снова стояли на лесной прогалине. Сквозь прозрачную ткань, разделяющую миры, Рендер следил за рукой, которая двигалась вдоль пульта. Одна кнопка, другая, третья. Мир снова стал осязаемым, вещным. Пустой столик теперь стоял на берегу озера, снова была ночь и лето, и скатерть ослепительно белела в свете огромной полной луны.

— Какой же я дурак, — сказал Рендер. — Просто ужасный болван. Надо было действовать постепенно. Реальный вид пищи, вызывающей вкусовые ощущения, может вызвать сильный стресс у человека, увидевшего ее впервые. Так увлечься Ваянием, что позабыть про пациента, — хорошо, нечего сказать! Приношу свои извинения.

— Ничего, со мной все в порядке. Правда.

Он приказал подуть свежему ветру.

— ...А вот — луна, — добавил он неуверенно, виноватым тоном.

Эйлин кивнула, и маленький лунный диск блеснул у нее на лбу; он сиял не хуже, чем луна в небе, и волосы, и платье отливали серебром.

На столике появилась бутылка «Романи-Конти» и два бокала.

— А это откуда?

Она пожала плечами. Рендер наполнил бокал до краев.

— Вкус может показаться пресноватым, — предупредил он.

— Нет, нет. Вот попробуй. — И Эйлин протянула ему бокал.

Сделав глоток, Рендер и в самом деле почувствовал все оттенки букета: здесь был и fruité, который дает только лоза, возвращенная на каких-нибудь Блаженных Островах,

мягкий, упругий привкус *champu* и *sariteux*, отдающий дымком горящих маковых полей.

С изумлением он понял, что его рука — там, над пультом, — проходит сейчас по всей шкале чувственных восприятий, гармонизируя их шифры в скрещивающемся потоке прямого и обратного воздействия — здесь, на берегу озера.

— Да, верно, — сказал Рендер. — А теперь пора возвращаться.

— Так скоро? Но ведь я еще не видела собора...

— Так скоро.

Он приказал окружающему исчезнуть. И оно исчезло.

— Здесь холодно, — сказала Эйлин, одеваясь. — Холодно и темно.

— Да, я знаю. Приготовлю нам чего-нибудь выпить, а потом почищу машину.

— Отлично.

Рендер просмотрел запись сеанса и покачал головой. Затем подошел к бару.

— Это, конечно, не «Романи-Конти», — произнес он, откупоривая бутылку.

— Ну и что. Все равно я не против.

Сейчас не против был и Рендер. А потом он почистил машину, они выпили, он помог Эйлин одеться, и они вышли.

Когда лифт вез их вниз, в гараж, Рендер снова приказал окружающему исчезнуть. Но оно не подчинилось.

«Сейчас в стране насчитывается примерно один миллиард восемьдесят миллионов жителей и около пятисот шестидесяти миллионов частных автомашин. Если один человек занимает два квадратных фута земли, а машина около ста двадцати квадратных футов, то самый нехитрый подсчет покажет, что в то время как люди занимают два миллиарда сто шестьдесят миллионов квадратных футов всей территории нашего государства, на автомобили приходится шестьдесят семь миллиардов два миллиона, то есть примерно в тридцать раз больше пространства, занимаемого людьми. Если на данный момент половина из этих машин

используется активно и перевозит в среднем по два пассажира, то пропорция увеличится до одного к сорока семи. Таким образом, для того чтобы технический прогресс мог в дальнейшем свободно развиваться в предсказанном статистикой темпе, достаточно всего лишь превратить поверхность земного шара в сплошное дорожное полотно, ну а людям — либо вернуться в Мировой океан, из которого они вышли, либо переселиться в подземные жилища, либо улететь на другие планеты».

*Из речи Сибила К. Дельфи
в день присвоения ему звания
Почетного профессора в отставке
Брокенрокского государственного
педагогического колледжа,
Штовер, штат Юта.*

Па! Я тут предпринял вылазку, доковылял от школы до такси, а от такси до космодрома, где выставка ВВС «Лики Космоса». (Ладно, насчет «доковылял» я слегка преувеличиваю. Хотя, конечно, на костылях особенно не разбежишься.) Затеяли они всю эту штуку, думаю, чтобы подбить представителей молодого поколения на небольшую, лет на пять, прогулку типа автостопа. И неплохо вышло. Я тоже хочу записаться. Хочу отправиться Туда. Как думаешь — возьмут, когда подрасту? То есть, я хочу сказать, Туда, а не в какую-нибудь занудную газетенку. Согласен?

В общем, я решил.

Нашелся там один хитрюга подполковник (пardon, забыл, как это по-французски), заметил увечного парнишку, что ему все интересно, и решил его потихоньку уболтать. Слушай, па! Он меня по всей Галерее провел, показал, каких они там чудес понастроили, и Лунную базу, и на Марсе. Прочитал целый лекцион о Великих Традициях ВВС, а какие там мультики крутят, настоящий бой в условиях невесомости, «где уменье решает, не сила», помнишь, а всякие фигуры объемные и цветные прямо в воздухе, и как морская пехота готовится к высадке с крейсера. Потрясно!

А по-честному, я бы хотел сам увидеть высадку Пятой межпланетной и выход в космос. Не из-за всех этих лиловых капсул и скафандров, которые рисуют в буклетах, и прочей

ерунды. Просто я думаю, что везде должен быть человек с чувствами, чтобы запечатлеть, как все это было. Такой, знаешь, честняга-летописец Фронттира. Вроде Фрэнсиса Паркмена или Мэри Остин. Так что я решил лететь.

Этот парень из ВВС со своими цыплячьими крылышками на погонах хоть учить меня не пытался. Просто мы стояли на Галерее, смотрели, как уходят ракеты, и он говорил, что если я буду стараться в учебе и вообще, то тоже смогу когда-нибудь так. Не хотелось его напрягать и объяснять, что вряд ли я такой уж умственно отсталый, и аттестат получу, когда мне еще будет слишком мало, чтобы что-нибудь предпринять всерьез, ну хотя бы поступить в их службу. Просто сказал ему спокойно — как раз ракета взлетала — «Через десять лет я буду смотреть уже не снизу вверх, а сверху вниз». Я не стал спрашивать, как это он сам так вляпался, что теперь торчит здесь. Нет, правильно, что не стал, я еще потом об этом думал. Сам-то он теперь что-то вроде экспоната. Надеюсь, со мной такого не случится.

Спасибо тебе за монеты, теплые носки и струнные квинтеты Моцарта, как раз сейчас слушаю. На следующее лето я бы лучше поехал в гости к Селене, чем в Европу. Впрочем, не буду загадывать... Уф, если только одолею новый тест, который ты мне непременно устроишь... Но все равно, пожалуйста, подумай насчет этого.

Твой сын Пит.

- Добрый день! Психиатрический институт.
- Я хотела бы записаться на обследование.
- Минутку. Соединяю вас с бюро записи.
- Добрый день. Бюро записи слушает.
- Я хотела бы записаться на обследование.
- Минутку... Какое именно обследование?
- Я хочу поговорить с доктором Шеллот. Эйлин Шеллот. И чем скорее, тем лучше.
- Минутку. Я должна проверить ее расписание... Вы могли бы подойти к двум часам в следующий вторник?
- Очень хорошо.
- Ваше имя, пожалуйста.

- Де Виль. Джилл де Виль.
- Хорошо, мисс де Виль. Вторник, в два часа.
- Спасибо.

Человек шел вдоль хайвея. По хайвею проезжали машины. Те, что ехали по полосе скоростного движения, мелькали расплывчатыми пятнами.

Десять тридцать утра. И утро было холодным.

Человек шел, подняв отороченный мехом воротник, засунув руки в карманы, сгибаясь под порывами ветра. За ограждением дорога была чистой и сухой. Утреннее солнце глубоко зарылось в тучи.

За четверть мили впереди в несвежем, пасмурном свете виднелось дерево. Человек увидел его, но не ускорил шага. Он шел, не спуская глаз с дерева. Маленькие камушки хрустели под его башмаками.

Дойдя до дерева, он снял куртку и аккуратно ее сложил. Потом положил куртку на землю и стал карабкаться на дерево. Добравшись до ветки, которая свешивалась через заграждение, посмотрел, нет ли внизу машин. Потом на мгновение повис, схватившись за ветку обеими руками, ветка согнулась — и человек спрыгнул на дорогу.

Ширина хайвея была сто ярдов, правая полоса занимала половину. Человек быстро взглянул налево, еще раз убедился, что машин нет, и пошел к центральной полосе. Он знал, что ему до нее никогда не дойти. В это время машины на полосе движутся со скоростью около ста шестидесяти миль в час. Человек шел вперед.

Машины проносились мимо. Человек шел, не глядя по сторонам. Пассажиры в машинах с затененными окнами, а таких было большинство, просто не могли заметить его. И лишь позже, увидев вмятину на капоте, могли бы догадаться о столкновении.

Перед ним промчалась машина. Ее окна были осветлены. На мгновение мелькнули два перепуганных лица с вытаращенными глазами.

Лицо человека было по-прежнему бесстрашно. Оно застыло, как маска.

Еще две стремительно промелькнувшие машины с зате-

ненными окнами. Человек отошел уже ярдов на двадцать от края хайвея. Двадцать пять...

То ли порыв ветра, то ли дрожь земли под ногами шепнули ему, что оно приближается. Человек не обернулся. Краешком глаза он увидел — близко. Но походка его оставалась спокойной и ровной.

Окна в машине Сесила Грина были высветлены, ему так больше нравилось. Левая его рука шарила в блузке спутницы, юбка ее задралась, и правая рука Сесила уже готова была потянуть на себя штурвал, чтобы опустить сиденья.

Вдруг девушка оттолкнула его и сдавленно вскрикнула. Сесил быстро взглянул в левое окно. Взглянул — и увидел идущего по дороге человека. Увидел только в профиль, потому что человек не обернулся, а походка его оставалась спокойной и ровной.

Мгновение — и человек исчез.

Машину слегка подбросило, автоматически включились «дворники». Сесил Грин не затормозил. Потом он затенил окна.

«Как это могло случиться?» — недоумевая, спрашивал он себя; спутница прижалась к нему, всхлипывая. «Наверное, просмотрел монитор...»

«Но как же он проник через заграждение?..»

«Просто сумасшедший!»

«Мог бы придумать что-нибудь попроще».

Обернись он, чье лицо увидел бы Сесил?.. Свое собственное?

Стараясь унять дрожь, Сесил опустил сиденья.

— Привет, ребята! Как вам понравилась эта улыбка крупным планом, эти толстые губы, смачно жующие табак? Весело, верно? Сегодня вечером мы решили несколько выйти, так сказать, за рамки общепринятых рамок. И начинаем с заумнейшего и по последней моде инсценированного драматического представления. Мы хотим показать вам Миф — Миф с большой буквы.

Надо сказать, нам пришлось немало покопаться в тайниках человеческих душ и исследовать самые темные глу-

бины человеческой психики, прежде чем мы решили представить сегодня вашему вниманию именно этот миф.

Да, вы правильно догадались: я жую табак марки «Краснокожий», высший сорт — беспошлинный плиточный табак.

А теперь, когда я буду кувыраться по сцене и поплевывать вокруг, — кто из вас первый догадается, сцену из какого мифа я представляю? Только не все сразу бегите к телефонам!

Правильно, правильно, леди и джентльмены и все, кто нас теперь слушает. Я — Тифон, бессмертный старина Тифон, и мне ничего не стоит прямо на ваших глазах превратиться в кузнечика.

А теперь, для моего следующего номера, мне нужен свет. Много света. Больше света, пожалуйста! Еще больше!..

Яркий свет, ослепительный свет! Отлично!

А теперь — где мой летный шлем, зонтик от солнца и мое любимое шелковое кашне... Подать мне хлыст!

Итак, все готово.

Вперед, собачки! Гони! Гони! Направо, налево! Быстрее, быстрее! Хоп! Хоп! Выше, в небо — туда, бессмертные кони! Выше! Выше!

Добавьте света!

Вперед, лошадки! Быстрее! Папочка с мамочкой смотрят на нас снизу, и моя девчонка с ними! Давай! Жми! Не подведите сейчас, раз уж мы забрались так высоко!

А что это, черт возьми, там, сзади? Да это похоже на мол-ни-ю-ю-ю-ю... А-а-а!

Фу... Это был Фазтон, решивший заняться блайндспином на солнечной колеснице.

Надеюсь, вы все помните старую поговорку «Только бог может создать дерево». А этот миф называется «Аполлон и Дафна»... Убейте их!.. Они ослепли от слишком яркого света!

Чарльз Рендер работал над главой «Некрополь» для книги «Недостающее звено — Человек», первой книги после четырехлетнего перерыва. Вернувшись из Давоса, он регулярно, каждый вторник и четверг, запирался в ка-

бинете, покрывая страницу за страницей неразборчивым почерком, внося бесконечные исправления.

«Смерть всегда одинакова, но является в разных обликах...» — писал он, когда раздался сначала короткий, потом длинный, потом снова короткий гудок.

— Да? — Рендер нажал на кнопку.

— К вам посетитель, — между «вам» и «посетитель» говорящий слегка запнулся.

Положив баллончик с аэрозолем во внутренний карман, Рендер встал и подошел к входной двери. Открыв дверь, он выглянул на лестницу.

— Доктор... помогите...

Рендер сделал несколько шагов и опустился на колени.

— Что случилось?

— Поедем, она... заболела, — раздалось в ответ глухое ворчание.

— Заболела? Но чем? Что с ней?

— Не знаю. Ты — ехать.

Рендер встретил нечеловечий взгляд в упор.

— Чем заболела? — настойчиво повторил он.

— Не знаю, — снова ответил пес. — Молчит. Не встает. Я... чувствую. Заболела.

— Как ты сюда попал?

— Помню ко-ор-ди-на-ты... Машина — там.

— Сейчас я позвоню.

Рендер двинулся к телефону.

— Не надо. Не ответит.

Да, пес был прав.

Рендер вернулся в приемную, взял пальто и аптечку. Он выглянул в окно и увидел машину Эйлин; она была припаркована у въезда на боковую полосу, там, где монитор уже не действовал и нужно было управлять вручную. Если бы машину не завели на боковую полосу, монитор автоматически припарковал бы ее на нейтральной. Другие машины, ведомые монитором, объезжали ее.

«Так просто — даже собака может вести машину, — подумал Рендер. — Надо скорее спускаться, пока не приехала контрольная служба. Возможно, блок управления уже подал сигнал о самопроизвольной остановке. А возможно, и нет. У меня еще несколько минут в запасе».

Он взглянул на большие настенные часы.

— Отлично, Зиг. Едем.

Они спустились вниз и, выйдя через дверь слева от главного подъезда, поспешили к машине. Мотор еще потихоньку работал.

Рендер открыл дверцу для пассажиров, и Зигмунд скользнул внутрь. Он последовал за псом и собирался было сесть за штурвал, но собака уже тыкала лапой, набирая координаты на табло.

«Невольно почувствуешь себя не на своем месте», — мелькнуло у Рендера. Он закурил.

Машина свернула в подземную развязку, выехав на противоположную боковую полосу, притормозила и плавно влилась в поток бегущих мимо машин. Собака перевела автомобиль на полосу скоростного движения.

— Уф! — выдохнул Зигмунд.

Рендеру захотелось потрепать его по мохнатой голове, но, взглянув на оскаленные клыки, решил воздержаться.

— Когда ты заметил, что с ней неладно?

— Пришла с работы. Не ела. Я спрашивал — что, молчала. Сидела молча.

— А раньше она когда-нибудь так себя вела?

— Нет.

«Что могло повлиять, ускорить процесс? Может, просто выдался тяжелый день, неприятности на работе? В конце концов, Зиг всего лишь собака — ну, вроде. Нет. Он не ошибся. Но почему?»

— А как она вела себя вчера? И когда сегодня ушла из дома?

— Как всегда.

Рендер снова набрал ее номер. Ответа не было.

— Ты. Из-за тебя, — сказал пес.

— Что именно?

— Глаза. Видеть. Ты. Машина. Плохо.

— Нет, — сказал Рендер, и его рука нащупала в кармане газовый баллончик.

— Да, — сказал пес, снова поворачиваясь к нему. — Ты ее вылечишь?..

— Конечно, — ответил Рендер.

Зигмунд опять уставился вперед, на дорогу.

Рендер чувствовал физическое возбуждение, но мысль работала вяло. Он думал о том, что могло нарушить процесс. Предчувствие не покидало его еще со времени первого сеанса. В том облике Эйлин Шеллот, который у него сложился, всегда было что-то тревожное: сочетание высокообразованного интеллекта и беспомощности, решительности и ранимости, чувствительности и жесткости.

«А может быть, именно этим она так привлекает меня? Нет! Тут всего лишь обратное воздействие, черт возьми!»

— Пахнешь страхом, — сказала собака.

— Тогда раскрась меня страхом, — ответил Рендер, — и берись за следующую картинку.

Машина то притормаживала на поворотах, то снова набирала скорость, снова притормаживала и снова разгонялась. Наконец они оказались на узком участке хайвея, в одном из малозастроенных районов города.

В глубине пульта раздался мягкий щелчок, и машина въехала в парковочный бункер у высокого кирпичного дома. Щелчок произвел скорее всего специальный сервомеханизм, взявший контроль над машиной после монитора. Он медленно провёл автомобиль в его прозрачный парковочный отсек и затормозил. Рендер выключил зажигание.

Зигмунд тем временем успел открыть боковую дверцу. Рендер прошел вслед за ним в дом, и лифт доставил их на пятидесятый этаж.

Пес быстро перебежал через холл, нажал носом металлическую, вделанную в дверь дощечку и уселся, выжидая. Дверь слегка приоткрылась внутрь. Он толкнул ее плечом и вошел. Рендер вошел тоже, прикрыв за собой дверь.

Стены просторной комнаты были практически голы — никаких украшений, окрашены в мягкие, успокаивающие тона. В одном углу высилась настоящая пирамида кассет с записями; перед ней располагался устрашающего вида аудиоконбайн. У окна стоял широкий стол на изогнутых ножках, а справа, вдоль стены, — низкий диван. За диваном была запертая дверь, а сводчатый коридор вел, очевидно, в другие комнаты.

Эйлин сидела в кресле с пушистой обивкой в дальнем углу, у окна. Зигмунд стал рядом с креслом.

Рендер пересек комнату, извлек из пачки сигарету. Щелкнув зажигалкой, он не закрывал ее, пока Эйлин не повернула голову в сторону пламени.

— Сигарету? — спросил Рендер.

— Чарльз?

— Угадали.

— Да, спасибо. Пожалуй, тоже закурю.

Эйлин взяла сигарету из рук Рендера, поднесла ее к губам.

— Спасибо. А что вы здесь делаете?

— Вызов по соседству.

— Я не слышала ни звонка, ни стука.

— Вздремнули, наверное. Зиг меня впустил.

— Да, наверное, задремала, — она потянулась. — А сколько времени?

— Около половины пятого.

— Значит, я уже два часа как дома... Наверное, слишком устала...

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Сделать вам чашку кофе?

— Давайте я сам.

— Что-нибудь перекусите?

— Нет, спасибо.

— А если немного баккарди к кофе?

— Вот это неплохо.

— Тогда подождите минутку, пожалуйста.

Она вышла в дверь рядом с диваном, и Рендер успел заметить большую, блистающую чистотой автоматизированную кухню.

— По-моему, ничего? — шепнул он псу.

Зигмунд покачал головой.

— Обычно другая.

Рендер в свою очередь покачал головой. Он положил пальто на диван, накрыв им аптечку, сел и задумался.

«Не слишком ли я нагрузил ее зрительными впечатлениями? А может, сказались побочные депрессивные эффекты, скажем, подавленные воспоминания, нервное переутомление? Или я как-то повлиял на процесс сенсорной

адаптации, вызвал обострение синдрома? К чему было так торопиться? Никаких поводов для спешки нет. Неужели, черт возьми, мне так уж не терпится описать этот случай? Или это она подгоняет меня? Достаточно ли она сильна — сознательно или бессознательно — для этого? Или это я оказался в чем-то уязвим?»

Эйлин позвала его помочь ей принести поднос. Рендер поставил поднос на стол и сел напротив своей пациентки.

— Хороший кофе, — сказал он, глотая обжигающую жидкость.

— Автомат хорошо варит, — отозвалась она, оборачиваясь на звук его голоса. Зигмунд лег, вытянувшись, на ковре у стола, положил морду между передних лап, зевнул и закрыл глаза.

— Я все думаю, — начал Рендер, — о возможных последствиях последнего сеанса, ну, скажем, о возросшей анестезии, о появлении новых форм сновидений или о галлюцинациях...

— Да, — вяло согласилась Эйлин, — новые сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. Он снится мне снова и снова.

— Весь целиком?

— Нет. Строгой связи между эпизодами нет. Скорее — вспышками: то мы едем по городу, то переезжаем через мост, сидим за столиком в клубе или идем к машине. Яркие вспышки.

— А какие чувства вызывают эти... вспышки?

— Не знаю. Очень запутанные.

— А что вы чувствуете сейчас, когда говорите о них?

— То же самое. Все перепутано.

— Испытываете страх?

— Н-нет. Я бы так не сказала.

— Может быть, сделаем небольшую передышку? Вам не кажется, что мы продвигаемся слишком быстро?

— Дело совсем не в этом. Как бы вам объяснить... Словно ты учишься плавать: вот ты наконец научился и плаваешь, плаваешь, плаваешь, пока хватает сил. А потом лежишь, еле дышишь, а приятели не отстают, подначивают: «Пошли опять!» И это здорово, хотя тебя и колотит от хо-

лода и мышцы светло... В конечном счете я всегда веду себя именно так. Так я вела себя с первого до последнего сеанса. Первый раз — это всегда что-то особенное... Мышцы уже не сводит, я согрелась и отдохнула. Нет, бога ради, я не хочу никаких передышек! Я чувствую себя отлично.

— Вы привыкли спать днем?

Эйлин потянулась, и ее лежащие на столе руки сжались и разжались, выпустив десять ярко-красных ногтей.

— ...Нет, просто устала. — Она улыбнулась, подавляя зевок. — Половина нашего персонала в отпуске или болеет, вот мне и приходится отдуваться за всех. После работы я едва волоочу ноги. Но теперь я передохнула, и все в порядке.

Она взяла свою чашку обеими руками и сделала большой глоток.

— Уф! Хорошо. Я немного беспокоилась за вас. Слава богу, страхи были пустые.

— Беспокоились? А вы читали заметки доктора Рискома о моем анализе, спрашивали у МНУ? И после всего этого вы говорите, что беспокоились обо мне! У меня имплантированный доброкачественный невроз, гарантирующий психику от распада. Он помогает мне концентрировать энергию, координирует мои усилия, направленные к достижению определенной цели. Чувство адекватности и целостности...

— Дьявольская у вас память, — заметила Эйлин. — Почти слово в слово.

— Конечно. Кстати, и Зигмунд сегодня обо мне беспокоился.

— Зиг? Что это значит?

Пес беспокойно зашевелился и приоткрыл один глаз.

— Да, — проворчал он, глядя на Рендера тускло горящим взглядом. — Надо. Его. Подвезти.

— Ты что, опять водил машину?

— Да.

— И это после того, как я тебе запретила?

— Да.

— Зачем?

— Я ис-пу-гал-ся. Ты не отвечала. Когда я. Спрашивал.

— Я просто очень, очень устала. А если ты еще раз возьмешь машину, я запру дверь, так что ты не сможешь выйти, и тогда делай, что хочешь.

— Прости.

— Со мной все в порядке, ясно?

— Я. Вижу.

— *Никогда* больше не делай этого.

— Прости. — Полыхающий зрачок собаки следил за Рендером. Рендер отвел взгляд.

— Не ругайте так беднягу, — вступился он. — Просто Зиг решил, что вы заболели, и поехал за доктором. Разве он не прав? Вам его благодарить, а не ругать нужно.

Не смирившись, Зигмунд еще раз пронзил взглядом Рендера и закрыл глаза.

— Когда он ведет себя плохо, я всегда даю ему понять, — наставительно закончила Эйлин.

— Допустим, — сказал Рендер, делая глоток кофе. — И раз уж я здесь, давайте побеседуем на профессиональные темы. Я тут кое-что сочиняю, хотелось бы услышать квалифицированный отзыв.

— Отлично. Жду пояснений.

— Сейчас поясню. Во-первых, как вы считаете: отличаются ли друг от друга основные мотивы самоубийств в разных странах?

— Мое веское мнение — нет, не отличаются, — сказала Эйлин. — Психические расстройства могут приводить либо к депрессиям, либо к буйному помешательству; если они выражены достаточно сильно, то они могут спровоцировать акт самоуничтожения. Вы спрашиваете о мотивах, — продолжала она, — и я полагаю, что в основном они одинаковы. В моем понимании это один из основных атрибутов человеческого бытия, и здесь — точка пересечения всех культур и всех эпох. Я думаю, что, не изменив самой сути человека, тут ничего не изменить.

— О'кей. Принято. Что же является побуждающим фактором? Пусть человек неизменен, но ведь его окружение меняется. И если мы возьмем ситуацию, в которой человек сверхзащищен, то как, по-вашему, — в большей или

меньшей степени он сумеет противиться факторам, толкающим его к умопомешательству?

— Хм. Желательно, чтобы вы конкретизировали свой пример, однако в любом случае, полагаю, все зависит от самого человека. Но теперь я вижу, куда вы клоните: массовая предрасположенность людей прыгать в окна ни с того ни с сего, тем более что окно само распахивается перед вами по вашему приказу, — восстание изнывающих от скуки масс... Я не разделяю эту концепцию. Мне она не нравится.

— Я тоже, хотя я имел в виду, так сказать, символические самоубийства — функциональные расстройства, вызванные неадекватными, ничтожными поводами.

— А, да-да. Ваша последняя лекция: автопсихомимесис. У меня сохранилась запись. Красиво, но не слишком убедительно.

— Теперь и я это чувствую. Поэтому хочу переработать целиком главу, которую для себя называю «Танатос в стране чокнутых ангелов». Да, инстинкт саморазрушения дает знать о себе все сильнее.

— Хорошо, допустим, я вам дам скальпель и предоставлю в ваше распоряжение труп — вы сможете вырезать этот инстинкт и показать его мне?

— Сомневаюсь, — произнес Рендер притворно-ироничным тоном. — Думаю, у трупа он уже весь израсходован. А вот если найдется доброволец, то уже одним своим поступком он докажет мою правоту.

— Неопровержимая логика, — улыбнулась Эйлин. — Принесите еще кофе, ладно?

На кухне Рендер налил кофе, добавил баккарди, выпил стакан воды и вернулся в комнату. Эйлин сидела в той же позе; Зигмунд тоже лежал не шевелясь.

— А чем занимается Ваятель в свободное от Ваяния время? — спросила Эйлин.

— Тем же, чем и все простые смертные: ест, пьет, спит, разговаривает, встречается с друзьями, и не только с друзьями, путешествует, читает...

— А вы умеете прощать?

— Не всегда. Почему вы спросили?

— Простите меня. Я сегодня слишком резко обошлась с одной женщиной, ее фамилия де Виль.

— О чем же вы говорили?

— О вас. Она мне наговорила такого, что, кажется, право, лучше бы мне и не рождаться на свет. Вы собираетесь на ней жениться?

— Нет, брак — это нечто из области алхимии. Когда-то эта идея мне очень помогла, но теперь в ней нет необходимости.

— Хорошо.

— И что вы ей сказали?

— Выдала ее карту с результатами обследования. Диагноз: сука. Рекомендации: физиотерапия и хороший намордник.

— Вот как, — протянул Рендер.

— Она порвала ее и швырнула мне в лицо.

— Интересно, почему бы это?

Эйлин улыбнулась и пожала плечами, чертя пальцем на скатерти квадратный узор.

— «Вы, старики и молодые, ответьте, — что такое ад?» — вздохнул Рендер.

— Думаю, ад — это страдание от неспособности любить, — подытожила Эйлин. — Разве Достоевский не прав?

— Сомневаюсь. Я бы порекомендовал ему групповую терапию. Вот это бы для него было настоящим адом. В одной компании со своими вдруг ожившими персонажами.

Рендер поставил чашку на стол, отодвинул кресло.

— Уже собираетесь уходить?

— Мне действительно надо.

— Могу ли я соблазнить вас обедом?

— Да нет.

Она встала.

— Сейчас, только накину пальто.

— Я могу добраться и сам, а потом отправлю машину по обратному монитору.

— Нет! Когда я слышу о том, что по городу разъезжают пустые машины, мне становится страшно. Последние две недели только об этом и говорят. К тому же, — добавила

Эйлин, выходя в сводчатую дверь, — вы обещали мне Винчестерский собор.

— Хотите прямо сегодня?

— Если удастся вас уговорить.

Рендер остановился в нерешительности. Зигмунд поднялся и встал напротив, глядя прямо в глаза человеку. Он несколько раз открывал и закрывал пасть, но не издал ни звука. Потом пес повернулся и вышел из комнаты.

— Нет, — донесся голос Эйлин. — Побудь здесь, пока я не вернусь.

Рендер поднял пальто, надел, спрятав аптечку в карман.

Когда они шли через холл к лифту, Рендеру показалось, что он слышит очень слабый, доносящийся откуда-то издали вой.

Это было единственное место, где Рендер точно знал: он — повелитель всего.

Он не был чужим в этих чуждых мирах, где время застыло, в мирах, где обитают цветы-любовники, а светила воюют друг с другом в небесах и, расколовшись на тысячи осколков, истекая пурпурной кровью, падают на землю, как разбитые кубки, где моря уходят вглубь, ища тайных подземных ходов, и где руки подымаются из пещер, размахивая факелами, пламя которых похоже на зыбкие призрачные лица, — долгий кошмар в зимнюю глухую ночь, когда лето ушло побираться по дорогам; все это было хорошо знакомо Рендеру, ведь он не раз, выбрав подходящий момент, отправлялся в эти миры в научные командировки и провел в них немало прекрасных минут. Одним движением пальца он мог пленять злых волшебников, вершить над ними суд по обвинению в государственной измене, казнить их и назначать им преемников. Ах!..

Но на сей раз, по счастью, это был скорее визит вежливости...

Он шел по лесной прогалине в поисках Эйлин. Он чувствовал ее присутствие повсюду и с каждой минутой все сильнее.

Раздвинув ветви, Рендер вышел на берег озера. Озеро лежало перед ним, холодное, голубое, бездонное, и ма-

ленькая стройная ива, в ветвях которой обычно появлялась Эйлин, отражалась в его поверхности.

— Эйлин!

Деревце качнулось ему навстречу.

— Эйлин! Явись!

Ива обронила несколько листьев, и, упав на зеркальную гладь воды, они разрушили мирно застывшее отражение.

— Эйлин?

Все листья, разом пожелтев, облетели, заколыхались на воде. Деревце застыло. Странный звук раздался в темнеющем небе — словно провода высоковольтной линии загудели в холодный осенний день.

Внезапно двойной ряд лун протянулся по небу. Рендер выбрал одну, дотянулся до нее, нажал. Как только он сделал это, другие луны поблекли, и кругом стало светлее; гул в воздухе смолк.

Рендер обошел озеро кругом, чтобы выгадать для себя небольшую передышку и предупредить обратное воздействие. Потом двинулся между сосен к тому месту, где должен был возникнуть собор.

В ветвях деревьев теперь было слышно птичье пение. Мягко повеял ветер. Присутствие Эйлин ощущалось достаточно сильно.

— Сюда, Эйлин. Сюда.

Она прошла рядом: зеленый шелк платья, отливающие бронзой волосы, глаза как расплавленный изумруд; на лбу у нее тоже было изумрудное украшение.

Мягко ступая по ковру хвои ногами в зеленых туфельках, она спросила:

— Что случилось?

— Ты испугалась.

— Чего?

— Может быть, собора. А ты не ведьма? — Рендер улыбнулся.

— Вообще да, но сегодня у меня выходной.

Он рассмеялся. Взял ее за руку, и они пошли вокруг острова пышной зелени, и там, в глубине, на поросшем шелковистой травой холме, увидели собор — тот рос, раздвигая ветви, тянулся вверх, вот уже показался в небе над вер-

шинами деревьев, гулко вздыхая органными трубами, отражая снопы солнечных лучей.

— Держись крепче, теснее контакт, — сказал Рендер. — Экскурсия начинается.

Они приблизились и вошли.

«...Ряды мощных, как древесные стволы, колонн строго упорядочивают внутреннее пространство», — начал Рендер. — Цитирую по путеводителю. «Взгляните на северный трансепт...»

— «Зеленые рукава», — прервала Эйлин. — Орган играет «Зеленые рукава».

— Верно. Но только я тут ни при чем. «Обратите внимание на зубчатые капители...»

— Подойдем поближе. Мне нравится эта музыка.

— Хорошо. Тогда вот сюда.

Рендер чувствовал, что что-то не так, хотя никак не мог определить, что именно.

Мир кругом по-прежнему казался устойчивым, прочным...

И вдруг что-то гулко ухнуло в небе над собором. Рендер улыбнулся — теперь он наконец понял: произошло нечто вроде оговорки — на мгновение он спутал Эйлин с Джилл, да, вот в чем было дело. Но тогда почему...

Алтарь казался вспышкой ослепительной белизны. Однако раньше его здесь вообще не было. От темных стен, смыкавшихся в вышине, веяло холодом. Свечи мерцали по углам и в высоких нишах. Орган стройно гремел под руками невидимого органиста.

Но Рендер не мог не чувствовать: что-то не так.

Он обернулся к Эйлин: зеленый конус высился у нее на голове, зеленая вуаль ниспадала на волосы тонкими складками. А на шее, плохо различимое в полутьме, было...

— Откуда это ожерелье? Откуда оно?

— Я не знаю, — улыбнулась Эйлин.

Кубок в ее руках мерцал, лучился розовым светом. Пучок отраженного света падал на кубок от лучистого изумруда, словно омывал его волнами прохладного ветра.

— Выпьете? — спросила Эйлин, протягивая кубок.

— Не двигайся, — приказал Рендер.

Он пожелал, чтобы стены рухнули, и они заколыхались в темноте.

— Не двигайся! — повторил Рендер еще более резким тоном. — Стой на месте. Попробуй не думать.

— Падите! — крикнул он.

Обломки стен разлетелись в разные стороны, кровлю сорвало и унесло в небо.

Эйлин и Рендер стояли посреди развалин, освещаемых слабым светом единственной тоненькой свечи. Ночь кругом была черной как смола.

— Почему ты сделал это? — спросила Эйлин, все еще протягивая Рендеру кубок.

— Не думай. Постарайся ни о чем не думать, — сказал он. — Расслабься. Ты слишком устала. Твое сознание еле мерцает сейчас, как эта свеча. Ты едва борешься со сном. Едва стоишь на ногах. Твои глаза закрываются. Здесь мы уже все посмотрели, смотреть больше нечего.

Он приказал свече погаснуть.

Свеча продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпей.

Звуки органа донеслись сквозь ночную тьму. Но строй был уже иным. Рендер слышал его впервые.

— Мне нужна твоя помощь.

— Я готова сделать все, что угодно.

— Взгляни, луна! — Рендер указал на небо.

Эйлин взглянула вверх. Из-за чернильно-черной тучи показалась луна.

— А вот еще и еще...

Луны выплывали одна за другой в темном небе, как низанные на нитку жемчужины.

— Последняя будет красной, — уверенно сказал Рендер.

В небе показалась красная луна. Тогда, протянув правую руку с вытянутым указательным пальцем так далеко, как только мог, Рендер попытался достать красный кружок.

Боль ожога заставила его отдернуть руку. Она безвольно повисла.

— Проснись! — закричал он изо всех сил.

Красная луна исчезла, и белые исчезли вслед за ней.

— Пожалуйста, выпей.

Рендер выбил кубок из ее рук и отвернулся. Но Эйлин вновь стояла перед ним, по-прежнему протягивая ему кубок.

— Выпей.

Повернувшись, Рендер стремглав бросился в обступившую его тьму.

Это было похоже на бег по глубокому снегу. Решение было неправильное. Он допустил ошибку — бег лишь истощал его силы и увеличивал силы Эйлин. Бег истощал силы, отбирал энергию...

Рендер остановился. Кругом была тьма.

— Мир вокруг меня движется, — произнес он. — И я — его центр.

— Пожалуйста, выпей, — сказала Эйлин, и Рендер увидел, что он вновь стоит перед столиком на берегу озера.

Поверхность озера была черной, а луна отливала серебром, высокая и недосыгаемая. В слабом пламени свечи, мерцавшей на столе, волосы и платье Эйлин тоже казались серебряными. На лбу у нее сияла маленькая луна.

На белой скатерти стояла бутылка «Романи-Конти» и широкий бокал. Он был полон, этот бокал, и ожерелье розовой пены вскипало до краев.

Рендера мучила жажда, а Эйлин была прекрасней, чем всегда, — изумруд на ее груди сиял, с озера повеяло прохладой, и было что-то во всем этом... что-то такое знакомое...

Он шагнул к ней, и сталь доспехов тихонько звякнула. Рендер потянулся к бокалу, но боль в правой руке была слишком сильной.

— Ты ранен!

Рендер медленно опустил взгляд.

Кровь текла из открытой раны на плече, стекала, капала с кончиков пальцев. Латы, закрывавшие плечо, были рассечены.

Он заставил себя отвести взгляд.

— Выпей это, любовь моя. Этот напиток излечит тебя. — Эйлин встала. — Я подержу бокал.

Рендер пристально следил, как она подносит бокал к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Эйлин молчала, но что-то — легкий всплеск, донесшийся с озера, — ответило ему:

— Ты — Рендер, Ваятель.

— Да, помню, — сказал Рендер и, как за соломинку, цепляясь за ту ложь, которая одна могла разрушить иллюзию, заставил себя выговорить: — Эйлин Шеллот, я ненавижу тебя.

Мир вокруг содрогнулся, словно сотрясаемый судорожными рыданиями.

— Чарльз! — вскрикнула Эйлин, и тьма мгновенно обступила обоих. — Проснись!

— Проснись! — кричал он, снова чувствуя жгучую боль от кровоточащей раны.

Теперь он стоял один посередине белой равнины — безмолвной, бескрайней. Она полого уходила к горизонту — туда, где кончался мир. Поверхность ее светилась, а вместо неба над головой было ничто. Ничто. Он был один. И эхо его собственного голоса донесло от пределов мира: ...ненавижу, ненавижу...»

Он упал на колени. Он знал теперь, что он — Рендер. И ему хотелось плакать.

Красная луна взошла над равниной, заливая бледным, мертвенно-бледным светом все пространство. Скалы отвесной стеной поднимались справа и слева.

Рендер поднял правую руку. Поддерживая больную кисть левой рукой, он вытянул указательный палец и дотянулся до луны.

И тогда из-за скал донесся скорбный вопль — нечеловеческий, полный угрозы, и одинокой тоски, и боли.

Рендер увидел, как, ступая по вершинам скал, сметая с них снежные лавины своим хвостом, бежал, объятый яростью, последний человек-волк, последний великий оборотень Севера — Фенрир, сын Локи.

Взметнувшись в небо, он проглотил луну — и опустился рядом с Рендером.

Его огромные глаза горели желтым огнем. Бесшумно ступая, он крался по равнине, по морозным белым полям, окружавшим скалы; и Рендер обратился в бегство: он

бежал то вверх, то вниз по склонам холмов, по расщелинам и ущельям гор, пересекал долины, преодолевая леса сталагмитов и горные пики, — бежал через ледники и по руслам замерзших рек, все вниз и вниз, пока не почувствовал сзади горячего дыхания и не увидел, как разверзлась над ним огромная хохочущая пасть.

Тогда ноги его стали двумя светящимися реками, уносящими его прочь. Одним рывком он оставил весь мир позади и теперь скользил вниз по склону — все вниз и вниз, все быстрее и быстрее...

Прочь...

Он оглянулся.

Серый призрак прыжками неся за ним.

Рендер почувствовал, что он может в любой момент сократить разделяющее их расстояние. Надо было двигаться быстрее.

Все мелькало и кружилось вокруг. Начал падать снег.

Он мчался вперед. Впереди ломаным контуром обрисовалось темное пятно.

Он мчался вперед, разрывая снежную завесу, — казалось, что снежинки теперь падают не сверху вниз, а, наоборот, снизу вверх, как поднимающиеся в воде пузырьки.

Он приближался к обломкам. Он приближался к ним, подобно ныряльщику, который не может крикнуть, чтобы не захлебнуться, — ведь тогда он уже не узнает, никогда не узнает...

Движение вперед стало неконтролируемым, неподвластным ему, словно на волне прилива. Наконец он приблизился и остановился.

Есть вещи, которые не меняются. Вещи, которые давно перестали существовать в вещном мире и одиноко стоят среди не внесенных ни в один календарь событий, выпав из потока, именуемого Время.

Рендер стоял перед обломками, и ему было уже все равно, даже если бы Фенрир прыгнул сейчас ему на плечи и выгрыз его мозг. Он закрыл глаза, но и это сейчас не могло помешать ему видеть. Не могло заставить его думать о чем-то другом.

Перед ним лежала умершая, и большая, часть его самого.

Раздался вой. Серая тень взметнулась в воздух. Сумрачно блеснули глаза, и окровавленные клыки впились в обломки машины, сминая сталь, дробя стекло...

— Нет! Чудовище! Пожиратель трупов! — крикнул Рендер. — Мертвые — это святыня! *Мои* мертвые для меня — святыня!

В руках его оказался скальпель, и он яростно и умело впился стальным острием в жилистую плоть, в напрягшиеся мускулистые плечи, в мягкое брюхо, рассекая прочные, как канаты, артерии.

Пот и слезы, мешаясь, текли по его лицу, пока он пластовал тушу чудовища, расчленяя ее, и кровь текла потоками, заливая искореженный остов и мертвые тела в нем, сочились адские животные соки, и вот уже вся равнина кругом корчилась, окрасившись в зловещий красный цвет.

Рендер упал ничком на смятый капот, и тот показался ему мягким, теплым и сухим. Он лежал, тихо всхлипывая.

— Не плачь, — сказала она.

И Рендер увидел, что он стоит, опершись на ее плечо, крепко обняв ее, на берегу черного, как смола, озера, а луна в небе словно сошла с росписи веджвудского фарфора.

Пламя свечи слабо колыхалось над столом. Она поднесла бокал к его губам.

— Пожалуйста, выпей!

— Да, я хочу пить!

Он одним залпом осушил бокал, и вино мягким струящимся светом растеклось по его телу. Оно согрело, и Рендер ощутил, как силы возвращаются к нему.

— Я...

— Ты — Рендер, *Ваятель*, — всплеском отозвалось озеро.

— Нет!

Он снова повернулся и бросился прочь, ища взглядом разбитый остов машины. Он должен был быть там, он должен был вернуться...

— Ты не можешь.

— Могу! — крикнул он. — Могу, если попытаюсь...

Желтые языки пламени прошили душный воздух. Как желтые змеи, они обвивались вокруг его ног.

И вот, колыхаясь в сумрачном мареве, показалась огромная, как башня, двухголовая фигура Врага.

Осыпь мелких камней прошуршала сзади. Невыносимый запах впился в его ноздри, ударил в голову.

— Ваятель! — прорычала одна из голов.

— Ты вернулся, чтобы рассчитаться со мной! — проревела другая.

Рендер глядел, вспоминая.

— Мне ничего от тебя не нужно, Таумиель, — сказал он. — Я уже победил тебя и сковал цепями для... для Ротмана, да, это был Ротман, каббалист.

Он начертал в воздухе пентаграмму.

— Возвращайся в Клипот. Я изгоняю тебя.

— Клипот — здесь!

— ...Именем Хамаэля, ангела крови, именем Элохима Гебора, всеми силами небесными заклинаю тебя и приказываю тебе исчезнуть!

— На этот раз не выйдет! — Обе головы захохотали.

Чудовище двинулось на Рендера.

Он отступал шаг за шагом, и желтые змеи обвивались вокруг его ног, а за спиной разверзлась бездна. Мир был похож на загадочную мозаику, рассыпающуюся по частям. Рендер видел, как они смешиваются в беспорядке.

— Сгинь!

Ревущий хохот двух голов был ему ответом.

Рендер запнулся.

— Сюда, любовь моя!

Она стояла у входа в небольшую пещеру справа от него.

Рендер покачал головой и продолжал отступать к разверзшейся сзади бездне.

Таумиель ринулся вперед. Рендер покачнулся на краю.

— Чарльз! — раздался пронзительный женский крик, и мир распался на куски от рыданий.

— Что ж. Значит, Vernichtung, — откликнулся Рендер, уже падая. — Я спешу к тебе, во тьму.

Все оборвалось.

— Я хочу видеть доктора Чарльза Рендера.

— Очень жаль, но это невозможно.

— Я просто с ног сбился, пока его искал. Хотел его по-

благодарить. Он сделал из меня другого человека, понимаете! Он изменил мою жизнь!

— Очень жаль, мистер Эриксон, но я еще утром, когда вы звонили, сказал — это невозможно.

— Сэр, я — Представитель Эриксон, когда-то Рендер оказал мне огромную услугу.

— А теперь ваша очередь. Поезжайте домой.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать!

— Имею. Пожалуйста, оставьте его в покое. Может быть, через год...

— Всего несколько слов могут сделать настоящее чудо...

— Вот и поберегите их!

— Что ж... извините...

Это было красиво: море, как влага, выплеснувшаяся из огромного кубка, дымилось и розово переливалось в лучах зари, — но он знал, что скоро это должно кончиться. А следовательно...

Он спустился по узкой лестнице башни и вошел во двор. Подойдя к увитой розами беседке, заглянул внутрь, где посередине на грубом соломенном ложе лежал рыцарь, и сказал:

— Приветствую вас, милорд.

— Приветствую тебя, — отозвался рыцарь.

Кровь сочилась у него из раны и, блестя на латах, стекла и капала с кончиков пальцев. Кровь пропитала землю, забрызгала цветы и траву.

— Как ваше здоровье, милорд?

Рыцарь покачал головой.

— Моя надежда истекает кровью.

— Но близок ожиданию конец.

— Что ты хочешь этим сказать? — Рыцарь приподнялся и сел.

— Корабль. Там, в море, показались паруса.

Рыцарь встал, прислонившись к обомшелому стволу.

Голос слуги, широкоплечего, бородатого, звучал хрипло, по-варварски грубо.

— Как черный лебедь перед бурей, он стремится назад — в свое гнездо.

- Черный, ты сказал? Черный?
 - Паруса его черны, лорд Тристан!
 - Ты лжешь!
 - Желаете взглянуть? Взгляните сами!
- Слуга указал в сторону моря.

Земля под ногами вздрогнула, мир пошатнулся. Пыль взвилась и осела. С того места, где они стояли, был виден корабль, спешивший к пристани под черными, как ночь, парусами.

- Нет! Ты солгал! Смотри — они белые!

Свет зари плясал на водной ряби. Тени бежали, рассекаемые парусами.

- Что за чушь! Черные! Они должны быть черными!

— Белые! Они белые!.. Изольда, ты верна мне! Ты вернулась!

И рыцарь бегом бросился к пристани.

- Вернитесь!.. Ваша рана!

Корабль под белыми парусами приближался к берегу в лучах солнца, похожего на красную кнопку. Слуга быстро нажал ее.

И пала тьма.

СОДЕРЖАНИЕ

НОЧЬ В ОДИНОКОМ ОКТЯБРЕ. Роман	
<i>Перевод А. Жикаренцева</i>	5
ДВЕРИ В ПЕСКЕ. Роман	
<i>Перевод В. Гольдич, И. Оганесова</i>	209
ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ. Роман	
<i>Перевод В. Карташовой</i>	419
ТЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. Роман	
<i>Перевод М. Воронежской</i>	573
МАСТЕР СНОВ. Роман	
<i>Перевод В. Симонова</i>	671

Литературно-художественное издание

Роджер Желязны
ДВЕРИ В ПЕСКЕ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Д. Фирстов*
Корректор *М. Суховицкая*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Дэвида Матингли*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнс»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнс»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых монтажей 30.03.2005.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. офс.
Усл. печ. л. 43,68. Уч.-изд. л. 40,0.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ 3684.

Отпечатано с готовых диалозитивов издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

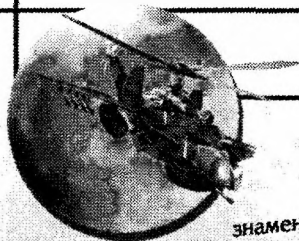

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов –
знаменитый писатель-фантаст!

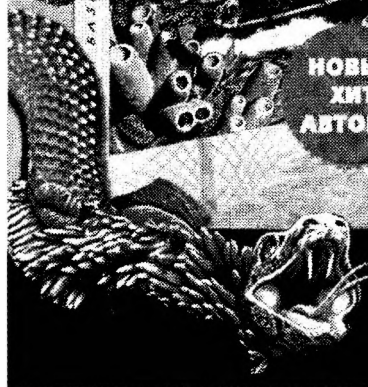
Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны
называют Орлова «русским
Эдмоном Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре –
«фантастический боевик»!

**НОВЫЙ
ХИТ
АВТОРА!**

Также в серии:
«Охотники за головами»,
«Бросок Саламандры»

ВАДИМ ПАНОВ

ТАИНЫЙ ГОРОД

**КАКИЕ ТАИНЫ
хранят городские подземки...**

**ПОЧЕМУ
в современном мегаполисе
бесследно исчезают люди...**

**У КОГО
из твоих соседей два сердца...**

ОТВЕТ В КНИГАХ

www.vadimpanov.ru
www.t-grad.com

Книги серии

«Войны начинают неудачники. Командор войны»,
«Атака по правилам. Все оттенки черного»,
«И в аду есть герои. Наломницы Ненависти»,
«Нуколла Последней Надежды», «Тень Инквизитора»,
«Кафедра Странников»

«Правила крови» — НОВИНКА ОКТЯБРЯ!

На грани реальности

Издательство «Эксмо» представляет

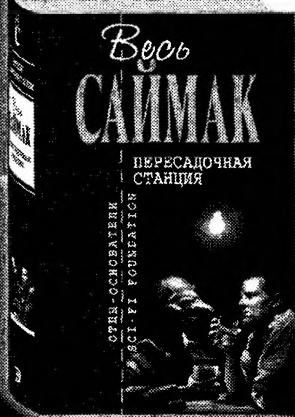
Клиффорд

САЙМАК

ВС

В СЕРИИ
«ОТЦЫ –
ОСНОВАТЕЛИ»

Клиффорд Саймак – патриарх научно-фантастического жанра, один из крупнейших американских фантастов, автор свыше тридцати романов, лауреат многочисленных литературных премий, в том числе и самой престижной в американской фантастике премии «Хьюго».

Также в серии:
«Игрушка судьбы»

В серии «Отцы-основатели» выйдет полное собрание сочинений К. Саймака!

www.eksmo.ru

В
Ж

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Весь
ЖЕЛАЗНЫ

ДВЕРИ
В ПЕСКЕ

ISBN 5-699-04480-9

9 785699 044801 >

